

Reg 491.71 (082)
У-945

ДѢТСВІЙ МІРЪ

И

ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ
ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

(Исправленное и дополненное, съ 4ми таблицами рисунковъ.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

*(Допущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ
гимназій и въ уѣздныхъ училищахъ.)*

ЦѢНА ЗА ДВѢ ЧАСТИ 1 р. 50 к.; для учебныхъ заведеній дѣлается
ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮСАФАТА ОГРИЗКО.

1861.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ГОС. НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им.
Н. Д. Ушинского

77-4366 рсг

nr 2011

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18-го февраля
1861 года.

Ценсоръ *Обертъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Къ первому изданію).

Появленіе «Дѣтскаго Міра» вызвано современною потребностію по первоначальному преподаванію русскаго языка въ младшихъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній. На сколько угадалъ я эту потребность и на сколько сумѣлъ удовлетворить ей, судить не мнѣ; но такъ-какъ въ системѣ этой книги, вслѣдствіе ея особеннаго назначенія, много своеобразнаго, то я считаю необходимымъ вполне уяснить въ предисловіи основанія, руководившія моимъ трудомъ.

Въ настоящее время въ нашемъ учебномъ мірѣ довольно уже распространена та совершенно справедливая мысль, что, при изученіи отечественнаго языка, знакомству съ грамматическими правилами должно предшествовать знакомство съ самымъ языкомъ и практической навѣкъ въ его правильномъ употребленіи. Сколько мнѣ извѣстно, въ младшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній (въ которые только поступаютъ дѣти отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ), обученіе отечественному языку начинается *чтеніемъ и разказами прочитаннаго*. Но при такомъ занятіи сами собою рождаются вопросы: что и какъ читается и рассказывается, и существуютъ ли для этого особенная метода и особенное руководство? Конечно, читать для упражненія въ чтеніи можно все; но далеко не все изъ прочитаннаго можетъ быть рассказано десятилѣтними читателями, и далеко не все можетъ быть объяснено имъ учителемъ съ одинаковою пользою. Иная статья, написанная очень красивымъ языкомъ, въ то же время до того лишена всякаго содержанія, что ученикъ не можетъ уловить въ ней ни одной ясной и опредѣленной мысли, и даже самъ учитель не рѣдко затрудняется сдѣлать ученику какойнибудь вопросъ о прочитанномъ, — вопросъ, предполагающій возможность положительнаго и скольконибудь дѣльнаго отвѣта. Понятно, что ученикъ, желая передать содержаніе такой статьи, поневолѣ старается, за неимѣніемъ опредѣленной мысли, вспомнить фразы и слова, и понятно также, что такой рассказъ прочитаннаго не только бесполезенъ, но даже вреденъ. Другаго рода статьи отличаются совершенно противоположнымъ недостаткомъ — въ нихъ слишкомъ много содержанія для десятилѣтняго читателя, или это содержаніе такого рода, что для уясненія его требуется слишкомъ много толкованій со стороны учителя, толкованій, заимствованныхъ изъ разныхъ наукъ и изъ разныхъ сферъ жизни, вовсе незнакомыхъ маленькому читателю. Если же, наконецъ, въ нашихъ дѣтскихъ хрестоматіяхъ и книгахъ для чтенія можно найти нѣсколько статей, имѣющихъ дѣльное и притомъ доступное десятилѣтнему ученику содержаніе, то эти статьи, не находясь ни въ какой связи между собою, вызываютъ столь же безсвязныя и случайно появляющіяся толкованія.

Присутствуя часто при такихъ чтеніяхъ и разсказахъ, я убѣдился въ необходимости особенной книги, именно назначенной для того, чтобы десятилѣтній ученикъ могъ читать ее и разсказывать ея содержаніе, а учитель могъ сопровождать эти чтенія систематически связанными между собою толкованіями, доступными и полезными для ученика такого возраста.

Но какова же должна быть книга, назначенная для этой цѣли? Вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по взгляду на самое значеніе чтеній и разсказовъ.

Одни видятъ въ нихъ только упражненія въ языкѣ, соединенныя съ постепеннымъ практическимъ изученіемъ грамматики; другіе полагаютъ, что чтеніями и разсказами должно пользоваться, какъ средствомъ умственной гимнастики; третьи, наконецъ, думаютъ, что, достигая двухъ упомянутыхъ цѣлей, преподаватель, кромѣ того, долженъ при чтеніяхъ и разсказахъ стараться сообщить ученикамъ возможно болѣе полезныхъ свѣдѣній.

Если цѣль чтеній и разсказовъ прочитаннаго есть только практической навѣкъ въ языкѣ, то естественно, что для такихъ чтеній годны всякаго рода статьи, которыя только по содержанію своему доступны дѣтямъ и написаны правильнымъ русскимъ языкомъ. Но мнѣ кажется, что такой взглядъ на чтеніе и разсказы не совершенно справедливъ.

Языкъ не есть что либо отрѣшенное отъ мысли, а напротивъ — органическое ея созданіе, въ ней коренящееся и безпрестанно изъ нея вырастающее; такъ что тотъ, кто хочетъ развивать способность языка въ ученикѣ, долженъ развивать въ немъ прежде всего мыслящую способность. Развивать языкъ отдѣльно отъ мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно предъ мыслию положительно вредно. Если при такомъ исключительно *формальномъ* направленіи и можно достигъ какихъ нибудь результатовъ, то только результатовъ призрачныхъ и даже вредныхъ. Привычка чисто, гладко и изящно болтать всякій вздоръ и связывать ловкими фразами пустыя, вовсе одна изъ другой не вытекающія мысли, есть одна изъ самыхъ дурныхъ человѣческихъ привычекъ, и воспитатель долженъ искоренять ее, а не содѣйствовать ея развитію. Въ этомъ отношеніи много зла приноситъ самымъ талантливымъ дѣтямъ излишняя снисходительность родителей къ дѣтской болтовнѣ и то слишкомъ раннее изученіе иностранныхъ языковъ, при которомъ обращается все вниманіе на грамматическую правильность рѣчи, а не на ея логическую и фактическую смыслъ.

Кромѣ того не трудно убѣдиться, что формальное изученіе языковъ противорѣчитъ и самой природѣ дитяти. Дитя, если оно еще не испорчено ложнымъ воспитаніемъ, не склонно къ фразамъ: его прежде всего увлекаетъ самая мысль, содержаніе, явленіе, фактъ, а не форма выраженія мысли. Нельзя придумать болѣе неприличнаго для дитяти, болѣе старческаго занятія, какъ забота объ отдѣлкѣ формъ. Это роскошь, желаніе которой приходитъ уже тогда, когда содержанія въ умѣ много, когда новое перестаетъ насъ сильно занимать; а для ребенка весь міръ еще новъ и занимателенъ.

Я полагаю даже, что одно формальное изученіе языка не достигаетъ и своей односторонней цѣли. Форма мысли тогда только хороша, когда человѣкъ создаетъ ее самъ, вмѣстѣ съ мыслию, когда она органически вырастаетъ изъ мысли, а не тогда, когда она выхвачена изъ какой нибудь книги, будь это даже сочиненіе образцоваго писателя. Преимущественное изученіе образцовыхъ писателей, введенное во французскихъ школахъ, много имѣло вліянія на легкость и красоту изложенія, которыя такъ замѣчательны во всякомъ французѣ, получившемъ хорошее французское воспитаніе; но не является ли это же самое изу-

ченіе одною изъ причинъ того замѣчательнаго безплодія, которымъ поражена современная французская литература, и того разлада между фразою и мыслию, который такъ замѣтенъ въ современныхъ французскихъ писателяхъ? Безчисленное множество готовыхъ, удачныхъ оборотовъ, ловкихъ фразъ, остроумныхъ сближеній, выработанныхъ самостоятельно писателями, наполняя голову ученика, предлагаютъ ему всегда готовую и красивую оболочку для какой угодно пустой или ложной мысли; но потому именно сама эта мысль часто остается бѣдною и пустою, а скрывающаяся въ ней пустота и ложь, прикрытыя блестящей одеждой, взятой на прокатъ, долго не выходятъ наружу.

Но если одно практическое упражненіе въ языкѣ оказывается недостаточнымъ при чтеніяхъ и разказахъ, то не вполнѣ достигнетъ разумной цѣли воспитанія и тотъ, кто будетъ видѣть въ нихъ одну гимнастику ума. Развивать умъ можно также *формально* и *реально*. Умственная гимнастика развиваетъ умъ формально; одни только *положительныя*, совершенно усвоенныя умомъ знанія, преобразившіяся въ идеи, развиваютъ его реально. Но хотя формальное развитіе разсудка конечно гораздо полезнѣе одного формальнаго развитія способности языка; однако же я полагаю, что и въ этомъ отношеніи односторонность вредна. Если исключительно *язычное* ученіе можетъ воспитывать пустыхъ говорунцовъ, то односторонняя разсудочная гимнастика, для которой все равно, надъ чѣмъ бы разсудокъ ни упражнялся, только бы упражнялся, воспитываетъ поверхностныхъ резонеровъ, — людей, готовыхъ разсуждать о какомъ угодно, даже вовсе имъ неизвѣстномъ предметѣ, потому что въ головѣ ихъ всегда много готовыхъ разсудочныхъ категорій, могущихъ принять сегодня одно, а завтра другое содержаніе. Умственная гимнастика безспорно развиваетъ силы ума; но — если можно такъ выразиться — портитъ его характеръ: приучаетъ его къ безслѣдному перемалыванію мыслей, цѣлью котораго является не самое дѣло, не результатъ, а та же умственная гимнастика.

Никто конечно не станетъ доказывать, что упражненія въ языкѣ и умственная гимнастика вредны сами по себѣ: вредна только ихъ односторонность, вредно отсутствіе въ нихъ реального содержанія. Я хотѣлъ высказать только, что какъ умственная, такъ и словесная гимнастика должны упражнять умственные и словесныя силы ученика надъ какимъ нибудь реальнымъ, положительнымъ знаніемъ; что главною цѣлью этихъ упражненій должно быть полное усвоеніе и ясное выраженіе самаго знанія, при чемъ побочнымъ образомъ будутъ упражняться и умственные силы, и способности слова. Это мнѣніе мы не выдаемъ за новое: уже и теперь мы имѣемъ преподавателей русскаго языка, которые пользуются чтеніемъ и разказами прочитаннаго не только для практическихъ упражненій въ языкѣ, не только для умственной гимнастики, но и для того, чтобы въ такъ называемомъ *вещественномъ разборѣ* сообщать ученикамъ положительныя, полезныя и доступныя для нихъ знанія.

Однако же я не согласенъ съ тѣми преподавателями русскаго языка изъ этой послѣдней категоріи, которые видятъ въ самыхъ знаніяхъ цѣль такихъ чтеній и объясненій. *Не самое знаніе, а идея, развиваемая въ умѣ дитяти усвоеніемъ того или другаго знанія, — вотъ что должно составлять зерно, сердцевину, послѣднюю цѣль такихъ занятій. Вокругъ этого ядра должны органически наростать логическая и умственная оболочки;* такъ чтобы словесныя и логическія упражненія не были только правильною постройкою пустыхъ или ложныхъ фразъ, ни логическою диалектикою безъ содержанія. Составляя мою книгу, я имѣлъ въ виду именно такого рода преподаваніе, и хотѣлъ облегчить ея трудъ преподавателямъ, раздѣляющихъ такое воззрѣніе на значеніе чтеній и разсказовъ въ классахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ усилить вліяніе ихъ полезной

дѣтельности, сохранивъ системою моеи книги ихъ многочисленныя объясненія въ умѣ и памяти дѣтей.

Если преподаватель, руководясь случайнымъ сопоставленіемъ читаемыхъ въ классѣ разсказовъ, толкуеть ребенку сегодня объ огнедышащей горѣ, завтра о благодарности, послѣзавтра о крокодилѣ или желѣзной дорогѣ, а иногда въ одинъ и тотъ же классъ, вынуждаемый необходимостью объяснять встрѣчающіяся слова, толкуеть о множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ: то конечно не имѣеть онъ права требовать, чтобы ученики помнили его объясненія, и не можетъ ожидать, чтобы въ умахъ ихъ построилось сколько нибудь систематическое знаніе, а тѣмъ болѣе систематически развитая идея.

Руководясь тою мыслію, что при чтеніяхъ и разсказахъ прежде всего должно быть сообщаемо ученику какое нибудь положительное знаніе, дающее ему идею, и вмѣстѣ съ тѣмъ упражняема его мыслительная и словесная способность надъ этою идеею, я задалъ себѣ вопросъ: какого же рода должны быть эти знанія и идеи? Что выбрать изъ обширной области человѣческихъ знаній и человѣческихъ идей для этихъ первыхъ упражненій въ мысли и въ отечественномъ языкѣ?

Разсказы историческіе положительно не годятся для этой цѣли: десятилѣтняго ребенка нѣтъ возможности возвысить до правильнаго пониманія великихъ историческихъ личностей и великихъ историческихъ событій; а понижать эти личности и событія до уровня дѣтскаго пониманія — значить уродовать исторію, что не только бесполезно, но положительно вредно. Разсказы же историческихъ анекдотовъ тоже не имѣють никакой цѣли, потому что самые эти анекдоты имѣють значеніе только по отношенію къ тѣмъ личностямъ, которыя въ нихъ играютъ роль.

Отрывки изъ путешествій также не годятся для первоначальныхъ чтеній: каждая мѣстность въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется глазамъ путешественника, заключаетъ въ себѣ для десятилѣтняго читателя множество явленій, требующихъ объясненія. Явленія эти, систематически и то не безъ труда объясняемыя въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ наукахъ, при чтеніи должны быть объяснены все вмѣстѣ, въ смѣшеніи, или — остаться вовсе необъясненными. Но бессознательное чтеніе и даже поверхностныя объясненія, данныя кое-какъ, я считаю вредными: главное назначеніе первоначальной школы именно состоитъ въ томъ, чтобы пріучить новаго ученика къ отчетливости и основательности въ пониманіи. Кромѣ того вовсе не педагогически поступаетъ тотъ, кто, стараясь объяснить маленькому читателю каждое слово, навязываетъ на небольшой и иногда пустой разсказъ, цѣлый томъ разнообразнѣйшихъ словесныхъ толкованій. Такъ объяснять можно развѣ только Гомера, да и то не десятилѣтнимъ дѣтямъ*).

Сцены изъ дѣтской жизни, хотя ихъ часто помѣщаютъ въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ, занимательнѣе для насъ, чѣмъ для дѣтей. Умиляясь наивностію дѣтей, мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что эта наивность также умилительна для самихъ дѣтей. Мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ о своемъ дѣтствѣ; но дѣти смотрятъ впередъ, и если оглядываются на самихъ себя, то вовсе не тѣми глазами, какими мы на нихъ смотримъ.

Вводитъ начинающихъ читателей въ міръ общественныхъ отношеній я нашелъ также бесполезнымъ и затруднительнымъ: во-первыхъ потому, что этотъ міръ вовсе не можетъ служить образцомъ безыскусственности и истины; а во-вторыхъ потому, что онъ есть произведеніе

*) Книга, состоящая изъ историческихъ и географическихъ отрывковъ, равно какъ и описаній различныхъ техническихъ производствъ, можетъ быть полезна для дѣтей старшаго возраста и то не какъ книга для класснаго чтенія, а какъ пособіе при изученіи исторій и географіи.

множества исторических и нравственных причинъ, объясненіе которыхъ часто недоступно, а иногда даже и вредно для ребенка. Здѣсь поневолѣ должно было бы допустить ложныя толкованія или дать мѣсто критикѣ и отрицательному направленію. Отрицательное же направленіе всего несвойственнѣе человѣку въ томъ возрастѣ, въ которомъ все должно быть создаваемо, а разрушать нечего.

Перебравъ такимъ образомъ всѣ роды предметовъ, избираемыхъ обыкновенно для дѣтскихъ чтеній, я остановился на предметахъ естественной исторіи. Къ этому побудило меня нѣсколько причинъ. *Во-первыхъ* — наглядность предметовъ. Дитя, начинающее учиться, должно не только понимать то, что читаетъ, но правильно и зорко смотрѣть на предстоящій предметъ, замѣчать его особенности, словомъ — учиться не только *думать*, но и *созерцать*, и прежде даже созерцать, чѣмъ думать. Наглядное обученіе должно бы, конечно, предшествовать умственнымъ упражненіямъ и начинаться въ самомъ раннемъ возрастѣ, прежде еще, чѣмъ ребенокъ выучится читать. Но такъ какъ этого у насъ почти нигдѣ еще нѣтъ, и дѣти, поступающія въ уѣздныя училища, гимназій и другія среднія учебныя заведенія, рѣшительно не подготовлены къ книжному ученію наглядными упражненіями: то я и полагаю весьма полезнымъ, сколько возможно, восполнить этотъ недостатокъ въ самой школѣ при первоначальныхъ чтеніяхъ. Понимая очень хорошо, что наглядное обученіе должно сопровождаться не чтеніями, а изустными вопросами и разказами со стороны учителя, для руководства котораго въ этомъ отношеніи составлено въ Германіи такое множество книгъ, я тѣмъ не менѣе полагаю возможнымъ, въ случаѣ недостатка подготовительнаго нагляднаго обученія, соединить его съ первоначальнымъ чтеніемъ. Лучше сдѣлать чтонибудь, чѣмъ ничего, и когданибудь, чѣмъ никогда. Самыя же чтенія, прерываемыя разсмотрѣніемъ предмета, толкованіями на самомъ предметѣ и маленькими опытами, производимыми тутъ же въ классѣ, выиграютъ въ живости и занимательности. *Вторая причина*, почему я выбралъ для «Дѣтскаго Міра» преимущественно предметы изъ естественной исторіи, состоитъ въ томъ, что считаю эти предметы самыми удобными для того, чтобы приучить дѣтскій умъ къ логичности, что и составляетъ главную цѣль чтеній и разказовъ. По моему убѣжденію, логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для дѣтей.

Но, остановившись на предметахъ естественной исторіи, должно было еще рѣшить вопросъ: какимъ путемъ знакомить дѣтей съ этими предметами: облечь ли ихъ въ дѣтскую, полусказочную, занимательную форму, или прямо знакомить дитя съ серьезнымъ содержаніемъ предмета? Перебравъ множество анекдотическихъ и живописныхъ разказовъ изъ естественной исторіи, которые ежегодно появляются въ Германіи десятками, я пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ они или даютъ очень мало реального содержанія, или предполагаютъ слишкомъ обширныя толкованія со стороны преподавателя, и что, во всякомъ случаѣ, они годятся для *дѣтской* книги, но не для книги, назначенной для *класснаго чтенія*, которая должна отдавать преимущество реальному содержанію передъ живописностію формы. Увлечательность формы должна быть характеристическою чертою дѣтской книги, тогда какъ дѣльность содержанія должна быть характеристическою чертою книги, назначенной для *класснаго чтенія*. Конечно, крайности вредны въ обоихъ этихъ направленіяхъ; но въ книгѣ для *класснаго чтенія* содержаніе *нигдѣ* не должно приноситься въ жертву занимательности, такъ что такая книга должна быть только *по возможности* занимательною.

Кромѣ того, *класснаго* времени такъ мало, что грѣхъ тратить его на чтеніе сказокъ и побасенокъ, и вообще я думаю, что дѣтей десяти-

лѣтняго возраста должно уже приучать къ серьезному труду, соразмѣрному конечно съ ихъ силами и съ ихъ пониманіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прежняя схоластическая метода ученія губительно дѣйствовала на умъ; но причина этого лежала не въ серьезности занятія, а въ его безсмыслии. Но если зубреніе часослова и псалтыря дѣйствовало вредно на умственное развитіе, то шутовская, потѣшающая дѣтей педагогика разрушаетъ характеръ человѣка въ самомъ зародышѣ. Ученіе есть трудъ и должно остаться трудомъ, но трудомъ полнымъ мысли, такъ чтобы самый интересъ ученія зависѣлъ отъ серьезной мысли, а не отъ какихъ нибудь неидушихъ къ дѣлу прикрасъ. Книга же для первоначальнаго класснаго чтенія должна быть, какъ мнѣ кажется, преддверіемъ серьезной науки; такъ чтобы ученикъ, прочитавъ ее съ учителемъ, приобрѣлъ любовь къ *серьезному* занятію наукою.

Отъ учителя зависитъ оживить серьезный рассказъ, во-первыхъ, *наглядностію*, показывая дѣтямъ самый предметъ, съ тѣмъ, чтобы они, глядя на него, могли не только припоминать прочитанное, но и дополнять его изъ непосредственнаго созерцанія; во-вторыхъ, *разнообразіемъ и живостію вопросовъ*, извлекая изъ каждаго ученика отдѣльно и изъ цѣлаго класса вмѣстѣ содержаніе всего того, что было прочитано и рассмотрѣно. Маленькій анекдотъ, шуточный рассказъ, какъ минуты отдыха для учениковъ, конечно, не повредятъ дѣлу; но они гораздо живѣе дѣйствуютъ на дѣтей, если будутъ услышаны ими изъ устъ учителя, а не вычитаны изъ книги. Ребенокъ рѣдко потѣшается тѣмъ, что читаетъ въ книгѣ, и даже часто не улыбнется, читая самые смѣшные рассказы.

Но что же выбрать изъ обширной области естественныхъ наукъ? Выбирать ли предметы наиболѣе занимательные или научно разъяснять тѣ, съ которыми уже наглядно знакомъ ученикъ? При этомъ выборѣ я также руководствовался прежнею мыслию, и выбиралъ преимущественно предметы и явленія, окружающіе дитя, и ему болѣе или менѣе знакомые. Я думаю, что не съ курьезами и диковинками науки должно въ школѣ знакомить дитя, а напротивъ, приучить его находить занимательное въ томъ, что его безпрестанно и повсюду окружаетъ, и тѣмъ самымъ показать ему на практикѣ связь между наукою и жизнію. Вотъ на какомъ основаніи я охотнѣе знакомя дитя съ хвойнымъ лѣсомъ, съ домашними животными, съ самыми обыкновенными металлами, чѣмъ съ электрическимъ угремъ, тропическими колибри, съ мухоловкою и другими диковинками природы, о которыхъ дитя съ удовольствіемъ и само прочтетъ въ какой нибудь дѣтской книжкѣ.

Теперь нѣсколько словъ о порядкѣ изложенія. Излагать безъ связи описанія тѣхъ или другихъ естественныхъ предметовъ и явленій, значило бы только бесполезно утомлять дѣтскую память: излагать систему естественныхъ наукъ, не познакомивъ съ ея частностями, значило бы нарушать основное правило здравой педагогики. Между этими двумя крайностями я старался найти средину, т. е. изложивъ сначала отрывочно нѣсколько естественныхъ предметовъ, сравнивалъ ихъ потомъ между собою и наконецъ сводилъ эти частности по возможности въ одну систему. Съ этою цѣлью послѣ изложенія каждаго царства природы, я помѣщалъ въ статьѣ, подъ названіемъ «Кунсткамера», раздѣленной на нѣсколько главъ, небольшую систематику, основою которой служатъ предметы, уже знакомые ребенку. Если эти небольшія системы только что читать, то онѣ конечно покажутся скучными и утомительными; но, если при этомъ дать ученикамъ образчики земель и минераловъ, раковинъ, фигуры или по крайней мѣрѣ картины, изображающія предметы, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, и поручить дѣтямъ привести все это въ порядокъ: то я увѣренъ, что эти скучныя въ чте-

ни статьи сдѣлаются для дѣтей занимательными. Если ученикъ съумѣетъ привести въ порядокъ всѣ эти изображенія и образчики, объяснивъ притомъ, почему онъ назначаетъ тому или другому предмету то или другое мѣсто, то цѣль этихъ статей, посвященныхъ системѣ, будетъ вполне достигнута. Онѣ не только будутъ служить очень хорошимъ повтореніемъ прочтеннаго, но и сообщать ученику наглядное представленіе о родахъ и видахъ, о признакахъ предмета, случайныхъ и существенныхъ, видовыхъ и родовыхъ, о понятіи, опредѣленіи, сужденіи и другихъ логическихъ основахъ не только грамматики, но и всякой другой науки.

Отсутствіе изученія логики въ нашихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ составляетъ весьма замѣтный и значительный пробѣлъ. Прежняя схоластическая логика, основанная на аристотелевскихъ категоріяхъ, конечно, не достигала своей цѣли; но и отсутствіе изученія всякой логики также оказалось вреднымъ. Вотъ почему я старался воспользоваться въ «Дѣтскомъ Мирѣ» наглядною логикою природы, съ тѣмъ, чтобы мало по малу довести ученика до логическихъ отвлеченностей, и съ этою цѣлію помѣстилъ въ особомъ отдѣлѣ нѣсколько образцовъ логическихъ упражненій. Если ученикъ непосредственно займется такими упражненіями, то нѣтъ сомнѣнія, что они покажутся ему трудными и сухими; но я надѣюсь, что они для него будутъ понятны и легки, если онъ предварительно привыкнетъ къ нимъ на предметахъ конкретных.

Слѣдуетъ предварительно приучить дѣтей отыскивать, перечислять и излагать въ порядкѣ признаки предметовъ, находящихся у нихъ передъ глазами, потомъ сравнивать между собою нѣсколько знакомыхъ уже имъ предметовъ, находя между ними сходство и различіе, для чего въ «Дѣтскомъ Мирѣ» представлено нѣсколько образцовъ, которыми, конечно, преподаватель не ограничится. Когда ученики привыкнутъ отыскивать и различать признаки, тогда уже можно сообщить имъ, что такое признакъ; когда же приобрѣтутъ навыкъ находить сходство и различіе между предметами и вслѣдствіе того размѣщать ихъ по родамъ и видамъ, можно уже сообщить весьма легко, что такое сравненіе, что такое сужденіе, родъ, видъ и т. д. Также точно должно поступить съ объясненіемъ явленія, причины, слѣдствія, цѣли, назначенія и закона*).

Просмотрѣвъ оглавленіе «Дѣтскаго Мира» и обративъ вниманіе на самое изложеніе статей, преподаватель легко замѣтитъ, что онѣ расположены не въ томъ порядкѣ, въ которомъ должны быть читаемы въ классѣ; такъ напримѣръ, нельзя прочитать въ порядкѣ всѣхъ статей втораго отдѣла, о человѣкѣ; но, дойдя до статьи: «внутренніе органы», преподаватель долженъ будетъ *разказать* дѣтямъ самое существенное изъ слѣдующихъ за тѣмъ статей, потомъ прочесть по двѣ и по три статьи изъ другихъ отдѣловъ и тогда только снова приступить къ статьямъ, излагающимъ небольшую физиологію человѣка, и сравненіямъ между человѣкомъ и растеніемъ, растеніемъ и минераломъ. Если за тѣмъ преподаватель замѣтитъ, что дѣти достаточно развиты, чтобы приступить къ чтенію маленькой психологіи, помѣщенной въ томъ же второмъ отдѣлѣ, то конечно можетъ приступить къ ней: но должно за-

*) «Я убѣжденъ», говоритъ знаменитый Фаредэ, «что естественные предметы представляютъ удивительную школу для саморазвитія и самое разнообразное поле для необходимой умственной практики, и что тотъ, кто упражнялся на этомъ полѣ, легко приложитъ приобрѣтенную имъ привычку мысли къ общественной жизни. Lectures on Education, delivered on the Royal Institution of Great-Britain. London. 1855 p. 65.

мѣтитъ, что она можетъ быть совершенно понята только въ связи съ логикою, изложенною въ послѣднемъ отдѣлѣ.

Въ концѣ почти каждаго отдѣла есть статьи, которыя съ перваго раза могутъ показаться неудобопонятными для дѣтей; но я убѣжденъ, что если «Дѣтскій Міръ» будетъ прочитанъ систематически, безъ излишней поспѣшности, со всѣми толкованіями, которыя можетъ вызвать его чтеніе со стороны преподавателя, то и самыя трудныя статьи этой книги будутъ поняты учениками. Впрочемъ, нѣтъ надобности читать всего, что есть въ книгѣ: соображаясь съ развитіемъ учениковъ и временемъ, назначеннымъ для ученія, можно нѣкоторыя статьи совершенно выпускать, а содержаніе другихъ преподаватель можетъ рассказывать.

Расположеніе статей по урокамъ могло бы только стѣснить преподавателей, потому что условія преподаванія почти у каждаго преподавателя различны. Вотъ почему я отдѣлилъ «Христоматию» отъ «книги для чтенія», и расположилъ въ послѣдней статьи въ такой системѣ, что преподаватель легко можетъ познакомиться съ содержаніемъ книги и потомъ уже свободно распоряжаться съ заключающимся въ ней матеріаломъ. Подробности системы и цѣль каждой статьи, помѣщенной въ книгѣ, изложены въ оглавленіи.

Что касается до языка, которымъ написана книга для чтенія, то я старался излагать избранные мною предметы языкомъ простымъ, не употреблять непонятныхъ для дѣтей словъ; но вовсе не думалъ поддѣлываться подъ дѣтскій способъ выраженія, потому что считаю всякаго рода поддѣлку подъ народный и дѣтскій языкъ совершенно неумѣстною, какъ въ книгахъ, издаваемыхъ для народа, такъ и въ дѣтскихъ книгахъ. Дѣтскій лепетъ занимателенъ для народа, такъ и въ дѣтскихъ книгахъ. цѣлей серьезнаго ученія состоитъ именно въ томъ, чтобы пріучить дитя къ серьезному научному языку. Сознаю вполне, что слогъ мой никакъ не можетъ служить образцовымъ, и будь онъ гораздо лучше, то и тогда царствующее въ немъ однообразіе, необходимое въ каждой книгѣ, написанной однимъ лицомъ, подѣйствовало бы неблагоприятно на первоначальное изученіе языка. Вотъ почему для формальнаго изученія языка я присоединилъ къ «книгѣ для чтенія» небольшую, но довольно полную «Христоматию», въ которой ученикъ найдетъ самыя разнообразныя образчики слога лучшихъ нашихъ писателей. Тамъ довольно матеріала для грамматическихъ упражненій, разборовъ, переложеній, заучиваній наизусть, декламаций и прочее.

Между статьями «Христоматіи» и статьями «Дѣтскаго Міра» я старался удержать нѣкоторую связь, для чего преимущественно помѣщалъ въ «Христоматию» такія статьи, которыя могли бы оживить, дополнить и, такъ сказать, запечатлѣть въ памяти ученика статьи книги. Съ этою цѣлію преподаватель потрудится по возможности выбирать изъ «Христоматіи» статью, соответствующую читаемой статьѣ «Дѣтскаго Міра»; такъ на примѣръ: при чтеніи статьи «Яблоня» полезно прочесть или даже выучить наизусть басню Крылова, «Листы и Корни»; при чтеніи статьи «Естественные и искусственные предметы» — другую басню Крылова, «Цѣпты»; при чтеніи статей о временахъ года — «Зима», Пушкина, «Урожай», Кольцова и др.; при чтеніи «Пользка изъ столицы въ деревню» — «Описаніе Петербурга», Пушкина; при чтеніи статьи «Рожь» — «Овсяный кисель», Жуковскаго и т. д. Всякій преподаватель легко оценитъ пользу такихъ обдуманно-совмѣстныхъ чтеній, соединяемыхъ связующими объясненіями учителя. Въ душѣ дитяти съ логическою мыслью будетъ сростаться прекрасный, поэтический образъ, развитіе ума будетъ идти дружно съ развитіемъ фантазіи и чувства; логическая мысль отыщетъ себѣ поэтическое выраженіе, и, наоборотъ, поэзія выраженія закрѣпитъ самую мысль.

Но если въ размѣщеніи отдѣловъ «Дѣтскаго Міра» и «Христоматіи» я имѣлъ въ виду дать возможность преподавателю вникнуть въ систему книги и легко обозрѣть ея содержаніе, то въ размѣщеніи самыхъ статей почти во всѣхъ отдѣлахъ я имѣлъ въ виду ученика. Въ началѣ каждаго отдѣла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ «Христоматіи», помѣщены самыя легкія статьи, какъ по содержанію, такъ и по изложенію; но чѣмъ далѣе, тѣмъ онѣ становятся сложнѣе и труднѣе. Въ статьяхъ, назначенныхъ для самаго первоначальнаго чтенія, я старался выражаться короткими отрывочными предложеніями, избѣгая по возможности предложеній придаточныхъ и въ особенности относительныхъ мѣстоименій, столь несвойственныхъ дѣтскому языку.

Что касается до самаго способа чтенія «Дѣтскаго Міра», то конечно въ этомъ отношеніи не можетъ быть постановлено никакихъ твердыхъ правилъ; но я позволю себѣ выразить мое личное мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Постепенность въ чтеніяхъ и разсказахъ должна быть соблюдаема не только въ выборѣ статей, но и въ способѣ самаго чтенія. Преподаватель собственными вопросами о содержаніи прочитаннаго долженъ, какъ мнѣ кажется, установить такую постепенность, сообразно съ постепеннымъ развитіемъ читателя. Сначала же должно быть установлено два рода чтенія: одно исключительно посвященное логическому развитію, другое—чтенію плавному и изящному: для перваго назначаются преимущественно статьи «Дѣтскаго Міра», для втораго—«Христоматія». Для плавнаго чтенія я бы совѣтовалъ преподавателю сначала разсказать содержаніе избранной статьи, потомъ самому прочесть эту статью вслухъ и уже тогда заставлять учениковъ нѣсколько разъ читать вслухъ разсказанное и прочитанное. Что касается до объясненія непонятныхъ словъ и выраженія главной мысли, то какъ то, такъ и другое, слѣдуетъ дѣлать прежде чтенія, такъ чтобы ученикъ, приступая къ чтенію, могъ заботиться только о правильности произношенія словъ, плавности и выразительности рѣчи. Здѣсь не время уже прерывать ученика вопросами и объясненіями.

Совершенно другой порядокъ должно соблюдать при чтеніи, главное значеніе котораго состоитъ въ пониманіи читаемаго и, такъ-сказать, въ логическомъ разложеніи мысли на составляющіе ее элементы. Здѣсь преподаватель долженъ вопросами своими безпрестанно заставлять маленькаго читателя вникать въ мысль читаемаго, испытывать и возбуждать его вниманіе. Вначалѣ вопросы эти должны быть принаровлены такъ, чтобы отвѣты на нихъ были какъ можно легче, и чтобы этими вопросами маленькій читатель нечувствительно вводился въ грамматическій и логическій составъ предложенія. «О чемъ или о комъ говорится?» «Что говорится?» «Какія свойства предмета, о которомъ говорится?» «Гдѣ, какъ, посредствомъ чего, при какихъ обстоятельствахъ, совершается то, что говорится о предметѣ?» и т. д. Такимъ образомъ ученикъ входитъ въ грамматическій составъ предложеній и впослѣдствіи легко уже познакомится съ грамматическими опредѣленіями. Само собою разумѣется, что столь подробные вопросы не должны постоянно сопровождать чтеній, чтобы не сдѣлать ихъ крайне утомительными для дѣтей. Къ этимъ вопросамъ должно прибѣгать только по временамъ или въ случаѣ необходимости, если пониманіе читаемаго нѣсколько затруднительно. Вмѣстѣ съ развитіемъ дѣтей должны измѣняться и самыя вопросы,— измѣняться такъ, чтобы отвѣты на нихъ были все сложнѣе и сложнѣе: сначала отдѣльныя слова, потомъ отдѣльныя небольшія предложенія. Въ отвѣтѣ непремѣнно долженъ быть повторенъ вопросъ, при чемъ также можетъ быть соблюдаема постепенность. Сначала вопросъ предлагается такъ, что ученику остается только прибавить къ нему одно или два слова,

а впоследствии такъ, что ему приходится отвѣчать на вопросъ цѣлою рѣчью. Вопросы должны относиться не къ тому только, кто читаетъ, но и къ другимъ ученикамъ и притомъ такъ, чтобы сначала высказанъ былъ преподавателемъ вопросъ, а потомъ уже названъ ученикъ, который долженъ на него отвѣчать. Этотъ очень простой приемъ чрезвычайно поддерживаетъ вниманіе цѣлаго класса: всѣ ученики слушаютъ вопросъ и всѣ мысленно готовятъ отвѣтъ.

Послѣ отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, относящихся то къ тому, то къ другому ученику, можно уже предлагать болѣе и болѣе общіе вопросы, такъ чтобы одинъ изъ учениковъ высказалъ стройно все содержаніе прочитанной статьи, прибавляя и то, что объяснилъ преподаватель. Послѣ такого разсказа избранная статья можетъ быть вновь прочитана, для того, чтобы она отразилась въ головѣ читающаго съ полною ясностью. Чтеніе такого рода приноситъ большую пользу, приучая дѣтей учить уроки безъ труда и съ толкомъ. Выучить дитя учиться — вотъ главное назначеніе приготовительныхъ классовъ.

Для приученія дѣтей къ созерцанію предметовъ, я предлагаю слѣдующій способъ:

Прежде чтенія статьи преподаватель показываетъ дѣтямъ самый предметъ и своими вопросами заставляетъ ихъ сдѣлать хотя отрывочное, но подробное его описаніе. Въ отвѣтахъ на эти вопросы долженъ участвовать цѣлый классъ, а въ самыхъ вопросахъ должна быть соблюдена постепенность сообразно развитію дѣтей; такъ напр., преподаватель спрашиваетъ сначала начинающихъ учениковъ: каковъ цвѣтъ предмета? изъ чего онъ сдѣланъ? какова его величина сравнительно съ другими предметами? сколько ногъ, сколько крыльевъ? и т. под.; а впоследствии онъ уже можетъ задавать такіе вопросы: перечислите существенные признаки предмета? разскажите пользу, которую онъ можетъ приносить человѣку? и т. под. Послѣ такого осмотра предмета должна быть прочитана статья, и за тѣмъ преподаватель требуетъ, чтобы ученики въ порядкѣ и стройно разсказали все, что было прочитано изъ книги, замѣчено самими учениками, или разсказано учителемъ.

Въ такомъ же порядкѣ должны слѣдовать одно за другимъ и письменныя упражненія. При первыхъ урокахъ преподаватель пишетъ на доскѣ такіе вопросы, въ отвѣтъ на которые ученику слѣдуетъ только переписать вопросъ, переставить нѣсколько словъ и прибавить одно или два слова. Послѣдними письменными упражненіями будутъ такія, въ которыхъ преподаватель задаетъ ученикамъ описать предметъ, который они внимательно и подробно осмотрѣли въ классѣ, но описанія котораго въ книгѣ нѣтъ. Написать сравненіе двухъ предметовъ, описать какое-нибудь физическое явленіе и т. под. Въ число этихъ послѣднихъ описаній весьма также полезно ввести описаніе ландшафтовъ съ картинъ или съ натуры, описаніе какой-нибудь исторической картинки, содержаніе которой, если нужно, должно быть заблаговременно объяснено ученикамъ.

Впрочемъ, я никакъ не выдаю приведенныя здѣсь упражненія за единственно-возможныя. Каждый преподаватель можетъ придумать ихъ множество, и чѣмъ они разнообразнѣе, тѣмъ лучше; слѣдуетъ только къ каждому упражненію приступать обдуманно и не покидать его прежде, чѣмъ ученики приобрѣтутъ въ немъ нѣкоторый навыкъ. Больше же всего надобно избѣгать, чтобы какой-нибудь приемъ преподаванія не обратился въ рутину, потому что рутину освобождаетъ ученика отъ необходимости мыслить. Надобно стараться, чтобы при каждомъ упражненіи ученикъ долженъ былъ подумать, какъ его сдѣлать, а не только припомнить, какъ оно дѣлалось.

Страннымъ можетъ показаться, что въ книгѣ, назначенной хотя от-

части для нагляднаго обученія, почти вовсе нѣтъ рисунковъ. Но *во первыхъ*, рисунки въ книгѣ, возбуждая сначала любопытство дѣтей, скоро имъ надоѣдаютъ; осмотрѣвъ ихъ быстро и кое-какъ, они потомъ не могутъ обратить на нихъ должнаго вниманія; *во вторыхъ*, дурные рисунки только вредны, а хорошіе могли бы такъ поднять цѣну книги, что она сдѣлалась бы недоступною для большинства учениковъ. Кромѣ того, предметы, о которыхъ говорится въ «Дѣтскомъ Мирѣ», болѣею частью могутъ быть показаны дѣтямъ въ натурѣ. Ничего не стоитъ приобрести для этой цѣли кусокъ гранита, стебель конопли, отрубковъ сосны, кусокъ негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку, колосья ржи, яблоко, кусокъ сургуча и т. п. Не трудно также приобрести изображеніе лошади, овцы, слона и десятка два другихъ, вовсе недорогихъ и не рѣдкихъ картинокъ *)

Для училищъ, обладающихъ нѣсколькими большими средствами, я совѣтовалъ бы приобрести одно или два изъ тѣхъ нѣмецкихъ изданій картинъ, которыя приспособлены къ наглядному обученію. Таковы напр.: *Bilder zum Anschauungs-Unterricht für die Jugend. Stuttgart. Verlag von Schreiber und Schill*; или: *Wand-Atlas für den Unterricht in der Naturgeschichte, von Ruprecht. Dresden, 1860*. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ гораздо болѣе картинъ, чѣмъ нужно для наглядности «Дѣтскаго Мира»; но эти изданія принесутъ училищу большую пользу, если преподаватели захотятъ воспользоваться ими. Что касается до небольшихъ опытовъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ, то всякій преподаватель сдѣлаетъ ихъ весьма легко и, вѣроятно, прибавитъ къ нимъ еще нѣсколько другихъ. Стаканъ, чашку, банку, иголку, известковую воду, кусокъ мѣлу достать не трудно. Если же ученикъ съумѣетъ сдѣлать опытъ и потомъ рассказать, что, какъ и отчего происходитъ, то это будетъ признакомъ значительнаго развитія, какъ его мыслительной способности, такъ и его языка. Послѣдовательность, основательность, точность въ выраженіяхъ—вотъ тѣ качества, которыя приобретаются отъ такихъ упражненій.

«Дѣтскій Миръ», какъ я надѣюсь, изложенъ такъ, что ни одинъ учитель русскаго языка, какъ бы онъ ни былъ мало знакомъ съ естественными науками, не затруднится въ его объясненіи ученикамъ. Но для тѣхъ преподавателей, которые пожелали бы внести въ свои объясненія побольше самостоятельныхъ рассказовъ, я могу посоветовать обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ, именно назначеннымъ для этой цѣли: 1) *Theoretisch-practisches Handbuch für den Anschauungs-Unterricht, von F. Harder. Altona, 1858* (прекрасная книга, которой «Дѣтскій Миръ» многимъ обязанъ). 2) *Leitfaden zu einem methodischen-Unterricht, von Luben. Berlin, 1854*, и старинное, но очень хорошее сочиненіе: 3) *Raff's Naturgeschichte für Kinder. Göttingen 1854*. — Преподаватели, незнакомые съ нѣмецкимъ языкомъ, могутъ значительно облегчить свой трудъ слѣдующими русскими сочиненіями: ботаника г. Даля, зоологія г. Симашко, химія г. Штекгардта, физика г. Ленца и естественная исторія г. Горизонтова, въ которой очень недурны рисунки.

Въ заключеніе я обязанъ сказать, что редакція «Дѣтскаго Мира» далеко не соотвѣтствуетъ моему желанію; но такъ какъ эта книга назначена для чтенія съ преподавателями, то я и не видѣлъ большой бѣды въ корректурныхъ недосмотрахъ. Гораздо важнѣе тѣ недостатки книги, которые стали мнѣ замѣтны вполне только тогда, когда она уже была

*) Нѣкоторыя необходимыя изображенія приложены въ концѣ книги; но во время чтеній они должны быть нарисованы учителемъ или однимъ изъ учениковъ на классной доскѣ, въ большомъ видѣ.

напечатана. Нѣкоторыя статьи слишкомъ растянуты, другія изложены не совершенно систематически, третьи могли бы быть замѣнены новыми. Но я могу ожидать снисходительности къ первой попыткѣ подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что дѣтская литература наша почти не дала мнѣ готовыхъ статей. Въ Германіи легко составить подобную книгу: у насъ же все должно составлять самому. Для «Дѣтскаго же Міра» я могъ переводить цѣликомъ съ нѣмецкаго или англійскаго только немногія статьи, потому что особенное назначеніе книги заставило меня дать и самымъ статьямъ особенную своеобразную систему.

Хорошій учебникъ есть по преимуществу дѣло опыта, и опытъ же укажетъ, принесетъ ли «Дѣтскій Міръ» ту пользу первоначальному ученику, на которую я рассчитывалъ. Но если хотя только направленіе и система угаданы мною, то и тогда трудъ мой не пропадетъ даромъ. Желая искренно воспользоваться указаниями опыта, я прошу убѣдительнѣйше гг. преподавателей, которые при самомъ преподаваніи откроютъ тѣ или другіе недостатки моей книги, сообщить мнѣ свои замѣчанія, чтобы я могъ воспользоваться ими при новомъ изданіи*).

К. Ушинскій.

С. Петербургъ.

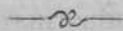
4 ноября 1860 года.

PS. Считаю не лишнимъ указать на тѣ нѣмецкія и англійскія книги, которыми я преимущественно пользовался при составленіи «Дѣтскаго Міра».

1) Handbuch für den Anschauungs-Unterricht, von Harder. Altona. 1858. 2) Denzel's Entwurf des Anschauungs-Unterrichts. Alt. 1853. 3) Orbis pictus von Lauckhard. 4) Der Deutsche Kinderfreund, von Wilmsen. Berl. 1858. 5) Lebensbilder für die Ober-Klassen der Deutschen Volksschulen, von Bertelt, Jäkel, Peterman und Thomas. Berl. 1858. Raff's Naturgeschichte, Götting. 1854. 7) Biografien aus dem Naturleben, von Wagner. Bielefeld. 1855. 8) Der Mensch und die Natur, von Körner. Leipzig. 1853. 9) Lesson's in General Knowledge, by James Mann. London. 1856. 10) Reading's Lessons, by Edward Hughes. London, 1855. (Превосходная книга, которую я желалъ бы передать русской публикѣ вполнѣ). 11) Moral Klass-book. Chamber's Educational Course. 12) Erste Nahrung für den gesunden Menschenverstand. Von K. Thieme. Zehnte Auflage. Leipzig. 1840.

*) Предисловіе можетъ быть отдѣлено отъ тѣхъ экземпляровъ, которые назначаются для учениковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе «Дѣтскаго Міра» разошлось въ продолженіе шести мѣсяцевъ, такъ что, приступая ко второму, я не могъ воспользоваться вполне указаніями педагогическаго опыта; но, тѣмъ не менѣе, руководствуясь сдѣланными мнѣ словесно и печатно замѣчаніями, я старался исправить нѣкоторыя ошибки и пополнить пропуски. вмѣстѣ съ тѣмъ, я желалъ сдѣлать книгу мою доступною и для самыхъ небогатыхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что Министерство Народнаго Просвѣщенія допустило ее къ употребленію въ уѣздныхъ училищахъ и первыхъ четырехъ классахъ гимназій. Съ этою цѣлью я сдѣлалъ въ ней слѣдующія перемѣны:

1) раздѣлилъ ее на двѣ части, что даетъ ученигамъ возможность пріобрѣтать отъ учебныхъ заведеній одну часть за другою;

2) увеличилъ число рисунковъ, помѣстивъ четыре таблицы вмѣсто одной;

3) вмѣсто отрывковъ изъ Русской исторіи, какъ образчиковъ слога, я помѣстилъ новый отдѣлъ, «разказы изъ Русской Исторіи», отчасти руководствуясь для нихъ лѣтописью, отчасти разказами, составленными по лѣтописи же г. Соловьевымъ; взялъ нѣкоторыя отрывки изъ Исторіи Карамзина и проч. (Если историческіе разказы могутъ быть помѣщены въ дѣтской книгѣ, то развѣ только въ наивной лѣтописной формѣ. Къ сожалѣнію, въ такой формѣ могутъ быть переданы только событія древнѣйшей нашей исторіи);

4) помѣстилъ примѣрныя таблицы для руководства дѣтей при разказахъ прочитаннаго, замѣнивъ ими отчасти прежнюю статью «Кунсткамера», слишкомъ утомительную въ чтеніи;

5) прибавилъ много новыхъ статей, особенно по географіи;

6) многія статьи сократилъ, другія совершенно передѣлалъ и уяснилъ;

7) назначилъ болѣе дешевую цѣну.

1861 года. 15 Іюня.

К. Ушинскій.

ОСОВЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТАТЬЯМЪ „ДѢТСКАГО МІРА.“

(Для преподавателей).

Въ первомъ изданіи «Дѣтскаго Міра» при каждой статьѣ въ оглавленіи было объяснено, для какой цѣли помѣщена статья; но это оказалось не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ оглавленіе должно служить и для учениковъ. Вотъ почему мы рѣшились помѣстить эти примѣчанія при предисловіи, которое можетъ быть отдѣлено отъ книги.

Во второмъ изданіи статьи, различныя по крайней мѣрѣ въ первой части, размѣщены почти въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ должны чи-

таться въ классѣ, такъ какъ мы слышали отъ многихъ, что размѣщеніе ихъ въ научной системѣ затрудняло при преподаваніи.

Ст. первая, «*Дѣти въ роцѣ*» (стр. 1), назначена для того, чтобы дать преподавателю случай, при чтеніи совершенно легонькой статейки, установить первоначальный порядокъ въ классныхъ чтеніяхъ. Одна или двѣ изъ первыхъ прозаическихъ басенъ «христоматіи» могутъ служить для той же цѣли. За каждымъ параграфомъ, на которые раздѣлена 1-я статья, слѣдуетъ остановиться и спросить у дѣтей отчета въ томъ, что они прочли. По прочтеніи всего разказа, можно потребовать отъ дѣтей, чтобы они перечислили всѣхъ животныхъ, въ немъ упоминаемыхъ, сказали, чѣмъ было занято каждое животное и что оно говорило. Само собою разумѣется, что эти вопросы должны относиться не къ тому только, кто читаетъ въ слухъ, но и къ прочимъ ученикамъ; при чемъ вопросъ долженъ быть сначала высказанъ преподавателемъ ясно и громко, а потомъ названа фамилія того, кто долженъ на него отвѣтить. При первомъ же урокѣ слѣдуетъ установить правило, чтобы дѣти отвѣчали не однимъ словомъ, а цѣлымъ небольшимъ предложеніемъ, повторивъ въ отвѣтѣ вопросъ учителя. Вопросы, соображаясь съ этою цѣлью, должны быть даваемы очень осмотрительно, имѣя уже въ виду отвѣтъ. Для начинающихъ преподавать мы бы совѣтовали записывать вопросы, потому что отъ нихъ зависитъ самый результатъ урока. Письменное упражненіе при этомъ первомъ урокѣ можетъ состоять въ томъ, что дѣти напишутъ названія животныхъ, принимающихъ участіе въ баснѣ, или (если дѣти пишутъ уже не слишкомъ медленно) въ томъ, что дѣти дадутъ письменный отвѣтъ на письменный же вопросъ, выставленный учителемъ на доскѣ, при чемъ ученикамъ придется только переставить два — три слова въ вопросѣ и прибавить одно или два новыя.

Второй разказъ, «*Дѣти въ училищѣ*» (стр. 2), назначенъ для того, чтобы дать ученикамъ возможность осмотрѣться въ классѣ, узнать назначеніе въ немъ каждой вещи и уяснить себѣ требованія класса. Гораздо лучше, если чтеніе этой статьи будетъ только *заключеніемъ* и *повтореніемъ* нѣсколькихъ словесныхъ бесѣдъ съ учениками о классѣ, находящихся въ немъ предметахъ и классныхъ требованіяхъ. Для руководства преподавателямъ въ этихъ первыхъ бесѣдахъ о классѣ, мы можемъ рекомендовать извѣстное сочиненіе знаменитаго германскаго педагога Дистервега «*Начатки дѣтскаго обученія*», которое въ сокращенномъ видѣ издастся въ русскомъ переводѣ при іюльской и августовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ такихъ предварительныхъ бесѣдъ о классѣ дѣти не только изложатъ (конечно, поддерживаемые безпрестанными вопросами учителя) все содержаніе разказа, «*Дѣти въ училищѣ*,» но, главное, сознаютъ свое положеніе и тѣ небольшія требованія, къ выполненію которыхъ они должны приготовиться. При чтеніи этой статьи уже можетъ быть положено прочное начало умственнымъ, словеснымъ и письменнымъ нагляднымъ упражненіемъ, каковы: перечисленіе предметовъ одного цвѣта, одной формы, сдѣланныхъ изъ одного и того же матеріала; легкія сравненія двухъ классныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, классной доски и т. п. Всѣ эти занятія, конечно, должны разнообразиться: 1) *чтеніемъ маленькихъ басенъ* изъ «христоматіи», съ цѣлью подготовить будущія объясненія грамматическаго состава предложений; слѣдовательно, съ вопросами: о какомъ предметѣ здѣсь говорится? что объ немъ говорится? когда и гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ дѣлается то, что говорится о предметѣ? какія качества приписываются предмету? и т. д., не выдвигая еще наружу такихъ тяжелыхъ для дѣтей названій, каковы: подлежащее, сказуемое, дополненіе и пр. Пусть дѣти ознакомятся сначала хорошо съ самыми понятіями, а потомъ легко уже усвоятъ ихъ ученые названія. Говорить дѣтямъ въ

этомъ возрастѣ о томъ, что такое сужденіе, предложеніе и проч., совершенно бесполезно. 2) *Разсказъ прочитанныхъ басенъ* долженъ возникать изъ отдѣльныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ цѣлому классу, и потомъ постепенно принимать стройную форму разсказа. 3) *Выучиваніе наизусть небольшихъ стихотвореній* должно почти окончательно дѣлаться въ классѣ и дѣлаться слѣдующимъ образомъ: учитель разсказываетъ дѣтямъ содержаніе маленькаго стихотворенія такъ, чтобы оно было вполнѣ понято и усвоено дѣтьми, въ чемъ можно убѣдиться вопросами; потомъ учитель нѣсколько разъ читаетъ самъ, въ слухъ, стихотвореніе, ударяя особенно на слова, дающія главный отгѣнокъ мысли (логическое удареніе); затѣмъ учитель заставляетъ дѣтей нѣсколько разъ прочесть стихотвореніе; и наконецъ пересказать его стихами, при чемъ главное вниманіе обращается на отчетливость произношенія каждаго слова и выразительность каждаго стиха, такъ какъ содержаніе стихотворенія вполнѣ уже дѣтьми понято и усвоено. *Письменные упражненія* первыхъ уроковъ должны быть соображены съ привычкою дѣтей къ письму, и могутъ состоять въ слѣдующемъ:

1) Въ письмѣ названій классныхъ предметовъ того или другаго рода, какъ напримѣръ: письменныхъ матеріаловъ, мебели, частей комнаты, частей двери, окна и т. п. Эти первыя *сочиненія* очень легки и занимаютъ дѣтей. 2) Въ письменныхъ отвѣтахъ на письменные же вопросы, о чемъ сказано было выше. При отвѣтахъ дѣти могутъ въ первое время руководствоваться книгою. 3) Письмо наизусть выученнаго стихотворенія. Каждое выученное стихотвореніе дѣти должны умѣть писать безъ ошибокъ: это даетъ дѣтямъ тотъ навыкъ, котораго нельзя замѣнить вполнѣ никакими объясненіями. Къ диктовкѣ пріучать дѣтей еще рано; но впоследствии дать дѣтямъ навыкъ быстро записывать то, что они слышать, необходимо.

Само собою разумѣется, что всѣ эти умственные, словесныя и письменныя упражненія, о которыхъ мы сказали при статьѣ «Дѣти въ училищѣ», относятся и ко всѣмъ прочимъ статьямъ. Само собою разумѣется также, что въ этой статьѣ я не хотѣлъ вовсе написать правилъ класснаго устройства и классныхъ занятій, но уже одно сравненіе описаннаго класса съ дѣйствительнымъ будетъ для дѣтей весьма полезно. Очень полезно также требовать у дѣтей отчета о томъ, что дѣлать въ классѣ.

Четыре статьи о временахъ года (стр. 8—19) имѣютъ весьма важное значеніе въ «Дѣтскомъ Мирѣ», и мы просимъ гг. преподавателей обратить на нихъ особенное вниманіе. Перемены времени года прежде всѣхъ другихъ явленій природы обращаютъ на себя дѣтское вниманіе, такъ-что въ головѣ десятилѣтнюю дитяти уже находится множество признаковъ, отличающихъ одно время года отъ другаго; но эти признаки разбросаны, не вполнѣ сознаны, перемѣшаны. Назначеніе этихъ описаній четырехъ времени года состоитъ именно въ томъ, чтобы привести въ нѣкоторый порядокъ понятія и представленія, уже существующія въ дѣтскомъ умѣ. Если не каждый ученикъ въ отдѣльности, то весь классъ непременно перечислитъ всѣ признаки различныхъ времени года, собранные въ этихъ статьяхъ, и прибавитъ къ нимъ еще много новыхъ. Такимъ образомъ, эти статьи даютъ поводъ къ весьма легкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма полезнымъ умственнымъ упражненіямъ, при которыхъ должны работать и память, и умъ, и воображеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивается и самое чувство. Пробудить же въ дѣтяхъ живое чувство природы—значитъ возбудить одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ, воспитывающихъ душу вліяній. При чтеніи этихъ статей слѣдуетъ также сначала вопросами вызвать ихъ содержаніе, а потомъ уже прочесть и разсказать прочитанное, не сопровождая его излишними тол-

кованіями, для которыхъ еще много мѣста впереди. Слѣдуетъ необходимо соединить съ этимъ чтеніемъ изученіе стихотвореній, также описывающихъ то или другое время года, въ особенности стихотвореній Кольцова, которыя по своему народному языку, по мѣткости выраженій и теплотѣ чувства очень нравятся дѣтямъ, легко ими заучиваются и приносятъ имъ большую пользу.

Статья «*О человекѣ*» (стр. 19—29) замѣняетъ собою цѣлый отдѣлъ перваго изданія, который не могъ быть читанъ въ порядкѣ. Въ настоящемъ же своемъ видѣ эта статья можетъ быть прочтена непосредственно за временами года. Въ чтеніи она довольно скучна; но если дѣти сами, въ нѣсколько послѣдовательныхъ уроковъ, выскажутъ съ помощію учителя все содержаніе этой статьи, конечно по отдѣламъ, на которые она разбита, и потомъ прочтутъ статью также по отдѣламъ, то она принесетъ имъ большую пользу. Не затрудняемые новостію содержанія, большею частью имъ извѣстнаго, дѣти имѣютъ случай приучиться къ систематическому, отчетливому разсказу, систему которому даетъ самъ видимый и знакомый имъ предметъ. Для облегченія разсказа учитель можетъ послѣ каждаго отдѣла чертить на доскѣ таблицу, образецъ которой приложенъ при статьѣ. По такой таблицѣ дѣтямъ уже легко разсказать содержаніе прочитаннаго; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они, мало по малу, привыкнутъ къ той логичности въ мысляхъ, которая одна составляетъ основу прочнаго и сознательнаго ученія. Отъ недостатка систематичности въ мысляхъ и словахъ, отъ неумѣнья отличить главное отъ второстепеннаго, болѣе всего страдаютъ дѣти при ученіи уроковъ, и выучить дитя учиться логически—первое назначеніе младшихъ классовъ школы. При чтеніи статьи «*о человекѣ*», такъ-какъ она служитъ основаніемъ и для слѣдующихъ за нею статей о животныхъ и растеніяхъ, торопиться не слѣдуетъ; а чтобы не утомить дѣтей однообразіемъ, должно сопровождать это чтеніе изученіемъ басенъ, стиховъ и т. д. Намъ замѣчали, что напрасно мы начинаемъ описанія съ такого сложнаго организма, каковъ человекъ; но какъ ни сложенъ этотъ организмъ, а онъ знакомѣе и ближе дѣтямъ всякаго другаго, и Песталлоци былъ совершенно правъ, полагая въ основаніе своихъ развивающихъ уроковъ знакомство съ человѣческимъ тѣломъ.

«*Лошадь*» (стр. 30)—первое описаніе животнаго, а потому оно пространныѣ прочихъ. При описаніи каждаго животнаго должно ограничиваться только удержаніемъ самыхъ крупныхъ чертъ: болѣе мелкія подробности возникнутъ при сравненіяхъ одного животнаго съ другимъ; такъ на примѣръ: только при сравненіи головы лошади съ головой человека можно обратить вниманіе дитяти на отличительныя черты той и другой; сравнивая голову лошади съ головою коровы, можно выдвинуть наружу еще болѣе мелкія характеристическія особенности. Это психическій законъ, который надобно всегда имѣть въ виду: только изъ сравненій образуются понятія и только процессъ сравненія дѣлаетъ внѣшній міръ достояніемъ разума. Зоркость, быстрота, вѣрность, способность обнимать разомъ множество предметовъ и составляютъ силу ума; сила сравнивающая и есть самъ умъ; а потому, заботясь о развитіи дѣтскаго ума, должно безпрестанно учить дѣтей сравнивать сначала два, три, потомъ десятки и, наконецъ, сотни предметовъ—и выводить изъ этихъ сравненій общія понятія. Сравнимые предметы должны быть по возможности передъ глазами учениковъ; вначалѣ учитель, конечно, облегчаетъ сравненія безпрестанными вопросами.

За статью «*Лошадь*» я совѣтовалъ-бы прочесть статьи «*Яблоко*» (стр. 101) и «*Кремень*» (стр. 125), для того, чтобы вызвать въ умѣ учениковъ ясное представленіе животнаго, растенія и камня; какъ представителя неорганической природы. Потомъ слѣдуетъ снова обратиться

къ статьямъ о животныхъ, при сравненіи которыхъ между собою выйдутъ наружу болѣе мелкіе признаки. Само собою разумѣется, что преподаватель долженъ самъ прежде хорошо ознакомиться съ тою книгою, руководствуясь которою хочетъ онъ развивать дѣтей; иначе онъ будетъ вести ихъ къ неизвѣстной ему цѣли.

Послѣ статьи «Слонъ» (стр. 41) является уже возможность установить въ систему и закрѣпить ею небольшія познанія, приобретенныя дѣтьми: вотъ почему здѣсь помѣщена статья: «*Всякой вещи свое мѣсто, всякому дѣлу свое время*». Въ этой статьѣ дитя получаетъ первое понятіе о томъ, что такое система и для чего она нужна. При чтеніи этой статьи слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу пройденныхъ животныхъ, и дѣти должны знать, почему одни животныя помѣщены на одномъ, а другія—на другомъ мѣстѣ. Когда дѣти сами привыкнутъ сознательно чертить эту табличку, тогда уже можно приступить къ чтенію о хищныхъ животныхъ. Прочтя хищныхъ, слѣдуетъ, руководствуясь примѣчаніемъ, помѣщеннымъ на стр. 52-й, прибавить къ прежнимъ тремъ отрядамъ животныхъ новый отрядъ, хищныхъ, раздѣлить его на семейства и т. д. Система животнаго царства, а за тѣмъ и всего «Дѣтскаго Міра», должна возникать въ умѣ дѣтей *по-немногу*. Въ первомъ изданіи, я сдѣлалъ важную ошибку, собравъ всю систематику въ одну статью «Кунсткамера»: прежде чѣмъ ребенокъ дойдетъ до системы, онъ позабудетъ частности. Конечно, я предполагалъ, что преподаватель самъ, мало по малу, подготовитъ систематику въ умахъ дѣтей; но для составителя книги это легче сдѣлать.

На страницѣ 61 приложена таблица млекопитающихъ животныхъ, и здѣсь можно уже будетъ повторить все пройденное и оцѣнить сколько приобрѣли дѣти, въ чтеніи «Дѣтскаго Міра», если только оно происходило систематически. Сначала дѣти должны дать отчетъ, почему каждое животное помѣщено на томъ, а не на другомъ мѣстѣ, и слѣдовательно высказать характеристическій признакъ каждаго животнаго; а послѣ того и сами дѣти легко начертятъ такую таблицу. Считаю необходимымъ предупредить преподавателей, что въ этой таблицѣ, на страницѣ 62, сдѣлана важная опечатка, поправленная въ концѣ книги.

Всякій опытный педагогъ пойметъ, какъ много приобретутъ дѣти, если хоть одна ясная и отчетливая система возникнетъ и утвердится въ ихъ умахъ. Это первый и лучшій урокъ логики.

Но, могутъ замѣтить намъ, почему мы ограничились только одною полною системою млекопитающихъ,—почему не ввели такихъ же системъ въ другіе классы животныхъ и въ царство растений, и ограничились только небольшими указаніями на систему, выраженными отчасти въ самыхъ статьяхъ, отчасти въ примѣчаніяхъ? Если бы мы изложили остальные классы животныхъ и царство растений съ тою же подробностью, съ какою изложили млекопитающихъ, то превратили бы книгу для чтенія въ курсъ естественной исторіи: наша же главная цѣль не естественныя науки, а развитіе ума посредствомъ наглядной логики естественныхъ наукъ.

Для объясненія статей къ «Дѣтскому Міру» приложены рисунки; но преподаватель сдѣлаетъ очень хорошо, если покажетъ дѣтямъ, напримѣръ, цвѣтокъ яблони, вишни, одуванчикъ въ разныхъ его видахъ и проч. въ натурѣ. Для этой цѣли онъ можетъ прервать ходъ своихъ чтеній и весною показать тѣ или другіе цвѣты и прочесть относящіяся къ нимъ статьи; потомъ, когда дѣти дойдутъ до этихъ статей, въ ихъ умахъ уже будетъ готово ясное представленіе предмета.

Мы не говоримъ о другихъ статьяхъ «Дѣтскаго Міра», потому что все, сказанное прежде, относится и къ нимъ. Скажемъ только, что при чтеніи статей: «Вода» (стр. 134), «Воздухъ» (стр. 137), «Вѣтеръ»

(стр. 143), «*Машинъ*» (стр. 145), преподаватель не только долженъ показать дѣтямъ описанные въ нихъ опыты, но и приучить самихъ дѣтей сдѣлать эти нехитрые опыты. Если, напримѣръ, дитя сдѣлаетъ опытъ надъ намагниченной палочкой и иглой, и расскажетъ его ясно и послѣдовательно, то это принесетъ ему значительную пользу.

О «Христоматіи» мы уже сказали въ первомъ предисловіи; здѣсь же остается намъ дать отвѣтъ, почему, не смотря на сдѣланные намъ замѣчанія, мы не внесли историческихъ разсказовъ въ *первую* часть «Дѣтскаго Мира», хотя и внесли ихъ во *вторую*. Мы остаемся при томъ убѣжденіи, что лучшимъ введеніемъ въ историческій разсказъ могутъ служить сначала небольшія повѣсти, число которыхъ въ «Христоматіи» увеличено во второмъ изданіи, а потомъ *библейскіе разсказы*, для которыхъ въ каждомъ училищѣ есть священная исторія. Преподаватель русскаго языка поступить очень хорошо, если, отъ времени до времени, будетъ спрашивать учениковъ, что они выучили въ классахъ Закона Божія и, воспользовавшись знаніемъ дѣтей въ священной исторіи, объяснитъ имъ на семейной жизни патріарховъ, что такое семейный бытъ; — при разсказѣ о дѣтяхъ Іакова, — что такое родъ и колѣно; при выходѣ евреевъ изъ Египта, — что такое племя; при поселеніи ихъ въ Палестинѣ, — что такое народъ, территоріумъ, жизнь кочевая и осѣдая; при выборѣ царей, — что такое правительство и государство. Помѣстивъ библейскіе разсказы, мы только бесполезно увеличили бы книгу.

Объясненія къ статьямъ *второй* части «Дѣтскаго Мира» будутъ приложены въ своемъ мѣстѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ДѢТСКАГО МІРА.

Отдѣлъ I.

Первое знакомство съ дѣтскимъ міромъ.

	Стр.
Дѣти въ рошѣ	1
Дѣти въ училищѣ	2
Зима	8
Весна	10
Лѣто	12
Осень	17
О человѣкѣ	19

Отдѣлъ II.

О животныхъ.

Лошадь	30
Корова	32
Осель	33
Овца	34
Одногорбый верблюдъ или Дромедерь	36
Сѣверный олень	37
Свинья	39
Слонъ	41
Всякой вещи свое мѣсто, всякому дѣлу свое время	43
Кошка	45
Левъ и Тигръ	46
Собака	47
Лисица	48
Медвѣдь	49
Хорекъ	50

Стр.

Бѣлки, зайцы, мыши и другіе грызуны	52
Кротъ	54
Летучая мышь	55
Обыкновенная обезьяна	56
Тюлень	58
Китъ	59
Странные звѣри	60

Отдѣлъ III.

Птицы, рыбы, земноводныя и пресмыкающіяся.

Канарейка	63
Утка	64
Голуби и куры	66
Соловей	68
Аистъ	69
Кобчики и другія хищныя птицы	70
Дятель	72
Страусъ	73
Ящерица	74
Ужъ	75
Лягушка	77
Окунь	80
Сельди	82
Стерлядь	83

Отдѣлъ IV.

Животныя безпозвоночныя.

Хрущъ или майскій жукъ	85
Шелковичный червякъ	87

	Стр.
Бабочка	90
Комнатныя мухи	91
Паукъ	92
Дождевой червякъ	95
Улитка	96
Коралловые полипы	97
Инфузоріи или наливочныя жи- вотныя	99

Отдѣлъ V.

О растеніяхъ.

Яблоня	101
Цвѣтъ и плодъ яблони	103
Вишня	104
Земляника	108
Березка и ея семейство	109
Ива	112
Хвойныя деревья	113
Бѣлая лилія	115
Конопля, ленъ и хлопчатн	117
Одуванчикъ	120
Размноженіе растеній	123

Отдѣлъ VI.

Тѣла неорганическія.

	Стр.
Кремень	125
Глина и что изъ нея дѣлается	126
Поваренная соль	127
Сѣра	128
Производство стекла	—
Желѣзо	130
Мѣдь	132
Золото	—
Ртуть	133
Вода	134
Воздухъ	137
Путешествіе воды	140
Дождь	—
Роса, иней, снѣгъ и градъ	142
Вѣтеръ	143
Магнитъ	145
Классификація минераловъ	—

Х Р И С Т О М А Т І Я.

Отдѣлъ I.

Басни и рассказы въ прозѣ.

	Стр.
Играющія Собаки	1
Два Козлика	—
Лошадь и Осель	2
Вѣтеръ и солнце	—
Два плуга	—
Органы человѣческаго тѣла	3
Братъ и сестра	—
Любопытство	4
Персики	5
Гуси	—
Наблюдательность	6
Вѣрная собака	—
Богатство	7
Добросовѣтный дикарь	8
Два путешественника	—
Раскаianie	9
Паукъ	10
Великанъ и карлики	11
Ось и чека	23
Что знаешь, о томъ не спрашивай	24
Два мороза	—
Райская птичка	26
Юпитеръ и лошадь	27
Юпитеръ и Овечка	28
Птицы	—

	Стр.
Грядка гвоздики	29
Сумка почталіона	—
Слѣпая лошадь	32

Отдѣлъ II.

Стихи.

Птичка (<i>Пушкинъ</i>)	35
Муха (<i>Дмитріевъ</i>)	—
Чижъ и Голубь (<i>Крыловъ</i>)	—
Лисица и Виноградъ (<i>Его же</i>)	36
Пѣтухъ и жемчужное зерно (<i>Его же</i>)	—
Мартышка и Очки (<i>Его же</i>)	—
Слонъ и Моська (<i>Его же</i>)	—
О рыбахъ и рыбѣ (<i>Пушкинъ</i>)	37
Чижъ и Зяблица (<i>Дмитріевъ</i>)	39
Мотъ и ласточка (<i>Крыловъ</i>)	40
Пѣсня пахара (<i>Кольцовъ</i>)	—
Лебедь, Щука и Ракъ (<i>Крыловъ</i>)	—
Щука и Котъ (<i>Его же</i>)	41
Школьникъ (<i>Некрасовъ</i>)	—
Зима (<i>Пушкинъ</i>)	—
Пѣтухъ, Котъ и Мышонокъ (<i>Дмитріевъ</i>)	42
Сказка о кущѣ Остолопъ и работникѣ его Балдѣ (<i>Пушкинъ</i>)	—
Зеркало и Обезьяна (<i>Крыловъ</i>)	44
Полевой цвѣтокъ (<i>Дмитріевъ</i>)	45

	Стр.		Стр.
Весеннія воды (<i>Тютчевъ</i>)	45	Утро (<i>Никитинъ</i>)	49
Казацья колыбельная пѣснь (<i>Лермонтовъ</i>)	—	Трудолюбивый Медвѣдь (<i>Крыловъ</i>)	—
Любопытный (<i>Крыловъ</i>)	46	Свинья подь дубомъ (<i>Его же</i>)	—
Береза (<i>Фетъ</i>)	—	Волкъ и Котъ (<i>Его же</i>)	50
Ласточка (<i>Майковъ</i>)	—	Листики и корни (<i>Его же</i>)	—
Весна (<i>Майковъ</i>)	47	Всеношная въ деревнѣ (<i>Аксаковъ</i>)	51
Урожай (<i>Колцовъ</i>)	—	Молитва дитяти (<i>Никитинъ</i>)	—
Крестьянская пирушка (<i>Его же</i>)	—	Урокъ (Беранже, перев. <i>Курочкинъ</i>)	—
Лисица и Осель (<i>Крыловъ</i>)	48		
Пѣсня бѣдняка (<i>Жуковский</i>)	—		

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ОТДѢЛЪ I.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ДѢТСКИМЪ МІРОМЪ.

ДѢТИ ВЪ РОЩѢ.

1. Двое дѣтей, братъ и сестра, отправились въ школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тѣнистой рощи. На дорогѣ было жарко и пыльно, а въ рощѣ прохладно и весело.

„Знаешь ли что?“ сказалъ братъ сестрѣ: „въ школу мы еще успѣемъ. Въ школѣ теперь и душно и скучно, а въ рощѣ должно быть очень весело. Послушай, какъ кричатъ тамъ птички; а бѣлокъ-то, я думаю, бѣлокъ сколько прыгаетъ по вѣткамъ! Не пойди ли и намъ туда, сестра?“

2. Сестрѣ понравилось предложеніе брата. Дѣти бросили азбуки въ траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, подъ кудрявыми березками. Въ рощѣ точно было весело и шумно. Птички перепархивали безпрестанно, пѣли и кричали; бѣлки прыгали по вѣткамъ; насѣкомыя суетились въ травѣ.

3. Прежде всего дѣти увидѣли золотого жучка.

„Поиграй-ка съ нами,“ сказали дѣти жуку.

— Съ удовольствіемъ бы, отвѣчалъ жукъ, но у меня нѣтъ времени: я долженъ добыть себѣ обѣдъ.

„Поиграй съ нами,“ сказали дѣти желтой, мохнатой пчелкѣ.

— Некогда мнѣ играть съ вами, отвѣчала пчела: мнѣ нужно собирать медъ.

„А ты не поиграешь ли съ нами?“ спросили дѣти у муравья. Но муравью некогда было ихъ слушать: онъ тащилъ соломинку втрое больше себя и спѣшилъ строить свое хитрое жильѣ.

4. Дѣти обратились—было къ бѣлкѣ, предлагая ей также поиграть съ ними; но бѣлка махнула пушистымъ хвостомъ и отвѣчала, что она

должна запастись орѣхами на зиму. Голубь сказалъ: „я строю гнѣздо для своихъ маленькихъ дѣтокъ.“ Сѣренькій зайчикъ бѣжалъ къ ручью умытъ свою мордочку. Бѣлому цвѣтку земляники также было некогда заниматься дѣтми: онъ пользовался прекрасной погодой и спѣшилъ приготовить къ сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Дѣтямъ стало скучно, что все заняты своимъ дѣломъ и никто не хочетъ играть съ ними. Они подбѣжали къ ручью. Журча по камнямъ, пробѣгалъ ручей черезъ рошу.

„Тебѣ ужъ вѣрно нечего дѣлать,“ сказали ему дѣти: „поиграй же съ нами!“

— Какъ! мнѣ нечего дѣлать? прожурчалъ сердито ручей: ахъ, вы, лѣнвивыя дѣти! Посмотрите на меня: я работаю днемъ и ночью, и не знаю ни минуты покою. Развѣ не я пою людей и животныхъ? Кто же, кромѣ меня, моетъ бѣлье, вертитъ мельничныя колеса, носить лодки и тушить пожары? О, у меня столько работы, что голова идетъ кругомъ! прибавилъ ручей и принялся опять журчать по камнямъ.

6. Дѣтямъ стало еще скучнѣе и они подумали, что имъ лучше было бы пойти сначала въ школу; а потомъ уже, идучи изъ школы, зайти въ рошу. Но въ это самое время мальчикъ примѣтилъ на зеленой вѣткѣ крошечную, красивую малиновку. Она сидѣла, казалось, очень спокойно и отъ нечего дѣлать насвистывала прѣвеселую пѣсенку.

„Эй, ты, веселый запѣвало!“ закричалъ малиновкѣ мальчикъ: „тебѣ то ужъ, кажется, ровно нечего дѣлать: поиграй же съ нами!“

— Какъ! просвистала обиженная малиновка: мнѣ нечего дѣлать? Да развѣ цѣлый день я не ловила мошекъ, чтобы накормить моихъ малютокъ? Я такъ устала, что не могу поднять крыльевъ; да и теперь убаюкиваю пѣсенкой моихъ милыхъ дѣтокъ. А вы, что дѣлали сегодня, маленькіе лѣнвивцы? Въ школу не пошли, ничего не выучили, бѣгаете по рошѣ, да еще мѣшаете другимъ дѣло дѣлать. Идите-ка лучше, куда васъ послали, и помните, что только тому пріятно отдохнуть и поиграть, кто поработалъ и сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать.

Дѣтямъ стало стыдно: они пошли въ школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ДѢТИ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

ГЛАВА I.

Школа.

1. Въ понедѣльникъ утромъ Ваня и Коля проснулись очень рано. Поспѣшно встали они, одѣлись, помолились Богу и позавтракали. Давно уже

ждали дѣти дня, когда имъ въ первый разъ придется отправиться въ школу: день этотъ наконецъ насталь.

„Ведите же себя, какъ слѣдуетъ добрымъ и умнымъ дѣтямъ: слушайте учителя и учитесь прилежно,“ сказала Ванѣ и Колѣ ихъ добрая мать, и велѣла кухаркѣ Аннѣ отвести дѣтей въ школу.

2. Черезъ полчаса Анна остановилась съ дѣтьми у сѣраго, длиннаго дома. Вверху надъ окнами, на большой черной доскѣ, Ваня прочелъ крупную надпись: „Училище.“ Было еще рано. Дверь школы была заперта. Анна дернула за колокольчикъ. Съдой, усатый старикъ, въ солдатской шинели, отперъ дверь. Это былъ сторожъ Потапычъ. Въ рукахъ у сторожа была метла и тряпка.

„Что такъ рано?“ спросилъ онъ; но замѣтивъ, что это были *новички*, прибавилъ: „классы начинаются въ восемь часовъ, а теперь еще только семь: придется вамъ подождать голубчики.“

Дѣти вошли за Потапычемъ въ переднюю, гдѣ у стѣны стояла длинная вѣшалка со множествомъ колышковъ. Анна помогла дѣтямъ раздѣться, общала придти за ними, когда кончатся классы, и проворно побѣжала на рынокъ за провизіей.

3. Потапычъ ввелъ дѣтей въ классъ. сказалъ имъ, чтобъ они сѣли на скамью и сидѣли смирно, а самъ сталъ подметать полъ. Въ классѣ, кромѣ Потапыча, Вани и Коли, никого еще не было. Дѣти, сидя на скамьѣ, робко посматривали на незнакомые для нихъ предметы. Комната, гдѣ помѣщался классъ, была большая и высокая. Въ ней дѣти насчитали трое дверей и шесть оконъ. Стѣны были обиты желтыми обоями, потолокъ выбѣленъ чисто; но на полу было уже много чернильныхъ пятенъ. Въ одномъ углу стояла большая печь; въ другомъ, переднемъ, висѣла икона.

4. Больше всего удивлялись дѣти множеству длинныхъ черныхъ скамеекъ. Большая половина класса была заставлена ими. Скамейки и столы стояли рядами. Такой мебели Ваня и Коля никогда еще не видали. Скамейки были придѣланы къ столамъ, крышки у столовъ — покатыя, подъ крышками — ящики; а на верху столовъ были вдѣланы большія оловяныя чернильницы, куда Потапычъ только-что налилъ свѣжихъ чернилъ. Впереди, на небольшомъ возвышеніи, стояли столъ и стулъ, вѣроятно, для учителя; а возлѣ стола, на трехъ высокихъ ножкахъ — большая черная доска. На доскѣ еще оставались слѣды мѣлу.

5. Потапычъ подмелъ полъ, смахнулъ пыль со скамеекъ и столовъ и чисто на чисто вытеръ классную доску. Потомъ онъ принесъ нѣсколько кусковъ мѣлу, губку, полотенце — и пошелъ убирать другой классъ. Уходя, Потапычъ отворилъ дверь, и дѣти увидѣли, что и въ другой комнатѣ было

все тоже: длинные черныя скамьи для учениковъ, кафедра для учителя, классная доска и, въ добавокъ, на стѣнѣ висѣла большая географическая карта.

ГЛАВА II.

Товарищи и учитель.

1. Ваня и Коля не долго оставались одни. Скоро раздался громкій звонокъ: Потапычъ отперъ дверь — и въ классъ съ шумомъ и крикомъ вбѣжала толпа дѣтей.

„А, новички! новички!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Въ ту же минуту ученики окружили нашихъ пріятелей и осыпали ихъ вопросами: „кто вы? чьи вы? какъ васъ зовутъ? сколько вамъ лѣтъ? гдѣ вы живете? умѣете ли читать и писать? въ который классъ поступаете?“

2. Ваня и Коля не успѣвали отвѣчать. Они никогда не видали такого множества дѣтей и невольно робѣли; тѣмъ болѣе, что не всѣ спрашивали ихъ ласково. Одинъ большой и, должно-быть, очень злой мальчикъ успѣлъ даже толкнуть Ваню. Къ счастью нашихъ новичковъ скоро пробило 8 часовъ и въ школу пришли учителя. Лишь-только ученики увидѣли учителей, какъ тотчасъ же разбѣжались по классамъ и усѣлись каждый на свое мѣсто. Ваня и Коля одни стояли между скамейками: у нихъ еще не было своихъ мѣстъ.

3. Въ классъ, гдѣ были Ваня и Коля, вошелъ учитель русскаго языка. Это былъ человѣкъ еще нестарый, невысокаго роста, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами. Онъ поздоровался съ учениками и велѣлъ одному изъ нихъ прочесть молитву. Ученикъ прочелъ внятно и громко „Молитву передъ ученьемъ“. Ваня и Коля молились очень усердно и просили Бога, чтобы Онъ благословилъ начало ихъ ученья. Послѣ молитвы всѣ сѣли; а учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ. Онъ спросилъ у нихъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, умѣютъ ли читать и писать, кто ихъ родители, гдѣ они живутъ. Потомъ учитель заставилъ дѣтей прочесть немного изъ книги, сказать наизусть двѣ-три молитвы и написать на доскѣ нѣсколько строкъ. Дѣти читали хорошо, знали молитвы твердо, писали порядочно. Учитель, казалось, остался ими доволенъ; вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ въ нее имена двухъ новыхъ учениковъ: Ивана и Николая Почининыхъ, дѣтей вдовы Почининой, съ отмѣткою, что Ивану девять, а Николаю восемь лѣтъ.

4. „Хорошо!“ сказалъ потомъ учитель Ванѣ и Колѣ: „видно, что и дома вы не теряли времени даромъ, когда выучились читать, писать и молиться. Продолжайте же учиться прилежно: будьте внимательны въ

классъ; думайте о томъ, что читаете; слушайте, какъ читають и отвѣчаютъ другіе; слушайте также, о чемъ я спрашиваю и что объясняю; замѣчайте все, что дѣлается въ классѣ. Послѣ класса я спрошу у васъ, что вы замѣтили.“

Потомъ учитель указаль дѣтямъ ихъ мѣста на первой скамейкѣ, гдѣ сидѣли самыя маленькіе.

ГЛАВА III.

Что дѣлалось въ классѣ.

1. Урокъ начался чтеніемъ. Учитель требоваль, чтобъ ученики читали внятно, громко, не торопясь, и произносили каждое слово, какъ слѣдуетъ. Когда кто-нибудь ошибался, учитель съ охотою поправляль. Но видно было, что онъ не любилъ поправлять въ третій и четвертый разъ одно и тоже. Всякое непонятое слово учитель немедленно объясняль. Онъ не только не сердился, когда его спрашивали, что значитъ какое-нибудь слово; но даже былъ этимъ очень доволенъ.

2. Когда одинъ изъ учениковъ прочиталь нѣсколько строкъ, учитель сталъ спрашивать о томъ, что было прочитано и объяснено. Кто читаль и слушалъ со вниманіемъ, тотъ и отвѣчалъ хорошо; кто былъ разсѣянъ, тотъ и отвѣчалъ дурно: однихъ учитель хвалиль, другимъ дѣлаль выговоръ.

3. Ваня и Коля замѣтили, что одни отвѣты учитель называль *полными*, другіе *неполными*. Такъ онъ спросиль у одного ученика: „почему Господа называютъ Создателемъ?“ Ученикъ отвѣчалъ: „потому что Онъ создалъ міръ“. Учитель назвалъ этотъ отвѣтъ *неполнымъ*, спросиль другаго ученика и тотъ отвѣчалъ: „Господа называютъ Создателемъ, потому что Онъ создалъ міръ.“ Учитель назвалъ такой отвѣтъ *полнымъ*. Ваня и Коля поняли, что въ полномъ отвѣтѣ долженъ быть повторенъ вопросъ.

4. Когда все прочитанное и объясненное было повторено учениками, тогда стали продолжать чтеніе. За чтеніемъ опять послѣдовали вопросы и объясненія. Раза три или четыре учитель обращался съ вопросами къ Ванѣ и Колѣ. Наши знакомцы слушали внимательно и потому отвѣчали очень хорошо. Такъ былъ прочтенъ и объясненъ весь рассказъ.

5. Чтеніе кончилось. Ученики вынули грифельныя доски. Учитель написалъ на большой классной доскѣ нѣсколько вопросовъ и сказалъ ученикамъ, чтобы они на своихъ доскахъ написали отвѣты. У Вани и Коли не было грифельныхъ досокъ и они не могли писать. Одинъ изъ учениковъ написалъ отвѣты мѣломъ на большой классной доскѣ. Учитель поправиль

и требовалъ, чтобы каждый ученикъ сдѣлалъ тоже на своей доскѣ. Пере-
сматривая доски учениковъ, учитель хвалилъ тѣхъ, у кого всѣ ошибки
были исправлены.

6. Когда отвѣты на всѣ вопросы были написаны, учитель сталъ спра-
шивать урокъ. Къ этому классу было задано выучить напамять небольшую
басню. Многіе отвѣчали отлично: безъ ошибки, ясно, громко и вырази-
тельно; объясняли каждое слово, когда учитель спрашивалъ. Видно было,
что они прошедшій классъ слушали внимательно и дома прочитали нѣ-
сколько разъ заданную на урокъ басню. Такихъ учениковъ учитель назы-
валъ *прилежными*. Но нашлись и такіе лѣнивые ученики, которые почти
ничего не знали. Ваня и Коля замѣтили, что уроковъ не знали тѣже уче-
ники, которые были невнимательны въ классѣ.

7. Объяснивъ новый урокъ, учитель приказалъ ученикамъ вынуть те-
тради и приготовить перья. Ваня и Коля замѣтили, что учитель хвалилъ
тѣхъ, у кого тетрадки и книги были чисты и неизмяты, и очень былъ недово-
ленъ, когда увидалъ, что у одного ученика тетрадь была не сшита, а книга
запачкана и измята.

„Хорошій ученикъ,“ сказалъ при этомъ учитель: „долженъ быть вни-
мателенъ въ классѣ, прилежно повторять уроки дома; а книги и тетради
держатъ въ чистотѣ и порядкѣ.“

8. Едва успѣлъ учитель продиктовать объясненную имъ въ классѣ
басню, какъ зазвонилъ колокольчикъ. Наши новички и не замѣтили, какъ
кончился классъ. Много новаго узнали они безъ всякаго труда и чувство-
вали, что стоитъ имъ раза два прочесть заданный урокъ и они будутъ
знать его очень твердо. „Вотъ что значить быть внимательнымъ въ
классѣ,“ подумали они, „и вотъ почему учитель хочетъ, чтобы всѣ были
внимательны.“

9. Послѣ класса учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ и
сталъ у нихъ спрашивать, что они замѣтили. Ваня и Коля рассказали ему
все, что дѣлалось въ классѣ, кого онъ спрашивалъ, чѣмъ онъ былъ дово-
ленъ и чѣмъ недоволенъ. Учитель похвалилъ дѣтей за вниманіе и сказалъ
имъ, что если они всегда будутъ такъ же вести себя въ классѣ, какъ въ
этотъ разъ, то скоро сдѣлаются хорошими учениками.

ГЛАВА IV.

Что потомъ дѣлалось въ классѣ и возвращеніе дѣтей домой.

1. На слѣдующій урокъ въ классъ пришелъ священникъ. Онъ разка-
залъ дѣтямъ, гдѣ и какъ родился Спаситель міра, Господь нашъ Іисусъ
Христосъ, какъ Ангель Господень возвѣстилъ пастухамъ о рожденіи Бо-

жественнаго Младенца, какъ явилось съ Ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и объявляющее о Его милости къ людямъ, какъ изумленные и обрадованные пастухи пошли по указанію Ангела и нашли Пресвятую Дѣву Марію, Іосифа и Младенца, лежащаго въ ясляхъ. Ваня и Коля слушали внимательно и хотя были въ первый разъ въ классѣ; но могли бы повторить все, что рассказывалъ священникъ.

За урокомъ Закона Божія слѣдовалъ урокъ чистописанія. Одинъ добрый товарищъ далъ Ванѣ и Колѣ по листу бумаги и по перу. Учитель чистописанія также былъ доволенъ нашими новичками. Они, правда, писали еще довольно плохо; но учитель замѣтилъ, что они старались написать, какъ можно лучше.

2. Прозвенѣлъ послѣдній колокольчикъ: классы кончились. Ученики проворно уложили въ сумочки книги и тетради, и школа мигомъ опустѣла. Ваня и Коля вышли въ переднюю, но Анны еще не было. Безъ нея дѣти не смѣли отправиться домой. Прошло нѣсколько минутъ. Солнце перестало уже смотрѣть въ окна школы. Опустѣлыя черныя скамейки глядѣли печально. Въ большихъ, пустыхъ комнатахъ, раскрытыхъ настежь, было очень скучно. Дѣтямъ сильно захотѣлось домой, къ доброй матушкѣ. „Она,“ думали дѣти, „навѣрно ждетъ насъ къ обѣду.“

3. Прошло минутъ двадцать: Анны все еще не было. Бѣдные дѣти грустно посматривали въ окна и чуть не плакали. „Идетъ! идетъ!“ закричали они въ одинъ голосъ, замѣтивъ Анну. Мигомъ одѣлись дѣти и весело побѣжали домой, такъ-что старая Анна едва поспѣвала за ними. Она захлопоталась по хозяйству и немного опоздала; а для дѣтей полчаса въ пустой школѣ показались за цѣлую недѣлю.

Но за то съ какою радостію встрѣтила ихъ мать! Весело сѣли они за столъ и съ большимъ удовольствіемъ пообѣдали послѣ трудового утра. Вечеромъ мать разспросила дѣтей, чѣмъ они занимались въ школѣ, какія замѣчанія дѣлалъ имъ учитель и какіе уроки заданы имъ на слѣдующій день. Она обѣщала имъ завтра же купить книги, доски, перья и шить тетради. Когда Анна подала свѣчи, дѣти сѣли за уроки и черезъ полчаса знали ихъ отлично: такъ внимательно слушали они въ классѣ.

4. Дѣти ходили въ школу цѣлую недѣлю, были внимательны, учились прилежно. Когда же наступило воскресенье, то Ваня и Коля въ одинъ голосъ сказали, что ни одного воскресенья они еще не проводили такъ весело, какъ этого, перваго послѣ трудовой школьной недѣли. О, какъ были счастливы дѣти уже въ субботу вечеромъ, когда узнали, что цѣлый слѣдующій день они не разстанутся съ своею доброю матушкой! Въ понедѣльникъ утромъ, правда, было немножко грустно отправляться въ школу; но

Ваня и Коля были мальчишки умные и скоро привыкли думать, что всякій хорошій человекъ долженъ послѣ труда отдохнуть, а послѣ отдыха опять приняться за трудъ.

З И М А.

1. Зимой солнышко хоть и свѣтитъ, но мало грѣетъ. Оно не долго остается на небѣ. Зимніе дни гораздо короче лѣтнихъ, а ночи длиннѣе. Въ Россіи зимы продолжаются долго и бываютъ иногда очень холодны. Рѣки и озера замерзаютъ, такъ-что по льду можно ходить и ѣздить. Земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ очень полезенъ, потому что подъ нимъ и въ сильные морозы сохраняются невредимо сѣмена травъ, цвѣтовъ и хлѣбовъ. Безъ снѣга сѣмена могли бы вымерзнуть.

2. Листъ еще въ концѣ осени опадаетъ съ деревьевъ и березовая или дубовая роща, тѣнистая лѣтомъ, къ зимѣ становится прозрачною. На голыхъ сучьяхъ вмѣсто листьевъ развѣшиваются хлопья мягкаго, бѣлаго снѣгу. Одни только ели и сосны зелены и зимою. На нихъ всю зиму остаются зеленныя иголки или *хвои*. Деревья, съ хвоею вмѣсто листьевъ, называются *хвойными*. Деревья, одѣтыя листьями — *лиственными*.

3. Зимой гораздо менѣе птицъ въ лѣсахъ и звѣрей на поляхъ, а насѣкомыя совсѣмъ исчезаютъ. Иныя изъ нихъ погибаютъ, оставляя яички, другія забираются глубоко въ землю, какъ напр. муравьи. Нѣкоторыя насѣкомыя засыпаютъ на всю зиму и просыпаются только весною, когда земля оттаетъ. (Что дѣлается зимою съ мухами?). Многія птицы улетаютъ на зиму въ теплые края, иногда за тысячи верстъ. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидаютъ насъ еще съ осени. Дикіе гуси, утки, лебеди еще съ осени тянутся по небу съ сѣвера на югъ длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуютъ, что, чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и ищутъ такихъ странъ, гдѣ не бываетъ зимы. (Знаете ли вы какія это страны?). Такихъ птицъ называютъ *перелетными*. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуютъ съ нами и потому называются *зимующими*. Остаются также и воробьи въ своихъ теплыхъ гнѣздахъ; но и тѣ зимою прыгаютъ не такъ весело, какъ лѣтомъ.

4. Звѣри, большею частью, также скрываются на зиму въ берлоги, норы и дупла деревьевъ. Иные засыпаютъ на самое холодное время, какъ напримѣръ: ежъ, медвѣдь, байбакъ, сурокъ. Но бѣлка не засыпаетъ: она приберегла себѣ съ осени хорошій запасъ орѣховъ въ дуплѣ дерева, и грызетъ ихъ цѣлую зиму. Животныя, засыпающія на зиму, называются *зимоспящими*. Домашнія животныя, лошади, коровы и овцы, погибли бы зимою отъ голода и холода, еслибы человекъ не выстроилъ для нихъ теплыхъ хлѣбовъ и конюшенъ и не приготовилъ сѣна и овса.

5. При наступленіи зимы человекъ старается устроиться по зимнему. Онъ вставляетъ двойныя рамы въ окна, сильно топить печи, надѣваетъ теплое платье, прячетъ колесные экипажи до весны и выдвигаетъ изъ сарая сани. (Что у саней вмѣсто колесъ?). Зимняя дорога гораздо легче лѣтней, и потому зимою по всѣмъ дорогамъ тянутся большіе обозы съ различными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бѣжитъ, побрякивая колокольчикомъ; даже деревенская кляча — и та зимою прибавляетъ шагъ. Сани легко, со скрипомъ, скользятъ по снѣгу. Полевая работа прекращается еще осенью. Но крестьяне безъ работы не остаются и зимою. Когда они перемолотятъ хлѣбъ, то идутъ на заработки: нанимаются на фабрики или пускаются въ извозъ. Женщины зимою прядутъ и ткутъ. Вотъ почему крестьянинъ такъ весело хлопываетъ рукавицами, когда первый снѣгъ закроетъ кочки и лужи и ляжетъ гладкимъ первопуткомъ. Мальчики тоже рады первому снѣгу. Пришла для нихъ пора играть въ снѣжки, лѣпить бабъ, кататься на салазкахъ и на конькахъ. Свѣчей въ домахъ и лучины въ избахъ горитъ зимою гораздо болѣе, чѣмъ лѣтомъ (почему?).

6. Весело зимою, особенно когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ милліоны искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье, — кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ яркопылающимъ огонькомъ печи и спокойно ждать сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику, нищему? Несмотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и ради Христа выпрашивать себѣ куска хлѣба. На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, лапти его худы, армякъ весь въ дырахъ; голосъ его дрожитъ отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпаго старика: бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуется себѣ въ околѣнныя пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ что можете! Лучше отказаться отъ новой игрушки или какихъ-нибудь сладостей и подать милостыню бѣдняку.

7. Но не всегда же зимою свѣтлые дни: бываютъ и метели. Когда подымется вьюга, то сильный вѣтеръ несетъ хлопья снѣгу и, свистя и завывая, крутитъ его въ воздухѣ. Въ иную метель, какъ говорится, *зи не видно*: въ десяти шагахъ нельзя различить человека, и нѣтъ ничего легче, какъ сбиться съ дороги въ такую непогодь. Не бѣда еще, если нѣтъ сильнаго мороза и путешественникъ успѣетъ забиться въ сугробъ снѣгу: подъ снѣгомъ тепло. Но если вьюга и морозъ, тогда немудрено и замерзнуть. Какъ отрадно въ такую погоду добратся до деревни. Хотя ее и занесло снѣгомъ, хотя избы въ ней и черны; но зато въ нихъ тепло. Добрый

крестьянинъ радушно встрѣчаетъ иззябшаго, неожиданнаго гостя и угощаетъ его, чѣмъ Богъ послалъ. У насъ нерѣдко зимою замерзають бѣдные люди или отмораживаютъ себѣ носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучіе* морозы бывають обыкновенно посреди зимы, около Крещенья, почему ихъ и называютъ *крещенскими*. Большіе морозы трескучими называютъ потому, что отъ нихъ иногда лопаются и трещать бревна въ стѣнахъ домовъ. Въ такой холодъ, говорятъ, даже птицы замерзають въ воздухѣ и падаютъ на землю. Зиму, въ которой много бываетъ сильныхъ морозовъ, крестьяне зовутъ *мотою*, т. е. очень злою.

ВЕСНА.

1. День начинаетъ замѣтно прибавляться еще съ половины декабря; а къ 9-му марта онъ займетъ уже половину сутокъ. Начало весны потому и считается съ 9-го марта. Солнце весною не только дольше остается на небѣ, но и грѣетъ съ каждымъ днемъ замѣтно сильнѣе. Снѣгъ начинаетъ мало по малу таять и вода ручейками сбѣгаетъ съ земли въ рѣки и озера. (Откуда берется эта вода?). Скоро и ледъ на рѣкахъ уступаетъ вліянію лучей солнца. По берегамъ рѣкъ появляются большія полыньи. Пройдетъ еще съ недѣлю — и весь ледъ подымется прибывающей водою, почернѣетъ, начнетъ ломаться и рыхлыя льдины понесутся по теченію рѣки. Воды въ рѣкѣ въ это время прибываетъ столько, что она не можетъ помѣститься въ берегахъ: выступаетъ и разливается по окрестнымъ лугамъ. Разливъ рѣкъ зовутъ *водопольемъ*. Иная рѣченка, такая маленькая, что лѣтомъ ее переходили въ бродъ, въ водополье разливается на пять, на шесть верстъ и болѣе. Наша Волга-матушка, въ которую вливаются тысячи рѣкъ и рѣченокъ, разстлана весною, словно море. Люди спѣшатъ пользоваться недолгимъ богатствомъ воды, — и большія барки, нагруженные товарами, ходятъ весною тамъ, гдѣ лѣтомъ чуть не бродятъ куры.

На поляхъ появляются сначала *проталины*; но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается изъ-подъ снѣга. Пройдетъ еще недѣля, другая — и снѣгъ останется развѣ гдѣ-нибудь въ глубокомъ оврагѣ, куда не заглядываетъ солнце. Небо становится все синѣе, а воздухъ все теплѣе.

2. Еще не весь снѣгъ сойдетъ, когда тамъ и сямъ начнетъ уже возлѣ старой, пожелтѣвшей травы показываться новая, ярко-зеленая травка. На поляхъ, гдѣ крестьяне еще съ осени засеяли рожь или пшеницу, подымается и зеленѣетъ *озимь*, словно зеленый бархатъ. вмѣстѣ съ травой появляются и первые цвѣты. Голубенькій подснѣжникъ пробивается въ лѣсахъ изъ-подъ прошлогодняго листа. Появляется кое-гдѣ и желтый одуванчикъ, тотъ самый, что современемъ надѣнетъ свою пушистую бѣлую шапочку,

круглую, какъ шаръ, и дотога легкую, что стоитъ только на нее дунуть, — и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются отъ зимняго сна и, разогрѣтыя солнышкомъ, наполняются соками. Если прорубить въ это время кору березы или клена, то изъ-за нее закаплетъ сладкій и душистый сокъ.

Почки листьевъ подготовлены деревомъ еще съ осени. Всю зиму оставались онѣ въ одномъ положеніи и были едва замѣтны: теперь же онѣ начинаютъ быстро наливаться, расти, скидать свою горичневую шелуху и развертываться въ зеленые листья. На вербѣ появляются пушистые цвѣты или барашки. Вы, вѣроятно, замѣтили ихъ на вербовыхъ вѣткахъ въ Вербное Воскресенье? (Когда бываетъ Вербное Воскресенье?). Потомъ появляются чуть замѣтные, ликіе и душистые листья березы. Прошло еще дней десять и кудрявая, ярко-зеленая березка, съ бѣлымъ, опрятнымъ стволомъ своимъ, стоитъ разубранная, будто на праздникъ: веселая, яркая, душистая. За березой спѣшитъ распуститься липа, ольха, дубъ. *Ланчатые* листья клена не заставляютъ долго ждать себя. Кустарники и деревья другъ передъ другомъ спѣшатъ принарядиться на праздникъ весны. Сначала зелень на деревьяхъ кажется жидкою, потому что листочки еще малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-гдѣ просвѣчиваетъ еще черная земля. Но листочки и трава растутъ быстро, — и къ маю все зазеленѣетъ: рощи снова станутъ непроглядными, а на поляхъ зацвѣтутъ тысячи цвѣтовъ. Зимой царствуетъ однообразіе: все одинъ и тотъ же снѣгъ. Но весною каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянетъ голубенькій глазокъ незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ея не было; то заблестятъ въ зелени бѣленькіе цвѣточки земляники, изъ которыхъ къ концу весны выйдутъ сочныя, красныя ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются бѣлыми и бѣло-розовыми цвѣтами. Все празднуетъ весну, все цвѣтетъ и благоухаетъ!

Не вездѣ весна начинается въ одно и тоже время. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ и весна становится раньше. *Въ Крыму* уже въ февралѣ рвутъ цвѣты, а *въ Архангельскѣ* и въ апрѣлѣ можно отморозить носъ.

3. Птицъ вмѣстѣ съ весною появляется множество. (Откуда они возвращаются къ намъ? Почему они улетаютъ на зиму?). Первые прилетаютъ грачи и крикомъ своимъ напоминаютъ, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9-го марта. Но вотъ и жаворонокъ, поднявшись высоко въ воздухъ, запѣлъ свою звучную пѣсню. Быстрыя, остро-крылыя ласточки прилетаютъ нѣсколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикіе голуби, кукушки появляются одни за другими и населяютъ поля, лѣса и рощи, недавно еще безмолвныя.

Высоко въ воздухъ тянутся съ юга на сѣверъ стаи журавлей, дикіихъ

утокъ, гусей и лебедей. (Почему съ юга на сѣверъ?). Скоро и соловей начнетъ свою звонкую пѣсню. Однѣ изъ этихъ птицъ, дикіе гуси, журавли, лебеди, летятъ далѣе; другія остаются у насъ на все лѣто. Тѣ, которыя остаются, принимаются вить гнѣзда: носятся, кричатъ, трудятся, собираютъ сухія вѣточки, солому, мохъ, траву, глину и строятъ жилища для будущихъ своихъ дѣтокъ.

Хлопотливые муравьи, пестрыя бабочки, неуклюжіе жуки, а потомъ несносные комары и мошки, — тысячи самыхъ разнообразныхъ, летающихъ и ползающихъ насѣкомыхъ выходятъ на свѣтъ Божій. Трудлюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму въ тепломъ ульѣ, просыпается, покидаетъ свою восковую келью и летитъ собирать сладкій медъ съ цвѣтовъ.

Въ звѣриномъ царствѣ замѣтно меньше переменъ. Дикихъ звѣрей вообще можно видѣть рѣдко. Но зато нельзя не видѣть, какъ радъ веснѣ домашній скотъ. Простоявъ долгую зиму въ хлѣвахъ, лошади, коровы, овцы весело выбѣгаютъ въ поле, и пастуху не приходится долго сзывать ихъ своей длинной трубой.

4. Радъ люди первому снѣгу; но рады еще болѣе первымъ цвѣтамъ. Всякое время года приноситъ свои удовольствія и свои заботы. (Какія удовольствія зимы? Что дѣлаютъ крестьяне зимою?). Двойныя рамы вынимаютъ въ домахъ: свѣжій воздухъ и яркій свѣтъ врываются въ комнату. Звуки съ улицы, которыхъ цѣлыя полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьянъ сколько предстоитъ работы! Но они работы не боятся. За зиму хлѣбъ, овесъ, сѣно и даже солома все переведется: одно на пищу людямъ, другое на кормъ скоту. Надобно приниматься за работу, чтобъ было что ѣсть къ будущей осени и зимѣ.

Исправляетъ крестьянинъ телѣгу, *ладитъ* борону и соху и, какъ земля немного пообогрѣется и пообсохнетъ, ѣдетъ въ поле. Онъ пашетъ, боронитъ поле и сѣетъ на немъ *яровое*, что должно быть посеяно и собрано въ одномъ и томъ же году: овесъ, гречиху, ячмень, просо. Въ огородахъ копаютъ гряды; сажаютъ картофель, лукъ, горохъ, бобы, капусту; сѣютъ коноплю, свеклу, морковь, рѣпу. Въ столицахъ люди достаточные переѣзжаютъ на дачу, гдѣ садовники устраиваютъ клумбы, сажаютъ и сѣютъ цвѣты. Радуется веснѣ и бѣднякъ: слава Богу стало теплѣе! Божье солнышко свѣтитъ для всѣхъ даромъ, для всѣхъ одинаково; дровъ нужно меньше и худое платье сносиѣ.

Л ъ Т О .

1. Въ началѣ лѣта бываютъ самые долгіе дни. Часовъ двадцать солнце не сходитъ съ неба и вечерняя заря еще не успѣетъ погаснуть на западѣ, какъ уже на востокѣ показывается бѣловатая полоска, — признакъ

приближающагося утра. И чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ дни лѣтомъ длиннѣе и ночи короче.

Высоко, — высоко подымается солнышко лѣтомъ, не то что зимою: еще немного повыше и оно стало бы прямо надъ головою. Почти *отъясные* лучи его сильно грѣютъ, а къ полудню даже и жгутъ немилосердно. Вотъ подходитъ полдень: солнце взобралось высоко на прозрачный, голубой сводъ неба. Только кое-гдѣ, какъ легкія серебряныя черточки, видны *перистыя* облачки, — предвѣстники постоянной хорошей погоды, или *ведра*, какъ говорятъ крестьяне. Выше ужъ солнце идти не можетъ и съ этой точки станетъ спускаться къ западу. Точка, откуда солнце начинаетъ уже склоняться, называется *полднемъ*. Станьте лицомъ къ полудню и та сторона, куда вы смотрите, будетъ югъ; налѣво, откуда поднялось солнце, — востокъ; направо, куда оно клонится, — западъ; а позади васъ — сѣверъ, гдѣ солнца никогда не бываетъ.

Въ полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть безъ сильной, жгучей боли въ глазахъ, но трудно даже смотрѣть на блестящее небо и землю, на все, что освѣщено солнцемъ. И небо, и поля, и воздухъ залиты горячимъ, яркимъ свѣтомъ, и глазъ невольно ищетъ зелени и прохлады. Ужъ слишкомъ тепло! Надъ отдыхающими полями (тѣми, на которыхъ ничего не посеяно въ этомъ году) струится легкій паръ. Это теплый воздухъ, наполненный испареніями: струясь какъ вода, подымается онъ отъ сильно нагрѣтой земли. Вотъ почему наши умные крестьяне и говорятъ о такихъ поляхъ, что они *отдыхаютъ подъ паромъ*. На деревѣ не шелохнется, и листья, будто утомленные жаромъ, повисли. Птицы попрятались въ лѣсной глуши; домашній скотъ перестаетъ пастись и ищетъ прохлады; человѣкъ, облитый потомъ и чувствуя сильное изнеможеніе, оставляетъ работу: все ждетъ, когда спадетъ жаръ. Но для хлѣба, для сѣна, для деревьевъ необходимы эти жары.

Однакожь долгая засуха вредна для растений, которыя любятъ тепло, но любятъ и влагу; тяжела она и для людей. Вотъ почему люди радуются, когда набѣгутъ грозовыя тучи, грянетъ громъ, засверкаетъ молнія и освѣжительный дождь напоитъ жаждущую землю. Только бы дождь не былъ съ градомъ, что иногда случается среди самаго жаркаго лѣта: градъ губителенъ для посѣвающихся хлѣбовъ и *лоскомъ* кладетъ иное поле. Крестьяне усердно молятъ Бога, чтобъ града не было.

2. Все, что начала весна, доканчиваетъ лѣто. Листья вырастаютъ во всю свою величину, и недавно еще прозрачная роща дѣлается непрогляднымъ жилищемъ тысячи птицъ. На *заливныхъ* лугахъ густая, высокая трава волнуется, какъ море. Въ ней шевелится и жужжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ. (Какіе луга называются заливными?). Деревья въ садахъ от-

цвѣли. Ярко-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькают между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но въ тиши зрѣютъ и наливаются. Одна липа еще въ цвѣту и благоухаетъ. Въ ея густой листвѣ, между ея чуть бѣлѣющими, но душистыми цвѣточками слышенъ стройный, невидимый хоръ. Это работаютъ съ пѣнями тысячи веселыхъ пчелокъ на медовыхъ, благоухающихъ цвѣточкахъ липы. Подойдите ближе къ поющему дереву: даже пахнетъ отъ него медомъ!

Ранніе цвѣты уже отцвѣли и заготавливаютъ сѣмена, другіе еще въ полномъ цвѣту. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинаетъ желтѣть, волнуясь, какъ море подъ напоромъ легкаго вѣтра. Гречиха въ цвѣту и нивы, засѣяныя ею, бѣлы, какъ молоко; съ нихъ несетъ тотъ же пріятный медовой запахъ, которымъ приманиваетъ пчелъ цвѣтущая липа.

А сколько ягодъ, грибовъ! Словно красный *коралл*, рдѣетъ въ травѣ сочная земляника; на кустахъ развѣсились прозрачныя сережки смородины.... Но возможно ли перечислить все, что появляется лѣтомъ? Одно зрѣетъ за другимъ, одно догоняетъ другое.

3. И птицѣ, и звѣрю, и насѣкомому лѣтомъ раздолье! Вотъ уже и молоденькія птички пищать въ гнѣздахъ. Но пока еще у нихъ подростутъ крылья, заботливые родители съ веселымъ крикомъ снуютъ въ воздухъ, отыскивая кормъ для своихъ птенцовъ. Малютки давно уже высосываютъ изъ гнѣзда свои тоненькія, еще худо-оперившіяся шейки и, раскрывъ носики, ждутъ подачки. И корму довольно для птицъ: та подымаетъ оброчное колосомъ зерно; другая и сама потреплетъ зрѣющую вѣтку конопли или почнетъ сочную вишню; третья гонится за мошками, а онѣ кучами толкуются въ воздухъ. Зоркій ястребъ, широко распустивъ свои длинныя крылья, рѣетъ высоко въ воздухъ, зорко высматривая цыпленка или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся отъ матери, — завидитъ и, какъ стрѣла, пустится онъ на бѣдняжку: не миновать ей жадныхъ когтей хищной, *плотодной* птицы! Старые гуси, гордо вытянувъ свои длинныя шеи, громко гогочутъ и ведутъ на воду своихъ маленькиихъ дѣтокъ, пушистыхъ, какъ весенніе барашки на вербахъ, и желтыхъ, какъ яичный желтокъ.

Мохнатая, разноцвѣтная гусеница волнуется на своихъ многочисленныхъ ножкахъ и гложетъ листья и плоды. Пестрыхъ бабочекъ порхаетъ уже много. Золотистая пчелка безъ устали работаетъ на липѣ, на гречихѣ, на душистомъ, сладкомъ клеверѣ, на множествѣ разнообразныхъ цвѣтовъ, доставая всюду то, что ей нужно для изготовленія ея хитрыхъ, душистыхъ сотовъ. Неумолкающій гулъ стоитъ въ насѣкахъ (пчельникахъ). Скоро пчелкамъ станетъ тѣсно въ ульяхъ и онѣ начнутъ *роить*ся: раздѣляться на новыя трудолюбивыя царства, изъ которыхъ одно останется дома, а дру-

гое полетитъ искать новой отчизны, гдѣ-нибудь въ дуплистомъ деревѣ. Но пасѣчникъ перехватитъ рой на дорогѣ и посадитъ его въ давно-приготовленный для него, новенькій улей. Муравей уже много настроилъ новыхъ подземныхъ галлерей; запасливая хозяйка, бѣлка, уже начинаетъ таскать въ свое дупло поспѣвающіе орѣхи. Всѣмъ приволье, всѣмъ раздолье! Для всѣхъ широко открылъ свою щедрую длань милосердный Создатель и сыплетъ на землю — и тепло, и благодатный громовый дождь, и цвѣты, и плоды, и бесчисленные сѣмена травъ и хлѣбовъ!

4. Много, много лѣтомъ работы крестьянину! Вотъ онъ вспахалъ озимья поля и приготовилъ къ осени мягкую колыбельку хлѣбному зерну. Еще не успѣлъ онъ кончить пахоты, какъ уже настаетъ пора косить. Косари, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ блестящими и звенящими косами въ рукахъ, выходятъ на луга и дружно подкашиваютъ подъ корень высокую, уже *осменившуюся* траву. Острыя косы блестятъ на солнцѣ и звенятъ подъ ударами набитой пескомъ лопатки. Женщины также дружно работаютъ граблями и сваливаютъ уже подсохшее сѣно въ копны. Пріятный звонъ косъ и дружныя, звонкія пѣсни несутся повсюду съ луговъ. Вотъ уже строятся и высокіе круглые стога. Мальчики валяются въ сѣнѣ и, толкая другъ друга, заливаются звонкимъ смѣхомъ; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сѣномъ, едва волочитъ на веревкѣ тяжелую копну.

Не успѣлъ отойти сѣнокосъ — начинается жатва. Рожь, кормилица русскаго человѣка, поспѣла. Отяжелѣвшій отъ множества зеренъ и пожелтѣвшій колосъ сильно понагнулся къ землѣ; если еще его оставить на полѣ, то зерно станетъ сыпаться, и пропадетъ безъ пользы Божій даръ. Бросаютъ косы, принимаются за серпы. Весело смотрѣть, какъ, разсыпавшись по нивѣ и нагнувшись къ самой землѣ, стройные ряды жнецовъ *валятъ подъ корень рожь высокую*, кладутъ ее въ красивые, тяжелые снопы. Пройдетъ недѣли двѣ такой работы, и на нивѣ, гдѣ еще недавно волновалась высокая рожь, будетъ повсюду торчать срубанная солома. За то на сжатой полосѣ рядами стануть высокія, золотистыя копны хлѣба.

Не успѣли убрать ржи, какъ пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овесъ; а тамъ, смотришь, уже покраснѣла гречиха и проситъ косы. Пора дергать ленъ: онъ совсѣмъ ложится. Вотъ и конопля готова: воробы стаями хлопочутъ надъ нею, доставая *маслянистое зерно*. Пора копать и картофель; а яблоки давно уже валяются въ высокую траву. Все спѣетъ, все зрѣетъ, все надобно убрать во время; даже и длиннаго лѣтняго дня не хватаетъ!

Поздно вечеромъ возвращаются люди съ работы. Они устали; но веселыя, звонкія пѣсни раздаются громко по вечерней зарѣ. Утромъ, вмѣстѣ

съ солнышкомъ, крестьяне опять примутся за работу; а солнышко лѣтомъ встаетъ куда-какъ рано!

5. Отъ чего же такъ веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много? И работа не легкая! Нужна большая привычка, чтобы промахать цѣлый день тяжелой косою, срѣзывая каждый разъ добрую охапку травы; да и съ привычкой много еще нужно прилежанія и терпѣнія. Не легко и жать подъ палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потомъ, задыхаясь отъ жару и усталости. Посмотрите на бѣдную крестьянку, какъ она своей грязной, но честной рукой отираетъ крупные капли пота съ разгорѣвшагося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя онъ тутъ же на полѣ барахтается въ своей люлькѣ, висящей на трехъ кольяхъ, воткнутыхъ въ землю. Маленькая сестра крикуна сама еще ребенокъ и недавно начала ходить, но и та не безъ дѣла: въ грязной, изорванной рубашenkѣ, сидитъ она на корточкахъ у люльки и старается закачать своего расхолодившагося братишку.

Но почему же веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много и работа его такъ трудна? О, на это есть много причинъ! *Во первыхъ*, крестьянинъ работы не боится: онъ выросъ въ трудахъ. *Во вторыхъ*, онъ знаетъ, что лѣтняя работа кормитъ его цѣлый годъ и что надо пользоваться *ведромъ*, когда Богъ даетъ его; а не то можно остаться безъ хлѣба. *Въ третьихъ*, крестьянинъ чувствуетъ, что его трудами кормятся не одна его семья, а весь мѣръ: и я, и вы, и всѣ разодѣтые господа, хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ посматриваютъ на крестьянина. Онъ, копаясь въ землѣ, своей тихой, неблестящей работой кормитъ всѣхъ, какъ корни дерева кормятъ гордыя вершины, одѣтыя зелеными листьями.

6. Много прилежанія и терпѣнія нужно для крестьянскихъ работъ; но не мало также требуется знаній и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много умѣнья. Если же кто безъ привычки возьметъ косу, то не много съ нею наработаетъ. Сметать хорошій стогъ сѣна тоже дѣло не легкое; пахать надо умѣючи; а чтобы хорошо посеять, ровно, не гуще, не рѣже того, чѣмъ слѣдуетъ, — то даже не всякій и крестьянинъ за это возьмется. Кромѣ того, нужно знать когда и что дѣлать, какъ сладить соху и борону, какъ изъ конопли, напимѣръ, сдѣлать пеньку, изъ пеньки нитки, а изъ нитокъ соткать холстъ.... О! много, очей много знаетъ и умѣетъ дѣлать крестьянинъ, и его никакъ нельзя назвать невѣждою, хотя бы онъ и читать не умѣлъ. Выучиться читать и выучиться многимъ наукамъ гораздо легче, чѣмъ выучиться всему, что долженъ знать хорошій, опытный крестьянинъ.

Сладко засыпаетъ крестьянинъ послѣ тяжкихъ трудовъ, чувствуя, что онъ выполнилъ свой святой долгъ. Да и умирать ему не трудно: обрабо-

танная имъ нива и еще засѣянное имъ поле остаются его дѣтямъ, которыхъ онъ вспоилъ, вскормилъ, приучилъ къ труду, и вмѣсто себя поставилъ работниками передъ Богомъ и людьми.

О С Е Н Ъ.

1. Уже съ 9-го іюня начинается понемногу убавляться день и прибавляется ночь. 11-го сентября день снова равенъ ночи. Это день осеняго равноденствія и начало осени. Съ этого числа ночь все увеличивается и къ 11-му декабря становится втрое длиннѣе дня. Въ это время солнце едва покажется на небѣ и спѣшитъ спрятаться; въ 9-ть часовъ утра еще темно; въ 3 часа послѣ обѣда надобно уже зажигать свѣчи.

Облака почти не сходятъ съ неба, и это уже не красивыя лѣтнія облака, громоздящіяся серебряными горами или высоко бѣгущія по небу серебряными баранками: небо застилается все ровною пеленою свинцоваго цвѣта. Съ конца августа въ воздухъ начинается холодѣть. Свѣжестъ замѣчается особенно по утрамъ; а въ сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сѣдняго дома. Еще немного — и лужи, которыхъ осенью довольно вездѣ, чинаютъ по ночамъ замерзать.

Мелкіе осенніе дождики совсѣмъ не похожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ-устали, далеко разнося созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

2. Листъ на деревьяхъ начинается кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ августа; въ сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все еще зеленой, появляются тамъ-и-сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза: она же первая начинаетъ желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня и — трепетная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство: крутя въ воздухъ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало-по-малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свезены и только высокіе стога сѣна, обнесенные плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и, какъ-будто, проситъ снѣгу. Одна только озимь подымается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ, запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. За то корешки хлѣбовъ сохраняются невредимо подъ снѣгомъ, и весною выглянутъ снова на Божій свѣтъ зелеными стебельками.

Все гложетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта и приобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ это время природа похожа на усталаго, много поработавшаго человѣка, котораго одолеваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, закрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

3. Отлетныя птицы однѣ за другими собираются въ дальній путь. Первыя поднимаютъ тревогу ласточки, и еще въ концѣ августа онѣ вдругъ исчезаютъ: онѣ чувствуютъ приближеніе осени, и ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму. Потомъ потянутся съ сѣвера на югъ длинныя *вереницы* журавлей, утокъ и гусей. Съ крикомъ, то длинною цѣпью, то угломъ, съ передовымъ впереди, улетають отъ насъ лѣтніе гости. Лѣса рѣдѣють, затихаютъ и пустѣють: только тяжелая, мокрая, ворона каркаетъ, усаживаясь на обнаженную вѣтку, да галки съ отчаяннымъ крикомъ носятся стаями.

Вотъ ужъ и деревья стоятъ все голыя, только на рябинѣ висятъ ея красныя *вроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и въ поляхъ, и въ лѣсахъ. Земля, почернѣлая, грязная, пропитанная дождемъ, смотритъ уныло подъ свинцовымъ небомъ: хоть бы снѣгъ поскорѣе закрылъ ея неприятную наготу. Появляется и снѣгъ; но долго еще онъ не можетъ удержаться, и, оставшись иногда на нѣсколько часовъ, снова исчезаетъ.

4. Работы у крестьянина осенью замѣтно убываетъ; но все же онъ не остается безъ дѣла. Въ началѣ осени нужно пахать, боронить и засеивать *озимыя* поля; потомъ надо свозить хлѣбъ съ полей въ риги: телѣги, спрятавшіяся подъ тяжелыми снопами, скрипятъ по всемъ дорожкамъ. Свезши хлѣбъ, надобно его сушить въ овинѣ, а потомъ молотить. Удары молотильныхъ цѣповъ съ ранняго утра до поздняго вечера слышатся осенью на гумнахъ. Намолотивши зерна, крестьянинъ складываетъ его въ мѣшки и спѣшитъ на мѣльницу. Если же онъ не молотить и не сидитъ на мѣльницѣ, дожидаясь очереди, то, навѣрное, съ топоромъ въ рукахъ, поправляетъ что-нибудь около своей избы. Женщины мочатъ и потомъ треплютъ коноплю, чешутъ ленъ, и готовятъ себѣ прядиво на долгіе зимніе вечера.

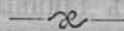
Но все же осенью работы, сравнительно съ лѣтомъ, гораздо меньше, и крестьянинъ спѣшитъ повеселиться. Осенью праздникоу много; крестьянскія свадьбы устраиваются всегда въ эту пору года, когда дѣла меньше и всякаго добра много. Вездѣ варятъ пиво, и веселыя, подгулявшія толпы ходятъ въ гости изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню. Сильно поработавъ мужичекъ за лѣто: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

5. Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и калошъ нельзя выглянуть на улицу. Сверху мороситъ мелкій, холодный дождикъ; съ мокрыхъ, блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмок-

шему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотрят уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестах. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ двойныя рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свистить и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску. Но за то осенью же начинаются въ столицахъ и большихъ городахъ театры, концерты и собранія. Только все это идетъ какъ-то вяло, пока веселый снѣгъ не забѣлѣетъ на улицахъ и не ляжетъ санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркій огонекъ затрепещетъ въ печи, дымъ столбами подыметъ изъ трубъ, снѣгъ заблеститъ брилліантовыми искорками, бодро побѣжитъ лошадка, сани заскрипятъ, разрумьнится и лицо старика — весело покатится зимняя русская жизнь!

О ЧЕЛОВѢКѢ.

Я человекъ, хотя еще и маленькій; потому что у меня есть такая же душа и такое же тѣло, какъ и у другихъ людей.

Тѣло мое состоитъ изъ семи главныхъ частей: головы, шеи, туловища, двухъ рукъ и двухъ ногъ.

1. Голова моя по формѣ нѣсколько похожа на шаръ; но не такъ кругла, какъ мячикъ, — а имѣетъ *овальную* форму. Съ боковъ голова немного сжата, сзади выдалась; одна часть ея покрыта волосами, другая нѣтъ.

2. Верхняя часть головы называется *теменемъ*, выдающійся задъ — *затылкомъ*, передняя часть — *лицомъ*.

3. Различныя части лица носятъ различныя названія, а именно: лобъ, виски, щеки, скулы, глаза, носъ, подбородокъ; по бокамъ головы расположены уши.

4. Голову съ туловищемъ соединяетъ гибкая шея, отчего я могу дѣлать головою различныя движенія: подымать, опускать ее и поворачивать въ сторону. Передняя часть шеи называется горломъ.

5. Туловище — самая большая часть моего тѣла, и вокругъ него расположены другія части: голова и четыре *члена*, то есть — двѣ руки и двѣ ноги. Въ туловищѣ также нѣсколько различныхъ частей: *грудь*, *животъ* и *спина*.

6. Одна рука называется *лввою*, другая *правою*. Онѣ совершенно похожи одна на другую и расположены *симметрически*, по обѣимъ сторонамъ моего туловища. Руки называются *верхними* членами тѣла, ноги — *нижними*. Правая и лѣвая нога также похожи одна на другую.

1. Рука состоитъ изъ трехъ частей: верхняя, отъ плеча до локтя, называется *плечевою* частью руки, или просто *плечомъ*; средняя, отъ локтя до кисти, называется — *локтевою* частью или *предплечьемъ*, а нижняя — *кистью*.

2. Нога также раздѣляется на три части: верхняя, отъ туловища до колѣня, называется *бедромъ*; средняя, отъ колѣна до ступни, — *голенью*; а нижняя — *ступнею*.

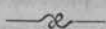
1. Въ кисти есть *ладонь* и *пальцы*. Пальцевъ на каждой рукѣ по пяти. Каждый палецъ, кромѣ большого, состоитъ изъ трехъ суставовъ; въ большомъ пальцѣ только два сустава. На оконечностяхъ мягкихъ пальцевъ, сверху, расположены твердые *роговые ногти*.

2. Верхняя часть ступни называется *подъемомъ*, нижняя — *подошвою*, задняя — *пяткою*; на переди ступни расположены пять *пальцевъ*. Каждый изъ ножныхъ пальцевъ, кромѣ большого, имѣетъ по три сустава и по ногтю; но ножные пальцы не такъ длинны, гибки и подвижны, какъ пальцы рукъ *).

*) Для приученія дѣтей къ систематическому описанію тѣла, можно на доскѣ начертить такую таблицу, по которой легко уже дѣтямъ рассказать прочитанное въ порядкѣ.

Части человеческого тѣла.	1. Голова	{ 1. Темя. 2. Затылокъ. 3. Лицо	{ Лобъ, глаза. Носъ, ротъ. Скулы и т. д.	
	2. Шея.			
	3. Туловище	{ 1. Грудь. 2. Животъ. 3. Спина.		
	4. Рука	{ 1. Плечо. 2. Предплечье. 3. Кисть	{ Ладонь. Пальцы	{ Три или два сустава и ногти.
	5. Нога	{ 1. Бедро. 2. Голень. 3. Ступня	{ 1. Подъемъ. 2. Подошва. 3. Пятка. 4. Пальцы	{ Три или два сустава и ногти.

У птицъ двѣ ноги, но вмѣсто рукъ — крылья; у лошади, коровы, кошки, кролика, у множества другихъ звѣрей, — по четыре ноги, а рукъ вовсе нѣтъ; у обезьянъ всѣ четыре члена — руки. Птицъ зовутъ *крылатыми*; звѣрей, у которыхъ четыре ноги, — *четвероногими*, а обезьянъ — *четыреорукими*; одного только человѣка можно назвать *двурукимъ*.

1. Цвѣтъ предметовъ, величину ихъ, число и форму я различаю *зрѣніемъ*; стукъ, крикъ, шелестъ, звонъ, слова другаго человѣка и всякіе другіе звуки я различаю *слухомъ*; запахъ предметовъ — *обоняніемъ*, вкусъ — *вкусомъ*. *Осязаніемъ* я различаю форму и величину предмета; но, кромѣ того, посредствомъ осязанія-же я узнаю твердъ или жидокъ предметъ, мягокъ онъ или легокъ, теплъ или холоденъ, шероховатъ или гладокъ.

2. Зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ называются *пятью внѣшними* или *тѣлесными чувствами* человѣка, — въ отличіе отъ *внутреннихъ* или *душевныхъ* чувствъ, каковы: горе, радость, гнѣвъ, любовь, благодарность и м. др.

3. Я гляжу глазами, слушаю ушами, обоняю носомъ, различаю вкусъ предметовъ языкомъ, осязаю почти всѣмъ моимъ тѣломъ и въ особенности концами пальцевъ; я говорю ртомъ, дышу ртомъ и носомъ, хожу ногами, работаю руками, жую зубами, перевариваю пищу желудкомъ. Всякая часть моего тѣла, исполняющая какую нибудь отдѣльную службу, называется *орудіемъ* или *органомъ*.

4. Все тѣло человѣческое состоитъ изъ множества различныхъ, необходимыхъ для него органовъ, а потому все оно называется иногда *организмомъ*, т. е. соединеніемъ многихъ органовъ, изъ которыхъ каждый выполняетъ свое особое дѣло, а всѣ вмѣстѣ даютъ человѣку возможность жить *).

5. Человѣкъ, у котораго не достаетъ хотя одного важнаго органа или какой нибудь органъ перестанетъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, ведетъ очень печальную жизнь. Тяжело жить человѣку *слѣпому*, потерявшему зрѣніе; не легко и *нѣмому*, не имѣющему возможности выразить словами своихъ мыслей и желаній; жалокъ и *калька*, который потерялъ употребленіе рукъ или ногъ **).

6. Но есть еще болѣе важныя органы въ тѣлѣ человѣка, такіе, безъ которыхъ онъ уже рѣшительно жить не можетъ. Эти важныя органы скры-

*) См. въ Хрестоматіи басню: «Органы человѣческаго тѣла».

***) См. въ Хрест. басню: «Богатство».

ты внутри человѣческаго тѣла и называются *внутренними*, въ отличіе отъ *наружныхъ*, т. е. тѣхъ, которые видны снаружи.

1. Изъ всѣхъ пяти органовъ внѣшнихъ чувствъ органъ зрѣнія самый необходимый для человѣка. Глаза расположены подо лбомъ, въ особенныхъ углубленіяхъ, называемыхъ *глазными впадинами*. Снаружи мы видимъ только наружную часть глаза.

2. Въ серединѣ глаза мы различаемъ круглый черный *зрачекъ* и вокругъ зрачка — цвѣтной кружочекъ, называемый *цвѣтнымъ ободкомъ* или *райкомъ*. У разныхъ людей раекъ бываетъ разнаго цвѣта. Вокругъ райка мы видимъ *бѣлокъ*, имѣющій овальную форму; а въ углахъ глаза красноватая *мочка*. Глазъ закрывается двумя *вѣками*. Нижнее вѣко неподвижно; верхнее-же безпрестанно подымается и опускается — *мигаетъ*. Вѣки опушены *ресницами*; надъ глазами растутъ *брови*.

Уши, какъ и глаза, — органъ *парный*. Мы видимъ только наружную часть уха, внутренняя же его часть скрыта въ головѣ. Наружная часть уха называется *ушною раковиною*. Ощупывая ушную раковину, мы чувствуемъ, что въ ней и подъ кожею есть что-то такое, что тверже мяса и мягче кости: это — *хрящъ*. Внутри уха есть отверстіе, *каналъ*, который ведетъ во внутреннюю часть слуховаго органа, скрытую въ височной кости черепа.

Носъ — органъ одиночный и расположенъ по серединѣ лица. Въ носу можно различить нѣсколько частей: *корень* или основаніе носа, лежащее между глазами, *переносье*, *кончикъ* носа и двѣ *ноздри*. Верхняя часть носа — твердая косточка, нижняя — состоитъ изъ хряща. Внутри носъ выстланъ *слизистою оболочкою*. Носомъ мы различаемъ запахъ, носомъ-же мы и дышемъ — даже болѣе, чѣмъ ртомъ.

1. Ротъ очень сложный органъ. Снаружи онъ закрывается двумя мягкими, красными губами. Внутри рта мы различаемъ *челюсти*, *дѣсна*, *зубы*, *нёбо*, *языкъ* и *глотку*.

2. Изъ рта ведутъ внутрь тѣла два канала: одинъ, которымъ мы дышемъ, проходитъ въ передней части шеи и называется *дыхательнымъ горломъ*; другой идетъ сзади и называется *пищевымъ горломъ*. Въ верхней части дыхательнаго горла скрытъ *органъ голоса*.

1. Въ каждомъ зубѣ различаются двѣ части: верхняя *коронка*, и нижняя — *корень*. Сверху зубъ покрытъ гладкою блестящею эмалью. Чело-

вѣкъ родится безъ зубовъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи зубы у ребенка начинаютъ показываться одинъ за другимъ: эти первые зубы называются *молочными*. На седьмомъ или восьмомъ году жизни молочные зубы выпадаютъ и замѣняются *постоянными*.

2. Зубы имѣютъ различную форму, смотря потому, гдѣ они сидятъ. Спереди въ обѣихъ челюстяхъ находится въ каждой по 4 плоскихъ, острыхъ зуба (всѣхъ 8). Они служатъ для того, чтобы ими, какъ ножами, разрѣзывать пищу, а потому и называются *рѣзцами*. За рѣзцами, по обѣ стороны и въ обѣихъ-же челюстяхъ, сидитъ по одному длинному, острому зубу. Эти зубы называются *клыками* или *глазными зубами*. Клыки служатъ для разрыва пищи: всѣхъ ихъ 4. Далѣе расположены толстые зубы съ плоскими коронками, на которыхъ замѣтны бугорки: эти плоскіе зубы называются *коренными*. Коренными зубами мы раздавливаемъ, перемалываемъ пищу. Всѣхъ зубовъ у человѣка 32.

1. Ротъ — очень сложный органъ, но за то онъ выполняетъ и нѣсколько службъ: ртомъ мы *подимъ*, *говоримъ* и отчасти *дышемъ*.

2. Въ произношеніи различныхъ буквъ всѣ части рта и даже носъ принимаютъ участіе. Букву *а*, на примѣръ, мы можемъ произнести одною гортанью; чтобы произнести букву *и* или *б*, мы должны употребить наши губы; для произношенія буквы *е* мы нижнюю губу прижимаемъ къ верхнимъ зубамъ; для того, чтобы произнести букву *к*, мы прижимаемъ языкъ къ нѣбу; букву *д* выдѣлываютъ зубы и языкъ вмѣстѣ; въ произнесеніи буквы *н* беретъ участіе и носъ.

1. Все мое тѣло одѣто снаружи кожей. Я чувствую всякое прикосновеніе къ кожѣ и потому кожа называется *органомъ осязанія*.

2. Кожа у большей части звѣрей почти вся покрыта шерстью; у человѣка почти вся кожа обнажена и гладка; но, присматриваясь ближе, мы видимъ на ней маленькія точки: это — небольшія отверзстія, называемыя *порами*, черезъ которыя проходитъ испарина. На верхней части головы, на кожѣ, растутъ длинныя густыя волосы. На всей кожѣ также разсыяны небольшіе, бѣловатые волоски; но они такъ рѣдки и малы, что ихъ почти невидать *).

1. Ощупывая части моего тѣла, я чувствую, что въ немъ подъ кожей

*) Для облегченія дѣтямъ стройнаго разсказа объ органахъ чувствъ можно начертить на доскѣ таблицу этихъ органовъ, подобную той, которая изложена для частей тѣла, и по ней руководить разсказомъ.

есть что-то твердое — это *кости*. Снаружи, ошупью, я могу различить только самыя главныя и большія изъ костей.

2. Притрогиваясь къ головѣ, я ошупываю *черепъ*. Черепъ состоитъ изъ нѣсколькихъ выпуклыхъ костей, похожихъ на черенки горшка, сложенные краями. Всѣ кости черепа составляютъ одинъ шарообразный костяной ящикъ, въ серединѣ котораго скрытъ очень важный и очень нѣжный органъ — *мозгъ*.

3. Въ головѣ еще я нащупываю *две челюсти*: верхнюю и нижнюю. *Верхняя челюсть* такъ прикрѣплена къ черепу, что можетъ двигаться только вмѣстѣ съ нимъ, а сама по себѣ неподвижна. *Нижняя челюсть* движется отдѣльно отъ черепа, потому что не срослась съ нимъ, а прикрѣплена къ нему особенными крѣпкими и упругими *связками*. Я могу опустить ее, подымать, двигать ею изъ стороны въ сторону, что даетъ мнѣ возможность закрывать и раскрывать ротъ, говорить и жевать. Въ обѣихъ челюстяхъ укрѣплены *зубы*.

1. Голова держится не на мягкой шеѣ, а на *хребтномъ столбѣ*, идущемъ отъ затылка, черезъ шею, по серединѣ спины, во всю длину туловища. Хребтовой столбъ сложенъ изъ 33-хъ небольшихъ костей, называемыхъ *позвонками*, почему и весь хребтовой столбъ называютъ иногда *позвоночнымъ хребтомъ*.

2. Позвонки, которые отчасти можно ощупать рукою, лежатъ одинъ на другомъ и связаны между собою крѣпкими упругими связками. Позвонки пусты въ серединѣ и, будучи сложены вмѣстѣ, составляютъ одинъ длинный каналъ, наполненный какъ и черепъ мозгомъ. Спинной мозгъ соединяется съ головнымъ. Еслибы позвоночный хребетъ былъ одною сплошною и твердою костью, то человѣкъ не могъ бы ни наклонять, ни разгибать, ни склонять на бокъ своего *стана*, не могъ бы поворачивать шеи, ни двигать головою.

2. Позвоночный хребетъ составляетъ главную, *срединную* кость туловища. Къ нему прикрѣплены всѣ остальные кости: къ верхней части — *ребра* и къ нимъ кости рукъ; къ нижней — большія и крѣпкія *тазовыя кости* и къ нимъ кости ногъ.

3. *Ребра*, начинаясь отъ позвоночнаго столба, круто загибаются на обоихъ *бокахъ* и составляютъ основаніе груди или *грудную клетку*, гдѣ бьется *сердце* и лежатъ *легкія*, которыми мы дышемъ. Всѣхъ реберъ у человѣка 12 паръ. Семь верхнихъ паръ соединяются посреди груди плоскою широкою *грудною костью*, которую я могу ощупать рукою. Пять нижнихъ паръ реберъ не сходятся между собою концами и называются *ложными ребрами*.

4. Къ нижней части позвоночнаго хребра прикрѣплены три *тазовыя* кости, сросшіяся въ одну крѣпкую и большую кость, называемую *тазомъ*. Эта кость поддерживаетъ все туловище и къ ней-то прикрѣплены кости ногъ.

1. Съ грудною клѣткою соединены кости каждой руки посредствомъ двухъ костей: *лопатки* и *ключицы*. *Лопатка* — широкая, треугольная, плоская кость лежитъ на ребрахъ сзади, на спинѣ. *Ключица* — небольшая, тонкая, изогнутая кость идетъ отъ плеча къ верху грудной кости.

2. Въ верхней части руки находится одна толстая; длинная кость, называемая *плечевою*; въ средней части руки двѣ кости: одна потолще — *локтевая*, другая потоньше — *лучевая*.

3. Въ кисти множество костей, составляющихъ *запястье*, *пясть* и *пальцы*. Запястье соединяетъ кисть съ локтевою частью руки, или *предплечьемъ*; пясть составляетъ ладонь; кости пальцевъ соединяются съ пястью.

1. Въ верхней части ноги одна толстая длинная кость, называемая *бедромъ*; въ средней — двѣ кости: *большая берцовая* и *малая берцовая*. Въ колѣнѣ есть еще одна небольшая косточка, похожая на чашку и называемая *предколѣнникомъ*.

2. Въ ступнѣ много костей. Кости ступни, какъ и кости кисти раздѣляются на три части: *предплюсну*, *плюску* и *кости пальцевъ*. Въ *предплюску* упираются кости голѣни, средину ступни составляетъ *плюсна* и къ ней прикрѣплены *кости пальцевъ*.

Всѣ отдѣльныя кости соединены между собою крѣпкими, упругими *связками* въ одинъ *остовъ* или *скелетъ*. Скелетъ составляетъ какъ бы основаніе человѣческаго тѣла, на которомъ все оно держится.

1. Ощупывая наши члены, мы чувствуемъ, что въ нихъ кости покрыты чѣмъ-то мягкимъ, но довольно упругимъ: это мясо или *мускулы*. Мускулы упруги, какъ резина, и могутъ сжиматься, или сокращаться, и расширяться, что даетъ намъ возможность двигать нашими членами. Такъ, напримѣръ, плечевая часть руки соединяется съ локтевою посредствомъ мускуловъ; когда эти мускулы сжимаются, то рука наша сгибается, когда разжимаются, то и рука наша выпрамляется.

2. Мускуловъ большихъ и маленькихъ очень много въ тѣлѣ человѣка: малѣйшее движеніе въ лицѣ выполняется сокращеніемъ и растяженіемъ особенныхъ мускуловъ. Языкъ нашъ есть тоже очень большой и очень гибкій мускуль.

3. Мускулы укрѣпляются отъ упражненія. Кто много ходитъ, у того мускулы ногъ дѣлаются крѣпкими, твердыми и сильными; кто много работаетъ руками, у того дѣлаются крѣпкими и сильными мускулы рукъ. У лѣнливцевъ мускулы вялы, слабы и скоро утомляются.

4. Мускулы прикрѣпляются къ костямъ *сухими жилами*: сухими эти жилы называютъ для того, чтобы отличить ихъ отъ тѣхъ мягкихъ жилъ, въ которыхъ протекаетъ кровь.

1. Но мускулы сокращаются, растягиваются и заставляютъ двигаться наше тѣло не сами собою: ихъ сокращаютъ и растягиваютъ по волѣ человека тоненькіе, какъ ниточки, *нервы*. Этихъ нервовъ множество во всякой самой маленькой частицѣ человеческого тѣла, которая только имѣетъ способность что нибудь чувствовать или двигаться.

2. Нервы расходятся по всему тѣлу, но выходятъ изъ мозга черезъ отверстія, находящіяся въ черепѣ и въ позвонкахъ хребетнаго столба. Нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, называются *глазными*, идущіе къ слуховому органу — *слуховыми* и т. д. Нервы, проходящіе въ мускулы и заставляющіе ихъ сокращаться и растягиваться, называются *двигательными* нервами, потому что посредствомъ ихъ человекъ двигаетъ всѣми частями своего тѣла.

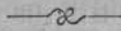
3. Если бы нервы, идущіе отъ мозга къ глазамъ, повредились и перестали дѣйствовать, то человекъ, потерялъ бы способность зрѣнія, хотя бы глаза его смотрѣли по прежнему. Если бы повредились и перестали дѣйствовать нервы, идущіе отъ хребетнаго мозга въ мускулы ногъ, то человекъ потерялъ бы употребленіе ногъ, хотя онѣ казались бы съ виду совершенно здоровыми. Но если бы повредился и пересталъ дѣйствовать самый мозгъ, отъ котораго нервы распространяются по всему тѣлу, то человекъ пересталъ бы чувствовать и двигаться. Вотъ почему Творецъ скрылъ этотъ важный и нѣжный органъ внутри крѣпкихъ костей черепа и хребетнаго столба.

1. Если мы прорѣжемъ гдѣ нибудь нашу кожу, то изъ за нея покажется жидкая, красная, теплая кровь. Кровь протекаетъ въ тѣлѣ человека въ мягкихъ, иногда очень тоненькихъ трубочкахъ, называемыхъ жилами. Тѣ изъ жилъ, которыя довольно толсты и проходятъ подъ кожей, можно видѣть сквозь кожу. Щупая *пульсъ* на рукѣ, на шеѣ или на вискахъ, мы чувствуемъ, какъ что то бьется подъ кожей — это сжимается и расширяется жила, по которой пробѣгаетъ теплая кровь.

2. Разматривая руку, мы видимъ, какъ подъ кожей расходятся жилы, точно вѣточки дерева. Но самыхъ тоненькихъ жилъ мы черезъ кожу ви-

дѣть не можемъ. Онѣ проходятъ не только между мускулами, но и въ мускулахъ, отчего мясо имѣеть красный цвѣтъ. Красный цвѣтъ нашихъ щекъ и губъ зависитъ также отъ кровеносныхъ жилъ, проходящихъ подъ кожей. Если мы ударимъ довольно сильно по рукѣ другою рукою, то замѣтимъ, что то мѣсто, гдѣ мы ударили, сначала побѣлѣеть, а потомъ покраснѣеть. Это зависитъ оттого, что кровь сначала убѣжитъ изъ этого мѣста, а потомъ прильетъ къ нему въ большемъ количествѣ.

3. Жилы расходятся, какъ безчисленныя вѣтки, по всему тѣлу; но всѣ онѣ собираются къ *сердцу*, которое находится въ лѣвой сторонѣ груди подъ ребрами и безпрестанно бьется, т. е. сжимается и расширяется. Когда сердце расширится, то кровь въ него вольется, когда сердце сожмется, то погонитъ кровь въ жилы.

1. Для жизни мнѣ, какъ и всякому другому человѣку, необходимы пища и питье. Безъ пищи и питья я могъ бы умереть отъ голода и жажды. Когда я долго не ѣмъ, то испытываю непріятное чувство голода, усталость и слабость во всѣхъ членахъ; а когда поѣмъ, то становлюсь бодрѣе и сильнѣе.

2. Пищу я кладу въ ротъ, пережевываю ее зубами, увлажжаю слюной и проглатываю. Проглоченная пища проходитъ черезъ пищевой каналъ въ *желудокъ*, находящійся въ нижней половинѣ туловища.

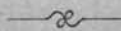
3. Желудокъ перевариваетъ пищу, т. е. передѣлываетъ въ кровь изъ пищи то, что можетъ быть передѣлано, а остальное, негодное, выбрасываетъ. Кровь льется сначала по жиламъ къ сердцу, потомъ изъ сердца по другимъ жиламъ проходитъ въ *легкія*.

4. Легкія находятся въ груди. — Этотъ большой и мягкій органъ состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ трубочекъ. Легкими мы дышемъ, т. е. вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ. Воздухъ входитъ въ легкія и выходитъ изъ нихъ посредствомъ дыхательнаго горла, носа и рта. Когда мы вдохнемъ воздухъ, легкія наши расширятся и грудь подыметя; когда мы выдохнемъ воздухъ, легкія наши сожмутся и грудь опустится. Для дыханія необходимъ воздухъ и безъ воздуха человѣкъ умеръ бы еще скорѣе, чѣмъ безъ пищи.

5. Кровь, побывавъ въ легкихъ и прикоснувшись къ воздуху, дѣлается ярко-красною. Изъ легкихъ кровь опять льется въ сердце; а сердце, расширяясь и сжимаясь, разгоняетъ ее по всему тѣлу, которое питается кровью.

Кости, соединенныя упругими связками, мускулы, прикрѣпленные къ костямъ сухими жилами, кровеносныя жилы и нервы — все это одѣто свер-

ху кожею. Внутри же тѣла находится нѣсколько важныхъ отдѣльныхъ органовъ, изъ которыхъ мы знаемъ только самые главные: мозгъ — внутри черепа и хребетнаго столба, сѣрдце и легкія въ груди и желудокъ въ животѣ.

1. Я и теперь еще не очень великъ и не очень силенъ, когда сравню себя съ большими, взрослыми людьми; но прежде былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя и не помню этого времени.

2. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я вырасту, сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь *взрослымъ* человѣкомъ; пройдетъ еще десятка три лѣтъ — и я начну старѣться: силы мои станутъ упадать, лицо покроется морщинами, глаза ослабѣютъ, зубы выпадутъ, я сдѣлаюсь старикомъ. Потомъ придется мнѣ и умереть: тѣло потеряетъ способность чувствовать и двигаться, начнетъ разрушаться и превратится въ землю, изъ которой оно создано; но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ безсмертную душу.

3. Но теперь тѣло мое живетъ, питается и растетъ, чувствуетъ и движется, потому что оно одарено *жизнью*.

1. Я понимаю то, что мнѣ говорятъ, могу выражать мои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ и другіе люди: у меня есть *даръ слова*.

2. Если я что нибудь разсматриваю или слушаю внимательно, то потомъ могу, когда мнѣ угодно, припоминать то, что видѣлъ и слышалъ. Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и рассказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія множества предметовъ: у меня есть способность *памяти*.

3. Я представляю себѣ очень живо, какія буду имѣть удовольствія, когда настанетъ лѣто; я воображаю, какъ я буду гулять, собирать ягоды, ловить рыбу, играть съ товарищами. Я также очень живо могу представить себѣ лицо знакомаго мнѣ человѣка. Ночью я часто вижу сны и вижу то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. У меня есть *способность воображенія*.

4. Я понимаю не все то, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ; но когда мнѣ объясняютъ хорошенько и я слушаю внимательно объясненія, то мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше, а чѣмъ больше буду учиться, тѣмъ больше буду знать и понимать. Случалось мнѣ выучить наизусть и не понимать того, что я выучилъ; но когда мнѣ объясняли, то я начиналъ понимать то, чего прежде не понималъ: у меня есть *умъ*.

1. Мнѣ пріятно, когда меня хвалятъ, и непріятно, когда бранятъ; я люблю своихъ родителей, люблю многихъ изъ своихъ товарищей. Когда мнѣ сдѣлаютъ добро или какое нибудь удовольствіе, то я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мнѣ досаждаютъ, смѣюсь, когда мнѣ весело, плачу, когда мнѣ грустно: у меня есть много *душевныхъ внутреннихъ чувствъ*.

2. Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что долженъ, когда за мной нѣтъ никакой шалости, тогда у меня на душѣ спокойно, легко и свѣтло; когда же я полѣнюсь, или непослушаюсь, или нашалю, тогда моя душа беспокоится и недовольна моими поступками: у меня есть *совѣсть*.

3. Мнѣ иногда не хочется учиться; но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная что должно трудиться и лѣниться стыдно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать того, что мнѣ приказываютъ; но я могу принудить себя исполнить волю родителей или наставниковъ, зная, что я долженъ имъ повиноваться и что они желаютъ мнѣ добра. Мнѣ хочется иногда и того, чего не должно; но я могу принудить себя сдѣлать то, что должно: у меня есть *воля*.

1. Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ Духъ; но вѣрю, что Онъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все, управляетъ всѣмъ, любитъ насъ и желаетъ намъ добра: въ моей душѣ есть *вѣра въ Бога*.

2. Я иногда пошалю, иногда полѣнюсь, иногда разсержусь, иногда не послушаюсь, иногда сдѣлаю или скажу какую нибудь глупость; случается что скажу неправду; но у меня есть желаніе быть умнымъ, знать много, быть послушнымъ, правдивымъ, добрымъ, и я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь: *у меня есть желаніе и возможность сдѣлаться и умнѣе и добрѣе*.

1. Всѣ эти способности — даръ слова, память, воображеніе, умъ, внутреннее чувство, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше — называются способностями душевными.

2. Въ тѣлѣ человѣка живетъ невидимая *душа*, безъ которой тѣло было-бы мертво, не могло-бы ни чувствовать, ни двигаться, не смотря на всѣ свои прекрасно-устроенные органы. Душа человѣка одарена множествомъ способностей, изъ которыхъ нѣкоторыя есть и у животныхъ. Но у животныхъ нѣтъ дара слова, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти, нѣтъ свободной воли, они не могутъ имѣть понятія о Богѣ, не имѣютъ желанія и возможности сдѣлаться лучше.

Человѣкъ одаренъ прекрасно-устроеннымъ тѣломъ, одаренъ жизнью, одаренъ душою свободною, разумною и безсмертною, желающею добра и вѣрящею въ Творца Вселенной.

ОТДѢЛЪ II.

ЗВѢРИ.

ЛОШАДЬ.

Лошадь — самое большое и самое красивое изъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Рослая лошадь имѣетъ въ вышину (отъ земли до верхушки спины, гдѣ кладется сѣдло) до двухъ аршинъ пяти вершковъ и болѣе: слѣдовательно, она почти ростомъ съ человѣка; въ длину лошадь бываетъ до сажени.

Взглянувъ на лошадь, можно убѣдиться, что она назначена для службы человѣку и въ упряжи, и подъ верхомъ: круглая, широкая спина ея такъ и просится подъ сѣдло. Не то мы видимъ у коровы: къ ея острой спинѣ сѣдло не пристанетъ; а потому люди, когда видятъ что-нибудь не на мѣстѣ, говорятъ: „пристало, какъ коровѣ сѣдло“. Длинные, сильные и легкія ноги лошади, вооруженныя крѣпкими копытами, показываютъ, что ея назначеніе — бѣгать; а красивая грива и длинный, легкій хвостъ, кажется, для того и назначены, чтобы развѣваться по воздуху.

Тѣло лошади состоитъ изъ семи главныхъ частей: красивой, длинной головы, длинной, гибкой шеи, длиннаго, почти круглаго туловища, и четырехъ ногъ: двухъ заднихъ и двухъ переднихъ. По этому послѣднему признаку лошадь причисляется къ животнымъ *четвероногимъ*. На окончностяхъ ногъ у лошади не пальцы съ ногтями, какъ у насъ, и не мягкія лапы съ когтями, какъ у кошки; но твердыя, роговыя копыта и притомъ копыта цѣльные, а не раздвоенныя, какъ у коровы: вотъ почему лошадь называютъ животнымъ *однокопытнымъ*. На шеѣ лошади красивая *грива*; на лбу, между ушами, *чолка*; сзади туловища — длинный, красивый *хвостъ*, волосы котораго начинаются почти у самаго корня, тогда-какъ у коровы волосы только на концѣ хвоста. Кромѣ того довольно длинные волосы находятся у лошадей на ногахъ, не вдалекѣ отъ копыта: эти волосы называются *щеткою*. Все тѣло лошади покрыто шерстью, которая бываетъ различнаго цвѣта. По цвѣту шерсти лошади бываютъ: вороныя или черныя, сѣрыя, рыжія, гнѣдыя, пѣгія и т. д.; цвѣтъ лошади называется *мастью*.

Голову лошади мы можемъ раздѣлить на двѣ части: черепъ и морду. Глаза у лошади большіе, продолговатые и очень умные. Когда молодая лошадь горячится, глаза ее сверкаютъ и наливаются кровью. Два довольно длинные уха, но вовсе не безобразныя, какъ у осла, торчатъ на головѣ къ

верху. Лошадь можетъ шевелить ушами или, какъ говорится, *прядетъ* ими. Лошадь очень чутка и, прислушавшись къ музыкѣ, скоро начинаетъ выступать подъ тактъ мѣрными шагами. Носъ у лошади длинный, съ двумя широкими ноздрями, которыми она храпитъ. Ротъ большой и во рту, въ каждой челюсти, три рода зубовъ: по шести рѣзцовъ, по два клыка и по двѣнадцати коренныхъ; всѣхъ зубовъ у лошади сорокъ; во рту языкъ, а ротъ закрывается двумя толстыми губами.

Такимъ-образомъ, мы видимъ, что лошадь должна имѣть зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ; а что у нея есть осязаніе, то въ этомъ и сомнѣваться нельзя: она чувствуетъ самое легкое прикосновеніе шпоръ, жало овода и ударъ кнута, хотя кожа лошади очень толста. Лошадь рѣдко издаетъ звуки: она ржетъ, стонетъ, храпитъ; а когда ей очень больно, то кричитъ рѣзко и пронзительно.

Внутренніе органы у лошади тѣ же, что и у человѣка; но устроены нѣсколько иначе, сообразно ея назначенію. Желудокъ у нея больше и длиннѣе человѣческаго; потому-что лошадь ѣсть траву, а не мясо. Мяса можно съѣсть небольшой кусокъ и быть сытымъ; а травы надобно съѣсть много, чтобы насытиться. Звѣри, питающіеся травою и вообще одними растеніями, называются *травоядными*. Хребетный столбъ у лошади гораздо длиннѣе, чѣмъ у человѣка, и идетъ отъ хвоста къ черепу не вертикально, а горизонтально; но состоитъ также изъ костяныхъ позвонковъ, наполненныхъ мозгомъ. Всѣ животныя, имѣющія позвоночный столбъ, называются *позвоночными* животными: паукъ, ракъ, муха — животныя *непозвоночныя*. Отъ хребетнаго или *позвоночнаго* столба идутъ ребра, закрывающія важные органы: сердце и легкія. Біеніе сердца, которое у лошади, такъ же какъ у человѣка, разгоняетъ *горячую, красную* кровь по всему тѣлу, можно слышать у лошади въ лѣвой сторонѣ груди, — тамъ, гдѣ лѣвая передняя нога отдѣляется отъ туловища. Всѣ животныя, имѣющія въ жилахъ своихъ красную, горячую кровь, называются животными *теплокровными*. У нѣкоторыхъ животныхъ есть позвоночный столбъ, но нѣтъ теплой крови: у рыбы, напримѣръ, есть позвоночный столбъ, и мы, кушая рыбу, стараемся отобрать мясо отъ позвоночнаго столба, отъ позвонковъ котораго идутъ колючія кости, ребра; но кровь у рыбъ гораздо холоднѣе, чѣмъ у лошади или у человѣка. Лошадь — животное *млекопитающее*, потому-что жеребята сосутъ своихъ *матокъ*. Лошадиное молоко пьютъ, какъ лекарство; а кочевые народы, калмыки, киргизы, башкиры, ѣдятъ лошадиное мясо и готовятъ изъ лошадиного молока опьяняющій напитокъ, *кумысъ*, который для нихъ замѣняетъ водку. Лошадь, точно такъ же, какъ корову, овцу, свинью и другихъ животныхъ, привыкающихъ къ дому человѣка, называютъ животнымъ *домашнимъ*. Въ *дикомъ* состояніи лошади

теперь не встрѣчаются; но въ степи, предоставленныя самимъ себѣ, лошади скоро *дичаютъ*. Въ Америкѣ вовсе не было лошадей; но европейцы завезли ихъ туда и теперь тамъ много *одичалыхъ* лошадей.

Лошадь очень полезна для людей своею силою и своимъ быстрымъ бѣгомъ; а потому люди очень холятъ ее, берегутъ, припасаютъ ей на зиму сѣно и овесъ, безъ чего она не могла бы существовать въ холодномъ климатѣ, такъ-какъ зимою ей негдѣ было бы достать травы. Лошадь очень храбро и смѣло идетъ на сраженіе по волѣ человѣка. Въ степяхъ лошади живутъ табунами или, какъ говорятъ, *косяками*, и очень дружны между собою. Когда на нихъ нападаетъ хищный звѣрь, онѣ собираются въ кружокъ, головами въ середину, гдѣ прячутся жеребята, и выставляютъ врагу свои заднія копыта, удары которыхъ такъ сильны, что волки не рѣшаются нападать на такое лошадиное каре.

Лошади такъ привыкаютъ къ человѣку, такъ помогаютъ ему и пахать землю, и ѣздить, и сражаться, что стыдно обращаться съ ними жестоко и несправедливо. Человѣкъ, который накладываетъ на лошадь чрезмѣрную тяжесть или бьетъ ее, когда она не понимаетъ, чего онъ отъ нея хочетъ, или изъ прихоти загоняетъ ее на-смерть, или не кормитъ и не поитъ, какъ слѣдуетъ, своего вѣрнаго друга и товарища, можетъ быть названъ злымъ и неблагодарнымъ человѣкомъ.

Лошадиныхъ породъ множество, и если взглянуть на прекраснаго арабскаго коня и бѣдную клячу водовоза, то не вѣрится, что это животныя одной и той же породы. Но главные признаки у всѣхъ лошадей одинаковы; а потому и жалкую клячу нашего крестьянина, едва передвигающую ноги, за которую платятъ рублей двадцать, и красиваго, быстраго, какъ вѣтеръ, арабскаго коня, стоющаго нѣсколько тысячъ, называютъ одинаково лошадыю.

КОРОВА.

Корова тоже животное домашнее. Она, какъ и лошадь, очень полезна для человѣка, хотя не имѣетъ лошадиной красоты, быстроты и легкости; да коровѣ этого и не нужно, потому что она создана не для ѣзды. Она ниже лошади, хотя въ длину бываетъ иногда не меньше. Части тѣла у коровы тѣ же, какія и у лошади, только устроены нѣсколько иначе, сообразно ея назначенію. На головѣ у коровы два рога, пустые или, какъ говорятъ, *полые* въ серединѣ, но очень крѣпкіе, которыми она, сколько можетъ, защищается отъ собакъ и волковъ. По этому признаку быковъ и коровъ называютъ *рогатымъ скотомъ*. Голова коровы шире и короче, чѣмъ лошадиная. Въ верхней челюсти у ней нѣтъ переднихъ рѣзцовъ: лошадь можетъ кусаться, а корова ужъ никакъ. Шея у нея короткая, безъ гривы, и напередѣ шеи, возлѣ груди, виситъ довольно безобразное воло, или подгрудокъ.

Корова не разом съѣдаетъ траву или сѣно: пожуетъ, проглотитъ; а потомъ, давъ пищѣ полежать въ желудкѣ, *отрыгнетъ* ее и начинаетъ снова пережевывать. Что же это она жуетъ такое? То сѣно, которое она, пожевавши и перетерши своими зубами и шерсткимъ языкомъ, проглотила, потомъ отрыгнула и опять начала пережевывать. По этому признаку корову называютъ животнымъ *отрыгающимъ жвачку*. Не одна корова отрыгаетъ жвачку; но и верблюдъ, и овца, и олень и коза. Корова кормитъ своихъ телятъ своимъ же молокомъ, почему ее также, какъ и лошадь, называютъ животнымъ *млекопитающимъ*; но птицу никакъ уже нельзя назвать млекопитающимъ животнымъ (почему?).

Вы знаете уже, какой у коровы хвостъ, какая спина и что у нея на каждой ногѣ не одно, а два копыта; почему и причисляютъ ее къ животнымъ *двукопытнымъ*. Замѣчательно, что всѣ двукопытныя животныя, коза, овца, верблюдъ и др. *пережевываютъ* жвачку. Коровы, какъ и лошади, бываютъ различной масти; но шерсть у коровъ длиннѣе и не такъ блеститъ, какъ у лошадей. Корова гораздо глупѣе лошади и иногда бываетъ очень упряма. Она мычитъ, реветъ и стонетъ.

Рогатый скотъ, быки и коровы, доставляютъ много пользы людямъ: коровы даютъ людямъ молоко и все, что дѣлается изъ молока (что дѣлается изъ молока?); кожи этихъ животныхъ идутъ на выдѣлку сапожнаго товара, мясо въ пищу, рога для различныхъ мелкихъ вещей, копыта употребляются при приготовленіи синьки и для выварки изъ нихъ столярнаго клея; шерсть идетъ на войлокъ; даже навозъ — и тотъ удобряетъ поля.

Коровы бываютъ также различной породы и инныя очень дороги, какъ напр. тирольскія и голландскія. Въ Россіи лучшею породою коровъ считается холмогорская. Эту породу коровъ велѣлъ доставить изъ Голландіи Петръ Великій и она развелась въ окрестностяхъ Холмогоръ, городка Архангельской губерніи.

О С Е Л Ъ .

Глуповатая, лѣнивая и упрямая фигура осла такъ часто попадаетъ въ басняхъ, что намъ не мѣшаетъ познакомиться съ этимъ четвероногимъ мудрецомъ. Осель принадлежитъ къ лошадиной породѣ и по устройству своего тѣла, и потому, что у него, какъ у лошади, копыто не раздвоено. По этому признаку лошадь, осла, мула, зебра, полосатую фигуру котораго въ вѣроятіи видали на картинкахъ; причисляютъ къ одному отдѣлу животныхъ *однокопытныхъ*. Осель также принадлежитъ къ числу домашнихъ животныхъ. Цвѣтъ его шерсти по большей части темно-сѣрый, но поперегъ плечъ и вдоль спины у него идутъ крестообразно двѣ темныя полосы. Число зубовъ у осла то же, что и у лошади; но хвостъ его похожъ на коровій,

потому что только на концѣ хвоста находится пучокъ волосъ. Длинные, подвижныя уши осла приобрѣли всеобщую извѣстность. Онъ не можетъ бѣгать такъ скоро, какъ лошадь; гораздо неповоротливѣе и лѣнивѣе ея; за то шагъ его вѣренъ; вотъ почему на ослахъ обыкновенно ѣздятъ въ горахъ, по узкимъ тропинкамъ, тамъ, гдѣ лошадь легко можетъ оступиться. Осель лучше лошади переноситъ трудности дороги и не такъ разборчивъ въ кормѣ: бурьянъ, рѣпейникъ, на которые лошадь и не взглянетъ, составляютъ для осла лакомую пищу; за то онъ очень разборчивъ въ питьѣ и пьетъ только чистую воду. Кожа осла еще толще лошадиной и нужна хорошая палка, чтобъ прибавить ходу животному, вообще неповоротливому.

Кожу ословъ употребляютъ чаще на выдѣлку пергамента и для барабановъ, рѣже на выдѣлку подошвъ. Молоко ослицы идетъ въ пищу и очень полезно для людей, имѣющихъ слабую грудь. Ревъ осла чрезвычайно неприятенъ: это какое-то печальное, тяжелое завываніе и, слушая его, можно подумать, что шишка рѣпейника остановилась у осла въ горлѣ; говорятъ, впрочемъ, что ревомъ своимъ онъ довольно вѣрно предсказываетъ дурную погоду. По своему терпѣнію, которое не напрасно называется ослинымъ, по неприхотливости въ пищѣ и по физической силѣ — ослы одни изъ самыхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Жаль только, что они дурно переносятъ холодъ и потому не могутъ разводиться вездѣ, какъ лошади. Ослы водятся въ юго-западной Европѣ, Азии и особенно въ Египтѣ; въ Каирѣ, столицѣ Египта, вмѣсто извозничьихъ экипажей, на улицахъ стоятъ осѣдланые ослы.

У осла должно быть особенно сильно развито воображеніе, потому что онъ очень часто видитъ сны и во снѣ мечется и лягается. Можетъ-быть онъ потому и кажется такимъ лѣнивымъ и неповоротливымъ, что слишкомъ много мечтаетъ. Во всякомъ случаѣ осель вовсе не такъ глупъ, какъ о немъ обыкновенно говорится въ басняхъ. Неповоротливость, лѣность, нечувствительность къ ударамъ, нелѣпый крикъ, длинныя, шевелящіяся и отвислыя уши дали, вѣроятно, ослу ту знаменитость, которою онъ пользуется въ разсказахъ, басняхъ и даже въ разговорномъ языкѣ. Ослиная глупость, ослиное терпѣніе — такія фразы, значеніе которыхъ весьма понятно, и самое имя бѣднаго осла сдѣлалось браннымъ словомъ. Назовите кого-нибудь львомъ и онъ не разсердится, хотя левъ ничуть не умнѣе осла и приноситъ людямъ только вредъ, тогда какъ осель служить человѣку вѣрою и правдою. Люди были несправедливы къ бѣдному ослу, который часто служитъ имъ лучше хорошей лошади и его услуги при томъ обходятся гораздо дешевле лошадиныхъ.

О В Ц А.

Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ сдѣлалъ овцу домашнимъ животнымъ; но тогда какъ лошадей въ дикомъ состояніи уже вовсе нѣтъ, дикіе

бараны живутъ еще стадами въ нѣкоторыхъ азійскихъ горахъ. У барана, самца овечьей породы, есть рога; у овцы ихъ нѣтъ; тогда какъ не только у козловъ, но и у козъ есть рога. По раздвоеннымъ копытамъ своимъ овца причисляется къ одному отряду животныхъ съ быкомъ и коровою. Овца уже и потому приближается къ коровѣ, что обѣ отрыгаютъ жвачку и у обѣихъ недостаетъ однихъ и тѣхъ же зубовъ. Ростомъ овца гораздо меньше коровы; лобъ у нея небольшой, но выпуклый; носъ съ маленькимъ горбомъ; морда заострена къ концу; уши маленькія, стоячія; рога у барановъ угловаты, загнуты въ витушку, чего у козловъ и козъ не бываетъ, и пусты или *полы* въ срединѣ; тогда какъ у оленя, который также имѣетъ раздвоенныя копыта и отрыгаетъ жвачку, въ срединѣ роговъ пустоты нѣтъ. Тѣхъ изъ двукопытныхъ или жвачныхъ животныхъ, у которыхъ рога *полы*, называютъ *полорогими*: олень *плотнорогое* животное. Шея овцы коротка и сжата съ боковъ; хвостъ тоже коротенькій и имѣетъ смѣшную привычку никогда не оставаться въ покоѣ, а постоянно качаться, какъ маятникъ. Лошади ржутъ, коровы мычатъ; овцы и козы блеютъ. Шерсть у овцы длинная, волнистая, иногда бѣлая, какъ снѣгъ, иногда сѣровая, иногда совершенно черная, иногда бѣлая съ черными пятнами или рыжеватая. По качеству своему овечья шерсть очень разнообразна, смотря по породѣ, къ которой овца принадлежитъ: у однихъ эта шерсть бываетъ длинная, мягкая, какъ шелкъ, волнистая, бѣлая, какъ снѣгъ; у другихъ — шерсть короче жестче; у третьихъ — курчавая.

Овца довольно глупое животное: если, на примѣръ, одна овца въ стадѣ вздумаетъ прыгнуть, то все сдѣлаютъ то же самое; раздастся выстрѣлъ — и все стадо шарахнется, само не зная куда; если передовому барану съ разбѣгу вздумается понасть въ яму, то и все стадо, ни мало не думавши, кинется вслѣдъ за нимъ. Едва-ли справедливо, что овцы, завидя волка, идутъ прямо на него; но вѣрно только то, что, почуя приближеніе злѣйшаго врага своего, овцы совершенно теряются: остаются на мѣстѣ и глупо постукиваютъ въ землю своими копытками.

Овца, какъ и корова, доставляетъ человѣку мясо и молоко; но кромѣ того доставляетъ теплую овчину и мягкую прекрасную шерсть, изъ которой выдѣлываются и толстое простое сукно, и тончайшія дорогія сукна, и множество шерстяныхъ матерій, употребляемыхъ для женской одежды. Шкура овцы и барана, вмѣстѣ съ шерстью, идетъ на тулупы; а выдѣланная — на сапожный товаръ. Жиръ употребляется въ пищу, для выдѣлки мыла и свѣчей. Изъ шкурокъ молодыхъ ягнятъ дѣлаются тѣ красивыя черныя и сѣрыя *смушки*, которыми такъ часто убираются дѣтскія платья. Для добыванія съ овецъ шерсти ихъ стригутъ иногда разъ, иногда два раза въ годъ; но прежде, чтобы шерсть была чиста, овецъ тщательно моютъ.

Овцеводство составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ во всѣхъ странахъ; но чѣмъ холоднѣе, тѣмъ труднѣе развести хорошую, *тонкорунную* овечью породу (*руно*, т. е. овечья шерсть). У насъ, въ Россіи, также разводятъ много овецъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, и ежегоднаго дохода съ овецъ получается въ Россіи около 25 милліоновъ рублей: такую огромную выгоду приноситъ это глуповатое, трусливое, чрезвычайно кроткое и полезное созданіе.

Къ одному семейству животныхъ съ овцею причисляются *козлы* и *козы*, хотя съ виду они мало похожи на барановъ и овецъ. Сухое, *поджарое* тѣло козла, его угловатыя формы, выдающіяся кости, рога загнутые назадъ, а не въ витупку, голая верхняя губа, борода подъ нижнею губою, — всѣ эти признаки очень его отличаютъ отъ барана. Но бараны и овцы, козлы и козы составляютъ одно *семейство козловое*, принадлежащее къ отряду двукопытныхъ, жвачныхъ животныхъ. Дикая, легконогая *серна* съ крючковатыми, загнутыми назадъ рогами, принадлежитъ также къ *козловому* семейству. Мясо старыхъ козловъ имѣетъ непріятный запахъ и въ пищу негодится; но мясо молодыхъ козлятъ очень вкусно. Козлиная кожа идетъ на сапожный товаръ; изъ нее же преимущественно выдѣлывается сафьянъ. Козлиныхъ породъ много: самыя дорогія породы, по длинной, шелковистой и мягкой шерсти, — *кашмирская* и *ангорская*.

ОДНОГОРВЫЙ ВЕРБЛЮДЪ ИЛИ ДРОМАДЕРЪ.

Дромадеръ, т. е. бѣгунъ, котораго арабы зовутъ также *кораблемъ пустыни*, служилъ людямъ уже во времена Авраама. Въ настоящее время верблюдъ, какъ домашнее животное, живетъ въ юго-западной Азіи, сѣверной Африкѣ, Греціи и Турціи, въ Крыму, Астрахани и вообще въ южныхъ степяхъ Россіи. Теперь съ успѣхомъ стали разводить верблюдовъ и въ сѣверной Америкѣ. Въ дикомъ состояніи верблюды не встрѣчаются.

Хотя по многимъ свойствамъ своимъ верблюдъ похожъ на знакомыхъ намъ животныхъ, отрывающихъ жвачку, каковы, на примѣръ, корова и овца; но онъ во многомъ отъ нихъ и отличается. Верблюда нельзя назвать красивымъ животнымъ. Неуклюжая, тяжелая, мозолистая стопа его, высокія некрасивыя ноги, съ наростами на переднихъ колѣнахъ, кривая, широкая спина, на которой подымается горбъ, а у иныхъ и два; длинная, согнутая шея, которую верблюдъ на бѣгу вытягиваетъ впередъ; морда, похожая на овечью; короткій, всегда грязный хвостъ; длинные, жесткіе волоса грязно-бураго цвѣта, — всѣ эти признаки не дѣлаютъ верблюда привлекательнымъ по наружности. Но за то, какія драгоценныя, полезныя для человѣка свойства имѣетъ это некрасивое созданіе! Въ пищу верблюдъ очень неприхотливъ и совершенно доволенъ, если ему удастся покусать сухихъ и

колючихъ степныхъ растеній; безъ воды же можетъ оставаться до восьми дней. Верблюдъ великъ, силенъ и ходитъ рысью быстро; въ длину онъ бываетъ до десяти футовъ, а въ вышину до пяти; на него вьючатъ иногда отъ шести сотъ до тысячи фунтовъ и съ такимъ грузомъ онъ можетъ пройти отъ ста восьмидесяти до двухъ сотъ верстъ въ день. Понятно, что такое животное является для человѣка истиннымъ сокровищемъ въ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни воды, ни травы, и гдѣ солнце жжетъ невыносимо: не будь верблюда, и никакая торговля не была бы возможна въ этихъ страшныхъ пустыняхъ; а теперь по нимъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими товарами. Милосердъ Создатель, подарившій верблюда пустынямъ Африки и Азіи, а снѣжнымъ тундрамъ сѣвера легконогого оленя, питающагося мхомъ, добываемымъ изъ-подъ снѣга.

Верблюжье молоко и мясо, хотя рѣдко, но употребляются въ пищу; изъ верблюжьей шерсти дѣлаютъ сукно, и даже навозъ верблюжий идетъ на топливо, точно также, какъ навозъ лошадей и рогатаго скота въ нашихъ южныхъ степяхъ, гдѣ, какъ и во всѣхъ степяхъ, нѣтъ лѣса.

Извѣстны двѣ породы верблюдовъ: верблюды одногорбые и двугорбые; но обѣ эти породы одинаково полезны и сходны въ главныхъ своихъ признакахъ. Горбы верблюда состоятъ изъ жира и опадаютъ, когда животное долго терпитъ голодъ и жажду: это запасныя кладовыя верблюда про черный день, и жиръ горбовъ, всасываясь въ кровь, питаетъ его и поддерживаетъ его силы долгое время. Чтобы удобнѣе навьючивать высокое животное, его приучили становится на переднія колѣни и, такимъ-образомъ, подставлять спину для вьюка.

СѢВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Для насъ олень, не болѣе, какъ предметъ любопытства; но для жителя крайняго сѣвера это животное, нетребующее почти никакого за собою ухода, является совершенно необходимымъ и замѣняетъ лошадь, овцу и корову.

Сѣверные олени бываютъ двухъ видовъ: ручные (домашніе) и дикіе; въ дикомъ состояніи впрочемъ олени теперь встрѣчаются уже рѣдко. Ручные сѣверные олени ростомъ обыкновенно бываютъ до трехъ съ половиной, а въ длину до шести съ половиной футовъ; голову свою съ вѣтвистыми, нѣсколько назадъ отброшенными рогами, всегда держатъ низко, понутивъ; растущая на тѣлѣ ихъ шерсть лѣтомъ бываетъ короткая, темно-сѣрая, а зимою длинная, бѣлая. Лѣтомъ сѣверные олени линяютъ, а осенью какъ самцы, такъ и самки, сшибаютъ съ себя рога и въ продолженіи всей зимы, до весны, остаются безъ нихъ. У молодыхъ оленей рога бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста — бурые, а у стариковъ — черные. На каждомъ рогѣ у оленя во второй годъ вырастаютъ двѣ вѣтки, въ третій три и т. д.

На шеѣ у оленей растеть довольно длинная грива; ноги ихъ, вооруженныя раздвоенными копытами, тонки; хвостъ почти незамѣтный. Плоскія, широкія копыта и находящіеся за ними отростки, называемые шпорцами, даютъ легкому животному возможность бѣгать по снѣгу, не проваливаясь. Олень есть животное двукопытное, жвачное, плотнорогое, травоядное.

Жители крайняго сѣвера держатъ у себя оленей стадами, часто въ нѣсколько тысячъ головъ, и богатство человѣка измѣряется тамъ обыкновенно количествомъ оленей. Весь уходъ за оленями ограничивается только тѣмъ, что имъ предоставляютъ самимъ находить себѣ пищу; но чтобы они не разбрелись, то привязываютъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколько оленей, что и заставляетъ другихъ постоянно оставаться вблизи привязанныхъ товарищей. Тощій, безплодный и по виду непитательный бѣлый мохъ (ягель) и разнаго рода лишай составляютъ главную пищу оленей во всякое время года. Сверхъ того, въ короткое лѣто, — когда и въ этихъ угрюмыхъ странахъ показывается солнце и, растопивъ ледяную кору, вызываетъ изъ земли бѣдную травку, а зачахлыя деревья начнутъ покрываться небогатою зеленью, — олени питаются травою и молодыми древесными листьями вайды, осины и березы. Зимой олени обыкновенно тощатъ, потому-что съ большимъ трудомъ должны добывать себѣ скудную пищу, расканивая снѣгъ и копытами пробивая ледяную кору, плотно одѣвающую землю послѣ осеннихъ дождей. На лѣто олени, водящіеся у обывателей нашихъ сѣверныхъ владѣній, цѣлыми стадами переселяются съ хозяевами своими къ югу, чтобы спастись тамъ въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и отчасти въ лѣсахъ отъ страшныхъ враговъ своихъ, — комаровъ и оводовъ. Весною и рано лѣтомъ овода обыкновенно цѣлыми роями летаютъ надъ стадами оленей и, садясь къ нимъ на спину, кладутъ въ ихъ густую шерсть свои яйца, величиною въ горчичное зерно. Изъ этихъ яицъ скоро выходятъ червячки, которые, отыскивая пищу, пробуравливаютъ кожу оленей и углубляются въ ихъ тѣло, отъ чего вся спина оленей покрывается большими желваками, имѣющими на вершинкѣ своей небольшія отверстія. Отъ нестерпимаго зуда олени расчесываютъ себѣ всю спину до крови, большую часть дня проводятъ въ водѣ, куда заходятъ по самую шею, отказываются совершенно отъ корма и часто умираютъ. Червячокъ мало по малу превращается въ тѣлѣ животного въ личинку, вырастаетъ до величины жолудя и вываливается черезъ устьеце за землю, зарывается въ нее и черезъ нѣсколько недѣль вылетаетъ уже оводомъ.

Осенью олени возвращаются обратно въ свои родныя мѣста и если встрѣчаютъ по дорогѣ рѣки или ручьи, то обыкновенно переплываютъ ихъ очень быстро. Совершая эти путешествія, они постоянно слѣдуютъ въ из-

вѣстномъ порядкѣ: впереди идутъ самки съ оленятами, самцы же слѣдуютъ за ними только черезъ нѣсколько дней.

Оленье молоко необыкновенно жирно и даетъ очень много масла; но такъ какъ масло это не вкусно, то изъ молока чаще готовится сыръ; мясо оленей пріятно на вкусъ и питательно; изъ оленьихъ роговъ туземцы выдѣлываютъ ножи, ложки, иглы; а кожа оленей вмѣстѣ съ шерстью идетъ на одежду. Самоѣдъ, тунгусъ, корякъ и другіе жители сѣвера съ головы до ногъ одѣты въ оленью кожу, и одежда эта такъ тепла и удобна, что рѣшительно незамѣнима никакою другою. Въ одеждѣ, сшитой рѣшительно изъ однихъ оленьихъ шкуръ и не нитками, а оленьими же высушенными жилами, туземцы отправляются въ дальній путь не иначе, какъ на оленяхъ. Въ свои высокія, легкія сани они впрягаютъ по одному или по нѣсколько оленей. Олени на ходу никогда не скачутъ, а бѣгутъ постоянно бойкою рысью и обыкновенно пробѣгаютъ въ часъ верстъ по десяти и болѣе; но могутъ бѣжать и гораздо быстрѣе. Безъ оленей люди не могли бы жить постоянно въ холодныхъ странахъ сѣвера, гдѣ зима продолжается едва не цѣлый годъ и никакія хлѣбныя растенія не могутъ вызрѣвать.

СВИНЬЯ.

Свинья очень некрасива съ виду, любитъ валяться въ грязи, лѣнива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива въ пищѣ: вотъ почему самое имя свиньи звучитъ какъ-то непріятно. Но что для человѣка порокъ, то для животнаго можетъ быть достоинствомъ. Прожорливость, неразборчивость въ пищѣ, лѣнность необходимы свинѣ для того, чтобы, пожирая всякую, ни къ чему уже негодную пищу, переработывать ее во вкусное мясо и отличное сало. Питаясь полусогнившими листьями капусты, испортившимся картофелемъ, помоями, желудями, травой, корнями растеній, падалью, словомъ всякаго рода растительною и животною пищею (почему свинью и зовутъ животнымъ всеяднымъ), она быстро растѣтъ, толстѣетъ, покрывается большимъ слоемъ жира. Содержаніе ея обходится недорого, ухода большаго она также не требуетъ; а между-тѣмъ вся ея толстая туша идетъ на пользу человѣку. Вкусное мясо ея ѣдятъ варенымъ, жаренымъ, соленымъ, копченымъ; сало, съ котораго не снимаютъ даже кожи, тоже употребляется въ пищу; даже внутренности и кровь—и тѣ не пропадаютъ даромъ: изъ нихъ готовятъ колбасы и сосиски; а крѣпкая щетина, которая торчитъ у свиньи вдоль всей спины, идетъ на половыя щетки и кисти красильщиковъ. Кромѣ-того свинья очень плодовита и даетъ хозяину раза два или три въ годъ по десяти и даже по двѣнадцати поросятъ. Вотъ почему бѣдняки, которые не могутъ содержать уже ни коровы, ни лошади, ни даже овцы, держатъ свиней, прокармливая ихъ чѣмъ попало, что только

остаётся отъ ихъ бѣднаго хозяйства. Но кромѣ той пользы, которая дѣлаетъ свинью однимъ изъ самыхъ полезныхъ *домашнихъ* животныхъ, она еще достойна вниманія и потому, что имѣетъ значительное сходство.... съ чѣмъ бы вы думали? съ бегемотомъ, носорогомъ, тапвромъ и слономъ — этими великанами жаркихъ странъ, съ которыми въ умѣренныхъ климатахъ мы можемъ познакомиться только на картинкахъ или въ звѣринцахъ.

Если мы внимательно посмотримъ на свинью, то прежде всего кинется намъ въ глаза ея несоразмѣрно большая голова, съ увѣченнымъ тупымъ *рыломъ*, на концѣ котораго находится подвижной *пяточокъ*, которымъ свинья ворочаетъ во всѣ стороны. Эта подвижность оконечности свиного рыла зависитъ отъ особеннаго подвижнаго хряща, находящагося на концѣ перегородки, раздѣляющей ноздри. Еслибы этотъ подвижной хрящъ былъ подлиннѣе, то онъ легко напомнилъ бы намъ длинный, загнутый крючкомъ носъ тапира. Глаза у свиньи маленькіе, сравнительно съ величиною ея головы: глаза у слона также очень не велики. Свинья смотритъ вѣчно въ землю, изъ подлбья, и потому трудно разсмотрѣть, какіе у нея глаза, а глаза у ней прекраснаго голубаго цвѣта. Уши у свиней иногда не очень велики и торчатъ къ верху, особенно у дикихъ; но часто также висятъ и болтаются, какъ тряпки: то же самое сказали бы вы объ ушахъ слона, которыя всегда висятъ къ низу. Нижняя челюсть свиньи кажется гораздо короче верхней: ротъ у слона тоже почти у самой груди. Въ челюстяхъ свиньи 44 зуба и устройство ихъ показываетъ, что она животное всеядное, употребляющее и растительную, и мясную пищу: у слона зубовъ гораздо менѣе и устройство ихъ показываетъ, что онъ можетъ ѣсть только пищу растительную. У дикихъ кабановъ, а иногда и у домашнихъ, клыки выдаются далеко наружу, въ видѣ трехгранныхъ штыковъ: бѣда тому, кто попадетъ подъ одинъ изъ этихъ штыковъ! Короткая шея кабана чрезвычайно сильна и ударъ его клыковъ страшенъ для собакъ и охотниковъ. У слона клыковъ, служащихъ для разрыва пищи, нѣтъ; но у самцовъ по обѣимъ сторонамъ хобота торчатъ два огромные *бивня*, въ длину иногда по сажени и вѣсомъ до трехъ пудовъ. Туловище свиньи длинное и толстое, хребетъ немного выгнуть къ верху, какъ и у слона; переднія ноги коротки и прямы, а заднія длиннѣе и нѣсколько выгнуты назадъ; хвостъ небольшой, свернутый въ колечко. На каждой ногѣ свиньи не по одному копыту, какъ у лошади, и не по два, какъ у коровы, а по четыре: на два переднія копыта свинья ступаетъ, два заднія находятся нѣсколько выше и до земли не дотрагиваются. Вотъ почему свинью зовутъ животнымъ *многокопытнымъ* и *парнокопытнымъ*. У слона также нѣсколько копытъ, потому и его зовутъ животнымъ многокопытнымъ; но парнокопытнымъ его нельзя назвать, потому что на каждой ногѣ у него по пяти копытъ.

Кожа у свиньи необыкновенно толста, и дикаго кабана, напримѣръ, не проймешь и пулею, если она не попадетъ ему въ голову. По этому признаку свинью называютъ животнымъ *толстокожимъ*: бегемотъ, слонъ, носорогъ, тапиръ, также животныя *толстокожія*. Кожа у свиньи покрыта рѣдею щетиною, которая на хребтѣ и длиннѣе, и крѣпче: кожа слоновъ тоже покрыта рѣдкими волосами, но щетины на спинѣ у нихъ нѣтъ. Звуки, издаваемые свиньею, называются хрюканьемъ; иногда свиньи, а въ особенности поросята визжать: звуки, издаваемые слонами, также напоминаютъ хрюканье.

С Л О Н Ъ.

Въ животномъ царствѣ, при всемъ его огромномъ разнообразіи, ни одно животное не обращаетъ на себя столько нашего вниманія, какъ слонъ. По величинѣ своей онъ уступаетъ только одному киту, а понятливостію превосходить обезьяну.

Въ вышину слонъ бываетъ отъ 8 — 12, а въ длину отъ 12 — 16 футовъ; вѣситъ болѣе 150 пудовъ. Его толстая, грубая, какъ мозоль, кожа покрыта рѣдкими жесткими волосами и пуля не пробиваетъ ее. Голова у слона велика и нѣсколько продолговата; небольшіе глаза съ рѣсницами и смотрять умно; широкія, отвислыя уши висятъ; ротъ приходится почти у самой груди. Переднихъ зубовъ бываетъ обыкновенно 2, и то только въ одной верхней челюсти; клыковъ вовсе нѣтъ; число коренныхъ бываетъ различно, отъ 1 — 3 въ каждой челюсти. Зубы эти въ длину имѣютъ отъ 2 — 5 футовъ и вѣсятъ отъ 20 — 48 фунтовъ. Бивни у самцовъ бываютъ еще длиннѣе, до 8 фут. и вѣсятъ иногда до трехъ пудовъ; въ продажѣ они извѣстны подъ именемъ слоновой кости. Подпорою слону служатъ четыре непомѣрно толстыя ноги; на каждой ступнѣ у него по пяти пальцевъ, такъ плотно обтянутыхъ толстою кожею, что присутствіе ихъ можно узнать только по выдающимся копытамъ. Но самая интересная часть слоноваго тѣла — хоботъ. Онъ составляетъ продолженіе носа, всегда бываетъ необыкновенно подвиженъ и часто въ длину имѣетъ отъ 7 — 8 фут.; животное однако совершенно произвольно можетъ втягивать его въ себя и сокращать до 2 футовъ. На концѣ хобота отростокъ въ родѣ пальца, въ срединѣ хобота проходятъ двѣ носовыя ноздри. Хоботъ состоитъ весь изъ верхней кожаной оболочки, нервовъ и мускуловъ и потому представляетъ собою самый совершенный по чувствительности органъ осязанія. Слонъ своимъ хоботомъ дѣлаетъ все, что дѣлаемъ мы руками: онъ можетъ свертывать его и развертывать, поворачивать въ разныя стороны; а кончикомъ своего хобота слонъ поднимаетъ съ земли самыя маленькія монеты, отворяетъ ключомъ замки, раскупориваетъ бутылки, срываетъ цвѣты, набравши воды,

брызгаетъ ею, какъ изъ фонтана, и пр. Кромѣ удивительной чувствительности, хоботъ надѣленъ необыкновенною силою, такъ что однимъ ударомъ его слонъ можетъ убить человѣка, высоко подымаетъ съ земли тяжести вѣсомъ до 200 фунт.; на себѣ же слонъ можетъ нести отъ 2,000 до 4,000 фун.; вообще онъ обладаетъ силою 6-ти лошадей. Когда слонъ идетъ обыкновенною своею походкою, то лошадь догоняетъ его только рысью; впрочемъ слоны могутъ бѣгать и плаваютъ хорошо. Живутъ слоны большими стадами, иногда до 400 головъ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ внутренней Африки, въ южной Азіи и на островахъ Цейлонѣ и Суматрѣ; доживаютъ до 200 лѣтъ. Питаются слоны растительною пищею; любятъ хлѣбныя растенія и потому часто причиняютъ страшный вредъ полямъ, засѣяннымъ рисомъ. Содержаніе ручныхъ слоновъ обходится весьма дорого: среднимъ числомъ полагается слону въ сутки до 100 фун. варенаго риса и столько же травы или листьевъ.

Дѣлая слоновъ ручными, люди заставляютъ ихъ исполнять различныя работы: употребляютъ для подъема и перевозки всякаго рода тяжестей, для поѣздокъ на охоты и на нихъ же въ остъ-индской арміи перевозятъ пушки. Слоновъ не впрягаютъ въ экипажи; но обыкновенно садятся въ палатку, устроенную на спинѣ слона. Для управленія слонѣмъ, у головы его сидитъ вожатый (корнакъ): въ рукахъ вожатаго острый молотокъ, которымъ онъ бьетъ слона въ голову и такимъ-образомъ управляетъ животнымъ. Всѣ правильныя требованія своего вожатаго слонъ исполняетъ покорно и безъ гнѣва переноситъ заслуженное наказаніе; но за несправедливое и жестокое обращеніе мститъ страшно.

Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что однажды вожатый, сидя на слонѣ, вздумалъ бить у него на головѣ твердые кокосовыя орѣхи. Животное терпѣливо перенесло жестокую боль; но проходя въ тотъ же самый день базарную площадь, слонъ остановился передъ кучею кокосовыхъ орѣховъ, взялъ одинъ орѣхъ хоботомъ и такъ ударилъ имъ по головѣ своего вожака, что тотъ мертвымъ свалился на землю.

Такъ понятливъ этотъ великанъ жаркихъ странъ! Не даромъ же его небольшіе глаза смотрятъ такъ умно. Но безъ хобота слонъ самое жалкое животное и, если онъ потеряетъ хоботъ, эту свою единственную, ловкую и сильную руку, то ему остается только умереть: вотъ почему онъ бережетъ свой хоботъ въ борьбѣ со львомъ и тигромъ, которыхъ онъ часто побѣждаетъ, подбрасывая хоботомъ къверху и потомъ, подхватывая на страшныя бивни, или бросая на землю и растапывая тяжелыми ногами. Впрочемъ слонъ очень мирнаго характера и никогда не нападаетъ первый; а напротивъ старается скрыться; но раздраженный — страшень.

ВСЯКОЙ ВЕЩИ СВОЕ МѢСТО, ВСЯКОМУ ДѢЛУ СВОЕ ВРЕМЯ.

Богатый дядя, уѣзжая на долго за границу, подарилъ двумъ своимъ племянникамъ по большому сундуку съ самыми разнообразными вещами. Здѣсь были игрушки и книги, чучелы животныхъ и картины, засушенныя растенія и раковины, куски камней и образчики металловъ. Само собою разумѣется, что дѣти обрадовались такому богатому подарку: сейчасъ-же поспѣшили опустошить сундуки и посмотрѣть, что въ нихъ находится. Но вещей было такъ много и онѣ были такъ разнообразны, что дѣти никакъ не могли даже хорошо познакомиться съ своимъ богатствомъ: часто напрасно и долго искали какой нибудь вещи, хотя, казалось, видѣли ее недавно, и даже не знали хорошенько, что у нихъ есть и чего нѣтъ. Они, правда, разложили свои вещи довольно аккуратно, по кучкамъ, но въ каждой кучкѣ было столько разнообразныхъ предметовъ, что невозможно было припомнить, гдѣ что лежитъ. Разъ дѣти долго искали какой-то блестящей раковинки, которая понравилась имъ обоимъ — перерыли все, но не находили ее. Въ это самое время въ дѣтскую вошелъ отецъ и дѣти рассказали ему свое горе.

— Это происходитъ оттого, друзья мои, сказалъ дѣтямъ отецъ, что ваши вещи, какъ я вижу, въ большомъ безпорядкѣ. Вы, хотя и разложили ихъ по кучкамъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Надобно разложить ихъ *по родамъ и видамъ*, каждый предметъ на свое мѣсто и тогда вы будете знать, гдѣ что лежитъ, и легко отыщете то, что вамъ нужно.

— Но что значитъ разложить по родамъ и видамъ, спросили дѣти въ одинъ голосъ: и какъ это сдѣлать?

— Очень легко: положите игрушки къ игрушкамъ, картины къ картинамъ, всѣ чучелы животныхъ соберите въ одно мѣсто, растенія въ другое, камни въ третье; книги помѣстите особо.

Дѣти съ помощію отца исполнили то, что онъ имъ совѣтовалъ.

— Вотъ теперь получше, сказалъ отецъ; но все еще порядка мало. Вы, напримѣръ, разставили книги, судя по формату, — большія къ большимъ, а меньшія къ меньшимъ, тогда какъ книги должно размѣщать по содержанию. Поставьте же учебники къ учебникамъ, сказки къ сказкамъ, путешествія къ путешествіямъ: въ книгахъ различнаго формата можетъ быть одно и то же содержаніе и наоборотъ. Дурно также вы разставили животныхъ и разложили растенія. Посмотрите у васъ рядомъ съ фигурою слона стоитъ чучело орла, хотя орелъ птица, а слонъ звѣрь.

Дѣти съ помощію отца разставили книги, какъ слѣдуетъ, и сами отдѣлили птицъ отъ другихъ животныхъ.

— Немного болѣе порядка, а все еще мало. Посмотрите у васъ слонъ

стоитъ вмѣстѣ съ крокодиломъ, хотя эти два животныя совершенно различныя: слонъ живетъ на сушѣ и рождаетъ живыхъ дѣтей, а крокодилъ живетъ въ водѣ, хотя и не рыба, и кладетъ яйца, хотя и не птица. Отдѣлите сначала животныхъ, называемыхъ звѣрями, т. е. такихъ, которыя покрыты шерстью, рождаютъ живыхъ дѣтенышей и кормятъ ихъ своимъ молокомъ, почему и называются *млекопитающими*.

Съ помощію отца дѣти отдѣлили звѣрей отъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

— Вотъ теперь порядку уже больше, а все же мало. Посмотрите, у васъ осель стоитъ рядомъ съ кошкой, хотя у осла копыта, а у кошки лапы. Отдѣлите же въ сторону всѣхъ звѣрей, у которыхъ ноги вооружены копытами.

Дѣти безъ труда исполнили приказаніе отца.

— Хорошо, сказалъ отецъ, но и тѣхъ животныхъ, ноги которыхъ вооружены копытами, можно разставить въ бѣльшемъ порядкѣ. Поставимъ сначала животныхъ, у которыхъ будетъ болѣе двухъ копытъ, — животныхъ *многокопытныхъ*. Все это будутъ животныя жирныя, *толстокожія* и хотя весьма различныя по величинѣ, но имѣющія много сходства другъ съ другомъ. Прежде всего помѣстимъ животныхъ *непарнокопытныхъ*: слона, бегемота, носорога, тапира; за ними поставимъ *парнокопытныхъ*: дикаго кабана съ выдающимися клыками и нашу жирную домашнюю свинью. Теперь перейдемъ къ тѣмъ животнымъ, у которыхъ по два копыта и которыя, хотя очень различны по величинѣ и формѣ, но все жуютъ жвачку. Въ этомъ отрядѣ жвачныхъ животныхъ мы легко различимъ нѣсколько семействъ. Во-первыхъ семейство *бычачье*, куда отнесемъ всѣхъ быковъ и коровъ, какъ бы ни были они различны по породѣ, а также отнесемъ сердитаго *буйвола*, съ косматою гривой и жильца Бѣловѣжской пуши *зубра*, если когда нибудь найдемъ его на картинкѣ. Теперь пойдетъ второе семейство — *козловое*, гдѣ станутъ козы, овцы и легконогія серны. Третье семейство будетъ *оленье*: здѣсь найдутъ себѣ мѣсто олени всѣхъ породъ и *кабарга* съ загнутыми внизъ клыками. Рога у оленей *плотны* въ серединѣ, а у животныхъ бычачьяго семейства — *полы*. Къ *плотнорогимъ* же животнымъ относятся громадныя *жирафы* съ страшно длинными передними ногами: жирафы или *камелеопарды* составятъ особое, *четвертое* семейство отряда жвачныхъ. Отдѣльно поставимъ горбатаго *верблюда* и хорошенькую *ламу* съ вытянутой шеей, потому что ихъ раздвоенныя копыта скорѣе похожи на раздвоенныя мозоли, чѣмъ на копыта: *мозоленогія* составятъ пятое семейство жвачнаго отряда. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть въ *отрядѣ* многокопытныхъ животныхъ *два семейства* (какія?), въ отрядѣ *двучкопытныхъ* — *пять*. Но мы еще не поставили животныхъ *однокопыт-*

ныхъ. Ихъ немного и всѣ они составляютъ одно лошадиное семейство, къ которому принадлежатъ и лошади со всѣми разнообразными ихъ породами, и длинноухіе *ослы* и полосатые *зебры*. Вотъ теперь у васъ стоятъ въ порядкѣ всѣ копытныя животныя и вы знаете, почему каждое должно стоять на томъ, а не на другомъ мѣстѣ.

— Но какъ же мы разставимъ остальныхъ, когда мы ничего о нихъ не знаемъ? спросили дѣти.

— Учитесь, читайте и узнаете отвѣчалъ отецъ, а теперь я хотѣлъ только вамъ показать, для чего нуженъ порядокъ. Животныхъ и растеній такое множество, что человѣкъ никогда не могъ бы ихъ узнать и запомнить, если бы не умѣлъ размѣстить ихъ въ порядкѣ. Да и вообще умные люди давно замѣтили, что для того, чтобы ученье, занятія и дѣла наши шли успѣшно, *всякая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ, а всякому дѣлу должно быть назначено свое время.*

КОШКА.

Кто изъ насъ не знаетъ очень хорошо, что такое кошка; но по пробуйте перечислить признаки, которыми она отличается, на примѣръ, отъ собаки, и вы увидите, что это не такъ легко. Голова кошки кругла, лобъ плоскій, морда короткая. На головѣ у ней торчатъ два короткія, острия уха, до которыхъ она не охотно позволяетъ дотрогиваться; ротъ, въ которомъ находится жесткій, шероховатый языкъ, великъ сравнительно съ головою; во рту 30 зубовъ, очень острыхъ, и изъ нихъ 4 — длинные острые клыка, которыми кошка разрываетъ пищу; по обѣимъ сторонамъ рта торчатъ усы; надъ глазами тоже длинные волосы — брови; хвостъ длинный и пушистый; а все тѣло чрезвычайно гибко и мягко. Замѣчательны глаза кошки: они какъ-будто расколоты по срединѣ и эта щель, уменьшающаяся до тоненькой линіи днемъ, широко раскрывается въ темнотѣ, что нужно кошкѣ для ея ночныхъ охотъ за мышами. Четыре кошачьи ноги онанчиваются мягкими лапами, въ которыхъ кошка прячетъ, какъ въ ножнахъ, свои острые, кривые, когти — главное орудіе ея защиты и ея пропитанія.

Котята рождаются слѣпыми и питаются молокомъ матери. Кошки визжать, мяукаютъ и мурлычатъ. Послѣдній звукъ, выражающій удовольствіе, происходитъ отъ дрожанія перепонки, находящейся у кошки въ горлѣ. Кошка очень ласкова и любитъ, чтобы ее ласкали; при этомъ она выгибаетъ спину, виляетъ пушистымъ хвостомъ, мурлычитъ; но когда разсердится, то подымаетъ шерсть, оскаливаетъ зубы, выпускаетъ кривые острые когти и шипитъ, какъ змѣя. Кошка очень ловко лазитъ по деревьямъ и разгуливаетъ по крышамъ и карнизамъ домовъ, будто по полю. Бѣтъ она все мясное; но болѣе всего любитъ маленькихъ птичекъ, голубей и мышей;

не пропускаетъ и рыбы, если она ей попадется. Травой она питаться не можетъ, а потому ее причисляютъ къ животнымъ *плотояднымъ*.

Къ человѣку кошка не привязана, но только къ тому мѣсту, гдѣ она живетъ. Кошка ласковое, но лукавое животное: завидя добычу, она притворяется, будто ея не видитъ, подходитъ тихонько, едва замѣтно, присѣдается, полузакрываетъ горящіе жадностью глаза, ласково повертываетъ пушистымъ гибкимъ хвостомъ — и вдругъ, какъ молнія, съ необыкновенной силой и ловкостью, кидается на бѣдную жертву. Однакоже, если, кинувшись, кошка промахнется, то уже, не преслѣдуетъ своей жертвы, какъ преслѣдуетъ собака, и отходить прочь.

Когда кошка сдѣлалась домашнимъ животнымъ, неизвѣстно; но надобно полагать, стоило много труда приучить ее къ дому. Дикія кошки и теперь водятся во множествѣ; да и домашняя не совершенно бросила привычки *хищнаго* животного и часто вспоминаетъ, для чего ей даны кривые, острые когти, упругіе, гибкіе члены, сильныя лапы и острые зубы.

Втяжные когти и шероховатый языкъ, — отличительные признаки всей кошачьей породы, къ которой, кромѣ домашней и дикой кошки, принадлежатъ: львы, тигры, ягуары, барсы, леопарды и пантеры.

ЛЕВЪ И ТИГРЬ.

Льва и тигра гораздо безопаснѣе видѣть въ звѣринцѣ, чѣмъ на волѣ; а между тѣмъ стоитъ вамъ только посмотрѣть, какъ эти страшныя животныя поворачиваются въ своихъ клѣткахъ прячутъ и выпускаютъ свои страшныя когти, протягиваютъ лапы, выгибаютъ спину, играютъ хвостомъ, то полузакрываютъ свои глаза, то вновь открываютъ ихъ во всю величину, и вы убѣдитесь, что они ни что иное, какъ громадныя кошки. Левъ, имѣя гриву и прямое рыло, еще менѣе похожъ на кошку: но сходство тигра съ кошкой съ перваго взгляда кидается въ глаза.

Левъ, котораго, по его величественному виду, громадной силѣ, страшному голосу, называли царемъ звѣрей, бываетъ обыкновенно сѣро-желтоватаго цвѣта, до сажени въ длину и аршина полтора въ вышину. У него на концѣ длиннаго хвоста большой пучокъ волосъ, а на шеѣ длинная, косматая грива; у львицы гривы нѣтъ. Въ древнія времена левъ жилъ и въ южной Европѣ; теперь въ Европѣ онъ бываетъ только въ звѣринцахъ. Въ дикомъ состояніи левъ водится въ Африкѣ и южной Азіи. Самые большіе львы встрѣчаются въ Персіи. Левъ, какъ говорятъ, кидается на человѣка только голодный и раздраженный.

Тигръ — самое страшное и самое злое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Онъ бываетъ красновато-желтаго цвѣта, съ черными полосами. Въ длину онъ тоже достигаетъ иногда сажени: но въ вышину нѣсколько меньше льва.

Онъ необыкновенно ловокъ, быстръ, дѣлаетъ огромные прыжки и нападаетъ на всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, не только голодный, но и сытый.

Чтобы судить о силѣ этихъ животныхъ, довольно сказать, что левъ однимъ ударомъ лапы можетъ перебить крестецъ у лошади и унести быка, какъ волкъ ягненка. Онъ выстунаетъ величаво; но, кидаясь на добычу, дѣлаетъ прыжки сажени въ четыре. Вотъ почему, когда посреди ночи въ пустынѣ раздается ревъ льва, подобный грому, то все живое трепещетъ и спѣшитъ укрыться. Тигръ не многимъ уступаетъ лву въ силѣ, а дерзостью и кровожадностью далеко превосходитъ его.

С О Б А К А.

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ самое привязанное къ человѣку, безъ-сомнѣнія, собака. Она живетъ съ человѣкомъ повсюду, какъ въ самыхъ жаркихъ, такъ и въ самыхъ холодныхъ странахъ; оберегаетъ его домъ, имущество и стада; помогаетъ ему на охотѣ; часто утѣшаетъ его своею безкорыстною дружбою и нерѣдко жертвуетъ за него своею жизнію. Въ сѣверныхъ странахъ на собакахъ ѣздятъ, а въ Китаѣ ихъ ѣдятъ; собачій мѣхъ идетъ для дешевыхъ воротниковъ и теплыхъ сапоговъ, а кожа для перчатокъ.

Собачьихъ породъ много: борзья, гончія, лягавья, водолазы, пуделя, моськи, мордашки, бульдоги и т. д.; главныхъ собачьихъ породъ насчитываютъ до 30. По росту собаки также очень разнообразны, начиная отъ самыхъ маленькихъ, которыя могутъ помѣститься въ карманѣ, до меделянскихъ, овчарокъ и водолазовъ, величиною съ добраго теленка. Морды собачьи не похожи одна на другую: у борзой, напримѣръ, длинная, красивая, сухая морда; а у мордашки точно будто обрублена. Верхняя губа по большей части покрываетъ нижнюю. Уши или торчатъ къверху, какъ у дворняшекъ, или длинныя и висятъ кънизу, какъ у лягавыхъ; языкъ длинный, широкій и гладкій; носъ влажный и холодный, а слизистая оболочка его имѣетъ такъ много складокъ, что если бы её растянуть, то она могла бы закрыть всю собаку: вотъ почему у собакъ такое же чуткое обоняніе, какъ и у коровъ. Зубы у собаки—единственное ея оружіе; а потому они остры и ихъ больше, чѣмъ у лошади; а именно 42. Языкъ у собакъ гладкій. Заднія ноги длиннѣе переднихъ и у нѣкоторыхъ собакъ, какъ наприм., у борзыхъ, очень длинны, что даетъ имъ возможность прыгать и бѣгать съ необыкновенною быстротою. Хвостъ по большей части длинный, покрытый волосами, иногда косматый. Кожа покрыта шерстью, которая какъ по длинѣ, такъ и по цвѣту, бываетъ чрезвычайно разнообразна: иногда гладка и блестящая; а иногда завивается, какъ напримѣръ у пуделя и овчарки, оберега-

ющей стада отъ волиовъ. Ноги оканчиваются не копытами, а лапами, на которыхъ замѣтны пальцы: на переднихъ ногахъ по 4, а на заднихъ по 5-ти. На пальцахъ небольшіе, нѣсколько искривленные когти; но не втяжные и не столь кривые, какъ у кошки. Собаки, какъ и кошки, ходятъ на пальцахъ; почему этихъ животныхъ называютъ *пальцеходящими*, въ отличіе отъ *стопыходящихъ*, каковы, напримѣръ, медвѣдь, барсукъ, енотъ, которые, ходя, опираются на всю стопу, какъ человекъ.

Собака ѣсть и хлѣбъ, и молоко, и овсянку, по охотѣ всего мясо; а потому ее и причисляютъ къ *плотояднымъ* животнымъ. Щенки рождаются слѣпыми и только черезъ 10 или 12 дней начинаютъ смотрѣть; они долго кормятся молокомъ матери. Собака можетъ визжать, лаять, выть и ворчать. Во снѣ собака часто бредитъ. Собаки часто подвергаются болѣзни, называемой *водобоязнью*. Бѣшеную собаку можно узнать по мутнымъ глазамъ, опущенному хвосту, по пѣнѣ, клубящейся изо рта; но болѣе всего по хриплому лаю.

Вы, можетъ быть, видали на картинкахъ злую фигуру *иены* съ нагнутой внизъ головою, съ жадными, смотрящими изподлѣбя глазами, съ оскаленными зубами, съ ошестинившеюся на спинѣ шерстью: такъ и видно, что она должна питаться падалью и трупами. Это хищное животное замѣчательно тѣмъ, что у него лапы, какъ у собаки, а языкъ шероховатый, какъ у всѣхъ звѣрей кошачей породы.

Л И С И Ц А.

Волкъ такъ похожъ на собаку, что ихъ безъ привычки отличить трудно. Лисицу же можно отличить съ перваго взгляда; но, тѣмъ не менѣе, и она принадлежитъ къ собачьему роду.

Лисица бываетъ обыкновенно нѣсколько болѣе зайца, — въ длину около двухъ футовъ, а вышиною отъ одного до полутора фута. Пушистый хвостъ лисицы, длиною въ одинъ футъ, никогда не загибается вверхъ, а напротивъ всегда держится наравнѣ съ туловищемъ. Все тѣло у нея покрыто рыжими, золотистыми волосами, за исключеніемъ кончика хвоста, который, равно какъ горло и щеки, бѣлаго цвѣта; но бываютъ лисицы почти черныя и такія цѣнятся дорого. Голова у лисицы остроконечная съ длиннымъ, выдавшимся впередъ рыломъ и большимъ ртомъ, въ которомъ находится сорокъ два острыхъ зуба. Туловище ее тонко и гибко и она вообще ловка и проворна. На переднихъ лапахъ лисицы по пяти, а на заднихъ по четыре пальца, съ нѣсколько загнутыми, острыми, но не *выдвижными* когтями. Лисица можетъ ходить, бѣгать, прыгать и ползать; голосъ ее напоминаетъ лай собаки.

По зубамъ лисицы мы можемъ уже догадаться, что она животное пло-

тоядное, и дѣйствительно, мясо составляетъ главную ея пищу: гуси, утки, голуби, зайцы, кролики, крысы и мыши часто попадаютъ къ ней на зубокъ, и хотя всѣ эти звѣри, зная хорошо, что у кумушки лисы зубы остры, избѣгаютъ всякой встрѣчи съ нею; но лиса чрезвычайно хитра и всегда съумѣетъ промыслить себѣ обѣдъ. Если же случится, что у нея останется что-нибудь отъ завтрака или обѣда, то она предусмотрительно зарываетъ остатокъ въ землю.

Охотникъ преслѣдуетъ лисицу и ружьемъ, и тенетами, не столько за опустошенія, которыя она производитъ въ курятникѣ; сколько привлекаемый ея мягкимъ, теплымъ, цѣннымъ мѣхомъ. Мясо лисицы никогда въ пищу не употребляется.

Лисицы живутъ по большей части на открытыхъ поляхъ, вырывая для себя глубоко въ землѣ большія, темныя норы, со множествомъ входовъ и выходовъ; часто, чтобы избавить себя отъ труда, онѣ отбиваютъ такія норы у барсуковъ.

М Е Д В Ъ Д Ъ .

Въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ самый большой и самый сильный звѣрь бурый или обыкновенный медвѣдь. Прежде медвѣдей было очень много и русскіе, промысляя часто медвѣжьей шкурой, очень хорошо ознакомились со всѣми привычками медвѣдя и даже полюбили проказника мишку, величая медвѣдя Михайломъ Потапычемъ, а медвѣдицу Марьей Михайловной.

Медвѣдь закутанъ въ такую теплую, мохнатую шубу, что нельзя даже хорошенько рассмотреть, какъ онъ сложенъ. Морда у него вытянутая, устройство зубовъ показываетъ, что онъ животное *всеядное*: ѣстъ плоды, коренья, ягоды, овесъ, мясо, большой охотникъ до меда и даже не прочь выпить стаканъ водки, послѣ чего выдѣлываетъ самыя забавныя штуки и валяется, какъ пьяный человекъ.

Замѣчательно устройство медвѣжьихъ лапъ: онъ ступаетъ не только на пальцы, какъ собака, кошка и другіе *пальцеходящіе* звѣри, но на всю стопу, какъ человекъ, почему его причисляютъ къ животнымъ *стопыходящимъ*. Ходитъ медвѣдь довольно тяжело, двигая лапами какъ-то вкось, почему его и назвали, очень-удачно, *косолапымъ*; но можетъ бѣгать очень быстро.

На каждой лапѣ у медвѣдя по пяти пальцевъ съ крѣпкими когтями. Переднія лапы у него вообще гораздо подвижнѣе заднихъ и медвѣдь часто беретъ въ лапу пищу, чего не дѣлаетъ собака. Онъ очень ловко лазитъ по деревьямъ и даетъ передними лапами отличныя пощечины собакамъ, когда онѣ на него нападаютъ. Медвѣдь очень силенъ, ловокъ и не трусливъ, если

только на него не нападают врасплохъ. Но тѣмъ не менѣе у насъ много смѣльчаковъ, которые, съ рогатиной въ рукахъ и съ винтовкой за плечами, ходятъ на медвѣдя одинъ на одинъ и отлично справляются съ косолапымъ мишкой. Раненый, онъ рѣдко обращается въ бѣгство, но храбро защищается зубами и лапами до послѣдняго издыханія. Бурый медвѣдь на самые холодные мѣсяцы забирается въ берлогу. Тамъ онъ предается зимнему сну, почему и причисляютъ его къ *зимоспящимъ* животнымъ. Въ это время онъ ничего не ѣстъ и очень худѣетъ, потому что въ немъ совершается питаніе на счетъ его же собственнаго жира, котораго у медвѣдей очень много. Нашъ народъ говоритъ, что въ это время медвѣдь сосетъ свою лапу, потому что спящій медвѣдь прикрываетъ себѣ морду лапами и потому также, что весною у него дѣйствительно перемѣняется кожа на лапахъ: старая спадаетъ и нарастаетъ новая.

Медвѣдь легко дѣлается ручнымъ, если его поймаютъ еще маленькимъ; но такъ какъ онъ все же очень опасенъ по своей громадной силѣ, то ему подпиливаютъ когти и зубы. Вы вѣроятно видали, какъ наши мужички водятъ по городамъ и деревнямъ медвѣдей на цѣпяхъ, продѣвъ одно кольцо цѣпи въ ноздри или губы медвѣдя. Такой медвѣдь пляшетъ очень забавно, куврыкается, кланяется; но вы безъ сомнѣнія согласитесь, что подобныя шутки надъ бѣднымъ звѣремъ слишкомъ жестоки и что мужичокъ, водящій медвѣдя, сдѣлалъ бы лучше, если бы пахалъ землю вмѣсто того, чтобы таскать за собою измученное животное.

Медвѣжьей мѣхъ очень тепелъ и хорошій цѣнится дорого. Медвѣжьи окорока вкусны, а охотники хорошо покушать любятъ въ особенности медвѣжьи лапы.

На берегахъ Ледовитаго океана и даже на его плавающихъ льдахъ водятся громадные *бѣлые медведи*. Они бываютъ по сажени въ длину, отлично плаваютъ, смѣлы и кровожадны; но питаются по большей части рыбою и морскими звѣрями. Бѣлый медвѣдь въ берлоги не забивается и на зиму не засыпаетъ.

Енотъ, мѣхъ котораго такъ часто встрѣчается на шубахъ, есть тоже небольшой медвѣдь, который водится преимущественно въ Америкѣ по берегамъ рѣкъ и любитъ полоскаться въ водѣ, за что его и зовутъ *полоскуномъ*.

Х О Р Е К Ъ.

Въ нашихъ деревенскихъ домахъ заводится часто тайный врагъ, котораго видѣть очень трудно, но слѣды котораго появляются послѣ каждой ночи: то ключница, отправившись въ погребъ, находитъ, что кринки съ молокомъ опрокинуты или что яйца, которыя, казалось, спрятала она очень

тщательно, выпиты; то завернувши въ птичникъ, хозяйка видитъ страшное опустошеніе: пять шесть цыплятъ лежатъ безъ головъ и кровь изъ нихъ выпита; достается также курамъ, индейкамъ, кроликамъ, но достается за то мышамъ и крысамъ. Этотъ невидимый хищникъ, появляющійся изъ своихъ глубокихъ норъ только по ночамъ, никто другой, какъ *хорекъ* или *тхоръ*. Хорекъ — небольшое, но очень смѣлое и кровожадное животное, любящее питаться теплою кровью звѣрковъ и птицъ. Его зубы очень остры и нѣсколько изогнутые, но невтяжные, когти такъ крѣпки, что онъ часто съ успѣхомъ защищается противъ большой собаки. Хорекъ величиною съ кошку, но только гораздо пониже и потоньше ея, съ нѣсколько выгнутой спиной, съ мохнатымъ, довольно длиннымъ хвостомъ, короткими ногами о пяти пальцахъ. Гибкое, тонкое тѣло хорька густо покрыто желтоватымъ пухомъ и темными волосами, концы которыхъ черны; ноги и хвостъ чернаго цвѣта; на мордочкѣ бѣлыя пятна, края ушей тоже бѣлыя. Хорекъ очень длиненъ, тонокъ, головка у него маленькая и потому онъ пролезаетъ даже въ небольшія щели. Мѣхъ его тепелъ, красивъ и употребляется на шубы.

Къ породѣ хорьковъ принадлежитъ множество *пушныхъ* звѣрей, небольшихъ, но отличающихся своимъ прекраснымъ мѣхомъ, который иногда цѣнится очень дорого. Мы перечислимъ здѣсь самыхъ замѣчательныхъ изъ звѣрковъ хорьковаго семейства, которыя всѣ устроивомъ тѣла очень похожи другъ на друга. 1) *Соболь* водится только въ большихъ лѣсахъ, въ горахъ Сибири и Сѣверной Америки. Онъ гнѣздится обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ, подъ колодами и между камнями. Соболь очень похожъ на хорька, только хвостъ у него длиннѣе, пушистѣе, мордочка острѣе и мѣхъ гуще, теплѣе и красивѣе. Шкурка инаго соболя стоитъ рублей до 20-ти. 2) *Куница* живетъ въ лѣсахъ холодныхъ странъ. Она, какъ и соболь, отлично лазитъ по деревьямъ, гоняясь за птичками. Мѣхъ куницы также очень хорошъ, но дешевле соболинаго. 3) *Ласочка* или *ласка*, зимою вся бѣлая, изрѣдка попадается даже въ нашихъ сѣверныхъ деревняхъ, вырывая норы подъ полами домовъ. Хотя она тоже хорекъ и также душитъ цыплятъ; но наши деревенскія хозяйки очень ее любятъ за прекрасную бѣлую шкурку и за то, что она сильно истребляетъ мышей. 4) *Горноста* зимою также весь бѣлый, кончикъ хвоста черный; похожъ на ласку, но мѣхъ пушистѣе, теплѣе и цѣнится дорого. Замѣтимъ кстати, что куницу, соболя, горноста и ласку считаютъ различными *видами* одного и того же *куньяго* рода. 5) Къ одному же семейству съ хорьками принадлежитъ и *выдра*, живущая по берегамъ небольшихъ рѣчекъ. Она по преимуществу кормится рыбой, но не пропускаетъ и маленькихъ звѣрковъ; плаваетъ и ныряетъ

отлично. Рыбою кормится также и норка, мѣхъ которой вы вѣроятно видели на шубахъ.

Все хорьковое семейство охотники безжалостно преслѣдуютъ — иногда пулей, а иногда капканами.

Примѣчаніе. 1. *Отрядъ* однокопытныхъ; 2. *отрядъ* двукопытныхъ; 3. *отрядъ* многокопытныхъ; 4. *отрядъ хищныхъ*. Въ отрядѣ хищныхъ мы знаемъ *четыре семейства*: 1-е семейство *кошачье*; въ немъ *роды*: кошки, львы, тигры, леопарды, барсы и др. 2-е семейство *хищныхъ — собачье*; въ немъ *роды*: собаки, волки, лисицы, шакалы; 3-е семейство *геновое — гены*; 4-е семейство *медвѣжье*: бурый медвѣдь, бѣлый, енотъ; 5-е *хорьковое семейство*: хорьки, выдры, куницы; въ *кунемъ роду* мы узнали слѣдующіе *виды*: собственно куницы, соболи, горностаи, ласки. Звѣри всѣхъ этихъ семействъ, обладающіе вмѣсто копытъ мягкими лапами, по устройству зубовъ, приравленныхъ къ терзанію мяса другихъ животныхъ, причисляются къ одному *отряду — хищныхъ*.

БѢЛКИ, ЗАЙЦЫ, МЫШИ И ДРУГІЕ ГРЫЗУНЫ.

Бѣлка — маленькое, красивое, живое, проворное созданіе съ ея остренькой мордочкой, цѣпкими и ловкими лапками, изъ которыхъ переднія короче заднихъ, длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который она загибаетъ на спину и на голову, когда сидитъ, и разстиляетъ по воздуху, когда прыгаетъ, — бѣлка любительница орѣховъ, часто попадающая въ клѣтку съ колесомъ, вѣроятно извѣстна каждому изъ васъ. Но если она еще разъ попадетъ вамъ въ руки, то рассмотрите хорошенько этого маленькаго звѣрка, котораго за его проворство, смѣшленость и ловкость иные называютъ обезьяной сѣверныхъ лѣсовъ. На переднихъ лапкахъ у бѣлки по четыре пальца, а пятый такъ малъ, что его можно счесть за бородавку, на заднихъ лапкахъ пять пальцевъ; на каждомъ пальцѣ по острому цѣпкому когтю. Бѣлка охотно сидитъ на заднихъ лапкахъ и ловко держитъ въ переднихъ пищу — орѣхъ, желудь, каштанъ, яблоко, почку дерева или какое нибудь сѣмечко. Головка у бѣлки небольшая, почти четверугольная; верхняя губа раздвоена; верхняя челюсть замѣтно длиннѣе нижней. Всего замѣчательнѣе зубы бѣлки: спереди у нея 4 очень острыхъ рѣзца — два вверху и два подлиннѣе внизу; но такъ какъ нижняя челюсть у бѣлки короче, то нижніе рѣзцы едва достигаютъ верхнихъ. Клыковъ у бѣлки вовсе нѣтъ, и тамъ, гдѣ они бывають у другихъ животныхъ, остается довольно значительный промежутокъ, за которымъ въ обѣихъ челюстяхъ и по обѣ стороны помѣщены плоскіе коренные зубы съ бугорками, для перемалыванія изгрызенной пищи. Зубы бѣлки, какъ и другихъ подобно ей *грызущихъ* животныхъ, обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ: стираясь отъ безпрестаннаго употребленія, они безпрестанно нарастають вновь. Если бѣлку долго держать въ клѣткѣ и не давать ей ничего грызть, то зубы у нея такъ выростутъ, что

она не будетъ въ состояніи сложить ихъ. Устройство челюстей и зубовъ бѣлки ясно показываетъ, что ей суждено не рвать, не кусать и не глотать цѣликомъ, а *грызть* свою пищу, и въ самомъ дѣлѣ, какъ вы вѣроятно замѣтили, бѣлка прогрызаетъ скорлупу самаго твердаго орѣха съ необыкновеннымъ проворствомъ и потомъ принимается грызть самое зерно.

Бѣлка устраиваетъ себѣ жилища въ дуплахъ деревьевъ и очень искусно защищаетъ свой домикъ отъ вѣтра, снѣгу и холода. Туда собираетъ она себѣ на зиму запасъ — различнаго рода орѣховъ, плодовъ и древесныхъ сѣмянъ. Она обладаетъ зоркими глазками, сильнымъ чутьевъ, необыкновенно проворными ножками, съ быстротою молніи перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, прыгаетъ съ вершины дерева на землю и не убивается; но все это не всегда спасаетъ ее отъ зубовъ хищныхъ звѣрей, когтей орла и пули охотника, для котораго нужна ея пушистая, мягкая шкурка.

Бѣлка принадлежитъ къ обширному отряду животныхъ, которые все по устройству своихъ зубовъ, похожихъ на бѣличьи, называются *грызунами*. Отрядъ грызуновъ очень многочисленъ. Къ нему принадлежитъ болѣе 600 видовъ различныхъ животныхъ. Изъ этихъ животныхъ мы перечислимъ только тѣхъ, которые намъ болѣе извѣстны, или которые чаще попадаются намъ на картинкахъ.

Заяцъ тоже грызунъ и питается капустой, корою деревьевъ и молодымъ овсомъ. Но замѣчательно, что тогда какъ въ нижней челюсти зайца два перелнихъ зуба, въ верхней у него четыре — два впереди большіе и два сзади маленькіе: нижніе передніе зубы сходятся только съ маленькими. Верхними передними зубами заяцъ упирается въ то, что грызетъ, а нижними подгрызаетъ, какъ долотомъ. Этими задними верхними рѣзцами заяче семейство, заключающее въ себѣ нѣсколько различныхъ породъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ семействъ отряда грызуновъ.

Но если уже кого нибудь можно назвать грызунами, то это безъ сомнѣнія крысы и мыши. Эти уже грызутъ все: прогрызаютъ полы, изгрызаютъ мебель, платья, книги, растенія, и острые зубы ихъ, устроенные, какъ у бѣлки, наносятъ много вреда и въ кладовыхъ и на поляхъ. Мышиныхъ породъ очень много: однѣ живутъ въ домахъ, другія въ поляхъ, третьи по берегамъ рѣчекъ; но все они вмѣстѣ составляютъ одно *мышиное семейство* отряда грызуновъ.

Лѣнливый, толстый *байбакъ*, засыпающій на зиму, *сурокъ*, котораго показываютъ савояры, *сусликъ* и *овражекъ*, которыхъ такъ много въ нашихъ степяхъ — все эти животные, хотя и грызуны, но болѣе другихъ любятъ рыться въ землѣ и вырываютъ себѣ для жилья глубокія и длинныя норы: они составляютъ особое *сурковое семейство* отряда *грызуновъ*.

Бобръ строитель, мѣхъ котораго цѣнится такъ дорого, живущій по

берегамъ рѣкъ Сибири и Сѣверной Америки, по устройству зубовъ тоже грызунъ; но такъ какъ ему суждено частію жить въ водѣ и частію на землѣ, то ноги его и хвостъ имѣютъ замѣчательныя особенности: пальцы на лапахъ соединены плавательною перепонкою, а широкой плоской хвостъ покрытъ рыбьею чешуею. Бобръ устраиваетъ свое жилище по берегамъ рѣченъ, гдѣ роетъ длинныя норы, выходящія въ воду. Тамъ же, гдѣ бобровъ не пугаетъ человѣкъ, они устраиваютъ у самыхъ береговъ замѣчательныя жилища изъ вѣтокъ, кольевъ, травъ, скрѣпляя это все клейкою глиною. Эти дома бобровъ имѣютъ два этажа: нижній скрытъ подъ водою; верхній, сухой, гдѣ большею частью лежитъ самъ бобръ, находится надъ поверхностью воды. Но такъ какъ вода въ рѣчкѣ, прибывая и подымаяся весною или отъ дождей, могла бы подтопить и верхнее жилище, то бобры, собравшись цѣлымъ обществомъ и дружно помогая одинъ другому, обгораживаютъ свои жилища большими и крѣпкими плотинами, сдѣланными изъ кольевъ, хворосту, травъ и глины. Изъ этого вы уже видите, какъ уменъ и смѣтливъ бобръ; но онъ также запасливъ и остороженъ. Лѣтомъ онъ собираетъ пищу (большею частью вѣтки молодыхъ деревьевъ) на долгую зиму и устраиваетъ на всякій случай нѣсколько выходовъ изъ своего жилища. При малѣйшей опасности бобръ уходитъ въ воду, а если опасность грозитъ изъ воды, то выходитъ на сушу. Но, не смотря на весь свой умъ, бобръ часто дѣлается добычею охотниковъ, потому что шкурка его мягка, тепла, пушиста и цѣнится дорого.

КРОТЪ.

Изъ всѣхъ млекопитающихъ кротъ одинъ только находитъ себѣ пищу подъ землею; но за то и весь организмъ крота приспособленъ къ подземной жизни. Длинною онъ бываетъ, вмѣстѣ и съ хвостомъ, не больше трехъ вершковъ. Его длинная головка оканчивается хоботообразнымъ рыльцемъ; на концѣ рыльца твердый и подвижной хрящъ, какой мы уже видѣли у свиньи, тоже любящей взрывать землю. Голова крота соединяется незамѣтно съ длиннымъ, ровнымъ, мягкимъ тѣломъ; короткія лапы очень велики сравнительно съ туловищемъ, и переднія, которыя гораздо сильнѣе заднихъ, прекрасно приспособлены къ тому, чтобы ими вырывать и выбрасывать землю: они вывернуты наружу и снабжены пятью широкими и плоскими, какъ лопатки, когтями. Сначала кротъ носомъ взроетъ, разрыхлитъ землю; а потомъ передними лапами прокладываетъ себѣ дорогу. Заднія ноги крота гораздо слабѣе переднихъ и обращены подошвами внизъ; онѣ служатъ кроту только для передвиженія. Всѣ отверстія на головѣ крота очень тщательно защищены отъ земли, которая могла бы туда попадать: кожа, спускающаяся съ верхней губы, прикрываетъ ротъ, а густые волосы закры-

вають маленькіє черные глазки, которые такъ малы и незамѣтны, что многіе считаютъ крота слѣпымъ. Волоса защищаютъ также уши крота или, лучше сказать, ушные отверстія, потому что ушныхъ раковинъ у крота нѣтъ. Все тѣло крота покрыто мягкимъ, скользкимъ, лоснящимся мѣхомъ чернаго цвѣта.

Многіе думали прежде, что кротъ питается корнями растений и потому очень вреденъ для полей, садовъ и лѣсовъ; но, осмотрѣвши внимательно зубы животнаго, убѣдились, что они у крота вовсе не такъ устроены, какъ у грызуновъ, напр. у зайца или бѣлки. Въ верхней челюсти у крота 6, а въ нижней 8 острыхъ переднихъ зубовъ; за ними — довольно острые, согнутые клыки; а потомъ идутъ коренные зубы: слѣдовательно кротъ — маленькій хищникъ. И дѣйствительно, въ желудкѣ кротовъ находили яички и личинки насѣкомыхъ, дождевыхъ червей и другихъ, вредныхъ для полей маленькихъ животныхъ, но ни кусочка какого-нибудь растенія. Вотъ почему крота, равно какъ и ежа, причисляютъ къ отряду животныхъ *насекомоядныхъ*, которые, напротивъ, приносятъ пользу растеніямъ, истребляя вредныхъ насѣкомыхъ.

Норы крота вырыты очень искусно: это цѣлыя подземныя зданія со множествомъ галлерей и переходовъ. Тѣ небольшія, черныя кучки земли, которыхъ такъ много нарывають кроты по всюду, указываютъ отверстія, служащія для прохода воздуха въ подземныя жилища кротовъ: безъ нихъ кроту не лзя было бы дышать: дышать же для него, какъ вы знаете, необходимо. Кромѣ истребленія вредныхъ корней растений насѣкомыхъ, пользы отъ кротовъ мало; впрочемъ изъ шкуроекъ ихъ выдѣлывается недорогой мѣхъ.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Каждому, вѣроятно, случалось видѣть летучую мышь, когда она по ночамъ снуетъ взадъ и впередъ около жилыхъ мѣстъ и падаетъ, завидя что-нибудь бѣлое. Въ длину она не менѣе 4-хъ дюймовъ и устройствомъ головы и туловища очень походитъ на обыкновенную мышь; но въ устройствѣ членовъ имѣетъ много особенностей.

Голова и туловище летучей мыши покрыты мягкими, темносѣрыми волосами, которые на брюхѣ принимаютъ свѣтло-сѣрый оттѣнокъ; носъ у нея тупой, плоскій, съ двумя очень замѣтными поздрами, образующими длинные разрѣзы, идущіе кверху; глаза маленькіе и уши большія, съ особымъ отросткомъ въ срединѣ; длинно растянутый ротъ усѣянъ внутри острыми зубами. Разсматривая крылья летучей мыши, мы вовсе не замѣчаемъ на нихъ перьевъ, какъ у птицъ: это только тонкая, полупрозрачная перепонка, соединяющая и покрывающая четыре члена животнаго, изъ которыхъ два передніе гораздо длиннѣе заднихъ. По этому признаку летучихъ мышей

причисляють къ отряду *рукокрылых* млекопитающихъ животныхъ. Изъ-подъ перепонки, соединяющей члены, выдается по пяти пальцевъ заднихъ ногъ, съ острыми когтями; четыре длинныхъ пальца на двухъ переднихъ лапахъ прикрыты совершенно перепонкою, такъ что наружу выдается только по одному большому пальцу съ острымъ цѣпкимъ когтемъ, въ видѣ крючка. На рыльцѣ летучей мыши очень много железъ, отдѣляющихъ жирную, зловонную жидкость, которою она увлажняетъ себѣ тѣло и перепонку.

Днемъ летучихъ мышей не видно: только поздно вечеромъ вылетаютъ онѣ изъ своихъ притоновъ, находящихся обыкновенно подъ крышами, въ разрушенныхъ и покинутыхъ зданіяхъ, овинахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Далеко отъ своихъ гнѣздъ летучія мыши не рѣшаются отлетать, — много-много если шаговъ на сто. За то это небольшое пространство пролѣтаютъ онѣ разъ двадцать въ минуту: безпрестанно описывая на лету неправильныя линіи, бросаясь изъ стороны въ сторону, ловятъ онѣ ночныхъ бабочекъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ. Задолго до солнечнаго восхода возвращаются онѣ опять въ свои притоны и засыпаютъ до вечера. Летучія мыши принадлежатъ къ роду животныхъ зимоспящихъ: осенью онѣ отыскиваютъ мѣста темныя, сырыя, но защищенныя отъ стужи, и тамъ, уцѣпившись за что нибудь задними ногами и совершенно повиснувъ на нихъ, спятъ всю зиму.

Въ маѣ самка приноситъ не болѣе одного дѣтеныша. Только-что родившаяся летучая мышь крѣпко прицѣпляется къ груди матери, носится съ нею повсюду и питается ея молокомъ въ продолженіи 10-ти недѣль; по истеченіи же этого времени, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, молодая мышь оставляетъ мать и отправляется сама отыскивать себѣ пищу.

Сняться съ земли, какъ птица, и подняться вверхъ летучая мышь не можетъ; чтобы полетѣть, она должна непременно броситься съ какой-нибудь высоты на воздухъ, который тогда упрется въ ея перепонку, какъ упирается, напримѣръ, въ зонтикъ, если, держа его въ рукахъ, прыгнуть съ высоты. Кромѣ способности летать, летучія мыши имѣютъ еще другую — лазить: цѣпляясь за стѣну или за дерево своими длинными крючковатыми когтями и хватаясь попеременно то однимъ, то другимъ пальцемъ, подвигаются онѣ впередъ очень медленно и съ трудомъ. Летучія мыши — существа не только совершенно безвредныя, но напротивъ, полезныя, потому что истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ.

ОБЫКНОВЕННАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Обыкновенная обезьяна называется турецкой обезьяной, маго и мартышкою. Ее приходится намъ встрѣчать часто не только въ звѣринцахъ, но и на плечахъ шарманщиковъ, разгуливающихъ съ нею по улицамъ большихъ

городовъ. Маго животное чуждое нашему климату. Ея родина собственно сѣверная Африка. Одичалая мартышка встрѣчается изрѣдка и въ Европѣ, но единственно только въ Испаніи, на скалахъ, окружающихъ Гибралтаръ.

По устройству тѣла и по понятливости своей обезьяна имѣетъ большое сходство съ человѣкомъ; въ породахъ большихъ обезьянъ сходство это выдается еще рѣзче; мартышка же ростомъ не бываетъ выше 2 — 3 футовъ. Тѣло мартышки все покрыто сѣрыми волосами и одно только лицо остается свободнымъ отъ волосъ и бываетъ тѣлеснаго цвѣта; хвостъ ея едва замѣтенъ; но есть и длиннохвостыя обезьяны, преимущественно американскія, у которыхъ хвостъ такъ длиненъ, что онѣ могутъ свертывать его узломъ. Голова мартышки отличается отъ головы ребенка сильно выдающимся впередъ ртомъ, что происходитъ отъ особаго развитія челюстей, почти не выдающимся, плоскимъ подбородкомъ, черезъ-чуръ малымъ разстояніемъ между глазами и заходящими одинъ за другой глазами зубами. Число и названіе зубовъ вообще такое, какъ и у человѣка; но члены тѣла устроены совершенно иначе: у обезьянъ на всѣхъ четырехъ оконечностяхъ такіе же длинные пальцы, способные схватывать и удерживать предметы, какъ у насъ на рукахъ, отчего обезьянамъ и даютъ названіе *четверорукихъ*. Такое устройство членовъ мѣшаетъ обезьянамъ свободно ходить, но даетъ средство превосходно лазить; вотъ почему ихъ называютъ иногда *лазунами*.

Маго живутъ въ лѣсахъ теплаго пояса, по большей части собираясь стадами; на деревья взбираются онѣ, обхватывая стволъ, а не цѣпляясь за кору ногтями. По землѣ ходятъ съ трудомъ, ступая на всѣ четыре конечности. Хотя плоды и составляютъ главную ихъ пищу, но онѣ ѣдятъ также насѣкомыхъ и яйца маленькихъ птичекъ. Хищническіе походы свои онѣ совершаютъ всегда подъ предводительствомъ начальниковъ, вооруженныхъ палками. Обезьяны вообще живы, вертлявы, проворны, хитры, переимчивы; но старѣясь глупѣютъ и дѣлаются злыми; ручными становятся съ трудомъ. Страсть ихъ къ подражанію извѣстна всѣмъ.

Кромѣ мартышки мы замѣтимъ здѣсь еще только одну большую обезьяну, *орангутанга*, живущаго только въ лѣсахъ жаркаго климата. Орангутангъ ростомъ бываетъ съ большого человѣка; но верхнія руки у него доходятъ до ступней. Взрослый онъ свирѣпъ и не дается живой; но взятый маленькимъ легко дѣлается ручнымъ. Для жизни устраиваетъ себѣ шалаши на высокихъ деревьяхъ; отбивается отъ нападающихъ палками, камнями, плодами деревьевъ; перевезенный въ страны, имѣющія болѣе холодный климатъ, скоро умираетъ отъ болѣзни легкихъ.

Отрядъ *четверорукихъ* раздѣляется на нѣсколько семействъ. Орангутангъ и мартышка принадлежатъ къ одному семейству.

Т Ю Л Е Н Ъ.

Тюлень, или морская собака, живетъ въ моряхъ и именно въ сѣверныхъ, изъ которыхъ заходитъ иногда въ устья рѣкъ. Голова его похожа на собачью и звуки, которые онъ издаетъ, на лай. Трудно себѣ представить, что это животное млекопитающее; но тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо, и маленькіе, живородящіеся тюленьчики питаются молокомъ матери. Массивное туловище тюленя удлинено сзади и сверху приплюснуто; толстая кожа покрыта короткими, гладкими, серебристыми волосами. Великою совершенно взрослый тюлень бываетъ иногда около сажени. На круглой головѣ у него замѣтны ушныя раковины и большіе, ласковые глаза; ноздри, при погруженіи животнаго въ воду, закрываются особенными клапанами; во рту находятся острые зубы. Короткія, загнутыя назадъ, широкія переднія ноги тюленя называются *ластами*; они плохо служатъ для ходьбы посушѣ, но зато отлично исполняютъ должность весель при плаваніи. Что лапы назначены для послѣдняго употребленія, — это замѣтно и по перепонкѣ, соединяющей и покрывающей пальцы, такъ что ихъ почти совершенно не видно. На заднихъ, совершенно вывернутыхъ назадъ ногахъ, служащихъ тюленю при плаваніи вмѣсто руля, перепонка идетъ не такъ далеко и пальцы выдаются наружу. По особенному устройству своихъ членовъ, называемыхъ ластами, тюлени причисляются къ особому отряду животныхъ — *ластоногихъ*, куда принадлежатъ моржи и сивучи, тоже жирные обитатели холодныхъ морей.

Тюлени очень добрыя и смиренныя животныя. Они съ любопытствомъ высовываютъ свои головы изъ воды, когда слышатъ шумъ; но также быстро и прячутся. Плаваютъ они на брюхѣ и на спинѣ; ныряютъ отлично; живутъ болѣе въ водѣ, чѣмъ на сушѣ; но не могутъ пробыть подъ водою болѣе четверти часа: имъ непремѣнно надобно вынырнуть, чтобы выдохнуть изъ легкихъ испортившійся воздухъ и вдохнуть свѣжій, при чемъ воздухъ вылетаетъ изъ ноздрей съ шумомъ. Зимой тюлени пробиваютъ ледъ, чтобы просунуть сквозь него морду и подышать воздухомъ, чего рыбы не дѣлаютъ, потому что онѣ обладаютъ жабрами, добывающими воздухъ изъ воды. Тюлени часто выходятъ на берегъ или на льдину, чтобы отдохнуть или покормить своихъ дѣтенышей, которыхъ, впрочемъ, не оставляютъ на берегу, но уносятъ въ воду, придерживая ихъ передними ластами. На сухомъ пути тюлени очень неворотливы; а потому ихъ легко убиваютъ, ударяя по головѣ чекушею (дубиною) или вонзая въ толстое тѣло острые крючья. Питаются они рыбами, моллюсками (водяныя животныя, похожія на улитку) и морскими растеніями.

Пользу людямъ приносятъ тюлени своимъ жиромъ, котораго у всѣхъ

ластоногихъ очень много, и кожей, идущею на различныя подѣлки. Тюленью кожу съ шерстью можно иногда видѣть у насъ на ящикахъ и погребцахъ. Жиръ тюлений извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ ворвани и идетъ, большею частію, на выдѣлку кожъ.

Моржъ — тоже ластоногое животное и похожъ видомъ и образомъ жизни на тюленя; но два большіе торчащіе внизъ клыка отличаютъ моржей съ перваго взгляда. Кость моржовыхъ клыковъ употребляется на различныя подѣлки, но она не такъ бѣла и крѣпка какъ слоновая.

К И Т Ъ.

„*Чудо-юдо, рыба китъ*“ говорится въ русскихъ сказкахъ; но въ томъ-то и дѣло, что китъ вовсе не рыба, а звѣрь — такое же живородящее и млекопитающее животное, какъ корова или лошадь, и что киту, хотя изрѣдка, необходимо высовывать голову изъ воды, чтобы подышать воздухомъ, которымъ дышемъ и мы съ вами. Но китъ, не будучи рыбой, которая, какъ вы знаете, родится изъ яичекъ икры и не питается въ дѣтствѣ молокомъ матери, такъ похожъ на рыбу, что его причислили къ особому отдѣлу животныхъ — *рыбообразныхъ*, куда относится и дельфинъ, о которомъ вы, можетъ-быть, слышали; но у дельфина есть зубы, а у кита нѣтъ, а потому они оба принадлежатъ къ двумъ отдѣльнымъ семействамъ отряда *рыбообразныхъ*.

Величина и тяжесть кита такова, что изъ сорока слоновъ можно было бы слѣпить не болѣе одного кита. Въ длину онъ бываетъ иногда до десяти сажени. Голова кита несоизмѣрно велика и составляетъ почти треть его туловища. вмѣсто переднихъ членовъ у него два плавательныя пера; вмѣсто заднихъ — большой рыбій хвостъ, лежащій впрочемъ *горизонтально*. Уши у кита очень малы; а небольшіе глаза его помѣщаются у самыхъ плавательныхъ перьевъ. Ноздри, похожія на отверстіе насоса, находятся на вершинѣ головы. Кривой ротъ въ длину имѣетъ до двухъ сажень, а въ ширину не много менѣе; языкъ бываетъ сажени въ три; но глотка такая маленькая, что въ нее едва можно просунуть руку. Зубы бываютъ у кита только въ молодости; а потомъ вмѣсто зубовъ вырастаетъ у него во рту до четырехъ сотъ роговыхъ пластинокъ, изъ которыхъ каждая бываетъ до двухъ сажень длиною и въ полвершка шириною, а къ концу растрепливаются на мелкія волокна. Изъ этихъ роговыхъ пластинокъ добываютъ до трехъ тысячъ фунтовъ такъ-называемаго *китоваго уса*, который вы вѣроятно видали. Усы эти служатъ киту вмѣсто невода для ловли мелкихъ морскихъ животныхъ, которыми онъ кормится. Зачерпывая огромное количество воды своимъ широкимъ ртомъ, китъ пропускаетъ ее чрезъ свои усы: все что можетъ служить киту для пищи, остается у него во рту, за усами,

и идетъ въ глотку; остальную же воду животное выбрасываетъ фонтанами черезъ два отверстія, находящіяся у него на головѣ. Плавательныя перья, которыя бывають у кита болѣе сажени, замѣняютъ ему руки. Китовая самка иногда поддерживаешь ими своихъ детенышей, когда тѣ устанутъ плавать. Хвостъ у кита сажени три въ ширину и такъ силенъ, что однимъ ударомъ его китъ можетъ не только опрокинуть, но разбить въ щепы большую лодку. Подъ кожей у этого громаднаго звѣря холодныхъ морей лежитъ слой жира, толщиною иногда въ аршинъ и болѣе. Китовый усъ и китовый жиръ, называемый въ продажѣ *ворванью*, употребляются въ различныхъ производствахъ. Не смотря на величину свою, китъ питается только самыми маленькими рыбками, моллюсками, раками и т. п. небольшими водяными животными. Онъ плаваетъ очень быстро и проплываетъ иногда въ часъ до четырехъ миль. Подъ водою китъ можетъ оставаться минутъ сорокъ и даже больше; но потомъ необходимо долженъ выплыть на поверхность воды и разъ девять вдохнуть въ себя воздухъ.

Множество кораблей отправляется для ловли китовъ въ сѣверныя моря. Одинъ изъ матросовъ садится на мачту и смотритъ, не видно-ли гдѣ-нибудь кита; какъ только увидитъ онъ знакомый фонтанъ или голову чудовища, то даетъ знать объ этомъ, и въ то же время съ корабля спускають лодку съ матросами и гарпунщиками. Въ рукахъ у гарпунщиковъ длинная, острья желѣзная свая съ крючками (гарпуны), привязанная на длинной веревкѣ. Тихо подплываетъ лодка къ громадному животному и гарпунщикъ изо всей силы вонзаетъ въ него свое оружіе; въ ту же минуту китъ опускается въ воду, и канатъ, къ которому привязанъ гарпунъ, бѣжитъ съ лодки съ такою силою и быстротою, что если нечаянно онъ какъ-нибудь попадетъ на человѣка, то растрошитъ его въ тоже мгновеніе. Побывъ подъ водою нѣсколько времени, китъ непременно долженъ вынырнуть на верхъ, чтобъ подышать воздухомъ. Тогда опять вонзають ему въ тѣло гарпуны и острья копыя: море окрашивается кровью животнаго. Китъ бьется въ это время съ такою силою, что удары его тяжелаго хвоста по водѣ бывають слышны за нѣсколько верстъ. Наконецъ онъ истекаетъ кровью, теряетъ силы, поворачивается на бокъ и издыхаетъ. Тогда подтягивають кита къ кораблю; сходятъ на громадное животное, какъ на островъ, вырѣзываютъ жиръ, а изъ пасти достаютъ усы и языкъ; остальное бросаютъ на жертву акуламъ и хищнымъ птицамъ.

СТРАННЫЕ ЗВѢРИ.

Когда вы будете пересматривать картинки какой нибудь *зоологии*, то ваше вниманіе навѣрно обратятъ на себя своимъ страннымъ видомъ четыре

звѣрка, которые у насъ не водятся. Не мѣшаетъ знать вамъ, что это за звѣри, какъ ихъ зовутъ и какіе отличительные у нихъ признаки.

У однихъ звѣрей зубы приспособлены къ разрыву мяса; у другихъ къ пережевыванью травы; у третьихъ, чтобы грызть пищу. Но есть и такіе звѣри, у которыхъ или вовсе нѣтъ зубовъ или очень мало, да и тѣ плохи и безъ эмали. Къ такимъ звѣрямъ относится нѣсколько похожій на обезьяну *лѣнивецъ* или *ай*. Лѣнивцемъ этого звѣря зовутъ потому, что онъ почти никогда не сходить съ дерева, листьями котораго кормится, и если ему приходится перемѣнить мѣсто, то кричитъ жалобно: *ай, ай!* Но не отъ лѣности кричитъ бѣдный звѣрь, а отъ того, что ему больно и трудно ходить: длинные и крючковатые когти его сильно пригнуты къ ладони и приспособлены только къ тому, чтобы цѣпляться за вѣтки. Къ этому же отряду звѣрей, который естествоиспытатели назвали *отрядомъ беззубыхъ*, принадлежатъ и *броненосцы*, тѣло которыхъ покрыто чешуйчатою бронею, и *муравьеды*, у которыхъ вовсе нѣтъ зубовъ, а длинная, заостренная морда съ длиннымъ, далеко высовывающимся языкомъ, приспособленнымъ къ тому, чтобы, всадивъ его въ муравьиную кучу, вытащить разомъ цѣлую сотню муравьевъ.

Ваше вниманіе вѣроятно также обратитъ на себя небольшой звѣрь съ утинымъ носомъ, котораго потому и назвали *утконосомъ*. Утконосы имѣютъ на пальцахъ плавательныя перепонки, (у какого еще звѣря есть плавательныя перепонки?) плаваютъ и ныряютъ отлично, отыскивая въ водѣ червей, и водяныхъ насѣкомыхъ. Однако утконосъ не рыба, и не птица, а звѣрь, потому что покрытъ шерстью, дышетъ легкими, рождаетъ живыхъ дѣтенышей и кормитъ ихъ своимъ молокомъ. Не многимъ звѣрямъ этого отряда естествоиспытатели дали особое названіе — *птицезвѣри*.

Странный звѣрь тоже *двуутробка* или *кэнгуру* — съ очень длинными задними ногами, на которыхъ это животное любитъ стоять, и очень коротенькими передними. Двуутробкой этого звѣря зовутъ потому, что на брюхѣ у него есть особенная сумка, въ которой мать долго носитъ своихъ дѣтенышей послѣ ихъ рожденія. Такихъ двуутробныхъ животныхъ есть нѣсколько семействъ и всѣ эти семейства естествоиспытатели причисляютъ къ одному отряду животныхъ *сумчатыхъ*.

ОТЯДЫ.	СЕМЕЙСТВА.	Р О Д Ы.	ВИДЫ.
1. Четырерукіе.	1. Узконосое . . .	1. Мартышка, 2. орангутанъ.	
2. Рукокрылые.	. . . . .	1. Летучія мыши.	
3. Насѣкомоядные	{ 1. Кротовое . . .	1. Кротъ.	
	{ 2. Ежовое	1. Ежъ.	

	ОТЯДЫ.	СЕМЕЙСТВА.	РОДЫ.	ВИДЫ.
Раздѣленіе упомянутыхъ въ книгѣ животныхъ млекопитающихъ (звѣрей).	4. Грызуны . . .	1. Бѣличье . . .	1. Бѣлка.	
		2. Заячье	1. Заяць.	
		3. Мышиное . . .	1. Мышь домашняя. 2. водяная. 3. полевая, 4. крыса.	
		4. Бобровое . . .	1. Бобръ строитель.	
		5. Сурковое . . .	1. Байбакъ, 2. сурокъ, 3. сусликъ, 4. овражекъ.	
		6. Медвѣжье . . .	1. Медвѣдь бѣлый и бурый, 2. енотъ.	
	5. Хищные . . .	2. Кошачье	1. Кошка домашняя и дикая, 2. левъ, 3. тигръ, 4. ягуаръ, 5. барсъ, 6. леопардъ.	
			3. Псовое	1. Собака, 2. волкъ, 3. шакаль.
		4. Хорьковое . . .	1. Хорекъ.	
			1. Куница	1. Куница. 2. Соболь. 3. Ласка. 4. Горностай.
		5. Гиеновое . . .	1. Гиена.	
	6. Многокопытные	1. Непарнокопытные	1. Слонь, 2. бегемотъ, 3. тапиръ. 4. носорогъ.	
		2. Парнокопытные	1. Свинья дикая и домашняя.	
		1. Бычачье	1. Быкъ и корова 2. буйволъ, 3. зубръ.	
	7. Двукопытные.	2. Козловое	1. Козлы и козы, 2. бараны и овцы.	
		3. Олень	1. Олени, 2. кабарги.	
		4. Камелеопардовое	1. Жирафы.	
	8. Однокопытные 9. Ластовые ; . .	5. Верблюжье . . .	1. Верблюды	1. Одногорье 2. Двугорбие.
1. Лошадиное . . .		1. Лошадь, 2. осель, 3. зубръ.		
Тюленевое . . .		1. Тюлени.		
Моржовое . . .	1. Моржи.			

ОТРАДЫ.	СЕМЕЙСТВА.	РОДЫ.	ВИДЫ.
10. Рыбообразные	. . . . .	1. Киты.	
11. Беззубые	. . . . .	{ 1. Лѣнивцы, 2. броненосцы, 3. муравьѣды.	
12. Птицевѣри	. . . . .	1. Утконосъ.	
13. Сумчатые	. . . . .	1. Двуутробка *)	

ОТДѢЛЬ III.

ПТИЦЫ, РЫБЫ, ЗЕМНОВОДНЫЯ И ПРЕСМЫКАЮЩІЯСЯ.

КАНАРЕЙКА.

Желтенькая канарейка — одна изъ самыхъ маленькихъ птичекъ; но и въ ея маленькомъ тѣлѣ есть много замѣчательнаго. Перышки у канарейки двухъ сортовъ: одни, маленькія, называются пухомъ; другія побольше, собственно перья; самыя большія въ хвостѣ и въ крылышкахъ. Каждое перышко устроено очень хитро: въ немъ есть стержень и бородка, снизу оно пусто въ серединѣ, сверху украшено другими маленькими перышками. У канарейки круглая головка съ двумя черными круглыми глазками, которые закрываются не вѣками, какъ у насъ, а особенной кожицей, которая, когда нужно, выдвигается изъ-за угла глаза. Головка оканчивается твердымъ толстенькимъ клювомъ, заостреннымъ къ концу. Когда канарейка откроетъ свой клювъ, то можно видѣть, что у нея нѣтъ зубовъ, хотя и есть языкъ. Клювъ или носикъ канарейки, какъ его обыкновенно называютъ, состоитъ изъ двухъ частей, верхней и нижней, напоминающихъ наши челюсти. На верхней части носика можно замѣтить двѣ маленькія дырочки: это ноздри канарейки, органъ ея обонянія. Ушей у канарейки не видать, но однако не трудно убѣдиться, что канарейка слышитъ очень хорошо; а если она слышитъ, то слѣдовательно у нея долженъ быть въ головѣ слуховой органъ, хотя снаружи и нѣтъ ушныхъ раковинъ.

*) Читавшіе со вниманіемъ Дѣтскій міръ могутъ уже показать, почему тотъ или другой звѣрь, помѣщенъ на томъ или другомъ мѣстѣ.

Туловище у канарейки овальное, похожее формою на яйцо. Между туловищемъ и головою — шейка и звонкое горлышко; позади туловища — хвостъ. По бокамъ у канарейки вмѣсто рукъ, два крыла, носикъ же замѣняетъ канарейкѣ руки. Внизу туловища двѣ ноги и на каждой ногѣ по четыре пальца: три идутъ впередъ, а одинъ назадъ. Такое устройство пальцевъ даетъ птичкѣ возможность держаться на тонкой вѣточкѣ. На пальцахъ когти изъ твердаго, роговаго вещества, изъ котораго состоитъ и носикъ. Канарейка не можетъ переступать нога на ногу, какъ ходить, напримѣръ, пѣтухъ, и если не летаетъ, то прыгаетъ обѣими ногами разомъ, Канарейка поетъ очень пріятно и ее причисляютъ къ числу *пѣвчихъ* птицъ. Она очень мило купается и разглаживаетъ носикомъ свои перышки. Кормятъ ее канареечнымъ или коноплянымъ сѣменемъ, булкою, сахаромъ, зеленымъ салатомъ и другою травкою. Канарейка поетъ только при дневномъ свѣтѣ, а въ темнотѣ засыпаетъ. Осенью и весною канарейка линяетъ, т. е. теряетъ свои перышки, на мѣсто которыхъ вырастаютъ другія, и на это время она прекращаетъ свои пѣсни. Въ иныхъ домахъ разводятъ канареекъ, и потому держатъ ихъ по нѣскольку паръ въ большой клѣткѣ, приготовляя для нихъ по угламъ гнѣздышки и хлопчатую бумагу. Въ эти гнѣздышки канарейка сама наноситъ хлопчатой бумаги, накладываетъ собственныхъ своихъ перышекъ и пуху, а потомъ *снесетъ* туда же нѣсколько маленькихъ сѣрыхъ яицекъ, изъ которыхъ черезъ двѣнадцать дней выходятъ крошечныя канареечки, почти совершенно безъ перышекъ; мать кормитъ ихъ зернышками, которыя размягчаетъ прежде во рту — кормитъ до тѣхъ поръ, пока птенчики не оперятся и не начнутъ летать и сами кормиться.

Канарейка дышетъ, и если ей зажать носикъ, то она можетъ задохнуться; слѣдовательно, у канарейки есть легкія; у нея есть сердце, которое очень сильно бьется, когда бѣдную птичку возьмутъ въ руки; у нея есть теплая, красная кровь, протекающая въ жилахъ; есть и желудокъ, переваривающій пищу. Для жизни канарейкѣ, какъ и человѣку, необходимы: пища, питье и воздухъ.

У Т К А.

Утка очень мало похожа на канарейку; но тѣмъ не менѣе, между этими двумя птицами гораздо болѣе сходства, чѣмъ между всякою птицею и всякимъ звѣремъ. Голова утки широка, приплюснута сверху, съ широкимъ роговымъ носомъ; изогнутая шея довольно длинна, хотя короче гусиной; туловище овальное, тяжелое; широкій хвостъ, короткія крылья и двѣ желтоватыя ноги, каждая съ тремя пальцами напередѣ, соединенными перепонкою, и однимъ маленькимъ позади. Эта перепонка показываетъ, что утка принадлежитъ къ числу плавающихъ или водяныхъ птицъ: перепончатыми

лапами своими утка загребааетъ воду, какъ веслами. Перья утокъ по цвѣту бываютъ очень разнообразны; но большею частью сѣроватаго, а у дикихъ утокъ совершенно сѣраго цвѣта. Дикія утки живутъ почти постоянно на водѣ и стараются выбирать такія мѣста, гдѣ имъ удобно было бы строить свои гнѣзда. Въ эти гнѣзда онѣ кладутъ по 14 сѣро-зеленоватыхъ яицъ, изъ которыхъ недѣли черезъ три выходятъ утята. Какъ только утята выйдутъ на свѣтъ Божій, такъ мать и ведетъ ихъ тотчасъ же на воду плавать.

„Утка самая прожорливая птица. Она ѣсть съ утра до позней ночи, ѣсть все, что ни попадо: щиплетъ растущую по берегамъ молодую гусиную травку, жретъ немилосердо водяной мохъ или шелкъ, зелень, цвѣтъ и все водяныя растенія; жадно глотааетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушекъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого, набиваетъ полонъ зобъ тиной и жидкой грязью и производитъ эту операцію нѣсколько разъ въ день.“

Дикія утки прилетаютъ къ намъ весною и всю весну и лѣто они живутъ парами, но къ осени собираются въ большія стада, а при наступленіи зимы улетають въ теплыя края, гдѣ воды не замерзають.

Изъ болѣе извѣстныхъ намъ птицъ къ *водянымъ*, кромѣ утки, принадлежатъ: лебедь, гусь, чайка и баба — птица, или пеликанъ, съ огромнымъ мѣшкомъ подъ нижней челюстью: въ этотъ мѣшокъ она прячетъ рыбу.

Замѣтимъ здѣсь кстати разницу между канарейкой и уткой въ выводѣ дѣтенышей. Обѣ онѣ, какъ и всякія другія птицы несутъ яйца и, согрѣвая ихъ своимъ тѣломъ, сидятъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока изъ яицъ не выйдутъ дѣтеныши; но этимъ и оканчивается сходство. Маленькая канареечка выщипывается изъ яйца совершенно голая, безъ перьевъ, слѣпая, слабая, не имѣя силъ не только ходить или стоять, но даже клевать зерна; такъ что мать долго кормитъ ее изъ носика въ носикъ, размячая и разжевывая сначала зерна въ мягкую кашку. Утенокъ, напротивъ, выходитъ изъ яйца уже молодымъ: самъ своимъ твердымъ носикомъ разбиваетъ онъ яичную скорлупу и является на свѣтъ съ открытыми глазами, весь въ перьяхъ, которыя впрочемъ еще такъ мягки, что скорѣе похожи на пухъ; на ножкахъ стоитъ онъ крѣпко, проворно бѣгаетъ и черезъ часъ уже ловко и быстро плаваетъ по водѣ, ловитъ свѣжимъ носикомъ мошекъ, клюетъ зерно, щиплетъ травку; заботливая же мать охраняетъ его отъ охотника и хищной птицы до тѣхъ поръ, пока у него самаго не подрастутъ крылья.

Все птицы выводятся или какъ канарейки или какъ утки: тѣхъ птицъ, которыя выводятся, какъ канарейки, каковы голуби, вороны, орлы, воробьи, чижики, соловьи и многое множество другихъ, называютъ *птенцами*, потому что они долго остаются безперыми птенцами; тѣхъ же птицъ, которыя выводятся, какъ утки, каковы гуси, куры, журавли, аисты и др.,

называютъ *выводковыми*. Всѣ птицы, какъ ихъ не много, раздѣляются на эти два болшіе отдѣла: выводковыхъ и птенцовыхъ.

ГОЛУБИ и КУРЫ.

Голубь и курица птицы: у нихъ, вмѣсто рта и носа, клювъ; вмѣсто переднихъ конечностей — крылья; тѣло покрыто перьями; дѣтеныши ихъ выходятъ изъ яицъ; но голуби принадлежатъ къ классу птицъ *выводковыхъ*, а куры къ классу *птенцовыхъ*. Этимъ однако еще не ограничивается различіе между голубемъ и курицею. Какъ только выростутъ и укрѣпятся молоденькіе голуби, такъ и начинаютъ они летать высоко въ воздухѣ на своихъ остроконечныхъ и длинныхъ крыльяхъ. Уставая, они рѣдко садятся на землю, развѣ замѣтятъ гдѣ нибудь разсыпанныя зерна пшеницы или овса; даже спать садятся они на высокія деревья, выбирая для этого тонкія вѣтви, которыя могли бы они обхватить своими гибкими пальцами; гнѣзда вьютъ подъ крышами высокихъ зданій или на высокихъ деревьяхъ; домашніе — въ высокихъ голубятняхъ. Куры кладутъ свои яйца по большей части въ ямкахъ, вырытыхъ въ землѣ, или въ гнѣздахъ, устроенныхъ кое-какъ, весьма неискусно. Родившись на землѣ, курица почти никогда ее не покидаетъ. У курицы круглыя, короткія крылья, вовсе неспособныя къ легкому, высокому и быстрому полету. Она много-что можетъ перелетѣть черезъ заборъ или взлетѣть на крышу сарая, и то летитъ съ трудомъ, шумно, неловко. Спитъ она, или сидя на землѣ, или же взмоштившись на жердь, на которой долго старается усѣсться, соблюдая равновѣсіе; но никогда не сядетъ она на тонкую вѣтку, потому что пальцы ея недостаточно гнутся для этого. Воздухъ — родной элементъ для голубя, въ которомъ онъ рѣетъ свободно и легко; земля — для курицы, которой она почти никогда не покидаетъ. Голубя можно назвать *воздушиною, летающею* птицею; курицу — *земною, бляющею*; точно такъ же, какъ утку и гуся — *водяными, плавающими*. Впрочемъ, не всѣ выводковыя птицы летаютъ такъ плохо, какъ куры: дикіе гуси, дикія утки, журавли, аисты и множество другихъ выводковыхъ птицъ перелетаютъ за многія тысячи верстъ и поднимаются такъ высоко, что кажутся въ небѣ маленькими, движущимися точками.

Голуби кормятся только зернами и пьютъ воду, всасывая ее: куры такъ же клюютъ зерно; но кромѣ того клюютъ червей и насѣкомыхъ, которыхъ онѣ вырываютъ изъ земли своими крѣпкими лапами и лопаткообразными когтями; пьютъ онѣ, зачерпывая воду носикомъ. Голуби живутъ всегда парами, кладутъ дважды въ годъ по 2 яичка (домашніе иногда по пяти разъ въ годъ); на яичахъ сидятъ, какъ самки, такъ и самцы попеременно. Куры большею частію живутъ стаями и яицъ кладутъ много, о которыхъ пѣтухъ вовсе не заботится. Голуби, исключая домашнихъ, принадлежатъ

къ перелетнымъ птицамъ и прилетаютъ къ намъ весною изъ теплыхъ странъ; куры, какъ извѣстно, не летаютъ никуда. Но тогда какъ курицѣ все равно, гдѣ бы ни жить, домашній голубь сильно привыкаетъ къ той крышѣ, подъ которой родился и выросъ.

Не только по образу жизни, но и по устройству тѣла, отъ котораго зависятъ и самый образъ жизни, голуби и куры много различаются. У голубя клювъ прямой; на верхней челюсти двѣ выпуклости, изъ которыхъ та, что поближе къ головѣ, покрыта мягкой кожицею, и въ ней носовыя отверстія, закрытыя хрящеватою чешуйкою; края верхней челюсти не заходятъ за нижнюю: у куръ клювъ нѣсколько короче, верхняя челюсть длиннѣе и края ея заходятъ за нижнюю; весь клювъ и крышечки, закрывающія ноздри, тверды. У голубей вся головка всегда густо покрыта перьями; у куръ, напротивъ, перья на головѣ бывають часто рѣдки, оставляють прогалины, на которыхъ мы замѣчаемъ наросты то красноватаго, то желтоватаго цвѣта. Иногда эти кожистые наросты бывають очень велики и различныхъ формъ: такъ напр. у простаго пѣтуха они являютъся въ видѣ гребешка; у индейскаго пѣтуха (который также принадлежитъ къ куриной породѣ) въ видѣ длиннаго, краснаго, болтающагося носа. Эти наросты у иныхъ куриныхъ породъ бывають и на щекахъ, и на шеѣ. О различіи въ крыльяхъ мы уже говорили; но и по хвосту голубь и курица не похожи другъ на друга. У голубя хвостъ всегда прямой и довольно короткій; у куръ, смотря по различію породы, хвостъ устроенъ очень различно: то торчитъ кверху метелкой, то щитикомъ, то въ видѣ серпа, то въ видѣ красиваго вѣера, который можетъ распускаться и собираться, какъ напр. у индейскаго пѣтуха и павлина (индейскій пѣтухъ и павлинъ разные роды одного и того же отряда *куриныхъ*). Ноги у голубя не вполне годны для ходьбы, хотя голуби тоже могутъ ходить, а не прыгають, какъ напр. воробьи и вороны; но шагъ голубиный коротокъ и на землѣ голубь скоро утомляется. Четыре его пальца всѣ расположены на одинаковой высотѣ, совершенно свободны, т. е. не соединены между собою никакою перепонкою, и такъ гибки, что могутъ захватывать (три пальца напередъ и одинъ назадъ) самую тоненькую вѣтку; когти слабы. У курицы также двѣ ноги и по четыре пальца на каждой ногѣ; но шагъ у нея широкій, спокойный, твердый; нога длинна, мускулиста, вся одѣта жесткою кожею; пальцевъ у курицы на каждой ногѣ также по четыре; задній палецъ расположенъ нѣсколько выше переднихъ, такъ что когтемъ достаетъ до земли, а три передніе пальца при основаніи соединены крѣпкой перепонкой; на концахъ пальцевъ ногти крѣпкіе, широкіе, въ видѣ лопаточекъ, словомъ, приспособленные къ тому, чтобы разрывать ими землю и отыскивать зерна и насѣкомыхъ, но обнять ими тоненькой вѣтки курица не можетъ. У пѣтуховъ на заднихъ пальцахъ бывають до-

вольно длинныя и крѣпкія отростки, называемыя шпорами. У голубей, какъ мы видимъ, особенно хорошо устроены крылья; а у куръ — ноги.

Куриныхъ породъ, и дикихъ, и домашнихъ, очень много. Къ *куриному отряду* птицъ принадлежатъ: обыкновенныя куры, индѣйскія куры, павлины, цесарскія куры, а также фазаны, куропатки, тетерева, рябчики и др. Голуби тоже очень разнообразны; но далеко не такъ, какъ куры. Они сами по себѣ составляютъ отдѣльный *отрядъ* птицъ, *голубиный*. Весь голубиный отрядъ принадлежитъ къ отдѣлу *птенцовыхъ*; весь куриный — къ отдѣлу *выводковыхъ*.

СОЛОВЕЙ.

Соловей прекрасная пѣвчая птичка, прилетающая къ намъ только на лѣто, носить очень простую сѣренькую одежду, по которой никакъ нельзя узнать, какіе богатые таланты скрываются въ этомъ маленькомъ созданіи. Онъ любитъ гнѣздиться въ густыхъ кустарникахъ, поближе къ водѣ, особенно въ кустахъ крыжевника и боярышника. Соловьи поютъ обыкновенно по утрамъ рано и по вечерамъ, а иногда и во всю ночь, особенно вскорѣ по возвращеніи изъ своего путешествія. Питаются они маленькими жучками и личинками насѣкомыхъ, которыхъ отыскиваютъ въ землѣ. Чтобы поближе и чаще слушать соловьевъ, люди ловятъ ихъ и запираютъ въ клѣтки; но этотъ дурной обычай должно бы вовсе искоренить, потому что отъ него во многихъ мѣстахъ соловьи совершенно исчезли. Вблизи жилья опасными врагами соловьевъ являются кошки. Бѣдные маленькіе пѣвцы сидятъ обыкновенно очень невысоко и когда поютъ, то закрываютъ глаза, какъ будто наслаждаясь сами собственною пѣсней; а потому ловить ихъ очень удобно. Совы также обижаютъ соловьевъ; а глухые мальчишки часто разоряютъ соловьиныя гнѣзда.

Соловей очень похожъ на воробья, только потоньше его и вся небольшая фигурка соловья стройнѣе и благороднѣе; точно также похожа на воробья и канарейка, только цвѣтъ ея перышекъ не тотъ; вотъ почему и канарейку и соловья естествоиспытатели относятъ къ одному отряду птицъ, *воробьиному*. Этотъ отрядъ очень многочисленъ и къ нему причисляются почти все мелкія птички, пѣнье, чириканье и свистъ которыхъ наполняютъ наши лѣса: жаворонки, коноплянки, чижики, подорожники, ласточки, дрозды, синицы и даже вороны, хотя онѣ, какъ кажется, вовсе не похожи на воробьевъ.

Многочисленный воробьиный отрядъ птицъ подраздѣляется на множество *семействъ*, изъ которыхъ наиболѣе намъ извѣстны слѣдующія: семейство *жаворонковыхъ*, семейство *воробьевыхъ*, *дроздовыхъ*, *ласточковыхъ*, *синицевыхъ*, *скворцовыхъ*, *вороновыхъ*. Въ каждомъ изъ этихъ

семействъ есть множество родовъ; такъ напริมѣръ, есть множество родовъ ласточекъ, синицъ и т. д. Красивыя, блестящія золотомъ и бриліантами, крошечныя *колибри*, изъ которыхъ нѣкоторыя бываютъ величиною больше шмеля, причисляются также къ воробьиному отряду птицъ. Колибри живутъ только въ самыхъ жаркихъ странахъ; а у насъ, даже и въ комнатахъ, не выживають долго. Цвѣта ихъ перьевъ до того разнообразны и ярки, что крошечная птичка, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, кажется сияющимъ въ воздухѣ брильянтомъ.

А И С Т Ъ.

Кто бывалъ на югѣ Россіи, тотъ вѣроятно видаль не разъ длинноносаго, длинноногаго аиста, вытягивающаго свою длинную шею гдѣ-нибудь на крышѣ дома или съ величайшею важностью бродящаго по полямъ и глотающаго лягушекъ десятками. Въ вышину аистъ достигаетъ до полутора аршинъ; довольно большая голова его украшена длиннымъ, острымъ, твердымъ носомъ, краснаго цвѣта; за то хвостъ очень коротокъ. Яйцевидное туловище аиста поддерживается двумя длинными, красными, голыми ногами, почему аиста и причисляютъ къ отряду птицъ *голенастыхъ*. По особенному устройству ногъ, аистъ можетъ простаивать цѣлые часы на одной ногѣ и въ такомъ положеніи его чаще всего можно видѣть на крышахъ домовъ и овиновъ.

Цвѣтъ перьевъ аиста бѣлый, но въ крыльяхъ у него есть и черныя перья. Есть также и черный аистъ, но тотъ дикъ и живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, тогда какъ бѣлый рѣдко совьетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на деревѣ и всегда почти старается примоститься поближе къ жилищу человека. Шея у аиста длинная, гибкая, покрытая бѣлыми перушками, которыя тамъ, гдѣ шея сходитъ съ туловищемъ, очень длинны, такъ что вѣтеръ часто развѣваетъ на аистѣ эту пушистую пелеринку.

Взглянувъ на длинныя, голыя и крѣпкія ноги аиста, можно уже догадаться, что ему суждено бродить по мокрымъ лугамъ и болотамъ; а такая же длинная шея и длинный, острый, крѣпкій носъ говорятъ, что аисту приходится вытаскивать свою пищу изъ воды и земли. И дѣйствительно аистъ принадлежитъ къ породѣ птицъ *болотныхъ*; питается животною пищею, но не терзаетъ ее, какъ хищныя птицы: глотаетъ цѣликомъ змѣй, ящерицъ, мышей, кротовъ, лягушекъ, изъ которыхъ иная еще долго бьется, проходя сквозь длинное горло аиста. — Аистъ часто таскаетъ и глотаетъ съ перьями маленькихъ птичекъ, цыплятъ, и даже гусятъ, и въ гнѣздѣ его нерѣдко находятъ такія вещи, которыя ему уже вовсе не нужны, какъ напр. куски полотна, платки или рубашки. Но, несмотря на такія воровскія наклонности, аиста все ъ любятъ: онъ какъ-то сдружается съ тѣмъ домомъ, на

которомъ совѣтъ свое гнѣздо, и хозяева думаютъ, что онъ приноситъ имъ счастье. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много ядовитыхъ змѣй, аистъ дѣйствительно оказываетъ людямъ важную услугу, истребляя вредныхъ гадовъ тысячами: онъ ловко схватываетъ змѣю за шею и, нисколько не страшась ея ядовитыхъ зубовъ, пропускаетъ ее въ свое длинное горло.

Аисты принадлежатъ къ числу *перелѣтныхъ* птицъ. Ранней весною появляются они въ умѣренныхъ странахъ Европы и проводятъ тамъ цѣлое лѣто. Осенью улетаютъ въ жаркую Африку, гдѣ зимы никогда не бываетъ, снова выводятъ тамъ дѣтенышей и спокойно проводятъ всю зиму, потому что тамъ ихъ также берегутъ и любятъ. Нельзя не удивляться непостижимому *инстинкту* аистовъ, которые не только находятъ сбѣ воздушную дорогу за тысячи верстъ, но отыскиваютъ именно ту деревню, тотъ домъ и то гнѣздо, въ которомъ жили прошлый годъ.

Въ гнѣзда, сдѣланныя довольно грубо изъ хвороста, соломы и кусковъ дерна, самка аиста кладетъ отъ трехъ до пяти бѣлыхъ яицъ; черезъ двадцать одинъ день появляются изъ нихъ маленькіе, уже одѣтые пухомъ и зрячіе аисты, которыхъ впрочемъ заботливые родители, хотя и недолго, кормятъ сами мышами и лягушками. У молодыхъ аистовъ и носъ и ноги сѣраго цвѣта; красными становятся они впослѣдствіи.

Передъ отлетомъ въ южныя страны, аисты собираются большими стаями и суетливо носятся въ воздухѣ. Послѣ такого сборища, оканчивающагося часто дракой, почти всякій разъ находятъ на землѣ нѣсколько мертвыхъ аистовъ: говорятъ, что аисты своими острыми и твердыми носами убиваютъ тѣхъ своихъ товарищей, отъ которыхъ не ожидаютъ, чтобы они могли совершить далекое странствованіе.

Въ Россіи много болотъ, а потому лѣтомъ прилетаетъ къ намъ много *болотныхъ*, длинноногихъ, длинношеихъ, длинноносыхъ птицъ, принадлежащихъ къ одному *отряду* съ аистами; таковы: осторожный журавль, бывающій высотой аршина въ полтора, синеватая *цапля* съ чернымъ хохломъ на головѣ; *выпь*, — которая, запрятавшись въ камыши, *вопитъ*, реветъ, какъ быкъ, почему въ иныхъ мѣстахъ и называютъ ее *быкомъ*, кулики самыхъ разнообразныхъ породъ.

КОВЧИКИ И ДРУГІЯ ХИЩНЫЯ ПТИЦЫ.

Кобчикъ — птичка небольшая, да наготовкъ у ней востеръ. Кобчикъ не много болѣе голубя; но съ перваго же взгляда видно, что у него должны быть вовсе не голубиныя свойства. И клювъ, и когти кобчика такого рода, что, безъ сомнѣнія, должны держать въ почтительномъ отдаленіи маленькихъ птичекъ. Клювъ у него короткій, но толстый, крѣпкій, загнутый книзу острымъ крючкомъ. Небольшія ноги сильны, почти до низу покрыты

перьями, а мускулистыя лапы вооружены каждая четырьмя острыми, крючковатыми когтями; три пальца идутъ впередъ, одинъ назадъ; первые суставы пальцевъ короче послѣднихъ; особенно крѣпки, длинны и остры когти на заднихъ пальцахъ и на среднемъ изъ переднихъ. Этотъ крючковатый носъ и острые, крѣпкіе когти созданы для того, чтобы разрывать мускулы животныхъ. Въ самомъ-дѣлѣ, кобчикъ принадлежитъ къ породѣ *хищныхъ* птицъ и питается, похищая и умерщвляя воробьевъ, цыплятъ, гусятъ и другихъ маленькихъ, беззащитныхъ птичекъ.

Кобчики живутъ, какъ и вообще все хищныя птицы, уединенно; летаютъ высоко; остановившись въ воздухѣ и трепеща крыльями, зорко высматриваютъ добычу и стрѣлою спускаются на нее. Гнѣздо свое кобчикъ вьетъ на высокихъ деревьяхъ: самка кладетъ отъ трехъ до шести зеленоватыхъ яичекъ съ сѣрыми крапинками; она кормитъ дѣтенышей остатками своей кровавой пищи, приучая ихъ смолоду терзать маленькихъ птичекъ. Насѣкомыми кобчики питаются рѣдко, только въ крайней необходимости: мясо позвоночныхъ животныхъ и притомъ животрепещущее, только что растерзанное, самая любимая и почти единственная ихъ пища: они ощипываютъ и разрываютъ пойманную птичку; а не глотаютъ ее цѣликомъ, какъ аистъ, который одинаково проглатываетъ и лягушку и цыпленка.

Кривой, острый клювъ, кривые, заостренные крѣпкіе когти, широкія, остроконечныя крылья, образъ жизни и пища кобчика составляютъ рѣзкіе признаки, какъ его, такъ и всякой другой хищной птицы. Орелъ, коршунъ, соколъ, ястребъ имѣютъ тѣ же хищныя признаки, хотя по величинѣ и по виду своему отличаются отъ кобчика.

Кромѣ дневныхъ хищныхъ птицъ, есть еще ночныя: совы и филины. Острый, крючковатый клювъ, острые, крѣпкіе, крючковатые когти показываютъ, что и совы принадлежатъ къ породѣ хищниковъ. Глаза у совъ напередѣ головы, полузакрты перьями, которыхъ на головѣ у совъ весьма много; зрачки большіе и такъ устроены, что сову ослѣпляетъ сильный дневной свѣтъ; за то ночью она раскрываетъ свои круглыя глаза во всю величину и видитъ ими отлично. Вотъ почему днемъ совы прячутся въ дуплахъ деревьевъ, въ старыхъ строеніяхъ и только послѣ солнечнаго заката вылетаютъ искать пищи; онѣ тогда ловко ловятъ маленькихъ птичекъ, мышей и вообще мелкихъ животныхъ. Летаютъ совы тихо: крылья у нихъ неспособны къ быстрому полету, мягки, слабо разсѣкаютъ воздухъ; но за то на этихъ мягкихъ крыльяхъ сова неслышимо подкрадывается къ своей добычѣ. Слухъ у совъ очень тонокъ и изъ всѣхъ птицъ только нѣкоторыя породы совъ имѣютъ нѣчто въ родѣ ушной раковины.

Все птицы ненавидятъ сову и если ей случится какъ-нибудь днемъ выпорхнуть изъ своего гнѣзда, то даже самыя мелкія птички съ яростію

нападають на неё: онѣ знаютъ, что днемъ сова ничего не видитъ и её можно щипать и клевать безнаказанно.

Д Я Т Е Л Ъ.

Кто бывалъ въ лѣсу, особенно въ большомъ сосновомъ, тотъ вѣроятно часто слыхалъ странные звуки, — точно кто нибудь стучитъ молоткомъ: тукъ — тукъ! тукъ — тукъ! Вы осматриваетесь кругомъ и не понимаете, кто бы это такой могъ стучать. Но вонъ, посмотрите, вдали, по стволу высокой сосны пробѣжала внизъ головою какая то странная птица, величиною немного поменьше голубя. Она пестраго цвѣта, бѣлая съ чернымъ, хвостъ у нея опущенъ внизъ, красный хохолокъ на головкѣ. Но какъ странно бѣгаетъ эта птица! То вверхъ, то внизъ по стволу, будто по ровному полу; то обѣжитъ кругомъ ствола, то перепорхнетъ на другое дерево: должно быть, у этой птицы ноги устроены какимъ нибудь особеннымъ образомъ, если она можетъ такъ ловко бѣгать по стволамъ деревьевъ. И дѣйствительно, ноги и клювъ дятла (потому что это и есть дятель, который такъ стучитъ по лѣсамъ) устроены замѣчательно: на каждой лапкѣ дятла 4 пальца, два идутъ впередъ и два назадъ, и всѣ вооружены острыми, цѣпкими когтями (тогда какъ у другихъ птицъ, которыхъ мы узнали, три пальца идутъ впередъ, а одинъ назадъ). Крѣпкій хвостъ дятла опущенъ внизъ и, упираясь въ деревья, помогаетъ лазить странной птичкѣ. Носъ, или клювъ, прямой, сильный, четырех-гранный, а въ клювѣ скрывается длинный, тонкій язычокъ съ твердою и зубчатою оконечностью. Этотъ язычокъ птица можетъ высовывать очень далеко и онъ служитъ ей для ловли насѣкомыхъ и червей, которыми она питается. Многія насѣкомыя живутъ за корою деревьевъ и тамъ же многіе жуки и бабочки кладутъ свои яички, изъ которыхъ потомъ выходятъ червячки. Дятель стучитъ въ дерево своимъ крѣпкимъ носомъ и если слышитъ звукъ, показывающій, что подъ корою пустота, то разбиваетъ своимъ клювомъ, какъ долотомъ, кору и, засовывая подъ нее свой длинный языкъ, всегда покрытый липкою слизью, вытаскиваетъ насѣкомое, жучка, гусеницу, муравья. Но дятель не любитъ упускать своей добычи даромъ и, постучавъ въ стволъ дерева, быстро обѣжитъ его вокругъ, чтобы посмотреть, не выползло ли гдѣ нибудь изъ за коры насѣкомое, испуганное стукомъ.

Устройство пальцевъ на ногахъ дятла такъ замѣчательно, что естествоиспытатели причисляютъ его къ особому отряду *парноналыхъ*, или *лазуновъ*. Къ этому отряду птицъ относятся всѣ попугаи. Но тогда какъ у дятла языкъ тонокъ, у попугаевъ, наоборотъ, онъ необыкновенно толстъ и мясистъ, что даетъ этимъ птицамъ возможность подражать голосу различныхъ животныхъ и даже словамъ человѣка. Попугаевыхъ породъ множе-

ство; всѣ онѣ водятся въ лѣсахъ жаркихъ странъ и отличаются необычайною красотою перьевъ.

Къ *парнопалому* же отряду относится одна, знакомая намъ птица, которая оглашаетъ наши лѣса своимъ громкимъ, печальнымъ крикомъ, — это *кукушка*. Кромѣ своего страннаго, мѣрнаго крика, отъ котораго она получила и названіе, кукушка замѣчательна еще тѣмъ, что не вѣетъ себѣ гнѣзда; а раскладываетъ свои яйца по гнѣздамъ другихъ птицъ, которыя также, какъ она, питаются насѣкомыми. Снесши яйцо на землѣ, кукушка беретъ его въ носъ и перетаскиваетъ въ заранѣе присканное гнѣздо, выбирая новое для каждаго яйца. Бѣдная птичка, которую бездомная кукушка одолжитъ своимъ яичкомъ, долго не узнаетъ приемыша и сначала высиживаетъ, а потомъ кормитъ его, какъ родное дѣтище. Но кукушенокъ подрастаетъ и въ немъ начинается сказываться дурной характеръ его матери: онъ ѣстъ очень много и обижаетъ своихъ названныхъ братьевъ и сестеръ, а потомъ старается и вовсе отъ нихъ избавиться, для чего подлезаетъ подъ бѣднаго птенчика, подымаетъ его на себя, подноситъ къ краю гнѣзда и выталкиваетъ вонъ. Бѣдная мать никакъ не можетъ узнать причины, почему ея птенцы все падаютъ одинъ за другимъ и кормитъ неблагодарную кукушку, пока она оперится и улетитъ.

СТРАУСЪ.

Страусовъ можно у насъ видѣть только на картинкахъ; но ихъ прекрасныя, длинныя перья часто украшаютъ дамскія шляпки. Африканскіе страусы — самыя большіе: достигаютъ до сажени въ высоту и вѣсятъ болѣе двухъ пудовъ. Голова, верхняя часть шеи и брюхо совершенно безъ перьевъ; но за то богатая, длинная, прекрасная перья находятся въ крыльяхъ самцовъ. Эти крылья однако не приспособлены къ полету: стержень ихъ очень тонокъ и мягокъ, какъ это вы можете видѣть на любомъ страусовомъ перѣ. Такія же перья находятся и въ хвостѣ страуса. Но если страусъ не летаетъ, за то очень быстро бѣгаетъ на своихъ крѣпкихъ ногахъ *о двухъ пальцахъ*: его не можетъ догнать даже самая быстрая лошадь. Шея у страуса очень длинна, сравнительно даже съ длиною ногъ; голова маленькая, ушные отверстія обнажены, а глаза расположены такъ, что страусъ можетъ видѣть предметъ обоими глазами разомъ.

Страусы живутъ стадами въ песчаныхъ пустыняхъ Африки и южной Азій; гнѣзда вырываютъ въ землѣ и нѣсколько самокъ кладутъ въ одно и то же гнѣздо отъ 40 до 50-ти яицъ и сидятъ на нихъ поочередно. Каждое яйцо вѣситъ до 3-хъ фунтовъ; слѣдовательно, равняется по вѣсу 24-мъ куринымъ яйцамъ, и однимъ страусовымъ яйцомъ могутъ утолить голодъ четыре человѣка. Выходя изъ яйца, молодой страусъ бываетъ величиною съ нашу курицу.

Въ случаѣ нужды, страусъ защищается носомъ и ногами. Однимъ ударомъ лапы онъ можетъ убить собаку. Страусовъ легко дѣлають ручными и держать въ особыхъ зданіяхъ для того, чтобы получать ихъ перья не изломанными и не измятыми, что часто случается у дикихъ страусовъ. Яйца страусовъ вкусны и питательны, а изъ скорлупы страусовыхъ яицъ негры дѣлають посуду.

Примѣчаніе. Въ классѣ птицъ два большіе отдѣла: *выводковыхъ* и *птеницовыхъ*. Въ первомъ отдѣлѣ, *выводковыхъ*, мы замѣтили четыре отряда: 1. Отр. *куриный*, куда принадлежать куры, тетерева, куропатки, фазаны, индейки, павлины и др. 2. Отр. *голенастыхъ или болотныхъ*, куда принадлежать: аисты, журавли, цапли, дрохвы, кулики и т. д. Въ 3-мъ отрядѣ, *блгующихъ*, мы замѣтили одного страуса. Къ 4-му отряду, *водныхъ*, принадлежать: утки, гуси, чайки, пеликаны, лебеди и т. д. *Птеницовый* отдѣлъ птицъ состоитъ также изъ *четырехъ* отрядовъ: 1. *отрядъ, хищныхъ*, дневныхъ (орлы, ястреба, коршуны, кобчики и т. д.) и ночныхъ (совы и филины); 2 отр. *воробьиныхъ*, куда относятся воробьи, канарейки, соловьи, вороны, грачи, колибри и многое множество другихъ; 3. отр. *голубиный* — одни голуби; 4-й отр. *парнопалый или лазуны*: попугай, дятлы, кукушки.

ЯЩЕРИЦА.

Весною, подлѣ старыхъ стѣнъ или земляныхъ валовъ, часто удается увидать маленькое животное, отъ шести до восьми дюймовъ въ длину, зеленого или сѣраго цвѣта, на четырехъ коротенькихъ ножкахъ съ лапками о пяти пальцахъ, съ узенькой мордочкой, съ хвостомъ, который длиннѣе самаго животнаго и извивается по землѣ, какъ змѣйка, словомъ — ящерицу. Но ящерица такъ пуглива и быстра, что не успѣешь разсмотрѣть её хорошенько, какъ она уже юркнула къ себѣ въ норку, вырытую гдѣ-нибудь по близости. Если бы у васъ достало смѣлости взять въ руки это, впрочемъ совершенно невинное и безвредное животное, то вы увидали бы, что вся кожа ящерицы покрыта тонкими чешуйками, широкая, плоская головка, снабженная носовыми и ушными отверстиями, непримѣтно соединяется съ шеей, а толстая шея съ гибкимъ, мягкимъ туловищемъ; рыльце закруглено, челюсти далеко выдаются впередъ, а ротъ, хотя разрѣзанъ далеко, но раскрывается не широко. Языкъ ящерицы, въ видѣ тоненькой вилочки, далеко высовывается наружу; острыхъ зубовъ во рту у ней очень много и они сидятъ не только по краямъ, но даже въ серединѣ рта и въ самомъ горлѣ; маленькіе, живые, острые глазки животнаго закрываются вѣками. Ящерица такъ некрасива, такъ, съ одной стороны, напоминаетъ намъ крокодида, котораго мы видали на картинкахъ, а съ другой, гибкую, извивающуюся, скользкую змѣю; такъ быстро исчезаетъ при малѣйшемъ шумѣ и такъ жадно и ловко кидается на свою добычу, бабочекъ, червей, муравьевъ, мухъ, жуковъ, — что люди невольно заподозрили ея острые, хотя совершенно безвредные зубы въ ядовитости и часто преслѣдуютъ бѣдняжку то палкой, то камнемъ. Особенно подозрительнымъ ка-

жется, что ея длинный и вертлявый хвостикъ, который часто при самомъ легко́мъ ударѣ отскакиваетъ отъ туловища, вертится послѣ этого и оказываетъ признаки жизни до захожденія солнца. Но острые зубки ящерицы, которыми она едва можетъ прокусить кожу человѣка, вовсе не имѣютъ тѣхъ ядовитыхъ пузырьковъ, которые дѣлаютъ столь опаснымъ укушеніе ядовитыхъ змѣй; тонкій же, выдвигной, раздвоенный язычокъ ея опасенъ только для бабочекъ и мухъ, потому что помогаетъ *насыкомоядной* ящерицѣ ловить ихъ. Въ особенности неприятно то ощущеніе холода, которое испытываемъ мы, прикасаясь къ кожѣ крокодила, змѣи и маленькой ящерицы. Холодъ кожи всѣхъ этихъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу, *пресмыкающихся*, объясняется тѣмъ, что у всѣхъ у нихъ, вслѣдствіе особеннаго устройства легкихъ и сердца, кровь движется медленно и имѣетъ весьма мало теплоты; вотъ почему также ящерицы въ холодныхъ климатахъ на зиму забираются въ глубокія норы и засыпаютъ тамъ до весны. У ящерицы есть еще и то сходство съ крокодиломъ, что оба эти животныя по временамъ линяютъ. т. е. перемѣняютъ свою кожу, сбрасывая ее цѣликомъ или кусками, что ящерица дѣлаетъ очень ловко, пролѣзая между камнями. Сбросивъ старую кожу, подъ которой выросла уже новая, ящерица забирается въ нору и дожидается тамъ, пока новая одежда ея достаточно затвердѣетъ. Ящерица, хотя и не птица, но точно также, какъ крокодилъ и змѣя, несетъ яйца, изъ которыхъ потомъ выходятъ маленькія ящерицы.

Разрѣзавъ брюшко ящерицы и разсмотрѣвъ ея внутренности, нашли, что у нея есть также сердце, легкія, желудокъ, мозгъ, жилы и нервы; но все это устроено нѣсколько иначе, чѣмъ у млекопитающихъ и птицъ, сообразно съ образомъ жизни ящерицы. Мы найдемъ также, что у нея есть четыре маленькія ножки, однакожъ она тащитъ свое тѣло по землѣ, т. е. *пресмыкается* и во многомъ подходитъ къ безногой змѣѣ, кровожадному крокодилу и тяжелой, неуклюжей черепахѣ. Изъ всѣхъ этихъ пресмыкающихся животныхъ, вполне пресмыкается впрочемъ только одна змѣя, у которой совершенно нѣтъ ногъ.

У Ж Ъ.

Ужъ хотя и змѣя, но самая невинная змѣя, такая же безвредная, какъ и ящерица. Въ среднихъ и южныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣчать ужей очень часто. Они водятся въ сырыхъ мѣстахъ, плотинахъ, сараяхъ, овинахъ, подъ полами домовъ, и иногда цѣлыми десятками выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ погрѣться на солнышкѣ.

Разсмотрѣвъ ужа поближе, мы увидимъ, что тѣло его длинно и кругло (въ длину ужъ иногда бываетъ больше аршина), покрыто чешуйками и твердыми щитками, головка сѣро-зеленоватая, спина отлиываетъ сталью, на

бокахъ и спинѣ много бѣлыхъ и черныхъ пятенъ, а поперегъ шеи идетъ желтоватая полоска, признакъ, отличающій ужа отъ другихъ змѣй, иногда очень на него похожихъ. Голова ужа средней величины, формою похожа на яйцо, нѣсколько приплюснутое сверху, и покрыта чешуйками. Въ мордочкѣ, закругленной спереди, два носовыя отверстія, идущія въ пасть; глаза безъ вѣкъ; пасть, какъ и у всѣхъ змѣй, раскрывается очень широко, потому что разрѣзъ ея идетъ далеко, а кости черепа подвижны и кожа растягивается. Такая широкая пасть необходима змѣѣ потому, что она не жуетъ, а глотаетъ свою добычу цѣликомъ; добыча же эта часто бываетъ гораздо болѣе змѣиной головы. Въ пасти ужа мы замѣтимъ четыре ряда острыхъ зубовъ: одинъ рядъ въ верхней челюсти, другой въ нижней, а два по срединѣ нѣба; всѣ эти зубы остры, неспособны перемалывать и раздавливать пищу, но только хватать добычу и удерживать её. Небольшие зубы ужа могутъ нанести маленькую ранку; но эта ранка скоро заживаетъ, потому-что у ужа нѣтъ тѣхъ переднихъ большихъ, выдающихся зубовъ, снабженныхъ канальчиками въ срединѣ и ядовитыми пузырьками сверху, которые бываютъ у ядовитыхъ змѣй. Когда ядовитая змѣя вонзитъ свои передніе зубы въ тѣло животнаго, то тѣмъ самымъ придавитъ ядовитые пузырьки и крошечная капля яду, пройдя сквозь канальчики зубовъ, скатится въ ранку и мигомъ отравитъ кровь. Жало же ужа, какъ и жало всякой змѣи, хотя оно-то именно и наводитъ страхъ на людей, въ сущности есть безвредный, вилообразный язычокъ, служащій змѣѣ органомъ осязанія. Этимъ языкомъ змѣя ощупываетъ предметъ, но не можетъ имъ чувствовать вкуса ли пища, потому что онъ прячется въ особенное влагалище всякій разъ, какъ пища проходитъ въ глотку животнаго. Глаза ужа, какъ и всякой другой змѣи, не имѣютъ вѣкъ, смотрятъ на добычу прямо, неподвижно, не мигая; отчего и родилось мнѣніе о волшебной силѣ змѣиныхъ глазъ. Ушныхъ раковинъ ужъ не имѣетъ; но слышитъ отлично.

Ногъ у ужа, какъ и у другихъ змѣй, нѣтъ; нѣтъ также плавательныхъ перьевъ, которыя мы замѣчаемъ у рыбъ; но тѣмъ не менѣе змѣи движутся и плаваютъ очень быстро. Онѣ ползаютъ на брюхѣ, извиваясь и упираясь изгибами своего тѣла въ тотъ предметъ, по которому ползутъ. Этому способствуетъ особенная сила змѣиныхъ мускуловъ и гибкость позвоночнаго хребта, идущаго по всему тѣлу животнаго и состоящаго у нѣкоторыхъ змѣй изъ трехъ сотъ позвонковъ, тогда какъ у человѣка, какъ мы знаемъ, ихъ всего 33. Отъ этихъ позвонковъ идутъ очень подвижныя ребра, которыя двигаются тѣмъ удобнѣе, что у змѣй нѣтъ грудной кости и всѣ ребра между собою не срастаются. Реберъ этихъ иногда бываетъ до двухъ сотъ паръ.

Ужъ, также какъ и другія змѣи, шипитъ и иногда свиститъ. Кормится

онъ лягушками, кротоми, мышами, ящерицами, маленькими птичками и другими мелкими животными, которыхъ сначала задушить, потомъ обольеть слюною и наконецъ проглотить, не жевавши. Проглотивъ лягушку, напримеръ, которая вдвое больше его собственной головы, ужъ поневоля ложится и лежитъ неподвижно, какъ палка, ожидая пока въ его сильномъ желудкѣ животное переварится. Точно также кормится и огромный удавъ; только тотъ проглатываетъ иногда цѣлаго большаго барана. На зимуужи забираются въ норы, недоступныя для морозовъ, и лежатъ тамъ неподвижно до весны. Кожу свою мѣняютъ ежегодно разъ пять: когда придетъ время, она лопается сначала на мордѣ, а потомъужи сдираютъ ее съ себя, проползая между камнями или въ щели. Журавли, аисты и хищныя птицы ударомъ носа въ голову ужа убиваютъ его тотчасъ же, потому что кости, составляющія его черепъ, не совсѣмъ срастаются.

Ужи-самки въ августѣ мѣсяцѣ кладутъ въ кучи листьевъ или душла деревьевъ отъ двадцати до тридцати небольшихъ яичекъ, которыя, вмѣсто извѣтковой скорлупы, покрыты бѣлою кожею и соединены одно съ другимъ клейкимъ веществомъ. Изъ этихъ яичекъ недѣли черезъ три выходятъ маленькія змѣйки, которыя сначала кормятся червяками и насѣкомыми, а потомъ, когда подростутъ, принимаются за птичекъ, мышей и кротовъ.

Примѣчаніе. Классъ *пресмыкающихся* животныхъ имѣетъ три отряда 1. *Ящерицы*, куда относится и наша маленькая, вовсе нестрашная *ящерица*, и страшный житель рѣкъ жаркихъ странъ—*крокодилъ*, который тоже громадная ящерица; 2-й отрядъ *змѣиный*, въ которомъ находятся *неядовитыя* змѣи, какъ напр. нашъ ужъ, громадный удавъ, и *ядовитыя*, какова напримеръ, гадюка и гремучая змѣя, ядъ которой убиваетъ человека въ нѣсколько минутъ: къ счастью, усохшая, но еще не спавшая кожа на хвостѣ гремучи особеннымъ, довольно сильнымъ звукомъ предупреждаетъ объ опасности и человека и животное; 3-й отрядъ *пресмыкающихся* составляютъ *черепахи*.

Л Я Г У Ш К А .

Въ большомъ пруду жило вмѣстѣ множество лягушекъ; всю зиму пролежали онѣ въ глубокой тинѣ, безъ пищи, безъ дыханія, окоченелыя, словно мертвыя; имъ снилось солнечное сіяніе, хорошенькія мушки, водяныя кувшинчики и жирныя червячки, въ то самое время, когда по гладкой, ледяной поверхности пруда, мальчишки катались на конькахъ. Но вотъ весна постучалась въ ледяную кровлю и ледъ разлетѣлся въ куски. Солнце пригрѣло воду и лягушки проснулись, стали протягивать свои онѣмѣвшіе члены и радостно подыматься къ верху. Вотъ одна уже высунула мордочку изъ воды и квакнула во все горло, за ней другая, третья — и скоро образовался цѣлый хоръ. Всю теплую майскую ночь, съ вечера до утра, кричатъ онѣ безъ устали: два толстые мѣшка, находящіеся по обѣимъ сторонамъ шеи у самцовъ, помогаютъ имъ издавать сильные звуки. Теперь веселыя

лягушки начинают класть яички, развѣсивая по водянымъ растеніямъ какое-то студенистое вещество, похожее на бѣлокъ: тамъ-и-сямъ въ немъ видны бѣлыя точки, изъ которыхъ современемъ образуются лягушата. Яички положены, но никто о нихъ не заботится; одно щедрое солнце, катясь по голубому небу, не забываетъ заглянуть и въ тѣнистый уголокъ пруда, заросшій водяными растеніями, гдѣ безъ него маленькія точки никогда бы не сдѣлались лягушками. Подъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца, точки увеличиваются, а свѣтлая, студенистая масса раздѣляется на части и уменьшается. Вотъ что-то въ ней зашевелилось: это вѣрно молодая лягушка; но какой у нея странный видъ! Круглое, черное тѣлице и длинный широкій хвостъ — вотъ и все животное. Въ тѣлѣ нельзя различить ни головы, ни шеи, ни туловища, ни ногъ, — только глаза и ротъ, да по сторонамъ двѣ нѣжныя гожицы протягиваются въ водѣ: это жабы, которыми дышетъ маленькое твореніе; онѣ состоятъ изъ множества очень искусно устроенныхъ сосудовъ, которые вбираютъ воздухъ, находящійся въ водѣ. Весело смотрѣть, какъ движется молодая лягушка. У многихъ животныхъ есть хвостъ: лошадь отгоняетъ имъ мухъ, собака выражаетъ хвостомъ своимъ удовольствіе, обезьянамъ хвостъ помогаетъ карабкаться на деревья; но у всѣхъ этихъ тварей, кромѣ хвоста, есть еще другія орудія движенія; у молодой же лягушки хвостъ все: рука, нога и плавательное перо. Посмотрите, какъ ловко управляетъ этимъ хвостомъ и какъ быстро движется съ его помощію скользкій, маленькій *головастикъ*: такъ зовутъ молоденькую лягушку. Но пока головастикъ гоняется за червячками и водяными насекомыми, у него начинаютъ показываться заднія ноги. Сначала это только два крючка; но, день за днемъ, онѣ увеличиваются и на нихъ появляются пальцы, соединенные плавательной перепонкой. Съ такими ножками лягушкѣ плавать уже гораздо удобнѣе и она рѣже становится добычею жадной щуки. По мѣрѣ того, какъ растутъ у лягушки заднія ноги, жабы ея уходятъ внутрь тѣла.

Когда лягушка научится управлять своими задними ногами и съ помощію ихъ быстро прыгать впередъ, тогда начинаютъ у нея появляться и переднія; а съ ними лягушкѣ уже очень легко и удобно двигаться во всѣ стороны. вмѣстѣ съ тѣмъ она вообще стала и больше, и сильнѣе, и умнѣе; голова, грудь и брюшко начинаютъ обозначаться ясно. Но чѣмъ больше и ловче становятся ноги, тѣмъ меньше и слабѣе дѣлается хвостъ; а когда ноги совершенно выростутъ, то хвостъ совершенно исчезнетъ. До-сихъ-поръ лягушка могла жить только въ пруду и въ норахъ подъ водою отыскивала себѣ червячковъ; но теперь бѣлая часть этихъ червячковъ уже превратилась въ комаровъ и мухъ, которые летаютъ надъ прудомъ или садятся на траву; лягушкѣ въ водѣ становится плохо и она начинаетъ по-

сматривать, какъ бы ей выбраться на берегъ. Пока у лягушки были жабры, ей невозможно было оставаться долго внѣ воды: она погибла бы на сушѣ, какъ погибаетъ и всякая рыба; но въ то время, когда ея ножки дѣлались сильнѣе и приобрѣтали способность прыгать, жабры ея совершенно исчезли и замѣнились легкими, которыми она можетъ и на сушѣ вдыхать воздухъ, какъ и мы съ вами. Теперь выползаетъ лягушка на берегъ, учится прыгать все выше-и-выше и снимать вкусную муху съ голубой незабудки, при чемъ широкій и длинный языкъ, въ видѣ лопаточки, оказываетъ лягушкѣ большую услугу: быстрѣе молнии высовываетъ она его и ловить имъ зазѣвавшееся насѣкомое.

Лягушка не только отдѣляется отъ своего хвоста, но также по временамъ и отъ своей кожи, съ тою только разницею, что хвостъ лягушки всасывается въ ея тѣло и мало-по-малу употребляется весь на выдѣлку другихъ ея членовъ, а кожу она сбрасываетъ прочь. Кожа эта такъ тонка, что, разсланная на бумагу, она едва замѣтна; но найти такую кожицу удастся весьма рѣдко, потому-что обыкновенно, какъ только лягушка сброситъ ее, такъ немедленно же и скушаетъ.

Не всѣ лягушки довольствуются искусствомъ прыгать между болотными фіалками и незабудками, водянымъ лютикомъ, осокой и камышемъ: иной захочется взобраться повыше, на кусты и деревья, засѣсть тамъ въ зеленыхъ листьяхъ между птицами и затянуть свою удивительную пѣсню. Вы вѣроятно знаете древесную лягушку, этого предсказателя погоды, которую иногда сажаютъ на лѣсенку въ стаканъ, до половины наполненный водою: въ хорошую погоду взбирается лягушка на верхнія ступеньки, въ дурную спускается на нижнія и въ самую воду. Древесная лягушка очень ловко прыгаетъ съ листка на листокъ и, притаившись на нижней сторонѣ листа, терпѣливо выжидаетъ пеструю муху или красивую бабочку. На каждомъ пальцѣ у древесной лягушки есть пухлая кожица, которою она крѣпко присасывается къ листьямъ и къ гладкой кожѣ деревьевъ. Цвѣтъ древесной лягушки зеленый и такъ подходитъ подъ цвѣтъ листьевъ, что бѣдная муха летаетъ близъхонько, не видя своего врага. Замѣчательно, что эта лягушка мѣняетъ свой цвѣтъ, смотря по цвѣту листьевъ: весною она зеленая, лѣтомъ становится темнѣе, а къ осени совсѣмъ темнѣетъ. Она очень ловко ловитъ мухъ и бабочекъ, придерживаясь одною ногою за листокъ и бросаясь всѣмъ тѣломъ впередъ. Въ питѣ у нея также нѣтъ недостатка: ея тонкая кожица всасываетъ дождевыя капли и росу.

Такъ изъ ничтожной черной точки выходитъ мало-по-малу рѣзвая лягушка, которая прыгаетъ не только по цвѣтамъ и травѣ, но и по деревьямъ.

Часть жизни своей лягушка проводитъ въ водѣ, а часть на сушѣ, по-

чему ее нельзя причислить ни къ рыбахъ, хотя у нея съ молоду и бываютъ жабы, какъ у рыбъ, ни къ звѣрямъ, ни къ птицамъ: для лягушки и подобныхъ ей существъ, саламандръ, жабы и др. должно было назначить особый классъ, *земноводныхъ*, которыхъ зовутъ еще *голыми*, потому-что ихъ тонкая кожа не покрыта ни чешуей, ни волосами, ни перьями. У лягушки есть черепъ, позвоночный столбъ, нервы, легкія и сердце; но кровь въ ея жилахъ холодна.

Примѣчаніе. I-й классъ *зери*; II-й классъ — *птицы*; III-й классъ *пресмыкающіяся*; IV-й классъ *земноводные*. Въ этомъ послѣднемъ классѣ два отряда: *первый*, *безхвостыхъ*, каковы лягушки и жабы, 2— *хвостатыхъ*, какова, напримѣръ, *саламандра*, о которой говорятъ, что она ядовита и не горитъ на огнѣ; но и то и другое несправедливо. Это небольшое животное имѣетъ много железъ, которые отдѣляютъ большое количество слизи, и если бросить саламандру на уголь, то обильно отдѣляющаяся слизь спасаетъ ее на нѣсколько мновеній, но не долге.

О К У Н Ъ.

Вы конечно видали окуня и не только видали, но и кушали и, вѣроятно, знаете отчасти, что находится внутри его. Овальное тѣло окуня, очерченное двумя кривыми линіями, заострено съ обѣихъ сторонъ; съ боковъ оно приплюснуто, а снизу нѣсколько болѣе выгнуто, чѣмъ сверху. Когда окунь плыветъ, то мы видимъ только узенькую полоску, т. е. спинку окуня. Оно все покрытъ круглыми, жесткими, блестящими чешуйками, которыя лежатъ краями одна на другой, какъ черепицы на кровлѣ. Въ тѣлѣ окуня мы замѣчаемъ голову, туловище и хвостъ; но не видимъ ни рукъ, ни ногъ, а вмѣсто ихъ *плавательныя* перья, или *плавники*. На треугольной головѣ рыбы замѣчаемъ мы два глаза безъ вѣкъ и двѣ ноздри, которыя имѣютъ только одно внѣшнее отверстіе и не сообщаются съ горломъ, какъ у людей и всѣхъ животныхъ, дышащихъ ртомъ и носомъ. Ушей у окуня не видно вовсе, но слуховой органъ вѣроятно скрытъ въ головѣ; потому что окунь очень хорошо слышитъ. По обѣимъ сторонамъ головы мы видимъ у окуня двѣ твердыя крышечки; а приподнявши одну изъ нихъ, замѣтимъ подъ нею красныя, зубчатая, бахромистыя *жабры*. Такого органа мы не замѣчали еще ни у одного изъ животныхъ, кромѣ лягушки въ состояніи головастика. Твердыя крышечки, закрывающія жабы, называются *жаберными крышками*. Ротъ окуня очень великъ, сравнительно съ величиною животного, и открывается широко; а во рту мы замѣтимъ маленькій языкъ и множество маленькихъ острыхъ зубовъ, расположенныхъ неправильно по всей полости рта; у щуки, напримѣръ, есть зубы даже въ горлѣ.

Верхняя часть туловища окуня называется спинкою, нижняя брюшкомъ; шея окунь, какъ и всякая другая рыба, не имѣетъ. Переднюю часть туловища называютъ иногда грудью. У окуня восемь плавниковъ, или пла-

вательныхъ перьевъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма яркаго краснаго цвѣта. На спинѣ мы видимъ два плавника, одинъ за другимъ: передній натянутъ на колючихъ косточкахъ, которыя окунь подымаешь, когда его вытаскивать изъ воды, какъ будто стараешься защититься ими. На хвостѣ мы видимъ также два плавника, *хвостовые*, соединенные въ одинъ хвостъ. Возлѣ нихъ, снизу, расположенъ еще плавникъ, называемый *подхвостнымъ*; на брюхѣ еще одинъ; наконецъ, такъ-называемые *грудные* плавники расположены около жабръ. Плавники служатъ рыбѣ для того, чтобы она могла двигаться въ водѣ, идти впередъ, поворачивать въ сторону, подыматься вверхъ и опускаться внизъ; это очень мудро-придуманная весла для плавающего животнаго.

Когда вы ѣли окуня, то, вѣроятно, замѣтили, что вамъ приходилось отдѣлать отъ костей бѣлое вкусное мясо; а въ головѣ находили нѣсколько большихъ черепныхъ костей, съ которыми соединенъ позвоночный столбъ, идущій во всю длину рыбы. Отъ столба, по обѣ стороны, идутъ острия ребра, куски которыхъ могутъ, если рыбу ѣсть неосторожно, воткнуться въ горло и надѣлать большой бѣды.

Когда чистить окуня, то изъ него вытекаетъ небольшое количество холодной, красноватой крови. Жабры служатъ окуню для дыханія. Окунь, какъ и всякое другое животное, дышетъ также воздухомъ; но только тѣмъ воздухомъ, который находится въ водѣ. Дыханіе это совершается такъ: окунь, плавая, раскрываетъ ротъ и набираетъ въ него воды; потомъ пропускаетъ эту воду черезъ особенное отверстіе въ жабры, а изъ жабръ она опять выливается вонъ. Жабры — это легкія рыбъ: къ нимъ приливаетъ кровь (вотъ почему они красны) и, прикоснувшись къ воздуху, находящемуся въ водѣ, отправляется обратно для питанія тѣла. Когда вытаскивать окуня изъ воды, то бѣдная рыбка широко раскрываетъ свой ротикъ, какъ будто ловить воздухъ; но ей нуженъ не воздухъ, его ужъ слишкомъ много, а вода, безъ которой жабры скоро засыхаютъ, дыханіе рыбы прекращается и она издыхаетъ или, какъ говорятъ, засыпаетъ.

Изъ убитаго окуня кухарка вынимаетъ часто пузыри, наполненные воздухомъ, которые помогаютъ рыбѣ плавать и называются *плавательными* пузырями. Рыба по волѣ можетъ наполнять ихъ воздухомъ и выпускать его оттуда: въ первомъ случаѣ она подымается вверхъ, какъ бутылка, которую вы, наполнивъ воздухомъ и заткнувъ пробкою, насильно погрузите въ банку съ водою; когда же въ плавательномъ пузырьѣ воздуха нѣтъ, то рыбѣ легче опуститься на дно.

Иногда въ брюхѣ окуня находятъ икру; рассмотрите ее и вы увидите, что она вся состоитъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ зернышекъ: это все будущіе окуни. Всѣхъ зернышекъ въ окунѣ болѣе 300,000. Окунь

кладеть икру, прикрѣпляя ее слизью къ камню или берегу рѣки, и потомъ оставляетъ ее. Часть этой икры съѣдаютъ другія рыбы; а часть, подѣ влияніемъ солнца, въ 5 или въ 6 дней превратится въ маленькихъ рыбокъ. Млекопитающія животныя, не исключая тюленя и кита, рожаютъ живыхъ дѣтенышей; птицы кладутъ яйца; а рыбы мечутъ икру. Окунь питается червячками, маленькими водяными животными и маленькими рыбками. У окуня можно замѣтить все пять внѣшнихъ чувствъ. Въ его плоской головкѣ есть немножко смысла, который помогаетъ ему избѣгать враговъ и находить себѣ пищу. Есть у него и сердце, и жилы, въ которыхъ течеть холодная, красноватая кровь; есть мозгъ въ головѣ и позвоночномъ хребтѣ; есть нервы, мускулы и желудокъ; есть, кромѣ того, плавательные пузыри; вмѣсто легкихъ есть жабры; есть мускулы, которыми онъ двигаетъ члены своего тѣла; но органовъ голоса у него нѣтъ: окунь — нѣмъ.

С Е Л Ъ Д И.

Кто не знаетъ сельдей? Кто не пробоваль этой рыбки, которую съ одинаковымъ удовольствіемъ кушаетъ и богачъ, и бѣднякъ, которая даетъ занятіе многимъ сотнямъ кораблей, многимъ тысячамъ людей? Но что же мы знаемъ о селедкѣ? Что она рыба, что ее солить, что у нея тонкія, мягкія косточки, которыми нельзя подавиться — и только; а между тѣмъ это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рыбокъ и намъ не мѣшаетъ съ нею познакомиться поближе.

Фигуру селедки легко описать: ее длинное, сильно сжатое съ боковъ туловище имѣеть закругленную спинку и острое брюшко съ зазубринами въ видѣ пилы; все тѣло селедки покрыто твердыми, большими чешуйками; въ длину она имѣеть до девяти дюймовъ. Спинка у селедки темная съ синимъ отливомъ; остальное тѣло серебристое; на жаберныхъ крышкахъ красныя пятнышки, а плавники сѣраго цвѣта. На головѣ у нея два глаза, прикрытые прозрачною кожицей, и двѣ *глухія* ноздри, глухія потому, что изъ нихъ нѣтъ выхода въ ротъ. Ротъ смотритъ къ верху; верхнія челюсти широкія, большія; нижнія маленькія; зубы — и въ челюстяхъ, и на языкѣ, и на нѣбѣ. Между головою и туловищемъ находятся жаберныя отверстія, закрытыя жаберными крышечками, приподнявъ которыя, мы можемъ видѣть самыя жабры. Вмѣсто переднихъ ногъ у селедки два грудные плавника, вмѣсто заднихъ — брюшные: эти плавники даютъ рыбамъ возможность двигаться въ водѣ; хвостовой, подхвостный и спинной плавники служатъ селедкѣ вмѣсто руля.

Селедка не живетъ въ прѣсной водѣ нашихъ рѣкъ и озеръ; она любитъ соленую воду морей и потому называется морскою рыбою. Весною ежегодно оставляетъ она морскія глубины и плыветъ къ берегамъ и устьямъ рѣкъ,

чтобы сложить тамъ свою икру, состоящую, какъ мы знаемъ, изъ крошечныхъ яичекъ, изъ которыхъ черезъ нѣсколько времени выходятъ крошечныя селедочки; этихъ икрѣныхъ яичекъ въ одной селедкѣ бываетъ до 70,000. Сложивъ икру, селедки опять ушлывають; а на мѣсто ихъ появляются мириады маленькихъ рыбокъ, которыя потомъ также исчезаютъ, уходя, въ глубину моря, какъ говорятъ одни, или на сѣверъ, какъ утверждаютъ другіе; но вообще туда, гдѣ могутъ найти для себя пищу — маленькихъ морскихъ животныхъ. Особенно много приходитъ сельдей икриться къ берегамъ Нѣмецкаго моря и здѣсь-то прежде всего люди начали ихъ ловить.

Издали еще можно замѣтить, когда плывутъ сельди, преслѣдуемыя акулами и другими хищными морскими рыбами: безчисленныя стаи сельдей покрываютъ собою море верстъ на двадцать въ окружности и плывутъ такимъ густымъ слоемъ, что если бросить въ нихъ копье, то оно не потонетъ. Шумъ отъ плывущихъ сельдей похожъ на шумъ сильнаго дождя. Чешуйки на сельдяхъ сидятъ очень некрѣпко; плывя тѣсною толпою, сельди обтираютъ другъ о друга множество такихъ чешуекъ и, кромѣ того, теряютъ по дорогѣ бездну икры, такъ что море кажется мутнымъ; а сильный запахъ, издаваемый сельдями, и особенный свѣтъ, распространяющійся отъ нихъ ночью на поверхности моря, указываютъ рыбакамъ на легкую добычу.

Сельдей начали уже ловить давно, лѣтъ 700 тому назадъ; но сначала эта ловля не приносила большой пользы, потому-что вынутая изъ воды селедка тотчасъ же засыпаетъ и начинаетъ портиться. Въ 1416 году голландскій рыбакъ Вильгельмъ Бюкель изобрѣлъ способъ солить сельдей, такъ что теперь ихъ можно сохранять въ прокъ цѣлыя годы и развозить въ самыя отдаленныя страны. Съ этихъ поръ многія тысячи людей занялись сельдяною ловлею и изобрѣтеніе Бюкеля обогатило Голландію. Вотъ почему голландцы поставили Бюкелю памятникъ.

Ловятъ сельдей огромными сѣтями; къ одной сторонѣ этихъ сѣтей привязываются камни, къ другой — пустыя бочки, и сѣть, опущенная въ море, стоитъ какъ стѣна. Сѣти для этой ловли плетутся иногда изъ пеньки, но чаще изъ грубаго шелка, который крѣпче пеньки. Въ сѣтяхъ сельди запутываются жабрами и при хорошемъ счастьи можно вытащить за одинъ разъ отъ 100 до 140 тысячъ селедочекъ. Въ тотъ же день ихъ солятъ въ бочкахъ или коптятъ въ дыму. Одни голландскіе рыбаки привозятъ домой ежегодно до четырехъ сотъ милліоновъ сельдей. Въ Россіи также ловятъ сельдей по берегамъ Бѣлаго, Каспійскаго и Чернаго морей; но эти сельди хуже голландскихъ.

С Т Е Р Л Я Д Ъ.

Кто живалъ на берегахъ Волги, или какого нибудь изъ ея безчисленныхъ притоковъ, тому, вѣроятно, случалось видѣть красивую рыбку — стер-

лядь, а можетъ быть даже и отвѣдать вкусной стерляжьей ухи. Но мы обратили вниманія на стерлядь не потому, что она составляетъ лакомое, прихотливое блюдо; а потому, что она принадлежитъ къ одной породѣ съ такими рыбами, ловля которыхъ также важна для Россіи, какъ ловля сельдей для Голландіи, — къ одной породѣ съ осетромъ, бѣлугой и севрюгой, этими громадными рыбами нашихъ русскихъ морей и рѣкъ.

Разсмотрите хорошенько стерлядь, и прежде всего вамъ бросятся въ глаза твердые, колючіе костяные щитки, расположенные рядами отъ головы до хвоста и которыхъ вы не видали ни у ерша, ни у окуня. Эти твердыя чешуи даютъ названіе цѣлому отряду рыбъ, которыхъ потому и называютъ *твердочешуйчатыми*. Носъ у стерляди острый, выдался впередъ; ротъ расположенъ снизу, на значительномъ разстояніи отъ конца носа, не великъ и не имѣетъ зубовъ. Съ рыльца висятъ небольшіе усики.

Осетровая порода, къ которой принадлежитъ и стерлядь, очень полезна для людей: она даетъ, кромѣ вкуснаго мяса, осетрины, которое ѣдятъ и свѣжимъ и соленымъ, отличный балыкъ, который вырѣзывается изъ спины осетра, икру, вязигу и рыбій клей, добываемый изъ плавательныхъ пузырей осетровъ и бѣлугъ. Всѣ рыбы осетровой породы водятся преимущественно въ моряхъ: Черномъ, Каспійскомъ, Бѣломъ и Ледовитомъ океанѣ, а оттуда проникаютъ далеко въ рѣки и рѣчки, льющіяся въ эти моря или непосредственно, или черезъ другія большія рѣки. Самая меньшая рыба изъ всей осетровой породы — стерлядь, а потому она и заходитъ иногда въ самыя маленькія рѣчки. Большія рыбы осетроваго семейства водятся преимущественно въ моряхъ, которыя мы уже назвали; но весной большими стаями поднимаются въ рѣки для метанія икры; а осенью многія изъ нихъ идутъ зимовать въ рѣки и лежатъ тамъ на днѣ неподвижно, засыпая на всю зиму.

Всѣхъ этихъ рыбъ ловятъ при проходѣ изъ морей въ рѣки и обратно, и эта ловля даетъ занятіе многимъ тысячамъ людей. Осетръ бываетъ величиною до сажени, а иногда и больше; старая бѣлуга — до двухъ сажени. Въ брюхѣ бѣлугъ находятъ иногда проглоченную водяную птицу и довольно большихъ рыбъ, потому что она очень прожорлива и глотаетъ все, что ни попадется. Когда бѣлугу вытаскать на берегъ, то воздухъ съ нѣкоторымъ шумомъ выходитъ изъ ея внутренностей, что даетъ поводъ говорить будто у бѣлуги есть голосъ, хотя она нѣма, какъ и всѣ прочія рыбы.

Примѣчаніе. Рыбы, постоянно дышашія жабрами и живущія въ водѣ, составляютъ особый классъ животныхъ, который также раздѣляется на отряды, семейства и роды. Но мы изъ всѣхъ отрядовъ рыбъ замѣтили только два: *первый отрядъ костистыхъ*, куда принадлежатъ: окунь, ершъ, лосось, ряпушка, корюшка, сигъ, селедка, прожорливая щука, карпъ, головль, судакъ, многое множество другихъ и даже угорь, потому что и угорь также рыба, хотя очень похожъ на змѣю; но приемотритесь къ нему хорошенько и вы найдете у него жабры и одно плавательное длинное перо на спинѣ. Эта рыба замѣчательна

тѣмъ, что выходить иногда на сушу добывать себѣ пищу. Угорь очень живучъ и, разрѣзанный на части, долго шевелится, а пролежавъ замороженнымъ нѣсколько времени, снова оживаетъ. *Второй отрядъ*, замѣченный нами, къ которому принадлежатъ всѣ рыбы осетровой породы, называется *твердочешуйчатыми*.

ОТДѢЛЪ IV.

ЖИВОТНЫЯ БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ.

ХРУЩЪ ИЛИ МАЙСКОЙ ЖУКЪ.

Это маленькое насѣкомое очень хорошо знакомо каждому изъ насъ; но, рассмотрѣвъ его поближе и повнимательнѣе, мы откроемъ въ немъ много любопытнаго, чего прежде не замѣчали.

Небольшое тѣло хруща весьма замѣтно раздѣляется на три части: голову, туловище и члены; головка у него очень небольшая и весьма мало подвижная; на ней мы замѣтимъ два большіе блестящіе глаза и ротъ, состоящій изъ шести частей, называемыхъ *жвалами*, которыя имѣютъ способность двигаться изъ стороны въ сторону и зубцами своими перетираютъ пищу; такого сложнаго рта мы не видѣли еще ни у одного животнаго. На головѣ хруща замѣтимъ мы еще два маленькіе члена въ родѣ двухъ тоненькихъ усиковъ, утолщающихся къ концу и усаженныхъ роговыми пластинками; усики эти называются *щупальцами*: ими хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, ощупываетъ предметы, къ которымъ прикасается. Туловище хруща начинается тотчасъ за головою и оканчивается назадъ остриемъ; въ туловищѣ можно различить переднюю часть, или грудь, и заднюю, или брюшко. Сверху нельзя замѣтить, гдѣ оканчивается грудь и гдѣ начинается брюшко; но снизу это очень хорошо видно. Грудь состоитъ изъ трехъ колецъ неодинаковой величины. Первое и ближайшее къ головѣ, сравнительно съ другими, очень велико: если смотрѣть сверху, то кажется, что оно одно образуетъ всю грудь; оно, какъ и вся грудь, покрыто волосами. Второе, очень маленькое колечко, выходитъ наверху между крыльями сердцевиднымъ щиткомъ. Третьяго кольца сверху совершенно не видно, но внизу оно довольно широко. Къ каждому изъ этихъ грудныхъ колецъ прикрѣплено по парѣ ногъ. Брюшко хруща, котораго сверху за крыльями почти не видать, состоитъ тоже изъ шести колецъ чернаго цвѣта; на каждомъ изъ этихъ колецъ по два бѣлыхъ пятнышка; роговидное окончаніе брюшка выходитъ треугольникомъ и имѣетъ свѣтло-коричневой цвѣтъ. Всѣ члены хруща прикрѣплены къ груднымъ его кольцамъ попарно и называются нож-

ками; двѣ первыя пары сидятъ близко одна возлѣ другой; заднія, укрѣпленныя на третьемъ кольцѣ груди, отодвинуты нѣсколько далѣе. Каждая ножка состоитъ изъ пяти члениковъ или *суставцевъ*; послѣдній изъ суставцевъ, соотвѣтствующій лапѣ звѣря, называется лапкою и снабженъ крючковатыми коготками. Эти суставчатыя, членистыя ножки помогаютъ маленькому животному двигаться; а крючковатыя лапки даютъ ему возможность сидѣть крѣпко, уцѣпившись за листокъ дерева или за вѣтку.

Такимъ образомъ мы видимъ, что хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ члениковъ, или суставцевъ: въ груди три сустава, въ брюшкѣ шесть, въ каждой ногѣ по пяти, ротъ — изъ шести суставцевъ; даже щупальцы и тѣ не простые, а состоятъ тоже изъ суставцевъ. Вотъ почему хруща причисляютъ къ животнымъ *членистымъ* или *суставчатымъ*, къ которымъ мы причислимъ и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество другихъ животныхъ, если разсмотримъ ихъ хорошенько.

Сверху на спинкѣ хруща мы видимъ два свѣтло-коричневые, блестящія крыла, жесткія, глянцовитыя, по которымъ вдоль идутъ выпуклыя полоски; но это, собственно, не крылья — трудно было бы летать на такихъ жесткихъ и тяжелыхъ крыльяхъ, — а только крышки для настоящихъ крыльевъ или, какъ ихъ называютъ, *надкрылья*. Когда жукъ собирается летѣть, то онъ подымаетъ эти плоскія роговыя крылья и развертываетъ изъ-подъ нихъ два другія крыла — тонкія, нѣжныя и большія. Эти послѣднія, мягкія крылышки такъ тонки, что почти прозрачны; но тѣмъ не менѣе въ нихъ достаточно силы и крѣпости, чтобы поддерживать на воздухѣ довольно тяжелое тѣло жука. При полетѣ жукъ производитъ своими крыльями особеннаго рода знакомое намъ *жуужжанье*; но голоса собственно онъ не имѣетъ.

Хрущъ безопасенъ для людей: онъ не можетъ ни кусаться, ни колоться; но сильно вредитъ деревьямъ и кустамъ, пожирая на нихъ листь. Самка хруща кладетъ яички въ землю и потомъ вовсе о нихъ не заботится. Изъ яичекъ жука выползаютъ не жуки, но маленькіе, голые червячки бѣлаго цвѣта, вовсе на жука не похожіе, и уже изъ червячковъ, черезъ три года на четвертый, дѣлаются хрущи. Такой переходъ животнаго изъ одной формы въ другую называется *превращеніемъ* (метаморфозой). Превращеній мы не замѣчали съ вами ни у звѣрей, ни у птицъ, ни у рыбъ, и видѣли нѣчто подобное только у лягушекъ.

Если случайно раздавить жука, то изъ него потечетъ не красная, но бѣлая, жидкая кровь. Костей при этомъ у жука не окажется; а наоборотъ, мы увидимъ, что внѣшняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюхо, не говоря уже о крѣпкихъ роговыхъ крыльяхъ, гораздо тверже и

жестче, чѣмъ то, что мы находимъ внутри жука. У звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся мы видѣли кости внутри; а здѣсь, напротивъ, кости замѣняются твердымъ наружнымъ покровомъ и къ этому покрову прикрѣпляются мускулы, дающіе животному возможность двигаться. Замѣтивъ это, мы, конечно, не будемъ уже искать въ жукѣ ни позвоночнаго хребта, ни реберъ, а потому и не причислимъ его къ животнымъ позвоночнымъ. Внутри жука естествоиспытатели нашли желудокъ, сердце и нервы, что даетъ жуку возможность, какъ и всякому другому насѣкомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыханія жуковъ также необходимъ воздухъ, какъ и для всего, что живетъ; но дыхательный органъ у жука устроенъ совершенно иначе, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ читали. Это не легкія и не жабры, а маленькія трубочки, находящіяся въ тѣлѣ животнаго, отверстія которыхъ выходятъ устьицами между кольцами груди и брюха. Въ этихъ трубочкахъ кровь жука соприкасается съ воздухомъ и изъ нихъ уже расходится по всему тѣлу. Органовъ обонянія и слуха у жуковъ не открыли; органы осязанія есть, но не распространены у нихъ по всему тѣлу, покрытому толстою, жесткою кожею, а находятся въ щупальцахъ, которые торчатъ у жука на головѣ и безпрестанно шевелятся.

Если мы встрѣтимъ животное, которое, подобно жуку, состоитъ изъ множества члениковъ, или суставцевъ, то причислимъ его къ обширному отдѣлу животныхъ суставчатыхъ; но если мы встрѣтимъ такое суставчатое животное, у котораго, какъ у жука, три пары ногъ, то мы причислимъ его къ классу *насекомыхъ*. Паука, напримѣръ, мы назовемъ животнымъ суставчатымъ; но не можемъ назвать его насѣкомымъ, потому что у него не шесть, а восемь ногъ; не назовемъ мы также насѣкомымъ и сороконожку, хотя смѣло можемъ назвать ее животнымъ суставчатымъ; пчела же и муха, хотя онѣ и мало похожи на жука, должны быть причислены къ насѣкомымъ: онѣ не только состоятъ изъ суставчиковъ, но имѣютъ по шести ногъ.

ШЕЛКОВЫЙ ЧЕРВЯКЪ.

Хорошенькая лента, красивый пестрый платочекъ, чудесное, блестящее, крѣпкое платье — сдѣланы изъ шелку. Но откуда же берется шелкъ? Изъ чего онъ дѣлается? Вы засмѣетесь, если вамъ сказать, что онъ дѣлается изъ земли, воздуха и воды, и подумаете, что это шутка; но тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо.

Маленькое зернышко сидитъ вмѣстѣ съ другими въ мясистой, вкусной ягоде, по формѣ нѣсколько похожей на малину, по цвѣту также темно-красной или бѣлой. Эту ягодку зовутъ *шелковицей*, а дерево, на которомъ она растетъ — *шелковичнымъ* деревомъ. На каждой ягоде, какъ и на

ягодѣ малины, множество зернышекъ и одного изъ этихъ зернышекъ достаточно, чтобы изъ него выросло большое шелковичное дерево. Прилежно сосеть шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляютъ: земля, вода и воздухъ. И что же строить оно изъ этой пищи? Внизъ, подъ землю пускаетъ оно сильныя, крѣпкія корни, вверхъ — стволъ; изъ ствола выгоняетъ сучья, изъ сучьевъ вѣтки, изъ вѣтокъ листья; между листьями появляются маленькія, незамѣчательныя цвѣты, а изъ цвѣтовъ дѣлается снова шелковичная ягода. Но откуда же берется шелкъ?

Для шелка нужно еще другое зернышко или, лучше сказать, другой зародышъ, который почти еще меньше перваго. Щедрый Создатель позаботился сотворить такой зародышъ для дерева, которое сотворилъ для зародыша. Зародышъ этотъ — маленькое яичко, величиною съ булавочную головку; снаружи оно покрыто твердою скорлупою; внутри мягко. Солнце знаетъ уже, что ему дѣлать съ этимъ яичкомъ: оно до тѣхъ поръ грѣетъ его своими теплыми лучами, пока мягкая масса, находящаяся внутри яичка, не превратится въ крошечнаго червячка, который такъ малъ, что даже и въ яичкѣ съ булавочную головку ему достаточно мѣста, чтобы лежать свернувшись. Полежать, полежить да и соскучится червячокъ: ему захочется выглянуть изъ своей тѣсной келейки на Божій свѣтъ. Но какъ пробить твердую скорлупу? Для этого червячку даны два острые зуба, которыми онъ прогрызаетъ себѣ дыру въ стѣнкахъ своей тюрьмы. Долго трудится онъ, но наконецъ выглядываетъ на Божій свѣтъ; радостно простираетъ на зеленомъ листочкѣ шелковицы свое измятое тѣльцо и пьетъ ароматный воздухъ. Но послѣ тяжелой работы у червячка появляется отличный аппетитъ и онъ имѣетъ уже средства удовлетворить ему: на головкѣ у него два выпуклые глаза, которыми онъ видитъ пищу; на брюшкѣ шестнадцать ножекъ, шесть впереди и десять сзади, которыми онъ ползетъ къ молодому, нѣжному листку, только что развернувшемуся изъ почки. Этотъ листокъ-завтракъ, обѣдъ и ужинъ шелкоичнаго червячка; а онъ день и ночь только и дѣлаетъ, что ѣсть, да пьетъ. Но прилежное деревцо идетъ на перегонки съ обжорливостію насѣкомаго, и едва онъ успѣетъ кончить одинъ листъ, какъ, смотришь, возлѣ уже развернулся другой. Наконецъ червякъ до того откормится, до того растолстѣетъ, что ему становится тѣсно въ его кожѣ; тогда онъ призадумывается, перестаетъ ѣсть и сидитъ неподвижно, блѣднѣетъ и, кажется, готовится издохнуть; а кожа на немъ дѣйствительно лопается. Повернется червякъ нѣсколько разъ — и скинулъ старое платье, которое сдѣлалось для него слишкомъ тѣсно. Что же, неужели онъ останется голымъ? Какъ бы не такъ! Подъ старой кожей у него давно заготовлена новая, свѣжая — и красивѣе, и шире прежней. Переодѣвшись, опять начинается червячокъ ѣсть безъ-устали и день, и ночь, пока и новая

кожа станетъ ему слишкомъ тѣсна: опять переодѣванье и въ третій, и въ четвертый разъ, и каждый разъ новое платье и свѣтлѣе, и шире стараго. Черезъ шесть или семь недѣль, изъ крошечнаго червячка, который выползъ изъ личка, величиною въ булавочную головку, выходитъ большая гусеница, величиною въ мизинецъ, которая изъ сока шелковичныхъ листьевъ заготовила внутри себя много матеріалу для будущихъ своихъ работъ. Изъ этого сока приготовляетъ она тонкую, свѣтлую нитку и, прикрѣпивъ ее однимъ концомъ къ вѣточкѣ дерева, начинаетъ дѣлать странныя движенія: вертясь во всѣ стороны, выпускаетъ она изъ нижней губы тонкія нити, которыя накручиваетъ вокругъ себя точно такъ, какъ мы накручиваемъ клубокъ нитокъ, съ тою только разницею, что мы начинаемъ накручивать клубокъ изънутри, а гусеница снаружи, и сначала прялетъ вѣшнія нити, а потомъ внутреннія. Такъ работаетъ гусеница семь или восемь дней и, ни разу не порвавши своей нити, свиваетъ изъ нея порядочный клубокъ бѣлаго, слегка желтоватаго цвѣта, величиною въ маленькое куриное яйцо. Такой клубокъ зовутъ *кокономъ*. Наружный слой кокона состоитъ изъ множества скрѣпленныхъ и склеенныхъ между собою нитокъ; но подъ этимъ наружнымъ слоемъ свернута очень правильно тоненькая ниточка, такая длинная, что дитя должно пробѣжать четверть часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червякъ устраиваетъ себѣ маленькую комнатку и, наработавшись въволю, лежитъ въ ней усталый и безсильный. Шесть недѣль онъ ѣлъ безъ-устали, четыре раза мѣнялъ свое платье и восемь дней кружился, прядъ и свивалъ тонкія нити; теперь пора ему и отдохнуть. Послѣдній разъ снимаетъ онъ свое рабочее платье. Ему не нужны болѣе его 16-ть ножекъ: ему некуда бѣжать; ему не нужны его глаза: въ комнаткѣ темно и смотрѣть не на что; ему не нужны и зубы, которые изгрызли столько листьевъ — и вотъ все это, вмѣстѣ съ мохнатой кожей, твердѣетъ и превращается въ жесткую оболочку куколки, въ которой бывшій червячокъ лежитъ неподвижно и кажется мертвымъ. Подъ жесткой кожей куколки (такъ зовутъ въ это время умнаго червячка) вырабатывается нѣчто совершенно новое. Черезъ 14 дней темная, твердая кожа куколки лопається и изъ нея выходитъ — бабочка. Два большіе глаза видны у нея на головкѣ, 4 крыла даютъ ей возможность летать по воздуху, а 6 ногъ пригодятся ей, чтобы садиться на цвѣты. По всему видно, что этому маленькому насѣкомому назначено летать въ солнечныхъ лучахъ и въ тепломъ воздухѣ. Но какъ же ей выйти изъ своей тюрьмы, въ которую она сама себя заперла? Ножки ея слабы и не могутъ разорвать тысячи нитокъ; прежнихъ зубовъ у нея вовсе нѣтъ; нѣжный язычокъ бабочки годится только для того, чтобы пить медъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Пришлось бы ей погибнуть непременно въ ея твердой тюрьмѣ, если-

бы Богъ не далъ ей другаго средства: изъ собственнаго своего сока сплела гусеница коконъ; нѣсколькихъ капель другаго сока, который есть у бабочки, довольно, чтобы проѣсть нитки кокона и открыть ей дверь, черезъ которую она и вылетаетъ на свѣтъ Божій.

Человѣкъ нашелъ возможность воспользоваться трудами шелковичнаго червяка и только немногимъ бабочкамъ позволяетъ выбраться изъ тюрьмы; потому что дыры, которыя онѣ при этомъ дѣлаютъ въ коконѣ, портятъ шелкъ. Нѣкоторымъ только изъ бабочекъ позволяютъ носиться въ воздухѣ за тѣмъ, чтобы онѣ снова могли положить на вѣтви дерева свои яички, изъ которыхъ современемъ образуются полезные червячки. Въ прочихъ коконахъ посредствомъ жара умерщвляютъ куколокъ; потомъ развиваютъ тонкія нити, прядутъ изъ нихъ болѣе толстыя, красятъ ихъ въ самыя разнообразныя цвѣта и ткуютъ прекрасныя шелковыя матеріи, платки и ленты.

Такимъ-то образомъ шелкъ дѣлается изъ сока шелковичной гусеницы; сокъ шелковичной гусеницы — изъ сока шелковичныхъ листьевъ; а сокъ шелковичныхъ листьевъ добываетъ дерево изъ земли, воды и воздуха. Вотъ какъ шелковое платье дѣлается изъ земли, воды и воздуха съ помощью двухъ крошечныхъ зародышей: зернышка шелковичной ягоды, величиною съ небольшую песчинку, и яичка шелковичной бабочки.

Шелковичная бабочка далеко не такъ красива, какъ ея подруги: крылышки ея скромнаго, свѣтлосѣраго цвѣта; но это именно одна бабочка, за которую человѣкъ ухаживаетъ такъ заботливо: онъ строитъ для нея особые дома, отапливаетъ комнаты, садитъ ея любимыя деревья, приготовляетъ ей пищу и даже не разъ подвергалъ за нее свою собственную жизнь опасности.

БАБОЧКА.

Зачѣмъ пестрая бабочка такъ дѣятельно перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ и прячетъ свою головку въ душистыя чашки цвѣтовъ? Вѣрно и у нея есть ротикъ, вѣрно и она отыскиваетъ себѣ пищу въ цвѣтахъ. Да, ротъ есть и у бабочки, только очень маленькій; но это потому, что она свою пищу не ѣстъ, а пьетъ длиннымъ *язычкомъ*, который у ней образованъ изъ нижнихъ челюстей, свернутыхъ въ трубочку такъ, что его лучше назвать маленькимъ *хоботкомъ*. Свой хоботокъ бабочка то вытягиваетъ, чтобы добыть себѣ соку изъ цвѣтовой чашечки, то свиваетъ спирально, чтобы удобнѣе было летать съ нимъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ хоботокъ, или язычокъ, длиненъ, а у другихъ его вовсе нѣтъ. Но чѣмъ же живутъ эти послѣднія? твердой пищи онѣ жевать не могутъ, а хоботка для всасыванія жидкой у нихъ нѣтъ? — Ничѣмъ! Такія! бабочки ничего не ѣдятъ во

всю свою жизнь; за то и живутъ только одинъ день и, положивъ яички, умираютъ. На головкѣ бабочки мы замѣтимъ щупальцы и два большіе, очень сложные глаза, составленные изъ нѣсколькихъ тысячъ маленькихъ глазковъ. На чешуйчатой, нѣсколько поднятой груди бабочки сидятъ два непрозрачныя, большія крыла и шесть маленькихъ, длинныхъ, пятисуставчатыхъ ногъ. Тамъ, гдѣ брюшко сходится съ грудью, прикрѣплены еще два заднія крыла. Всѣ четыре крыла бабочки усажены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ, разноцвѣтныхъ чешуекъ, похожихъ на блестящую пыль. Если разсмотрѣть эти чешуи въ микроскопъ, то можно видѣть, что онѣ, какъ перышки, однимъ острымъ концемъ сидятъ въ крылѣ, а другимъ, широкимъ, уложены другъ на друга, словно черепицы на кровлѣ. Отъ чешуекъ зависятъ тѣ яркіе цвѣта бабочкиныхъ крыльевъ, которыми мы такъ любуемся и онѣ же, замѣняя перья, помогаютъ бабочкѣ летать. Бабочка, у которой по неосторожности мы сотремъ съ крыльевъ эту красивую пыль, почти не можетъ летать.

Какъ по цвѣту, такъ и по величинѣ, бабочки бываютъ очень разнообразны. Живутъ онѣ вообще весьма недолго, нѣкоторыя одинъ день. Яички свои онѣ кладутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣтки, которыхъ мать никогда не увидитъ, могутъ найти себѣ обильную пищу. Всѣ бабочки, которыя чрезвычайно разнообразны, подвергаются тѣмъ же самымъ превращеніямъ, какъ и шелковичная бабочка; но только ни одна изъ нихъ не приноситъ такой пользы людямъ.

Красивое созданіе бабочка, когда, пройдя всѣ свои превращенія, она сдѣлается наконецъ крылатымъ животнымъ, красивое и безвредное, потому что пьетъ только сокъ цвѣтовъ; но гусеница — таже бабочка, только въ другомъ видѣ — очень прожорлива и наноситъ большой вредъ садамъ, полямъ, лѣсамъ и огородамъ. Хорошо еще, что птицы тысячами истребляютъ яички бабочекъ, а лягушки, ящерицы и другія насѣкомоядныя животныя пожираютъ ихъ самихъ. Моль, которая наноситъ такой страшный вредъ платьямъ и мебели, вредна не тогда, когда летаетъ; но когда ползаетъ въ видѣ маленькихъ, бѣленькихъ червячковъ.

КОМНАТНЫЯ МУХИ.

Комнатныя мухи очень намъ знакомы: онѣ надоѣдаютъ намъ все лѣто и только зимою оставляютъ насъ въ покоѣ. Мы знаемъ, сколько у мухи крылышекъ, но не знаемъ, какъ замѣчательны ихъ глаза: только въ *микроскопѣ* можно разсмотрѣть, что глаза мухи состоятъ изъ множества крошечныхъ глазокъ, которые смотрятъ во всѣ стороны и предохраняютъ муху отъ опасности. Изъ рта у мухи высовывается хоботокъ, которымъ она всасываетъ жидкости. Если ей попадется какая-нибудь твердая пища, на-

прилибрь, сахаръ, то она сначала размягчаетъ его маленькою свѣтлою каплею, которую выпускаетъ изъ хобота. Тѣло мухи усѣяно безчисленными, едва замѣтными волосками, а крылья чрезвычайно тонки и прозрачны.

Но откуда появляются мухи? Онѣ появляются изъ *куколокъ*, которыхъ обыкновенно не видать, но которыя находятся въ конюшняхъ, хлѣвахъ, тѣнистыхъ и сырыхъ мѣстахъ. Изъ такихъ куколокъ черезъ 14 дней выходитъ маленькая мушка. Но прежде еще куколка бываетъ червячкомъ или, какъ говорятъ, *личинкою*, личинка же выходитъ изъ яичка. Такихъ личекъ несетъ муха въ четверть часа 90, такъ что изъ одной мухи въ годъ можетъ разродиться нѣсколько милліоновъ мухъ. Вѣда была бы человѣку стъ множества этихъ насѣкомыхъ, если бы зимніе холода не убивали большей части личинокъ и куколокъ, а куры не выкапывали ихъ изъ сору; если бы ласточки, воробьи и другія маленькія птички не ловили самихъ мухъ тысячами въ воздухѣ, а пауки не заманивали ихъ въ свои невидимыя тенета. Мухи ползаютъ очень хорошо по самымъ гладкимъ предметамъ: по стеклу и файнсу; онѣ могутъ ползать даже къ верху ногами, потому что у нихъ на лапкахъ есть маленькія подушечки, изъ которыхъ вытекаетъ клейкій сокъ. Этимъ то сокомъ онѣ болѣе всего пачкаютъ мебель, картины и посуду.

Примѣчаніе. Между бабочкой, мухой и жукомъ мы замѣчаемъ большое сходство: это не только животныя *суставчатыя*; но и *насекомыя*, потому что имѣютъ по шести ногъ и выносятъ, прежде чѣмъ появятся въ полномъ своемъ видѣ, нѣсколько *превращеній*. Комарь, оса, пчела, стрекоза, муравей, тараканъ, блоха и пр. и пр. тоже насѣкома. Насѣкомыхъ также множество, что мы даже и перечислить ихъ не беремъ. Нѣкоторый порядокъ между ними мы можемъ установить, разбирая ихъ по крыльямъ. Тѣ насѣкомыя, которыя имѣютъ такія же жесткія надкрылья, какъ *жуки*, составляютъ отрядъ *жесткокрылыя*; тѣ, у которыхъ крылья покрыты чешуйками, какъ у бабочекъ, называются *чешуйчатокрылыми*; осы, пчелы, муравьи и др. *перепончатокрылыми*, потому что крылья ихъ составляетъ прозрачная перепонка. Отрядовъ насѣкомыхъ очень много.

ПАУКЪ.

Паука никакъ нельзя назвать красивымъ животнымъ и многіе чувствуютъ къ нему отвращеніе и даже боятся его: такой у него разбойничій видъ. Но не забудемъ, что ядовитыя змѣи бываютъ иногда очень красивы и что гусеницы тѣхъ прелестныхъ бабочекъ, за которыми дѣти такъ любятъ гоняться, часто приводятъ въ отчаяніе земледѣльца и садовника; паукъ же не только безвреденъ, но даже очень полезенъ, истребляя множество нашихъ крылатыхъ мучителей — комаровъ и мухъ. И посмотрите, какъ мудро приспособлено къ этому занятію все тѣлесное устройство маленькаго хищника. Голова и грудь паука совершенно срослись; но за то круглое, шарообразное брюхо его, едва прикрѣпленное къ груди, втрое больше всего остальнаго тѣла. Въ немъ паукъ запасаетъ себѣ пищу на ненастные дни,

когда мухи и комары скрываются въ дупла деревьевъ и всякаго рода щели. Такое время постъ для паука; но въ теплую погоду ему раздолье и онъ ѣсть очень много; за то онъ можетъ оставаться безъ пищи цѣлые мѣсяцы.

Какъ опытные охотники, пауки стерегутъ свою добычу въ разныхъ мѣстахъ и, смотря по мѣсту, гдѣ производить ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущіе свою добычу въ лѣсу, бываютъ обыкновенно зеленаго цвѣта, подъ цвѣтъ листьевъ; тѣ же, которые живутъ на поляхъ или таятъ въ углахъ зданій, бываютъ сѣрые, темные, подъ цвѣтъ съ тѣми мѣстами, гдѣ раскидываютъ свои сѣти. Восемь зоркихъ глазъ торчатъ у паука на головѣ и восемь длинныхъ ногъ даютъ ему возможность бѣгать очень скоро. Пауки охотятся самымъ разнообразнымъ образомъ. Многіе изъ нихъ тихо подкрадываются къ комару, который, утомясь отъ ночныхъ подвиговъ, сладко дремлетъ на какомъ нибудь листкѣ. Крылатому, длинноногому злодѣю снится, можетъ быть, какъ онъ лѣтитъ черезъ окошко въ спальню, садится на бѣлое личико ребенка, глубоко запускаетъ въ его тѣло свое острое жало и пьетъ съ наслажденіемъ чистую кровь, — пьетъ, дрожитъ отъ удовольствія, краснѣетъ и пухнетъ.... Но наказаніе близко! Паукъ подкрадывается осторожно, измѣряетъ глазами разстояніе, отдѣляющее его отъ добычи, дѣлаетъ еще нѣсколько неслышанныхъ шаговъ.... вдругъ сильный, смѣлый, быстрый прыжокъ — и злому комару уже не вырваться изъ цѣпкихъ лапъ паука. Во рту паука два острые зуба; пустые въ серединѣ, они наполняются ядовитою жидкостію и отъ укушенія ихъ острый ядъ проникаетъ въ тѣло насѣкомаго. Зубы паука, не опасные для человѣка *), очень опасны для мягкаго тѣла мухи и вытекающей изъ нихъ ядъ быстро умерщвляетъ ее.

Впрочемъ для мухъ гораздо опаснѣе тѣ пауки, которые не гонятся за ними, а плетутъ для нихъ хитрую сѣть. Мухи и комары любятъ кучами плясать въ воздухѣ по вечерамъ и пауки, подмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ толкуются крылатые насѣкомыя, разстилаютъ тамъ свою незаметную паутину. Но какъ и изъ чего они ее дѣлаютъ? — Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное выпускаетъ разѣмъ черезъ тысячи отверстій въ брюшкѣ и сплетаетъ изъ этихъ первыхъ, тончайшихъ, невидимыхъ нитей ту тонкую нитку, которую въ стдѣльности мы все же едва можемъ разсмотрѣть, не смотря на то, что она сплетена изъ множества

---

*) Впрочемъ въ нашихъ южныхъ степяхъ живутъ въ земляныхъ норахъ пауки, называемые *тарантулами*, укушеніе которыхъ, если не смертельно, то производитъ однако сильную боль и опухоль; но бараны выкапываютъ изъ земли тарантуловъ своими тонкими ножками, ѣдятъ ихъ и только толстѣютъ отъ этой пищи. Тарантулы такъ боятся барановъ, что никогда не всползутъ на человѣка, одѣтаго въ шерстяное платье, и если наступитъ, ложась спать на землю, постелеть овчинный тулупъ, то ему нечего бояться тарантула.

другихъ. Сокъ, выходя на воздухъ, твердѣетъ и липкая паутина дѣлается достаточно крѣпкою, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутинкѣ паукъ смѣло спускается съ дерева на землю, или съ потолка на полъ, и снова подымается вверхъ, легче и ловче всякаго матроса; по такимъ же паутинамъ бѣгаетъ онъ взадъ и впередъ и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно разсмотрѣть ножки паука. Ножекъ у него *восемь* и на каждой по три ланки: двѣ большихъ и одна маленькая, а на каждой лапкѣ множество зубчиковъ и крючковъ. Такъ-какъ у паука *восемь* ногъ, то слѣдовательно онъ имѣетъ двадцать четыре лапки; если одна изъ нихъ какъ нибудь и оборвется на скоромъ бѣгу, то двадцать три другихъ готовы поддержать его.

Какъ много у насъ пауковъ, мы можемъ судить объ этомъ по множеству паутины, особенно осенью, когда на домахъ и на заборахъ почти всѣ углы затканы ею, въ лѣсу нельзя сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы паутина не попала въ лицо, и даже по полямъ носятся ея длинныя, серебристыя нити. На этихъ нитяхъ плаваютъ по воздуху тоже крошечныя, черненькія пауки: эти уже въ воздухѣ преслѣдуютъ свою добычу. Одни пауки охотятся днемъ, другіе вечеромъ, третьи ночью; одни въ лѣсу, другіе въ кустахъ, третьи въ травѣ; тѣ въ строеніяхъ; тѣ, носясь по воздуху, — охотятся и истребляютъ міриады вредныхъ насѣкомыхъ.

Самка паука несетъ яички, изъ которыхъ выходятъ *безъ превращеній* маленькіе паучата. Мать любитъ нѣжно своихъ дѣтей и защищаетъ ихъ съ опасностію собственной жизни; она опутываетъ свои яички толстою, мягкою паутиною, дѣлаетъ изъ нихъ крошечныя клубочки и эти клубочки прикрѣпляетъ къ своему тѣлу. Замѣчено, что пауки, таскающіе съ собою мѣшочки съ яичками, ужасно беспокоятся, когда у нихъ отымутъ хотя одинъ такой мѣшочекъ, и показываютъ признаки величайшей радости, когда получаютъ его обратно. Есть порода пауковъ, которая, выкапывая нору въ землѣ, кладетъ въ нее мѣшочки съ яйцами; при входѣ въ это жилище паукъ очень искусно устраиваетъ подъемную дверь, которую закрываетъ землею и очень сильно удерживаетъ снизу своею спинкою, когда врагъ хочетъ ее открыть. Такъ-то и въ разбойничьей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви.

Пауки, какъ мы уже знаемъ, принадлежатъ къ животнымъ суставчатымъ; но къ насѣкомыхъ ихъ причислить нельзя. Пауки имѣютъ столько особенностей и породъ ихъ такое множество, что естествоиспытатели назначили для пауковъ особый *классъ* между животными суставчатыми — *классъ* паукообразныхъ.

Примѣчаніе. Въ *отдѣлѣ* животныхъ *суставчатыхъ* мы знаемъ, слѣдовательно, два *класса*: I *классъ* *насекомыхъ* и II *классъ* *паукообразныхъ*. Въ этомъ *отдѣлѣ* есть кромѣ

того еще III классъ *ракообразныхъ*, т. е. членистыхъ животныхъ, покрытыхъ раковиною; представителемъ этого класса можетъ служить для насъ ракъ; къ этому же классу относятся и ядовитый скорпионъ.

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯКЪ.

Сравнивая дождеваго червя съ орломъ, наприимѣръ, мы найдемъ между ними мало сходства; но, тѣмъ не менѣе, дождевой червякъ чувствуетъ, движется, отыскиваетъ себѣ пищу, кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ потомъ другіе черви; слѣдовательно, и дождевой червякъ — животное, только животное низшаго разряда. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей; нѣтъ собственно ни головы, ни членовъ, слѣдовательно его нельзя причислить къ отдѣлу животныхъ *членистыхъ* или *суставчатыхъ*; все его длинное, мягкое, красное тѣло покрыто кожицею и состоитъ болѣе, чѣмъ изъ ста колецъ, изъ которыхъ каждое подвижно. Первое, большое кольцо образуетъ верхнюю губу; второе, меньшее, вытянутое хоботкомъ, — нижнюю. Настоящихъ ногъ у червя не замѣтно; но на одной сторонѣ колецъ находятся волоски, сидящіе рядами. Съ помощію этихъ волосковъ передвигается дождевой червь, извиваясь всемъ тѣломъ, чему способствуетъ кольцеобразное его строеніе. Между кольцами червя естествоиспытатели нашли маленькія устья (отверстія), которыми червякъ дышетъ и изъ которыхъ онъ выпускаетъ жидкость, увлажжающую его тѣло. Костей у дождеваго червя нѣтъ; но желудокъ, въ видѣ черной жилки, тянется, начиная отъ самаго рта, во всю длину животнаго. Черный цвѣтъ этого желудка зависитъ отъ находящейся въ немъ пищи.

Дождевой червякъ живетъ, какъ извѣстно, въ землѣ, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходитъ онъ только въ теплую, влажную погоду, и то ночью, чтобъ заpastись влагою и пищею. Если въ такую погоду выйти въ садъ до восхожденія солнца, то можно увидать множество червей; но для этого должно идти очень осторожно, потому что хотя у червей нѣтъ ни глазъ, ни ушей, за то осязаніе у нихъ очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожаютъ множество червей; садовники истребляютъ ихъ также; а рыбаки ловятъ для того, чтобъ насадить на крючокъ. Жирная земля, гниющій кусочекъ растенія, нѣжный корешокъ и листикъ — вотъ что составляетъ пищу дождевыхъ червей; но на поляхъ и лугахъ это ничтожное животное можетъ надѣлать много зла.

Дождевой червякъ не любитъ ни сильныхъ засухъ, ни сильныхъ морозовъ: отъ тѣхъ и другихъ онъ забирается поглубже въ землю, зимою больше, чѣмъ на сажень. Въ водѣ, на солнцѣ и на холодѣ онъ умираетъ; особенно страшна ему соленая вода, которою садовники выживаютъ червей изъ саду. Размножаются дождевые черви яичками; изъ яичекъ червя выползаютъ, безъ великихъ превращеній, такіе же червяки, только гораздо по-

меньше, съ меньшимъ числомъ колець, которыя прирастаютъ потомъ. Замѣчательно еще, что червякъ не умираетъ, если его разрѣзать поперегъ, а каждая его часть начинаетъ жить своею особенною жизнью.

Примѣчаніе. Къ *отдѣлу* червей принадлежатъ изъ знакомыхъ намъ животныхъ и полезныя пѣвки и вредныя глисты; но гусеница, хотя ее и зовутъ часто червякомъ, есть только временная форма пастькомыхъ.

У Л И Т К А.

Въ тѣнистыхъ, сырыхъ садахъ, на валахъ, стѣнахъ и поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Это безвредное животное очень занимательно. Если вамъ случится найти его, то возьмите его въ руки и рассмотрите поближе.

Прежде всего кидается въ глаза, сдѣланный искусно изъ известки, домикъ улитки: та спиральная раковина, которая держится у нея на спинѣ. Съ одной стороны раковина эта заворачивается остриемъ, съ другой открывается широко; но какъ только вы взяли въ руку раковину, такъ животное и ушло въ нее: вы видите только, что въ серединѣ лежитъ какое-то мягкое, скользкое, студенистое вещество; но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнетъ ѣжиться, стараясь спрятаться глубже въ раковину; слѣдовательно — это животное: оно ощущаетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться. Положите же раковину на землю и, отойдя немного въ сторону, дожидайтесь терпѣливо. Животное успокоится и понемногу станетъ выдвигать изъ раковины голову, мягкую, слизистую, но въ которой вы ясно замѣтите четыре такіе же мягкіе отростка, или щупальцы, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки — глаза животного. Кромѣ головы, животное выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое брюшко, называемое *ногю*; посредствомъ этой ноги улитка ползаетъ и плаваетъ и ею же присасывается она къ деревьямъ, заборамъ, листьямъ канусты, а въ водѣ — къ камнямъ или къ какимъ-нибудь водянымъ растеніямъ. Самая раковина прикреплена къ спинѣ животного, на которой въ складкахъ, называемыхъ *спанчею*, есть органы, отдѣляющіе известковую массу и выдѣлывающіе изъ нея раковину. Острый, верхній зачатокъ раковины родится вмѣстѣ съ животнымъ, когда оно выходитъ изъ яичка; потомъ раковина растетъ, по мѣрѣ роста животного, и принимаетъ спиральную форму, потому что самое животное, вырастая, мало-по-малу подвигается далѣ спиралью. Трудно было бы понять иначе, какъ такое мало-подвижное животное, какъ улитка (многія породы улитокъ всю жизнь остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ), не обладающее ни лапками, ни ножками, выдѣлываетъ такую крѣпкую, искусную раковину.

Въ улиткѣ нельзя ясно отличить ни головы, ни груди, ни брюха; все животное мягко и способно принимать самыя разнообразныя формы. Вотъ почему улитку причисляютъ къ особому отдѣлу животныхъ *мягкотѣлыхъ*. Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имѣютъ свойство выдѣлять изъ нея известку для своихъ раковинъ. Множество разнообразныхъ раковинъ, которыя мы находимъ на берегахъ рѣкъ, озеръ и морей, не болѣе, какъ домики *мягкотѣлыхъ* животныхъ. Иногда эти раковины состоятъ изъ двухъ красивыхъ блюдечекъ, которыя, будучи скрѣплены съ одной стороны, могутъ раскрываться и закрываться съ другой. Такія раковинки называются створчатými (какъ двери) и въ такихъ раковинахъ живутъ устрицы, которыхъ охотники кушаютъ съ большимъ удовольствіемъ; въ подобныхъ же раковинахъ живутъ и тѣ мягкотѣлыя животныя, которыя производятъ драгоценный жемчугъ.

КОРАЛЛОВЫЕ ПОЛИПЫ.

Много мы съ вами разсмотрѣли животныхъ; но какого безчисленнаго множества мы еще не знаемъ! Воздухъ, земля и вода наполнены животными. За корой дерева, въ бугоркѣ, образовавшемся на листочкѣ, во внутренностяхъ животныхъ, въ каплѣ болотной воды шевелятся миллионы живыхъ существъ, до того разнообразныхъ, что трудно назвать ихъ однимъ именемъ животныхъ; но между тѣмъ всѣ они живутъ, чувствуютъ, движутся, питаются, производятъ себѣ подобныхъ и умираютъ. Какое, кажется, безконечное разстояніе между орломъ, свободно рѣющимъ въ воздушныхъ пространствахъ, обезьяною, такъ похожею на человѣка, слономъ, который обладаетъ умомъ почти человѣческимъ, и неподвижною улиткою, которая, присоавшись къ доскѣ, брошенной въ воду, проводитъ всю жизнь свою на одномъ мѣстѣ; и между тѣмъ, улитка покажется намъ еще очень большимъ и сложнымъ животнымъ, если сравнить ее съ инфузоріей, видной только въ микроскопъ и которая вся — одинъ крошечный пузырекъ, или съ полипомъ, который, будучи скорѣе похожъ на какое-то странное морское растеніе, чѣмъ на животное, выражаетъ всю свою жизнь только тѣмъ, что пошевеливаетъ усиками, или, наконецъ, съ губкой, которою стирается мѣлъ съ доски и которую также многіе считаютъ животнымъ.

Самыя замѣчательныя изъ полиповъ, — коралловые полипы, живущіе единственно въ моряхъ на небольшой глубинѣ. Это животныя очень маленькія, но такъ какъ ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ страшное множество и они работаютъ цѣлыми обществами, то производятъ великія дѣла, хотя, конечно, не думая сдѣлать ихъ. Вся жизнь коралловаго полипа состоитъ въ томъ, что онъ, прильнувъ къ какому нибудь камню, лежащему не очень глубоко въ морѣ, шевелитъ своими усиками или щупальцами и такимъ об-

разомъ вгоняетъ себѣ въ ротъ воду съ различными плавающими въ ней веществами. Эти вещества питають полипа, а часть ихъ передѣлывается внутри его въ твердую известковую массу. Само собою разумѣется, что у такого животнаго нѣтъ ни сердца, ни легкихъ, ни глазъ, ни костей, ни мозга: все оно одинъ желудокъ. Но вотъ известковый кусочекъ коралла все увеличивается внутри животнаго и наконецъ такъ вырастаетъ, что животному остается только умерѣть. Тѣмъ бы все и кончилось, но во время своей жизни полипъ даетъ существованіе нѣсколькимъ другимъ полипамъ, которые, не отдѣляясь, но группируясь вокругъ прежняго, какъ почки вокругъ вѣтки, продолжаютъ жить, какъ жили ихъ родители: хватаютъ усиками пищу, передѣлываютъ ее въ твердый каменистый кораллъ, который основаніемъ соединенъ съ прежнимъ, и умираютъ, давъ жизнь новымъ живымъ почкамъ, новымъ полипамъ. — Проходятъ десятки, сотни лѣтъ мириады полиповъ отживаютъ, другія мириады появляются на ихъ мѣсто, и ихъ известковыми отложеніями, распространяющимися во все стороны, какъ вѣтви, застилается дно моря на нѣсколько верстъ: масса твердыхъ коралловъ разрастается не только въ ширину, но и вверхъ. Морской песокъ и морскія растенія, приносимые водою, помогаютъ работѣ полиповъ, которая прекращается, когда доходитъ до поверхности моря, потому что коралловые полипы могутъ жить только въ водѣ. Такимъ образомъ, подъ водою образуется весьма опасная мель, о которую часто разбиваются корабли, пока мореходцы, наконецъ, узнаютъ ее и означать на картѣ, гдѣ она лежитъ. — Полипы кончили свою работу; но море и вѣтеръ ее продолжаютъ: море приноситъ песокъ и морскія растенія, сѣмена травъ и деревьевъ, яички различныхъ животныхъ; вѣтеръ приноситъ пыль и съ нею также много зародышей растеній и животныхъ: новый островъ показывается изъ подъ воды. Птицы прилетаютъ на него; морскіе звѣри выползаютъ подышать воздухомъ; на островѣ появляются травы, цвѣты, деревья; все это растетъ, оживаетъ, падаетъ, гніетъ, увеличивая плодотворный слой земли, даетъ сѣмена и зародыши новыхъ растеній и животныхъ. Пройдетъ еще сотня другая лѣтъ и новое прекрасное жилище для человѣка готово. —

Такъ ничтожное, почти неподвижное, почти безчувственное животное, работая, по волѣ Божіей, въ глубинахъ моря, измѣняетъ самый видъ земли и создаетъ новые острова.

Коралловые полипы живутъ только въ моряхъ очень теплыхъ странъ, а потому тамъ только появляются и коралловые острова. По формѣ тѣла, расположеннаго по большей части лучами, — животныхъ подобныхъ полипамъ естествоиспытатели причисляютъ къ особому отдѣлу лучистыхъ.

Губка, впрочемъ, о которой мы упомянули въ этой статьѣ, не принадлежитъ къ лучистымъ животнымъ. Естествоиспытатели еще сами не зна-

ють, куда отнести ее. Губка растетъ, какъ и поливъ, въ моряхъ, подъ водою, прицѣпившись къ камню, и ее причислили бы къ воднымъ растеніямъ, если бы не замѣтили, что изъ скважинъ губки періодически выпрыскивается вода и что это прекращается, когда до нея дотронутся. По этому нѣкоторые думаютъ, что губка своего рода коралль, образуемый животнымъ, а слизь ее наполняющая — само животное. Но въ губкѣ такъ мало жизни, она такъ похожа на растеніе, что ее помѣщаютъ на границѣ животнаго и растительнаго царства.

ИНФУЗОРИИ ИЛИ НАЛИВОЧНЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Много, много мы видимъ животныхъ простыми глазами; но еще болѣе увидимъ мы, вооружившись микроскопомъ — инструментомъ, въ которомъ увеличительныя стекла сложены такъ, что показываютъ предметъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе его настоящей величины. Животныя, которыхъ можно видѣть только въ микроскопъ, называются животными *микроскопическими*. Такихъ животныхъ находятъ преимущественно въ стоячей водѣ, въ болотахъ и канавахъ; но ихъ можно найти и во всякой водѣ, если она только заключаетъ въ себѣ какія нибудь органическія вещества и, сверхъ того, была подвергнута дѣйствию солнечныхъ лучей; даже въ дождевой и соленой морской водѣ могутъ показаться микроскопическія животныя, если такая вода постоитъ нѣкоторое время на солнцѣ.

Этихъ микроскопическихъ животныхъ называютъ также *инфузоріями* или *наливочными* животными, потому-что они являются въ водѣ всякій разъ, какъ мы *нальемъ* ее на какія нибудь животныя или растительныя вещества, напримѣръ хоть на сѣнную труху, и поставимъ въ тепло. Постоявъ нѣсколько дней, а лѣтомъ, въ жаркое время, нѣсколько часовъ, вода, налитая такимъ образомъ, обыкновенно затянется тонкою пленкою и тогда, если мы возьмемъ одну каплю такой воды и станемъ наблюдать ее въ микроскопъ, то найдемъ въ ней цѣлый міръ безконечно-малыхъ, безконечно разнообразныхъ живыхъ существъ — инфузорій.

Какою дѣятельностію кипитъ этотъ маленькій міръ! Однѣ изъ инфузорій кружатся на поверхности; другія, столпившись въ кучу, грѣются на солнечномъ лучѣ; третьи то мгновенно разсыпаются въ разныя стороны, то гонятся за какою-нибудь чуть-чуть примѣтною частичкою растенія: стоитъ только чѣмъ-нибудь прикоснуться къ каплѣ воды и всѣ эти живыя крошки стремительно опускаются на дно: капля воды для нихъ глубокое море. Какъ онѣ разнообразны по величинѣ своей и внѣшнему виду! Однѣ представляютъ какую-то студенистую массу, другія совершенно прозрачны; нѣкоторыя покрыты волосами; нѣкоторыя, формой своей напоминаящія раковъ или рыбъ, имѣютъ нѣчто въ родѣ плавательныхъ перьевъ, клешней, хвостовъ,

лапъ, хоботковъ и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузоріи имѣютъ также различные органы, посредствомъ которыхъ питаются, пожираютъ другъ друга и размножаются. Онѣ также одарены нѣкотораго рода чувствительностію: по крайней мѣрѣ ясно выражаютъ чувство страха и боли. По мѣрѣ того, какъ капля воды, которую мы наблюдаемъ подъ микроскопомъ, высыхаетъ, а лучъ солнца въ тоже время начинаетъ пригрѣвать инфузорій сильнѣе, онѣ становятся вялыми, ихъ движенія дѣлаются медленнѣе, онѣ начинаютъ дрожать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ капля высохнетъ совершенно, — умираютъ. Умирая, нѣкоторыя инфузоріи разлагаются мгновенно, такъ, что черезъ нѣсколько секундъ не остается уже ни малѣйшихъ признаковъ ихъ существованія; разложеніе другихъ продолжается долѣе, — нѣсколько дней, даже до недѣли.

Если подумать, что въ такомъ крошечномъ животномъ, которое мы едва видимъ въ микроскопъ, увеличивающій въ нѣсколько тысячъ разъ, есть отдѣльные и притомъ не простые, а сложные органы, есть чувство и даже нѣкотораго рода соображеніе; то удивленіе овладѣваетъ умомъ нашимъ, — удивленіе и благоговѣніе къ Создателю, который творитъ одинаково свободно и въ безграничныхъ пространствахъ, наполненныхъ громадными мірами, между которыми Земля, гдѣ мы живемъ, далеко не самый большой, и въ крошечной инфузоріи, которую, увеличивъ ее въ 20 тысячъ разъ, мы едва видимъ. А сколько же есть еще звѣздъ, недоступныхъ самымъ сильнымъ телескопомъ нашимъ; сколько есть еще животныхъ, которыхъ мы не можемъ видѣть ни въ какіе микроскопы! Безконечно и безпредѣльно всемогущъ Господь и безграничной мудрости полны дѣла его.

Примѣчаніе. Все царство животныхъ мы раздѣлили на двѣ половины: къ первой относятся всѣ животныя позвоночныя; ко второй — беспозвочныя. Первую половину, т. е. животныхъ позвоночныхъ, мы дѣлили на классы (какіе?); классы на отряды; отряды — на семейства. Но во второй половинѣ такое неисчисленное множество разнообразныхъ животныхъ, что ихъ сначала раздѣляютъ на отдѣлы, отдѣлы на классы, классы на отряды и т. д. Изъ всего этого безчисленнаго множества животныхъ беспозвоночныхъ мы узнали весьма немногихъ. Изъ I-го отдѣла, животныхъ *суставчатыхъ*, мы узнали жука, бабочку, простую и шелковичную, и муху: всѣ эти животныя, отличающіяся *превращеніями* и имѣющія по шести ногъ, принадлежатъ къ классу *насекомыхъ*, куда относятся также: пчелы, осы, комары, муравьи, клопы, блохи и мн. др.; 2-й классъ, въ отдѣлѣ *суставчатыхъ* животныхъ составили *пауки*; 3-й классъ — *ракообразные*: раки, скорпионы и др. Во II-мъ отдѣлѣ, т. е. въ отдѣлѣ *червей*, мы знаемъ дождеваго червя, пиявку и глисту. Въ III-мъ отдѣлѣ, животныхъ *мягкотѣлыхъ* — знаемъ улитку садовую, жемчужную и устрицу. Въ IV отдѣлѣ, животныхъ *лучистыхъ*, знаемъ коралловыхъ полиповъ. Въ V-мъ отдѣлѣ — отдѣлѣ *инфузорій*, незнаемъ ни одного отдѣльнаго животного. (Составивъ таблицу, подобную предыдущимъ, слѣдуетъ повторить все пройденное.

ОТДѢЛЪ V.

О РАСТЕНІЯХЪ.

ЯБЛОНЯ.

Кто изъ насъ не видалъ яблони и не кушалъ ея вкусныхъ плодовъ? Но посмотрѣть на яблоню и покушать яблокъ не значить еще знать, что такое яблоня и какъ она растетъ. Если написать все, что дѣлается съ яблоней, то изъ этого выйдетъ очень большая и очень занимательная книга.

Яблоня — большое дерево; но мы видимъ и очень маленькія яблонки, которыя торчатъ изъ земли гибкими тросточками. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и тоненькая тросточка станетъ большимъ, толстымъ деревомъ съ цѣлымъ лѣсомъ вѣтвей. Яблоня, слѣдовательно, растетъ, какъ растутъ и дѣти, и этимъ уже отличается отъ кремня, куска желѣза или куска мѣди, которые, если ихъ не трогать, останутся всегда одними и тѣми же. Маленькую яблоню можно выдернуть съ *корнемъ*; но корни большой глубоко засѣли въ землю и ее не выдернешь и десяткомъ лошадей. Корни сидятъ въ землѣ, а на поверхность выходитъ *стволъ*, покрытый толстою *корою*. Если содрать кору, то можно увидѣть подъ нею крѣпкій, бѣлый стволъ дерева; но дерево безъ коры засохнетъ. Поднявшись къ верху, стволъ раздѣляется на толстыя *сучья*, которые, въ свою очередь, дѣлятся на *вѣтви* и, наконецъ, на тонкія вѣточки: а на вѣточкахъ, какъ маленькія зеленныя птички, дрожать и шепчутся листья.

Каждую осень листья желтѣютъ и спадаютъ, уступая свое мѣсто маленькимъ, твердымъ *почкамъ*, которыя вы можете видѣть на всякой вѣткѣ всю зиму. Присмотритесь къ этимъ почкамъ и вы замѣтите, что всѣ онѣ завернуты въ твердую, блестящую *кожицу* коричневаго цвѣта; но придетъ весна, почка вздуется, начнетъ расти, разорветъ свой крѣпкій, блестящій покровъ — и развернется цвѣткомъ или листикомъ. Яблоня, слѣдовательно, имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ и различныхъ частей, необходимыхъ другъ для друга, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ яблоню, а именно: корень, сучья, вѣтки, кору и почки.

Каждый изъ этихъ *органовъ* яблони также не простой, но сложный органъ и, въ свою очередь, имѣетъ нѣсколько частей. Разсматривая корень, мы найдемъ на немъ тоненькія, бѣленькія *мочки*, которыми растеніе высасываетъ изъ земли необходимый для него сокъ. Если эти мочки обрѣзать, то хотя

корень останется, но дерево засохнетъ. Перепиливъ горизонтально стволъ дерева, мы найдемъ, что онъ состоитъ изъ множества слоевъ: тонкихъ круговъ, которые, начинаясь отъ *сердцевины* дерева, дѣлаются все больше и больше и доходятъ до самой *коры*. Разсмотрѣвъ кору, мы найдемъ и въ ней также двѣ части: одну внѣшнюю, сѣрую, растрескавшуюся, собственно *кору*, а другую внутреннюю, зеленоватую и гибкую, называемую *лубомъ*. Ничего подобнаго не найдемъ мы ни въ кускѣ мѣлу, ни въ кускѣ глины, кремня, мѣди или желѣза. Разрывая или разбивая куски глины, напримеръ, мы все будемъ имѣть одинаковую глину, только въ болѣе мелкихъ кусочкахъ. Въ яблонѣ, какъ и во всякомъ растеніи и животномъ, есть *органы*, изъ которыхъ каждый дѣлаетъ свое особое дѣло: въ камняхъ, металлахъ, земляхъ, въ водѣ и въ воздухѣ органовъ никакихъ нѣтъ; вотъ почему только растенія, животныя и люди называются *органическими существами* или просто *организмами*.

Но посмотрите на каждый листокъ, какой это сложный органъ! Къ вѣткѣ онъ прикрѣпленъ *черешкомъ*; отъ черешка идетъ по срединѣ листка, раздѣляя его на двѣ половины, главный нервъ (жилка); отъ главнаго нерва въ обѣ стороны, на подобіе вѣтокъ, распространяются другіе, болѣе и болѣе тонкіе; эти маленькіе нервы соединены между собою еще болѣе тоненькими жилками, перерѣзывающими весь листокъ во всѣхъ направленіяхъ. Листья у разныхъ деревьевъ бываютъ различныя: у яблони они почти круглыя, зубчатые по краямъ и нѣсколько заостренныя къ концу; верхняя сторона листа, обращенная къ солнцу, зеленого цвѣта; нижняя — сѣро-ватая. Если ножичкомъ содрать съ листа верхнюю кожицу, то мы увидимъ подъ нею сочную мякоть.

Мы знаемъ уже, что дерево не имѣетъ ни чувства, ни движенія; а потому ему не нужно и органовъ чувства и движенія: не нужно мускуловъ и нервовъ. Но дерево питается и, слѣдовательно, имѣетъ органы питанія. Свѣсьте маленькую, чуть показавшуюся изъ-подъ земли, яблоньку и попробуйте свѣсить большое дерево, и вы убѣдитесь, что, когда яблоня вырастетъ, то въ ней прибавятся десятки пудовъ того матеріала, изъ котораго она состоитъ. Откуда же взяла яблоня этотъ матеріалъ? Дитя растетъ, потому-что питается; потому же самому растетъ и дерево. Бабочка за пищей летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, червячокъ ползаетъ по травѣ и листьямъ; но яблоня не трогается съ мѣста; а потому, должно-быть, достаетъ себѣ пищу, матеріалъ для своего роста, тамъ же, гдѣ стоитъ, и изъ того, что ее окружаетъ. Чѣмъ же окружено дерево и откуда оно могло бы взять себѣ пищу?.. Во первыхъ, корни его роются въ землѣ; во-вторыхъ, листья его дрожатъ въ воздухѣ, и въ-третьихъ, его часто поливаетъ дождь, смачивая его и землю, въ которой оно стоитъ. Не откуда яблонѣ взять себѣ пищи,

неоткуда достать матеріала для новыхъ вѣтвей, для своихъ ежегодно мѣняющихся листьевъ, для своихъ сочныхъ яблокъ, если она не возьметъ его изъ земли, воды и воздуха. Чудную же работу выполняетъ яблоня, несмотря на то, что у нея нѣтъ ни чувства, ни движенія! Изъ грязной, некрасивой земли, изъ безцвѣтной, жидкой воды, изъ невидимаго воздуха вырабатываетъ она и твердой стволъ, и гибкую вѣтку, и глянцовитую почку, и зеленые листья, и сочный, вкусный, румяный плодъ. Это дѣлаетъ она, конечно, не своимъ умомъ, — потому что тамъ, гдѣ нѣтъ чувства, не можетъ быть и ума, — но премудростію Создателя, который и безчувственное дерево одарилъ такою чудною силою.

ЦВѢТЬ И ПЛОДЪ ЯБЛОНИ.

Что это за бѣлыя, какъ снѣгъ, или слегка розоватыя, красивыя и душистыя существа, которыя усыпаютъ яблоню весною, прежде еще, чѣмъ на ней появятся листья? Это цвѣты, изъ которыхъ яблоня, къ концу лѣта, выработаетъ свои яблоки. Устройство цвѣтка не просто. Посмотрите на него, и вы увидите, что этотъ органъ дерева сложенъ изъ нѣсколькихъ другихъ органовъ: цвѣтокъ состоитъ изъ пяти бѣлыхъ, какъ снѣгъ, листочковъ, по которымъ идутъ розоватыя полоски; всѣ эти листики, всѣ эти розоватыя *лепестки* выходятъ изъ одной зеленой *чашечки*, тоже съ пятью зелеными листиками, сросшимися при основаніи; посреди бѣленькихъ лепестковъ торчатъ нѣсколько тоненькихъ ниточекъ, съ маленькими желтенькими мѣшочками на верху. Бѣлые лепестки цвѣточка называются *опычникомъ*, а стебельки съ желтенькими мѣшочками — *тычинками*. Посреди тычинонь, въ глуби цвѣтка, въ самой зеленой чашечкѣ, скрывается еще особенный органъ, называемый *плодничкомъ*; изъ этого то плодничка образуется *завязь* — маленькое, зеленое яблочко; потомъ это яблочко выростетъ, станетъ желтымъ, румянымъ, сочнымъ яблокомъ.

Яблоко состоитъ также изъ нѣсколькихъ частей. На верху у него углубленіе съ хохолкомъ (глазкомъ), снизу хвостикъ, похожій на черешокъ листка; этотъ хвостикъ называется *ножкой*; на ней прежде сидѣлъ цвѣтокъ. Сверху яблоко покрыто кожицей, которая бываетъ различнаго цвѣта у яблокъ различной породы; но большею частію у зрѣлаго яблока она желтаго или розоваго цвѣта; бывають впрочемъ яблоки красныя, какъ крашенка. Срѣжемъ эту гладкую, блестящую кору, которой ѣсть нельзя, и мы найдемъ подъ нею сочное, бѣлое, вкусное мясо. Обрѣзавъ осторожно мясо, мы увидимъ, что въ серединѣ яблока устроенъ хитрый домикъ, изъ толстой глянцовитой кожицы, состоящій изъ пяти комнатокъ, раздѣленныхъ стѣнками. Въ этихъ комнаткахъ есть и жильцы: въ каждой изъ нихъ сидитъ по парѣ маленькихъ зернышекъ, темно-коричневыхъ, почти совер-

шенно черныхъ, если яблоко созрѣло. Вотъ для какихъ гостей приготовило яблоко свой сочный плодъ!

Но возьмемъ самое зернышко, разрѣжемъ его и увидимъ, что и въ немъ, какъ оно ни мало, есть нѣсколько различныхъ частей; но главная — лежащій въ сѣмени крошечный зародышъ будущей большой яблони. Посадите это зернышко въ землю и поливайте его: кожа размякнетъ, а маленький зародышъ начнетъ увеличиваться, расти, и скоро, выбившись изъ своей колыбельки, пуститъ корешокъ къ низу, а два листика къ верху. Эти два первые, *зародышные* листика скоро опадутъ; но между ними уже была готова почка, изъ которой образуется стебелекъ съ листиками; а десятка черезъ два лѣтъ изъ стебелька выростетъ огромное дерево, которое и само будетъ давать сотни и тысячи плодовъ.

Любопытно было бы подсмотрѣть, какъ все это дѣлается: какъ изъ крошечнаго зародыша образуется большая яблоня, какъ и чѣмъ она питается, какъ и изъ чего дѣлаетъ свои листья и плоды и какъ опять въ этихъ плодахъ появляются сѣмена будущихъ растений. Да и одна ли яблоня занимается этимъ дѣломъ! Каждое дерево, каждый кустарникъ, каждый цвѣтокъ, каждая самая маленькая травка дѣлаетъ то же самое: начинается изъ зародыша, даетъ корень и стебель, убирается листьями и цвѣтами и, наконецъ, приноситъ плодъ, въ которомъ приготовляются сѣмена будущихъ растений. Яблоня, груша, слива, земляника, роза, сосна, ель, колосъ ржи или пшеницы, одуванчикъ, жгучая крапива, — всё что-нибудь да готовятъ. И сколько разнообразныхъ произведеній выставляетъ на удивленіе и на пользу чело-вѣку цѣлое царство растений! Если бы мы захотѣли высчитать здѣсь всё, какіе есть на свѣтѣ, растения и рассказать, какъ каждое изъ нихъ готовитъ что нибудь особое: одно душистую розу, другое красивый тюльпанъ, третье колючую шишку, четвертое крѣпкій орѣхъ, пятое сочное яблоко, шестое маковую головку и т. д., — то мы и въ нѣсколько мѣсяцевъ не рассказали бы всего. Для этого есть цѣлая большая наука, которую называютъ *ботаникою*.

В И Ш Н Я.

Вишневое дерево такъ извѣстно каждому, что мы не думаемъ подробно его описывать, тѣмъ болѣе, что у него всё тѣ же главные части, какія мы видѣли у яблони, только оно не бываетъ такъ толсто и высоко; кожа на немъ темно-коричневаго цвѣта и глаже, чѣмъ на яблонѣ; листочки круглопродолговатые, заострены къ концу, по краешкамъ зубчаты, глянцевиты и прекраснаго зеленаго цвѣта. Но мы обратимъ особенное вниманіе на цвѣты, вишни, которые во множествѣ появляются на ней въ концѣ мая или въ началѣ іюня и одѣваютъ ее всю бѣлою пеленою.

Сорвите одинъ изъ такихъ цвѣтковъ, рассмотрите его хорошенько, и вы легко отличите въ немъ нѣсколько частей.

1) Снизу видна цвѣточная *ножка*, которая у цвѣточка то же, что черешокъ у листа, но длиннѣе, принимаетъ нѣсколько другую форму и къ верху немного утолщается. 2) Къ этой толстой части ножки, которую ботаники называютъ *торомъ* или *донцемъ*; потому что на ней держатся всѣ другіе части цвѣта, прикрѣплено пять зеленыхъ листочковъ, сросшихся краями въ основаніи и образующихъ такъ называемую *чашечку*. Чашечка охраняетъ отъ засухи, холода и излишней влаги внутренніе, болѣе важные органы цвѣтка, почти совершенно обнимая его, пока онъ находится въ видѣ почки. 3) За листочками чашечки мы находимъ снова пять листочковъ, только уже не зеленыхъ, а бѣлыхъ съ розовымъ отливомъ. Эти красивые листочки, которые такъ разнообразны по цвѣту въ различныхъ растеніяхъ, называются *лепестками*, а всѣ пять лепестковъ вмѣстѣ — *вѣнчикомъ*. Вѣнчикъ тоже еще не самая главная часть цвѣтка, а только служитъ охраняющимъ покровомъ для другихъ, внутреннихъ, болѣе существенныхъ частей этого сложнаго и красиваго организма, а именно: для *плодничка* и *тычинокъ*. 4) Плодничокъ находится въ серединѣ цвѣтка. Онъ похожъ на зеленый кувшинчикъ, толстенькій снизу и съ длиннымъ, тонкимъ горлышкомъ, *столбикомъ*, который кверху раскрывается *рыльцемъ*. Нижняя, толстенькая часть плодника въ серединѣ имѣетъ пустое пространство и называется *завязью*; *столбикъ* плодника есть тоненькая, пустая въ серединѣ трубочка, которая внизу сообщается съ пустотою завязи, а вверху раскрывается рыльцемъ. 5) Вокругъ плодничка стоитъ множество тоненькихъ растительныхъ нитей; стоячія ниточки эти называются *тычинками*. На верху каждой тычинки прикрѣпленъ мѣшочекъ, или, какъ его называютъ, *мѣшечко*, наполненное крошечными желтыми *пылинками*. Замѣтимъ же хорошенько всѣ эти части цвѣтка и посмотримъ, чѣмъ каждая изъ нихъ занимается.

Сначала цвѣтокъ появляется на вишневой вѣткѣ въ видѣ почки, съ виду точно такой же, какъ и почка листьевъ; но потомъ та изъ почекъ, которой назначено быть цвѣткомъ, растетъ и развивается быстрѣе другихъ. Скоро зеленая чашечка начинаетъ раскрываться и даетъ возможность развернуться и свернутымъ въ ней бѣлымъ лепесткамъ, которые, развертываясь въ свою очередь, открываютъ плодничокъ и тычинки. Когда цвѣтокъ совершенно развернется, а плодничокъ и тычинки достигнутъ своей зрѣлости, тогда мѣшочки на тычинкахъ раскрываются сами собою и изъ нихъ высыпается желтая *плодотворная пыль*. Для превращенія красиваго цвѣтка во вкусную вишню, достаточно, чтобы хотя одна изъ безчисленнаго множества тычиновыхъ пылинокъ упала на рыльце плодничка и завязла въ той липкой жидкости, которою въ это время покрывается рыльце. Не долго плодотворная пылинка остается ле-

жать на рыльцѣ; скоро ей захочется заглянуть во внутрь плодника: и вот она начинаетъ расти, вытягивается въ длинненькую и такую тонкую ниточку, что можетъ, дѣлаясь все длиннѣе, проникнуть по каналцу столбика въ самую внутренность завязи. Что же видитъ тамъ плодотворная пылинка, вытянувшаяся въ нитку? Она находитъ въ завязи мѣшочекъ, состоящій изъ нѣсколькихъ крошечныхъ листковъ, свернутыхъ въ одну крошечную же почку; этотъ мѣшочекъ называется *зародышевымъ мѣшечкомъ*; потому что когда пылинка до него дотронется, то въ немъ образуется *зародышъ* будущаго семени. Эта минута имѣетъ большое значеніе въ жизни цвѣтка и съ этого времени онъ начинаетъ быстро измѣняться. *Оплодотвореніе* уже совершилось и органы, служившіе цвѣтку при этомъ процессѣ, болѣе ему не нужны: зеленая чашечка, бѣлые лепестки, тычинки и даже столбикъ плодничка быстро вянуть, сохнуть и опадаютъ. На цвѣточной ножкѣ остается одна нижняя часть плодничка, или завязь, и уже не прежняя завязь, а съ дорогимъ *зародышемъ* внутри. На оплодотворенномъ зародышѣ сосредоточиваются съ этихъ поръ всѣ материнскія заботы растенія: къ нему посылаетъ оно лучшіе свои соки, и въ такомъ количествѣ, что даже листьямъ растенія достается мало, и они нѣсколько привядаютъ; а завязь, питаясь обильно, быстро растетъ, измѣняется и превращается скоро въ очень вкусный плодъ.

Но какъ она измѣнилась? Возможно ли во вкусной, красной, мясистой вишнѣ узнать зеленую завязь бывшаго плодничка? А между-тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что вишня дѣлается изъ завязи, оплодотворенной пылинкою. Зародышъ, занимая центральное мѣсто въ завязи, образуетъ душистое зернышко вишни, вкусъ и запахъ котораго напоминаютъ нѣсколько горькій миндаль; мѣшочекъ, въ которомъ лежитъ зародышъ, твердѣетъ, обнимаетъ зернышко плотно, со всѣхъ сторонъ, и мало-по-малу превращается въ твердую скорлупу вишневой косточки; стѣнки же завязи, по отпаденіи столбика, быстро толстѣютъ, мѣняются свой цвѣтъ и, словомъ, дѣлаются круглою, мясистою вишнею.

Вотъ какъ изъ почки вишневаго дерева дѣлается сначала цвѣтокъ, а потомъ вишня, и вы вѣроятно замѣтили сами, что вишня бываетъ сначала зеленою, какъ завязь, потомъ бѣлою, потомъ уже начинаетъ желтѣть или краснѣть, пока не сдѣлается, у однихъ породъ вишни, прозрачно-бѣлою у другихъ, розовою, у третьихъ, пунцовою, у четвертыхъ, почти черною.

У безчисленнаго множества другихъ цвѣтущихъ растеній, оплодотвореніе цвѣтка и развитіе плода совершается также или почти также, какъ и у вишни, съ небольшими отмѣнами: у мака, напр., стѣнки плодничка превращаются въ большую маковую головку, заключающую въ себѣ безчисленное множество маковыхъ зеренъ и закрытую сверху красивою крышечкою, по-

хожею на звѣзду. Когда макъ созрѣеть, головка его пожелтѣетъ и засохнетъ, тогда маковыя зернышки легко могутъ высыпаться на землю въ отверстіи, находящіяся подъ крышкой. У орѣха стѣнки плодничка превращаются въ твердую шелуху, надъ которой дѣти любятъ пробовать остроту и крѣпость своихъ молодыхъ зубовъ.

Оплодотвореніе яблони происходитъ точно такимъ же образомъ, какъ и оплодотвореніе вишни; но у цвѣтка яблони плодничокъ не выдвигается такъ далеко наружу, какъ у вишни, но прячется въ самой глубинѣ цвѣточной чашки. Кромѣ-того плодничокъ образуется не изъ одного листка, какъ плодничокъ вишни, но изъ пяти листочковъ, сросшихся между собою краями, идущими къ центру завязи, такъ что вся завязь въ срединѣ перегорожена на пять отдѣленій; отъ cadaго изъ этихъ отдѣленій идетъ къ верху по небольшому столбику, и хотя всѣ эти столбики снаружи срослись въ одинъ, но у cadaго изъ нихъ свой особый каналъ и особое рыльце. Плодничокъ яблони также окруженъ тычинками; но чтобы яблоко начало вполнѣ формироваться, недостаточно одной пылинки, а нужно ихъ десять, по два на каждое рыльце и на каждую комнатку завязи; потому что въ каждой комнаткѣ приготовлено мѣсто для двухъ жильцовъ, двухъ маленькихъ зернышекъ, которыя, когда созрѣютъ, сдѣлаются черными. Слѣдовательно, изъ стѣнокъ плодничка дѣлается не самое яблоко, а та его твердая, глянцовитая сердцевина, раздѣленная на пять комнатъ, въ которой лежатъ яблочныя зерна.

Разрѣзавъ яблоко поперегъ, мы ясно увидимъ бывшій пятикомнатный плодникъ, сложенный изъ пяти сросшихся листочковъ, но только увеличенный въ объемѣ и превратившійся въ твердую, бѣлую кожу. Разсморите же со вниманіемъ, какъ зернышки прикрѣплены здѣсь къ стѣнкамъ плодничка: это бывшіе плодниковые зародышныя мѣшочки, превратившіеся въ зерна, послѣ того, какъ до нихъ коснулась плодотворная пыль.

Но изъ чего же образовалось вкусное, бѣлое мясо яблока, которое для дѣтей гораздо интереснѣе, чѣмъ его кожистая, колючая сердцевина? Изъ завязи оно образоваться не могло, потому что завязь пошла, какъ мы знаемъ, на другое дѣло. Но припомните, что плодничокъ яблока сидитъ глубоко внутри зеленой чашечки, такъ что листья чашечки могутъ вполнѣ обнять плодникъ. Какъ только въ пяти комнаткахъ плодника заведутся новыя жильцы, зернышки — то сейчасъ же и начинается превращеніе: тычинки и бѣлыя лепестки сохнутъ и опадаютъ. Но чашечка не опадаетъ, какъ у вишни, а напротивъ, остается и выполняетъ важную работу: пять ея зеленыхъ листиковъ начинаютъ снова свертываться и обхватываютъ со всѣхъ сторонъ оплодотворенную уже завязь плодника; потомъ они срастаются между собою совершенно, образуя своими концами тотъ маленькій хохолокъ,

который мы видимъ на верхушкѣ яблока. Вслѣдъ за этимъ листики начинаютъ толстѣть, наливаясь, и превращаются въ то, что мы собственно называемъ яблокомъ. Если у васъ достанетъ терпѣнья прослѣдить, какъ образуется яблоко, то вы сами замѣтите, какъ свернутся листики чашечки, какъ они станутъ мало-по-малу срастаться, такъ, что долго видны будутъ слѣды, гдѣ они срастаются; какъ потомъ исчезнуть и эти слѣды, и пять неровно-сложенныхъ листочковъ бывшей зеленой чашечки цвѣтка превратятся въ совершенно круглое и гладкое яблоко.

З Е М Л Я Н И К А.

Земляника такъ заманчиво, такъ весело блеститъ въ зеленой травѣ, сначала бѣленькимъ цвѣточкомъ, а потомъ красною ягодкою, что не мѣшало бы намъ знать, какъ она растетъ и изъ чего это выходитъ у нея такая вкусная, душистая ягода.

Цвѣточекъ земляники не очень пышенъ и красивъ; но сорвемъ его, рассмотримъ по ближе, и онъ научитъ насъ многому. Разрѣзавъ вдоль тонкую ножку, на которой держится цвѣтокъ, мы легко различимъ въ ней двѣ части: одну наружную, покрытую съ виѣшней стороны маленькими волосками; и другую — сердцевину. На верху ножки эта сердцевина выставляется выпуклой подушечкой, которая служитъ *донцемъ* для цвѣточка земляники. Чашечка земляничнаго цвѣтка состоитъ изъ двухъ кружковъ, каждый въ пять зеленыхъ листочковъ. Листочки верхняго кружка длиненькіе, листочки нижняго — шире, заострены кверху. Листочки чашечки до половины срослись между собою краями и, кромѣ того, верхніе листочки срослись съ нижними, а нижніе съ донцемъ. Тамъ, гдѣ листочки чашечки отдѣляются отъ донца выходятъ пять широкихъ, почти круглыхъ бѣлыхъ листочковъ, составляющихъ вѣнчикъ земляничнаго цвѣтка. Въ серединѣ цвѣтка, на выпукломъ донцѣ, сидитъ не одинъ, какъ у яблони и вишни, а множество плодничковъ, а вокругъ ихъ до 20-ти тычинокъ съ пыльниками. Однѣ изъ этихъ тычинокъ побольше, другія поменьше. Когда оплодотвореніе совершится, тогда цвѣточное донце начинаетъ быстро расти, выдается вверхъ и скоро превращается въ сочную, вкусную ягoду. Бѣлые лепестки опадаютъ, листья, чашечки и тычинки съ пыльниками также; но плоднички, съ сѣмечками внутри, остаются, только столбики на нихъ засыхаютъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что тѣ твердые, маленькіе, желтоватые бугорки, которыми усѣяна ягодка земляники, ни что иное, какъ плоднички съ сѣменами внутри, а самая ягода есть бывшее мясистое донце земляничнаго цвѣтка, образовавшееся изъ сердцевины цвѣточной ножки. Мясо яблока образуется изъ чашечки, мясо вишни — изъ плодничка, а мясо земляники изъ цвѣточнаго донца. Сладкая винная ягода или фига,

растущая въ теплыхъ краяхъ на фиговыхъ деревьяхъ, также дѣлается изъ мясистаго *донца*. Но тогда какъ цвѣточное донце у земляники выпукло, у фиги оно вогнуто; а цвѣты фиги, которыхъ у нее на одномъ донцѣ нѣсколь- ко, распускаются и цвѣтутъ въ углубленіи донца, которое мало по малу закрывается и образуетъ ягоду. Кушная мягкое, сладкое донце фиги, мы находимъ въ серединѣ его не только зернышки, но и остатки цвѣтовъ, остат- ки плодничковъ и тычинокъ.

Листья земляники отдѣляются отъ главнаго стебля, у самой земли, такъ что земляника растетъ кустикомъ. Листочки эти, по три вмѣстѣ, держатся на длинныхъ вѣточкахъ или черешкахъ съ бороздками по серединѣ. Лис- точки земляники очень красивы, верхъ ихъ ярко-зеленаго цвѣта, а исподъ покрытъ серебристыми пушистыми волосками. Отъ главнаго стебля земля- ники, у самой земли, отдѣляются длинные молодые побѣги, которые пу- скаютъ отъ себя мочки въ землю и даютъ новые кустики земляники.

БЕРЕЗКА И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

У каждаго дерева есть своя особаа фізіономія. Толстый коренастый дубъ, съ твердыми, какъ желѣзо сучьями, на которыхъ даже сильный вѣ- теръ шевелить только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго бога- тыря, смѣло и упорно подставляющаго невгодамъ свою могучую грудь; отъ сосны и елки, отъ ихъ неумирающей, колючей, темной зелени вѣтъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣ- тахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ — богатая хлѣбосоль- ная хозяйка; дулистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только передъ смертью — осенью, когда рождающіеся холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣе, привѣтливѣе, ми- лѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрят- ной бѣлой одеждой; ея яркая, кудрявая зелень весною первая радуется на- ши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чемъ нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣ- вочкой въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умыв- шись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышетъ свѣ- жостью, чистотою и весельемъ.

Листья березки, — маленькія зеленныя сердечки, заостренныя къверху, съ зазубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только что развер- нутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и липнуть къ рукамъ. Кромѣ листьевъ вы вѣроятно замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошен- кія длинныя *серёжки*: это цвѣты березы. Такихъ серёжекъ на каждой бе- резѣ два сорта: на тѣхъ серёжкахъ, которыя подлиннѣе, находятся тычин-

ки и въ нихъ готовится плодотворная пыль; на другихъ, покороче, — тысячи плодничковъ, готовыхъ жадно подхватить эту пыль.

Мы знаемъ, что у яблони, вишни и земляники, точно также какъ и у множества другихъ растений, и плодники, и тычинки сидятъ на одномъ цвѣткѣ; у березы напротивъ, эти два органа находятся на различныхъ цвѣткахъ, хотя на одномъ и томъ же деревѣ.

Тычинковыя сережки готовятся березою еще съ осени и рано начинаютъ развиваться весною, даже раньше листьевъ. Когда же, вмѣстѣ съ душистымъ листомъ, появятся тоненькія, зеленыя плодниковыя сережки, тогда, при малѣйшемъ вѣтрѣ, съ вызрѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная, плодотворная пыль. Безчисленное множество такихъ пылинковъ слетитъ съ каждой березы на землю, но много ихъ падаетъ и на липкіе плоднички. Получивъ плодотворную пылинку, плодничокъ закрывается и начинаетъ готовить сѣмя, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждого дозрѣвшаго сѣмени березы, какъ оно ни мало, есть два крылышка, и каждое крылышко вдвое больше самого сѣмени. Осенью, когда крылатыя сѣмена дозрѣютъ и выпадутъ, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны — и несетъ далеко, далеко: такъ приспособлено каждое сѣмечко къ воздушному путешествію. Безчисленные милліоны этихъ сѣменъ, попадая на воду, на песокъ, на другія деревья, засыхаютъ и погибаютъ; но многія найдутъ себѣ удобную почву и пустятъ корешки. Впрочемъ — сѣмя березы самое неприхотливое въ выборѣ мѣста: оно можетъ пустить свой корешокъ и на крышѣ стараго дома, и на верху старинной колокольни, куда нанесло вѣтромъ нѣсколько горстей пыли. Береза, по преимуществу, сѣверная красавица, и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ еще на границахъ сибирскихъ тундръ, не вдалекѣ отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ вынести мертвящей стужи: березка гнется, ежится, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройку береза употребляется рѣдко; но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы: это потому, что въ корѣ березы или берестѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго вещества — смолы. Изъ бересты дѣлаютъ (или гонятъ) деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землю, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землею береста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу, — деготь. Берестою же, такъ какъ она, по обилію смолы, очень трудно гнѣть, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодыя, липкія почки и душистыя листья березы настаиваютъ

въ спиртѣ и приготавлиють изъ нихъ такимъ образомъ лекарство, очень полезное при порѣзахъ. Стволъ березы часто кривъ, сучковать и негоденъ для построекъ; но древесина ея бѣла, крѣпка и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлають иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается карельская береза, которая, по красотѣ и прихотливости своихъ слоевъ, цѣнится дорого столярами.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые первыми лучами солнца, побѣгутъ вверхъ, чтобъ заняться приготовленіемъ молодыхъ вѣтокъ, листьевъ и цвѣтовъ, кору березы пробуравливають и вставляютъ въ дырочку жолобокъ, по которому течетъ изъ дерева сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губять много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши. Это, конечно, очень красиво, но сколько при этомъ погибаетъ молодого лѣса!

Березъ нѣсколько породъ, изъ которыхъ мы замѣтимъ двѣ: одну кудрявую, веселую, и другую, которая, подобно плакучей ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя косы и точно роняетъ слезы: такія грустныя березки, также какъ и ивы, называютъ плакучими.

По формѣ своихъ цвѣтовъ береза причисляется къ семейству *сережчатыхъ* растений. Къ этому семейству принадлежатъ, кромѣ березы: ива, тополь, орѣшникъ, платанъ или чинаръ, растущій только въ теплыхъ климатахъ, и даже дубъ, хотя крупныя плоды его, называемыя жолудями, твердые, вырѣзные листья и крѣпкій, могучій стволъ вовсе не напоминають березы.

Ива, о которой мы будемъ еще говорить, имѣетъ, въ свою очередь, множество породъ: верба, лоза, ветла и даже кустарникъ, называемый у насъ тальникомъ, принадлежатъ къ породѣ ивъ.

Орѣшникъ уже не дерево, а рослый кустарникъ, тоже съ сережчатыми цвѣтами и съ плодами, очень хорошо знакомыми дѣтямъ.

Дубъ — могучее и полезное дерево и имѣетъ до ста различныхъ породъ. Твердое дерево дуба цѣнится дорого и употребляется для подѣлокъ, требующихъ особенной крѣпости. Жолуди дуба — любимая пища свиней. На листьяхъ его образуются часто круглыя чернильныя орѣшки. Орѣшки эти происходятъ отъ того, что одно насекомое, называемое *орѣхотворкою*, проткнувши кору дубоваго листа, кладетъ подъ нее свои яички. Чернильныя орѣшки, слѣдовательно, не плоды дерева, а болѣзненные наросты на его раненыхъ листьяхъ.

Стройный, прекрасный *тополь*, который боится морозовъ и не растетъ въ холодномъ климатѣ, имѣетъ также нѣсколько породъ: серебристый тополь, у котораго нижняя сторона листа блеститъ, какъ серебро, пирами-

дальный, вытягивающійся къ верху стройною, зеленою пирамидою, душистый и другіе.

Всѣ эти разнообразныя деревья и кустарники, по формѣ своихъ цвѣтовъ, причисляются къ одному *семейству сережчатыхъ*.

И В А.

На противоположныхъ берегахъ безъ умолку журчащаго ручья стоятъ двѣ ивы съ красноватыми, гибкими вѣтвями. Обѣ выросли изъ двухъ родныхъ сѣмечекъ, которыя когда-то сидѣли рядышкомъ въ цвѣткѣ старой ивы. Когда эти сѣмена еще спали одинъ возлѣ другаго въ одной теплой колыбелькѣ, сильный порывъ вѣтра выхватилъ ихъ оттуда и забросилъ одно сѣмечко—по эту сторону ручья, а другое—по ту. Они попали въ мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-по-малу, сдѣлались сами большими деревьями. Но не одни они были здѣсь, — вокругъ ихъ выросли и другія деревья, и двумъ роднымъ ивамъ, двумъ сестрамъ, нельзя было даже взглянуть другъ на друга; вотъ почему онѣ опустили свои вѣтви и шелестятъ такъ грусно своими плачущими листочками; вотъ почему и люди считаютъ иву за печальное дерево, часто сажаютъ ее на могилахъ уснувшихъ друзей своихъ и называютъ ее плакучею; въ-самомъ-дѣлѣ съ вѣтвей ивы скатываются, точно слезы, свѣтлыя капельки; но эти капельки приготавливаетъ не ива, а живущія на ивѣ насѣкомыя.

Однакожь и плакучая ива имѣетъ свои веселые дни. Раннею весною, когда другія деревья и кустарники еще спятъ, почки ивъ начинаютъ уже пробуждаться. Завернутыя въ темно-коричневыя чешуйки, спятъ онѣ до тѣхъ поръ на вѣтвяхъ; но едва повѣетъ теплотой весны, онѣ разрываютъ свою темницу и выглядываютъ оттуда бѣлыми и мягкими, какъ шелкъ, барашками. Барашки — цвѣты ивы; но эти цвѣты на обѣихъ ивахъ различны. На одной ивѣ барашки желтоватаго цвѣта и множество пыльниковъ выглядываетъ у нихъ изъ-за чешуекъ; а въ этихъ пыльничкахъ вырѣвается золотистая пыль. Медомъ пахнутъ эти барашки и пчелки толпою слѣзая къ нимъ позапастись душистою пищею. „Хорошо“, говорятъ пчеламъ золотые барашки: „берите себѣ медъ, Господь съ вами; но за то сослужите намъ службу: тамъ за ручьемъ растетъ родная намъ ива, слетайте къ ней, скажите ей отъ насъ — здравствуй, и снесите ей въ подарокъ, сколько можете, нашей золотой пыли.“ Золотымъ пчелкамъ такая услуга ни по чемъ: поработавши хлопотливо на ивовыхъ барашкахъ, онѣ и такъ всѣ перепачкаютъ свое мохнатое платье золотою пылью и имъ только стоитъ полетѣть къ другой ивѣ и отнести подарокъ. На другой ивѣ барашки нѣжныѣе и зеленѣе, но также пахнутъ медомъ и манятъ къ себѣ пчелокъ. Но изъ-за каждой чешуйки выглядываютъ уже не пыльники, а по два плод-

ничка съ открытыми устьицами, которыя жадно ожидаютъ золотого подарка родной сестры. Пчелки принесутъ этотъ подарокъ и вѣрно передадутъ его, кому онъ посланъ; а въ награду за посольство и здѣсь получаютъ медъ. Съ радостью принимаютъ плодниковыя барашки полярки родной, хотя далекой сестры, прячутъ ихъ и дѣлаютъ съ помощію его свои маленькія зернышки. Осенью снова налетитъ вѣтеръ, снова разнесетъ зерна, и хотя многія тысячи ихъ погибнуть, но ихъ такъ много, что какое-нибудь непременно упадетъ на плодородную землю и сдѣлается современемъ ивой. Такъ, благодаря пчелкамъ, пересылаетъ одна ива другой благотворный подарокъ.

На яблонѣ и вишнѣ тычинки и плоднички на одномъ цвѣтѣ; на березѣ — на двухъ цвѣткахъ, но на одномъ и томъ же деревѣ; на ивѣ — на двухъ разныхъ деревьяхъ: на одномъ цвѣточки съ плодничками, на другомъ съ тычинками. Ива слѣдовательно, живетъ на два дома и ее зовутъ *двудомнымъ* растеніемъ; береза растеніе *одnodомное*.

Къ двудомнымъ растеніямъ принадлежитъ и обитательница жаркихъ странъ — *финиковая пальма*, у которой, кромѣ такого расположенія цвѣтовъ на двухъ деревьяхъ, нѣтъ ничего общаго съ нашей ивой. На одной пальмѣ — плоднички, на другой — тычинки, и финики не выростутъ на первой пальмѣ и плоднички ея засохнутъ безъ плода, если услужливый вѣтеръ не принесетъ ей золотистой пыли отъ родной сестры, растущей иногда гдѣ нибудь очень далеко, за морями, за сотни верстъ.

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Всѣ наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-востоку Россіи также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья, тотъ, вѣроятно, и самъ подумалъ, что всѣ они съ родни другъ другу. Высокій, стройный ростъ, смолистая кора, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся какъ лѣтомъ, такъ и зимою, соединяютъ всѣ эти деревья въ одно семейство и въ тоже время отличаютъ ихъ отъ прочихъ деревъ. Такой лѣсъ называютъ *хвойнымъ*, потому что тонкіе острые, какъ иглы, листочки деревьевъ, его составляющихъ, называются *хвоями*. Русскій народъ любитъ свои родимыя хвойныя лѣса за то, что они въ продолженіи шестимѣсячной зимы оживляютъ, хотя нѣсколько, своею зеленью видъ пустынныхъ полей, занесенныхъ снѣгомъ, и называютъ хвойныя лѣса *красными*, т. е. прекрасными, въ отличіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревъ, на зиму теряютъ свою листву, и остаются черными, почему ихъ называютъ *чернымъ* лѣсомъ или просто *чернолѣсьемъ*. Хвойныя лѣса въ прежнія времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную полосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія, количество лѣсовъ очень поуменьшилось. Впрочемъ и теперь еще въ на-

шихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные лѣса на многія тысячи верстъ. На самомъ сѣверѣ, въ климатѣ очень холодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

Хвойные лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему прекрасныя, толстыя, длинныя, крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще и лакомство — кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ идти на постройку мачтъ на кораблѣ, называются *мачтовыми* и цѣнятся дорого.

Въ нашихъ лѣсахъ *ель* и *сосна* часто стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно: она гораздо ряснѣ сосны. Это зависитъ отъ того, что у ели между главными вѣтками вырастаетъ еще множество мелкихъ листьевъ, на которыхъ гораздо больше зеленыхъ иглъ, чѣмъ на главныхъ. Кромѣ того, иглы или листики на ели расположены по одиночкѣ, а на соснѣ всегда по два листка разомъ, основанія которыхъ обняты одною бѣловатою пленочкою. Если ель растетъ въ тѣсотѣ, между другими деревьями, то нижніе сучья ея опадаютъ; если же на свободѣ, какъ напримѣръ въ садахъ, то длинныя, нѣсколько обвисшіе къ низу, сучья ели начинаются у самой земли и идутъ пирамидой къ верху. У сосны нижніе сучья также усыхаютъ, а верхніе часто располагаются зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на сучьяхъ этотъ оттѣнокъ сильно увеличивается. По свойству древесины сосна и ель еще сильнѣе различаются: дерево сосны имѣетъ красноватый оттѣнокъ, твердо, ровно, слоисто, пропитано смолою, а потому превосходно для всякаго рода прочныхъ построекъ и даетъ жаркій и продолжительный огонь въ печи; еловая древесина бѣловата, дрябла, мягка, легко гніетъ, сучковата, а въ печкѣ сырая только трещить, а сухая сгораетъ, какъ солома, оставляя мало жару. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную; ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двадцати и болѣе сажень, и въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ діаметрѣ.

Цвѣты сосны и ели заключаются въ шишкахъ, изъ которыхъ однѣ, — тычинковыя, а другія плодниковыя. Тычинковыя длинненькія, зеленоватыя, мягкія шишки состоятъ изъ тычинокъ; а на плодниковой шишкѣ за каждой чешуйкой находятся два сѣменные гнѣздышка. Во время оплодотворенія пыль падаетъ за отвернутыя чешуйки; тогда чешуйки закрываются и почти подъ каждой начинаетъ вырѣвовать пара твердыхъ сѣменъ. Плодниковыя или сѣменные шишки на ели вырѣвываютъ въ продолженіи года, на соснѣ — въ продолженіи двухъ лѣтъ. Когда шишка дозрѣетъ, то снова рас-

крывается и изъ за чешуекъ ея выскакиваютъ сѣмена, при которыхъ есть небольшія крылышки.

Иглы свои и ель, и сосна мѣняютъ точно такъ же, какъ и лиственные деревья мѣняютъ листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество красноватыхъ, отжившихъ уже иголъ. Но тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, на хвойныхъ перемѣна эта совершается постепенно въ продолженіи цѣлаго года, и новыя хвои постепенно замѣняютъ опавшія. Вотъ почему оба эти дерева постоянно зелены. Иглы на соснѣ остаются два года, на ели — одинъ годъ.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не по парно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются вкусные орѣхи. *Лиственница* — самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягки, ярко-зеленаго цвѣта, сидятъ поодиначкѣ, какъ на ели, и на зиму опадаютъ; потому, быть можетъ, народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы; т. е. мѣняющей свои хвои, какъ лиственное дерево мѣняетъ листья. По своему пирамидальному виду, лиственница походить на ель; но древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и даже крѣпче, чѣмъ у сосны. Въ водѣ лиственница не гниетъ и потому ее употребляютъ для постройки кораблей и для свай, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ, а кора ея идетъ на выдѣлку кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и во всей Сибири.

Къ роду хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также: *пихта*, *кипарисъ*, пахучее, желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы; *можжевельникъ*, смола и ягоды котораго употребляютъ для куренія, и нѣкоторыя другія.

В Ъ Л А Я Л И Л І Я .

Бѣлая лилія, прекрасный, душистый, величественный цвѣтокъ, служащій по снѣжной бѣлизнѣ своей эмблемою чистоты, растетъ у насъ только въ цвѣтникахъ; но въ жаркомъ и сухомъ климатѣ, въ горахъ Персіи, Аравіи и Палестины, ее встрѣчаютъ и въ дикомъ состояніи. Если мы не пожалѣемъ прекраснаго растенія и выдернемъ его съ корнемъ, то увидимъ, что корни у него собственно и нѣтъ; а вмѣсто корня большая луковица желтоватаго цвѣта, вся состоящая изъ длинныхъ сочныхъ чешуекъ, наложенныхъ одна на другую. Разрѣзавъ луковицу вдоль, найдемъ, что чешуйки ея прикрѣплены къ длинному стержню. Внизу этотъ стержень выдается и, сросшись съ чешуйками, образуетъ *донце* луковицы, отъ котораго къ низу ви-

ситъ пучокъ тоненькихъ мочекъ, а къверху идетъ стебель, круглый и высокій.

Мы еще не видали луковицы и потому познакомимся съ нею поближе. Что такое луковица? ни корень, ни стебель, ни листь. Но если ужъ сравнивать ее съ знакомыми намъ частями растенія, то болѣе всего походитъ она на почку. Луковица, какъ и почка, представляетъ собраніе не вполнѣ развитыхъ листьевъ и стебля будущаго растенія. Когда луковицу посадятъ, то отъ нее пойдутъ корневья мочки въ землю, а стебель растенія потянется къверху; сама же луковица, давшая жизнь растенію, сгніетъ; но возлѣ нея образуется нѣсколько новыхъ, молоденькихъ почекъ или молоденькихъ луковицъ, изъ которыхъ каждая на будущее лѣто можетъ дать особое растеніе. Растенія, размножающіяся луковицами, называются *луковичными*. Нашъ обыкновенный лукъ есть тоже луковичное растеніе и въ луковицѣ его ясно можно видѣть, какъ чешуйки или листьа почки, что все равно, вложены одинъ въ другой. Въ луковицѣ чеснока вы можете найти между листьами маленькія луковицы или глазки.

Даже картофелина, или клубень картофеля, какъ ее называютъ, есть тоже луковица или почка; но только листочки этой почки срослись въ одну плотную массу, въ которой однако можно примѣтить отдѣльные глазки. Картофель размножается клубнями, которые садятъ въ землю или цѣлыми, или разрѣзавъ ихъ на части, но такъ, чтобы въ каждой части былъ глазокъ. Старая картофелина, выгнавъ стебель къверху, — на которомъ появятся современемъ маленькіе лиловые цвѣточки и сѣмена, — и пустивъ мочковатое корневище книзу, сама сгніетъ; но на мочкахъ корневища образуется множество новыхъ клубней.

Лукъ, чеснокъ и картофель полезны человѣку своими луковицами; но морковь, рѣпа, свекла, рѣдька, полезны своими корнями, почему эти послѣднія растенія и называютъ растеніями *корнеплодными*. Картофель же и лукъ нельзя назвать корнеплодными растеніями. Корнеплодные растенія размножаются не корнями, а сѣменами, вызрѣвающими на стебляхъ: сѣмя, посаженное въ землю, даетъ толстый мясистый корень книзу, иногда длинный, какъ у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, какъ у брюквы и рѣпы, а къверху выгоняетъ небольшой пучокъ листьевъ, называемый ботвою. Въ первый годъ на листьвѣ, или ботвѣ, вы не найдете ни цвѣтовъ, ни сѣменъ; но если на другой годъ вы посадите корень моркови, свеклы или рѣпы, то онъ дадутъ уже цвѣтъ и сѣмена. На всякомъ большомъ огородѣ вы встрѣтите нѣсколько такихъ корнеплодныхъ растеній, посаженныхъ на сѣмена и, пожалуй, по незнанію, можете принять ихъ за какія-нибудь другія, неизвѣстныя вамъ растенія.

Но возвратимся къ нашей бѣлой лиліи. Стебель лиліи подымается ар-

шина на полтора въ вышину и отъ него идутъ листья во все стороны, которые внизу широки и довольно круглы; но чѣмъ выше, тѣмъ уже и острѣе. На верхушкѣ лилейнаго стебля появляется нѣсколько большихъ, бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, на коротенькихъ цвѣточныхъ ножкахъ. У цвѣтовъ лиліи нѣтъ чашечки, а только бѣлая коронка, или вѣнчикъ, состоящая изъ шести большихъ лепестковъ, красиво отогнутыхъ назадъ. По числу листьевъ, составляющихъ цвѣточный покровъ, бываетъ въ лиліи и шесть тычинокъ съ желтыми большими пыльниками. Тычинки эти въ основаніи своемъ прикрѣплены къ листьямъ вѣнчика; плодникъ же занимаетъ середину цвѣтка. Завязь плодника представляетъ коробочку съ тремя внутренними гнѣздышками: въ каждомъ гнѣздышкѣ вызрѣваетъ по нѣскольку желтыхъ сѣменъ. Но изъ сѣменъ трудно выростить лилію: гораздо скорѣе разводится она луковицами.

КОНОПЛЯ, ЛЕНЬ И ХЛОЧАТНИКЪ.

Кто бывалъ въ деревнѣ, тотъ вѣрно замѣтилъ на огородахъ высокое растеніе, извѣстное подъ именемъ конопли. Конопля растетъ густо, довольно толстыми стеблями, аршина въ два съ половиною вышины; она издаетъ особенный, очень сильный запахъ; любитъ жирную землю, а потому ее сѣютъ преимущественно на огородахъ, гдѣ земля гораздо болѣе удобрена, чѣмъ на поляхъ. Кто не видалъ самой конопли, тотъ вѣрно видалъ по крайней мѣрѣ конопляное сѣмя, которымъ кормятъ канареекъ и другихъ маленькихъ плѣнницъ нашихъ клѣтокъ. Конопляное сѣмя вызрѣваетъ на коноплѣ, помѣщаясь на верхушкѣ стеблей кистями. Оно такъ маслянисто, что изъ него выдѣлывается большое количество постнаго масла. Стебли конопли бываютъ двоякаго рода: одни съ плодничками, въ которыхъ вызрѣваютъ сѣмена; другіе, на которыхъ сѣмянъ не бываетъ, съ тычинковыми цвѣтками. Конопля, слѣдовательно, есть растеніе двудомное. Плодниковые стебли собственно и зовутся коноплею, а тычинковые называются посконью или замашкой. Посконь совершенно созрѣваетъ послѣ обсѣмененія растенія, когда на плодниковыхъ стебляхъ конопляное зернышко только-что начинаетъ наливаться; а потому *посконь берутъ*, т. е. выдергиваютъ изъ земли, гораздо ранѣе конопли и, выдергивая, машутъ ею по воздуху, чтобы разсыпать изъ тычинокъ на плодники остальную плодотворную пыль, почему посконь и зовутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *замашкою*. Изъ поскони приготовляются веревки и самый грубый холстъ.

Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, тогда начинаютъ *брать* коноплю, т. е. выдергивать ея стебли изъ земли и связывать ихъ въ небольшіе пучки. Просушивъ на солнцѣ пучки конопли, выколачиваютъ изъ нихъ сѣмена или просто отрѣзываютъ снизу корни, а сверху кисти съ сѣ-

менами, оставляя одни стебли, для выдѣлки изъ нихъ *пеньки*. Приготовленную такимъ-образомъ коноплю кладутъ въ рѣчку или въ прудъ, недалеко отъ берега, такъ однако, чтобы она вся покрылась водою; а для того, чтобы ее не унесло течениемъ, то накладываютъ на нее сверху камни или бревна и оставляютъ въ такомъ положеніи недѣли на двѣ. Это называется *мочить пеньку*. Для мочки обыкновенно выбираютъ неглубокія мѣста въ рѣчкахъ или въ прудахъ и притомъ такія, которыя наиболѣе освѣщены солнцемъ. Мочатъ коноплю за тѣмъ, чтобы размочить въ водѣ клейкое вещество, которымъ стебель пропитанъ, и отдѣлить полезный, тягучій *лубъ* отъ коры, лежащей сверху, и сердцевины, лежащей внутри. Только изъ волокнистаго и мягкаго луба конопли и можетъ быть приготовлена пенька. Когда найдутъ, что конопля довольно размочена и что волокна ея отдѣляются легко, тогда вынимаютъ ее изъ воды и ставятъ снова *сушиться на солнцѣ*. При мочкѣ и при сушкѣ конопля издаетъ сильный, тяжелый и даже вредный запахъ. Когда конопля высохнетъ, тогда сердцевина ея растирается и разсыпается легко, а тонкія и крѣпкія *волокна*, составляющія лубъ, легко раздѣляются между собою. Высушивъ коноплю, начинаютъ ее *мать* весьма нехитрою машиною, которой все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы искрошить высохшія сердцевину и кору конопли и отдѣлить ихъ прочь. Помявъ пеньку, начинаютъ ее трепать и расчесывать, стараясь, чтобы ея длинныя и тонкія волокна не путались и раздѣлились, по возможности, тоньше. Чѣмъ лучше очищены волокна пеньки и чѣмъ тоньше они, — тѣмъ пенька лучше и тѣмъ тоньше холстъ можно изъ нея сдѣлать. Изъ грубой, худо очищенной, толстой пеньки вьютъ веревки и канаты и ткуютъ грубую дерюгу; изъ тонкой, мягкой пеньки выдѣлываютъ дорогія полотна и тончайшій батистъ.

Для льна не нужно такой жирной земли, какъ для пеньки, а потому его сѣютъ на поляхъ. Ленъ растетъ гораздо ниже пеньки; но стебельки его тоньше, а чтобы стебли льна были, какъ можно, тоньше и длиннее, его сѣютъ густо. Ленъ цвѣтетъ маленькими лиловыми цвѣточками; а маслянистыя, маленькія сѣмена его вызрѣваютъ въ плодниковыхъ коробочкахъ. Его также берутъ осенью и почти такъ же мочатъ и обрабатываютъ, какъ пеньку. Изъ сѣменъ льна также можно выдѣлывать масло.

Когда такимъ образомъ обработаютъ пеньку или ленъ, тогда начинаютъ ихъ прядь на прялкахъ или машинами, и готовятъ нитки, изъ которыхъ уже выдѣлывается полотно. Нитки суть ничто иное, какъ спученныя волокна конопли или льна. Если присмотрѣтся къ куску даже самаго плотнаго полотна или тончайшаго батиста, то сейчасъ же можно замѣтить, что они состоятъ изъ нитокъ, переплетенныхъ между собою крестъ-накрестъ.

Приготовленіемъ полотна изъ нитокъ занятаются ткачи. Они ткуть полотно на своихъ станкахъ, которые и называются ткацкими станками.

Выходя изъ рукъ ткача, полотно имѣетъ сѣрый цвѣтъ и его надобно еще выбѣлить. Бѣлятъ полотно очень просто, его разстилаютъ на лугу, гдѣ постоянно бываетъ солнце, и время отъ времени смачиваютъ водою, не давая полотну совершенно высохнуть. Солнце, постоянно высушивая смоченное полотно, т. е. вытягивая изъ него испаряющуюся воду, отдѣляетъ вмѣстѣ съ нею частицы, дающія полотну сѣрый цвѣтъ, и дѣлаетъ его бѣлымъ, какъ снѣгъ.

Изъ льна и пеньки дѣлается много различныхъ предметовъ: нитки, веревки, канаты, полотна самой разнообразной доброты и цѣны, парусина, батистъ, достигающій поразительной тонины, салфетки и скатерти. Полотно называется также холстомъ, хотя подъ именемъ холста чаще разумѣютъ ткани, сдѣланныя изъ льна. Лучшими полотнами за границей считаются голландскія и ирландскія, а у насъ ярославскія.

Въ Россіи много производится льна и пеньки. Лучшимъ льномъ считается *псковскій*. Много льна и пеньки отправляется отъ насъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ требуется много пеньки для выдѣлки парусовъ, а также веревокъ и канатовъ для корабельныхъ снастей; потому-что въ Англіи кораблей больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Ситець также матерія, употребляемая для одежды; но дѣлается не изъ пеньки и не изъ льна, а изъ *хлопчатой бумаги*, которую также прядутъ и ткуть. Хлопчатая бумага добывается изъ растенія, называемаго *хлопчатникомъ*. Это кустистое растеніе теплыхъ климатовъ. Въ большихъ плодникахъ его цвѣтовъ лежатъ маслянистыя зерна, завернутыя въ длинные мягкіе волосы бѣлаго, а иногда слегка желтоватаго цвѣта. Когда сѣмена совершенно созрѣютъ, коробочка хлопчатника трескается, чему помогаютъ сами упругія волокна *хлопка*: такъ называютъ эти бѣлыя нити. Съ одного куста собирается иногда до двухъ фунтовъ хлопка, что по объему очень много, такъ какъ хлопокъ чрезвычайно легокъ. Тотъ-то хлопокъ и передѣлывается въ нитки, а потомъ въ матеріи разнаго рода, которыя потому и называются хлопчатобумажными матеріями. Сѣмена хлопчатника идутъ въ пищу, или для выдѣлки изъ нихъ масла. Хлопчатобумажныхъ матерій, которыя отлично принимаютъ различныя краски, множество, и хлопчатникъ одѣваетъ гораздо большее число людей, чѣмъ ленъ и пенька. Разсчитываютъ, что хлопка производится ежегодно на 500 милліоновъ рублей серебромъ; наибольшее количество его выдѣлывается въ Америкѣ, Индіи и Китаѣ. Многія тысячи фабрикъ и милліоны работниковъ занимаются передѣлкою хлопка въ хлопчатобумажныя ткани, хотя его и прядутъ и ткуть очень искусными машинами.

На одежду человекъ употребляетъ еще сукно. Сукно дѣлается уже не изъ растений, но изъ овечьей шерсти, которую остригаютъ у овецъ, моютъ, чешутъ и потомъ также прядутъ и ткутъ. Изъ шерсти приготавливаютъ многія шерстяныя матеріи.

Шелковыя матеріи дѣлаются, какъ мы уже знаемъ, изъ шелку; а шелкъ дѣлаетъ шелковичный червякъ на шелковичныхъ деревьяхъ.

ОДУВАНЧИКЪ.

Признайтесь откровенно, сколько вы въ недолгій вашъ вѣкъ истребили одуванчиковъ? Сколько сорвали и разогнали по вѣтру тѣхъ пушистыхъ и бѣлыхъ шаровъ, которые появляются среди лѣта вездѣ, гдѣ только есть клочекъ земли, способный выростить какую нибудь травку, въ саду, на зеленой каймѣ цвѣтника, на лугу, по крайнѣ поля, засѣяннаго хлѣбомъ, даже посреди дороги, на тѣхъ узкихъ полоскахъ, которыя оставило нетронутыми колесо крестьянской телѣги, пробираясь по глубокой колеѣ? Сколько сорвали вы для вѣнковъ и цвѣточныхъ цѣпочекъ тѣхъ желтыхъ цвѣточковъ съ полными, яркими головками и пустыми въ срединѣ, дудчатыми ножками, бѣлый сокъ которыхъ оставлялъ темныя пятна на вашихъ рукахъ и вашемъ платьѣ? Много, очень много! Много также вы потоптали зеленыхъ листьевъ одуванчика, почти стелющихся по землѣ, съ большими зубцами по краямъ, съ розовой жилкой по срединѣ; но, можетъ быть, до сихъ поръ не обратили вниманія даже на то, что бѣлый, пушистый шаръ, яркій желтый цвѣтокъ и пучекъ вырѣзныхъ листьевъ принадлежатъ одному и тому же растенію; можетъ быть не замѣтили даже, что дудчатая ножка выростаетъ изъ средины этого пучка листьевъ, а пушистый бѣлый шаръ дѣлается изъ желтаго цвѣтка; а между тѣмъ это явленіе, повторяющееся передъ вашими глазами въ тысячахъ экземпляровъ стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ ближе.

Сорвемъ же еще одинъ изъ желтыхъ цвѣточковъ одуванчика и поищемъ въ немъ тѣхъ частей, которыя нашли въ вишневомъ цвѣткѣ: чашечки, вѣнчика, тычинокъ съ пыльниками, и плодничка со столбикомъ и рыльцемъ. Всѣ эти части цвѣтка также находятся у одуванчика. Но будьте осторожны! Этотъ простой цвѣточекъ устроенъ очень хитро и можетъ ввести васъ въ ошибку. Съ перваго взгляда можно подумать, что эти зеленые листья, обнимающіе исподъ цвѣтка, изъ которыхъ нижніе нѣсколько отворочены, составляютъ вѣнчикъ, а эти желтые лепестки, которыхъ такъ много на цвѣткѣ и изъ которыхъ каждый книзу сросся въ трубочку, а кверху вытянутъ ленточкой, что всѣ эти желтые листики вмѣстѣ составляютъ вѣнчикъ цвѣтка. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ будутъ тычинки съ пыльниками и плодничокъ съ завязью? Оборвемъ же съ цвѣтка

всѣ желтыя трубочки съ тѣмъ, что находится въ срединѣ ихъ, — всѣ, кромѣ одной, которую оставимъ для того, чтобы разсмотрѣть ее было удобнѣе. Теперь разорвемъ же полегоньку и эту послѣднюю желтую трубочку и мы увидимъ скрывающійся въ ней плодничекъ, воткнутый острымъ концемъ въ плоское, круглое донце цвѣтка, на которомъ сидѣли всѣ желтые, сорванные нами лепестки. На верхушкѣ завязи найдемъ маленькую кисточку, состоящую изъ тончайшихъ волосковъ, поднятыхъ къверху. Отъ завязи, изъ середины кисточки, подымается вверхъ желтый лепестокъ и внутри его столбикъ, очень тонкій, но раскрывающійся наверху рыльцемъ въ видѣ двухъ еще болѣе тоненькихъ, книзу закрученныхъ ниточекъ. Разсмотрѣвъ этотъ столбикъ, мы замѣтимъ, что его, не доходя до рыльца, плотно обнимаютъ вокругъ пять, тонкихъ, какъ ниточки, тычинокъ, которыя вверху срослись кольцомъ, а внизу расходятся и прикрѣплены къ трубочкѣ желтаго лепестка съ ея внутренней стороны. Если осторожно выдернуть столбикъ, то останется трубочка, посреди которой онъ сидѣлъ, состоящая изъ тычинокъ. Мы нашли завязь, нашли у нея столбикъ и рыльце, нашли тычинки, и, безъ сомнѣнiя, угадаемъ, что сама желтая трубочка, переходящая наверху въ ленточку, — есть вѣнчикъ этого маленькаго цвѣтка, состоящiй не изъ пяти лепестковъ, какъ у вишни, но изъ одного свернутаго въ трубочки. Впрочемъ, разсматривая подробнѣе этотъ вѣнчикъ, ботаники нашли, что онъ также сросся изъ пяти листиковъ, что показываютъ оставшіяся на немъ полоски. Но гдѣ же чашечка этого маленькаго отдѣльнаго цвѣтка. Ботаники считаютъ за эту чашечку хохолокъ или кисточку, которая обнимаетъ вѣнчикъ снизу. Вотъ и всѣ части цвѣтка; но какъ онѣ странно расположены! вовсе не такъ, какъ у вишни: завязь снизу, чашечка и вѣнчикъ надъ нею; сверху.

Когда одуванчикъ отцвѣтетъ, тогда вѣнчикъ съ каждаго его цвѣточка, завянувъ, спадетъ, верхняя часть пестика съ рыльцемъ также отвалится, а нижняя, съ кисточкой наверху, вытянется: кисточкѣ станетъ посвободнѣе и она развернется пушистымъ хохолкомъ, а всѣ хохолки вмѣстѣ составятъ тотъ бѣлый пушистый шаръ, какимъ является одуванчикъ, послѣ обѣмененiя. Завязь, превратившаяся въ плодъ одуванчика, съ зрѣлымъ сѣмечкомъ внутри, едва держится своимъ острымъ концемъ въ мягкомъ донцѣ цвѣтка: подуетъ вѣтеръ, и плоды одуванчика, окрыленные легкими хохолками, понесутся по воздуху и, гдѣ воткнутся въ землю, тамъ на будущій годъ, если что нибудь не помѣшаетъ, выростетъ новый цвѣтокъ, новый одуванчикъ.

Всѣ крылатые, плоды одуванчика разлетѣлись во всѣ стороны: что же отъ него осталось? Какой странный видъ имѣетъ теперь обнаженный цвѣтокъ! На дудчатой ножкѣ его торчитъ какая-то бѣлая, мягкая, вы-

пуклая подушечка со множествомъ черненькихъ точекъ, показывающихъ мѣста, гдѣ были воткнуты острые носики завязей: точно рабочая подушка швеи, изъ которой повысыпались иголки. Это и есть общее донце всѣхъ цвѣтовъ одуванчика, изъ которыхъ каждый имѣлъ всѣ части цвѣтка и выросилъ сѣмя, улетѣвшее теперь, быть можетъ, далеко. Такимъ образомъ, мы видимъ, что желтый одуванчикъ не одинъ цвѣтокъ, какъ напримѣръ цвѣтокъ вишни, яблони, тюльпана или колокольчика, но цѣлое собраніе цвѣтовъ, сидящихъ на одномъ общемъ донцѣ, — цѣлая корзинка цвѣтовъ. Такія растенія, у которыхъ на одномъ общемъ донцѣ бываетъ множество цвѣтовъ, — называются *сложноцвѣтными* растеніями; таковы: ярко-синіе васильки, желтые, большіе подсолнечники, красивыя астры.

Но что это за зеленые листочки, составляющіе исподъ подушечки? — Одни изъ нихъ обнимаютъ ее плотно, другіе отвернулись внизъ. Мы сочли было ихъ за чашечку одуванчика; но теперь, зная что въ одуванчикѣ цвѣтковъ много и что каждый изъ нихъ имѣетъ свою чашечку, рѣшительно не понимаемъ, что это за общая чашечка цвѣтка. Ботаникъ выводитъ насъ изъ недоумѣнія, доказывая, что эти зеленые листья, обнимающіе донце сложнаго цвѣтка, — не чашечка, а дѣйствительно листья, хотя и непохожіе на тѣ, зубчатые, которые у одуванчика почти лежатъ на землѣ. Листочки, появляющіеся у иныхъ растеній не на стеблѣ, гдѣ обыкновенно бывають листья, а на цвѣточной ножкѣ, какъ, напримѣръ, у фіялки и иногда подъ самымъ цвѣткомъ, какъ у одуванчика или подсолнечника, называются *прицвѣтниками*. У василька, напримѣръ, изъ такихъ листьевъ — прицвѣтниковъ, составляется та чешуйчатая красивая корзинка, изъ которой выходятъ ярко-синіе, зубчатые колокольчики прекраснаго цвѣточка.

Спустимся теперь внизъ по цвѣтку. Ножка, на которой держится цвѣтокъ и которая потому называется цвѣточной ножкою, гораздо длиннѣе у одуванчика, чѣмъ у вишни, пуста въ серединѣ и идетъ почти изъ самой земли, изъ середины пучка зубчатыхъ листьевъ. Самое растеніе, пускающее цвѣточную ножку и у самой земли зубчатые листья кверху, а толстый, крѣпкій корень книзу, скрыто въ землѣ. Цвѣточная ножка торчитъ еще нѣсколько времени по обрѣженіи цвѣтка, но потомъ падаетъ и сгниваетъ; вянуть также и листья, но маленькое растеніе съ толстымъ, почти прямымъ корешкомъ, уходящимъ довольно глубоко въ землю, остается и весною даетъ новыя ножки съ цвѣтами и новый пучекъ зубчатыхъ листьевъ.

Бѣлый сокъ одуванчика, оставляющій темныя пятна на вашихъ рукахъ, также замѣчательнъ. Наберите побольше этого сока въ тарелку и черезъ нѣсколько дней вы замѣтите на немъ пѣнку; возьмите эту пѣнку меж-

ду пальцами и почувствуете какъ она упруга: точна резина. Это она и есть; но только резины изъ одуванчиковъ никто не добываетъ, а добываютъ ее изъ сока особыхъ деревьевъ, растущихъ въ жаркихъ странахъ. Изъ древеснаго сока добывается и гутта-перча, изъ которой теперь дѣлаютъ столько прекрасныхъ вещей.

Вотъ сколько новаго расскажетъ намъ одуванчикъ, если мы съумѣемъ съ нимъ заговорить. Но чтобъ понимать рѣчь природы, должно много учиться: для человѣка же необразованнаго все нѣмо вокругъ.

РАЗМНОЖЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какимъ множествомъ разнообразнѣйшихъ растений природа ежегодно украшаетъ землю! На самомъ маленькомъ пространствѣ, — какое разнообразіе видовъ и красокъ! Не менѣе можно удивляться быстротѣ, съ которою природа закрываетъ растениями каждое пустое мѣсто, кусокъ незанятаго поля или заброшенной дороги, голую скалу, даже стѣны и кровли, и сѣетъ траву и цвѣты, деревья и кустарники вездѣ, гдѣ окажется хотя горсть плодородной земли. Мы видимъ это безпрестанно, но не обращаемъ вниманія на это замѣчательное явленіе, потому-что привыкли смотрѣть на него съ дѣтства. Величайшая мудрость Создателя проявляется въ самыхъ простыхъ и естественныхъ явленіяхъ, которыхъ не замѣчаютъ именно потому, что они такъ просты и естественны.

Большая часть растений обладаетъ удивительною силою размноженія. Растеніе, извѣстное подъ именемъ табаку, приноситъ ежегодно до 40,000 зернышекъ. Дубъ живетъ болѣе пяти сотъ лѣтъ: положимъ, что въ это время онъ принесетъ желуди только 50 разъ и дастъ каждый разъ до 500 желудей, что составитъ 25,000 желудей, а изъ cadaго можетъ вырости цѣлое дерево. Если теперь предположить, что эти деревья также будутъ приносить желуди, а изъ желудей будутъ выростать дубы, то скоро число дубовъ надобно будетъ считать сотнями милліоновъ. Такая сила размноженія объясняетъ, откуда берется безчисленное множество растений, покрывающихъ землю.

Если бы каждое зернышко, отдѣляясь отъ родимаго растенія, падало тутъ же на землю и оставалось лежать тамъ, гдѣ упало, то подъ каждымъ растеніемъ набралась бы куча зеренъ и ни одно изъ нихъ не могло бы пустить корней въ землю и прорости. Но Богъ своею премудростію устроилъ дѣло иначе. Многія зернышки, какъ только созрѣютъ, такъ и разносятся въ разныя стороны: они такъ малы и легки, что малѣйшее движеніе вѣтра уноситъ ихъ далеко. Зернышки нѣкоторыхъ растений снабжены примѣтными перышками, которыя помогаютъ имъ летать. Такія перышки, или пухъ, бываютъ на примѣръ на одуванчикѣ, который дѣти любятъ раздувать, помо-

гая такимъ образомъ разсѣянію его сѣменъ. Когда шишка сосны созрѣваетъ вполне, то она трескается и зерна разсыпаются изъ нея во всѣ стороны. У степной травы, ковыля, къ каждому острому зернышку прикрѣпленъ длинный, пушистый и легкій хвостикъ, и вѣтеръ несетъ созрѣвшій ковыль (перекати-поле) за сотни верстъ.

Когда осенью вѣютъ постоянные, сильные вѣтры, на которые мы часто жалуемся, то не должно забывать, что осенью именно созрѣваютъ сѣмена растений, и что вѣтеръ дѣлаетъ то же самое, что и пахарь, когда онъ, выйдя на поле, раскидываетъ полною горстью сѣмена ржи. Припомните также, что именно въ это время дожди размачиваютъ землю и дѣлаютъ ее способною принять въ себя сѣмена растений. Такъ все служитъ одно другому въ великомъ созданіи Божиемъ, и нельзя не видѣть, что вся природа есть твореніе одного всеобъемлющаго ума. Тотъ, кто повелѣлъ растениямъ производить сѣмена, тотъ же посылаетъ вѣтеръ, когда эти сѣмена созрѣютъ и даетъ дожди, чтобы растворить землю.

Но этого мало: многія птицы и животныя способствуютъ, сами того не зная, размноженію растений. У многихъ сѣмянъ есть цѣпкіе крючечки, которыми они прицѣпляются къ животнымъ, даже къ платьямъ людей, и разсѣваются въ самыя отдаленныя мѣста. Другія сѣмена такъ тверды, что остаются неперевавленными въ желудкѣ птицъ и такимъ образомъ появляется, напр., вишневое дерево гдѣ-нибудь на верхушкѣ старой башни. Есть и такія сѣмена, которыя, попадая въ рѣку, уносятся въ море и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не прибьетъ къ берегу, гдѣ они начинаютъ проростать. Конечно, множество сѣмянъ пропадаетъ даромъ, только удобряя землю (потому-что ничто въ природѣ совершенно даромъ не пропадаетъ); множество служитъ пищею для животныхъ и людей, но за то каждое растеніе приноситъ такъ много сѣмянъ, что если тысячная доля изъ нихъ произрастетъ, то и того достаточно, чтобы покрыть землю растениями. Такимъ образомъ, все въ природѣ, облака и дождь, вѣтеръ и буря, птицы и звѣри, содѣйствуетъ распространенію растений, повинуваясь волѣ Всемогущаго Создателя.

ОТДѢЛЪ V.

ТѢЛА НЕОРГАНИЧЕСКІЯ.

КРЕМЕНЬ.

Всѣ мы знаемъ, что кремень есть *камень* и притомъ очень *твердый* камень, который трудно раздробить на части. Края кремня могутъ быть иногда такъ остры, что ими можно рѣзать дерево и даже проводить черточки на стеклѣ, которое нельзя разрѣзать ножомъ, а только самымъ твердымъ камнемъ — алмазомъ.

Кремень находятъ иногда очень большими кусками, которые бывають покрыты известковой корой. Цвѣта кремень бываетъ различнаго: иногда сѣрый, желтоватый, иногда совершенно бѣлый, иногда черный, часто *дымчатый* съ полосками. Въ тоненькихъ пластинкахъ бѣлый кремень очень прозраченъ, и его, какъ мы узнаемъ послѣ, употребляютъ для выдѣлки прозрачнаго стекла; даже совершенно черный кремень и тотъ пропускаетъ свѣтъ, когда полоски его тонки. Поверхность кремня гладка и блеститъ; если потереть кремень, то онъ издаетъ особенный, ему свойственный слабый запахъ. Вкуса кремень не имѣетъ никакого, потому-что не распускается въ водѣ.

При ударѣ сталью о кремень выскакивають искры. Если нѣсколько времени *высѣкать* искры стальнымъ огнивомъ, то сталь сотрется; а если мы положимъ бѣлый листъ бумаги и надъ нимъ станемъ высѣкать огонь, то увидимъ на бумагѣ маленькіе кусочки перегорѣвшей стали. Искра слѣдовательно ничто иное, какъ кусочикъ стали, раскалившійся до-красна отъ сильнаго удара по кремню. Отъ сильнаго удара и тренія не одна сталь нагрѣвается. Двѣ палки можно тереть одна о другую до того, что обѣ загорятся. Если ударить нѣсколько разъ молоткомъ по гвоздю, то можно ощупать осязаніемъ, что шляпка гвоздя и молотокъ нагрѣваются. Неподмазанное колесо, при скорой ѣздѣ, до того трется объ ось, что изъ обоихъ идетъ дымъ и оба могутъ загорѣться. Но чѣмъ тверже тѣла, тѣмъ отъ тренія ихъ происходитъ болѣе тепла. Вотъ почему, чтобы высѣчь огонь, бьютъ по кремню не желѣзомъ, а сталью, которая гораздо тверже желѣза.

Кремень, какъ и другіе камни, выкапывается изъ земли, а потому и называется предметомъ *ископаемымъ*.

ГЛИНА И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ДѢЛАЕТСЯ.

Глина такой необходимый, полезный для человѣка матеріалъ, что Создатель щедро распространилъ его почти на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара. Глина составляетъ одну изъ главнѣйшихъ частей той земли, по которой мы ходимъ. По большей части она бываетъ съ чѣмъ-нибудь смѣшана, въ особенноти съ пескомъ, и въ чистомъ видѣ находится довольно рѣдко. Она непрозрачна, не имѣетъ того блеска, которымъ отличаются желѣзо, золото, мѣдь и другія металлы, и той твердости, которою отличается кремень, булыжникъ и другія камни, хотя во многихъ камняхъ она бываетъ главною частію. Чаще всего попадаетъ глина желтовато-сѣраго цвѣта и рѣже глина голубая и бѣлая.

Одно изъ главныхъ свойствъ глины заключается въ томъ, что она очень любитъ воду, жадно впитываетъ ее въ себя и въ смѣшеніи съ водою дѣлается мягкою и лѣпкою; а когда высохнетъ, т. е. когда вода отъ тепла превратится въ паръ и улетитъ въ воздухъ, то глина твердѣетъ, какъ камень, и даже трескается. Это свойство глины подало людямъ мысль приготовить изъ нея кирпичъ, черепицу и различную посуду.

Кирпичъ изъ глины дѣлаютъ очень просто. Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ бы по близости можно было найти въ землѣ глину, песокъ и воду, и устрояютъ на немъ кирпичный заводъ, состоящій изъ сарая, съ одною крышею безъ стѣнъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ подъ нимъ продувать свободно, и большой печи, въ которой можно было бы обжигать кирпичъ. Возлѣ сарая вырываютъ неглубокую яму, перемѣшиваютъ глину, песокъ и воду или лопатами, или ногами, а иногда лошадьми, заставляя ихъ топтаться въ такой ямѣ. Послѣ того накладываютъ глину въ формы въ родѣ деревянныхъ ящичковъ, открытых сверху; палкой снимаютъ то, что оказывается лишнимъ, и выкладываютъ изъ формы на доску уже сырой кирпичъ или сырецъ; словомъ, дѣлаютъ почти то же, что и маленькія дѣти, когда они лѣпятъ изъ песку различныя штучки, съ тою только разницею, что формочки, надѣланныя дѣтьми изъ песку, чѣмъ болѣе высыхаютъ, тѣмъ легче разсыпаются а глина, напротивъ, чѣмъ становится суше, тѣмъ дѣлается тверже. Налѣпивъ такимъ образомъ цѣлую доску будущихъ кирпичей, раскладываютъ ихъ осторожно подъ крышею сарая, гдѣ они не могутъ размокнуть отъ дожда и гдѣ въ то же время ихъ со всѣхъ сторонъ хорошо прохватываетъ вѣтромъ. Искусный и прилежный работникъ въ одинъ день можетъ наработать такихъ, еще мягкихъ, кирпичей болѣе тысячи.

Давши хорошенько просохнуть кирпичамъ, ихъ складываютъ потомъ въ большую печь, которая устроивается такъ, что внизу есть у нея нѣсколько топокъ, куда кладутъ дрова, а сверху на кирпичномъ днѣ съ отверстіями,

пропускающими пламя, кладутъ въ нѣсколько рядовъ кирпичи ребрами, такъ чтобы между ними могъ свободно проходить огонь. Затопивъ печи, понемногу начинаютъ усиливать огонь, и когда увидятъ, что кирпичи уже достаточно обожжены, то такъ же постепенно начинаютъ уменьшать огонь, и наконецъ совершенно его тушатъ. Отъ дѣйствія жара кирпичъ окончательно высыхаетъ, дѣлается краснымъ, звонкимъ и, сравнительно съ сырцомъ, легкимъ, потому-что отъ него отдѣлилась вода. Чѣмъ лучше обожженъ кирпичъ, тѣмъ менѣе онъ напитывается водою и тѣмъ прочнѣе. Изъ кирпичей строятъ каменные дома, каменные мосты, церкви; изъ кирпичей выстроены громадныя города, въ которыхъ живутъ миллионы людей.

Глиняную посуду лѣпить тоже не очень трудно и вы скоро поймете эти производство, если заглянете въ мастерскую горшечника. Изъ особенной тонкой бѣлой глины, называемой фарфоровою, которая попадаетъ очень рѣдко, дѣлаютъ дорогую фарфоровую посуду. У насъ фарфоровая глина находится въ Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ уѣздѣ.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

Соль есть единственный минераль, употребляемый человѣкомъ въ пищу; въ лекарствахъ же употребляются нѣкоторыя другіе. Она не только улучшаетъ вкусъ многихъ блюдъ, но полезна и даже необходима для здоровья; кромѣ-того, солью же сохраняютъ въ прокъ мясо, сало, рыбу, птицъ, грибы, огурцы и многія другія органическія тѣла.

Какого цвѣта соль — вы это знаете; но по цвѣту трудно отличить ее отъ сахара, за то по вкусу мы можемъ узнать вездѣ присутствіе соли. Соль совершенно распускается въ водѣ, причемъ вода пріобрѣтаетъ соленый вкусъ. Но вода не можетъ распустать въ себѣ сколько угодно соли, а только опредѣленное количество, смотря по количеству самой воды, и если переложить соли, то вода перестанетъ ее распустать, или, какъ говорится, *насытится* солью.

Но, распустивъ соль въ водѣ, можно снова добыть ее оттуда: стоитъ только воду, насыщенную солью, кипятить до-тѣхъ-поръ, пока вся вода, превращаясь постепенно въ паръ и улета въ воздухъ, выкипитъ; соль останется тогда на днѣ сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставте его куда нибудь на нѣсколько дней: вода мало-по-малу испарится, а на днѣ блюдечка появится множество маленькихъ шестигранныхъ кристаликовъ, у которыхъ всѣ шесть площадокъ равны между собою и которыя потому называются *кубиками*. Соляныя кристаллы прозрачны и блестятъ.

Такъ какъ соль можетъ быть въ твердомъ и въ жидкомъ видѣ, то ее добываютъ, или выкапывая изъ земли, какъ множество другихъ камней и

металловъ, или доставая изъ водъ, насыщенныхъ солью, или изъ озеръ, въ которыхъ соль осѣдаетъ на дно кристаллами. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ морѣ вода вездѣ, хотя не въ одинаковой степени, напитана солью; но въ морской водѣ, кромѣ соли, есть и другія примѣси, такъ что вкусъ этой воды горько-соленый и она для питья негодится.

Твердую, каменную соль добываютъ у насъ въ Илецкой-Защитѣ (въ Оренбургской губерніи). Кромѣ того у насъ есть множество озеръ, въ которыхъ соль толстыми пластами осѣдаетъ на дно, откуда ее и достаютъ. Самое большое изъ такихъ озеръ, Ельтонъ, находится въ Саратовской губерніи. Есть у насъ и соляные источники, вода которыхъ пріобрѣтаетъ соль, пробираясь въ глубинѣ земли между пластами каменной соли: изъ такой воды соль вываривается въ *соляныхъ варницахъ*.

С Ъ Р А.

Желтая сѣра принадлежитъ также къ минеральному царству и добывается изъ нѣдръ земли въ чистомъ видѣ, или въ смѣшеніи съ другими минералами. Она легко плавится и не нужно большаго огня, чтобъ дать ей жидкій видъ. При охлажденіи сѣра, равно какъ и соль, принимаетъ форму кристалловъ; но только эти кристаллы уже не кубики, а двѣ четырехстороннія пирамидки, сложенные основаніями. Въ водѣ сѣра не распускается и потому вкуса не имѣетъ; но запахъ, хотя слабый, издаетъ, особенно если ее сильно потереть рукой. Ломается сѣра очень легко; въ водѣ тонетъ, слѣдовательно, тяжелѣе воды; въ огнѣ сильно горитъ голубымъ пламенемъ и даетъ смрадныя и удушливыя пары, которые, попадая въ легкія, возбуждаютъ сильный кашель.

Сѣра употребляется въ нѣкоторыхъ производствахъ: для сѣрныхъ спичекъ, для приготовленія пороха, въ которомъ она смѣшивается съ селитрою и углемъ, а также и въ лѣкарствахъ.

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА.

Мы такъ привыкли пользоваться стекломъ, что не можемъ себѣ представить, какъ жили люди, не зная его употребленія. Безъ зеркалъ можно было бы еще обойтись; прекрасную стеклянную посуду можно было бы замѣнить глиняною; но чѣмъ замѣнить стекло въ окнахъ, особенно въ холодныхъ странахъ, гдѣ необходимо имѣть такія окна, которыя бы, пропуская въ комнату свѣтъ, не выпускали изъ комнаты тепла? А между-тѣмъ лѣтъ двѣсти тому назадъ у насъ въ Россіи, даже въ городахъ, много было домовъ съ оконницами изъ слюды: камня, который весьма легко раздирается на тонкіе и прозрачныя слои. У эскимосовъ и теперь, вмѣсто стеколь, употребляются куски льда; въ землянкѣ башкира часто въ окнахъ

ваеъ бумага, пропитанная постнымъ масломъ. Но слюда очень быстро портится отъ солнца, ледъ очень быстро таетъ, а пропитанная масломъ бумага мало пропускаеъ свѣта, и потому всѣ эти матеріалы не могутъ вполне замѣнить собою стекла. Въ настоящее время употребленіе стекла до того уже распространено, что, кромѣ юртъ дикарей, нѣтъ такой бѣдной избышки, въ которой не было бы хотя нѣсколькихъ его кусочковъ. Но какъ же дѣлается стекло? Вѣроятно, изъ какихъ-нибудь недорогихъ матеріаловъ, если оно, по цѣнѣ своей, доступно всякому бѣдняку. Дѣйствительно, стекло дѣлается изъ трехъ, весьма дешевыхъ веществъ: песку или кремня, поташа и извести или мѣла. Изъ этихъ трехъ вещей намъ менѣе всего извѣстенъ *поташъ*; потому-что онъ не находится въ природѣ въ чистомъ видѣ, но готовится изъ золы. Песокъ берутъ самый мелкій и чистый; но чтобы сдѣлать его еще мельче, то накаливаютъ его въ сильномъ огнѣ, а потомъ бросаютъ въ холодную воду, отчего каждая песчинка трескается на нѣсколько еще меньшихъ кусочковъ. Всѣ эти три вещества — песокъ, поташъ и известь, кладутся въ особенныя печи, устраиваемыя на стеклянныхъ заводахъ, и дѣйствіемъ сильнѣйшаго жара превращаются въ жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Вы, вѣроятно, знаете, какъ выдуваются соломинкою мыльные пузыри: почти точно также дѣлается и стекло. Но для этого берется уже не соломинка, которая сгорѣла бы отъ жара жидкаго стекла, а желѣзная трубочка, обдѣланная деревомъ, такъ чтобы ею работникъ не могъ обжечь себѣ губъ. На одинъ изъ концовъ этой трубочки набираютъ стеклянной жидкости, какъ дѣти набираютъ на соломинку жидкаго мыла, чтобы выдуть мыльный пузырь, а въ другой начинаютъ дуть: тогда изъ жидкости образуется мягкій пузырь, которому не даютъ застыть и сдѣлаться совершенно твердымъ, постоянно подогревая его въ печи. Повертывая трубочку, то подымая ее вверхъ, то опуская внизъ, даютъ стеклянному пузырю форму бутылки или графина, смотря потому, что хотятъ приготовить. Для приготовления оконныхъ стеколъ стараются сначала выдуть такую фигуру, которая, если ее обрѣзать сверху и снизу, походила бы на правильный *цилиндръ*. Сбоку этого цилиндра проводятъ сначала черту холодною водою, а потомъ по этой чертѣ проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ, отчего цилиндръ даетъ трещину въ томъ самомъ мѣстѣ. Тогда его снова нагрѣваютъ, меньше прежняго, и осторожно развертывая въ листъ, выравниваютъ желѣзнымъ брускомъ. Такимъ-образомъ готовятъ тѣ прозрачныя, гладкія пластинки, которыя мы видимъ въ окнахъ. Не легка эта работа: чтобы сдѣлать простую бутылъ, много долженъ поработать человекъ; но сколько долженъ поработать онъ, чтобы сдѣлать гладкое, чистое и толстое зеркальное стекло въ нѣсколько аршинъ длиною, и шириною?

Ж Е Л Ъ З О .

Взявъ въ руки какую-нибудь желѣзную вещь, мы легко убѣдимся, что желѣзо металлъ очень твердый. Но спрашивается, какъ изъ такого твердаго и вовсе негибкаго металла приготовляютъ такія различныя вещи? И дѣйствительно, очень было бы трудно давать желѣзу разнообразныя формы, еслибы оно не имѣло свойства дѣлаться мягкимъ въ сильномъ жару.

Всякій, вѣроятно, знаетъ, какъ въ огнѣ легко разгорячается и раскаляется желѣзо, причемъ и само оно дѣлается краснымъ, какъ огонь. Но если жаръ еще усилить, тогда желѣзо начинаетъ бѣлѣть, маленькія голубыя искры отскакиваютъ отъ него во все стороны и оно дѣлается до того мягкимъ и ковкимъ, что кузнецъ или слесарь, съ помощію молотка и щипцовъ, дѣлаютъ изъ него, что имъ угодно. Для того, чтобы сдѣлать желѣзо мягкимъ, требуется сильный жаръ, и каждый, кто былъ въ кузницѣ, вѣроятно, замѣтилъ, какъ кузнецы усиливаютъ жаръ раскаленныхъ угольевъ посредствомъ большихъ раздувальныхъ мѣховъ. Если жаръ еще усилить, то желѣзо начнетъ плавиться, то есть превращаться въ жидкость; но для этого уже жаръ долженъ быть страшно-великъ, потому что желѣзо плавится трудно.

Еслибы желѣзо не имѣло этого послѣдняго свойства, не могло плавиться, то мы имѣли бы очень мало желѣза, потому-что въ чистомъ видѣ оно почти никогда не находится въ землѣ, откуда добываютъ какъ желѣзо, такъ и все другіе минералы.

Желѣзо находятъ всегда въ видѣ *руды*, т. е. въ соединеніи съ другими минералами: глиною, кремнемъ, сѣрюю. Мѣста, гдѣ выкапываютъ изъ земли желѣзную руду, называются *желѣзными рудниками*; а люди, занимающіеся добываніемъ какъ желѣза, такъ и другихъ рудъ, — *рудоконниками*. Накопавъ желѣзной руды, которая иногда находится на большой глубинѣ, а иногда лежитъ почти на поверхности, работники доставляютъ её на *желѣзные заводы*, гдѣ изъ этой руды добываютъ чугуны, желѣзо и сталь.

На желѣзныхъ заводахъ устроены большія *плавильныя* печи, саженыя по пяти вышиною, на толстыхъ каменныхъ стѣнахъ. Въ такую печь кладутъ желѣзную руду вмѣстѣ съ угольями, известкой и глиной, которыя помогаютъ желѣзу плавиться. Потомъ растапливаютъ печь и до того увеличиваютъ жаръ, что желѣзная руда распускается. Расплавленное желѣзо по своей тяжести опускается внизъ и собирается въ особенномъ, нарочно для того устроенномъ мѣстѣ, откуда его выпускаютъ въ канавки, вырытыя въ пескѣ, или въ особенныя глиняныя формы. Желѣзо въ такомъ видѣ имѣетъ въ себѣ еще много угля, хрупко, темнаго цвѣта, и называется

чугуномъ. Изъ чугуна *выливаются* многія вещи: ядра, рѣшетки, заслонки для печей, цѣлыя колонны, котлы и проч.; но чугунъ хрупокъ и не имѣетъ той *ковкости*, которою обладаетъ желѣзо. Заводы, на которыхъ льютъ изъ чугуна различныя вещи, называются *чугунно-литейными заводами*.

Чтобы изъ хрупкаго чугуна приготовить ковкое желѣзо, должно чугунъ подвергать снова вліянію сильнаго жара и долго колотить тяжелымъ молотомъ; отъ этого чугунъ отдѣлится отъ себя почти весь уголь, станетъ плотнѣе, словомъ, сдѣлается ковкимъ желѣзомъ. Первоначально желѣзо готовится въ формѣ большихъ полосъ и называется въ такомъ видѣ *полосовымъ желѣзомъ*. Изъ желѣзныхъ полосъ, которыя повсюду развозятся съ заводовъ на продажу, кузнецы и слесаря готовятъ множество разнообразныхъ вещей.

Хорошую сталь приготовить очень трудно: для этого снова раскаливаютъ желѣзо и соединяютъ его съ углемъ; но въ стали угля гораздо меньше, чѣмъ въ чугунѣ; въ чистомъ желѣзѣ угля вовсе нѣтъ. Чистое желѣзо слѣдовательно есть *тѣло простое*; чугунъ и сталь *тѣла сложныя*.

Изъ стали дѣлаютъ такія вещи, въ которыхъ нужна особенная твердость или упругость, какъ, на примѣръ, иголки, острия сабли, бритвы, упругія часовыя пружины, огнива, пилы и проч.

Желѣзо въ восемь разъ тяжелѣе воды. Оно имѣетъ свойство, лежа на воздухѣ и особенно въ сыромъ мѣстѣ или въ водѣ, покрываться ржавчиною, — красноватымъ хрупкимъ веществомъ. Если кусокъ желѣза долго остается въ сыромъ мѣстѣ, то можетъ весь превратиться въ ржавчину и разсыпаться: такъ иногда ломается перержавѣвшая петля на двери или перержавѣвшій ключъ въ замкѣ.

Желѣзо — самый полезный изъ металловъ. Изъ него готовятъ тысячи самыхъ необходимыхъ вещей: топоры, сохи, оружіе, подковы, замки, цѣпи, болты, петли и проч.; изъ него же дѣлаютъ различныя машины, пароходы, рельсы для желѣзныхъ дорогъ. Подумайте только, какъ необходимъ для человѣка даже простой желѣзный гвоздь, и вы поймете, что еслибы Творецъ не создалъ желѣза и не распространилъ его по всей землѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, то люди никогда не достигли бы нынѣшней степени образованія. Если горсть испанцевъ побѣждала сотни тысячъ первобытныхъ жителей Америки, то это главнымъ образомъ потому, что американцы не знали употребленія желѣза: съ топорами и копьями, сдѣланными изъ костей и кремней, трудно сражаться противъ людей, вооруженныхъ стальными мечами.

Желѣзная руда, добываемая въ видѣ камней, нерѣдко имѣетъ свойство притягивать желѣзо и намагничивать стальные полоски; такая руда называется *магнитнымъ камнемъ*.

М Ъ Д Ъ .

По твердости своей и по блеску, который называется вообще металлическим блескомъ, мѣдь имѣетъ много сходнаго съ желѣзомъ; но отличается отъ него совершенно своимъ краснымъ цвѣтомъ. Въ нашихъ мѣдныхъ деньгахъ мѣдь сплавлена съ чугуномъ и потому гораздо темнѣе той, изъ которой дѣлаются самовары, кухонная посуда, дверныя ручки и прочія блестящія вещи. Мѣдь тверже свинца и олова, но мягче желѣза; за то она легче его плавится и тянется, почему изъ нея удобнѣе дѣлать различныя тонкія вещи. Въ сыромъ воздухѣ, въ соленой и кислой водѣ мѣдь покрывается не красноватой ржавчиной, какъ желѣзо, но особенною яркою зеленью; эта зелень, называемая *мѣдянкою*, очень ядовита. Вотъ почему самовары, кастрюли и другую мѣдную посуду, назначенную для приготовления пищи или питья, покрываютъ внутри *полудою*, т. е. слоємъ олова. Мѣдь легко распускается въ различныхъ кислыхъ и крѣпкихъ жидкостяхъ (кислотахъ), и тогда даетъ прекрасную зеленую или синюю краску, употребляемую въ различныхъ производствахъ. Иногда такую краскою покрываютъ обои; но обивать комнаты такими обоями очень вредно для здоровья.

Мѣдь имѣетъ еще одно драгоценное свойство — легко соединяться съ другими металлами. Пользуясь этимъ свойствомъ, готовятъ изъ мѣди бронзу, томпакъ, новое серебро и другіе *искусственные металлы*. Мѣдь издаетъ очень пріятный звукъ, почему изъ мѣди льютъ колокола; но чтобы звукъ былъ еще чище, прибавляютъ къ ней серебра. Изъ мѣди также льются пушки, тогда какъ ружья дѣлаются изъ желѣза, ядра изъ чугуна, а пули изъ свинца. Такъ-какъ мѣдь гораздо мягче стали, то на отполированной мѣдной пластинкѣ вырѣзываютъ острымъ стальнымъ рѣзцомъ различныя изображенія; наполнивъ же эти углубленія особенною черною краскою, отпечатываютъ на бумагѣ различныя гравюры.

Въ чистомъ видѣ мѣдь хотя и находится въ горахъ, но рѣдко; чаще ее находятъ въ видѣ мѣдной руды, въ соединеніи съ другими минералами, и тогда должно ее отдѣлять; при чемъ поступаютъ почти такъ же, какъ и при обработкѣ желѣза. Мѣди находятъ гораздо менѣе, чѣмъ желѣза, и добывать ее труднѣе; а потому она и гораздо дороже.

З О Л О Т О .

Золото хотя цѣнится дорого, но далеко не такъ полезно для человѣка, какъ желѣзо и мѣдь. Оно впрочемъ, по рѣдкости своей, по прекрасному цвѣту, сильному блеску и потому, что почти никогда не находится въ соединеніи съ другими металлами и никогда не ржавѣетъ, заслуживаетъ впол-

нѣ названіе *благороднаго* металла. Свойство золота никогда не ржавѣть, подало мысль покрывать имъ главы церквей, которыя, оставаясь постоянно на воздухѣ и подъ дождемъ, тѣмъ не менѣе блестятъ ярко до тѣхъ поръ, пока остается на нихъ позолота.

Золото въ девятнадцать разъ тяжелѣе воды; слѣдовательно гораздо тяжелѣе желѣза. Въ чистомъ видѣ оно очень мягко, а потому, если хотятъ изъ него сдѣлать какую никудь вещь, то примѣшиваютъ къ нему мѣдь или серебро. Расплавленное золото имѣетъ зеленоватый блескъ. Оно очень сильно тянется, и изъ одного червонца можно выковать такой тонкій листъ золота, что этимъ листомъ легко покрыть и лошадь, и всадника. Оно разъ въ пятнадцать дороже серебра и за фунтъ золота можно приобрѣсть пятнадцать фунтовъ серебра.

Золото находятъ всегда въ чистомъ видѣ, но по большей части очень маленькими кусочками; впрочемъ въ Россіи находили иногда куски пуда въ два вѣсу; но такіе куски, называемые *самородками*, попадаются очень рѣдко. Чаше же всего находятъ золото или въ камняхъ, маленькими крапинками, — тогда нужно разбить камень въ мелкіе кусочки, чтобы добыть изъ него золото, — или крошечными зернышками и блестками въ пескѣ, и тогда должно долго промывать песокъ, чтобы отдѣлать отъ него золото. Когда камень отъ дѣйствія воды и воздуха разсыпается въ песокъ, тогда и золото изъ него освобождается. Вотъ почему золото находятъ большею частью на днѣ высохшихъ рѣкъ, которыя вынесли его вмѣстѣ съ пескомъ изъ горъ. Такія мѣста, гдѣ находится золото въ пескѣ, называются *золотыми россыпями*. Золотыхъ россыпей много въ Калифорніи, Австраліи и у насъ въ Сибири. Но не всякій золотоносный песокъ стоитъ промывать, потому что въ иномъ золотѣ слишкомъ мало.

Изъ золота лѣблютъ монету и различныя драгоценныя вещи; имъ же позлачиваютъ другіе металлы.

Р Т У Т Ъ.

Ртуть есть единственный металлъ, встрѣчающійся въ природѣ въ жидкомъ видѣ: капельками въ различныхъ камняхъ, особенно въ известковыхъ. Ртуть блеститъ, какъ серебро и, по подвижности своихъ частичекъ, называется иногда живымъ серебромъ. Она въ тринадцать разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно гораздо тяжелѣе желѣза. Вотъ почему желѣзо въ ртути не тонетъ; тогда какъ очень быстро тонетъ въ водѣ. Частички ртути гораздо слабѣе связаны одна съ другою, чѣмъ частички желѣза, но гораздо плотнѣе, чѣтъ частички воды. Бросьте на полъ ложку ртути и она вся рассыплется серебристыми шариками, а не расплещется, какъ вода. При сильномъ жарѣ ртуть кипитъ и превращается въ пары.

Для добыванія ртути изъ камней, въ которыхъ она находится въ видѣ маленькихъ капель, камни толкутъ въ порошокъ и порошокъ этотъ сыплоть въ желѣзные кувшины, которые, закупоривъ ихъ плотно, ставятъ на жаръ. При этомъ ртуть превращается въ пары и по трубчкѣ, придѣланной къ крышеѣ кувшина, переходитъ въ другой сосудъ, гдѣ охлаждается и сгущается.

Ртуть очень равномерно сжимается отъ холода и расширяется отъ тепла; по этому свойству, ее употребляютъ для инструментовъ, называемыхъ термометрами, которые служатъ для опредѣленія степени теплоты и холода. По причинѣ сильнаго блеска ртути, отчего въ ней всѣ предметы ясно отражаются, она идетъ также для подкладки подъ зеркальныя стекла. На ровномъ столѣ разстилаютъ тонкій оловянный листъ, намазываютъ на него ртути, а сверху кладутъ стекло. Кромѣ этого ртуть употребляется при позолотѣ различныхъ вещей. Для этого смѣшиваютъ ее съ золотомъ, отъ чего получается густая масса, которою натираютъ позолачиваемую вещь и потомъ сильно ее нагрѣваютъ: ртуть превращается въ пары, а золото остается на поверхности нагрѣваемой вещи въ видѣ тонкаго слоя. Такая позолота называется позолотою черезъ огонь.

В О Д А.

Вода есть тѣло жидкое, т. е. такое, частицы котораго такъ неплотно связаны между собою, что безпрестанно стремятся разойтись — разлиться, не могутъ держаться одна на другой, если ихъ не подпереть съ боковъ; поэтому-то воду, какъ и всякую другую жидкость, держать въ сосудахъ. Однако же, если вода находится въ очень маленькомъ количествѣ, въ видѣ капельки, то частицы ея могутъ еще держатся другъ за друга, такъ что иная капелька долго дрожить на вѣточкѣ растенія, пока вѣтеръ не сброситъ ее на землю: по этому свойству воду называютъ жидкостью *капельною*. Частицы воздуха держатся еще слабѣе другъ за друга, чѣмъ частицы воды, и безпрестанно стремятся разойтись, отчего воздухъ не можетъ держаться въ видѣ капель, какъ вода.

Вода, какъ мы знаемъ, имѣетъ свойство распускаться въ себѣ многія тѣла: соль, сахаръ, известку, остатки растеній, животныхъ и проч. Но такъ-какъ вода, протекая въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, постоянно соприкасается съ какими-нибудь тѣлами, то въ природѣ чистой воды вовсе нѣтъ; чище прочихъ вода дождевая и онѣговая. Вода, заключающая въ себѣ известъ, называется известковою: она жестка и мыло распускается въ ней очень трудно. Вода морская имѣетъ горькосоленный вкусъ отъ присутствія въ ней различныхъ солей. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ вода наполнена органическими остатками, и такая вода

скоро, какъ говорятъ, загниваетъ, издаетъ запахъ и вредна для питья; но это гниетъ не вода, а находящіяся въ ней органическія частицы; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и портиться. Въ минеральныхъ источникахъ вода пріобрѣтаетъ вкусъ, запахъ, а иногда и цвѣтъ тѣхъ минераловъ, между которыми она пробиралась въ землѣ, прежде чѣмъ вышла наружу въ видѣ источника. Если воду очистить совершенно отъ всякой посторонней примѣси, то она является жидкостью очень прозрачною, не имѣетъ никакого опредѣленнаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

Всякій знаетъ, что вода не всегда остается въ жидкомъ видѣ: что на морозѣ она превращается въ ледъ, а на раскаленной плитѣ въ паръ. Изъ этого явленія мы можемъ заключить, что вода, подъ вліяніемъ тепла и холода, измѣняетъ свой видъ. Если налить воды въ горшокъ и долго кипятить ее, то она мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлась? Превратилась въ пары и улетѣла въ воздухъ. Частицы воды, которыя и такъ не очень плотно держатся другъ за друга, отъ теплоты еще болѣе расходятся, такъ, что вода въ этомъ состояніи становится менѣе плотною, чѣмъ воздухъ, дѣлается легче его и подымается вверхъ. Чтобы убѣдиться, что вода не пропала безъ слѣда, а превратилась въ паръ и находится въ воздухѣ, стоитъ только поддержать надъ кастрюлькой, изъ которой идетъ паръ, холодное блюдечко, и вы замѣтите, что на блюдечкѣ скоро появятся капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это тѣ же пары воды: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они охладѣли, сгустились и превратились въ капли.

Но ненужно нагрѣвать воду, чтобы она превратилась въ паръ. Намочите платокъ и повѣсьте его даже въ холодной комнатѣ: черезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что платокъ высохъ, т.-е. вода изъ него испарилась, хотя мы пару и не видали. Но не видали мы его потому, что, вылетая изъ холоднаго платка въ холодную же комнату, частицы воды охлаждались медленно, тогда какъ, выходя изъ горячей кастрюльки и попадая прямо въ холодный воздухъ, онѣ охлаждались очень быстро и превращались въ маленькія капельки, собраніе которыхъ мы называемъ паромъ. Вотъ почему зимою мы видимъ, какъ идетъ паръ отъ вспотѣвшей лошади, а лѣтомъ мы этого пара не видимъ, хотя конечно лошадь лѣтомъ потѣетъ еще больше, чѣмъ зимою.

Такимъ образомъ мы находимъ одну и ту же воду, при различной степени тепла и холода, въ четырехъ различныхъ видахъ: въ видѣ льда, въ видѣ жидкости, въ видѣ пара или крошечныхъ капель и въ видѣ воздухообразномъ, или въ видѣ *газа*, когда воды мы уже видѣть не можемъ, хотя легко можемъ открыть ея присутствіе. Внесите холодный кусокъ стекла (или какого нибудь металла) въ теплую комнату и вы увидите, что стекло запотѣетъ, т. е. на немъ появится вода. Откуда же взялась эта вода? Изъ воз-

духа, гдѣ она была невидима, какъ самый воздухъ. Прикасалась къ холодному стеклу, она охладилась и превратилась въ капли, какъ и тогда, когда мы держали холодное блюдечко надъ *видимыми* парами.

Не одна только вода имѣетъ свойство подѣ вліяніемъ теплоты переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое, изъ жидкаго въ пары, и изъ паровъ въ состояніе воздухообразное, или, какъ его еще иначе называютъ, *газообразное*. Мы знаемъ, что воскъ отъ теплоты дѣлается жидкимъ; желѣзо точно также при сильномъ огнѣ изъ твердаго дѣлается мягкимъ, потомъ жидкимъ; золото не только можно сдѣлать жидкимъ, но даже превратить въ паръ и газъ. Жидкая ртуть при сильномъ морозѣ такъ замерзаетъ, что ее можно ковать, какъ серебро; но если кипятить ртуть, то она превращается въ пары, очень вредные для здоровья. Подвергая различныя тѣла вліянію жара, физики (такіе ученые люди, которые изучаютъ свойства тѣлъ) убѣдились, что всякое тѣло отъ теплоты расширяется, а отъ холода, сжимается. Но что значить: тѣло расширяется? Это значить, что тѣло занимаетъ больше мѣста, чѣмъ занимало прежде, не измѣняясь въ вѣсѣ. Возьмите губку въ одинъ фунтъ вѣсомъ и сожмите ее въ рукахъ: вѣсъ въ ней останется тотъ же самый, но она будетъ занимать менѣе мѣста; перестаньте сжимать губку — и она опять распухнетъ и займетъ прежнее мѣсто, но вѣсу въ ней отъ этого не прибавится. Стаканъ расплавленнаго свинца вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ плотнаго свинца; масло, замерзая въ бутылкѣ, видимо уменьшается въ объемѣ и т. д. Вотъ почему кусокъ плотнаго свинца потонетъ въ свинцѣ растопленномъ и кусокъ твердаго воску — въ растопленномъ воскѣ.

Исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ вода: стаканъ льду вѣситъ меньше, чѣмъ стаканъ воды, и если вы нальете водою бутылку до самыхъ краевъ и, закупоривъ ее, поставите на морозъ, то бутылка лопнетъ: ледъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ занимала вода, изъ которой онъ сдѣлался. Вотъ почему ледъ легче воды; а такъ-какъ онъ легче воды, то плаваетъ на ней, а не тонетъ. Если вы станете замораживать масло и воду въ двухъ бутылкахъ, то увидите, что масло начнетъ застывать снизу; а вода, на оборотъ, станетъ застывать сверху. Этому удивительному свойству воды мы обязаны тѣмъ, что наши рѣки и озера зимою покрываются льдомъ только сверху; а внизу не замерзаютъ, что даетъ возможность рыбамъ жить въ водѣ и зимою: ледяная кора еще защищаетъ воду отъ дальнѣйшаго охлажденія. Если бы вода, какъ всѣ прочія тѣла, замерзая, сжималась, а не расширялась, то наши рѣки и озера зимою начинали бы замерзать снизу какъ масло въ бутылкѣ; вся вода превращалась бы въ сплошную массу льда, и всѣ водныя животныя погибали бы зимою.

Мы не ошиблись бы, назвавъ воду жидкимъ минераломъ; но ее, равно какъ и воздухъ, чаще называютъ *стихіями*.

ВОЗДУХЪ.

Положимъ на столъ маленькое перышко и махнемъ на него развернутой книгой: мы не дотронулись до пера; отчего же оно слетѣло на полъ? Испугаться оно, конечно, не могло, потому-что перо предметъ неодушевленный. Между перышкомъ и книгою, которою мы махнули, должно быть есть какое-нибудь третье тѣло, хотя мы его и не видимъ. Это третье невидимое нами тѣло, которое мы привели въ движеніе книгою и которое, въ свою очередь, двинуло перышко, называется *воздухомъ*. Если мы опустимъ на воду, налитую въ тарелку, бумажный корабликъ и, не дотрогиваясь до кораблика, станемъ чѣмъ-нибудь волновать воду, то корабликъ закачается и запрыгаетъ. Въ этомъ явленіи мы видимъ предметъ, заставляющій прыгать корабликъ; но хотя мы и не видали, что такое мы взволновали книгою, однако, зная навѣрное, что перышко не могло подвинуться само собою, мы убѣждены, что взволновали какое-то невидимое тѣло. Когда воздухъ движется очень сильно, то развѣваетъ наше платье, срываетъ съ насъ фуражку, мѣшаетъ намъ идти, упираясь въ наше тѣло. Мы видимъ, какъ вѣтеръ несетъ пыль, *листья* и множество легкихъ предметовъ; но самага вѣтра мы не видимъ, хотя очень хорошо ощущаемъ его осязаніемъ. Когда же осенью вѣтеръ воетъ и свищетъ въ трубѣ, то мы знаемъ, что это воетъ и свищетъ движущійся воздухъ. Махнувъ сильно палкою, мы слышимъ легкой свистъ: это свиститъ конечно не палка, а воздухъ, разсѣкаемый палкою. Поведа палкою по водѣ, мы тоже услышимъ звуки воды. Такимъ образомъ, не видя воздуха, мы тѣмъ не менѣе узнаемъ о его существованіи посредствомъ двухъ нашихъ виѣшнихъ чувствъ: осязанія и слуха. Но отъ чего же мы не видимъ воздуха? Если въ окнѣ вставлено очень чистое и прозрачное стекло, то намъ кажется тогда, что стекла вовсе нѣтъ, и мы должны дотронуться до него, чтобы убѣдиться въ его существованіи. Мы не видимъ стекла, потому что оно очень прозрачно: воздухъ еще прозрачнѣе стекла. Однакоже, если слой воздуха очень уже толстъ, то его можно видѣть, онъ получаетъ синій цвѣтъ; точно также получаетъ цвѣтъ и вода, когда ее много. Голубое небо, растилающееся надъ нашею головою, есть ни что иное, какъ слой воздуха верстъ въ пятьдесятъ толщиною, сквозь который мы видимъ небесныя свѣтила. Воздухъ, окружающій землю, называется *атмосферою*.

Не видя воздуха, мы не можемъ видѣть его свойствъ, а должны узнавать ихъ посредствомъ опытовъ, наблюдая, какъ онъ дѣйствуетъ на другія тѣла, напримѣръ на воду. Возьмемъ пустой стаканъ и глубокую чашку, наполненную водою; повернемъ стаканъ отвертнемъ къ поверхности воды и

станемъ понемногу опускать его въ воду. Мы увидимъ, что вода наполнить только небольшую часть стакана, а дальше не пойдетъ, хотя мы опустили бы весь стаканъ въ воду. Что же мѣшаетъ водѣ войти въ стаканъ? Въ стаканѣ не могло ничего быть другаго, кромѣ воздуха; слѣдовательно, воздухъ есть *тѣло*, которое занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ стаканѣ и не уступаетъ этого мѣста водѣ. Опуская стаканъ въ воду, мы чувствуемъ, какъ онъ упирается. Это упирается не стаканъ, а воздухъ, который въ стаканѣ: наклонимъ стаканъ — и увидимъ, какъ онъ самъ опустится и потонетъ. Это потому, что воздухъ вышелъ изъ стакана, и мы даже видимъ и слышимъ, какъ онъ выходитъ изъ воды большими пузырями, которые, достигнувъ поверхности, лопаются съ шумомъ.

Опустимъ стаканъ въ чашку съ водою горизонтально, такъ чтобы онъ весь наполнился водою, и потомъ, повернувъ стаканъ въ водѣ вертикально, подыместъ его изъ воды, такъ однако, чтобы края его все еще оставались въ водѣ: мы вытащимъ не только стаканъ, но и воду, вмѣстѣ со стаканомъ. Отчего же вода остается въ стаканѣ и не падаетъ внизъ? Оттого, что воздухъ тяжестью своею давитъ на поверхность воды въ чашкѣ и вода уходитъ въ стаканъ, гдѣ воздуха нѣтъ, потому что онъ былъ вытѣсненъ оттуда водою. Высосите изъ какойнибудь плотной трубочки воздухъ и потомъ, не позволяя воздуху въ нее проникнуть, опустите ее однимъ концомъ въ воду: какъ только вы откроете конецъ трубочки, находящійся въ водѣ, такъ вода быстро подымается въ трубку. Что же ее погонитъ туда?

Воздухъ, слѣдовательно, есть тѣло прозрачное, имѣющее тяжесть, но тяжесть эта незначительна; по крайней мѣрѣ, мы можемъ убѣдиться, что воздухъ гораздо легче воды. Заткнемъ пустую бутылку пробкой и мы увидимъ, что она не потонетъ; наполнимъ ее водою и она немедленно пойдетъ ко дну; значитъ, бутылка съ водою тяжелѣе бутылки съ однимъ воздухомъ.

Кто не знаетъ маленькихъ бузиновыхъ пистолетовъ, которыми такъ любятъ играть дѣти? Но думали ли вы, почему пробка выскакиваетъ изъ такого пистолета прежде, чѣмъ до нея мы дотронемся палочкой? Потому, что между этой палочкой, плотно прилегающей къ стѣнкамъ бузиновой трубки, и пробкой есть третье тѣло, которое, когда мы его давимъ, выдавливаетъ пробку. Двигая поршень назадъ и впередъ, прежде чѣмъ пробка выскочитъ, мы ощущаемъ, что въ трубочкѣ что-то упирается: точно какаянибудь пружина лежитъ между поршнемъ и пробкой. Это свойство тѣла сжиматься, когда его давятъ, и опять расширяться, когда его перестаютъ давить, называется *упругостию*. Воздухъ очень упругъ.

Если изъ обыкновеннаго пузыря вытѣснить воздухъ, то пузырь съжмется и, не впуская въ него воздуха, намъ никакъ не удастся снова дать пузырю шарообразную форму. Что же такое сжимаетъ пузырь? Внѣшній

воздухъ, который тѣснитъ его со всѣхъ сторонъ; а внутри пузыря воздуха нѣтъ и упираться нечему. Впустимъ въ пузырь *немножко* холоднаго воздуха, завяжемъ отверстіе пузыря крѣпко-накрѣпко и положимъ его у затопленной печи: пузырь мало по малу раздуется и, если мы не примемъ его вовремя, лопнетъ. Воздухъ не могъ проникнуть въ пузырь, слѣдовательно, тотъ воздухъ, который мы впустили, нагрѣлся и отъ теплоты расширился; слѣдовательно воздухъ, какъ и всякое другое тѣло, отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Зимой воздухъ холоденъ и густъ, лѣтомъ тепелъ и рѣдокъ. Теплый воздухъ легче холоднаго и долженъ подыматься вверхъ: если легкой и большой шаръ наполнить очень теплымъ воздухомъ, то шаръ можетъ полетѣть вверхъ въ холодномъ воздухѣ.

Но и безъ нагрѣванія воздухъ стремится постоянно расшириться во всѣ стороны; невидимыя частички его стремятся безпрестанно разлетѣться, и если пузырь съ небольшимъ количествомъ воздуха положить въ безвоздушное пространство, то онъ быстро надуется и даже можетъ лопнуть. Вода стремится *разлитъ* по землѣ, — воздухъ стремится *разлетѣться во всѣ стороны*; вотъ почему воздухъ и другія тѣла, имѣющія то же свойство, уже не называютъ жидкостями, а *газами*. Частички воды только плохо соединены другъ съ другомъ; частички газа стремятся одна отъ другой разлетѣться во всѣ стороны. Также разлетаются и частички воды, но тогда только, когда вода подымается въ видѣ газа. Понятно само собою, что воздухъ и всѣ газы должны быть гораздо легче воды.

Если бы изъ комнаты, въ которой мы теперь находимся, исчезъ весь воздухъ, то мы страшно почувствовали бы его отсутствіе. Воздухъ необходимъ для дыханія всѣмъ животнымъ, даже и рыбамъ, хотя онѣ живутъ въ водѣ. Если пустить рыбу въ чанъ съ водою и закрыть его плотно, такъ чтобы воздухъ къ водѣ не прикасался, то рыба издохнетъ, хотя у нея будетъ довольно воды. Вы вѣроятно замѣтили, что когда вода кипитъ, то на поверхности ея безпрестанно подымаются и лопаются пузыри: это вырывается воздухъ, выгоняемый жаромъ изъ воды. Если въ воду, хотя и холодную, но которая долго кипѣла, опустить рыбу, то она издохнетъ, потому что въ такой выкипяченной водѣ не будетъ воздуха. Кротъ, роясь въ своей норѣ, и червякъ, закапываясь глубоко въ землю, продолжаютъ дышать. Гдѣ не бывали люди, и на высокихъ горахъ, и въ глубокихъ пещерахъ, вездѣ они находили воздухъ. Изъ этого мы заключаемъ, что воздухъ окружаетъ землю, какъ море, и на днѣ этого воздушнаго моря мы расхаживаемъ, какъ плаваютъ рыбы въ водѣ; воздухъ проникаетъ даже въ воду и отчасти въ землю. Возблагодаримъ же Создателя, который съ такою щедростью окружилъ землю этою драгоценною стихіею, безъ которой мы погибли бы скоро, чѣмъ безъ хлѣба и воды!

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОДЫ.

Лыбопытно бы знать, откуда появляется вода въ колодцахъ, ручьяхъ, въ озерахъ и рѣкахъ, изъ которыхъ она вѣчно течетъ и никакъ не можетъ вытечь, и наконецъ въ огромныхъ моряхъ и океанахъ? Вода падаетъ изъ облаковъ на землю въ видѣ дождя или росы, просачивается внутрь земли, откуда вновь появляется въ видѣ ключей, наполняющихъ колодцы и ручьи; ручьи текутъ въ маленькія рѣчки, маленькія рѣчки въ большія рѣчки, а большія рѣчки въ моря. Но откуда же берется вода въ облакахъ? Она подымается туда невидимо водянымъ паромъ отъ сырой земли, отъ влажныхъ луговъ, отъ лужъ, озеръ, рѣкъ и отъ самаго моря; скопляется на верху въ видѣ облаковъ и снова падаетъ оттуда каплями. Такъ странствуетъ безпрестанно вода между небомъ и землей, и этотъ постоянный оборотъ воды очень важенъ для людей, растений и животныхъ: безъ воды ни растенія, ни животныя не могли бы существовать; а безъ животныхъ, растений и воды, не могли бы жить и люди.

Д О Ж Д Ъ.

Мы знаемъ уже, что вода измѣняетъ свой видъ подъ вліяніемъ теплоты: ледъ превращается въ жидкость, а жидкость въ паръ; знаемъ также, что не нужно слишкомъ большаго количества тепла, чтобы вода испарялась: платокъ, намоченный водою, высыхаетъ и на морозѣ; кусокъ льда даже и на морозѣ уменьшается въ объемъ — испаряется, хотя не такъ быстро, какъ на горячей плитѣ. Намъ извѣстно также, почему иногда мы не видимъ испареній воды, и почему зимою видно, какъ паръ валитъ клубами отъ разгоряченной лошади, а лѣтомъ этого не видать, хотя лошадь потѣетъ лѣтомъ еще болѣе, чѣмъ зимою. Припомнивъ всѣ эти явленія, мы легко объяснимъ себѣ, какъ вода подымается съ земли въ атмосферу въ видѣ пара и ниспадаетъ оттуда на землю въ видѣ множества капель или дождя.

Когда воздухъ холоднѣе поверхности земли или воды, то видно даже, какъ рѣки, озера, моря, болота и влажные луга испаряются. Такія видимыя испаренія называются *туманами* и бывають иногда такъ густы, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя разсмотрѣть человѣка. Но вода испаряется всегда, хотя мы не всегда видимъ эти испаренія, и опытами доказано, что въ воздухѣ всегда, какъ бы онъ сухъ намъ ни казался, находятся пары воды. (Припомните опытъ съ холоднымъ стаканомъ, внесеннымъ въ теплую комнату).

Если пары, носящіеся высоко въ воздухѣ, становятся для насъ видимыми, то мы называемъ ихъ облаками. Облака отличаются отъ тумана только тѣмъ, что носятся въ высшихъ слояхъ атмосферы. Невидимые часто

внизу, пары становятся видимыми наверху; потому что чѣмъ дальше отъ земли слои воздуха, тѣмъ они холоднѣе. Земля, какъ тѣло плотное и непрозрачное, гораздо долѣе сохраняетъ тепло, получаемое ею отъ солнечныхъ лучей, чѣмъ воздухъ; и чѣмъ рѣже воздухъ, тѣмъ менѣе онъ нагрѣвается *). Но понятно, что воздухъ чѣмъ выше, тѣмъ рѣже. Если положить нѣсколько стопъ бумаги, одну на другую, то нижніе листы будутъ сдавлены гораздо болѣе, чѣмъ верхніе; точно также и нижніе слои атмосфернаго воздуха болѣе стиснуты и слѣдовательно гуще, чѣмъ верхніе. Вотъ почему невидимыя испаренія земли, подымаясь въ верхніе слои воздуха, становятся видимыми, дѣлаются облаками.

Люди, всходившіе на высокія горы, вершины которыхъ выше облаковъ, убѣдились, что облака не болѣе, какъ туманъ. Тотъ же самый холодъ, который превращаетъ невидимыя пары въ видимыя облака, превращаетъ и облака изъ парообразнаго тумана въ капли дождя. Если на облако, плавающее въ воздухѣ, повѣетъ холоднымъ вѣтромъ, то пары, составляющіе облако, сгустятся, превратятся въ капли и, сдѣлавшись тяжелѣе воздуха, станутъ падать на землю дождемъ.

Облака могутъ находиться на различной высотѣ. Самыя высокія, верстахъ въ семи или восьми отъ земли, представляются намъ легкими, серебристыми, будто составленными изъ бѣлыхъ перышковъ, а потому и называютъ *перистыми* облаками. На такой высотѣ очень холодно, въ чемъ убѣдились люди, всходившіе на высокія горы или подымавшіеся въ воздушныхъ шарахъ, и потому перистыя облака, вѣроятно, состоятъ изъ замерзшихъ пузырьковъ или ледяныхъ кристалликовъ. Такія высокія, легкія облака могутъ ходить долго, не превращаясь въ дождь, и вообще замѣчено, что перистыя облака предвѣщаютъ хорошую погоду. Когда же паровъ въ воздухѣ набирается больше, тогда облака становятся тяжелѣе и спускаются ниже, собираются въ большія кучи, похожія на скалы, крѣпости, башни, и бѣгутъ быстро по направленію вѣтра; понятно, что такія *кучевыя* облака предсказываютъ дождь.

Не во всѣхъ странахъ земнаго шара выпадаетъ одинаковое количество дождя, да и дождь не равенъ дождю. Въ иной дождь въ нѣсколько минутъ нальется сколько въ воды, сколько другой не нальетъ въ цѣлую недѣлю. Въ Петербургѣ почти цѣлую треть года бываютъ дождливые дни; но это еще не значитъ, чтобы Петербургъ былъ самое дождливое мѣсто на земномъ шарѣ. Въ странахъ жаркихъ, но близкихъ къ морю, дождь хотя

*) Всякое прозрачное тѣло, пропуская сквозь себя лучи свѣта, нагрѣвается ими гораздо менѣе непрозрачнаго. Солнечныя лучи проходятъ сквозь стекла оконъ въ комнату и, отражаясь отъ ея стѣнъ, сильно нагрѣваютъ ее, а между тѣмъ самое стекло нагрѣвается очень мало.

идеть рѣдко, да мѣтко: въ нѣсколько минутъ наливаетъ онъ столько воды, сколько не налить нашему мелкому дождику за цѣлую недѣлю. Но есть такія жаркія, сухія, степныя мѣста, вдалькѣ отъ моря и большихъ рѣкъ, гдѣ почти никогда не падаетъ дождь. Растенія въ такихъ мѣстахъ засыхаютъ, почва трескается отъ жара, птицы, звѣри и насѣкомыя или уходятъ, или погибаютъ. Такія мѣста находятся въ срединѣ Африки и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Есть и такія страны на землѣ, гдѣ проливной дождь идетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ его ни капли. Такіе дожди называются *периодическими* и зависятъ отъ такихъ же періодическихъ вѣтровъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ сряду дуютъ въ одномъ направленіи, принося пары воды, и потомъ столько же времени въ другомъ, унося ихъ прочь.

РОСА, ИНЕЙ, СНѢГЪ И ГРАДЪ.

Ночью, когда солнце зайдетъ, поверхность земли, нагрѣтая за день, начинаетъ холодѣть, потому что теплота ея уходитъ въ воздухъ. Когда же земля станетъ холоднѣе воздуха, то на поверхности ея начинаетъ собираться въ капли тотъ невидимый водяной паръ, который до того времени находился въ воздухѣ: точно также, какъ на стѣнкахъ холоднаго стакана собираются капли воды, когда мы внесемъ его въ теплую комнату. Капли эти, называемыя росой, появляются на травѣ и на деревьяхъ обыкновенно къ утру, когда земля наиболѣе охладѣетъ. Онѣ блестятъ на солнышкѣ и остаются довольно долго, пока наконецъ не высохнутъ, т. е. опять не превратятся въ невидимый водяной паръ. Во время засухи, когда земля ждетъ и не дождется дождя, росы, хотя немного, освѣжаютъ растительность, жаждущую влаги.

Осенью, когда земля впродолженіи ночи становится до того холодна, что небольшія частицы воды, дотронувшись до нее, могутъ превратиться въ ледъ, роса, образовавшаяся на землѣ, на охладѣвшей крышѣ дома, на заборѣ или на листьяхъ дерева — превращается въ *иней*, и мы, проснувшись поутру, послѣ холодной, долгой сентябрьской или октябрьской ночи, замѣчаемъ, что земля, трава, листья, заборы и крыши побѣлѣли. Но скоро поднявшееся солнышко снова превращаетъ иней въ росу, а росу въ невидимый паръ.

Если капли дождя падаютъ на землю сквозь воздухъ, который холоднѣе облаковъ, то эти капли на пути уже замерзаютъ и превращаются въ кусочки твердаго льда, или градъ; и такъ мы можемъ сказать, что градъ есть замерзнувшій дождь. Градъ бываетъ иногда очень крупень и идетъ даже посреди самаго жаркаго лѣта, если вѣтеръ вдругъ охладитъ воздухъ, не успѣвши охладить облаковъ. Въ южной Америкѣ бываетъ иногда градъ

величиною съ порядочное яйцо, и тогда онъ убиваетъ не только птицъ, но даже большихъ звѣрей.

Если облако, изъ котораго готовится идти дождь, само очень охладѣетъ, тогда водяные пары, составляющіе его, превращаются въ красивыя снѣжинки: маленькіе ледяные кристаллики, состоящіе изъ крошечныхъ кусочковъ льда, расположившихся симметрически вокругъ общаго центра. Снѣжинки очень разнообразны и иногда представляютъ собою весьма красивыя звѣздочки.

ВѢТЕРЬ.

Ваня стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ по осеннему небу быстро неслися, одно за другимъ, тяжелыя, свинцовыя облака. Отецъ Вани сидѣлъ у камина и читалъ книгу.

— Скажи мнѣ, папаша, спросилъ Ваня: отчего такъ бѣгутъ облака? Я спросилъ объ этомъ у Федора и онъ сказалъ мнѣ, что облака гонитъ вѣтеръ. А вѣтеръ же отчего? спросилъ я: „вѣтеръ отъ облаковъ,“ отвѣчалъ мнѣ Федоръ. Я какъ-то этого не понимаю: вѣтеръ гонитъ облака, а облака гонять вѣтеръ?

— Ты напрасно спрашивалъ объ этомъ у Федора, сказалъ отецъ Вани, улыбувшись: спроси у него, какъ надобно закладывать лошадь, и онъ расскажетъ тебѣ это очень хорошо; у каждаго надобно спрашивать о томъ, что онъ можетъ знать. Если ты хочешь, я объясню тебѣ, отчего идутъ облака и дуетъ вѣтеръ. Холодно ли у насъ въ передней?

— О, да! очень холодно, отвѣчалъ Ваня: гораздо холоднѣе, чѣмъ здѣсь.

— Это-то намъ и нужно, продолжалъ отецъ: замѣчай же внимательно, что я буду дѣлать; слушай, что я буду объяснять, и спрашивай, если чегонибудь не поймешь.

Сказавъ это, отецъ всталъ, зажегъ свѣчу, пріотворилъ немного дверь, такъ что образовалась узкая и длинная щель изъ кабинета въ переднюю, и поднесъ свѣчу, сначала къ низу щели: пламя свѣчи сильно нагнулось по направленію отъ передней къ кабинету.

— Куда теперь дуетъ вѣтеръ, спросилъ отецъ?

— Изъ передней въ кабинетъ, отвѣчалъ Ваня.

Отецъ поднялъ тогда свѣчу къ верху щели — и пламя сильно пошатнулось въ противоположную сторону, по направленію изъ кабинета въ переднюю.

— Теперь вѣтеръ дуетъ изъ кабинета въ переднюю, сказалъ Ваня, не дождавшись отцовскаго вопроса.

Повторивъ этотъ опытъ еще раза два, отецъ Вани затворилъ дверь, изъ которой сильно дуло въ ноги, поставилъ свѣчу на столъ и началъ:

— Теперь ты видѣлъ, что въ растворенную дверь, внизу, дуетъ вѣтеръ изъ холодной передней въ теплый кабинетъ; а наверху, на оборотъ, изъ теплаго кабинета въ холодную переднюю. Постараемся же объяснить себѣ, отчего это дѣлается. Ты слыхалъ уже, что воздухъ, какъ всякое тѣло, отъ холода сжимается, становится гуще и слѣдовательно тяжелѣе, и, на оборотъ, отъ тепла расширяется, становится рѣже и легче. Ты знаешь также, что въ водѣ тѣло, которое тяжелѣе воды, тонетъ, а то, которое легче воды, подымается вверхъ: то же самое дѣлается въ воздухѣ, во всякой жидкости и во всякомъ газѣ. Чѣмъ воздухъ гуще, тѣмъ онъ тяжелѣе и тѣмъ сильнѣе жметъ къ землѣ; чѣмъ воздухъ теплѣе, тѣмъ онъ болѣе стремится подняться вверхъ. Тяжелый же и легкій воздухъ, соединившись, всегда стремятся уравниваться: тяжелый занять мѣсто внизу, а легкій вверху. Ты это видѣлъ сейчасъ на опытѣ: холодный воздухъ входилъ изъ передней въ кабинетъ внизу, а теплый шелъ изъ кабинета въ переднюю вверху. Такимъ образомъ между теплымъ воздухомъ кабинета и холоднымъ передней установилось два теченія воздуха: одно вверху, другое обратное — внизу. Это-то теченіе или стремленіе воздуха и называется вѣтромъ. На земномъ шарѣ, также, какъ и въ нашемъ домѣ, не всѣ мѣста одинаково теплы и одинаково холодны. Ты, вѣроятно, слыхалъ, что въ то время, когда у насъ бываетъ зима, въ другомъ мѣстѣ, противоположномъ нашему, стоитъ самое жаркое лѣто. Ты, вѣроятно, знаешь также, что есть страны, гдѣ солнце круглый годъ подымается почти отвѣсно надъ головою и никогда не бываетъ зимы, и другія, гдѣ зима царствуетъ большую часть года. Кромѣ того, ты, вѣроятно, замѣчалъ, что песокъ или камень накаляются гораздо сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ земля, особенно влажная. Есть на земномъ шарѣ страны, почва которыхъ вся состоитъ изъ песка или камня, тогда какъ другія имѣютъ влажную почву, покрыты лѣсами и болотами: понятно, что въ одно и то же время воздухъ въ первыхъ будетъ теплѣе, чѣмъ во вторыхъ. Ты часто катался по рѣкѣ и, вѣроятно, замѣтилъ, что надъ водою воздухъ прохладнѣе, чѣмъ надъ землею. Надъ моремъ воздухъ лѣтомъ всегда прохладнѣе, а зимою всегда теплѣе; потому-что вода въ большихъ моряхъ зимою не замерзаетъ и сообщаетъ теплоту воздуху. Слѣдовательно на земномъ шарѣ, въ одно и то же время, въ различныхъ мѣстностяхъ, воздухъ имѣетъ различную температуру. (Температурою называется степень тепла или холода какого нибудь тѣла). Вотъ почему воздухъ никогда почти не бываетъ въ спокойномъ состояніи; почти всегда движется съ болѣею или меньшею силою, а эти движенія воздуха и называются вѣтрами. Ты, вѣроятно, замѣтилъ, что у насъ морской, западный вѣтеръ влаженъ и тепелъ, приноситъ облака и дождь; южный сухъ и приноситъ лѣтомъ жаръ; восточный по большей части холоденъ и сухъ; сѣверный дуетъ отъ Ледови-

таго моря, наполненнаго плавающими льдинами, и всегда холоденъ. Въ Петербургѣ вѣтры очень переменчивы; потому что Петербургъ окруженъ самыми разнообразными мѣстностями: на сѣверѣ у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдомъ; на западѣ море, замерзающее зимою только у береговъ; на югѣ и востокѣ обширныя равнины, по которымъ свободно гулять вѣтрамъ. Если ты будешь присматриваться къ движению облаковъ, продолжалъ отецъ Вани, то замѣтишь, что облака движутся иногда въ противоположныя стороны. Это случается тогда, когда облака находятся на различныхъ высотахъ и попадаютъ поэтому въ различныя теченія воздуха: одни плывутъ въ низшемъ теченіи, другія въ верхнемъ. Если бы ты пустилъ перышко вверху дверней щели, то оно полетѣло бы въ переднюю; пусти его внизу — и оно полетитъ въ кабинетъ.

— Но отъ чего же облака бываютъ различнаго цвѣта? спросилъ Ваня. — Отъ различнаго освѣщенія ихъ солнцемъ или луною, отвѣчалъ отецъ, отъ различія въ разстояніи, на которомъ находятся отъ насъ облака и, наконецъ, отъ различной степени густоты пара.

М А Г Н И Т Ъ.

Вотъ маленькая желѣзная полоска, которая по виду не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго и кажется самую простою желѣзною полоскою; но въ ней скрывается особенная, чудная сила, которая немедленно обнаружится, если мы поднесемъ эту палочку къ иголкѣ или къ какой-нибудь другой небольшой желѣзной или стальной вещи. Еще мы не успѣли дотронуться до иголки, а она уже подпрыгнула и пристала къ палочкѣ. Но возьмемъ иголку, продѣнемъ её въ небольшую пробку и пустимъ плавать по водѣ, налитой въ тарелку, такъ чтобы иголка находилась въ горизонтальномъ положеніи наверху воды. Издали уже будетъ чувствовать такая плавающая иголка приближеніе нашей волшебной палочки.

Но это еще не все. Потремъ иголку нашею желѣзною палочкою, начиная отъ середины и проводя къ концамъ, и притомъ такъ, чтобы одна половина иголки была натерта однимъ концомъ палочки, а другая другимъ, и замѣтимъ на самой палочкѣ, какимъ концомъ ея мы терли остріе и какимъ ушко. Положимъ, что тотъ конецъ, которымъ натерто остріе, мы означимъ буквою *С*, а тотъ, которымъ натерто ушко, означимъ буквою *Ю*: тогда мы увидимъ очень замѣчательное явленіе. Поднесемъ конецъ *Ю* къ острію иголки, и иголка побѣжитъ прочь или обернется къ намъ ушкомъ; поднесемъ конецъ, означенный буквою *С*, и иголка остріемъ пошлется къ нашей полоскѣ; поднесемъ конецъ *С* къ ушку иголки — иголка отойдетъ; поднесемъ конецъ *Ю* — и иголка приблизится.

Но этимъ еще не исчерпываются чудеса нашей палочки и иголки, на-

тертой палочкою. Возьмите прочь вашу палочку: иголка получила уже от нея силу, которой прежде не имѣла. Посмотрите, какъ одинъ ея конецъ всегда стремится въ одну и ту же сторону, другой всегда въ противоположную; поверните ее, какъ угодно, и она непремѣнно сама станетъ въ прежнее положеніе. Замѣьте же, куда смотритъ остріе иголки, и вы увидите, что оно постоянно смотритъ или на сѣверъ, или на югъ, т. е. туда, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, или туда, гдѣ его никогда не бываетъ; но не на востокъ, гдѣ солнце восходитъ, и не на западъ, куда оно заходитъ. Кромѣ того вы замѣтите, что ежели остріе иголки смотритъ на югъ, а ушко на сѣверъ, то вы ничѣмъ не заставите смотрѣть остріе на сѣверъ, а ушко на югъ.

Что такое притягиваетъ иголку къ палочкѣ, что отталкиваетъ ее, что заставляетъ ее становиться однимъ концомъ на сѣверъ, а другимъ на югъ — этого никто не знаетъ. Однакоже, хотя мы не знаемъ *причины* этого явленія, но можемъ воспользоваться имъ весьма хорошо. Положимъ, мы замѣтили, что остріе иголки смотритъ всегда на сѣверъ, а ушко на югъ, и, взявъ такую иголку съ собою, пошли въ большой темный лѣсъ, находящійся отъ нашего дома къ сѣверу; положимъ, наконецъ, что, пробродивши въ этомъ лѣсу долго взадъ и впередъ, мы потеряли дорогу и рѣшительно не знаемъ, куда идти и какъ намъ выбраться изъ лѣсу. Мы знаемъ, что домъ нашъ лежитъ на югъ, но не знаемъ, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ; можно бы узнать это по солнцу, да день, какъ говорится, выдался сѣрый, солнце не показывается и мы можемъ легко бродить въ лѣсу очень долго. Но вспомнимъ, что у насъ есть спасительная иголка, которая и безъ солнца знаетъ, гдѣ сѣверъ, и гдѣ югъ; положимъ же ее на маленькую щепочку и пустимъ на первую попавшуюся лужу: остріе иголки тотчасъ обернется на сѣверъ, а ушко на югъ.

Но что же это за чудная палочка? Это не болѣе, какъ простая стальная палочка: она и сама получила отъ другаго предмета ту силу, которую передала иголкѣ. Вы уже знаете, что такое магнитный камень: это желѣзная руда, обладающая магнитными свойствами. У насъ въ Россіи магнитнаго камня находятъ много, особенно въ Уральскихъ горахъ. Магнитный камень не только самъ обладаетъ свойствомъ притягивать и отталкивать желѣзныя вещи, но можетъ сообщать его стальнымъ и желѣзнымъ полускамъ, съ тою только разницею, что въ желѣзѣ магнитныя свойства удерживаются до тѣхъ поръ, пока оно находится въ соприкосновеніи съ магнитомъ, а въ твердой стали, натертой такимъ образомъ, какъ мы натерли иголку, сохраняется очень долго.

Давно уже было извѣстно свойство магнита, но еще никто не зналъ въ Европѣ, какую пользу можно изъ него извлечь; только въ XIV вѣкѣ одинъ итальянецъ, по имени Джіойо, вздумалъ примѣнить свойства нама-

гниченной иглы къ морскимъ путешествіямъ. До тѣхъ поръ, плавая по морямъ, моряки узнавали дорогу по солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а въ туманную или облачную погоду рѣшительно не знали, куда ѣхать, и потому боялись пускаться въ далекія морскія путешествія. Намагнитченную иголку для этой цѣди не пускаютъ на воду, какъ мы дѣлали это съ вами, но, сдѣлавъ особую стальную стрѣлку съ колпачкомъ по срединѣ, надѣвають ее на острый шпенёкъ, вдѣланный въ срединѣ круглаго ящика, такъ чтобы стрѣлка могла свободно обращаться вокругъ. На томъ концѣ стрѣлки, который обращается къ сѣверу, пишутъ букву N (Nord — по-русски сѣверъ), а на южномъ S (Sud — югъ). По бокамъ отмѣчаютъ востокъ и западъ. Между востокомъ и сѣверомъ, востокомъ и югомъ, югомъ и западомъ и т. д. дѣлаютъ еще нѣсколько дѣлений, указывающихъ направленіе на сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ, юго-востокъ и т. д. И съ такимъ простымъ инструментомъ смѣло пускаются люди въ море, зная, что и въ туманную погоду, и ночью всегда легко будетъ отыскать ту дорогу, по которой должно ѣхать. Такой инструментъ называется *компасомъ*. Благодаря компасу, португальцы объѣхали Африку и проплыли въ Индію; Колумбъ, плывя постоянно на западъ, открылъ Америку; а Магелланъ — первый объѣхалъ вокругъ всю землю.

Такъ полезно намъ знаніе законовъ природы и такія громадныя выгоды можетъ дать намъ маленькая стрѣлка, если мы умѣемъ быть наблюдательными и прилагать наши наблюденія къ дѣлу.

КЛАССИФИКАЦІЯ МИНЕРАЛОВЪ.

Минералы, или ископаемые, какъ ихъ называютъ, потому что они выкапываются изъ земли, отличаются одинъ отъ другаго кристаллизаціей, изломомъ, тяжестью, цвѣтомъ, блескомъ и проч. Всѣ минералы мы можемъ раздѣлить на четыре группы: въ 1-ю помѣстимъ металлы, во 2-ю земли и камни, потому что камень, размельчившись, дѣлается составною частью земли; въ 3-ю соли, въ 4-ю горючіе минералы.

Металлы — тѣла простыя, т. е. не составлены изъ другихъ тѣлъ, по виду отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, тяжелы, ковкі, плавятся и удобно принимаютъ различныя формы. Металлы мы раздѣлимъ съ вами на два разряда: въ первый помѣстимъ такъ называемые *драгоценныя* или *благородныя* металлы; во второй металлы простые, которые также называютъ *неблагородными*, хотя для человѣка нѣкоторые изъ нихъ гораздо полезнѣе самаго золота. Къ благороднымъ металламъ относятся: золото, серебро и платина; изъ нихъ дѣлаютъ монету (изъ платины монеты болѣе уже не дѣлаютъ) и разныя дорогія вещи и украшенія. Къ простымъ или неблагороднымъ металламъ относятся: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, ртуть, которая также металлъ, хотя и въ жидкомъ видѣ; цинкъ, который

входить, какъ составная часть, во множество искусственныхъ металловъ, и многіе другіе, которыхъ мы еще не знаемъ.

Земли и камни не имѣютъ ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются въ водѣ, не горятъ и не тянутся. Въ нѣкоторыхъ изъ камней мы находимъ тотъ же, знакомый намъ кремень, какъ напр. въ горномъ хрусталѣ, кварцѣ, халцедонѣ, опалѣ и пр.; въ другихъ главною составною частью бываетъ глина, какъ напримѣръ въ сапфирѣ, рубинѣ, изумрудѣ и др.; третьи содержатъ въ себѣ известку, какъ напримѣръ известковый камень или плитнякъ, мраморъ, гипсъ. Нѣкоторые камни слѣплены изъ кусковъ различныхъ земель и камней, какъ напримѣръ гранитъ, порфиръ и песчаникъ, который состоитъ весь изъ песчинокъ. Камни, какъ и металлы, раздѣляются на драгоценныя и простые. Самый драгоценный камень — алмазъ: онъ весь состоитъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ вовсе не драгоценный уголь и графитъ, употребляемый въ карандашахъ. Бриллиантомъ называется тотъ же алмазъ, только отполированный другимъ образомъ. Къ драгоценнымъ же камнямъ, кромѣ алмаза, относятся: красный рубинъ, голубой сапфиръ, зеленый смарагдъ, золотистый топазъ, зеленоватый бериллъ, яхонтовый гранатъ, фіолетовый аметистъ, молочный опаль и другіе.

Къ не драгоценнымъ камнямъ и землямъ относятся всѣ тѣ, которые попадаютъ въ большомъ количествѣ и большими массами. Изъ земель мы знаемъ съ вами глину и известку. Песокъ состоитъ изъ крошечныхъ песчинокъ, которыя, смѣшавшись напр. съ глиною, образуютъ песчаную землю. Черноземомъ называется такая земля, въ которой много органическихъ остатковъ сгнившихъ растений: такая земля очень плодородна, она покрываетъ огромныя пространства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Къ солямъ, кромѣ известной намъ поваренной соли, относятъ также селитру, которая идетъ на выдѣлку пороха и на солку говядины; горькосоленую глауберову соль, употребляемую какъ лекарство; поташъ, идущій на выдѣлку стекла и мыла и др.

Къ горючимъ минераламъ причисляютъ сѣру, каменный уголь, который, по замѣчанію геологовъ — людей, изучающихъ изъ чего сложена наша земля, — есть ни что иное, какъ окаменѣлый остатокъ допотопныхъ лѣсовъ, заваленныхъ землею, осаждавшеюся изъ воды. Къ горючимъ же ископаемымъ веществамъ можно причислить торфъ, образующійся изъ растений въ нашихъ болотахъ, и янтарь, который есть ничто иное, какъ смола допотопныхъ деревьевъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ХРИСТОМАТІЯ

ОТДѢЛЪ I.

БАСНИ И РАЗСКАЗЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ИГРАЮЩІЯ СОБАКИ.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлась на солнышкѣ большая дворовая собака, Полканъ.

Бъ Полкану подбѣжалъ маленькій Мопсъ и сталъ на него кидаться и лаять, хваталъ его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдалъ большой и угрюмой собакѣ. „Погоди-ка, вотъ она тебѣ задасть!“ сказалъ Володя: „проучить она тебя!“ Но Мопсъ не переставалъ играть, а Полканъ смотрѣлъ на него очень благосклонно.

— Видишь ли, сказалъ Володѣ отецъ, Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобой начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непременно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ приколотишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

ДВА КОЗЛИКА.

Два упрямые Козлика встрѣтились однажды на узкомъ бревнѣ, переброшенномъ черезъ ручей. Обоимъ разомъ перейти ручей имъ было невозможно: приходилось которому-нибудь воротиться назадъ, дать другому дорогу и обождать. „Уступи мнѣ дорогу,“ сказалъ одинъ. — Вотъ еще, подика-ты какой важный баринъ! отвѣчалъ другой; — пятася назадъ; я первый взошелъ на мостъ. — „Нѣтъ, братъ! я гораздо постарше тебя годами, и мнѣ уступить молокососу! Ни за что!“ Тутъ оба, долго не думавши, стукнулись крѣпкими лбами, сцѣпились рогами и, упираясь тоненькими ножками въ колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрямяца поскользнулись и полетѣли прямо въ воду.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЬ.

Прекрасная сильная лошадь безъ всякой поклажи и тяжело навьюченный осель шли по дорогѣ за своимъ хозяиномъ. „Любезная лошадь, скажаль осель, возьми на себя хотя маленькую часть моей ноши: я задыхаюсь подъ тяжестью!“ Лошадь гордо отказалась. Вздохнулъ бѣдный осель и, опустивъ уши, побрель далѣе; но, протащившись еще кое-какъ съ версту, пошатнулся, упалъ и издохъ. Теперь только увидѣлъ хозяинъ, какъ онъ былъ несправедливъ къ бѣдному животному, и что напрасно баловаль онъ сильную молодую лошадь. Погореваль хозяинъ, попеняль на себя; но дѣлать нечего: надобно было ѣхать далѣе. И вотъ онъ навьючилъ всю ослиную ношу на гордую лошадь, да прибавилъ къ ношѣ еще и ослиную кожу, которой не захотѣлъ даромъ бросить на дорогѣ.

— По дѣломъ мнѣ! подумала лошадь: еслибы я сжалилась надъ моимъ бѣднымъ спутникомъ, то и онъ былъ бы живъ, да и мнѣ не пришлось бы теперь такъ тяжело.

ВѢТЕРЬ И СОЛНЦЕ.

Однажды Солнце и сердитый сѣверный Вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшились помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ это самое время ѣхаль верхомъ по большой дорогѣ. „Посмотри,“ сказалъ Вѣтеръ, „какъ я налечу на него: мигомъ сорву съ него плащъ!“ Сказаль — и началъ дуть что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался Вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ: онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхаль все дальше-и-дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣль, осыпаль бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ: проклиная Вѣтеръ, путешественникъ надѣль свой плащъ въ рукава и подвязался поясомъ. Тутъ уже Вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть. Солнце улыбулось, видя безсиліе своего соперника, выглянуло изъ за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзшаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ приободрился, благословиль Солнце, самъ сняль свой плащъ, свернулъ его и привязаль къ сѣдлу. „Видишь ли,“ сказало тогда кроткое Солнце сердитому Вѣтру: „лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ.“

ДВА ПЛУГА.

Изъ одного и того же куска желѣза и въ одной и той же мастерской были сдѣланы два плуга. Одинъ изъ нихъ попалъ въ руки земледѣльца, и немедленно пошелъ въ работу; а другой долго и совершенно бесполезно

провалился въ лавкѣ купца. Случилось черезъ нѣсколько времени, что оба земляка опять встрѣтились. Плугъ, бывшій у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро и былъ даже еще лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ только-что вышелъ изъ мастерской; Плугъ же, пролежавшій безъ всякаго дѣла въ лавкѣ, потемнѣлъ и покрылся ржавчиной. „Скажи, пожалуйста, отчего ты такъ блестяшь?“ спросилъ заржавѣвшій Плугъ у своего стараго знакома. „Отъ труда, мой милый,“ отвѣчалъ тотъ: „а если ты заржавѣлъ и сдѣлался хуже чѣмъ былъ, то это потому, что все это время пролежалъ на боку, ничего не дѣлая.“

ОРГАНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Однажды Органы человѣческаго тѣла перессорились между собою и рѣшились не служить болѣе другъ другу. Ноги сказали: „Почему мы именно должны носить все тѣло? пусть оно сдѣлаетъ само себѣ другія ноги, да и ходить сколько угодно!“ Руки также сказали: „И мы не хотимъ работать для другихъ; устройте себѣ другія руки и пусть они для васъ трудятся.“ — Ротъ проворчалъ: „Глупъ же я буду, если ни-за-что ни-про-что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы онъ ее потомъ переваривалъ, развалившись, какъ какой-нибудь важный баринъ. Нѣтъ, поищи себѣ другаго рта, а я тебѣ больше не слуга!“ Глаза находили также очень страннымъ, что они должны смотрѣть за все тѣло и стоять безпрестанно на стражѣ. Такъ разговаривали между собою всѣ Органы человѣческаго тѣла и рѣшились не служить болѣе другъ другу. Чтò же случилось? Такъ-какъ ноги не хотѣли ходить, руки перестали работать, ротъ пересталъ жевать и глаза закрылись, то все Тѣло, оставшись безъ движенія и пищи, начало слабѣть, хирѣть и едва было совершенно не замерло. Всѣмъ Органамъ, составляющимъ Тѣло, стало тяжело и дурно и пришлось бы еще хуже, еслибы они не догадались, какъ глупо они поступили. „Нѣтъ, такъ жить плохо,“ подумали они, помирились, стали по прежнему другъ на друга работать — и все Тѣло поправилось и сдѣлалось здоровымъ и сильнымъ.

БРАТЬ И СЕСТРА.

Серѣжа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ: — Пойдемъ, поищемъ, не осталось ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго и полакомимся. „Еслибъ ты повелъ меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою;“ отвѣчала Аннушка. — Пойдемъ въ кладовую; тамъ мы найдемъ что-нибудь хорошенькое и никто насъ не увидитъ. — „Нѣтъ, Серѣжа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ; онъ колетъ на дворѣ дрова“. — Ну, такъ пойдемъ въ кухню, — уговаривалъ Серѣжа сестру: тамъ стоитъ цѣлый горшокъ меду и мы намажемъ

себѣ по большому куску хлѣба. — „Въ кухнѣ увидитъ насъ сосѣдка; она вѣрно теперь сидитъ у окна и прядетъ.“ — Ахъ, какая же ты трусиха, Анюта! сказалъ маленькій лакомка; пойдѣмъ, если такъ, въ погребъ кушать яблоки; тамъ уже навѣрное насъ никто не увидитъ. — „Ахъ, милый Серѣжа, неужели ты думаешь, что въ погребъ никто уже насъ не увидитъ?... Развѣ ты не знаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны и отъ Котораго и въ темнотѣ нельзя скрыться? Серѣжа испугался. — „Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ: Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческой глазъ ничего не видитъ; а потому ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны мы дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ.

ЛЮБОПЫТСТВО.

Павлуша (съ любопытствомъ). Что это тамъ у тебя въ передникѣ, Лиза? — *Лиза.* А тебѣ это очень нужно знать? — *Павлуша (шутя).* Покажи-же, а не то я насильно посмотрю. — *Лиза.* Ничего тамъ нѣтъ. — *Павлуша.* Не правда: ты что-то прячешь отъ меня. Покажи; пожалуйста, покажи! — *Лиза.* Нетронь; можетъ-быть это подарокъ тебѣ къ Новому Году. — *Павлуша.* Какъ? что? подарокъ къ Новому Году? Покажи-же, душечка-сестрица, покажи, что тамъ такое (*хочетъ вырвать передникъ изъ рукъ сестры, но Лиза не даетъ*). Скажи, по крайней-мѣрѣ, что это такое? Вѣрно кошелекъ! Неправда ли, кошелекъ? — *Лиза.* Зачѣмъ тебѣ кошелекъ; развѣ я тебѣ не вывязала кошелька? — *Павлуша.* Чтожъ бы это было такое? Ахъ, знаю: ты связала мнѣ шарфикъ! — *Лиза.* У тебя два шарфика, на что же тебѣ третій? — *Павлуша.* Какъ ты меня мучишь, сестрица! какая ты скрытная! — *Лиза.* Какой ты любопытный! — *Павлуша.* Знаю, знаю! Это вѣрно батюшка купилъ мнѣ что-нибудь къ Новому Году; какая-нибудь игрушка? — *Лиза.* Можетъ-быть батюшка и купилъ тебѣ что-нибудь; но ты знаешь, какъ онъ не любить, чтобы угадывали заранѣе его подарки. — *Павлуша.* Да я ему не скажу, и въ Новый Годъ притворюсь, какъ-будто ничего не знаю. — *Лиза.* Я и не знала, что ты умѣешь такъ притворяться. Покажи же, какъ ты это сдѣлаешь. — *Павлуша.* Ужъ сдѣлаю какъ-нибудь; но помоги мнѣ, пожалуйста, отгадать, что тамъ у тебя такое. Что-нибудь изъ царства растительнаго? — *Лиза.* Нѣтъ! — *Павлуша.* Изъ царства животнаго? — *Лиза.* Нѣтъ! — *Павлуша.* Изъ царства минеральнаго? — *Лиза.* Нѣтъ! — *Павлуша.* Теперь же я тебя поймалъ: конечно нѣтъ въ твоёмъ передникѣ чего-нибудь изъ царства духовъ. — *Лиза.* Конечно нѣтъ! (*опускаетъ со смѣхомъ передникъ и показываетъ, что въ рукахъ у нее ничего нѣтъ.*) Къ какому царству принадлежитъ что? — *Павлуша.* Ахъ, ты плутовка! Зачѣмъ-же ты такъ таинственно

закрывала руки передникомъ, какъ-будто бы у тебя и Богъ знаетъ что такое! — *Лиза*. Мнѣ просто было холодно безъ перчатокъ; а ты самъ себя наказалъ своимъ любопытствомъ. — *Павлуша*. Хорошо! хорошо! но знаешь-ли что я скажу тебѣ, Лиза?... Въ другой разъ уже ты меня такъ не проведешь.

ПЕРСИКИ.

Отецъ привезъ изъ города пять персиковъ. Дѣти его въ первый разъ видѣли эти плоды и не могли насмотрѣться на хорошенькія яблоки съ красными щечками, покрытыми нѣжнымъ пухомъ. Отецъ подарилъ каждому изъ дѣтей своихъ по персику, а пятый отдалъ матери. Вечеромъ, когда дѣти собирались уже спать, отецъ спросилъ у нихъ, вкусны ли показались имъ хорошенькія яблоки. — Ахъ, очень! отвѣчалъ старшій сынъ: мое было такое вкусное, сладкое, сочное! я спряталъ косточку, потомъ посажу ее и у меня вырастетъ цѣлое дерево. — „Браво!“ сказала отецъ: „ты будешь у меня хорошій хозяинъ.“ — Я свой тотчасъ же съѣлъ, отвѣчалъ младшій, — а косточку бросилъ. Матушка дала мнѣ еще половину своего. Какое вкусное яблочко; такъ и таетъ во рту! — „Ну, ты поступилъ не очень умно,“ сказалъ отецъ: „но отъ тебя нельзя и требовать другаго; время разсудка еще прійдетъ.“

— Я, сказалъ второй сынъ, — подобралъ косточку, которую бросилъ младшій братъ, и разбилъ ее! Тамъ было превкусное зернышко. А персикъ мой я продалъ и взялъ за него столько денегъ, что когда поѣду въ городъ, то могу купить себѣ на нихъ цѣлую дюжину! — Отецъ покачалъ головою и сказалъ: „Умно, но не по-дѣтски. Не дай Богъ сдѣлаться тебѣ купцомъ! А ты, Эдмундъ?“ спросилъ онъ, обращаясь къ третьему сыну.

— Я отнесъ мой персикъ, отвѣчалъ Эдмундъ, сыну сосѣда, маленькому Георгу, который лежитъ въ лихорадкѣ. Онъ не хотѣлъ его брать: я положилъ персикъ къ нему на постель и убѣждалъ.

— Скажите-же мнѣ теперь, кто сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своего персика? спросилъ отецъ. — „Братъ Эдмундъ!“ отвѣчали все трое въ одинъ голосъ. Эдмундъ же стоялъ и молчалъ. Мать обняла его со слезами на глазахъ.

ГУСИ.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухъ.

Вася. Могутъ ли такъ же летать наши домашніе гуси? *Отецъ*. Нѣтъ. — *В*. Кто же кормитъ дикихъ гусей? — *От*. Они сами отыскиваютъ себѣ пищу. — *В*. А зимою? — *От*. Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси

улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны; а весною возвращаются снова. — *В.* Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны? — *От.* Потому-что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ. — *В.* Но почему это случилось съ ними? — *От.* Потому-что люди объ нихъ заботятся и отбучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не приучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми. — *В.* Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться тоже, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

НАВЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Индѣецъ Сѣверной-Америки, возвратившись въ свою хижину, открылъ, что окорокъ ветчины, который онъ повѣсилъ на дерево провалиться, былъ украденъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, онъ пустился преслѣдовать вора и спрашивалъ у всѣхъ, кто встрѣчался ему: не видали ли они старого, бѣлаго человѣка небольшого роста съ короткимъ ружьемъ и съ небольшою собакою, у которой очень длинный и мохнатый хвостъ. Многие отвѣчали ему, что дѣйствительно встрѣчали такого человѣка; но въ то же время спрашивали, какъ онъ могъ дѣлать такое подробное описание лица, котораго никогда не видалъ. „Что воръ небольшого роста,“ отвѣчалъ Индѣецъ, „это я заключилъ изъ того, что онъ долженъ былъ подкладывать камни, что-бы снять ветчину, которую я повѣсилъ, стоя на землѣ; что онъ старикъ — я знаю это по его короткимъ шагамъ, слѣды которыхъ остались на упавшихъ листьяхъ въ лѣсу; что онъ бѣлый — я знаю это потому, какъ онъ выворачиваетъ свои пятки, чего индѣецъ никогда не дѣлаетъ. Ружье его должно быть коротко, это я видѣлъ; потому-что, поставивъ его у дерева, онъ сдернулъ немного кору. Собака его не велика — это видно по ея слѣдамъ; а что у нея пушистый хвостъ — это я замѣтилъ по знаку, который она оставила на пескѣ, когда сидѣла и облизывалась, пока ея хозяинъ красть мою ветчину.“

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Даже животныя чувствуютъ благодарность къ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро: неужели же человѣкъ можетъ быть неблагодарнымъ? Животныя приязаны и преданы своимъ господамъ; въ-особенности отличаются этимъ собаки.

Одинъ купецъ отправился въ дорогу верхомъ и слѣдомъ за нимъ бѣжалъ его вѣрный пудель. Купецъ ѣхалъ за тѣмъ, чтобы получить большую сумму денегъ. Получивъ деньги и привязавъ ихъ въ мѣшокъ къ сѣдлу, поѣхалъ онъ домой. Дорогою мѣшокъ отвязался и упалъ, а купецъ не замѣтилъ этого. Зоркій пудель видѣлъ, какъ упалъ мѣшокъ; попробовалъ было поднять его зубами, но почувствовалъ, что онъ былъ ему не подъ силу. Тогда пудель, оставивъ мѣшокъ, догналъ своего господина, забѣжалъ впередъ, сталъ кидаться на лошадь и лаять съ ожесточеніемъ и упорствомъ. Не зная въ чемъ дѣло, купецъ кричалъ на пуделя, бранилъ его, ударилъ кнутомъ — ни что не помогало! Вѣрное животное продолжало кидаться на лошадь съ такою яростію, какъ-будто хотѣло стащить долой своего хозяина. Видя, что ни что не помогаетъ и что купецъ всё ѣдетъ дальше-и-дальше, пудель сталъ кусать за ноги лошадь, чтобы заставить хозяина воротиться. Купецъ испугался: ему пришло на мысль, что пудель его *взбѣсился* и, зная, какъ опасны бѣшенныя собаки, купецъ рѣшился застрѣлить своего вѣрнаго слугу. Долго еще однакожь старался онъ отдѣлаться отъ пуделя, то ласками, то угрозами, то ударами кнута; но видя, что ни что не помогаетъ, вынулъ пистолетъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выстрѣлилъ въ вѣрную собаку. Бѣдное животное упало; но черезъ минуту опять поднялось и съ жалобнымъ визгомъ, обливаясь кровью, старалось слѣдовать за хозяиномъ. Купецъ очень любилъ своего вѣрнаго пуделя; ему было тяжело смотрѣть, какъ онъ страдаетъ, и потому онъ, пришпоривъ лошадь, ускакалъ впередъ. Отѣхавъ немного, купецъ захотѣлъ взглянуть, чтоъ стало съ бѣднымъ животнымъ, и тутъ только, оборачиваясь назадъ, замѣтилъ онъ, что мѣшокъ съ деньгами не было у сѣдла. Понялъ тогда купецъ, зачѣмъ такъ упорно лаяла и кидалась на него вѣрная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денегъ. Онъ тотчасъ же поскакалъ назадъ, но не нашелъ уже пуделя на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Слѣды крови по дорогѣ показывали, что собака воротилась назадъ. Какъ больно было доброму купцу, когда, отправившись по кровавымъ слѣдамъ, онъ нашелъ вѣрное животное, издыхающимъ у мѣшка съ деньгами. Понятливо смотрѣла собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку. Черезъ нѣсколько минутъ пудель издохъ; а купецъ, не радуясь и найденнымъ деньгамъ, воротился домой.

БОГАТСТВО.

Одинъ небогатый молодой человѣкъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ учителемъ и горько жаловался ему на свои неудачи въ жизни. Онъ былъ когда-то лучшимъ ученикомъ въ школѣ, и тѣ, которые учились гораздо хуже его, пользовались теперь богатствомъ и извѣстностью, тогда какъ

онъ во всемя терпѣль недостатки. — „Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ, какъ говоришь?“ сказалъ ему учитель: „ты, кажется, пользуешься очень хорошимъ здоровьемъ и эта рука,“ продолжалъ учитель, взявши за правую руку своего бывшего ученика: „сильна и способна къ работѣ. Позволилъ-ли бы ты отрѣзать ее за тысячу рублей?“ — Сохрани Боже! ни за десять! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — „А за сколько же отдалъ бы ты твои зоркіе глаза, которые такъ ясно видятъ Божій міръ, — твой острый слухъ и твои молодыя ноги? Я думаю ты не промѣнялъ бы ихъ и за цѣлое королевство?“ — Конечно нѣтъ, отвѣчалъ юноша. — „Какъ же ты жалуешься на свою бѣдность, обладая такими богатствами?“

ДОВРОСОВѢСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Дикій Индѣецъ попросилъ у своего сосѣда табаку. Сосѣдъ былъ человѣкъ не скупой, полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда полную горсть. На другое утро первый опять пришелъ къ своему сосѣду и принесъ ему серебряную монету, которую нашелъ въ табакѣ. „Почему же ты не оставилъ ее у себя?“ спросилъ случившійся при этомъ бѣлый человѣкъ: „тотъ, кто подарилъ тебѣ табакъ, подарилъ и деньги.“ — Тогда Дикарь положилъ руку на сердце и сказалъ: Здѣсь у меня сидятъ два человѣка — добрый и злой. Добрый говорилъ мнѣ: „деньги тебѣ не принадлежатъ; отдай ихъ тому, чьи онѣ.“ Злой человѣкъ говорилъ мнѣ: „тебѣ ихъ отдали, — они твои.“ Добрый сказалъ на это: „не правда, табакъ твой, а деньги не твои.“ Злой человѣкъ опять сказалъ: „не безпокойся; поди и купи себѣ водки.“ Я не зналъ на что рѣшиться и легъ спать. Но злой и добрый человѣкъ не переставали драться у меня въ сердцѣ, и не дали заснуть всю ночь: утромъ я вскочилъ и понесъ деньги назадъ.

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Два путешественника шли вмѣстѣ и остановились ночевать въ одной гостинницѣ. Ночью ихъ разбудилъ крикъ и они узнали, что въ деревнѣ пожаръ. Одинъ изъ путешественниковъ поспѣшно сталъ одѣваться, чтобы идти на помощь; другой удерживалъ его, говоря: „Пойдемъ нашей дорогой; тутъ и безъ насъ людей довольно. Какое намъ дѣло до чужихъ!“ Но товарищъ не послушалъ его и поспѣшилъ къ горящему дому. Передъ домомъ, который уже весь былъ объятъ пламенемъ, стояла женщина и въ отчаяніи кричала: „дѣти мои! дѣти мои!“ Услышавъ эти крики, чужестранецъ въ ту же минуту кинулся въ огонь, не смотря на яростное пламя и обрушивающіяся балки. „Онъ погибъ! навѣрное погибъ!“ кричали многіе; но черезъ минуту путешественникъ съ обгорѣвшими волосами и пылающимъ платьемъ показался изъ огня; а въ рукахъ у него было двое дѣ-

тей, которыхъ онъ передалъ рыдающей матери. Несчастливая женщина сначала обняла своихъ дѣтей, какъ-будто еще не вѣря, что они возвращены ей; а потомъ бросилась къ ногамъ чужестранца. Въ эту самую минуту рухнулъ горѣвшій домъ.

— Кто приказалъ тебѣ броситься на такое безумное дѣло? спросилъ чужестранца его товарищъ.

— Господинъ огня! отвѣчалъ мужественный человѣкъ: Онъ же и Господинъ дома, Отецъ дѣтей и Спаситель! Онъ сказалъ въ моемъ сердцѣ: „Иди!“ а я только исполнилъ Его волю.

РАСКАЯНІЕ.

Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда чрезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного. Но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда — мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдводемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. „Безсовѣстныя дѣти,“ сказалъ онъ, „вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!“ Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горестью, глубоко запаали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣжалъ къ своему злому сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде; но навѣрное накажетъ презрѣніемъ, которое я вполне заслужилъ.

— Глушь, братъ, ты, какъ я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: почему же узнаешь твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только смотри, самъ не проговорись.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) воротился домой и увидѣлъ, что отецъ встрѣчаетъ его по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ подбѣжать къ отцу съ прежнею радостію.

— Какъ же мнѣ, подумалъ онъ, смотрѣть весело на того, кого я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давитъ мнѣ сердце.

Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣсколькѣ прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ

и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли, но Володя закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— Что съ тобою, дитя мое; о чемъ ты плачешь? спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: „Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить долѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше; не дари мнѣ ничего; накажи меня, чтобы я могъ къ тебѣ опять приходиться спокойно; избавь меня отъ мученій, которыя чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому-что я.... я обобралъ молодья деревья!“ Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекъ его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: „Я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ никогда не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня: тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблоковъ.“

ПАУКЪ.

Мальчикъ пошелъ со своимъ отцомъ въ виноградникъ. Тамъ увидаль онъ пчелу, запутавшуюся въ паутину. Паукъ уже готовился вонзить свои ядовитые зубы въ тѣло бѣднаго насѣкомаго, но мальчикъ разорвалъ сѣти хищника и освободилъ пчелу.

— Ты очень мало цѣнишь искусство этого насѣкомаго, разрывая его искусную сѣть! сказалъ отецъ мальчику: развѣ ты не видишь, какъ правильно и красиво переплетены эти тонкія ниточки?

— Я думаю, отвѣчалъ мальчикъ, что паукъ такъ искусно плететь свою сѣть для того, чтобы ловить въ нее и потомъ убивать другихъ насѣкомыхъ, а пчелка собираетъ медъ и воскъ. Вотъ почему я освободилъ пчелу и разрушилъ хитрое тканье паука.

Отцу понравилось сужденіе мальчика. — Правда твоя, сказалъ онъ сыну: но, можетъ-быть, ты поступилъ съ паукомъ не совѣмъ справедливо. Развѣшивая свою ткань по вѣтвямъ винограда, онъ защищаетъ зрѣющія кисти отъ мухъ и осъ и истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ.

— Дѣлаетъ ли онъ это для того, спросилъ мальчикъ, чтобы сберечь для насъ виноградъ, или для того, чтобы самому поживиться осами и мухами?

— Конечно, отвѣчалъ отецъ, ему нѣтъ дѣла до нашего винограда.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ мальчикъ, добро, которое дѣлаетъ паукъ, не можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу.

— Правда твоя, отвѣчалъ отецъ: мы должны благодарить за это природу, которая и вредныхъ созданій умѣетъ заставить дѣлать добро и приносить пользу.

— Но скажите, батюшка, продолжалъ мальчикъ, почему паукъ въ одиночку тчетъ свою паутину, тогда-какъ пчелы цѣлымъ обществомъ дѣлаютъ свои соты?

— Потому, отвѣчалъ отецъ, что только добрая цѣль можетъ прочно соединять многихъ: союзъ злыхъ разрушается самъ собою.

ВЕЛИКАНЪ И КАРЛИКИ.

ГЛАВА I.

Жизнь-бытье Великана и Карликовъ.

Лѣтъ тысячъ пять или шесть тому назадъ, когда на бѣломъ свѣтѣ водилось еще много различныхъ чудесъ, жилъ-былъ гдѣ-то очень далеко отсюда, посреди жаркой Африки, огромный великанъ. По сосѣдству съ великаномъ находилось цѣлое царство удивительно маленькихъ человѣчковъ. Великана звали Антеемъ, маленькихъ человѣчковъ — Пигмеями. Антей и Пигмеи были дѣтьми одной и той же матери, нашей общей старой бабушки земли. Они считались братьями и жили дружно, по-братски. Пигмеи были такіе крошки, жили за такими пустынями и горами, что не удивительно, если и въ сотни лѣтъ ни одному человѣку не пришлось ни разу увидеть ихъ. Великана, правда, можно было бы рассмотреть и за сотни верстъ; но благоразуміе приказывало держаться отъ него подальше.

Пигмей въ пять или шесть вершковъ росту считался между Пигмеями великаномъ. Изъ этого вы можете судить, какіе это были маленькіе человѣчки. Приятно было бы посмотреть на маленькіе города Пигмеевъ, гдѣ улицы были шириною въ пять или шесть четвертей, мостовыя изъ крошечныхъ камешковъ, а самый большой домъ не больше бѣличьей клѣтки. Дворецъ пигмейскаго короля былъ очень великъ, — выше даже нашего стула! стоялъ онъ посреди такой обширной площади, что ее, быть-можетъ, не закрыть бы и заслонкою изъ кухонной печи. Главный пигмейскій храмъ былъ величиною съ дѣтскій комодъ и Пигмеи смотрѣли съ гордостью на это величественное зданіе. Вообще Пигмеи были очень искусные строители и строили свои дома почти такъ же, какъ птички вьютъ свои гнѣзда: изъ соломы, перьевъ, яичныхъ скорлупокъ и другихъ не слишкомъ тяжелыхъ матеріаловъ. Все это скрѣплялось, вмѣсто извести, вишневымъ клеемъ, и когда такое величественное зданіе высыхало на солнцѣ, то карлики находили его и красивымъ, и удобнымъ.

Вокругъ пигмейскаго города разстиались поля. Самое большое изъ нихъ было не больше нашего цвѣтника. На этихъ поляхъ маленькіе человѣчки садили пшеничныя, ячменныя и ржаныя зерна, и когда изъ этихъ зеренъ выростали колосья, то для Пигмеевъ казались они огромными дере-

вьями. На жатву трудолюбивые крошки выходили съ топориками и безъ-устали рубили зрѣлые колосья, какъ рубимъ мы сосны и березы. Случалось иногда, что неосторожно срубленный колосъ съ тяжелой головкой падалъ на Пигмея, и всякій разъ изъ этого выходила весьма неприятная исторія: если Пигмей и оставался живъ, то по-крайней-мѣрѣ долго стоналъ и охалъ. Вотъ каковы были отцы и матери Пигмеевъ: представьте же себѣ, каковы у нихъ были дѣтки! Цѣлая толпа пигмейскихъ ребятишекъ могла бы очень удобно разположится спать въ нашемъ башмакѣ, или играть въ жмурки въ старой перчаткѣ; годоваго пигмейчика вы безъ труда накрыли бы напереткомъ.

Забавные малютки, — какъ я уже сказалъ, — жили по сосѣдству съ великаномъ. А великанъ былъ дѣйствительно великанъ! Отправляясь гулять, онъ вырывалъ цѣлую сосну сажень въ десять высотой и помахивалъ ею, какъ мы машемъ тросточкою. Самый зоркій Пигмей безъ подозрной трубы не могъ видѣть ясно головы Антея. Иногда же, въ туманную погоду, Пигмеямъ видны были только страшныя ножища великана, которыя двигались будто сами собою. Но въ ясный день, когда солнышко блистало ярко, Антей шутилъ съ Пигмеями очень мило: стоять, бывало, подбоченясь, гора горою, и его широкое лицо ласково улыбается маленькимъ братцамъ; а единственный глазъ, величиною въ каретное колесо, торчавшій у Антея посреди самага лба, дружески мигаетъ разомъ всему Пигмейскому народу.

Пигмеи любили поболтать со своимъ братцемъ. Иной пятьдесятъ разъ на день подбѣжить, бывало, къ ногамъ великана, задереть къ верху голову, приложить кулакъ ко рту и закричить, какъ въ трубу, изо всей мочи: — „Го-го! братецъ Антей! Какъ поживаешь, мой милый?“ И если тоненькій пискъ достигалъ до слуха великана, то онъ, бывало, непременно отвѣтитъ: — „Спасибо, братецъ Пигмей, живу помаленьку;“ но отвѣтитъ такъ, что даже пигмейскіе дома задрожать.

Большимъ счастьемъ было для Пигмеевъ, что Антей былъ съ ними дружень. Еслибы онъ такъ же злился на нихъ, какъ злился на всякое другое живое существо, то однимъ пинкомъ могъ бы онъ перевернуть все ихъ царство къ верху ногами; стоило ему ступить на пигмейскій городъ — и слѣда бы его не осталось. Но Антей любилъ своихъ крохотныхъ братцевъ, на сколько могъ любить такой грубый великанъ; а они платили ему такую любовью, какая только могла помѣститься въ ихъ крошечныхъ сердечкахъ. Великанъ, какъ добрый братъ и хорошій сосѣдъ, не разъ оказывалъ Пигмеямъ большія услуги. Если вѣтряныя мельницы ихъ переставали вертѣться за недостаткомъ вѣтру, то стоило только Антею подышать на крылья — и мельницы принимались молотъ; жгло ли крошекъ солнце слишкомъ сильно, Антей садился на землю и тѣнь его закрывала все ихъ

царство изъ конца въ конецъ; но вообще Антей былъ довольно уменъ, чтобы не мѣшаться въ дѣла крошекъ, и предоставлялъ имъ самимъ управляться, какъ знаютъ.

Пигмеи жили недолго; жизнь Антея была длинна, какъ его тѣло. Много пигмейскихъ поколѣній смѣнилось на глазахъ Антея. Самые почтенные и сѣдые Пигмеи не слышали отъ своихъ предковъ, когда началась ихъ дружба съ Антеемъ. Никто изъ Пигмеевъ не помнилъ, чтобы они когда-нибудь ссорились съ громаднымъ братомъ. Дружба ихъ шла ненарушимо съ незапамятныхъ временъ. Однажды только Антей по неосторожности сѣлъ разомъ на пять тысячъ Пигмеевъ, собравшихся на великолѣпный парадъ. Но это было одно изъ тѣхъ печальныхъ событій, которыхъ никто не можетъ предвидѣть; а потому Пигмеи не разсердились на Антея и только попросили его, чтобы впередъ онъ осторожнѣе выбиралъ мѣсто, гдѣ ему захочется усѣсться; на мѣстѣ же печальнаго событія Пигмеи воздвигнули пирамиду четверти въ три вышиною.

Пріятно было думать, что существа, столь различныя по величинѣ, питали другъ къ другу такую нѣжную братскую любовь. Эта дружба была счастьемъ для Пигмеевъ, но она была также счастьемъ и для великана. Можетъ-быть, Пигмеи были даже нужнѣе своему длинному братцу, чѣмъ онъ Пигмеямъ. Не будь у Антея его маленькихъ братьевъ — и у него рѣшительно не было бы ни одного друга въ цѣломъ мірѣ. Въ цѣломъ мірѣ не было ни одного великана, похожаго на Антея, и когда Антей стоялъ, какъ громадная башня, а голова его уходила въ облака, то онъ былъ страшно одинокъ. Да и права Антея былъ неуживчиваго: встрѣться онъ съ подобнымъ ему великаномъ, то, вѣроятно, началъ бы съ нимъ драку не на животь, а на смерть. Имъ вдвоемъ показалось бы тѣсно жить на бѣломъ свѣтѣ. Но съ Пигмеями Антей былъ самымъ добродушнымъ, ласковымъ великаномъ.

Маленькіе пріятели Антея, какъ вообще всѣ маленькіе люди, были о себѣ очень высокаго мнѣнія и, говоря о великанѣ, принимали покровительственный тонъ. — „Бѣдное, доброе созданье!“ — говорили они объ Антеѣ, „пропалъ бы онъ безъ насъ, бѣдняга! Ему одному должно-быть ужасно какъ скучно. Удѣлимъ же минутку нашего драгоценнаго времени и позабавимъ милаго друга. Повѣрьте, что онъ очень нуждается въ насъ и далеко не такъ веселъ, какъ мы. Спасибо матушкѣ-землѣ, что она не создала насъ такими же великанами!“

По праздникамъ Пигмеи превесело играли съ Антеемъ. Онъ, бывало, растянется на землѣ и займетъ собою такое пространство, что для коротенькаго Пигмея пройти отъ Антеевой головы до его ногъ было весьма порядочной прогулкой. Крошечные челоѣчки весело перепрыгивали у него съ

пальца на палець; смѣло запрятывались въ складки его одежды; взбирались къ нему на голову и не безъ ужаса заглядывали въ его широкій ротъ — страшную пропасть, куда могли бы провалиться сотни двѣ Пигмеевъ разомъ. Дѣти играли въ прятки въ волосахъ и бородѣ Антея; а большіе держали пари, кто скорѣе обѣжитъ вокругъ его единственнаго глаза; иные молодцы со всего размаха даже прыгали съ носа Антея на его верхнюю губу.

Говоря откровенно, Пигмеи иногда препорядочно надоѣдали своему братцу, какъ надоѣдаютъ намъ мухи и комары; но Антей принималъ ихъ шутки очень добродушно. Смотрить — смотреть, бывало, на всѣ ихъ проказы — и расхохочется! да такъ расхохочется, что весь пигмейскій народъ закроетъ себѣ уши, чтобы не оглохнуть.

— Хо, хо, хо! прореветъ Антей, колыхаясь какъ огнедышащая гора при изверженіи: право не дурно быть такимъ крошкой, и не будь я Антеемъ, я пожелалъ бы быть Пигмеемъ!

Счастливо жили Пигмеи; но была и у нихъ своя забота. Они вели постоянную войну съ журавлями; и эта война тянулась такъ долго, что и великанъ даже не помнилъ, когда она началась. Страшныя битвы происходили повременамъ между маленькими человѣчками и журавлями! Величественны были Пигмеи, когда верхомъ на бѣлкахъ, кроликахъ, крысахъ и ежахъ, вооружившись мечами и копьями, луками и стрѣлами, трубя въ трубы, сдѣланныя изъ соломинокъ, съ громкимъ *ура!* кидались въ битву. При этихъ случаяхъ, пигмейскіе полководцы, возбуждая воиновъ къ битвѣ, не разъ говорили имъ: „помните, Пигмеи, что весь міръ смотритъ на васъ!“ хотя, правду говоря, смотрѣлъ на нихъ единственный, нѣсколько глуповатый глазъ Антея.

Когда обѣ враждебныя арміи сходились къ битвѣ, то журавли кидались впередъ и, махая крыльями, вытягивая шеи, старались выхватить кого-нибудь изъ пигмейскихъ рядовъ своими длинными носами. Грустно было видѣть, какъ иногда маленькій человѣчекъ, барахтаясь, дрыгая ножками, исчезалъ мало-по-малу въ длинномъ журавлинномъ горлѣ. Но герой, какъ вы знаете, долженъ быть готовъ къ случайностямъ всякаго рода и, безъ сомнѣнія, слава утѣшала Пигмея даже въ журавлиномъ зобу. Если Антей замѣчалъ, что битва становится уже слишкомъ жарка и что его маленькимъ пріятелямъ приходится плохо, то онъ только махнетъ, бывало, своей дубиной и журавли съ крикомъ, перегоня другъ друга, убиваются восвоей. Тогда пигмейская армія возвращалась домой съ торжествомъ, конечно приписывая побѣду своей собственной храбрости и искусству своихъ полководцевъ. Долго послѣ того по улицамъ пигмейскихъ городовъ ходили торжественныя процессіи, горѣли блестящія иллюминаціи и фейерверки, задавались великолѣпныя публичные обѣды, выставлялись

статуи героевъ во весь ихъ маленькій ростъ. Если же какому нибудь Пигмею удавалось вытащить перо изъ журавлинаго хвоста, то это перо гордо колыhalось на его шляпѣ; за три, за четыре такія пера храбрець дѣлался даже предводителемъ пигмейской арміи.

Такъ-то жили и благоденствовали маленькіе Пигмеи возлѣ своего громаднаго брата и дружба ихъ, можетъ-быть, продолжалась бы и до-сихъ-поръ, еслибъ не случилось одного печальнаго происшествія, о которомъ я расскажу вамъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

Нашла коса на камень.

Однажды въ праздникъ Антей отдыхалъ, растянувшись на землѣ во весь свой ростъ; голова его лежала на одной границѣ Пигмейскаго государства, а ноги далеко выходили за другую. Маленькіе человѣчки кучами лазили по немъ, карабкались къ нему на голову, заглядывали къ нему въ ротъ, играли въ прятки въ его волосахъ. По временамъ великанъ дремалъ и храпъ его раздавался подобно порывамъ бури. Въ такую сонную минуту одинъ пигмейскій храбрець взобрался на самый лобъ Антея и оттуда, какъ съ высокой башни, любовался окрестностью. Вдругъ видитъ Пигмей въ дали что-то такое странное, небывалое — смотреть, смотреть и не вѣрить глазамъ своимъ! Сначала Пигмею показалось, что вдали стоитъ гора на томъ мѣстѣ, гдѣ ее прежде не было. Но скоро онъ убѣдился, что эта гора движется. Еще прошло минуты двѣ и Пигмей съ изумленіемъ увидѣлъ, что это вовсе не гора, а огромный человѣкъ; не такой, правда, огромный, какъ Антей, но все же довольно великъ для того, чтобы показаться Пигмею страшилищемъ; да и мы бы назвали незнакомца человѣкомъ громаднаго роста.

Пигмей страшно перетревожился. Сначала онъ не зналъ, что ему дѣлать; но потомъ спустился проворно къ уху великана, влѣзъ туда, какъ въ пещеру, и закричалъ что было мочи:

— Го, го! братецъ Антей: вставай, проворнѣе вставай! Бери свою дубину; сюда идетъ другой великанъ и, должно-быть, хочетъ драться съ тобою!

— Эй, братецъ, перестань! промычалъ Антей: оставь дурачиться; я спать хочу. Какіе тамъ великаны? прибавилъ Антей и задремалъ снова.

Но Пигмей не успокоился: взглянулъ опять туда, гдѣ видѣлъ чужаго великана, и съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ уже очень недалеко; такъ-что можно было ясно разсмотрѣть его лицо и одежду. На головѣ у незнакомца былъ золотой шлемъ, а латы его ярко блистали на солнцѣ. Онъ былъ оная-

сань широкимъ мечомъ, львиная шкура развѣвалась у него на плечахъ; въ одной рукѣ держалъ онъ громадную палицу, которая, казалось, была даже тяжелѣе Антеевой сосны. Теперь уже и весь Пигмейскій народъ замѣтилъ громаднаго незнакомца и цѣлый миллионъ маленькихъ голосковъ завопилъ разомъ:

— Вставай, Антей! проснись, лѣнтяй! Идетъ другой великанъ, такой же сильный какъ ты, и хочетъ биться съ тобою!

— Вздоръ, пустяки! — мычалъ сквозь сонъ Антей: пусть тамъ идетъ себѣ, кто хочетъ.

Но въ это время незнакомый богатырь подходилъ все ближе-и-ближе, и Пигмеи видѣли теперь совершенно ясно, что если онъ ростомъ и поменьше Антея, за то въ плечахъ гораздо будетъ пошире. О, какъ страшно широки были эти плечи! Пигмеи были преживой, пребойкій народецъ, гораздо смѣтливѣе ихъ тяжелаго, глуноватаго братца, — и вотъ они принялись кричать въ одинъ голосъ, толкали Антея, чѣмъ ни попало, и даже кололи своими маленькими мечами его толстую кожу.

— Вставай же! вставай! — вставай! кричали они: поднимай свои лѣнливья кости! Посмотри, что за палица у незнакомца: гораздо тяжелѣе твоей; посмотри, что у него за богатырскія плечи: гораздо шире твоихъ!

Антей никогда не могъ слышать хладнокровно, что есть гдѣ-нибудь существо равное ему по силѣ. Съ досадою, нѣхотя, сталъ онъ просыпаться; зѣвнулъ раза три, открывши при этомъ ротъ сажени на двѣ; потомъ протеръ глаза и, наконецъ, повернулъ-таки башку въ ту сторону, куда указывали ему его маленькіе друзья.... Но едва увидѣлъ онъ незнакомца, какъ въ ту же минуту вскочилъ на ноги, схватилъ свою сосну и, страшно потрясая ею въ воздухѣ, зашагалъ навстрѣчу незнакомцу.

— Ты кто такой? прогремѣлъ великанъ: Что тебѣ здѣсь нужно? За чѣмъ тебя несетъ сюда, въ мои владѣнія?

Я не сказалъ вамъ, дѣти, еще объ одной странности, которая водилась за Антеемъ, — не сказалъ именно потому, что, услыхавъ отъ меня о столькихъ чудесахъ разомъ, вы бы, пожалуй, мнѣ и не повѣрили. Знайте же, что всякій разъ, какъ этотъ страшный великанъ дотрогивался до земли, силы его увеличивались вдесятеро. Мать его — земля, какъ вы видите, очень любила и берегла своего неуклюжаго сына. Къ счастью еще, Антей былъ лѣнивъ и не любилъ двигаться. Не дай Богъ, еслибъ онъ прыгалъ и вертѣлся какъ Пигмей: онъ навѣрное обрушилъ бы тогда небо на насъ, бѣдныхъ жителей земли. Но къ счастью этотъ неуклюжій малый былъ громаденъ, какъ гора, и почти такъ же, какъ она, неподвиженъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій другой человекъ перепугался бы до полусмерти, взглянувъ на свирѣное лицо разъяреннаго великана; но стоявшій

передъ нимъ незнакомый богатырь видно былъ не трусливаго десятка и едва ли даже зналъ, что такое страхъ. Онъ, преспокойно играя своей палицей, измѣрять Антея глазами съ головы до ногъ и даже не показаль очень большаго удивленія: казалось, незнакомецъ видалъ прежде много великановъ даже побольше Антея.

— Говори же, кто ты такой? заревѣль Антей снова: какъ тебя зовутъ и что тебѣ здѣсь нужно? Отвѣчай сию минуту, бродяга, а нето я попробую своей тросточкой, толста ли у тебя кожа.

— Ты, какъ я вижу, большой невѣжа, отвѣчалъ незнакомецъ очень спокойно: и мнѣ, вѣроятно, придется поучить тебя учтивости. Ты хочешь знать мое имя?... пожалуй! зовутъ меня Геркулесомъ, а иду я въ Гесперидскіе сады за золотыми яблоками.

Услышавъ имя Геркулеса, Антей разевирѣпѣлъ еще пуще: даже и въ африканскую пустыню достигъ къ Антею слухъ о страшной силѣ, необыкновенномъ мужествѣ и чудныхъ подвигахъ Геркулеса. Антей же, какъ вы знаете, не могъ сносить равнодушно, чтобы кромѣ его были на свѣтѣ и другія сильныя существа.

— Такъ знай же, бродяга! заревѣль Антей, что ты не пойдешь далѣе; да и назадъ не воротись.

— А какъ же ты помѣшаешь мнѣ, спросилъ Геркулесъ, идти, куда мнѣ угодно?

— Да вотъ какъ: дамъ тебѣ отвѣдать, вкусна ли моя сосенка! прокричалъ великанъ съ злобнымъ хохотомъ. Въ эту минуту Антей былъ дѣйствительно отвратительнѣйшимъ чудовищемъ. — Развѣ ты не знаешь, — продолжалъ онъ, — что я въ десять, во сто разъ сильнѣе тебя, и что мнѣ стоитъ только поставить ногу на землю, чтобы быть въ тысячу разъ сильнѣе? Мнѣ стыдно убивать такое ничтожное существо, какъ ты, и я хочу живаго отдать тебя вмѣсто игрушки моимъ братьямъ, Пигмеямъ. Клади же свою дубину, снимай свой шлемъ и подай сюда твою львиную кожу; я сдѣлаю себѣ изъ нея пару перчатокъ!

— Приди и самъ сними ее съ моихъ плечъ, отвѣчалъ Геркулесъ, подымая палицу.

Скрежеща отъ ярости зубами, двинулся великанъ на Геркулеса и занесъ надъ нимъ свою сосну; но Геркулесъ былъ гораздо ловче Антея: отвелъ грозившій ему ударъ своею палицею и, въ свою очередь, такъ мѣтко хватилъ Антея по громадной башкѣ, что онъ, какъ тяжелая башня, рухнулся на землю. Бѣднымъ маленькимъ Пигмеямъ и во снѣ никогда не снилось, чтобы кто-нибудь могъ быть сильнѣе Антея; увидя же такой ударъ, они не на-шутку перепугались за своего неуклюжаго брата. Но Антей быстро поднялся съ земли и, ставши въ десять разъ сильнѣе прежняго, съ

бѣшенствомъ кинулся на Геркулеса. Онъ страшно замахнулся на богатыря своею сосною; но, ослѣпленный яростію, не попалъ, куда мѣтилъ, и ударилъ въ свою же невинную мать, землю, такъ-что та застонала и задрожала. Пока Антей вытаскивалъ сосну, которая вошла въ землю очень глубоко, Геркулесъ успѣлъ ударить его снова палицею между плечъ. Великанъ испустилъ страшный, оглушительный крикъ, — такой крикъ, что его, какъ я думаю, можно было слышать даже по ту сторону африканскихъ степей: отъ одного сотрясенія воздуха при этомъ крикъ пигмейская столица превратилась въ развалины. Но, вытащивъ свою сосну, Антей снова сталъ въ деять разъ сильнѣе прежняго — и снова кинулся на Геркулеса.

Въ этотъ разъ Геркулесъ такъ ловко подставилъ свою дубину, что Антеева сосна, ударившись о нее, разлетѣлась на тысячи кусковъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Геркулесъ снова свалилъ съ ногъ Антея; но снова только сдѣлалъ его въ десять разъ сильнѣе прежняго. Нужно ли говорить, какая ярость кипѣла въ душѣ великана? Единственный глазъ его сверкалъ, какъ раскаленный докрасна кругъ желѣза. У Антея не было уже оружія; но оставались еще два кулака, каждый съ добраго кабана величиною: размахивая руками, съ пѣной у рта, снова кинулось разъяренное чудовище на Геркулеса,

— Погоди же! вотъ я тебя! — проревѣлъ Антей, не помня себя отъ бѣшенства.

Тутъ Геркулесъ увидаль, что ему не справиться съ Антеемъ, если онъ будетъ по прежнему сбивать его съ ногъ. Каждый разъ гигантъ дѣлается сильнѣе и можетъ наконецъ сдѣлаться сильнѣе самаго Геркулеса. Геркулесъ былъ не только силенъ, но и уменъ. Онъ бросилъ палицу, съ которою одержалъ столько удивительныхъ побѣдъ, и приготовилея встрѣтить Антея грудъ грудю.

— Пожалуй! — закричалъ онъ чудовищу: сосна твоя сломалась, попробуемъ же, кто изъ насъ борется лучше.

— О! теперь ты ужъ отъ меня не уйдешь! проревѣлъ обрадованный великанъ, который считалъ себя лучшимъ борцомъ въ цѣломъ свѣтѣ: давай бороться, я закину тебя туда, откуда ты уже во вѣки вѣковъ не выльзешь.

Началась страшная борьба. Геркулесъ, уловивъ удобную минуту, схватилъ Антея по срединѣ тѣла и поднялъ его надъ землею. О, какая это была картина! Громадный великанъ, поднятый на воздухъ, болталъ своими длинными руками и ногами и изворачивался всѣмъ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, какъ маленькій ребенокъ, котораго отецъ поднимаетъ до потолка. Но какъ-только Антей былъ оторванъ отъ земли, силы его начали пропадать. Геркулесъ скоро замѣтилъ, что врагъ его становится все сла-

бѣе-и-слабѣе, бьется и вертится все тише-и-тише и наконецъ уже не кричитъ, а только хрипитъ: чудовище издыхало. Отдѣленный отъ земли, великанъ не могъ прожить и пяти минутъ: умный Гераклъ отгадалъ эту тайну и одолѣлъ гиганта, который казался неодолимымъ.

Когда великанъ пересталъ дышать, Гераклъ бросилъ его безчувственное тѣло на землю. Теперь уже и мать сырая земля не могла воскресить своего бездыханнаго сына. Я полагаю, что громадный островъ Антея и въ настоящее время лежитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ бросилъ его Гераклъ. Но если путешественники видѣли этотъ островъ, то вѣроятно приняли его за кости какого-нибудь громаднаго допотопнаго животнаго.

ГЛАВА III.

Месть Пигмеевъ за брата.

О, какой жалобный стонъ подняли бѣдные Пигмеи, увидавъ, что сдѣлалъ незнакомецъ съ ихъ громаднымъ братомъ! Надобно полагать, что даже Гераклъ слышалъ эти отчаянные крики; но, вѣроятно, подумалъ, что это пищали какія-нибудь птички, спугнутыя съ гнѣздъ стукомъ оружія и криками Антея.

Гераклъ усталъ: онъ шелъ издалека и битва его утомила. Ему захотѣлось спать и онъ, не долго думавъ, сбросилъ съ плечъ на землю свою лъвиную шкуру и преспокойно на ней улегся.

Пигмеи еще болѣе были оскорблены такимъ равнодушнымъ презрѣніемъ пришельца и, убѣдившись, что онъ заснулъ, собрались на народное совѣщаніе. Громадная толпа маленькихъ человѣчковъ покрывала собою площадь аршинъ въ 30 квадратныхъ. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ пигмейскихъ ораторовъ, который также искусно дѣйствовалъ языкомъ, какъ и оружіемъ, взобрался на первый попавшійся красивый мухоморъ и оттуда повелъ рѣчь къ окружавшей его толпѣ согражданъ.

— Великіе Пигмеи, великіе маленькіе люди, говорилъ онъ: мы все видѣли, какое страшное общественное бѣдствіе разразилось надъ нами и какое кровавое оскорбленіе нанесено величію нашего народа! Взгляните: тамъ лежитъ Антей, нашъ другъ и братъ! Убить! убить въ границахъ нашего государства! Убить ничтожнымъ пришлецомъ, который засталъ его въ-расплохъ и сражался съ нимъ.... Но развѣ это убійство можно назвать сраженіемъ!? О такомъ сраженіи не слыхалъ до-сихъ-поръ никто: ни великанъ, ни Пигмей. И теперь, довершая злодѣйство оскорбленіемъ, убійца улегся спать посреди насъ также спокойно, какъ-будто бы онъ и не заботился о нашемъ мщеніи. Подумайте, великіе Пигмеи, что заговорить о насъ свѣтъ, о скажетъ безпристрастная исторія, если мы оставимъ нео-

томщеннымъ это чудовищное, неслыханное оскорбленіе? Антей былъ братъ нашъ, сынъ нашей матери, отъ которой мы получили наше тѣло и наши храбрыя сердца; онъ зналъ это — и гордился нашимъ родствомъ! Онъ былъ нашимъ вѣрнымъ союзникомъ — и палъ, сражаясь за свою честь и за наши народныя права. Мы и наши предки жили съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ незапамятныхъ временъ. Вспомните, какъ часто весь нашъ великій народъ отдыхалъ подъ тѣнью Антея! вспомните, какъ наши малютки, играя, прятались въ кольца его волосъ! вспомните, какъ осторожно двигалась между нами его могучая стопа! а теперь, этотъ добрый братъ, этотъ тихій и ласковый другъ, этотъ храбрый и вѣрный союзникъ нашъ, — этотъ добродѣтельный великанъ, этотъ безукоризненный Антей — убитъ, убитъ! лежитъ бездыханный, безчувственный, неподвижный, какъ гора! О, простите! слезы невольно льются у меня изъ глазъ; но я вижу, что и ваши глаза также оросились слезами, и не стыжусь плакать. Можетъ ли, смѣетъ ли обвинить насъ міръ, если мы затонимъ его нашими слезами?!

— Но къ дѣлу!.... продолжалъ ораторъ: не слезы, нѣтъ, не слезы, — но месть должна быть утѣшеніемъ героевъ. Великіе Пигмеи! неужели мы стерпимъ это оскорбленіе? неужели мы позволимъ вѣроломному чужестранцу уйти безнаказанно изъ нашего государства — уйти въ далекія страны и тамъ хвалиться своимъ подвигомъ? Не должны ли мы заставить его сложить свои кости тамъ же, гдѣ лежитъ трупъ нашего друга и брата? Пусть остовъ этого злодѣя вѣчно свидѣтельствуетъ міру о силѣ пигмейской мести. Мечь! мечь! Я увѣренъ, что рѣшеніе этого собранія будетъ достойно нашего народнаго характера и увеличить, а не уменьшить ту славу, которую передали намъ наши предки и которую мы такъ доблестно поддерживали въ нашихъ битвахъ съ журавлями!

Рѣчь оратора была прервана взрывомъ рукоплесканій. Толпа единодушно воила, что народная честь должна быть спасена. Успокоивши слушателей движеніемъ руки, ораторъ продолжалъ:

— Теперь намъ остается только рѣшить вопросъ: будемъ ли мы сражаться цѣлымъ народомъ противъ нашего общаго врага, или кто-нибудь одинъ изъ насъ будетъ избранъ вызвать на поединокъ убійцу нашего милого брата? О, какъ бы радовался я, еслибъ эта великая честь пала на меня! И повѣрьте мнѣ, сограждане, что какавя бы судьба меня не ожидала, я не уроню чести нашей родины, чести, завѣщанной намъ нашими храбрыми предками. Никогда! никогда! Если бы даже злодѣйская рука, убившая великаго Антея, уложила и меня на ту же родную землю, на защиту которой я отдаю жизнь мою!

При этихъ словахъ мужественный Пигмей выхватилъ свой страшный мечъ, величиною въ перочинный ножикъ, и — далеко отбросилъ отъ себя

ножны. Восторженные крики и рукоплесканія были отвѣтомъ оратору; страшный шумъ продолжался бы долго, еслибъ въ эту минуту онъ не былъ заглушенъ сильнымъ дыханіемъ или, по-просту, храпомъ спящаго Геркулеса.

Послѣ короткаго совѣщанія о томъ, какъ дѣйствовать противъ общаго врага, всѣ воины пигмейскаго народа взяли за оружіе и мужественно двинулись на Геркулеса. А онъ, несчастный! продолжалъ спать очень крѣпко — не видалъ даже и во снѣ, какія бѣды готовятся ему Пигмеями. Впереди шелъ двадцати-тысячный отрядъ стрѣлковъ, наложивъ стрѣлы на тетивы; за этимъ отрядомъ шелъ другой, который, вмѣсто оружія, несъ лопаты, связки сѣна и разный мусоръ: эти храбрецы должны были выкопать глаза Геркулесу и, заткнувъ ему чѣмъ попало ротъ и ноздри, задушить злодѣя. Но вихрь, выходящій изъ носа и рта непріятеля, уносилъ храбрыхъ воиновъ, какъ ураганъ, что помѣшало имъ исполнить возложенное на нихъ порученіе.

Послѣ такой неудачи Пигмеи держали снова военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено: сжечь Геркулеса живымъ. Тысяча пигмейскихъ воиновъ, работая изъ всѣхъ силъ, наносили сучьевъ, соломы, хворосту и обложили имъ голову Геркулеса. Между-тѣмъ пигмейскіе стрѣлки стали въ такомъ разстояніи, чтобы пустить въ лицо непріятеля, какъ только онъ проснется, цѣлую тучу стрѣлъ. Когда все было готово, принесли горящую головню и подожгли хворостъ. Сильное пламя мигомъ вспыхнуло и непріятель непременно бы сгорѣлъ, еслибъ остался лежать на мѣстѣ. Пигмеи, какъ вамъ извѣстно, хоть и маленькіе люди, но могутъ точно также надѣлать пожару, какъ и самый большой человѣкъ. Но какъ-только Геркулесъ почувствовалъ, что его начинаютъ жарить, то вскочилъ на ноги въ ту же минуту и сталъ тушить свои волосы, которые уже горѣли.

— Это что еще значить? закричалъ онъ, съ изумленіемъ осматриваясь вокругъ и не замѣчая никого.

Въ эту минуту двадцать тысячъ стрѣлъ, жужжа, какъ рой комаровъ, понеслись прямо въ лицо непріятеля; но я полагаю, что немногія изъ нихъ пробили кожу богатыря, которая, какъ и слѣдуетъ быть богатырской кожѣ, была очень толста.

— Злодѣй! крикнули въ это время всѣ Пигмеи разомъ: ты убилъ нашего великаго брата и союзника! мы объявляемъ тебѣ кровавую войну на жизнь и смерть, — войну до-тѣхъ-поръ, пока не положимъ тебя на мѣстѣ!

Геркулесъ въ это время уже успѣлъ потушить свои волосы и до слуха его достигъ крикъ милліона тоненькихъ голосковъ. Съ удивленіемъ осматриваясь онъ вокругъ, но никого не видалъ. Наконецъ, уже случайно взглянулъ онъ на землю и замѣтилъ, что у ногъ его копошатся тысячи крошечныхъ созданій. Геркулесъ видѣлъ множество чудесъ, но такихъ ма-

ленькихъ людей еще никогда не видалъ: онъ нагнулся, поймалъ пальцами одного изъ Пигмеевъ и, поставивъ его къ себѣ на ладонь, поднесъ къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть поближе, что это было такое. Случилось, что этотъ Пигмей былъ тотъ самый краснорѣчивый ораторъ, который, какъ вы помните, говорилъ такую геройскую рѣчь съ верхушки мухомора и просилъ позволенія у народа вызвать Геркулеса на поединокъ.

— Что же ты такое, мой маленькій пріятель? спросилъ Геркулесъ, съ удивленіемъ разсматривая крошечное существо, стоявшее на его широкой ладони.

— Кто я?... я врагъ твой! — отвѣчалъ мужественный Пигмей: ты убилъ великана Антея, нашего брата и друга, вѣрнаго союзника нашего великаго народа. Мы рѣшились отомстить тебѣ и я — я вызываю тебя на смертный бой! Мужественный пискъ Пигмея и воинственный видъ этого крошечнаго существа, такъ храбро стоявшаго на ладони, поразили Геркулеса. Онъ разразился громовымъ хохотомъ и едва-едва не задушил маленькаго храбреца, невольно сжимая руку въ припадкѣ судорожнаго смѣха.

— Клянусь честью, это чудо изъ чудесъ! вскричалъ богатырь: я видѣлъ гидру съ девятью головами, оленей съ золотыми рогами, шестиногихъ людей, трехголовыхъ собакъ; но здѣсь, на моей ладони, стоитъ чудо, превосходящее все, что я только видѣлъ. Твое тѣло, пріятель, меньше моего мизинца; но какова же должна быть твоя душа?

— Она такъ же велика, какъ твоя! отвѣчалъ Пигмей спокойно и съ достоинствомъ.

Геркулесъ былъ тронутъ непобѣдимымъ мужествомъ крошечнаго существа и не могъ не почувствовать къ нему того уваженія, какое невольно чувствуетъ одинъ герой къ другому.

— Мой храбрый маленькій народъ! — сказалъ Геркулесъ, осторожно опутивъ храбреца на землю и отдавая низкій поклонъ великой націи: ни за что въ мірѣ не рѣшился бы я съ намѣреніемъ оскорбить такихъ храбрыхъ маленькихъ людей, какъ вы. Ваши сердца мнѣ кажутся такими великими сердцами, что я рѣшительно не понимаю, какъ они могутъ помѣститься въ такихъ маленькихъ тѣлахъ. Я прошу у васъ мира съ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ позволено было сдѣлать пять шаговъ и на шестомъ — очутиться внѣ предѣловъ вашего государства. Прощайте! Я постараюсь ступать осторожно, чтобы не раздавить кого-нибудь изъ васъ, что было бы мнѣ очень прискорбно. Но и вы, съ своей стороны, потрудитесь посторониться. Го, го, го, го, го! посторонитесь! Я въ первый разъ признаю себя побѣжденнымъ!

Нѣкоторые изъ писателей говорятъ, будто Геркулесъ забралъ всю ве-

ликую націю Пигмеевъ въ свою львиную кожу, принесъ ихъ домой въ Грецію и отдалъ, вмѣсто игрушки, дѣтямъ короля Эрисфена; но это ошибка: Геркулесъ не тронулъ ни одного изъ Пигмеевъ и оставилъ ихъ тамъ же, гдѣ они жили. Можетъ-быть, потомки ихъ и теперь продолжаютъ по-прежнему жить на томъ же самомъ мѣстѣ, по-прежнему строить свои маленькіе города, по-прежнему обрабатываютъ свои маленькія поля, убаюкиваютъ своихъ крохотныхъ дѣтей, даютъ свои маленькія сраженія журавлямъ, пишутъ и читаютъ маленькія исторіи своихъ великихъ подвиговъ. Въ этихъ исторіяхъ пишется, можетъ-быть, что много-много столѣтій тому назадъ мужественные Пигмеи отомстили за смерть своего брата и друга, великана Антея: принудили славнаго и могущественнаго Геркулеса признать себя побѣжденнымъ и обратили его въ бѣгство.

О С Ъ И Ч Е К А .

Вхалъ извощикъ Семень съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходить; а пойдетъ бѣда, растворитъ ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось, а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ; зальетъ, засыплетъ землей, бѣтется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кой-какъ — съ версту провхалъ, опять стой, опять то же!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути; Семень оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ — догадался Семень нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: „Уступи братъ, ось запасную, сдѣлай милость; вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи“ Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: — Да, говоритъ, не ладно у тебя дѣло; пожалуй, возьми, коли хочешь.... за два цѣлковыхъ!

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полѣзли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: „что хочешь возьми, только продай“; да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по-христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! — „Помилуй“, говорить, „да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!“ — За моремъ телушка — полушка, — сказалъ тотъ, — да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ. А самъ-было и поѣхалъ дальше. Семень за нимъ, и проситъ и кланяется — нѣтъ; два цѣлковыхъ, да и

полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ землю, такъ ему жаль было денегъ, — да дѣлать нечего; не почевать тутъ; досталь рублевики и отдалъ. — „На“, говорить, „землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями“. — Не видалъ я твоихъ рублей — молвилъ тотъ, — ништо я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ. — „Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволить. Быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы я здѣсь сутки. Пособи пожалуйста поднять передокъ, да подвести ось.“ Тотъ пособиль, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись — Архипка хватъ — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. — „Стой!“ кричить онъ Семену, „стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! у меня топоръ есть, подай-ка, пожалуста, обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ-разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ“. Пожалуй, — говорить Семень, — возьми; только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай. — „Съ ума что ли ты, братъ, спятить? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ! — „Вольному воля“, сказалъ Семень, „при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статья гдѣ купишь и за грошъ“.

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталь онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМЪ НЕ СПРАШИВАЙ.

Мужикъ возъ сѣна везеть, а другой идетъ ему на встрѣчу. — „Здорово!“ — „Здорово!“ „А что везешь?“ — „Дрова.“ — „Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?“ — „А коли видишь, что сѣно, такъ за чѣмъ и спрашиваешь.“

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумаль про себя: „а вѣдь и вправду, для чего жъ я и спрашиваль?“

ДВА МОРОЗА.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому: „братецъ, морозъ Багровый-носъ, какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?“ Отвѣчалъ другой: — братецъ, морозъ Синій-носъ! коль людей морозить, не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору. Тамъ хоть и меньше простору, да за то

забавы будетъ больше. Все нѣтъ, нѣтъ, да кто нибудь и встрѣтится на дорогѣ.

Сказано, сдѣлано. Побѣжали два мороза, два родные брата, въ чистый боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому ль снѣгу пробѣгутъ — кора ледяная; былинка ль изъ подъ снѣгу выглядываетъ, дунуть — словно бисеромъ ее всю унижутъ. Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ — мужичокъ. Стали морозы судить да ридить, кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Синій-носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: „Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣе дойму: полушубокъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ, кромѣ лаптишекъ — ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ. А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. Видишь, на немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю.“ Морозъ Багровый-носъ только подсмѣивается. — Молодъ еще ты, говоритъ, братецъ! Ну, да ужъ быть по твоему: бѣги за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамѣсть! — „Прощай, братецъ!“ Свиснули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ; спрашиваютъ другъ друга: что? „То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то“, говоритъ младшій; „а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!“

Старшій посмѣивается себѣ. — Эхъ, говоритъ, братецъ, морозъ Синій-носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

„А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?“

— Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ зачалъ знобить!.... Онъ-то ѣжится, онъ-то жметъ да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это и съ руки. Какъ принялся я за него, чуть живаго въ городъ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что съ своимъ мужичкомъ сдѣлалъ!

„Эхъ, братецъ, морозъ Багровый-носъ! плохую ты со мной шутку шутилъ, что во время не образумилъ. Думалъ, заморожу мужика; а вышло, онъ же обломалъ мнѣ бока.“

— Какъ такъ?

„Да вотъ какъ. Ъхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ было я его принимать; только онъ все не робѣетъ, — еще ругается:

такой, говорить, сякой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мнѣ эта забава. Приѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его извить. А онъ-то топоромъ машеть, только щепки кругомъ летять; сталь даже потъ его прошибать. Вижу: плохо! не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ, да работаетъ; чѣмъ бы забнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же, говорю, вотъ я тебѣ покажу себя! Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него и забрался вездѣ и заморозилъ такъ, что онъ сталь дубокъ дубкомъ. Надѣвай-ка теперь, попробуй! — Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло да подошелъ къ полушубку, у меня сердце такъ и взыграло: то-то потѣшусь. Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня бранить и ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Ругайся! думаю я себѣ, ругайся! а меня все-таки не выживешь! Такъ онъ бранью не удовольствовался; выбралъ полѣно подлиннѣе да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить! по полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбраться не могу. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думалъ, костей не сберу; до сихъ поръ бока ноютъ. Забавался я мужиковъ морозить.“

— То-то!

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

Благочестивый старецъ, провождавшій святые дни свои въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для братской трапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышленіямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную густоту лѣса, гдѣ нога смертнаго дотолѣ не бывала, и куда самыя звѣри заходить не дерзали. Вдругъ слухъ его плѣняется пѣніемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самого себя, забываетъ вселенную, и стоитъ неподвижно, какъ мраморъ. Летитъ время, и не смѣетъ прикоснуться къ нему крылами своими; не смѣетъ прервать его вниманія: ибо оно было подобно вниманію *вѣчныхъ* жителей неба. Наконецъ птичка умолкла, и благочестивый старецъ пошелъ обратно въ свою обитель. Приходитъ, и видитъ — другія стѣны, другую церковь, другія кельи и другихъ монаховъ; — не вѣрять глазамъ своимъ, идетъ къ начальнику монастырскому, и въ изумленіи вопрошаетъ его: „Скажи отецъ преподобный! скажи, какое чудо преобразовало сію обитель? За нѣсколько часовъ передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу все иное.“ — Мы тебя не знаемъ, пришлецъ! отвѣтствовалъ начальникъ. — Старецъ рассказываетъ исторію

монастыря своего — именуешь своего архимандрита. — „Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители извѣстно мнѣ все тобою повѣствуемое“, сказалъ съ удивленіемъ начальникъ, „извѣстно мнѣ и самое имя сего архимандрита; но онъ жилъ за тысячу лѣтъ передъ симъ.“ — „Теперь небесный лучъ освѣщаетъ очи мои!“ воскликнулъ старецъ по глубокомъ размысленіи, и видъ его привелъ въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ, ибо въ немъ было нѣчто божественное. — „Братія! я слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ!“ Тутъ хочеть онъ изъяснить сладость сего пѣнія; но языкъ его тупѣетъ, взоръ его меркнетъ — онъ падаетъ, и святая душа вылетаетъ изъ тлѣннаго тѣла. На камнѣ, покрывающемъ могилу его, вырѣзаны сіи слова: *онъ слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ.*

Н. Карамзинъ.

ЮПИТЕРЪ и ЛОШАДЬ.

„Отецъ животныхъ и людей!“ сказала лошадь, приближаясь къ трону Юпитера: „говорять, что я одно изъ прекраснѣйшихъ животныхъ, и я сама полагаю, что это правда. Но мнѣ кажется, что многое во мнѣ слѣдовало бы улучшить.“

— Что же по твоему мнѣнію можно было бы улучшить въ тебѣ? Говори; я готовъ у тебя поучиться, сказалъ Юпитеръ, улыбаясь.

„Можетъ быть“, продолжала лошадь, „я была бы еще быстрѣе, если бы мои ноги были повыше и потонше; длинная лебединая шея придала бы мнѣ еще болѣе красоты; грудь пошире дала бы мнѣ побольше силы; а такъ какъ ты назначилъ меня носить твоего любимца, человѣка, то могъ бы положить мнѣ на спину готовое сѣдло.“

— Хорошо, сказалъ Юпитеръ, подожди минуту! И повелѣлъ землѣ произвести верблюда.

Увидя это новое животное, лошадь задрожала отъ страха и отвращенія.

— Вотъ высокія тонкія ноги, какихъ ты желала, сказалъ Юпитеръ: — вотъ длинная лебединая шея, широкая грудь и готовое сѣдло! Хочешь ли ты, чтобы я тебя также передѣлалъ?

Лошадь продолжала дрожать.

Ступай же, сказалъ ей Юпитеръ, на этотъ разъ будетъ съ тебя и этого урока. Ты же, продолжалъ онъ, обращаясь къ верблюду: существуй и, не смотря на твой непривлекательный видъ, будь однимъ изъ самыхъ полезныхъ, добрыхъ и умныхъ животныхъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ верблюдъ существуетъ на землѣ; а лошадь содрогается всякій разъ, какъ только его увидить.

ЮПИТЕРЪ и ОВЕЧКА.

Бѣдная овечка такъ много обидъ терпѣла ото всѣхъ, что, наконецъ, ей стало не въ мочь и она пошла къ Юпитеру съ горькою жалобою на свою судьбу.

„Я и самъ вижу теперь, мое бѣдное созданіе“, сказалъ Юпитеръ, „сжалившись надъ овцею, что я создалъ тебя слишкомъ беззащитною. Выбирай же теперь сама, чѣмъ я могу исправить мою ошибку. Не хочешь ли я дамъ тебѣ острые зубы и крѣпкіе когти?“

— Охъ, нѣтъ! сказала овечка, я не хочу имѣть ничего общаго съ кровожадными звѣрями.

„Или, можетъ быть, продолжалъ Юпитеръ, ты желаешь, чтобы я влилъ яду въ твою слюну?“

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала овечка: ядовитыхъ змѣй всѣ ненавидятъ.

„Что же дать тебѣ такое? Пожалуй, я посажу крѣпкіе рога у тебя на лбу и дамъ силу твоей шеѣ.“

— И это будетъ не хорошо, добрый отецъ: съ крѣпкими рогами на лбу я легко могу сдѣлаться такою же бодливою, какъ козель.

„Однако же“, сказалъ Юпитеръ: „ты должна имѣть возможность вредить другимъ, если хочешь, чтобы другіе боялись тебѣ вредить.“

— Если такъ, сказала со вздохомъ овца, то оставь же меня такою, какою ты меня создалъ. Я боюсь, что возможность наносить вредъ можетъ возбудить во мнѣ желаніе вредить; но лучше переносить обиды самому, чѣмъ наносить ихъ другимъ.

Съ этихъ поръ овца терпѣливо выноситъ всѣ обиды и не жалуется уже болѣе на свою беззащитность.

П Т И Ц Ы.

Въ одной хорошенькой малороссійской деревенькѣ было столько садовъ, что она вся казалась однимъ большимъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весною, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, оглашавшихъ окрестность звонкими пѣснями и веселымъ щебетаніемъ. Осенью же появлялось между листьями множество розовыхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и сине-пурпуровыхъ сливъ. Но вотъ нѣсколько злыхъ мальчиковъ, собравшись толпою, разорили птичьи гнѣзда. Бѣдныя птицы покинули сады и больше уже въ нихъ не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но въ садахъ было тихо и печально. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь безпрепятственно

и пожирали на деревьяхъ не только цвѣты, но и листья, и вотъ обнаженные деревья посреди лѣта смотрѣли печально, будто зимою. Пришла осень, но въ садахъ не было ни розовыхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ, ни пурпуровыхъ сливъ; на вѣткахъ не перепархивали веселыя птички; деревня не оглашалась ихъ звонкими пѣснями.

ГРЯДКА ГВОЗДИКИ.

Трое дѣтей выпросили у матери каждый по небольшой грядкѣ гвоздики и дожидались съ нетерпѣніемъ, когда цвѣты распустятся, потому что на гвоздикѣ уже показались почки.

У младшаго изъ братьевъ однакожь не достало терпѣнія дожидаться, пока почки развернутся сами, и онъ, прибѣжавши утромъ рано къ своей грядкѣ, расковырялъ сначала одну почку: хорошенькіе пестрые лепестки показались изъ за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и онъ проворно раскрывалъ одну почку за другою; наконецъ вся его грядка зацвѣла.

— Посмотрите, посмотрите, кричалъ онъ братьямъ, прыгая отъ радости вокругъ своей грядки и хлопая въ ладоши: посмотрите, моя гвоздика уже цвѣтетъ, а на вашихъ грядкахъ только листья, да зеленыя почки!

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше и пестрые цвѣточки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились къ землѣ, а къ полудню потемнѣли и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась въ печаль, и онъ горько плакалъ, стоя у своихъ увидшихъ цвѣтовъ.

— Видишь ли теперь, какъ во всемъ необходимо терпѣніе, сказала ему мать: ты хотѣлъ наслаждаться преждевременно, и потому теперь плачешь. Дай Богъ, чтобы это была послѣдняя радость, которую ты портишь самъ себѣ своимъ нетерпѣніемъ! Въ такомъ случаѣ ты еще не слишкомъ дорого заплатилъ за полезный урокъ.

СУМКА ПОЧТАЛІОНА.

Коля былъ добрый, но очень разсѣянный мальчикъ. Онъ написалъ очень миленькое письмо къ своей бабушкѣ въ Петербургъ: поздравлялъ ее съ Свѣтлымъ праздникомъ, описывалъ свою деревенскую жизнь, чему онъ учится, какъ проводить время, — словомъ письмо было очень, очень миленькое; но только Коля, вмѣсто письма, вложилъ въ пакетъ поллистъ чистой бумаги, а письмо осталось лежать въ книгѣ, куда Коля его сунуль. Пакетъ запечатанъ, адресъ написанъ, почтовая марка приложена — и пустой поллистъ бумаги отправился въ Петербургъ поздравлять бабушку съ праздникомъ.

Версть пятьсотъ проскакалъ Колинъ пакетъ, точно торопясь за какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Вотъ онъ и въ Петербургъ, а чрезъ нѣсколько минутъ и въ сумкѣ почталіона, который бѣжитъ по улицамъ, звонить у подъѣздовъ и раздаетъ письма по адресамъ. Но Колиному пакету не лежало въ сумкѣ: онъ, какъ всѣ пустыя существа, былъ очень болтливъ и любопытенъ.

— Вы куда отправляетесь и что въ васъ написано? спросилъ пакетъ Коли у своего сосѣда, — толстаго, красиваго пакета изъ веленовой бумаги, украшеннаго большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшеній.

Богатый пакетъ отвѣчалъ не сразу; онъ сначала посмотрѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, увидя, что дерзкій, осмѣлившійся вступитъ съ нимъ въ разговоръ, былъ хорошенькій, глянцевитый, чистенькій пакетецъ, удостоилъ его отвѣта.

— По адресу, который на мнѣ написанъ, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я ѣду къ очень и очень важному лицу. Представьте же себѣ, каково мнѣ лежать въ этой темной вонючей сумкѣ, рядомъ съ такими пакетами, каковъ, напримѣръ, мой сосѣдъ съ лѣвой стороны. Жаль, что вы не видите этого сѣраго запачканнаго уroda, запечатаннаго какимъ-то хлѣбнымъ мякишемъ, вмѣсто сургуча, и какою-то солдатскою пуговицею, вмѣсто печати; и адресъ-то какой на немъ? каракульки! и ѣдетъ-то онъ куда? на Петербургскую сторону, въ немощенную улицу и то еще въ подвалъ! — Фи, неволью испачкаешься, лежа около такого сосѣда!

— Я не виноватъ, что насъ положили рядомъ, отвѣчалъ сурово солдатскій пакетъ: и мнѣ, признаюсь, скучно лежать возлѣ такого надутаго, но пустаго и глунаго барина, какъ ты. Обертка-то твоя хороша; но что въ серединѣ? Все пустыя фразы, въ которыхъ нѣтъ ни слова правды. Тотъ, кто писалъ тебя, терпѣть не можетъ того, къ кому ты написанъ; а между тѣмъ, посмотри, сколько желаній, искреннихъ поздравленій, и въ концѣ — глубочайшее уваженіе и совершеннѣйшая преданность! а все это вздоръ и ложь! Нѣтъ тутъ ни уваженія, ни преданности, и потребуй-ка отъ этого покорнѣйшаго слуги какой нибудь дѣйствительной услуги, тогда и узнаешь, чѣмъ пахнетъ эта услужливость и уваженіе.

— Грубіянь, невѣжда, какъ ты смѣешь? Я удивляюсь, какъ почталіонъ тебя не выкинетъ на улицу за такія дерзости? Ты посмотри только на мой гербъ.

— Что гербъ! отвѣчалъ грубо солдатъ: — гербъ-то у тебя хорошъ; но подъ гербомъ-то что? пустышка, глупыя фразы! ни одной капли правды — все ложь, гордость, да чванство!

Гербовый пакетъ готовъ былъ лопнуть съ досады и лопнулъ бы навѣр-

ное, если бы въ это самое время почталіонъ не вытащилъ его изъ сумки и не передалъ раззолоченному швейцару.

— Слава Богу! однимъ дуракомъ меньше, продолжалъ разходившійся солдатскій пакетъ: и это глупое надутое животное смѣло еще досадовать, что лежитъ вмѣстѣ со мною.... если бы только оно знало, что во мнѣ написано!

— Что же такое написано въ васъ? спросилъ Колинъ пакетъ, очутившійся по сосѣдству съ сѣрымъ пакетомъ, запечатаннымъ солдатскою пуговицею.

— Да вотъ что, мой любезный, чистенькій господчикъ. Я несу извѣстіе бѣдной дряхлой старушкѣ, что сынъ ея, о которомъ она не слыхала уже лѣтъ десять, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его взяли въ рекруты, живъ, здоровъ и скоро будетъ въ отпускѣ. Правда, я запечатано плохимъ сургучомъ; но какъ будетъ дрожать рука старушки, разламывая этотъ сургучъ! Правда, я написано каракульками — и не мудренно, меня писалъ солдатъ, выучившійся этому искусству самоучкою, писалъ куды плохимъ перомъ и на самой сѣрой бумагѣ; но если бы ты видѣлъ, какая теплая слеза скатилась съ его усовъ и упала на меня! Славная слеза! я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидаетъ славная участь, не то что гордаго барина, который, слава Богу, убрался во свояси. Въ него едва взглянуть, а потомъ изорвутъ и бросятъ, сначала подъ столъ, а потомъ въ помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подарить доброю горячею слезою, перечтетъ меня тысячу разъ, тысячу разъ прижметъ къ своему любящему сердцу и спрячетъ потомъ на груди, на своей доброй материнской груди. Эхъ, какъ бы поскорѣ принесть меня этотъ несносный почталіонъ!

— А вы куда и съ чѣмъ отправляетесь? спросилъ любопытный Колинъ пакетъ, обращаясь къ своему сосѣду съ другой стороны, пакету съ черною печатью.

— По цвѣту моей печати, отвѣчалъ тотъ, вы видите, что я несу грустную новость. Бѣдный мальчикъ, который теперь лежитъ въ больницѣ, прочтетъ во мнѣ, что его отецъ скончался. Я также все облито слезами; но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимаго мужа, — рука матери, извѣщающей больнаго сына, что онъ потерялъ отца. Бѣдный Ваня! какъ-то онъ перенесетъ это извѣстіе? Я воображаю, какъ испугается онъ, увидя мою зловѣщую печать; какъ задрожитъ, прочтя во мнѣ страшную новость, какъ упадетъ лицомъ на свою подушечку и залъется слезами. Эхъ, право, лучше бы мнѣ провалиться сквозь землю, чѣмъ ѣхать съ такимъ извѣстіемъ!

Рука почталіона, остановившагося около какого-то учебнаго заведенія,

вытащила изъ сумки печальное письмо съ черною печатью. У Колина письма очутился новый сосѣдъ, и этотъ былъ уже совѣмъ инаго свойства.

— Ха! ха! ха! отвѣчалъ онъ на вопросъ Колина письма:— если бы вы только знали, какія уморительныя вещи во мнѣ написаны. Человѣкъ, написавшій меня, превеселаго нрава; я знаю, что тотъ, кто будетъ читать меня, непременно захохочетъ; во мнѣ все написаны пустяки, но все такіе забавныя пустяки.

Другія письма, услышавъ разговоръ, также въ него вмѣшались. И каждое спѣшило высказать, какую новость оно несетъ.

— Я несу богатому купцу извѣстіе, что товары его проданы по высокой цѣнѣ. — А я несу другому, что онъ банкротъ. — Я иду разбранить Васю, что онъ такъ давно не пишетъ къ своимъ родителямъ. — Меня писалъ деревенскій дьячекъ, отъ имени Акулины Трифоновны къ ея мужу въ Петербургъ, и я сверху до низу набито поклонами. — А во мнѣ, что ни слово, то ложь, даже совѣстно ѣхать съ такимъ грузомъ, право! — Въ разговоръ вмѣшались и повѣстки. То-то обрадуется тотъ, кто получитъ меня, сказала одна повѣстка. — Есть, чему радоваться, перебила другая: ты только на 10 рублей, а я на 5000. — Но тотъ, къ кому я адресована, отвѣчала первая, не знаетъ, чѣмъ разговѣться въ праздникъ, а на тебя не обратятъ и вниманія. — Обрадуется и мнѣ молодчикъ, къ которому я послана, прокутитъ онъ денежки, въ два, три дня, спуститъ онъ ихъ всѣ по трактирамъ, да по кондитерскимъ: какъ будто не знаетъ, что матери, которая ихъ посылаетъ, стоила много труда и лишеній каждая копѣйка въ этой сотнѣ рублей, и что она даже свою маленькую дочь оставила къ празднику безъ подарка.

Такъ болтали между собою въ сумкѣ почталіона повѣстки и письма; а онъ между тѣмъ, бѣгалъ по улицамъ и равнодушно разносилъ по домамъ радость и горе, смѣхъ и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важныя извѣстія и глупыя пустыя фразы. Дошла наконецъ очередь и до Колина письма; почталіонъ отдалъ его дворнику; дворникъ горничной, горничная старой бабушкѣ, которая сидѣла у окошка и, смотря въ четыре глаза, вязала чулки. Бабушка распечатала пакетъ, вынула пустой листъ и смотрѣла на него съ удивленіемъ, не понимая, кто это такъ глупо подшутить надъ нею.

СЛѢПАЯ ЛОШАДЬ.

Давно, очень уже давно, когда не только насъ, но и нашихъ дѣдовъ и прадедовъ не было еще на свѣтѣ, стоялъ на морскомъ берегу богатый и торговый славянскій городъ, Винета; а въ этомъ городѣ жилъ богатый купецъ, Уседомъ, корабли котораго, нагруженные дорогими товарами, плавали

по далекимъ морямъ. Уседомъ былъ очень богатъ и жилъ роскошно: можетъ быть и самое прозваніе свое Уседома или Вседома получилъ онъ отъ того, что въ его домѣ было рѣшительно все, что только можно было найти хорошаго и дорогаго въ то время; а самъ хозяинъ, его хозяйка и дѣти ѣли только на золотѣ да на серебрѣ, ходили только въ соболяхъ да въ парчѣ.

Въ конюшняхъ Уседома было много отличныхъ лошадей; но ни въ Уседомовой конюшнѣ, ни во всей Винетѣ, не было коня быстрѣе и красивѣе *Догони-Вѣтра*, такъ прозвалъ Уседомъ свою любимую верховую лошадь за быстроту ея ногъ. Никто не смѣлъ садиться на *Догони-Вѣтра*, кромѣ самого хозяина, и хозяинъ никогда не ѣздилъ верхомъ ни на какой другой лошади.

Случилось купцу въ одну изъ своихъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, возвращаясь въ Винету, проѣзжать на своемъ любимомъ конѣ черезъ большой и темный лѣсъ. Дѣло было подъ вечеръ, лѣсъ былъ страшно темень и густъ, вѣтеръ качалъ верхушки угрюмыхъ сосенъ, кунаецъ ѣхалъ одинъ одишешенекъ и шагомъ, сберегая своего любимаго коня, который усталъ отъ дальней поѣздки. Вдругъ изъ за кустовъ, будто изъ подъ земли, выскочило шестеро плечистыхъ молодцевъ, съ звѣрскими лицами, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ рогатинами, топорами и ножами въ рукахъ; трое было на лошадяхъ, трое пѣшкомъ, — и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду. Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы подъ нимъ былъ другой какой нибудь конь, а не *Догони-Вѣтеръ*. Почувявъ на уздѣ чужую руку, конь рванулся впередъ, своей широкой сильной грудью опрокинулъ на землю двухъ дерзкихъ злодѣевъ, державшихъ его за узду, смялъ подъ ногами третьяго, который, махая рогатиной, забѣгалъ впередъ и хотѣлъ было преградить ему дорогу, и помчался какъ вихрь. Конные разбойники пустились въ догонку: лошади у нихъ были тоже добрыя, но куда же имъ догнать Уседомова коня? *Догони-Вѣтеръ*, не смотря на свою усталость, чуя погоню, мчался какъ стрѣла, пущенная изъ тугонатянутаго лука, и далеко оставилъ за собою разъяренныхъ злодѣевъ. Черезъ полчаса Уседомъ уже вѣзжалъ въ родимую Винету на своемъ добромъ конѣ, съ котораго пѣна ключьями валилась на землю.

Слѣзая съ лошади, бока которой отъ усталости подымались высоко, купецъ тутъ же, трепля *Догони-Вѣтра* по взмыленной шеѣ, торжественно общалъ, чтобы съ нимъ не случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего вѣрнаго коня, не прогонять его, какъ бы онъ ни состарѣлся, и ежедневно, до самой смерти, отпускать кою по три мѣры лучшаго овса. Но, поторопившись къ женѣ и дѣтямъ, Уседомъ не присмотрѣлъ самъ за лошадыю, а лѣнивый работникъ не выводилъ измученнаго коня, какъ слѣдуетъ, не далъ ему совершенно остыть и напоилъ раньше времени. Съ тѣхъ самыхъ поръ

Догони-Вѣтеръ началъ хворать, хилѣть, ослабѣлъ на ноги и, наконецъ, ослѣпъ. Купецъ очень горевалъ и съ полгода вѣрно соблюдалъ свое обѣщаніе: слѣпой конь стоялъ по прежнему на конюшнѣ и ему ежедневно отпускалось по три мѣры овса. Усedomъ потомъ купилъ себѣ другую верховую лошадь и черезъ полгода ему показалось слишкомъ нерасчетливо давать слѣпой, никуда негодной лошади по три мѣры овса, и онъ велѣлъ отпускать двѣ. Еще прошло полгода: слѣпой конь былъ еще молодъ, приходилось его кормить долго и ему стали отпускать по одной мѣрѣ. Наконецъ и это показалось купцу тяжело и онъ велѣлъ снять съ Догони-Вѣтра узду и выпнать его за ворота, чтобы не занималъ напрасно мѣста въ конюшнѣ. Слепаго коня работники выпроводили со двора палкой, такъ какъ онъ упирался и не шолъ.

Бѣдный, слѣпой Догони-Вѣтеръ, не понимая что съ нимъ дѣлаютъ, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошелъ снѣгъ, спать на камняхъ было жестко и холодно для бѣдной слѣпой лошади. Нѣсколько часовъ простояла она на одномъ мѣстѣ; но наконецъ голодь заставилъ ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая въ воздухѣ, не попадется ли гдѣнибудь хоть клочъ соломы съ старой, осунувшейся крыши, брѣла на удачу слѣпая лошадь и натыкалась безпрестанно то на уголь дома, то на заборъ.

Надобно вамъ знать, что въ Винетѣ, какъ и во всѣхъ старинныхъ славянскихъ городахъ, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было рѣшать какія нибудь важныя дѣла. Такое собраніе народа для рѣшенія его собственныхъ дѣлъ, для суда и расправы, называлось *вѣчемъ*. Посреди Винеты, на площади, гдѣ собиралось вѣче, висѣлъ на четырехъ столбахъ большой вѣчевой колоколь, по звону котораго собирался народъ и въ который могъ звонить каждый, кто считалъ себя обиженнымъ и требовалъ отъ народа суда и защиты. Никто конечно не смѣлъ звонить въ вѣчевой колоколь по пустякамъ, зная что за это отъ народа сильно достанется.

Бродя по площади, слѣпая, глухая и голодная лошадь случайно набрѣла на столбы, на которыхъ висѣлъ колоколь, и думая, быть можетъ, вытащить изъ стрѣхи пучекъ соломы, схватила зубами за веревку, привязанную къ языку колокола, и стала дергать: колоколь зазвонилъ такъ сильно, что народъ, не смотря на то, что было еще очень рано, толпами сталъ сбѣгаться на площадь, желая знать, кто такъ громко требуетъ его суда и защиты. Всѣ въ Винетѣ знали Догони-Вѣтра, знали, что онъ спасъ жизнь своему хозяину, знали обѣщаніе хозяина—и удивились, увидя посреди площади бѣднаго коня слѣпаго, голоднаго, дрожащаго отъ стужи, покрытаго снѣгомъ. Скоро объяснилось въ чемъ дѣло, и когда народъ узналъ, что

богатый Уседомъ выгналъ изъ дому слѣпую лошадь, спасшую ему жизнь, тогда единодушно рѣшили, что Догони-Вѣтеръ имѣлъ полное право звонить въ вѣчевой колоколь. Потребовали на площадь неблагодарнаго купца, не смотря на его оправданія, приказали ему содержать лошадь по прежнему и кормить ее до самой смерти. Особый человѣкъ приставленъ былъ смотрѣть за исполненіемъ этого приговора, а самый приговоръ былъ вырѣзанъ на камнѣ, поставленномъ въ память этого событія на вѣчевой площади.

Говорятъ, впрочемъ, что не нужно было ни разу принуждать Уседома къ исполненію вѣчеваго приговора: купецъ почувствовалъ всю черноту своего поступка и кормилъ и холилъ слѣпую лошадь до самой ея смерти.

О Т Д Ъ Л Ь II.

С Т И Х И.

П Т И Ч К А.

Птичка Божія не знаетъ	За весной, красой природы,
Ни заботы, ни труда;	Лѣто знойное пройдетъ —
Хлопотливо не свиваетъ	И туманъ и непогоды
Долговѣчнаго гнѣзда;	Осень поздняя несетъ:
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;	Людямъ скучно, людямъ горе;
Солнце красное взойдетъ —	Птичка въ дальнія страны,
Птичка гласу Бога внемлетъ,	Въ теплый край, за сине море,
Встрепенется и поетъ.	Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

М У Х А.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ; а муха у него сидѣла на рогахъ, и Муху же они дорогой повстрѣчали. „Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ. — А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда?... мы пахали!“

И. Дмитриевъ.

Ч И Ж Ъ и Г О Л У Б Ъ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня; бѣдняжка въ ней и рвался, и метался, а Голубъ молодой надъ нимъ же издѣвался. „Не стыдно-ль“, говоритъ: „среди бѣла дня попался! не провели бы такъ меня: за это я ручаюсь смѣло.“ Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ. И дѣло! Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки на виноградъ запрыгали глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты горять; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколы и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хотъ видить око, да зубъ нейметъ. Пробившись по-пусту часъ цѣлой, пошла и говорить съ досадою: „Ну, чтожь! На взглядъ-то онъ хорошиъ, да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь.“

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая, Пѣтухъ нашель Жемчужное зерно, и говорить: „куда оно, какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнять? А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ зерну ячменному: оно не столь хотъ видно, да сытно.“

Невѣжи судять точно такъ: въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала; а у людей, она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоить завести Очки. Очковъ съ полдюжины она себѣ достала; вертитъ Очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полизетъ: Очки не дѣйствуютъ никакъ. „Тѣфу пропасть!“ говорить она: „и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про Очки лишь мнѣ нагали; а проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ.“ Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги за-сверкали.

СЛОНЪ и МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили, какъ видно на-показъ — извѣстно, что Слоны въ-диковинку у насъ — такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возмись, на встрѣчу Моська имъ. Увидѣвши Слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, — ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ. „Сосѣдка, перестань срамиться, ей шапка говорить: тебѣ ль съ Слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ, и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.“ — „Э-эхъ!“ ей Моська отвѣчаетъ: „вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я совсѣмъ безъ драки, могу попасть въ большіе забіяки. Пускай же говорятъ собаки: „ай, Моська! знать она сильна, что лаеъ на Слона!“

И. Крыловъ.

О РЫБАКѢ и РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ одною тиной; онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ травой морской; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришелъ неводъ съ золотой рыбкою, съ непростою рыбкою, золотою. Какъ взмолилась золотая рыбка, голосомъ молвить человѣчьимъ: „отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ откупъ; откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.“ Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: „Богъ съ тобою, золотая рыбка! Твоего мнѣ откупа не надо; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ.“

Воротился старикъ ко старухѣ, разказалъ ей великое чудо: „я сегодня поймалъ-было рыбку, золотую рыбку, не простую; по-нашему говорила рыбка, домой въ море синее просилась, дорогою цѣною откупалась: откупалась, чѣмъ только пожелаю. Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ: такъ пустилъ ее въ синее море.“ Старика старуха забранила: „дурачина ты, простофиля! Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! Хоть бы взялъ ты съ нея корыто: наше-то совсѣмъ расколосось.“

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю. Видитъ: море слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка и спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! Разбранила меня моя старуха, не даетъ старику мнѣ покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсѣмъ расколосось.“ Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Будетъ вамъ новое корыто.“ Воротился старикъ ко старухѣ; у старухи новое корыто. Еще пуще старуха бранится: „дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, дурачина, корыто! Въ корытѣ много-ли корысти? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ; поклонись ей, выпроси ужъ избу.“

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю: помутилось синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! Еще пуще старуха бранится, не даетъ старику мнѣ покою; избу просить сварливая баба.“ Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.“

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ, а землянки нѣтъ ужъ и слѣда; передъ

нимъ изба со свѣтелкой, съ кирпичною, бѣленою трубою, съ дубовыми тесовыми вороты. Старуха сидитъ подь окошкомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ: „дурачина ты, прямой простофиля! Выпросилъ, простофиля, избу! Воротись, поклонись рыбакѣ: не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой.“ Пошелъ старикъ къ синему морю (не спокойно синее море). Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! Пуще прежняго старуха вздурилась, не даетъ старику мнѣ покою: ужъ не хочетъ быть она крестьянкой, хочетъ быть столбовою дворянкой.“ Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“

Воротился старикъ ко старухѣ; чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ. На крыльцѣ стоитъ его старуха въ дорогой собольей душегрѣйкѣ, парчевая на маковѣ кичка, жемчуги окружили шею, на рукахъ золотые перстни, на ногахъ красные сапожки. Передъ нею усердные слуги; она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ. Говорить старикъ своей старухѣ: „здравствуй, барыня — сударыня, дворянка! Чай теперь твоя душенька довольна.“ На него прикрикнула старуха, на конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходитъ; еще пуще старуха вздурилась; опять къ рыбакѣ старика посылаетъ. „Воротись, поклонись рыбакѣ: не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей.“ Испугался старикъ-взмолился: „что ты, баба, бѣлены обѣлася? Ни ступить, ни молвить не умѣешь, насмѣшишь ты цѣлое царство.“ Осердилася пуще старуха, по щекѣ ударила мужа. „Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною, со мною, дворянкой столбовою? Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию, не пойдешь, поведутъ по неволѣ.“

Старичокъ отправился къ морю: почернѣло синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка, опять моя старуха бунтуетъ: ужъ не хочетъ быть она дворянкой, хочетъ быть вольною царицей.“ Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Добро! будетъ старуха царицей!“

Старичокъ къ старухѣ воротился. Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты, въ палатахъ видитъ свою старуху, за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре, да дворяне, наливаютъ ей заморскія вины, заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ; вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорики держать. Какъ увидѣлъ старикъ, испугался; въ ноги онъ старухѣ поклонился, молвилъ: „здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна?“ На него старуха не взглянула, лишь съ очей прогнать его велѣла. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зашей затолкали.

А въ дверяхъ-то стража подбѣжала, топорами чуть не изрубила; а народъ-то надъ нимъ посмѣялся. „По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа! Впередь тебѣ, невѣжа, наука: не садися не въ свои сани!

Вотъ недѣля-другая проходитъ, еще пуще старуха вздурилась: царедворцевъ за мужемъ посылаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говорить старику старуха: „воротись, поклонися рыбка: не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою, чтобъ жить мнѣ въ окіянь-морѣ, чтобъ служила мнѣ рыбка золотая и была бѣ у меня на посылкахъ. „Старикъ не осмѣлился перечить, не дерзнулъ поперегъ слова молвить.

Вотъ идетъ онъ къ синему морю; видитъ, на морѣ черная буря — такъ и вздулись сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „чего тебѣ надобно, старче?“ Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой? Ужъ не хочетъ быть она царицей, хочетъ быть владычицей морскою, чтобъ жить ей въ окіянь-морѣ, чтобы ты сама ей служила и была-бы у нея на посылкахъ.“

Ничего не сказала рыбка, лишь хвостомъ по водѣ плеснула и ушла въ глубокое море. Долго у моря ждалъ онъ отвѣта, не дождался, къ старухѣ воротился.... Глядь: опять передъ нимъ землянка, на порогѣ сидитъ его старуха, а передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

ЧИЖЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свиль себѣ гнѣздо и, сидя въ немъ, поетъ: „ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ, и съ домикомъ меня застанетъ? ахъ! скоро-ли оно проглянетъ? Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно! какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость! Ахъ, я такого дня не видывалъ давно!“ Но безъ товарища и радость намъ не въ радость: желаешь для себя, а ищешь раздѣлить! — „Любезна Зяблица!“ кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ, смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ: чтожь ты задумалась? давай-ка день хвалить! смотри, какъ солнышко....“ Но солнце вдругъ сокрылось, и небо тучами отвсюду обложилось; всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣчку, лишь галки стаями гуляютъ по песку, и крикомъ бурю вызываютъ; да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ; быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ; а конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву, ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву. И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ, со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ, и пали пастиухи со стадомъ. Потомъ прошла гроза и солнце разевѣло, все стало ярче и свѣтлѣе, цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе — лишь домикъ у Чижика куда-то занесло. О, бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами насилу

шевели, къ сосѣдушкѣ летить и ей со вздохомъ и слезами, носокъ повѣся, говорить: „ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикушитъ: впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.“

И. Дмитриевъ.

МОТЪ и ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ, въ наслѣдство получа богатое имѣнье, пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ спустилъ все чисто; наконецъ, съ одною шубой онъ остался, и то лишь для того, что было то зимой — такъ онъ морозовъ побоялся. Но, Ласточку увидя, малой мой и шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ, что ласточки къ намъ прилетаютъ передъ весной: „такъ въ шубѣ,“ думалъ онъ, „нѣтъ нужды никакой: къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ къ весенней клонится пріятной все погодѣ, и въ сѣверную глушь морозы загнаны!“ — Догадки малаго умны; да только онъ забылъ пословицу въ народѣ: что ласточка одна не дѣлаетъ весны. И подлинно: опять отколь взялись морозы, по снѣгу хрупкому скрипятъ обозы, изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло узорами заволокло. Отъ стужи малаго прошибли слезы, и ласточку свою, предтечу теплыхъ дней, онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней, дрожа, на силу могъ онъ вымолвить сквозь зубы: — „проклятая! стубила ты себя; а понадѣясь на тебя, и я теперь не во-время безъ шубы!“

И. Крыловъ.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка, пашней, десятиной, выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большова лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну! тащися, сивка! я самъ, — другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я, на гумно, на скирды, молочу и вѣю. — Ну! тащися, сивка! Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ: зернушку стотовимъ колыбель святую. Его вспоить, вскормить мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка... Ну! тащися, сивка! — Выйдетъ въ полѣ травка; выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы: сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ! Ну! тащися, сивка! — Накормлю до-сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ — мое богатство!

А. Кольцовъ.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука, везти съ поклажей возъ взяли, и вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись; изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу! Поклажа бы для нихъ казалась и легка: да Лебедь рвется въ

облака, Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду. Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ, да только возъ и нынѣ тамъ.

ЩУКА и КОТЪ.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло за кошачье приняться ремесло. Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ, иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ? Но только вздумала Кота она просить, чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту, — Мышей въ анбарѣ половить.

— Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу? сталъ Щукѣ Васька говорить: смотри, кума, чтобы не осрамиться: не даромъ говорится, что дѣло мастера боится.

— И, полно, куманекъ! Вотъ нѣвидаль; мышей! Мы лавливали и ершей.

— Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ!

Пошли, засѣли. Натѣшился, наѣлся Котъ, и кумушку провѣдать онъ идетъ; а Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, — и крысы хвостъ у ней отѣли. Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ, кумѣ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука, тебѣ наука, впередъ умнѣ быть и за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога! — Небо, ельникъ и песокъ: не веселая дорога.... — Эй! садись ко мнѣ, дружокъ! — Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Не стыдися! что за дѣло? это многихъ славныхъ путь. Вижу я въ котомкѣ книжку. Такъ, учиться ты идешь... Знаю: батка на сынишку издержалъ послѣдній грошъ. Знаю, старая дьячиха отдала четвертачокъ, что проѣзжая купчиха подарила на чаекъ. Или, можетъ, ты дворовый изъ отпущенныхъ?... Ну, что-жь! случай тоже ужъ не новый: не робѣй, не пропадешь!... Скоро ты узнаешь въ школѣ, какъ архангельскій мужикъ, по своей и Божьей волѣ, сталъ разуменъ и великъ. Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ — кто-нибудь свезетъ въ Москву, будешь въ университетѣ — сонъ свершится на яву! Тутъ ужъ поприще широко: знай работай, да не трусь!...

Некрасовъ.

ЗИМА.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудъ;

Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ, Шалунъ ужь заморозилъ пальчикъ:
Въ салазки *жучку* посадивъ, Ему и больно и смѣшно,
Себя въ коня преобразивъ; А мать грозитъ ему въ окно...

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! — Мышенокъ, не видавшій свѣта, попалъ-было въ бѣду, и вотъ, какъ онъ объ ней рассказывалъ въ семьѣ своей.

— Оставляя нашу нору и перебравшись чрезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышенокъ, который хочетъ показать, что онъ ужь не ребенокъ. Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри, самъ не зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! Другой нахалъ, — крикунъ, теперь лишь будто съ бою; весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ; надъ самымъ лбомъ дрожить наростъ какой-то огненнаго цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ, и такъ ужасно горло дралъ, что я, таки не трусь, а подавай Богъ ноги — скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! безъ него я вѣрно-бы въ другомъ нашелъ наставника и друга! Въ глазахъ его была написана услуга; какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры, смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня; головка пестрая, и вдоль спины узоры; а уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами.

— А я тебѣ на то скажу, Мышенка мать остановила; что этотъ добротъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ.... Котъ! Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой-же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель. Не только отъ него не видимъ мы вреда, иль огорченья; но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитріевъ.

СКАЗКА О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ, по прозванью Осиновой-Лобъ. Пошелъ Кузьма по базару посмотреть кой-какого товару. На встрѣчу ему Балда идетъ, самъ не зная куда. „Что, дядюшка, такъ рано поднялся? чего ты взыскался?“ Кузьма ему въ отвѣтъ: „нужень мнѣ работникъ — поваръ, конюхъ и плотникъ. А гдѣ найти мнѣ такого служителя, не слишкомъ дорогого?“ Балда говоритъ: „буду служить тебѣ славно, усердно и очень исправно, въ годъ за три щелка тебѣ по лбу; ѣсть же давай мнѣ вареную полбу.“ Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ, сталъ почесывать лобъ.

Щелчокъ щелчку вѣдь розъ — да понадѣлся онъ на русскій *авось*. Кузьма говоритъ Балдѣ: „ладно; не будетъ намъ обоимъ накладно. Поживи-ка на моемъ подворьѣ, окажи свое усердье и проворье.“

Живетъ Балда на купеческомъ домѣ, спитъ-себѣ на соломѣ, ѣсть за четверыхъ, работаетъ за семерыхъ; до-свѣтла все у него пляшетъ, лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ, печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ, яичко испечетъ, да самъ и облупитъ. Хозяйка Балдой не нахвалится, ихъ дочка Балдой лишь и печалится, сынокъ ихъ зоветъ его тятей, кашу заваритъ, нянчится съ дитятей; одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ; никогда его не приголубитъ, о расплатѣ думаетъ частенько. Время идетъ и срокъ уже близенько: Кузьма не ѣсть, не пьетъ, ночи не спитъ: лобъ у него зранѣ трещитъ. Вотъ онъ женѣ признается: такъ и такъ, что дѣлать остается? Умъ у бабы догадливъ, на всякія хитрости повадливъ. Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: „знаю средство, какъ удалить отъ насъ такое бѣдство: закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь; а требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь; тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь, и Балду-то безъ расплаты отпавишь.“

Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе; началъ онъ глядѣть на Балду по-смѣлѣе. Вотъ онъ кричитъ: „поди-ка сюда, вѣрный мой работникъ Балда. Слушай: платить обязались черти мнѣ оброкъ до самой моей смерти: лучшаго бѣ не надобно дохода, да есть на нихъ недоимки за три года. Какъ наѣшься ты своей полбы, собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.“

Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря, пошелъ, да и сѣлъ у берега моря; тамъ онъ сталъ веревку крутить, да конецъ ея въ морѣ мочить. Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ: „зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ? — „Да вотъ веревкой хочу море морщить, да васъ, проклятое племя, корчить.“ — Бѣса стараго взяла тутъ унылость. — „Скажи, за что такая немилость?“ — „Какъ за что? Вы не платите оброка, не помните положеннаго срока, вотъ уже будетъ намъ потѣха, вамъ, собакамъ, великая помѣха!“ — „Балдушка, погоди ты морщить море, оброкъ сполна ты получишь вскорѣ. Погоди, вышлю къ тебѣ внука.“ — Балда мыслить: „этого провестъ не штука!“

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ, замаякалъ онъ, какъ голодный котенокъ. „Здравствуй, Балда, мужичокъ; какой тебѣ надобно оброкъ? Оброкъ вѣкъ мы не слышали, не было чертямъ такой печали; ну, такъ и быть — возьми, да съ уговору, съ общаго нашего приговору — чтобы впередъ не было никому горя: кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря, тотъ и бери себѣ полный оброкъ; между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ.“ Засмѣялся Балда лукаво: „что ты это выдумалъ, право? гдѣ тебѣ тягаться

со мною, со мною, съ самимъ Балдою? Экаго послали супостата! Подожди-ка моего меньшаго брата.“

Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ, поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ. Къ морю опять онъ приходитъ; у моря бѣсенка находить. Держить Балда за уши одного зайку: „попляши-ка ты подъ нашу балалайку; ты, бѣсенокъ, еще молоденежь, со мною тягаться слабѣнекъ — это была бѣ лишь время трата. Обгони-ка сперва моего брата. Разъ, два, три! Догоняй-ка.“ Пустились бѣсенокъ и зайка: бѣсенокъ по берегу морскому, а зайка въ лѣсокъ до дому. Вотъ, море кругомъ обѣжавши, высунувъ языкъ, мордку поднявши, прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь, весь мокрѣшенекъ, лапкой утирается, мысля: дѣло съ Балдою сладить. Глядь: а Балда братца гладить, приговаривая: „братецъ мой любимый, усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.“ Бѣсенокъ оторопѣлъ, хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ, на братца поглядываетъ бокомъ. „Погоди,“ говоритъ, „схожу за оброкомъ.“ Пошелъ къ дѣду; говоритъ: „бѣда! обогналъ меня меньшій Балда!“ Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу; а Балда надѣлалъ такого шума, что все море смутилось, и волнами такъ и расходилось.

Вылѣзъ бѣсенокъ. „Полно, мужичокъ; выплещь тебѣ весь оброкъ. — „Нѣтъ,“ говоритъ Балда, „теперь моя чередѣ — условіе самъ назначаю, задамъ тебѣ, враженекъ, задачу. Посмотримъ, какова у тебя сила! Видишь тамъ сивая кобыла? Кобылу подыми-ка ты, да неси ее полверсты; снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой; не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.“

Бѣдненькій бѣсъ подъ кобылу подлѣзъ, понатужился, понапружился, приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ, на третьемъ упалъ, ножки протянулъ. А Балда ему: „глупый ты бѣсъ, куда ты за нами полѣзъ? и руками-то снести не смогъ, а я, смотри, снесу промежь ногъ.“ Съѣлъ Балда на кобылу верхомъ, да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ. Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду пошелъ разсказывать про такую побѣду. Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ, да на Балду взвалили мѣшокъ.

Идетъ Балда, покрюкивается; а Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ, за хозяйку прячется, со страху корячится. Балда его тутъ отыскалъ, отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ. Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ подставилъ лобъ. Съ перваго щелчка — прыгнулъ Кузьма до потолка, со втораго щелчка — лишился Кузьма языка; а съ третьяго щелчка — вышибло умъ у старика. А Балда приговорилъ съ укоризной: „не тоялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!...“

А. Пушкинъ.

ЗЕРКАЛО и ОВЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ Зеркалѣ увидя образъ свой, тихохонько медвѣдя толкъ ногой: „смотри-ка,“ говоритъ, „кумъ милый мой! что это тамъ за рожа

Какія у нея ужимки и прыжки! Я удавилась бы съ тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа; а вѣдь, признайся, есть изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть: я даже ихъ могу по пальцамъ перечестъ.“

— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?“ ей Мишка отвѣчалъ. Но Мишенкинъ совѣтъ лишь попусту пропаль.

И. Крыловъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточекъ, дикій, нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой. И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитриевъ.

ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ...
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! Весна идетъ!

«Мы молодой весны гонцы:
«Она насъ выслала впередъ...»
Весна идетъ, весна идетъ! —
И тихихъ, теплыхъ дней,
Румяный свѣтлый хороводъ
Толнится весною за ней.

Тютчевъ.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный въ колыбель твою. Стану сказывать я сказки, пѣсенку спою, ты-жъ дремли, закрывши глазки, — баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ, плещетъ мутный валь; злой Чеченъ ползетъ на берегъ, точитъ свой кинжалъ. Но отецъ твой старый воинъ, закаленъ въ бою: спи, малютка, будь спокоенъ, — баюшки-баю. — Самъ узнаешь, будетъ время, бранное житье, смѣло вдѣнешъ ногу въ стремя, и возьмешь ружье. Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью... Спи, дитя мое родное, — баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой. Провожать тебя я выйду — ты махнешъ рукой.... Сколько горькихъ слезъ украдкой я въ ту ночь пролью!... Спи, мой ангелъ, тихо, сладко, — баюшки-баю.

Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать; стану цѣлый день молиться, по ночамъ гадать; стану думать, что скучаешь ты въ чужомъ краю... Спи-жъ, пока заботъ не знаешь, — баюшки-баю. Дамъ тебѣ я на дорогу образокъ святой: ты его, моляся Богу, ставь передъ собой; да готовься въ бой опасный, помни мать свою.... Спи, младенецъ мой прекрасный, — баюшки-баю!

М. Лермонтовъ.

Л Ю В О П Ы Т Н Ы Й.

— Приятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?

— Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, повѣришь-ли, не станеть ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата! Куда на выдумки природа таровата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! Какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ коралль! Какія крохотны коровки: есть, право, менѣе булавочной головки!»

— А видѣлъ-ли Слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

— Да развѣ тамъ онъ?

— Тамъ.

— Ну, братецъ, виновать: Слона-то я и не примѣтилъ.

И. Крыловъ.

Б Е Р Е З А.

Печальная береза

У моего окна,

И прихотью мороза

Разубрана она.

Какъ гроздья винограда

Вѣтвей концы висятъ,

И радостень для взгляда

Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы

Я замѣчать на ней,

И жаль мнѣ, если птицы

Стряхнутъ красу вѣтвей.

А. Фетъ.

Л А С Т О Ч К А.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ; помятъ онъ, поломанъ и пусть, хоть пышно еще доцвѣтаетъ настурцій въ немъ огненный кустъ.... Мнѣ грустно! меня раздражаетъ и солнца осенняго блескъ, и листь, что съ березы спадаютъ, и позднихъ кузнечиковъ трескъ. Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу — пустое гнѣздо надъ окномъ; въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу, солома обвѣтрилась въ немъ.... А помню я, какъ хлопотали двѣ ласточки, строя его! какъ прутики глиной скрѣпляли, и пуху таскали въ него! Какъ весель былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ! Какъ любо имъ было, когда пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ выглядывать стали съ гнѣзда! и цѣлый-то день говоруньи, какъ дѣти, вели разговоръ.... потомъ полетѣли, летуньи! Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ! И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко! Онѣ ужъ въ иной сторонѣ — далеко, далеко, далеко... О, еслибы крылья и мнѣ!

А. Майковъ.

ВЕСНА.

Весна! выставляется первая рама! Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей;
И въ комнату шумъ ворвался, Вонь — даль голубая видна...
И благовѣсть ближняго храма, И хочется въ поле, въ широкое поле,
И говоръ народа, и стукъ колеса. Гдѣ, шествуя, сылетъ цвѣтамъ весна.

А. Майковъ.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула; по лицу земли туманъ стелется; разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше темя горъ; нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась — что задумалась, словно вспомнила свою родину.... Понесутъ ее вѣтры буйные во все стороны свѣта блага.... Ополчается — громомъ, бурей, огнемъ, молніей, дугой, радугой; ополчилась — и расширилась, и ударила, и пролилась слезой крупною — проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую. И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля досыта.

На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не намотрятся; люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За-одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ изъ закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ-пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали — Богу-Господу помолилися; чѣмъ-свѣтъ по полю все разѣхались, и пошли гулять другъ за дружкой, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахать, бороны зубьемъ порасчесывать....

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремлетъ колосомъ почти до земли. Словно Божій гость, на все стороны, дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается....

Люди семьями принялися жать, косить подь корень рожь высокую. Въ копны частыя снопы сложены; отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка. На гумнахъ вездѣ, какъ князья, скирды широко сидятъ, поднявъ головы. Видитъ солнышко — жатва кончена: холоднѣй оно пошло къ осени; но жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы растворилися, на коняхъ, на санихъ гости въѣхали. Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись; со двора повели въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набран-

ные, на сосновыхъ скамьяхъ, сѣли званые. На столахъ, курь, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя.

Бахромой, кисеей принаряжена, молодая жена, чернобровая, обходила подругъ съ поцалуями, разносила гостямъ чашу горькова.

Самъ хозяинъ за ней, брагой хмѣльною, изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ подчуетъ; а хозяйская дочь медомъ сыченымъ обносила кругомъ, съ лаской дѣвичьей.

Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ: про хлѣба, про покось, про старинушку: какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродить намъ? какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено? Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ, шумъ въ темной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ видѣнь по снѣгу.

А. Кольцовъ.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЬ.

„Отколѣ умная бредешь ты, голова?“ лисица встрѣтается съ Осломъ, его спросила. — „Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвдалась сила: бывало зарычить, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я, безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого уroda; а нынѣ въ старости и дряхлѣ и хилѣ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь прежній страхъ. И поплатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шель, всякъ вымѣщаль ему по своему: кто зубомъ, кто рогами...“ — „Но ты, коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“ Лиса Оsla перерываетъ. — „Вотъ-на!“ Осель ей отвѣчаетъ: „а мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ: пускай ослиныя копыта знаетъ!“

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты, не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды; но упади лишь съ высоты: отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

ПѢСНЯ ВѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить? Покинуть я ихъ сирѣ; хотѣлъ бы весело хоть разъ взглянуть на Божій міръ. И я въ семьѣ моихъ родныхъ когда-то счастливъ былъ; но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ схоронилъ. Я вижу замки богачей и ихъ сады кругомъ.... Моя жъ дорога мимо ихъ съ заботой и трудомъ. Но я счастливыхъ не дичусь; моя печаль въ тиши; я всѣмъ веселымъ радъ сказать: *Богъ помочь!* отъ души.

О щедрый Богъ, не вове-жь я тобою позабытъ; источникъ милости Твоей для всѣхъ равно открытъ. Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ съ сіяющимъ крестомъ, съ молитвой сладкой и съ Твоимъ доступнымъ алтаремъ. Мнѣ свѣтитъ солнце и луна; люблюсь на зарю; и, слыша благовѣсть,

съ Тобой, Создатель, говорю. И знаю; будеть добрымъ пиръ въ небесной сторонѣ; тамъ буду праздновать и я; тамъ мѣсто есть и мнѣ.

В. Жуковскій.

У Т Р О.

Звѣзды меркнуть и гаснуть; въ огнѣ облака; бѣлый паръ по дугамъ разстилается; по зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка, отъ зари алый свѣтъ разливается. Дремлетъ чуткій камышь; тишь — безлюдье вокругъ; чуть примѣтна тропинка росистая. Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ съ листьевъ брызнетъ роса серебристая. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщить-рябить; пронеслись утки съ шумомъ и скрылися; далеко, далеко колокольчикъ звенить. Рыбаки въ шалашѣ пробудилися, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ.... а востокъ все горить-разгорается. Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ, и стоитъ-себѣ лѣсъ, улыбается. Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блестить, за морями nochлегъ свой покинуло; на поля, на дуга, на макушки ракичь-золотыми потоками хлынуло. Ёдетъ пахарь съ сохой, ёдетъ — пѣсню поетъ; по плечу молодцу все тяжелое.... Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ! Здравствуй солнце да утро веселое!

Н. Никитинъ.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, друдяся надъ дугами, ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ, (а дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ), Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу. Орѣшника, березника и вязу мой Мишка погубилъ несмѣтное число; а не дается ремесло. Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта и говорить: сосѣдь, что за причина эта? Деревья таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?

— Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдь: чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ: въ терпѣньѣ.

И. Крыловъ.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась жолудей до-сыта, до-отвала; наѣвшись, выпалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала. „Вѣдь это дереву вредить“, ей съ дубу воронъ говорить: „коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.“ — „Пусть сохнетъ,“ говоритъ Свинья: „ни чуть меня то не тревожить; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣзь его не будь, ни чуть не пожалѣю; лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.“ — „Неблагодарная!“ промолвилъ Дубъ ей тутъ: „когда бы вверху могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что эти жолуди на мнѣ растутъ.“

Христ.

ВОЛКЪ и КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота — да то лишь горе, что всѣ ворота на запорѣ. Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ Кота, и молить:

— Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ! Все это вѣдь за мной.

— Проси скорѣй Степана: мужикъ предобрый онъ, Котъ Васька говоритъ.

— То такъ; да у него я ободралъ барана.

— Ну, попытайся-жь у Демьяна.

— Боюсь, что на меня и онъ сердить: я у него унесъ козленка.

— Бѣги-жь, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

— Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: онъ на меня съ-весны грозитъ за ягненка!

— Ну, плохо-жь! — Но, авось тебя укроетъ Климъ!

— Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!

— Что вижу, кумъ? Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ, сказалъ тутъ Васька Волку: какую-жь ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобы на свою бѣду тебя спасли они. И правы, — самъ себя вини: что ты посѣялъ — то и жни.

ЛИСТЫ и КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день, бросая по долинѣ тѣнь, листья на деревѣ съ зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своей, и вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали: „не правда ли, что мы краса долины всей? что нами дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво? что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право, хвалить себя мы можемъ безъ грѣха! Не мы ль отъ зноя пастуха и странника въ тѣни прохладной укрываемъ? Не мы ль красотью своей плясать сюда пастушекъ привлекаемъ? У насъ же раннею и позднею зарей насвистываетъ соловей. Да вы, зефиры, сами почти не разстаетесь съ нами.“ — „Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,“ имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно. — „Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно! Вы кто такіе тамъ, что дерзко такъ считаться съ нами стали?“ листья, по дереву шума, залепетали. — „Мы тѣ“, которые здѣсь роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ. Ужель не узнаете? Мы

корни дерева, на коемъ вы цвѣтете. Красуйтесь въ добрый часъ! да только помните ту разницу межъ насъ: что съ новою весной листь новый народится; а если корень изсушится, — не станеть дерева, ни васъ.“

И. Крыловъ.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, немощный, приди ты радостный! звонять ко всенощной, къ молитвѣ благостной! И звонъ смиряющій всемъ въ душу просится, окрестъ сзывающій, въ поляхъ разносится!... Въ Холмахъ, селѣ большомъ, есть церковь новая; воздвигла Божій домъ сума торговая; и службы Божія богато справлены, иконъ подножія свѣчьми уставлены. И старъ и младъ войдетъ: сперва помолится, поклонъ земной кладетъ, кругомъ поклонится.... И стройно клирное несется пѣніе, и дьяконъ мирное твердитъ глашеніе: о благодарственномъ трудѣ молящихся, о градѣ царственномъ, о всехъ трудящихся.

Аксаковъ.

МОЛИТВА ДИТЯТИ.

Молись дитя: тебѣ внимаеть
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаеть,
И отвѣчать тебѣ готовъ.
Быть можетъ, ангель, твой храни-
тель,
Все эти слезы собереть

И ихъ въ надзвѣздную обитель,
Къ престолу Бога отнесеть.
Молись дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

И. Никитинъ.

У Р О К Ъ.

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учить грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой ворчунъ-старикъ,
Отставной солдатъ.
— Я согнулся, я ужь слабъ,
А виды видаль!
Унтеръ не былъ-бы, когдабъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно дѣти! все за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ
Счастье въ грамотѣ для васъ.
У меня-ль въ саду цвѣтоекъ;
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый, правду говоритъ
Молвъ людей простыхъ —
Стоять двухъ, кто небылъ битъ:

Грамотѣй — троихъ.
Дружно, дѣти! все за разъ
Буки-азъ! Буки-азъ
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Митя видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это *уже* а не *нашъ*;
Экой срамъ какой!
Да, прислушайтѣ: съ полкомъ
Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значить... а въ какомъ,
Значить, позабылъ.
Дружно дѣти! все за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.
Отстояли мы друзей!
Разъ, иду себѣ одинъ.

Вижу, школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ
Дѣтямъ не подстать;
Я взглянулъ — и какъ дуракъ
Началъ хохотать.
Дружно дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
«Ты глупѣй ребенка самъ;
«Ты героя осмѣялъ,
«Страшнаго врагамъ.
«Онъ за грековъ мстилъ — предъ
нимъ
«Трепеталъ султанъ,
«И упалъ сожженъ живымъ,
Вражій капитанъ.»
Дружно дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

«Гордость края моего —
«Онъ Канари *) — да.
«Въ мирѣ встрѣтили его
«Горе и нужда;
«Онъ, умѣя побѣждать,
«Сѣлъ букварь учить,
«Все за тѣмъ, чтобы опять
«Греции служить!»
Дружно дѣти! всѣ за разъ:
Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ;
Но герой сжалъ руку мнѣ,
(Словно) мнѣ сказалъ....
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
«Знанье — вольность, знанье свѣтъ:
«Рабство безъ него!»
Дружно дѣти! всѣ заразъ
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Беранже. (Переводъ Курочкина).

---

*) Канари — знаменитый греческій морякъ, содѣйствовавшій много освобожденію Греціи изъ подъ власти Турокъ: онъ, своими брандерами, сжегъ множество турецкихъ кораблей и о немъ говорили: «Турки боятся Канари болѣе, чѣмъ подводныхъ скалъ Архипелага.»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

часть 1-я.

таблица 1-я.

Рис. 1. Скелетъ взрослою человека;

1 и 2 черепъ; 1) височная кость; 2) лобная кость; 3) шейные позвонки; 4) грудная кость; 5) поясничные позвонки; 6) тазъ; 7) ключица; 8) лопатка; 9) плечевая кость; 10) локтевая и лучевая кости; 11, 12, 13) кисть руки; 11) кости пьстья; 12) кости запястья; 13) суставы пальцевъ; 14) бедра; 15) чашечка, служащая подставкою для мускуловъ, выпрямляющихъ ногу; 16) большая берцовая кость; 17) малая берцовая. 18, 19, 20) стопа; 18) кости предплюсны; 19) кости плюсны; 20) суставы пальцевъ.

II. Лейкя человека и сердце съ жилами, въ него входящими и изъ него выходящими: 1) дыхательное горло; 2) правое и лѣвое легкое; 3) сердце; 4) нисходящая вена, приносящая черную кровь къ сердцу отъ головы, рукъ и другихъ органовъ, лежащихъ выше сердца; 4) (внизу) восходящая вена, приносящая черную кровь къ сердцу отъ всѣхъ органовъ, лежащихъ ниже сердца; 5) легочная артерія, несущая черную кровь изъ правой половинки сердца въ легкія, гдѣ она отъ дѣйствія воздуха превращается въ красную; 6) легочная вена, несущая красную кровь изъ легкихъ въ лѣвую половинку сердца, которая, сжимаясь, прогоняетъ ее въ аорту или начальную артерію; 7) аорта, которая, развѣтвляясь, разноситъ красную кровь по всему тѣлу.

III. Продольный разръзъ полости рта и глотки человека. 1) костяное небо въ полости рта; 2) языкъ; 3) полость глотки; 4) пищеводъ; 5) дыхательное горло.

IV. Желудокъ, печень и кишки человека. 1) пищеводъ; 2) желудокъ; 3) двѣнадцатиперстная кишка; 4) толстая кишка, образующая части восходящую, попереч-

ную и нисходящую; 5) печень съ желчнымъ пузыремъ, изъ котораго желчь проходитъ въ двѣнадцатиперстную кишку (3).

V. Скелетъ лошади. 1) лопатка; 2) плечевая кость; 3) тазъ; 4) бедро; 5) берцовая кость или голень; 6) предплюсна; къ низу отъ нея—кость плюсны; 7) послѣдній суставъ единственнаго пальца, одѣтаго копытомъ.

VI. Черепъ лошади. 1) носовая кость; 2) передніе зубы или рѣзцы, числомъ по шести въ каждой челюсти; за ними слѣдуютъ небольшіе клыки.

VII. Черепъ серны (изъ отряда жвачныхъ). Верхнихъ переднихъ зубовъ нѣтъ; нижнихъ восемь.—Клыковъ нѣтъ.

VIII. Черепъ домашней кошки. Переднихъ зубовъ въ верхней и нижней челюсти по шести; клыковъ по два сильно развитыхъ. 1) нижняя челюсть; 2) клыки.

IX. Черепъ льва. Самое сильное развитіе клыковъ и коренныхъ зубовъ съ острыми коронками, раздѣленными на лопасти.

X. Черепъ крысы (изъ отряда грызуновъ). 1) два верхніе рѣзца; 2) два нижніе рѣзца.—Клыковъ нѣтъ.

XI. Скелетъ крота. 1) Черепъ съ зубами, между которыми значительно развиты клыки; 2) кисти переднихъ ногъ, устроенныя наподобіе лопатокъ для разрыванія земли; 3) заднія ноги гораздо слабѣе переднихъ и служатъ только для поддержанія и передвиженія туловища.

XII. Вертикальный разръзъ черепа кита. Небо усѣяно длинными и отвѣсными роговыми пластинками, которыя извѣстны подъ именемъ китоваго уса; настоящихъ зубовъ нѣтъ.

XIII. Изображенія оконечностей различныхъ животныхъ. 1) Стопа человека для

хождения. 2) Кисть обезьяны съ отдѣльно стоящимъ большимъ пальцемъ для захватыванія за сучья деревь. 3) Стопа медвѣдя, ступающаго всею плюсною. 4) Лапа льва съ острыми и втяжными когтями для схватыванія живой добычи. 5) Задняя лапа бобра съ перепонкою между пальцами для плаванья. 6) Ноги лѣнница или айя съ двумя крючковатыми когтями для захватыванія за сучья деревь. 7) Задняя нога носорога, съ непарнымъ числомъ копытъ. 8) Нога быка, какъ представителя двукопытныхъ животныхъ. 9) Ноги коня, какъ представителя однокопытныхъ. 10) Заднія ноги тюленя или ласты съ перепонкою, натянутою между пальцами для плаванія. 11) Хвостъ или плесь кита, имѣющій горизонтальное положеніе, чѣмъ отличается отъ рыбаго.

Таблица II-я.

XIV. *Скелетъ обыкновен. тюленя.* 1) лопатка; 2) плечевая кость; 3) предплечіе. Обѣ эти кости скрыты подъ кожей, изъ подъ которой выставляется одна только кисть, образующая переднюю ласту (4); 5) задняя лапа тюленя.

XV. *Скелетъ курицы.* 1) Черепъ; 2) шейные позвонки; 3) ключица; 4) грудная кость; 5) тазъ 6) бедро; 7) голень; 8) плюсно со шпорцемъ; 9) пальцы.

XVI. *Нога курицы* для показанія удобнаго расположенія пальцевъ для хожденія по землѣ.

XVII. *Нога орла*, покрытая перьями до самыхъ пальцевъ, оканчивающихся острыми и кривыми когтями для схватыванія и терзанія живой добычи.

XVIII. *Нога попуая*, устроенная для лазанья по сучьямъ деревь; два пальца обращены впередъ и два назадъ.

XIX. *Лапа гуся*. Между пальцами перепонка для плаванья.

XX. *Нога страуса* съ двумя пальцами, расположенными весьма удобно для бѣганья, подобно двукопытнымъ млекопитающимъ.

XXI. *Скелетъ лягушки.* Заднія ноги вдвое длиннѣе переднихъ; поэтому она прыгаетъ. Реберъ и грудной кости нѣтъ.

XXII. *Постепенное развитіе и превращенія лягушки.* 6) Лягушка въ видѣ головастика; тотчасъ по выходѣ изъ яичка; 1) головастикъ въ первый періодъ своей жизни, дышущій жабрами, расположен-

ными по обѣимъ сторонамъ шеи въ видѣ перепончатой бахромы; 2) головастикъ послѣ образованія заднихъ ногъ; 3) онъ же послѣ образованія заднихъ, а потомъ переднихъ ногъ; 4) головастикъ съ укороченнымъ хвостомъ; 5) головастикъ, превратившійся въ совершенную лягушку; хвоста вовсе нѣтъ и дышетъ легкими.

XXIII. Обыкновенная ящерица.

XXIV. *Скелетъ змьи* со множествомъ подвижныхъ реберъ, посредствомъ которыхъ змѣя движется; грудной кости вовсе нѣтъ.

XXV. *Голова гремучей змьи*, въ разрѣзѣ съ ядовитыми слюнными желѣзками и двумя большими зубами съ канальцами внутри для впусканія въ рану животнаго ядовитой жидкости.

XXVI. *Скелетъ окуня.* 1) Черепъ; 2) первый спинной плавникъ; 3) второй спинной плавникъ; 4) хвостовой плавникъ; 5) нижній задній плавникъ; 6) пара плавниковъ грудныхъ; 7) пара плавниковъ брюшныхъ.

XXVII. *Превращенія хруща или майскаго жука.* 1) Личинка майскаго жука, только что вышедшая изъ яичка; 2) та же личинка въ концѣ перваго года своей жизни; 3) личинка въ концѣ втораго года; 4) трехгодовая личинка; 5) куколка майскаго жука въ своей земляной пещеркѣ на четвертомъ году жизни; 6) вылѣзающій изъ земли майскій жукъ, окончившій свое превращеніе; 7) майскій жукъ въ полномъ и окончательномъ своемъ развитіи.

XXVIII. *Роговой покровъ жука, разобранный на отдѣльные суставы.* 1) Голова съ органами принятія пищи; 2) первый грудной членикъ съ первой парой ногъ; 3) второй грудной членикъ со второю парой ногъ и надкрыльями; 4) третій грудной членикъ съ третьею парой ногъ и крыльями; 5) брюшко, состоящее изъ нѣсколькихъ члениковъ; 6) крылья перепончатая; 7) сяжки для схватыванія пищи; 8) усики—органы осязанія жука.

XXIX. *Органы принятія пищи у пчелы* (и вообще у насѣкомыхъ сосущихъ). 1) Усики на головѣ; 2) верхняя челюсть; 3) верхняя губа; 4) челюстные щупальцы; 5) нижняя челюсть; 6) губные щупальцы; 7) язычокъ.

XXX. *Органы принятія пищи у журу;*

щипки наскомыкы (у жуковъ. 1) Верхняя губа; 2) пара *верхнихъ челюстей* или жвалъ, состоящая изъ роговаго вещества и покрытая съ внутренней стороны множествомъ шишковъ, подобно напильникамъ для перетиранія сухихъ веществъ; 3) *пара нижнихъ челюстей* съ членистыми сяжками для ощупыванія и удержанія пищи; 4) нижняя роговая губа съ двумя щупальцами или сяжками.

Таблица III.

I. Гусеница шелковичной бабочки (шелковичный червь); 2) коконъ той же гусеницы изъ шелковыхъ нитей; 3) куколка, помѣщающаяся въ коконѣ; изъ нея образуется совершенное наскомое; 4) шелковичная бабочка въ совершенномъ состоянii.

II. *Паукъ, крестовикъ обыкновенный*, удерживающійся на ниткѣ, которая готовится въ его тѣлѣ и выходитъ множествомъ тончайшихъ нитей.

III. *Улитка садовая*: 1) ея раковина; 2) нога—толстый брюшной мускулъ, служащій ей для движенія и прикрѣпленія къ постороннимъ предметамъ; 3) пара короткихъ щупальцевъ; 4) пара длинныхъ щупальцевъ, на концахъ которыхъ сидятъ глаза.

IV. 1) *Красный кораллъ*, произведеніе маленькихъ животныхъ полиповъ, замѣтныхъ на его вѣткахъ. 2) Полипъ, отдѣльно взятый и сильно увеличенный. Около отверстія рта расположены на подобіе лучей мягкіе и гибкіе органы для схватыванія мелкихъ слизней, плавающихъ въ водѣ.

V. *Вѣточка вишни* (по лѣвую сторону). 1) листочекъ; 2) цвѣточная почка; 3) распустившійся цвѣтокъ (По правую сторону.) *Цвѣтокъ вишни* въ продольномъ разрѣзѣ: 1) цвѣточная ножка; 2) листочки чашечки; 3) лепестки; 4) тычинки; 5) плодничекъ.

(Нити двухъ заднихъ тычинокъ по ошибкѣ не доведены на рисунокъ до чашечки).

VI. *Отдѣльная тычинка увеличенная*: 1) пыльникъ, состоящій изъ двухъ гнѣздышекъ; 2) нить, оканчивающаяся пыльникомъ.

VII. *Отдѣльный плодничекъ или пестикъ*: 1) столбикъ съ рыльцемъ на верхушкѣ; 2) завязь.

VIII. *Оплодотвореніе сѣмянныхъ почекъ, заключенныхъ въ завязи плодничка*. 1) Плодотворная пыль, упавшая на рыльце плодничка. Каждая пылинка вытягивается въ тонкую трубочку, проникающую по каналцу столбика къ сѣмяннымъ почкамъ завязи; 2) сѣмянные почки, прикрѣпленные къ стѣнкѣ завязи; 3) стѣнки завязи.

IX. *Вертикальный разрѣзъ ягоды земляники*. 1) Мягкое и сочное цвѣточное ложе или торъ; 2) отдѣльные плоднички, на немъ расположенные; 3) тычинки, прикрѣпленные у основанія чашечки; 4) листочки чашечки.

X. *Цвѣтокъ земляники*, обращенный къ верху нижнею стороною, на которой видны: 1) пять бѣлыхъ лепестковъ; 2) чашечка, состоящая изъ 10-ти листочковъ, расположенныхъ въ два кружка. Листочки верхняго кружка (2) нѣсколько шире листочковъ нижняго кружка (3).

XI. *Смоква* или винная ягода въ разрѣзѣ представляетъ мясистый вогнутый торъ, (3) на внутренней поверхности котораго сидитъ множество мелкихъ цвѣтковъ розоваго цвѣта, дающихъ впоследствии жесткія кругленькія сѣмена; самый же торъ превращается въ сочную и сладкую ягоду. 1) Цвѣтки, прикрѣпленные внутри; 2) маленькое отверстіе, ведущее во внутренность тора; 3) мясистыя стѣнки тора.

XII. *Сложный цвѣтокъ одуванчика*: цвѣточная ножка, поддерживающая разширенное цвѣточное ложе, на которомъ видны углубленія, гдѣ прикрѣплялись отдѣльные цвѣточки. Къ низу отъ тора висятъ отогнутые зеленые листочки, составлявшіе общій цвѣточный покровъ. 2) Отдѣленный отъ общаго тора одинъ изъ цвѣтковъ, представляющій внизу округленную завязь, плотно обхваченную чашечкою, края которой возвышаются надъ завязью въ видѣ пучка волосковъ; лепестокъ язычковый состоитъ изъ 5-ти лепестковъ, сросшихся между собою. Изъ трубочки вѣнчика выставляется столбикъ съ раздвоеннымъ рыльцемъ. Около столбика 5-ть тычинокъ, сросшихся между собою вверху; 3, 4, 5) тотъ же цвѣтокъ въ различныхъ положеніяхъ; 6) плодъ одуванчика (сухая сѣмянка); это созрѣвшая завязь, оканчивающаяся пушистымъ холкомъ или чашечкой.

ХІІІ. *Устройство луковицы.* Луковица представляет намъ всѣ части полнаго растенія: 2) донце — эта сплюснутая, самая плотная часть луковицы, представляетъ укороченный стволъ полнаго растенія; къ низу отъ донца идутъ корешки, а къ верху листочки, обхватывающіе другъ друга; 1) внутренніе и самыя молодые листочки, свернутые въ цилиндръ; 3) листочки, болѣе удаленные отъ центра. Въ пазухахъ листочковъ обра-

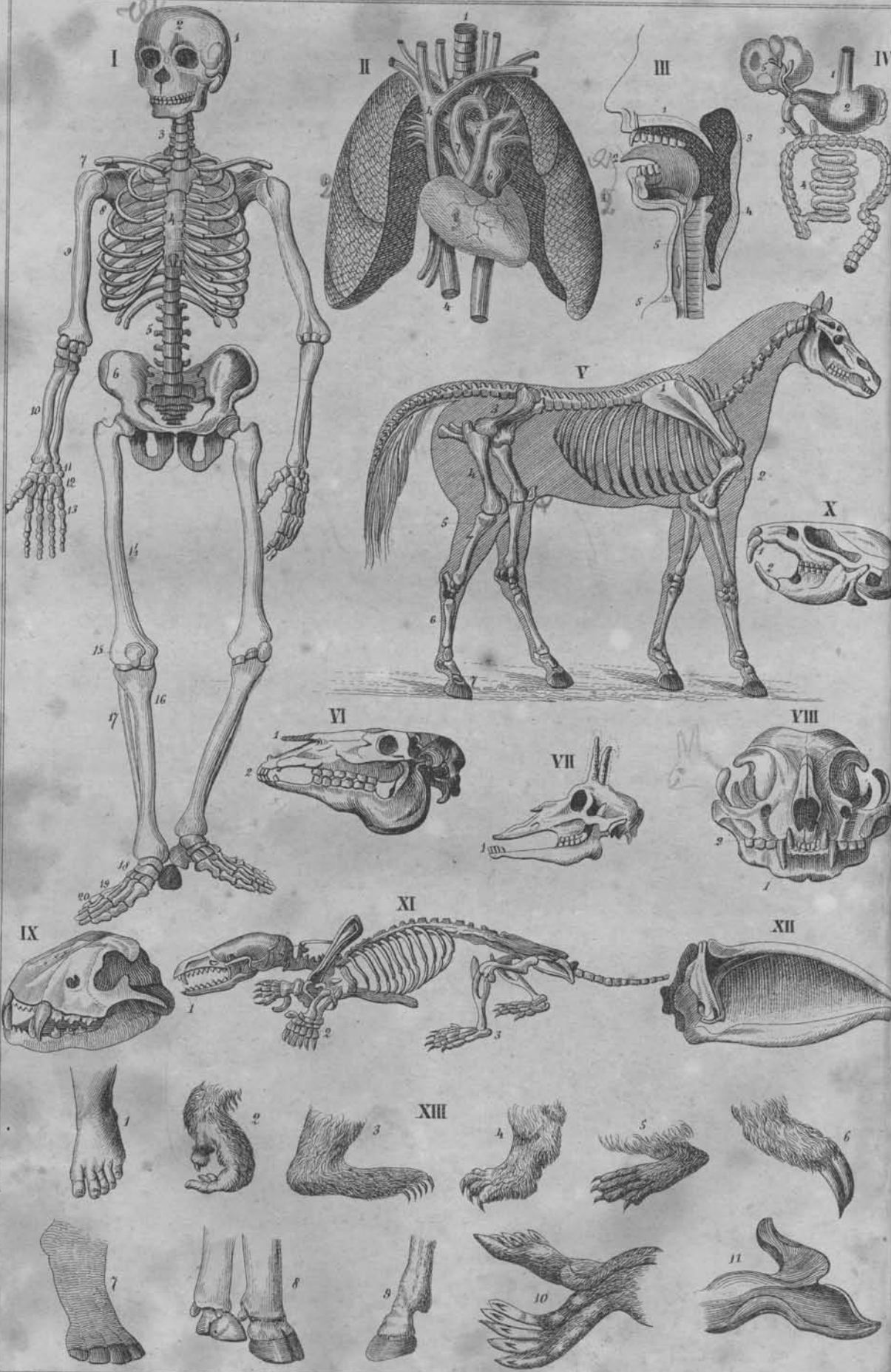
зуются новыя луковицы или новыя почки.

XIV. *Цвѣтокъ василька изъ сложноцвѣтныхъ растений.* 1) Чашечка состоитъ изъ множества чешуйчатыхъ листочковъ, налегающихъ другъ на друга, подобно чешуѣ рыбъ и обхватывающихъ общій торъ или ложе, на которомъ сидятъ отдѣльные цвѣточки; 2) цвѣтки крайніе, распусившіеся; 3) цвѣтки внутренніе, еще нераспусившіеся.

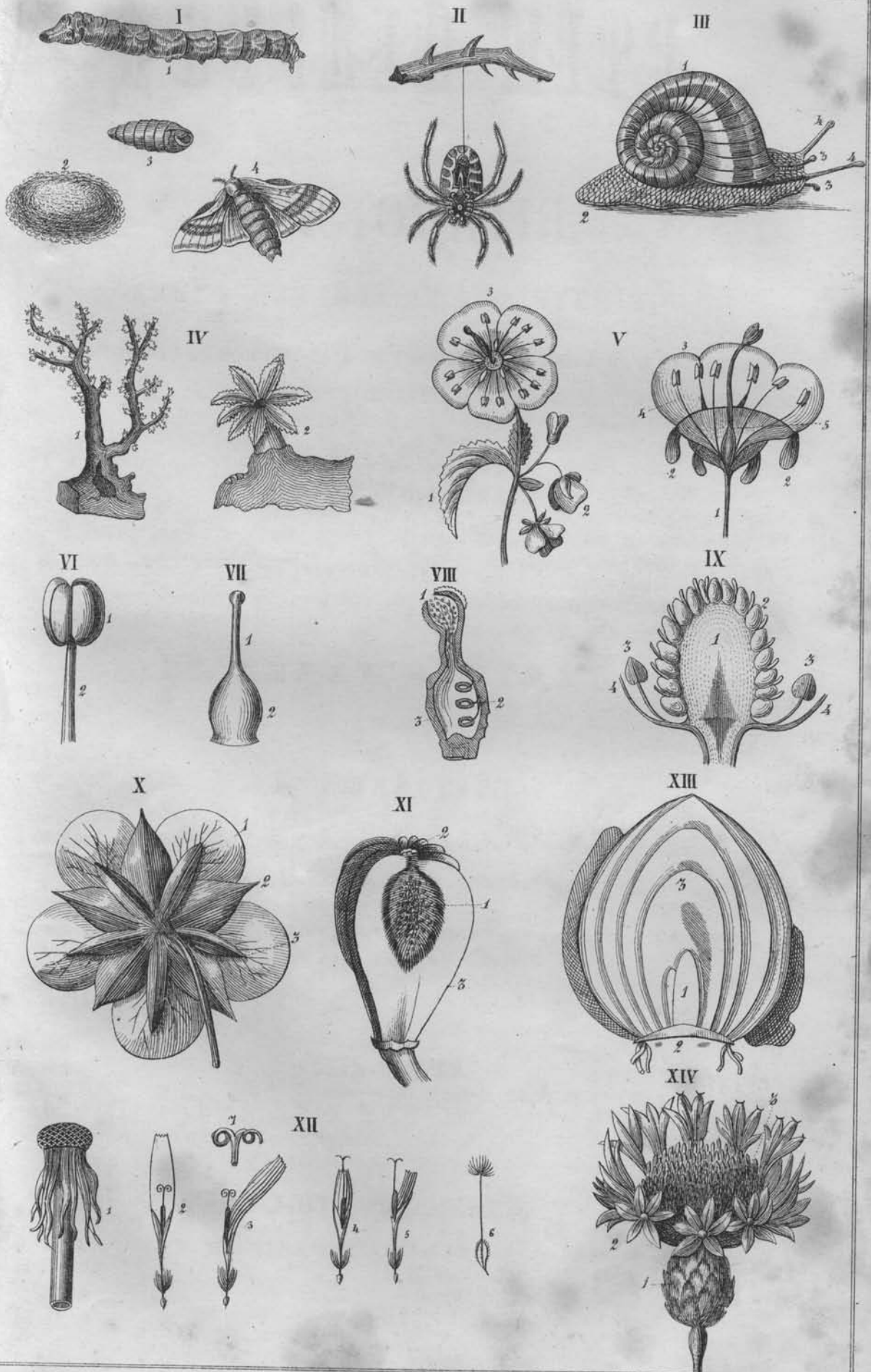
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ таблицѣ млекопитающихъ (Дѣтскій міръ, стр. 62-я), сдѣлана очень важная опечатка: оглавленіе 8-го отряда, *однокопытныхъ*, пропущено, хотя для него оставлено мѣсто и номеръ, а черта отряда *двукопытныхъ* проведена слишкомъ далеко кинзу. Въ томъ же мѣстѣ, вмѣсто зебръ, напечатано *зубръ*.

Въ Христоматіи на послѣдней страницѣ (52-й), во 2-мъ столбцѣ, въ 15-й строкѣ вмѣсто *словно*, слѣдовало бы напечатать *слово*.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

И

ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ
ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Исправленное и дополненное, съ 4мя таблицами рисунковъ.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

*(Допущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ
гимназій и въ уѣздныхъ училищахъ.)*

ЦѢНА ЗА ДВѢ ЧАСТИ 1 Р. 50 К.; ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ДѢЛАЕТСЯ
ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ УСТУПКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1861.

ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18-го февраля 1861 года.

Ценсоръ *Обертъ.*

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

1861

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ко второй части „Дѣтскаго Мира.“

Раздѣливъ во *второмъ* изданіи «Дѣтскій Миръ» на двѣ части, я не могъ уже сохранить въ цѣлости прежней научной системы; но за то примѣнилъ расположеніе статей къ порядку класснаго чтенія. Статьи *первой* части даютъ дѣтямъ возможность осмотрѣть ближайшій, окружающій ихъ міръ въ отдѣльныхъ, самыхъ простыхъ предметахъ и мало-сложныхъ явленіяхъ; во *второй* части представляются цѣлыя, иногда довольно сложныя картины, элементы которыхъ болѣе или менѣе уже знакомы дѣтямъ. *Вторую* часть моей книги я также раздѣлилъ на двѣ половины: «Дѣтскій Миръ» и «Христоматію», а «Дѣтскій Миръ» на четыре большіе отдѣла: 1) *статьи по географіи*, 2) *разказы изъ русской исторіи*, 3) *статьи по естественной исторіи*, и 4) *первыя уроки логики*; «Христоматію» раздѣлилъ я на стихи и прозу. Объ отношеніи «Христоматіи» къ «Дѣтскому Миру» сказано было въ предисловіи къ 1-й части: оно остается то же самое. Теперь слѣдуетъ сказать только о порядкѣ чтенія статей «Дѣтскаго Мира», который я имѣлъ въ виду, при составленіи *второй* части.

Я предполагалъ, что преподаватель будетъ читать съ учениками не *одинъ отдѣлъ вслѣдъ за другимъ*, а *будетъ вести всѣ четыре отдѣла разомъ*, останавливаясь по временамъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ статьи покажутся ему еще несвоевременными, и прочитывая иногда три, четыре статьи по порядку изъ одного и того же отдѣла, если эти статьи,—какъ напр., нѣкоторыя статьи по географіи,—дополняютъ одна другую; чтеніе же и изученіе «Христоматіи» должно сопровождать постоянно чтеніе статей «Дѣтскаго Мира». Первая статья 1-го отдѣла, «*Поездка изъ столицы въ деревню*» (стр. 1—18), даетъ поводъ преподавателю обратить дѣтское вниманіе на окружающую дитя мѣстность. Весьма полезно будетъ, если преподаватель въ изустныхъ бесѣдахъ съ учениками побудитъ каждаго изъ нихъ описать знакомую ему родную мѣстность, родимый городъ, деревню, отцовскій домъ, конечно, поддерживая такой разказъ вопросами. Во многихъ германскихъ руководствахъ излагаются систематически описанія дома, улицы, деревни, города; но такія описанія до того сухи и скучны, что я не рѣшился внести ихъ въ русскую книгу для чтенія, однакожь, признавая пользу такихъ описаній, я полагаю только, что они должны выходить изъ изустныхъ бесѣдъ съ учениками, а не вычитываться ими изъ книги. Статья, «*Поездка изъ столицы въ деревню*», не смотря на свою кажущуюся простоту, требуетъ многихъ объясненій со стороны преподавателя, а потому ее слѣдуетъ читать не торопясь.

Статья «*Вдали и вблизи*» (стр. 19) составляет уже введение въ научныя географическія статьи. Слѣдуетъ убѣдить учениковъ непосредственнымъ опытомъ, что предметы, чѣмъ дальше, тѣмъ кажутся менѣе, иначе они будутъ принимать только на вѣру, что солнце можетъ быть гораздо больше земли и т. п. Въ статьѣ «*Земля*» (стр. 20)—одна мысль; потому что эта мысль, какъ ни просто она выражена, принимается дѣтьми трудно. Статья «*Глобусъ*» (стр. 21) знакомитъ дѣтей съ понятіемъ картины, плана, карты и глобуса; но конечно хорошо познакомитъ ихъ съ этими понятіями только тогда, когда дѣти не только присмотрятся къ предметамъ, но и сами попробуютъ нарисовать планъ учебной комнаты, школы, сада, улицы, площади и т. п. Планъ той мѣстности (деревни или города), гдѣ находится школа, даетъ ученику возможность перейти къ вѣрному понятію о картѣ. «Но» — скажетъ, можетъ быть, иной преподаватель русскаго языка: «зачѣмъ я стану толковать дѣтямъ о предметахъ географическихъ? Для этого есть другой наставникъ». На это я могу отвѣтить только слѣдующее: до тѣхъ поръ, пока различные предметы учебнаго курса будутъ у насъ преподаваться, какъ бы совершенно не зная о сущ. ствованіи другъ друга, ученіе не будетъ оказывать никакого существ. внаго вліянія на духовное развитіе дѣтей, предоставляя его только вл. нію времени и жизни; — до тѣхъ поръ ученіе будетъ не увлекательнымъ органическимъ процессомъ психическаго развитія, а невыносимо скучнымъ трудомъ для наставника и ученика. Можетъ ли быть что-нибудь скучнѣе этихъ многолѣтнихъ поисковъ за подлежащими, сказуемыми, опредѣленіями и дополненіями, этихъ вѣчныхъ толковъ о безжизненной формѣ, при которой, какъ будто нарочно, избѣгаютъ всякой встрѣчи съ живымъ, сколько нибудь занимательнымъ содержаніемъ? Развивайте, возбуждайте въ дѣтяхъ мысль — и будьте увѣрены, что она, сильно возбужденная къ жизни, сама выработаетъ себѣ форму; а вамъ останется только облегчить ей ея собственное дѣло, и только тотъ языкъ хорошъ, который непосредственно самъ выработался изъ мысли. Преподаватели закона Божія, географіи, исторіи, ариѳметики — естественные помощники преподавателя отечественнаго слова, который въ свою очередь, по крайней мѣрѣ въ младшихъ классахъ, полагаетъ прочную основу всякому ученію, если только въ его учебной дѣятельности выражается сознаніе, что логика и красота въ словѣ — плоды логики въ мысли и красоты въ чувствѣ. Не разъ удавалось намъ слышать жалобы преподавателей различныхъ предметовъ на преподавателя русскаго языка, что дѣти не умѣютъ связать правильно двухъ словъ ни изустно, ни на письмѣ, какъ будто на одномъ учителѣ русскаго языка лежитъ обязанность учить дѣтей думать и правильно выражать свои мысли, какъ будто только съ помощью грамматическихъ правилъ, безъ помощи логики въ мысляхъ, вѣрнаго пониманія и яснаго представленія предмета, зная только правила этимологіи и синтаксиса, можно выражаться логически. Таково необходимое послѣдствіе вреднаго раздѣленія предметовъ между нѣсколькими преподавателями даже въ младшихъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній, которое, по всей вѣроятности, еще долго у насъ останется. Одною изъ главныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ я составилъ «*Дѣтскій Міръ*», было — по возможности — уменьшить вредъ, происходящій отъ такого раздѣленія.

Дальнѣйшія географическія статьи, «*Первое знакомство съ полушаріями*» (стр. 22), «*Колумбъ*» (стр. 25), «*Небесный сводъ*» (стр. 37), «*Движеніе земли*» (стр. 38), имѣютъ цѣлю, постепенно расширяя кругозоръ дѣтей, вводить ихъ, начиная съ самыхъ простыхъ и доступныхъ для нихъ понятій, въ возможно полное для дѣтскаго возраста міросозерцаніе. При чтеніи статьи «*Солнечныя часы*» (стр. 47), слѣдуетъ показать

дѣтямъ на практикѣ находеніе полуденной линіи, руководствуясь приложеннымъ для этой цѣли рисункомъ, и тогда эта статья не покажется трудною, — какъ показала нѣкоторымъ, — но, какъ я убѣдился на опытѣ, доступною и занимательною. Въ первомъ изданіи она дѣйствительно была очень длинна, а потому я здѣсь раздѣлилъ ее на нѣсколько статей. При статьѣ «Луна» (стр. 52), слѣдуетъ показать дѣтямъ нехитрый опытъ надъ бѣлымъ шарикомъ. Статья «Телескопъ» (стр. 54), передѣланная съ нѣмецкаго, имѣетъ цѣлью увлечь воображеніе дѣтей безграничностью Вселенной, а не опредѣленныя астрономическія свѣдѣнія. Въ статьѣ, «Горная страна» (стр. 57), я старался возможно нагляднѣе ввести дѣтей въ представленіе горъ, которыя обыкновенно долго кажутся имъ черными шнурками на географическихъ картахъ. Статьи, «Море» (стр. 60), «Горные ледники и плавающие льды» (стр. 65), имѣютъ подобное же назначеніе. Въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ различныхъ путешествій, я желалъ представить главнѣйшіе географическіе типы мѣстностей и народныхъ бытовъ; потомъ уже я считалъ возможнымъ познакомить дѣтей съ Россіею, на сколько, конечно, позволяетъ назначеніе книги. Какъ при изученіи отдѣльныхъ предметовъ природы въ первой части, точно также и при изученіи цѣлыхъ типическихъ мѣстностей во второй, слѣдуетъ безпрестанно прибѣгать къ сравненіямъ, имѣя постоянно въ виду, что только сравненіе выдвигаетъ наружу всѣ особенности предмета и запечатлѣваетъ ихъ въ душѣ. Сравните, напримеръ, бытъ эскимосовъ (стр. 72) сначала съ бытомъ самоѣдовъ, (стр. 75), потомъ съ бытомъ киргизовъ (стр. 78), и наконецъ, съ бытомъ голландцевъ (стр. 82) и русскимъ деревенскимъ бытомъ (стр. 1—18) и вы запечатлѣете вѣрныя и яркія представленія въ головѣ ученика, что не только оживитъ для него изученіе географіи, но и дастъ ему возможность написать вамъ современемъ порядочное сочиненіе. Гравюры ландшафтовъ, какъ бы они ни были грубо нарисованы (только бы вѣрно) — будутъ прекраснымъ пособіемъ при такомъ чтеніи. Запасъ ландшафтовъ и историческихъ картинъ должна-бы имѣть каждая школьная бібліотека, а сочиненія, писанныя учениками съ такихъ картинъ, объясненныхъ учителемъ, мы считаемъ однимъ изъ лучшихъ классныхъ упражненій въ сочиненіи: описаніе съ природы, конечно, еще лучше; но многоли можетъ сдѣлать такихъ описаній дитя, особенно въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ благотѣльное вліяніе природы на воспитаніе почти совершенно незамѣтно? «Путешествіе по Волгѣ» (стр. 91) помѣщено въ географическомъ отдѣлѣ послѣднею статьею въ томъ предположеніи, что когда дойдетъ до нея очередь, то ученики — читая совместно и историческіе рассказы, уже прійдутъ къ окончанію и 2-го отдѣла.

Большая часть «Разказовъ изъ русской исторіи» (стр. 113—172) заимствована мною изъ разказовъ, составленныхъ по лѣтописи г. Соловьевымъ, впрочемъ съ нѣкоторыми необходимыми для дѣтской книги сокращеніями, добавленіями и измѣненіями, сдѣланными тоже по лѣтописи. Необыкновенная простота и живость Несторова языка окажетъ, безъ сомнѣнія, весьма полезное вліяніе на слогъ учениковъ, и приучитъ ихъ къ той простотѣ, которая и составляетъ истинное изящество: мы уже имѣли случай убѣдиться въ благотѣльности такого вліянія; исторія же Карамзина для этой цѣли мало пригодна. Статьи, «Ослѣпленіе Василька» (стр. 138), «Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ» (стр. 151), составлены мною также по лѣтописи; статья, «Походъ Игоря на половцевъ» (стр. 142), — по лѣтописи и «Слову». Въ этой послѣдней статьѣ вкралась значительная опечатка: вмѣсто «красныя щиты» (стр. 145) напечатано «красивыя щиты». Въ отдѣлѣ, «Разказы изъ русской исторіи», по ошибкѣ же пропущены мною двѣ статьи, одна о подвигѣ св. Филипа, другая —

русская пѣсня о взятіи Казани. Обѣ эти статьи необходимы для пополненія характеристики *Грознаго* и потому помѣщены въ прибавленіи. Характеристику Петра Великаго слѣдуетъ добавить изъ другихъ мѣстъ «Дѣтскаго Міра»; а именно стихотвореніемъ А. Пушкина, «Петербургъ» (Дѣтск. М. стр. 90), и стихотвореніемъ Майкова: «Кто онъ?» (Христ. стр. 19).

Въ отдѣлѣ III, статьи по естественной исторіи представляетъ уже нѣкоторую сложность сравнительно съ подобными же статьями первой части; но я надѣюсь, что онѣ будутъ понятны дѣтямъ, при небольшихъ объясненіяхъ со стороны преподавателя и всякому доступныхъ опытахъ.

Теперь нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ: «уроки логики». Если дѣти при чтеніи *первой части* занимались логическими упражненіями, на которыя я указывалъ въ своемъ мѣстѣ, то при самомъ началѣ чтенія *второй части* слѣдуетъ уже приступить къ чтенію статей логики, вводя это чтеніе понемногу въ уроки каждой недѣли, и приступая къ чтенію слѣдующей логической статьи только тогда, когда первая вполнѣ усвоена посредствомъ многочисленныхъ примѣровъ и упражненій. Послѣднія статьи «логики» находятся въ связи съ статьями «о человѣкѣ» 3 отдѣла.

Въ «Христоматію» я внесъ нѣсколько изъ разсказовъ г. Тургенева собственно для той цѣли, чтобы приучить учениковъ къ обрисовкѣ человѣческихъ характеровъ, потому что природою они уже занимались довольно.

Собственно о грамматическихъ занятіяхъ я не буду здѣсь говорить: это повело бы меня слишкомъ далеко и каждый преподаватель притомъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свою методу, на которую не оказываетъ существеннаго вліянія выборъ той или другой книги для чтенія.

К. Ушинскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ „ДѢТСКАГО МІРА“.

Отдѣлъ I.

<i>Статьи по географіи.</i>			Стр.
Поѣздка изъ столицы въ деревню			60
Гл. 1. столица и ея окрестности	1		
Гл. 2. Большая почтовая дорога	4		
Гл. 3. Деревня, уездный и губернский городъ	7		
Гл. 4. Проселочная дорога	11		
Гл. 5. Крестьянская изба	12		
Гл. 6. Прибытіе на мѣсто	16		
Вблизи и вдали	19		
Земля	20		
Глобусъ	21		
Первое знакомство съ полушаріями	22		
Христофоръ Колумбъ	25		
Васко-де-Гама	30		
Магелланъ	32		
Капитанъ Кукъ	34		
Небесный сводъ	37		
Движеніе земли	38		
Пифагоръ	40		
Коперникъ	—		
Галилей	41		
Ньютонъ	42		
Земная ось, полюсы и экваторъ	45		
Солнечные часы	47		
Разнообразіе климатовъ	51		
Луна	52		
Телескопъ	54		
Горная страна	57		
Море			60
Горные ледники и плавающіе льды			65
Рейнскій водопадъ (Н. М. Карамзина			67
Геркуланъ (Яковлева)			—
Ночь на Везувіи (Его же)			69
Эскимосы			72
Самоѣды (Максимова)			75
Киргизскія степи (Ковалевскаго)			78
Южно-русская степь (Гоголя)			80
Голландцы			82
Въѣздъ въ Лондонъ съ моря (Михайлова)			83
Іерусалимъ (Норова)			86
Кіевъ (А. Хомякова)			88
Москва (Глинки)			89
Кавказъ (А. Пушкина)			—
Финляндія (Батюшкова)			90
Петербургъ (Пушкина)			90
Путешествіе по Волгѣ.			
1 Письмо (отъ Петербурга до Твери)			91
2 Письмо (отъ Твери до Нижняго)			96
3 Письмо (Нижній Новгородъ)			106
Отдѣлъ II.			
<i>Разказы изъ Русской Исторіи.</i>			
Несторъ			113
Лѣтописецъ (А. Пушкина)			114
Славянскія племена			115
Призваніе князей			116

	Стр.		Стр.
Олеги	117	Ручей	182
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (А. Пушкина)	118	Звукъ и свѣтъ	186
Игорь	119	Громъ и молнія	188
Святая Ольга	121	Строенія растений	192
Святославъ	—	Питаніе растенія	194
Первые удѣлы и раздоры	125	Рожь	197
Брещеніе Руси	128	Грибы (Я. П.)	202
Владиміръ христіанинъ	129	Питаніе человѣка	205
Илья Муромецъ (Русская сказка)	132	Польза, доставляемая человѣку растениями и животными	209
Святополкъ братоубійца	133	Животное и растеніе	211
Ярославъ мудрый	137	Способности души	214
Ослѣпленіе Василька	138	Сходство человѣка съ животнымъ	216
Походъ Игоря князя Новгородсѣверскаго на половцевъ	142	Отличіе человѣка отъ животного	217
Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ	151	Сотвореніе человѣка	221
Взятіе Владиміра татарами и битва на Сити (Карамзина)	153	ОТДѢЛЪ IV.	
Куликовская битва (Его же)	155	<i>Первые уроки логики.</i>	
Іоаннъ III-й	158	Роза и Гвоздика	223
Взятіе Казани (Карамзина)	159	Классная доска и грифельная доска	—
Первое извѣстіе о Самозванцѣ (А. Пушкина)	160	Что такое различіе и сходство	224
Чудо св. Димитрія (Его же)	162	Различіе признаковъ	225
Начало осады Троицкой Лавры (Карамзина)	—	Сужденіе	226
Мининъ и Пожарскій	164	Тѣло	227
Избраніе Михаила Ѳедоровича на царство	166	Различіе предметовъ	—
Петръ Великій въ Голландіи (Устрялова)	167	Роды и воды	229
Полтавская битва (Пушкина)	170	Признаки видовые и родовые	230
Бородино (Лермонтова)	171	Споръ (Понятіе)	—
ОТДѢЛЪ III.		Опредѣленіе	232
<i>Статьи по естественной исторіи.</i>		Явленіе, причина и слѣдствіе	233
Грифельная доска	173	Существо и явленіе	235
Гранитный валунъ	174	Цѣль и назначеніе	236
Известь	177	Законъ	238
Тѣла воздухообразныя или газы	179	Законъ естественный и нравственный	239
		<i>Прибавленіе къ отдѣлу разсказовъ изъ Русской исторіи.</i>	
		Народная пѣсня про покореніе Казани	241
		Великодушіе св. Филиппа	—

ОГЛАВЛЕНІЕ ХРИСТОМАТІИ.

Отдѣль I-й.

<i>Стихи.</i>	Стр.
Зимняя дорога (<i>А. Пушкина</i>)	1
Ласточка (<i>Майкова</i>)	—
Двѣ Бочки (<i>И. Крылова</i>)	2
Прохожіе и Собаки (<i>Его же</i>)	—
Крестьянинъ и Работникъ (<i>Его же</i>)	—
Три пальмы (<i>Лермонтова</i>)	3
Что ты спишь мужичокъ? (<i>Кольцова</i>)	4
Раздумье селянина (<i>Его же</i>)	—
Судъ Божій надъ Епископомъ (<i>Жуковского</i>)	—
Волкъ на псарнѣ (<i>Крылова</i>)	6
Солнце и мѣсяцъ (<i>Полонскаго</i>)	—
Косарь (<i>Кольцова</i>)	7
Ангель (<i>Лермонтова</i>)	—
Водопадъ (<i>Державина</i>)	8
Весенняя гроза (<i>Тютчева</i>)	—
Мірская сходка (<i>Крылова</i>)	—
Два мужика (<i>Его же</i>)	—
Овсяный кисель (<i>Жуковского</i>)	9
Нива (<i>Майкова</i>)	11
Утро на берегу озера (<i>Никитина</i>)	—
Мельница (<i>Его же</i>)	12
Ночлегъ въ деревнѣ (<i>Его же</i>)	13

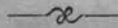
	Стр.
Демьянова Уха (<i>Крылова</i>)	—
Три мужика (<i>Его же</i>)	—
Какъ мыши kota хоронили (<i>Жуковского</i>)	14
Невольничій корабль (<i>Изъ Гейне, перев. Водовозова</i>)	16
Шоссе и обыкновенная дорога (<i>Аксакова</i>)	19
Кто онъ? (<i>Майкова</i>)	—
Пѣсня лихача (<i>Кольцова</i>)	20
Нищій (<i>Никитина</i>)	—
Бѣда Проповѣдникъ (<i>Полонскаго</i>)	21

Отдѣль II-й.

<i>Проза.</i>	
Пшеница и плевелы (<i>Денцеля</i>)	22
Воспитаніе (<i>Круммахера</i>)	—
Отцовскій долгъ (<i>Кокорева</i>)	23
Бѣленькій цвѣточекъ (<i>Андерсена</i>)	26
Гостинница въ степи	29
Истинно христіанская жизнь (<i>съ франц.</i>)	38
Пустой островъ (<i>Гердера</i>)	42
Переправа черезъ рѣку (<i>Круммахера</i>)	45
Смерть и сонъ (<i>Его же</i>)	46
Корона старости (<i>Его же</i>)	47

	Стр.		Стр.
Возвращеніе на родину (<i>Пуш-кина</i>)	47	Ярмарка (<i>Григоровича</i>)	66
Первые каникулы гимназиста (<i>Аксакова</i>)	48	Петербургскіе шарманщики (<i>Его же</i>)	67
Ермолай и его Валетка (<i>Турне-нева</i>)	50	Помѣстье Плюшкина (<i>Гоголя</i>)	69
Льговъ (<i>Его же</i>)	52	Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна (<i>Гоголя</i>)	71
Бирюкъ (<i>Его же</i>)	58	Переѣздъ въ горахъ (<i>Лермон-това</i>)	72
Китайцы и Индійцы (<i>Гончарова</i>)	65		

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ОТДѢЛЪ I.

СТАТЬИ ПО ГЕОГРАФІИ.

ПОВѢДКА ИЗЪ СТОЛИЦЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

ГЛАВА I.

Столица и ея окрестности.

Володя и Лиза родились и выросли въ Петербургѣ, т. е. выросли на столько, на сколько можно въ одиннадцать и двѣнадцать лѣтъ жизни. Мать ихъ умерла, когда Володѣ было только еще три года, а Лизу носили на рукахъ. Отецъ Володи и Лизы, Александръ Сергѣевичъ Громовъ, былъ постоянно занятъ службою и даже лѣтомъ не могъ переѣзжать на дачу. Вотъ почему бѣдныя дѣти во всю свою жизнь ни разу не были въ деревнѣ, и знали о ней только по разказамъ, да по книгамъ.

Можно себѣ представить, какъ удивились и обрадовались Володя и Лиза, когда услышали отъ отца, что черезъ недѣлю они поѣдутъ на цѣлое лѣто въ деревню, въ настоящую деревню, за 600 съ лишнимъ верстъ отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ совершенно неожиданно получилъ въ наслѣдство маленькое имѣніе въ одной отдаленной губерніи и хотѣлъ отправиться осмотрѣть его. Это извѣстіе сильно взволновало дѣтей. Каждую свободную минуту маленькіе горожане мечтали вдвоемъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, ожидаютъ ихъ въ деревнѣ. Володя купилъ даже удочку, приготавливаясь къ рыбной ловлѣ въ рѣчкѣ. „Конечно“, думалъ онъ, „въ деревнѣ есть рѣка и въ рѣкѣ множество рыбы“. Лиза запаслась двумя корзинками для будущихъ грибовъ и ягодъ.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Къ крыльцу большаго дома, гдѣ

Громы занимали одну из множества квартиръ, подъѣхалъ укладистый тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей. Самъ Александръ Сергѣевичъ, кухарка Марья и дѣти дружно принялись укладывать вещи въ экипажъ. Но какъ ни торопились, а только къ вечеру маленькая семья, за исключеніемъ Марьи, усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ взлѣзъ на козлы, и колеса экипажа запылали по каменной мостовой. Но до заставы надобно было проѣхать почти весь городъ изъ конца въ конецъ.

Улицы черезъ двѣ тарантасъ выѣхалъ на набережную Невы и поѣхалъ по длинному каменному мосту, съ чугунными перилами, сдѣланными точно изъ кружевъ. На широкой величественной рѣкѣ мелькали сотни лодокъ, летѣли одинъ за однимъ дымящіеся пароходы; а вдаль, какъ лѣсъ, стояли безчисленные мачты стройныхъ кораблей. Великолѣпная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественныя церкви, обширныя красивыя площади, широкія, богатая, шумныя улицы, чудесныя памятники — все это дѣти видали уже часто и все это имъ было не въ диковинку.

За мостомъ тарантасъ поѣхалъ по одной изъ лучшихъ улицъ столицы. Сплошные ряды громаднхъ каменныхъ домовъ подымались высокими стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Тысячи раззолоченныхъ вывѣсокъ пестрѣли на домахъ. За громадными, зеркальными окнами великолѣпныхъ магазиновъ и богатыхъ лавокъ были выставлены и разложены самыя разнообразныя и привлекальныя товары. Здѣсь было все, что угодно: золотыя и серебряныя вещи, чудныя издѣлія изъ дорогихъ камней, роскошныя матеріи для платьевъ, шитыя костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожныя, рѣдкіе, дорогіе фрукты, заманчиво разложенная зелень.... Но у крыльца одного изъ такихъ магазиновъ дѣти замѣтили бѣдняка въ лохмотьяхъ, который робко поглядывалъ вокругъ, не подастъ ли ему кто нибудь гроша, который, конечно, нуженъ былъ ему для куска хлѣба, одежды и найма квартиры, гдѣ нибудь въ подвалѣ этихъ роскошныхъ домовъ.

Блестящіе экипажи съ грохотомъ неслись по мостовой; разряженныя толпы народа двигались по тротуарамъ; безпрестанно попадались на встрѣчу конные и пѣшіе отряды солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ. Но Володѣ и Лизѣ хотѣлось поскорѣе за городъ: въ лѣса, въ поля, въ деревню.

Часа черезъ полтора тарантасъ выѣхалъ за заставу и поѣхалъ по шоссе, гладкому, прямому, какъ стрѣла, съ каменными мостиками, съ каменными верстовыми столбами. По обѣимъ сторонамъ его стояли красивенькія дачи съ маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здѣсь было меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомъ; но все-еще очень и очень много.

На встрѣчу нашимъ путешественникамъ безпрестанно попадались: то

громадныя почтовыя кареты съ разодрѣтыми кондукторами впереди, которые то и дѣло трубили въ мѣдные рожки; то блестящіе городскіе экипажи; то длинные, тяжело-нагруженные товарами обозы; даже городскіе, легковыя извозчики съ номерами на затылкахъ. Всѣ эти предметы были очень хорошо знакомы дѣтямъ и мало напоминали собою деревню. Правда, проѣхали они двѣ или три деревни; но эти деревни не походили на деревни: каменные двухъ этажные дома, овощныя лавки, вывѣски портныхъ и сапожниковъ, трактиры и гостинницы для проѣзжающихъ, великолѣпныя станціи — все это еще очень напоминало городъ. Вдали отъ дороги, дѣти, правда, замѣтили двѣ или три сѣренькія чухонскія деревеньки; на далекомъ *горизонтѣ*, правда, раза два выглянуль темный большой лѣсъ; вмѣсто огородовъ и кладбищъ, окружающихъ Петербургъ, стали попадаться поля, зеленѣющія подъ рожью; но облака пыли, стукъ колесъ по твердому шоссе, крики кучеровъ, ямщиковъ — все это не давало дѣтямъ возможности живо представить себѣ, что они уже за городомъ. Они даже плохо слышали колокольчикъ, который болтался подъ дугою; а нарядный ящикъ, сидѣвшій у нихъ на козлахъ, походилъ болѣе на кучера, чѣмъ иной бѣдный петербургскій извозчикъ. Близость огромнаго, многолюднаго города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечерѣть. Дѣти проснулись сегодня чуть-ли не въ три часа утра, провозились за укладкою цѣлый день; а потому глаза ихъ слипались, головки клонились на подушки, которыхъ было довольно въ тарантасѣ. Скоро наши маленькіе путешественники заснули, и спали долго и крѣпко, какъ спятъ только усталыя дѣти, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, при небольшой, убаюкивающей качкѣ экипажа, подъ усыпительные звуки почтоваго колокольчика.

Короткая петербургская ночь была свѣтла. Тарантасъ быстро удалялся отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ торопился и останавливался на станціяхъ только за тѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей. Дѣти, укрытые заботливою рукою отца, спали крѣпко и сладко. Они, вѣроятно, видѣли во снѣ свою маленькую квартиру, кухарку Марью, свои книги и игрушки, не подозрѣвая, что съ каждымъ часомъ становятся на десять или на двѣнадцать верстъ дальше отъ столицы.

Солнце уже было высоко и тарантасъ успѣлъ уѣхать болѣе ста верстъ, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшіяся дѣти насилу могли вспомнить, что съ ними дѣлается, гдѣ они и что это за колокольчикъ звенитъ передъ ними. Но едва только мелькнула у нихъ мысль, что они въ дорогѣ, на пути въ деревню, ѣдутъ на почтовой тройкѣ и притомъ еще съ колокольчикомъ, какъ сна будто и не бывало! Весело и бордо вскочили они и съ любопытствомъ стали осматриваться кругомъ.

ГЛАВА II.

Большая почтовая дорога.

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипажъ тихо катился по мягкой, простой почтовой дорогѣ и почтовый колокольчикъ звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжныхъ лошадей: онъ остановилъ тройку и слѣзъ съ козелъ. Прежде всего поразила дѣтей глубокая тишина, царствовавшая въ поляхъ. Они до этого времени жили безвыѣздно въ многолюдномъ и шумномъ городѣ и не имѣли понятія о томъ, что такое сельская тишина. Только гдѣ-то, высоко, пѣлъ невидимый жаворонокъ. Серебрянныя трели его вольной пѣни звонко раздавались въ прозрачномъ, чистомъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіями полей. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленѣющими хлѣбами, то черныхъ, *отдыхающихъ подъ паромъ*. На горизонтѣ, гдѣ небо сходитъ съ землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ лощинѣ, между двумя длинными холмами, виднѣлись соломенные крыши большаго *села*, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны дороги можно было замѣтить вдали небольшую *деревню*, въ которой не было церкви. Подъ самымъ лѣсомъ, версть за десять, блестѣлъ чуть замѣтный крестикъ другаго села. Внизу, впереди — потому-что дорога шла подъ гору — огромное стадо паслось между молодыми кустарниками. Нѣсколько крестьянъ пахали, таща свои тяжелыя сохи, въ которыя были впряжены небольшія, деревенскія лошаденки.

Дѣти молчали. Новость и прелесть сельской картины глубоко на нихъ подѣйствовала.

Минуть черезъ двадцать тарантасъ застучалъ по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному черезъ глубокой оврагъ. На днѣ оврага, въ высокой травѣ сверкала маленькая рѣчка. За мостомъ вскорѣ начался густой, темный лѣсъ. Громадныя вѣковыя сосны протягивали надъ дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья, съ колючими, всегда зелеными вѣтвями. Колеса тарантаса врѣзались въ песокъ — и лошади пошли шагомъ.

Лѣсъ былъ большею частію сосновый, но кое-гдѣ виднѣлись пирамидальныя ели съ своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми къ низу, какъ крыши китайскихъ домиковъ. Тамъ-и-сямъ бѣлѣли стройныя березы съ кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали вѣчно дрожащія листочки осины. Внутри лѣса, между деревьями, царствовали тѣнь,

прохлада и тишина. По временамъ густой лѣсъ прерывался полянами. На опушкахъ такихъ полянъ, покрытыхъ свѣжей травой, береза, осина, небольшія елки и тонкій, гибкій орѣшникъ, перемеживаясь, составляли красивыя группы. Въ высокой, сочной травѣ видно было много цвѣтовъ; а кое-гдѣ блестѣли, какъ коралль, ярко-красныя ягоды вызрѣвшей земляники. Кукушка отзывалась гдѣ-то далеко въ глуши лѣса, по временамъ раздавался звонкій, рѣзкій крикъ иволги.

Тарантасъ ѣхалъ очень тихо, и наши путешественники пошли пѣшкомъ. Черезъ четверть часа, когда дѣти опять садились въ экипажъ у нихъ въ рукахъ было уже по огромному букету лѣсныхъ цвѣтовъ. Правда, эти цвѣты были не такъ велики и красивы, какъ тѣ, которые бываютъ въ садахъ или цвѣточныхъ лавкахъ; но за то, какъ они были свѣжи! У иныхъ на листьяхъ еще дрожали алмазныя капли росы, не успѣвшей высохнуть. Кромѣ того, въ корзинкѣ у Лизы краснѣлись горсти двѣ только что сорванной, сочной земляники, непомятой, необыкновенно душистой, какой дѣти никогда не видывали въ Петербургѣ.

Высокій лѣсъ тянулся верстъ на пять и дѣти не могли имъ налюбоваться. Но лошадямъ трудно было тащить тарантасъ по глубокому, сыпучему песку и, кромѣ того, бѣдныхъ животныхъ беспокоили овода. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть и, вмѣсто большихъ сосенъ, показались кустарники. Опушка лѣса продолжалась еще съ полверсты: потомъ колеса экипажа застучали по болѣе твердому грунту. Опять по обѣимъ сторонамъ дороги пошли безконечныя поля, разстилающіяся по холмамъ до самаго горизонта.

Черезъ полчаса ямщикъ сильно погналъ лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца его стояла толпа ямщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ, двѣ или три телѣги и тройка, только-что воротившихся лошадей. Это была станція. Володя обратилъ вниманіе на большой, полосатый столбъ, на которомъ было крупными буквами написано: *отъ С.-Петербурга 154 версты.*

Станціонный смотритель, въ чиновничьемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, ласково встрѣтилъ пріѣхавшихъ и спросилъ ихъ: не хотятъ ли они напиться чаю? Жена же смотрителя объявила, что у нея есть сливки, молоко и свѣжія яйца. Здоровый воздухъ полей, прогулка пѣшкомъ по лѣсу и легкая качка экипажа сильно возбудили дѣтскій аппетитъ. Предложеніе станціоннаго смотрителя было принято съ радостію. Большой самоваръ, правда, давно нечищенный, огромный горшокъ молока съ толстымъ слоемъ сливокъ наверху, тарелка яицъ, круглыя деревянныя ложки и большой ломъ чернаго хлѣба мигомъ появились на столѣ. Дѣти не заставляли себя упрашивать: чай, молоко, яйца, и хлѣбъ исчезали быстро.

Самоваръ, скатерть, чашки, мебель, — все на станціи было некрасиво и бѣдно. Простой, грубый, ничѣмъ не обитый диванъ и такіе же стулья, голыя стѣны, на которыхъ висѣли почтовые объявленія въ рамкахъ, да какая-то картинка, запачканная мухами, — все это далеко не напоминало собою той великолѣпной почтовой станціи, гдѣ наши путешественники останавливались вчера вечеромъ, ѣдучи по шоссе. Тамъ стѣны высокихъ комнатъ были обиты дорогими обоями, мебель ясеневаго дерева блестяла и лоснилась, на стѣнахъ висѣли прекрасные портреты, на столъ къ чаю былъ поданъ великолѣпный сервизъ. Но, не знаю почему, дѣтямъ какъ-то особенно нравилась скромная станціа съ ея голыми стѣнами и скрипучимъ поломъ. Приятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда Александръ Сергѣевичъ открылъ окно, и свѣжій деревенскій воздухъ, въ которомъ казалось не было ни одной пылинки, хлынулъ въ комнату.

Скоро подъ окномъ станціи собралась толпа босоногихъ малчишекъ и дѣвочекъ, въ грязныхъ рубашонкахъ, съ волосами, не совсѣмъ гладко расчесанными, съ лицами и руками, не совсѣмъ чисто вымытыми. Но въ этихъ грязныхъ дѣтскихъ рученкахъ, протянутыхъ къверху, видна была очень привлекательная вещь. На деревянныхъ маленькихъ тарелочкахъ лежала крупная, сочная, совершенно вызрѣвшая земляника. Дѣти наперывъ предлагали проѣзжающимъ свой товаръ. Наши маленькіе горожане съ трудомъ понимали, что говорили имъ эти жители села, которые также никогда не покидали деревни, какъ они никогда не покидали города: такъ языкъ деревенскихъ дѣтей мало походилъ на тотъ, къ которому привыкли Володя и Лиза въ столицѣ.

Послѣ небольшого торгу, при чемъ объяснилось, что продающіе считали еще на ассигнаціи, тогда-какъ покупающіе считали на серебро, нѣсколько тарелочекъ земляники было куплено. Душистая, сочная ягода, съ прекрасными сливками, вполнѣ расположила нашихъ маленькихъ путешественниковъ въ пользу деревенскихъ жителей. Дѣтямъ не хотѣлось даже разставаться со станціею: такъ она имъ понравилась. Володя взобрался на диванъ и прочелъ всѣ почтовые объявленія, Лиза раздарила дѣвочкамъ нѣсколько обрывковъ лентъ и лоскутковъ ситцу. Маленькіе дикари были въ восторгѣ отъ такихъ подарковъ. Черезъ полчаса новая тройка была уже впряжена въ тарантасъ; новый и звонкій колокольчикъ побрякивалъ подъ дугою. Ямщикъ, старикъ съ сѣдою бородою, приправилъ послѣднія постромки и, перекрестясь, крихтя, взлѣзъ на высокія козлы. Александръ Сергѣевичъ заплатилъ станціонному смотрителю прогоны, далъ на водку прежнему ямщику, расплатился также съ хозяйкою за самоваръ, яйца и кривку молока, причемъ, припоминая петербургскія цѣны, удивился, что съ него взяли такъ мало. Потомъ, простившись съ смотрителемъ и его женою,

вся семья усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ махнулъ рукавицей, крикнулъ на лошадей: „эй, вы, голубчики!“ и покатишь дальше по большой дорогѣ.

ГЛАВА III.

Деревня, уѣздный и губернской городъ.

Мѣняя лошадей на станціяхъ, останавливаясь только напиться чаю и поѣсть, ночуя въ экипажѣ, потому-что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ѣхали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое сутокъ; потому-что они ѣхали день и ночь, уѣзжая въ сутки верстъ по двѣсти и болѣе. Много они проѣхали маленькихъ деревень. Въ иныхъ всего-то было 10 или 15 домовъ, низенькихъ, пошатнувшихся на бокъ, съ почернѣвшими бревенчатыми стѣнами, съ полусогнившими соломенными крышами. Много проѣхали они и большихъ селъ, гдѣ иногда попадались прекрасныя каменные церкви, нѣсколько домовъ почище другихъ и двѣтри маленькія грязныя лавчонки, въ которыхъ деготь и баранки, пряники и колеса, продавались вмѣстѣ. Эти лавчонки были бѣднѣе товаромъ, меньше и грязнѣе на видъ самой жалкой изъ овощныхъ лавокъ столицы.

Наши путешественники проѣхали также три уѣздные города и даже одинъ губернской. Губернской городъ походилъ еще на городъ. По главнымъ улицамъ его была каменная мостовая; кое-гдѣ попадались огромныя каменные дома; но между ними немного было такихъ, къ какимъ дѣти привыкли въ столицѣ. Только одинъ губернаторскій домъ, да новыя присутственныя мѣста, высокій, прекрасный соборъ и нѣсколько старинныхъ церквей могли-бы, какъ казалось дѣтямъ, стоять безъ стыда и на петербургскихъ улицахъ. Но гостинный дворъ, посреди огромной, пустой площади, показался имъ и малъ, и бѣденъ, и грязенъ. Тутъ были, правда, два-три магазина; но какое сравненіе съ петербургскими магазинами! Было десятка-два вывѣсокъ; но какое сравненіе съ петербургскими вывѣсками! Народу и экипажей на улицахъ несравненно меньше.

Уѣздные города были еще меньше и бѣднѣе губернскаго: три, четыре немощныя улицы, обставленныя низенькими деревянными домами; длинныя иногда полуразвалившіеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вмѣсто тротуаровъ; коровы и свиньи, бродящія по улицамъ; пустота, тишина, — отсутствіе движенія! Только пять или шесть каменныхъ домовъ, площадь, на которой помѣщались десятка два лавокъ, каменные присутственныя мѣста, выкрашенныя когда-то желтою охрою, пять-шесть полуистертыхъ вывѣсокъ сапожниковъ и портныхъ, вывѣшенный на палкѣ крендель булочника, да изрѣдка городскія дрожки доказывали, что это не деревня, а городъ.

Одинъ изъ такихъ городковъ наши путешественники проѣхали такъ быстро, что Володя, вспомнивъ, какъ они часа полтора тащились по Петербургу, спросилъ у отца: — Неужели это городъ?

— Города бываютъ разные, отвѣчалъ ему отецъ съ улыбкою: въ Петербургѣ 500,000 жителей; въ губернскомъ городѣ, который мы проѣхали, не болѣе тридцати тысячъ; а здѣсь хорошо, если наберется тысячи три. Но есть города больше Петербурга. Въ Лондонѣ, столицѣ Англїи, два мильона пятьсотъ тысячъ, жителей, то есть, въ пять разъ больше, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Вотъ городъ, такъ городъ! Вотъ должна быть толкотня на улицахъ! замѣтила Лиза.

— Да, сказалъ отецъ, говорятъ, что тамъ по улицамъ каждый день такое множество народа, какъ въ Петербургѣ въ Лазареву Субботу, у гостиннаго двора. Кто же изъ уѣзднаго города въ первый разъ заѣдетъ въ Петербургъ, тому и въ простой день покажется, что онъ попалъ на *ярмарку*.

— А сколько жителей въ селѣ? спросилъ Володя.

— Села, какъ и города, бываютъ различныя, отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ: въ иномъ селѣ бываетъ жителей тысячи двѣ и больше, а въ другомъ не наберешь и пятисотъ. Въ иной же деревнѣ бываетъ душъ пятьдесятъ и даже менѣе. Гдѣ же мало жителей, тамъ не можетъ быть ни хорошихъ лавокъ, ни богатыхъ магазиновъ; потому-что магазины и лавки живутъ покупателями.

— Теперь я понимаю, сказалъ Володя, почему въ маленькихъ городахъ нѣтъ и хорошихъ вывѣсокъ; а въ деревняхъ и совсѣмъ ихъ нѣтъ.

— Къ чему въ деревняхъ вывѣски, прибавила Лиза: въ деревнѣ, я думаю, каждый и такъ знаетъ, гдѣ кто живетъ.

Но, несмотря на бѣдный видъ уѣздныхъ городовъ, одинъ изъ нихъ, не помню уже какой, чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ. Но лучше я расскажу по порядку, какъ это было.

На третій день пути Александръ Сергѣевичъ очень рано поутру, когда солнце только-что встало, разбудилъ разоспавшихся въ тарантасѣ дѣтей, говоря, что нужно выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Дѣти встали, дрожа отъ свѣжести утренняго воздуха, и начали съ любопытствомъ осматриваться вокругъ. Тарантасъ стоялъ на берегу рѣки, къ которой круто спускалась дорога. На рѣкѣ моста не было; но съ той стороны рѣки два перевозчика, въ синихъ рубахахъ, гнали къ берегу на шестахъ небольшой, довольно ветхій паромъ. На этомъ берегу столпилось, въ ожиданїи парома, множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и возовъ до двадцати съ различною кладью. Вozy были нагружены сѣномъ, соломой,

мѣшками съ мукой, горшками, кирпичомъ, дровами; на иныхъ телѣгахъ мычали телята и бараны или визжали поросята; у другихъ были привязаны сзади крестьянскія лошаденьки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидѣли и лежали на телѣгахъ и просто на землѣ, хотя трава была покрыта серебристой росой. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кадочки съ масломъ; инныя держали куръ, гусей, пучки луку, рыбу въ судкахъ и раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ крапивой. Это необыкновенное собраніе народа заинтересовало Володю. Ъхавши по довольно пустынной почтовой дорогѣ уже два дня, онъ ни разу не встрѣчалъ такой кучи людей вмѣстѣ; хотя, говоря правду, куча была не очень большая, и на каждомъ перекресткѣ двухъ порядочныхъ улицъ въ Петербургѣ можно всякую минуту видѣть въ трое больше народа.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на ярмарку въ уѣздный городъ, который былъ видѣнъ на противоположномъ, крутомъ и высококомъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ; но ему захотѣлось узнать что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, который, накрывшись тулупомъ, сидѣлъ на своей телѣгѣ, терпѣливо дожидаясь перевоза. Старикъ съ трудомъ понялъ, о чемъ его спрашивалъ Володя; но, понявши, усмѣхнулся и ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городѣ? Какъ что? да вотъ, маленькій баринъ, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь; нуженъ мнѣ и топоръ — мой совѣмъ иступился; нужно еще двѣ косы — ужъ косовица подходитъ. Женѣ куплю въ городѣ ситцевый платокъ, а дѣтямъ по прянику. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чернаго хлѣба, луку, молока, да яицъ, ничего не найдешь. Кто, можетъ, ѣдетъ купить себѣ сапоги; а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятю моему понадобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли: онъ, вишь, строить себѣ избу; а стеколь-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, чай, захватить, потому-что и гвоздей у насъ не найдешь. А тамъ-отъ-ко стоитъ моя сноха съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафанъ; иголки, чай, всѣ вышли; а, можетъ, купить она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало ли чего кому нужно? У насъ же въ деревнѣ, почитай, ничего нѣту. Что есть, то, какъ видишь, и веземъ продавать. Всѣмъ же намъ, баринъ, кромѣ того нужны деньги....

— А зачѣмъ же вамъ деньги? спросилъ необдуманно Володя.

— Деньги-то зачѣмъ? отвѣчалъ крестьянинъ, засмѣявшись: какъ, зачѣмъ деньги? Извѣстно зачѣмъ! надо подати платить, да и про чернѣй день копѣйку спрятать не мѣшаетъ!

Пока Володя разговаривалъ съ крестьяниномъ, паромъ причалилъ къ берегу. Крестьяне засуетились съ телѣгами. Но всѣхъ не пустили разомъ на паромъ, иначе онъ могъ бы потонуть. Тарантасъ нашихъ путешественниковъ спустили на рукахъ; кромѣ того, поставили десятка два возовъ, пустили тѣхъ, которые шли пѣшкомъ — и отчалили.

На высокомъ и крутомъ берегу живописно былъ раскиданъ маленькій уѣздный городокъ: красныя, зеленыя и сѣрыя крыши его пестрѣли посреди цвѣтущихъ садовъ; позолоченные кресты церквей весело играли на солнышкѣ. Небольшой городокъ казался издали такимъ веселымъ, такимъ чистенькимъ; ему было такъ пріятно между цвѣтущими садами! Дѣти въ одинъ голосъ сказали, что въ такомъ городкѣ жить гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пышномъ, красивомъ, но пыльномъ, душномъ и шумномъ Петербургѣ.

Напившись чаю въ городкѣ и перемѣнивъ лошадей на станціи, наши путешественники отправились далѣе.

Дорогою Александръ Сергѣевичъ разспрашивалъ Володю, о чемъ онъ говорилъ съ крестьяниномъ на берегу и что узналъ отъ него новаго. Володя хорошо помнилъ что везли крестьяне въ городъ и что хотѣли купить тамъ. Онъ рассказалъ также отцу и свой вопросъ о томъ, къ чему нужны деньги и отвѣтъ старика?

— Вопросъ твой о деньгахъ, сказалъ Володѣ отецъ: не такъ просто, какъ кажется. Въ самомъ-дѣлѣ, къ чему людямъ деньги? Нужны человѣку пища, одежда, посуда, лошадь и другіе предметы, которые онъ употребляетъ: денегъ же онъ ни на что не употребляетъ. Однакожъ всѣ ищутъ денегъ, потому-что за деньги все можно достать, хотя сами по себѣ они никому не нужны и ни къ чему не годны. Но подумай хорошенько. Старикъ, съ которымъ ты говорилъ, нужны соль, топоръ и коса; а у него есть сѣно: вотъ онъ и везетъ сѣно въ городъ, чтобы промѣнять его на то, что ему нужно. Но сѣна вовсе не нужно тому купцу, у котораго есть соль, ни тому, который торгуетъ топорами и косами. У того же, кому нужно сѣно, нѣтъ ни топора, ни косъ, ни соли; а купцу, у котораго есть всѣ эти вещи, нужно купить себѣ товаровъ, которыхъ нѣтъ у мужика. Какъ же тутъ быть? Не будь денегъ, и каждый бы остался при своемъ товарѣ и не получилъ бы того, что ему нужно. Но вотъ чиновникъ, которому нужно сѣно для лошадей, даетъ за него мужику деньги; за эти деньги мужикъ покупаетъ себѣ у купца соли; а купецъ на полученныя деньги покупаетъ, можетъ-быть, гдѣ нибудь очень далеко соли, желѣза, топоровъ или косъ, всего, чѣмъ онъ торгуетъ, и привозитъ свой товаръ въ городъ. Такимъ образомъ, ты видишь, что хотя деньги сами по-себѣ ни кому не нужны; но они необходимы

для того, чтобы удобнѣе было промѣнивать товаръ на товаръ, и что безъ нихъ остановилась бы торговля.

— Да, худо было бы безъ денегъ, сказалъ Володя, подумавъ а между-тѣмъ вещь, кажется, никуда не годная“.

ГЛАВА IV.

Проселочная дорога.

На четвертый день пути наши странники должны были перемѣнить почтовыхъ лошадей на долгихъ и свернуть съ большой почтовой дороги на проселочную. Деревня, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ, находилась верстахъ въ шестидесяти въ сторонѣ отъ большой дороги. Наняли тройку долгихъ, и ямщикъ обѣщалъ къ вечеру же, покормивши лошадей на половинѣ дороги, доставить нашихъ путешественниковъ въ Карповку: такъ называли ту деревню, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо безпокойнѣе, чѣмъ по большой почтовой. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колеи, прорѣзанныя узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большаго вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвѣла, налилась и начинала желтѣть. Золотистыми, колеблющимися волнами тянулась она по обѣ стороны на необозримое пространство. Во ржи синѣло такое множество васильковъ, что дѣти, выйдя изъ экипажа, мигомъ нарвали два огромные пучка. Скоро два вѣнка, сплетенные искусными ручками Лизы, свѣжіе, синіе и блестящіе, перевитыя съ колосьями ржи, украсили русыя головки дѣтей.

На дорогѣ имъ почти никто не попадался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ, таща въ своей телѣженкѣ тяжелую соху, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. Здѣсь деревни были ужъ настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами. Подѣзжая къ деревнѣ, извозчикъ долженъ былъ нѣсколько разъ вставать съ козелъ, чтобы отпирать скрипучія ворота околицы. Утлая огорожа, сдѣланная изъ жердей и кольевъ для того, чтобы скотъ, выходя изъ деревни, не вытапывалъ поля, задолго еще предупреждала нашихъ путешественниковъ, что они приближаются къ деревнѣ.

Наступила рабочая лѣтняя пора и деревни были почти совершенно пусты. Всѣ крестьяне были въ полѣ на работѣ; только ребятишки играли на улицахъ, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды въ колодезь и немилосердно скрипѣла длиннымъ шестомъ, опуская бадью въ воду.

За деревней опять слѣдовали поля, луга, рощи. Попадались даже такія деревеньки, въ которыхъ и всего-то было пять-шесть дворовъ; но зато вдали виднѣлись иногда и большія села съ хорошенькими церквами и съ барскими высокими домами на горѣ, посреди большого сада.

Въ полдень путешественники наши остановились кормить лошадей въ одной изъ деревень. Но и въ этой деревнѣ, хотя она была побольше другихъ, не было постоялаго двора; потому-что по проселочнымъ дорогамъ проѣзжающихъ мало. Но странно, что въ этой глуши дѣтямъ было какъ то особенно весело, просторно, привольно: Лизѣ даже захотѣлось сдѣлаться птичкою, чтобъ вѣчно носиться въ этомъ голубомъ воздухѣ, надъ этими волнующимися полями; а Володя съ ужасомъ вспомнилъ свою петербургскую квартиру, какъ улей, сверху до низу набитую жильцами.

ГЛАВА V.

Крестьянская изба.

Извозикъ остановился кормить лошадей у знакомаго крестьянина, изба котораго была побольше и почише другихъ. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что не дурно было бы напиться чаю; но на вопросъ о самоварѣ старушка усмѣхнулась.

— Какіе у насъ, батюшка, самовары! сказала она: мы и чаю-то, почитай што, отродясь, непивали; а вотъ, когда сливочекъ или яичекъ милости вашей угодно, такъ это у насъ есть.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, и дѣти съ удовольствіемъ съѣли даже засохшую булку, которая одна только и осталась у нихъ отъ послѣдняго города. Старуха, правда, вынесла краюху черного хлѣба; но онъ былъ такъ черствъ, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здѣсь въ первый разъ дѣти были въ настоящей крестьянской избѣ. Нечего грѣха таить, она показалась имъ и грязна, и тѣсна, и душна. Въ углу стояла огромная печь; наверху половину избы занимали полати, закоптѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ. По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало множество таракановъ. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большого деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцомъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ глиняный рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кромѣ старухи и двухъ маленькихъ ребятешекъ, русыя всклокоченныя головки которыхъ видѣлись съ полатей, не было никого; а по словамъ старухи семья у нея была большая. Старикъ — мужъ ея, двое женатыхъ сыновей, двѣ взрослые, еще незамужнія дочери и даже внукъ, мальчишка лѣтъ 10-ти, съ ранней зори ушли на косовицу. Тамъ они останутся цѣлый день и воротятся только поздно, поздно вечеромъ; а, можетъ быть, и заночуютъ въ полѣ. Трудовую и нероскошную жизнь ведутъ наши крестьяне въ деревняхъ, но трудами ихъ кормится вся Россія. Изъ такихъ маленькихъ, мрачныхъ, курныхъ избъ выходятъ всѣ тѣ копейки и рубли, на которые выстроены и живетъ пышный Петербургъ со всѣми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящіе пароходы и громадныя корабли, которые наши дѣти видѣли на Невѣ, пришли изъ разныхъ государствъ большею частью за хлѣбомъ. Но хлѣбъ въ столицу собирается изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, по рѣкамъ, каналамъ и дорогамъ, изъ всѣхъ этихъ маленькихъ — бѣдненькихъ деревень. На подать, которую даетъ крестьянинъ, содержатся блестящія войска, строятся корабли и крѣпости; изъ нея же платится жалованье чиновникамъ. Изъ крестьянскаго оброка строятся великолѣпныя дома, покупаются блестящіе экипажи. Такъ — маленькіе, незамѣтные, роющіеся въ землѣ корешки питаютъ пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своемъ тоненькомъ стебелькѣ. Сорвите розу, вмѣсто ея появится другая: повредите корень, весь кустъ завянетъ — и пышная роза не будетъ больше гордо качаться на тоненькой вѣткѣ.

Александръ Сергѣевичъ объяснилъ это Володѣ и Лизѣ, и дѣти, которыя начали-было уже неосторожно кричать, что въ избѣ и душно, и грязно, и гадко — пріутихли. Они боялись оскорбить своими замѣчаніями добрую старуху, и съ почтеніемъ смотрѣли на ея морщинистое загорѣлое лицо, на ея изсохшія, черныя руки. Видно было, что она довольно потрудилась въ свою жизнь; а теперь трудятся еще на пользу общую ея мужъ, ея дѣти и внуки.

Володя былъ мальчикъ умный и добрый. Онъ понялъ, какого уваженія заслуживаетъ эта добрая старая женщина, несмотря на ея истасканный сарафанъ и босыя ноги, и съ удовольствіемъ называлъ ея *бабушкою*. Ему было пріятно, когда она своей морщинистой, черной, дрожащей рукой погладила его по русой, курчавой головкѣ.

— Вотъ такой бы и у меня былъ теперь парнишко внучекъ! — сказала при этомъ старушка и глубоко вздохнула: — такой же востроглазый и бѣленькій, да упалъ съ лошади и расшибся.

— Какъ же это случилось, бабушка? спросила Лиза съ участіемъ.

— Вишь-ты, поѣхалъ лошадокъ загонять, а силѣнки еще не хватало. И падаль-то онъ у насъ не разъ, кажись; да въ этотъ разъ пришлось го-

ловою о камень: раскромсалъ совсѣмъ, и на третій денекъ душу Богу отдалъ. По грѣхамъ нашимъ наказываетъ насъ, видно, Господь! окончила старушка и еще разъ глубоко вздохнула всею своею сухою, впалую грудью.

— Боже мой, какое несчастье! сказала Лиза, и слезы навернулись у ней на глазахъ: — неужели же нельзя было спасти бѣдняжцу? Посылали ли вы, по крайней мѣрѣ, за докторомъ?

— Какіе ужъ у насъ дохтура, барышенька моя милая, отвѣчала ласково старушка: — дохтура въ городѣ, и къ намъ не поѣдутъ. Мочили голову водкой, ажно голосилъ мой касатикъ, и ворожею позвали: та шептала, шептала, да не помогло. Видно ужъ такъ Богу угодно — Его святая воля.

— Но зачѣмъ же было посылать дитя загонять скотъ? замѣтилъ Александръ Сергѣевичъ.

— А какъ же, баринъ, не посылать-то, отвѣчала старуха: — старшіе на работѣ въ полѣ; пріѣхалъ становой, лошадей требуетъ, кого жъ послать-то? У насъ парнишки не долго балуются; всѣмъ хлѣбушка нуженъ. Вонъ на полатяхъ еще лежатъ пока двое: одному по шестому, другому по пятому году, а годка черезъ три и тѣ пойдутъ въ работу.

— А въ школу, бабушка? перебилъ Володя: — когда же они ходятъ въ школу? когда учатся?

— Нѣтъ у насъ школь, кормилецъ. Гдѣ ужъ въ такой деревнюшкѣ школы! Вонъ, бають, въ Апраксинскомъ-то, на селѣ, — чай видѣли, коли мимо ѣхали, — завели школу и учителя приняняли. Приказано, вишь-ты, дѣтей грамотѣ учить, да и то невѣсть зачѣмъ. Къ чему намъ грамота? Мы люди темные, работающіе; некогда намъ книги читать. У насъ на деревнѣ и ни одного нѣту-ти грамотнаго, а живемъ же себѣ по милости Божіей не хуже другихъ. Да у насъ и выучиться-то не у кого; не въ Апраксинское же посылать; вѣдь это верстовъ пятнадцать отселева будетъ, а пожалуй и больше!

— Какъ странно говорить эта старуха, подумалъ про себя Володя: — не все и поймешь, и прибавилъ вслухъ: вотъ что значитъ жить въ деревнѣ: ни доктора, ни школы, ни учителя, ни книгъ! Нѣтъ это не то, что у насъ въ Петербургѣ; тамъ школь, учителей и книгъ сколько хочешь — учишь только.

— Гдѣ ужъ намъ до Питера, батюшка, проговорила старушка, вздохнувъ: — вонъ ужъ и въ городѣ-то нашемъ, и весь-то онъ не величекъ, есть и дохтура, и учителя, а у насъ и церкви-то нѣту-ти близко, — за шесть веретъ къ обѣднѣ ходимъ. Мы, касатикъ, коли *Върую*, да *Богородицу*, да *Отче нашъ* знаемъ, такъ слава-те, Христось; съ насъ и будетъ! Знали бы мы свое крестьянское дѣло: пахать да сѣять, жать да косить, сла-

дить соху, срубить избу, справить телѣгу; да мало ли что надо знать въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ!

— Что же? сказалъ Александръ Сергѣевичъ, это тоже наука; наука не легкая и полезная. У насъ въ Петербургѣ ей не выучишься, а безъ нея и прожить нельзя. Всякому свое. Вы для насъ, добрые люди, работаете; а мы должны учиться, чтобы умѣть устроить вашу жизнь, какъ-можно лучше. Безъ книгъ и безъ ученья тоже жизнь очень дурна, прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ, когда старушка ушла: — будетъ у насъ больше умныхъ, ученыхъ и образованныхъ людей, тогда и въ этой деревенькѣ, можетъ-быть, жизнь сдѣлается лучше, удобнѣе и пріятнѣе. Образованные люди придумали хорошія дороги, шоссе, паровыя машины, каналы, улучшенныя земледѣльческія орудія, фабрики. Съ помощію ихъ и въ эту деревню заглянетъ когда-нибудь образованіе, облегчится тяжелый трудъ крестьянина, выстроится школа и появятся здѣсь разныя удобства и удовольствія жизни, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ. Въ Германіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы, по-крайней-мѣрѣ, не умѣлъ читать и писать. Въ Англіи и въ Америкѣ нѣтъ такой маленькой деревеньки, гдѣ бы не было школы. Тамъ уже начали косить, жать, сѣять, даже пахать машинами; а машина облегчаетъ и усиливаетъ трудъ человѣка. Надобно, чтобы и у насъ все это было такъ же. Мы, русскіе, гораздо позже другихъ народовъ начали учиться и во многомъ отстали: намъ надобно догонять. Учитесь же, дѣти мои, и помните, что мы должны чѣмъ нибудь отблагодарить крестьянъ за тотъ хлѣбъ, которымъ они насъ кормятъ; а отблагодарить мы можемъ только прилежнымъ ученьемъ и честными трудами въ пользу общую. Тотъ изъ насъ, кто ничего не дѣлаетъ и никому не приноситъ никакой пользы — живетъ на чужой счетъ: на счетъ этихъ бѣдныхъ людей, трудящихся съ утра до вечера въ потъ лица. Стыдно и грѣхъ ѣсть даромъ чей-нибудь хлѣбъ; а еще болѣе хлѣбъ крестьянскій, добытый такими тяжелыми, неусыпными трудами! Не трудясь на поляхъ сами, съ утра до вечера и съ дѣтства до смерти, какъ эти бѣдные люди, имѣя много свободного времени, котораго нѣтъ у крестьянъ, — мы должны употреблять это время на общую пользу. Ты вотъ, Володя, пойдешь служить; не забывай же никогда, что эти крестьяне поятъ и кормятъ тебя: служи честно, и заботься о нихъ, сколько станеть у тебя силъ. Ты, Лиза, вѣроятно будешь современемъ учить дѣтей; дѣти, которыхъ выучишь ты, будутъ учить другихъ и, такимъ образомъ, образованіе, можетъ-быть, дойдетъ и до этой деревеньки, гдѣ живутъ и трудятся наши истинные кормильцы. Пусть всякій дѣлаетъ честно свое дѣло и всѣмъ будетъ хорошо. Въ одиночку человѣкъ и простаго гвоздя не сдѣлаетъ. Для крестьянъ нужны образованные и ученые люди, а ученые и образованные люди не проживутъ безъ крестьянскихъ трудовъ.

Для бѣдныхъ деревень нужны города и столицы, гдѣ находятся правитель-ство, присутственныя мѣста, войско, университеты, гимназіи, училища, богатые купцы, фабрики, лавки и магазины; гдѣ живутъ люди, умѣющіе управлять государствомъ, вести торговлю, устраивать фабрики и заводы, рыть каналы, дѣлать желѣзныя дороги и шоссе, строить корабли, заниматься различными ремеслами, чеканить монету. Но для городовъ и столицъ еще болѣе нужны деревни и ихъ трудолюбивые, простые жители. Безъ деревень столицы и города существовать не могутъ: безъ столицъ, городовъ и образованныхъ людей крестьяне остались бы навсегда грубыми дикарями; а вы вѣрно читали въ вашихъ книжкахъ, какую жалкую жизнь ведутъ дикари.

ГЛАВА VI.

Прибытіе на мѣсто.

Накормивъ лошадей, попрощавшись съ доброй старушкой — отъ которой дѣти узнали столько полезнаго, хотя она сама и читать не умѣла — наши путешественники отправились далѣе. До Карповки оставалось верстъ двадцать, не больше, и извозикъ надѣялся поспѣть туда къ вечеру. Верстъ черезъ семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной рѣчки: она извивалась, какъ огромная блестящая змѣя, на днѣ глубокой лощины, посреди кустовъ лозы и орѣшника. По ту сторону рѣчки разстилались далеко луга; на нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, видны были косари, сверкающіе своими стальными косами. Извозикъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти обширные, зеленые луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ онъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца усѣлся возлѣ ямщика на козлахъ: — кака-я бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава, и покосъ всегда хорошій.

— Отъ чего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, маленькій баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, что всякую весну эта речѣнка разливается куды-какъ широко — вонъ подъ тѣ самыя лозы, верстъ, чай, на семь! Какъ же вода потомъ сбудетъ, то и трава пойдетъ расти шибко, да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, баринъ ты мой милый, поѣмные, дорогіе луга, славные луга! Много они, сердешные, кормятъ лошадушекъ; а лошадушки, баринъ, кормилицы наши. Что бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Они насъ и возятъ, милья, они намъ и пашеньку пашутъ и боронятъ; а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привести — опять-таки за лошадку. Они намъ и навозъ даютъ; безъ навоза наши поля родятъ плохо. Вотъ и выходитъ, баринъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поѣмные. Поле вездѣ распахать можно, хоть бы изъ-подъ самаго густаго

лѣсу: выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землю-то; а поемнаго луга ужъ не распашешь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ онъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты.... Эй, вы, сердешныя, трогай! — прибавилъ ящикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

Начинало вечерѣть. Поверхность рѣчки блестѣла розовымъ свѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перепархивалъ съ одного берега на другой; а бѣлыя чайки, блестя въ воздухѣ крыльями, съ печальнымъ крикомъ носились надъ водою: зорко высматривали онѣ, не выкажется ли гдѣ-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — такъ называютъ этихъ чаекъ — большіе охотники до рыбы, и въ этотъ вечеръ, навѣрно, охотились удачно. Рыба то и дѣло всплескивалась тамъ-и-сямъ по рѣкѣ, ловя комаровъ и мошекъ, которые, ища сырости и не находя ея въ верху, кучами толклись надъ водою, предсказывая, что и завтра будетъ такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цвѣтами, золотымъ, розовымъ и пурпуровымъ, серебряныя облака, столпившіяся къ западу, какъ-будто за тѣмъ, чтобы проводить на ночлегъ своего щедрого владыку, — огромное, покраснѣвшее солнце. Отражая косвенные вечерніе лучи, рѣчка сверкала, какъ растопленное золото. Становилось прохладнѣе; а подъ ивами, свѣсившимися надъ водою, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой дѣти чувствовали усталость.

— Скоро ли будетъ Карповка? спросилъ Володя ящика.

— Да вотъ, баринъ, только переѣдемъ на ту сторону: тутъ сейчасъ тебѣ и Карповка будетъ.

— Но какъ же мы переѣдемъ? опять на паромѣ? спросилъ Володя.

— Нѣтъ не на паромѣ, а по плотинѣ, маленькій баринъ. Вотъ сейчасъ плотина будетъ: слышь, какъ шумитъ!

Дѣти прислушались и, дѣйствительно, до нихъ достигъ отдаленный, пріятный звукъ падающей воды. Они никогда не видали плотины и потому любопытство ихъ было снова возбуждено. Шумъ все увеличивался. Минуть черезъ десять дѣти увидѣли, что узкая рѣчка разлилась широко, точно прудъ или маленькое озеро. Скоро показалась и самая плотина; а минутъ черезъ пять тарантасъ уже прыгалъ по хворосту, бревнамъ и соломѣ. Въ концѣ длинной плотины шумѣла мельница.

— За чѣмъ же здѣсь не сдѣлали моста? По плотинѣ такъ тряско ѣхать! сказалъ Володя.

— Моста-то зачѣмъ не сдѣлали? отвѣчалъ улыбаясь извозчикъ: — вотъ и видно, маленькій баринъ, что ты въ деревнѣ отродясь не живалъ. Подъ мостомъ-то вода себѣ, знай, течетъ, да течетъ; а тутъ надо было запрудить воду, чтобы мельницу поставить. Глянь-ка! вишь-тамъ, отколева мы

вхали и отколева течеть рѣчка, вода-то стоитъ высоко; а глянѣ-ка на другую сторону плотины: ишь ты въ какой глубѣ течеть тамъ та-жъ рѣчка. Во всю ширину рѣчки насыпали плотину, вода-то поднялась и сперлась: не оставили ей сердешной нигдѣ проходу — и некуда ей больше течъ, какъ вотъ подъ эвототъ мостигъ; а изъ-подъ мостика и лется она на колесо; колесо вертится и вертитъ жернова; жернова перемалываютъ рожь на муку; мука же, чай, и самъ ты знаешь, къ чему годна.

Дѣти не совсѣмъ ясно поняли объясненіе извощика, хотя видѣли, что онъ говоритъ правду; что вода, стѣсненная плотиною, точно лилась на большое деревянное колесо мельницы, и колесо вертѣлось съ такою силою, что вся утлая мельница дрожала. Въ мельницѣ были видны люди и мѣшки съ мукою; а возлѣ мельницы стояло нѣсколько отпряженныхъ телѣгъ, на которыхъ также были мѣшки, вѣроятно, съ рожью.

За плотиною началась густая роща, гдѣ было уже совершенно темно. Ямщикъ весело погналъ лошадей и черезъ минуту путешественники наши, миновавъ околицу, вѣхали въ маленькую деревеньку, въ концѣ которой, на пригоркѣ, стоялъ небольшой барскій домъ.

Александръ Сергѣевичъ попросилъ встрѣтившагося мужичка кликнуть старосту; поговорилъ со старостой, и черезъ минуту наши путешественники были уже въ своемъ новомъ жилищѣ. Здѣсь встрѣтила ихъ старушка-ключница и какой-то заспанный мальчишка, который съ изумленіемъ таращилъ глаза на прѣхавшихъ баръ.

Дѣти такъ устали, что не могли даже дождаться чаю. На-скоро были посланы имъ постели, и крѣпкій дѣтскій сонъ быстро овладѣлъ нашими маленькими путешественниками.

На другой день Володя и Лиза проснулись довольно рано, торопливо одѣлись, торопливо напились молока, которое принесла имъ старая ключница, и выбѣжали на крыльцо. Съ крыльца побѣжали они въ садъ, изъ сада въ березовую рощу, находившуюся за садомъ, изъ рощи на скотный дворъ, оттуда въ темное гумно, гдѣ теперь было пусто и сыро; съ гумна побѣжали на мельницу, которая сильно заняла дѣтей. Они видѣли въ одинъ день столько новаго, что все перенуталось въ ихъ головкахъ. Все ихъ радовало, все приводило въ восторгъ: и высокая старая яблоня въ саду, и развѣсистые клены, и пчельникъ, гудящій пчелами, и большое барское стадо, возвращающееся съ поля, и широкій дворъ, поросшій травою, и густые конопляники; все, все казалось дѣтямъ такъ ново и занимательно! Они теперь только вполнѣ почувствовали огромную разницу между городскою и деревенскою жизнію; но не вполнѣ еще понимали, въ чемъ состоитъ эта разница. Проживъ четыре мѣсяца безъ выѣзда въ деревнѣ, испытали дѣти на себѣ всѣ удобства и неудобства, достоинства и недостатки деревенской жизни.

ВВЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальнорѣзкій человѣкъ будетъ видѣть однѣ только чернѣющія строчки и много-много, если различить большія буквы. Пусть же ктонибудь возьметъ въ руки книгу и, продолжая держать ее такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить съ нею все дальше и дальше: за десять, за пятнадцать саженой строчки исчезнутъ; саженой за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженой дальше — и не только нельзя будетъ разобрать, что держитъ уходящій человѣкъ въ рукахъ, но и самага человѣка трудно уже будетъ узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человѣка, а за пять, за шесть — и весь человѣкъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою почти неподвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро: еще нѣсколько саженой далѣе — и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различаете широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы; но черезъ минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетааетъ съ прежнею быстротою: еще минута, другая — пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезаетъ въ синевѣ небесной.

Всѣ предметы, какъ бы они велики ни были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся, и если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдали, вѣроятно, догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое-нибудь очень высокое зданіе, если его можно еще видѣть на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой-нибудь предметъ на горизонтѣ на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то хотя бы этотъ предметъ казался вамъ небольшою болотной кочки, вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что это должна быть какая-нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая вамъ кажется величиною съ большую тарелку, находится отъ васъ почти за 400 тысячъ верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что луна на-самомъ-дѣлѣ только въ 49 разъ менѣе всей той земли, на которой мы живемъ. Солнце же, которое кажется намъ не меньше луны, еще гораздо, гораздо

дальше! Можно себя представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ почти за 150 милліоновъ верстъ! Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце: какъ же должны быть велики эти маленькія звѣздочки, когда мы видимъ ихъ на такомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

З Е М Л Я.

Мы уже знаемъ, что звѣздочки, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія земли, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если бы, съ одной изъ этихъ звѣздочекъ можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною блестящею точечкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, сель и полей, много необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе двухъ третей всей земной поверхности занято водою: океанами и морями.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя не согласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть съ разу невозможно. Представьте себя, что по огромному, почти шарообразному куполу какой нибудь церкви ползетъ маленькая, очень маленькая мошка: трудно будетъ ей узнать форму этого купола и долго она проползаетъ по нему, прежде чѣмъ узнаетъ, что это шаръ. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ, меньше, чѣмъ самая маленькая мошка въ отношеніи самаго большаго церковнаго купола. И долго человѣкъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большаго шара.

Если человѣку удавалось быть на морѣ или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить — неизвѣстно. Были, правда, такіе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было немного и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошіе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше

и нигдѣ не находя края земнаго. Наконецъ нашлись такіе смѣльчаки, которыеплыли,плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, которая, если бы она ползла, все прямо по куполу, хоть и не скоро, а опять, не возвращаясь назадъ, приполза бы къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

Г Л О В У С Ъ.

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ потому, что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидитъ человѣкъ десять китолововъ; а лодка эта въ десять разъ меньше кита. Зная же, какъ великъ человѣкъ въ натурѣ, мы заключаемъ и о величинѣ громаднаго морскаго звѣря. На картинахъ по бѣльшей части всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; за то возлѣ такой горы человѣка и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же нарисуемъ человѣка, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькій холмикъ. На картинахъ, слѣдовательно, предметы изображаются по бѣльшей части въ уменьшенномъ видѣ, но *пропорціонально*; т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинѣ одинъ предметъ, во столько разъ уменьшенъ и другой. Если же на картинѣ иногда рисуютъ человѣка больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человѣкъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ намъ кажется меньше.

На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на самомъ маленькомъ лоскуткѣ: стоитъ только вымѣрять, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на лоскуткѣ бумаги такой четверугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ сажений. На этомъ маленькомъ четверугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печка и т. д. Такъ же можемъ мы нарисовать и цѣлый садъ. Если мы нарисуемъ деревья, кусты, бесѣдки, и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т. е. тѣ, которые поближе — въ бѣльшемъ видѣ, а тѣ которые дальше — въ мѣньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ садъ во всѣхъ направленіяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а потомъ означимъ на этой фигурѣ положеніе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ,

всѣхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большого города, означивъ на планѣ теченіе рѣки, положеніе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома поодиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стѣитъ узнать названіе улицы, и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать не только планъ дома, сада, города, но и планъ цѣлой большой страны и означить на этомъ планѣ всѣ рѣки, озера, моря, положеніе горъ, лѣсовъ, границы губерній, города: такой планъ называется уже *картою*. Но понятно, рѣка, длиною въ двѣсти или триста верстъ, въ натурѣ, будетъ на планѣ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною; цѣлый большой городъ — одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе уже не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что и нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всѣ предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ, или *карту*, всей земли! Здѣсь уже рѣка въ тысячу верстъ длиною будетъ небольшою черточкою въ полвершка.

Но какъ же нарисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющій землю, называется *глобусомъ*. Если же хотятъ представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земнаго шара, то обыкновенно рисуютъ её въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, каковы полушарія въ натурѣ, а плоскихъ: въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земнаго шара, въ другомъ — другой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПОЛУШАРІЯМИ.

Взглянувъ на карту двухъ земныхъ полушарій легко узнать, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля, или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земнаго шара и вся вмѣстѣ называется *океаномъ*. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками* и между которыми разбросано множество маленькихъ *острововъ* и островковъ. Посреди материковъ вы замѣчаете еще воду въ видѣ рѣкъ, изображаемыхъ тоненькими, извивающимся черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *затмы*; въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море и образуетъ *полу-*

острова. Иногда два моря, или заливъ съ моремъ, соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ*. Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ*. Большія части океана, лежащія у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются *морями*.

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обоихъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше, чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи, гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ, на другомъ — Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ потому, что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго, лежитъ Атлантическій океанъ, а къ западу — Тихій океанъ; на югъ земнаго шара — Южный, а на сѣверѣ — Сѣверный или Ледовитый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земнаго шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распространяють теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Стараго Свѣта, Европа, Азія и Африка, окружають довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе къ сѣверу жили дикія, необразованные племена, незнавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіятскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ не большой, но предприимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорять даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки; а это, по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно-смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянь ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Ниль, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе къ западу, на африканскомъ же берегу, жили карфагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикии. Карфагеняне были тоже народомъ торговымъ, и странствовали по тогдашнему времени довольно далеко, — ѣздили даже въ самую Англію, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на двухъ полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Аппенинскимъ, или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были люди очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею; но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю и выѣхать изъ Средиземнаго моря, за *Гибралтарскій проливъ*, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались не многіе. Если же какой нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, казавшійся тогда для грековъ и римлянъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованныя, полудикія племена людей, и теперь на легко, а тогда было совершенно невозможно. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, слоновую кость, дорогія ткани, различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между-тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь, но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ то время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ*, и не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому нибудь такая мысль, то этого было бы еще недостаточно: согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карфагенъ, Грецію и Египеть, почти весь извѣстный міръ того времени и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карфагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славились Венеція, Генуя, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добирались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море за Гибралтарскій проливъ, — никто не рѣшался попробовать объѣхать вокругъ земной шаръ. Наконецъ нашелся человѣкъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человѣкъ былъ Христофоръ Колумбъ.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1436 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій, и уже въ то время запала у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англіи: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ, неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшіе корабли и сто двадцать человѣкъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были все люди смѣлые и предприимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполне увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу — и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старый міръ исчезъ позади мореходцевъ, впереди же разстилался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывуть день, плывуть другой, ничего невидно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходцы обрадовались, не зная еще какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывуть еще нѣсколько дней и надежда начала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ, гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Заѣдемъ-то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, кроткое, постоянно ясное небо, тихое море — все было хорошо: Колумбъ радовался, что ему благоприятствовала погода; но спутники его, не имѣвшіе ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и можетъ быть скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, еслибы различныя, обманчивыя впрочемъ, явленія, по временамъ не пробуждали въ морякахъ надеж-

ды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ лугомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растений были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другія были такъ свѣжи и зелены, какъ будто сейчасъ только отдѣлились отъ почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили Испанію и, несмотря на всѣ явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ да впередъ, чтобы тѣмъ удобнѣе погубить ихъ. Матросы начинали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили — и не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега все невидать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что-бы-то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность расположенія умовъ; но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокоивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый откроетъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, командиръ котораго, стоя на палубѣ, махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ: “Земля, земля! Сеньоръ, мнѣ слѣдуетъ награда!..” Все взволновалось: матросы полѣзли на мачты, карабкались по снастямъ и всѣ утверждали, что земля точно видна на юго-западѣ; самъ Колумбъ колебался и велѣлъ повернуть на юго-западъ. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое всѣ приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ни что такъ дурно не дѣйствуетъ на мужество человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилія его отъѣхала отъ Испаніи на семьсотъ семь морскихъ миль, а берега не только не были видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрям-

ство Колумба, который не поворачивалъ ни къ сѣверу, ни къ югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастью адмирала, черезъ два дня снова показались птицы и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: „земля! земля!“, что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто всполошитъ экипажъ напраснымъ крикомъ, теряетъ право на награду, еслибы потомъ и въ самомъ дѣлѣ увидаль землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пеликанъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ казался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако прошло еще нѣсколько дней, а берега не было. Экипажъ начиналъ терять терпѣніе, и когда наконецъ, на семидесятый день пути, солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ, — на корабляхъ началось возмущеніе. Всѣ требовали, чтобы Колумбъ повернулъ назадъ и положеніе его было самое отчаянное. Но къ великому счастью признаки земли на слѣдующій же день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова всѣ стали глядѣть впередъ и каждый желалъ первый увидеть землю.

Оставшись ночью на палубѣ, Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удерживать въ повиновеніи своихъ матросовъ, — еще одинъ день и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонекъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подозвалъ одного изъ своихъ спутниковъ и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однакоже оба молчали, потому что огонекъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонекъ до двухъ часовъ утра, когда наконецъ пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли — и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой виднѣлся ясно невдалекѣ, не болѣе, какъ на разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, такъ долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ. Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Од-

накоже, несмотря на всю дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпуровое платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на деревьяхъ были очень красивые, но незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычайная прозрачность моря, придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя — и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Санъ-Сальвадоръ, что значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ спѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его ропотомъ и недовѣріемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовищъ, вынырнувшихъ ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе-то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, тогда бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени они ободрились и стали понемногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубаго неба на землю.

Внѣшность дикарей не выказывала ни богатства, ни образованія. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а бородъ у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и называлъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америки, и даже острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вдѣланы камни, зубы животныхъ и рыбы кости. Желѣза дикари, казалось, никогда не видали и, какъ дѣти, хватаясь неосторожно за блестящія мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стекляныя бусы и разноцвѣтные камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ и вкусныя плоды. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Дикари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объяняли Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова, есть большая земля, гдѣ много золота и драгоценныхъ камней.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жаждая большихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября, приблизился онъ къ большому острову Кубѣ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители при приближеніи кораблей покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ посѣтилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару сѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей и, кромѣ того, собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плыва вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса, покрытые плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ, эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зеленъ лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ; крошечныя колибри, похожія на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; ряды ярко-красныхъ птицъ (фламинго) показываются иногда вдали; миллионы блестящихъ, какъ брилліанты, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отлиываетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоценными камнями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали драгоценныя жемчужины, поражала испанцевъ. Словомъ Куба показала Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испаньолой, или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

Оставивъ въ новой крѣпости 30 человекъ своихъ спутниковъ, Колумбъ отправился назадъ въ Испанію. На дорогѣ онъ вытерпѣлъ до того сильную бурю, что уже потерялъ надежду спастись, а потому написалъ извѣстіе о своемъ открытіи на свертокѣ пергамента, вложилъ этотъ свертокъ въ бутылку и, закупоривъ ее плотно, пустилъ въ море. Однакоже буря миновалась, и 14 марта, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, флотъ Колумба въѣхалъ въ Палосскую гавань. Король и королева приняли Колумба съ величайшими почестями, возвели его въ достоинства гранда и назначили вице-королемъ новооткрытыхъ земель.

Мы не будемъ рассказывать въ подробности всей дальнѣйшей исторіи Колумба. Скажемъ только, что онъ предпринималъ еще нѣсколько экспедицій въ Новой свѣтъ, пытаясь найти дорогу въ Восточную Индію, но не успѣлъ въ этомъ. Великій человекъ въ продолженіи остальной своей жизни много вынесъ отъ зависти и неблагодарности людей. Разъ даже король, повѣривъ наушникамъ, назначилъ другаго вице-короля и послалъ его смѣнить Колумба. Бобадилла, такъ звали этого злаго человека, прибывъ въ Гиспаньолу, заковалъ въ цѣпи Колумба и двухъ его братьевъ и въ такомъ видѣ отослалъ ихъ въ Испанію. Колумбъ оправдался; но никогда не могъ забыть страшнаго оскорбленія и, умирая, завѣщалъ положить къ себѣ въ гробъ цѣпи, которыми былъ скованъ.

Колумбъ умеръ 15 мая 1506 года въ бѣдности, преслѣдуемый злобою и неблагодарностью. Тѣло его, по завѣщанію, было перевезено на Сентъ-Доминго; но потомъ, когда Сентъ-Доминго былъ уступленъ французамъ, тѣло Колумба перевезли на островъ Кубу.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предприимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно, объѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ король португальскій, Эмануиль-Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человека.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ

вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй-Надежды, и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама также, какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софаль. Въ началѣ марта 1498 года достигли они Заигвебарскаго берега Африки. Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ, мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португальцахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Ненависть къ христіанамъ, а болѣе всего опасеніе, чтобы богатая индѣйская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что столѣтій черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предприимчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государство въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало по малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индѣйская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеціи, Генуи и др. вели торговлю съ Индіею не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ неприятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предприимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ, какъ только онъ приставалъ гдѣ нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога въ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Каликутъ, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами; но адмиралу удалось приобрести благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама

основаль на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софаль, которыя существуютъ и до настоящаго времени. Силою оружія наказаль онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индѣйскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатю богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534-мъ году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный чело-вѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, присутствіемъ духа, честностію, непоколебимою вѣрностію своему слову и истиннымъ благоче-стіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ Камонсъ.

МАГЕЛЛАНЪ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но ни тотъ, ни другой не объѣхали вокругъ земнаго шара. Это предстояло сдѣлать третьему великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришло въ голову выполнить мысль, невыполненную Колумбомъ, и, отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства для достиженія великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года, Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ Южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но, несмотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе: только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана въѣхаль въ тотъ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной Земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива; но плыть

было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земнаго шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ недавно еще нашли такъ много золота, и найдите въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тринадцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленькій. Четыре мѣсяца плыль по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. По года все это время была такъ хороша и такъ тиха, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго мореходца, Магеллановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень спокойно и очень скорѣ; но теперь всякій матросъ знаетъ, что ждетъ его впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы и, пожалуй, многіе изъ нихъ думали, что вотъ доплывутъ до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и все идти впередъ, да впередъ!

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленькій флотъ, оказалась группою острововъ, обитаемыхъ дикарями. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей, а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими, или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ соседнимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и признать своимъ властителемъ короля Испаніи. Магелланъ согласился и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ общалъ воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что испанцы, видя какъ мало у нихъ остается зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы спѣшили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы утратить дикихъ; но, къ несчастью, корабли, по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шель

тише всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказывалъ своимъ товарищамъ спастись. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиною въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забылъ всѣ свои обѣщанія и измѣннически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молуккскихъ острововъ и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ было воротиться въ Европу мимо Америки, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же, подъ начальствомъ Себастьяна дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй-Надежды, возвратился въ Испанію 6-го сентября 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Витторія (по-испански — побѣда). Испанцы вытасили его на берегъ и хранятъ теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе не рѣдкость: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однѣхъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно объѣзжаютъ землю вокругъ. Особенно часто совершаютъ это путешествіе англійскіе корабли, которые, отправляясь изъ *метрополи*, идутъ мимо мыса Доброй-Надежды въ англійскія же *колоніи*, находящіяся въ Австраліи, плывутъ потомъ по Тихому океану, и черезъ Магеллановъ проливъ, мимо мыса Горна, выѣзжаютъ въ Атлантическій океанъ; а тамъ уже прямая дорога до Англии.

КАПИТАНЪ КУКЪ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ распространили наши познанія о поверхности земнаго шара, едва ли кто нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько новыхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигшая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе; кромѣ того жизнь капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27 октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодаго человѣка и хотя онъ исполнялъ ее очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца, Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ; но, увы, на такомъ кораблѣ, который ѣздилъ постоянно по одному направленію, возлѣ береговъ, перевоза каменный уголь изъ одного мѣста въ другое. Новая должность была не многимъ веселѣе прежней; но за то гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ и необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученью. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавателя; онъ приобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишениямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ въ службу на военное судно, гдѣ умъ, прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышеніе за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившись опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка, не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англии. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука, побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытія новыхъ земель. Нечего

говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль, по названію „Попытка“, на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горнъ, Кукъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити*, лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь всѣ предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества*, въ честь общества, или товарищества, снарядившаго экспедицію. Велѣдъ за этимъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи*. Узкій проливъ, раздѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва было не погибъ въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на коралловый *рифъ*. Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торресовъ проливъ, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и датскихъ поселеній въ Батавіи, и наконецъ, мимо мыса Доброй-Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впоследствии.

Въ слѣдующемъ же году, капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу; но, проплавая нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и, не находя нигдѣ земли *), повернулъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытыхъ прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи*. Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, мимо южной оконечности Америки и мыса Горна, прошелъ въ Атлантическій океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, несмотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣт-

*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не оттаивающей, земли.

наго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій, чего никому еще не удавалось, несмотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ своихъ кораблей и даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берега различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1776 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* острововъ, Кукъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ къ берегамъ Сѣверной Америки и только въ августѣ вошелъ въ Беринговъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ: массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На островѣ Овайги началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали моряковъ, и въ этой ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788-мъ году, этотъ замѣчательный человекъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

НЕВЕСНЫЙ СВОДЪ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ земля, а надъ головою небо: не низкій потолокъ, который иногда не трудно достать и рукою, но громадно-высокій, чистый какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высококомъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ множество замѣчательныхъ явленій: днемъ — ярко блистающее солнце, ночью — кротко сіяющую луну, мириады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка въ иные года замѣчаемъ между звѣздами бродячую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того почти всегда

носятся по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то будто вылитыхъ изъ серебра, то отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громаднхъ торжественныхъ воротъ, протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ни что не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ небесный сводъ краями своими упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, въ которой небо сходится съ землею, кажется намъ громаднымъ кругомъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ, называемый горизонтомъ — какой-то заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячи верстъ и вы не только не выйдете изъ этого круга, но будете всегда находиться какъ-разъ посерединѣ его. Куда ни заѣзжалъ человѣкъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, поднимающійся высоко надъ головою и себя въ серединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самую высокую точку свода. Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что слѣдовательно, оно кажется намъ только сводомъ; на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, обливающийъ землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ (*атмосфера* имѣетъ верстъ пятьдесятъ въ толщину) кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ голубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а плаваютъ въ воздухѣ. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть ни что иное, какъ преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочикъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновеніе разноцвѣтная радуга. Слѣдовательно радуга только кажется намъ дугою, а небо — только кажется намъ сводомъ.

ДВИЖЕНІЕ ЗЕМЛИ.

Паровозъ движется въ десять разъ быстрее, чѣмъ можетъ идти человѣкъ; но еслибы вокругъ земнаго шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, неостанавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю дней въ тридцать; потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37-ми тысячъ.

Шаръ не маленькій! По вычисленію же ученыхъ земля, со всѣми своими камнями и металлами, гораздо тяжелѣе гранита и всякаго другаго камня, хотя и легче желѣза. Можете же себѣ представить, какова должна быть тяжесть такого шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но, объѣхавъ всю землю вокругъ, люди нигдѣ не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ — пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной* земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ тоже самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ болѣе чѣмъ въ 1000 милліоновъ верстъ въ окружности. Вокругъ самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокругъ солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и шесть съ лишнимъ часовъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою ужасною быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣтъ, не за что зацѣпиться; а останови ее что нибудь въ ея быстромъ полѣтѣ, хотя на мгновение, то отъ страшнаго сотрясенія погибло бы не только все живущее на землѣ; но и она сама разсыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то единственно обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ нею движется и воздухъ или *атмосфера*, окружающая землю прозрачнымъ слоемъ, верстъ въ пятьдесятъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ ея атмосферою; но совершенно не замѣчаемъ этого и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось быстро плыть въ лодкѣ или, еще лучше, на пароходѣ, тотъ, вѣроятно, замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бѣгутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно также, обращаясь съ запада на востокъ, вмѣстѣ съ землею, мы видимъ, что солнце какъ будто идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ничто подобное не можетъ убѣдить насъ въ движеніи земли; потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною; но тому, какъ они узнали наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она ворочается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество

версть въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно, люди, открывшіе эти истины, были великіе, гениальные люди.

П И Т А Г О Р Ъ .

Первый, кому пришла въ голову мысль, что земля движется, былъ великій греческій мудрецъ, по имени Пифагоръ, жившій болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пифагоръ много путешествовалъ и вездѣ прилежно узнавалъ все, что знали другіе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецію, Пифагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передавалъ имъ много очень умныхъ мыслей; между прочимъ говорилъ онъ также и о томъ, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходитъ на землѣ день и ночь, и что, когда какое нибудь мѣсто земнаго шара повертывается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пифагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствіяхъ и хотя былъ язычникъ, но вѣрилъ въ безсмертіе души, во всемогущество и благость Божію; а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкія несчастья жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ знаній получалъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

К О П Е Р Н И К Ъ .

Несмотря на слова Пифагора, люди не вѣрили въ движеніе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока явился другой человѣкъ, подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XV-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что кажущаяся неподвижною земля непрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мчится вокругъ солнца. Эти звѣзды, въ отличіе отъ неподвижныхъ, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были планетами. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился во Фрауэнбургѣ до настоящаго времени и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, черезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

Г А Л И Л Е Й.

Открытие Коперника хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особеннаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ итальянскомъ городѣ Пизѣ и учился такъ прилежно, что уже на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и приобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашелъ, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло: принялся самъ за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ былъ еще очень плохъ; но, тѣмъ не менѣе, помогъ Галилею повѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды не маленькія искорки, а цѣлыя большіе міры, движущіеся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощію своего, еще очень несовершеннаго, телескопа онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ телескопъ на луну, онъ увидалъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашелъ возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящейся атмосферой, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами *планету*, извѣстную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна, и иногда тоже превращается въ тоненькій рожекъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки; а наблюдая за движеніемъ этихъ звѣздочекъ, убѣдился, что это четыре луны, которыя съ различною быстротою обращаются вокругъ Юпитера, точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ: молодой профессоръ

успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы рассказали здѣсь кое-какъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало извѣстнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непременно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго Писанія; тогда такъ, напротивъ, открытія Галилея показывали только безграничную премудрость Создателя и объясняли слова Иисуса Христа, который говорилъ ученикамъ, что въ домѣ Отца Его много есть жилищъ. Однакоже *инквизиція* (такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами)— инквизиція приговорила Галилея къ тюремному заключенію. Великаго, гениальнаго старца, который всю жизнь свою провелъ въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старикъ былъ выпущенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ: *“пусть будетъ по вашему, а все же она движется”*. За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы; но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провелъ остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человѣчеству нѣсколькими новыми истинами. Скоро отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе; но до самой послѣдней минуты, пока владелъ еще однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слепота, глухота, бессонница и боль во всѣхъ членахъ, слѣдствіе тюремной сырости, отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6 января 1641 года, гениальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея покоится теперь въ церкви Святаго Креста во Флоренціи, а великій художникъ, Микель-Анджело, соорудилъ надъ нимъ прекрасный памятникъ.

Н Ы Ю Т О Н Ъ .

Лѣтъ за полтора ста до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ гениальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился

въ 1642, въ годъ смерти Коперника, а умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія; но теперь въ умъ его родилась мысль: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло кверху или въ сторону? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину и спросилъ себя: какаѣ причины, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, тогда какъ земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, — и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать дальше и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ, легкихъ тѣлъ, т.-е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щенка, пущенная на воду, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристають къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня; т.-е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станетъ удерживать ее сзади, то перетянетъ тотъ, кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно также, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, притягиваются другъ къ другу; но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли, гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, какъ онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ, какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это большее или меньшее притяженіе тѣла землею и даетъ

большую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравнивая тяжесть тѣла съ какою нибудь испытанною тяжестью, напр. съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д.

Желая опредѣлить тяжесть всѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло притягивается землею, ученые стали сравнивать тяжесть каждаго тѣла съ тяжестью совершенно чистой воды, и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиной разъ легче стакана ртути, что желѣзо въ восемь съ половиной разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать съ половиной и т. д. Такой вѣсъ тѣлъ, взятый сравнительно съ вѣсомъ чистой воды того же объема, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ вѣсомъ*.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, если бы оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее — и вы увидите, что такая масса воды будетъ въ нѣсколько разъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ, потому что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльного вѣса* воды. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена; а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнувшаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но всѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ въ ту сторону, куда ихъ бросили; но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна, съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая — притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу.

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли и земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, а земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а земля вокругъ солнца съ необыкновенною силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе: слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Нью-

тонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость, по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія пролетаетъ 16 футовъ, то во вторую пролетитъ 16×3 , т. е. 48 футовъ; въ третью 16×5 , т. е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7 , т. е. 112 ф. и т. д.

Приложивъ открытый имъ законъ тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открывалъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ *астрономіи*.

Будучи однимъ изъ величайшихъ людей, какіе когда либо существовали на земномъ шарѣ, по истинно необычайному уму своему, Ньютонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи, и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностію движенія безчисленныхъ міровъ, взвѣсивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной. Во всемъ же, что удавалось ему открыть, онъ признавалъ помощь Творца — источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было подумать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона! Однакоже, пришелъ часъ смерти — и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, чье имя онъ вспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 году, на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

ЗЕМНАЯ ОСЬ, ПОЛЮСЫ И ЭКВАТОРЪ.

Вы, вѣроятно, умѣете заставить круглую монету вертѣться быстро по гладкому столу и, вѣроятно, замѣчали, что часто она, вертится на одномъ мѣстѣ. Но присмотритесь внимательнѣе, и вы замѣтите, что монета, при быстромъ движеніи, кажется намъ полупрозрачнымъ шаромъ, въ серединѣ котораго протянута темноватая линія. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линіи. Что же это такое за линія, которую мы видѣли, когда монета вертѣлась? Это именно та линія въ монетѣ, которая не перемѣняла мѣста, когда всѣ другія точки монеты описывали круги вок-

ругъ этой линіи, и описывали ихъ такъ быстро, что вся монета казалась намъ вертящимся шаромъ. Возьмите ту же монету между двумя пальцами такъ, чтобы, ударяя по одному ея краю, вы могли заставить ее вертѣться, и вы увидите, что вся монета вертится, но мѣста своего не перемѣняетъ или, лучше сказать, что всѣ точки монеты обращаются, кромѣ тѣхъ двухъ точекъ, къ которымъ вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линіи, которую можно провести между этими двумя точками и которая казалась намъ темноватою линіею, когда монета быстро вертѣлась. То же самое будетъ конечно, если вмѣсто монеты мы будемъ вертѣть шарикъ; только линіи, не перемѣняющей своего мѣста, вы не замѣтите, потому что она будетъ внутри шара.

Такъ какъ земля есть тоже вертящійся шаръ, то и въ ней, какъ въ каждомъ вертящемся шарѣ, должны быть двѣ точки, которыя при обращеніи шара не перемѣняютъ своего мѣста. Эти двѣ точки на земномъ шарѣ называются *полюсами*: одинъ *сѣвернымъ* полюсомъ, а другой *южнымъ*. Линія же, соединяющая эти точки, неперемѣняющая своего мѣста, какъ та темненькая линія, которую мы замѣтили въ серединѣ вертящейся монеты, называется *земною осью*; потому что она также не перемѣняетъ своего мѣста, какъ и ось вертящагося колеса. Земная ось соединяетъ оба полюса, сѣверный и южный, и проходитъ черезъ самый центръ земнаго шара. Но, разумѣется само-собою, что еслибы вы могли разрѣзать шаръ земной вдоль оси на двѣ равныя половины, какъ разрѣзываютъ яблоко, то не увидѣли бы тамъ никакой оси, какъ не видали и темненькой линіи посрединѣ остановившейся монеты.

Если на краю вертящейся монеты вы сдѣлали прежде нѣсколько мѣтокъ въ разныхъ мѣстахъ, то убѣдитесь, что чѣмъ ближе мѣтка къ одной изъ тѣхъ двухъ точекъ, которыя прикасаются къ вашимъ пальцамъ, тѣмъ меньшій кругъ будетъ она описывать при обращеніи монеты. Самый же большой кругъ будетъ описывать та мѣтка, которую вы положите посрединѣ, въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ точекъ, не перемѣняющихъ мѣста. Точно также и на земномъ шарѣ: чѣмъ дальше отстоитъ какое нибудь мѣсто отъ обоихъ полюсовъ разомъ, тѣмъ большій кругъ будетъ описывать оно при обращеніи земнаго шара. Но какая же точка на поверхности земнаго шара будетъ дальше всѣхъ отъ обоихъ полюсовъ разомъ? Конечно та, которая лежитъ посрединѣ, т.-е. въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Такихъ точекъ можно, конечно, наставить на шарѣ множество, одна возлѣ другой; но всѣ эти точки вмѣстѣ составятъ одну круговую линію. Этотъ кругъ, всѣ точки котораго находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, можетъ быть конечно только одинъ. Такой кругъ на земномъ шарѣ называется *экваторомъ*. На глобусѣ экваторъ

чертятъ; но на земномъ шарѣ, конечно, никто его не начертить, и этотъ кругъ такой же *предполагаемый* кругъ, какъ земная ось предполагаемая линия. Такъ какъ экваторъ опоясываетъ землю въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, то слѣдовательно и раздѣляетъ землю на двѣ равныя половины, на два равныхъ *полушарія*: изъ которыхъ одно, гдѣ находится сѣверный полюсъ, называется *сѣвернымъ*, а другое, противоположное, *южнымъ* полушаріемъ. Это не тѣ полушарія, которыя произойдутъ, если мы разрѣжемъ землю вдоль оси: тѣ полушарія будутъ уже не сѣверное и южное, а восточное и западное.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Проведите какую угодно прямую линію по поверхности шара — то эта линія не будетъ уже совершенно прямая линія, а будетъ дуга. Если же вы будете вести линію всё прямо по поверхности шара, то наконецъ обойдете весь шаръ и начертите на немъ правильный кругъ. Замѣтьте же какую нибудь точку на экваторѣ и ведите отъ нее линію по поверхности шара все прямо къ сѣверному полюсу; потомъ отъ сѣвернаго полюса по другой сторонѣ шара, не отклоняясь ни вправо, ни влево, ведите ту же линію къ южному полюсу; достигнувъ южнаго полюса, ведите далѣе, до экватора, и если вы проводили вашу линію вѣрно, не отклоняясь ни направо, ни налево, ни къ востоку ни къ западу, то она непременно придетъ къ той точкѣ, отъ которой вы начали ее вести, и вы начертите совершенно правильный кругъ, который пройдетъ черезъ оба полюса и пересѣчетъ экваторъ въ двухъ точкахъ. Такой кругъ, проходящій чрезъ оба полюса, называется *полуденникомъ* или *меридіаномъ*. Подумавъ немного, вы поймете и сами, что тогда какъ экваторъ можно провести только одинъ, полуденниковъ можно провести безчисленное множество: всѣ эти полуденные круги, сколько бы вы ихъ ни провели, непременно пересѣкутся между собою въ каждомъ изъ полюсовъ. Вы легко также сообразите, что всѣ эти полуденники будутъ одинаковой величины.

Не то произойдетъ, если вмѣсто того, чтобы проводить круги черезъ полюсы, вы станете проводить ихъ *параллельно* экватору, т. е. такъ, чтобы всѣ точки проводимаго вами круга находились на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Вы увидите, что всякій кругъ, параллельный экватору, будетъ меньше экватора и тѣмъ меньше, чѣмъ далѣе онъ будетъ отъ экватора и чѣмъ ближе къ полюсу. Такихъ круговъ, точно такъ же какъ и полуденныхъ, можно провести безчисленное множество; но конечно одинъ никогда не сойдется съ другимъ, какъ не сходятся никогда двѣ параллельныя линіи. Такіе, тоже воображаемые, круги называютъ *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Черезъ всякую точку земнаго шара можно провести параллельный кругъ и полуденникъ, а слѣдовательно ихъ можно провести и черезъ ту точку, на которой мы теперь находимся. Станемъ же на точку, гдѣ пересѣкнутся эти два круга и, оборотившись лицомъ къ югу, будемъ наблюдать, какъ ходитъ солнце по небу. Прежде всего мы замѣтимъ, что утромъ солнце покажется изъ-за горизонта, на *востокъ*, и будетъ подыматься все выше и выше, а потомъ станетъ спускаться, все ниже и ниже, и наконецъ спрячется за горизонтъ, на *западъ*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себѣ слѣдъ, то мы увидѣли бы дугу, подобную дугѣ радуги, и эта дуга однимъ концомъ упиралась бы въ горизонтъ на западѣ, а другимъ на востокѣ. Самая высшая точка этой дуги будетъ та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будетъ какъ-разъ посерединѣ дуги, такъ что солнце употребляетъ столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спуститься отъ нея къ западу. Слѣдовательно въ этой *серединной* точкѣ солнце бываетъ какъ-разъ посреди дня, т.-е. ровно въ 12 часовъ. Если бы мы могли съ точностію замѣтить, когда солнце бываетъ въ этой точкѣ, то намъ ничего не стоило бы повѣрять наши часы. Но слѣдить за ходомъ солнца и подмѣтить ту точку, съ которой оно начинаетъ спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно довольно легкое средство повѣрять часы по солнцу. Стоитъ только на чистомъ и открытомъ мѣстѣ, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ, и которое бы съ утра до вечера освѣщалось солнцемъ, воткнуть въ землю отвѣсно палку и замѣчать цѣлый день, какъ падаетъ на бѣлый песокъ тѣнь отъ этой палки. Когда солнце поутру покажется на востокѣ изъ-за горизонта, то отъ палки протянется по направленію къ западу такая длинная тѣнь, что трудно даже замѣтить, гдѣ она оканчивается. Къ западу тѣнь протянулась потому, что солнце свѣтитъ съ востока; длинна же она потому, что солнце очень низко, на самомъ горизонтѣ, и бросаетъ оттуда очень косвенные, почти скользящіе по землѣ, лучи. Мы замѣтимъ также, мимоходомъ, что эти косвенные лучи освѣщаютъ предметы хорошо, но грѣютъ мало. Чѣмъ выше будетъ подыматься солнце, тѣмъ тѣнь отъ палки будетъ становиться короче и тѣмъ далѣе будетъ она подвигаться по направленію отъ запада къ востоку. Въ полдень тѣнь будетъ самая короткая и будетъ падать по направленію отъ юга къ сѣверу. Тѣнь отъ палки будетъ направлена къ сѣверу, потому что солнце въ полдень стоитъ на югѣ; коротка она будетъ потому, что солнце стоитъ высоко и бросаетъ на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какіе бросало утромъ. При этомъ мы замѣтимъ также, что эти почти отвѣсные лучи грѣютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ, косвенные, которые бросало солнце утромъ. Наблюдая далѣе, мы замѣтимъ, что послѣ полудня тѣнь отъ палки начнетъ снова увеличиваться и при за-

катъ солнца будетъ такою же длинною, какою была при восходѣ, только протянется уже не къ западу, а къ востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ниже станетъ спускаться солнце къ горизонту, чѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи на землю, тѣмъ и грѣть они будутъ все слабѣе и слабѣе. Если же полуденный жаръ не начинается спадать тотчасъ послѣ 12-ти часовъ, то это безъ сомнѣнія потому, что за день воздухъ, земля и все тѣла на землѣ нагрѣются сильно и не скоро успѣютъ охладиться; но къ вечеру солнце все же станетъ грѣть гораздо слабѣе. Отмѣчая на пескѣ движеніе тѣни, отбрасываемой палкою, мы замѣтимъ и ту точку, когда тѣнь была самою короткою и отъ которой она стала опять увеличиваться и повернула къ востоку. Въ то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тѣнь, оно стояло на срединѣ своего пути отъ востока на западъ; следовательно въ эту минуту былъ ровно полдень, т.-е. 12 часовъ *). Такъ, или почти такъ, устроиваются и солнечные часы, самые вѣрные часы на свѣтѣ, только очень неудобные, потому что въ пасмурный день палка не будетъ отбрасывать тѣни. Отмѣтимъ на пескѣ линію самую короткую полуденную тѣнь, и эта линія пройдетъ какъ-разъ по направленію нашего полуденнаго круга, будетъ небольшимъ кускомъ меридіана. Вотъ почему этотъ кругъ и называется полуденникомъ или меридіаномъ: когда солнце станетъ надъ нимъ прямо, тогда у насъ бываетъ полдень.

Теперь предположимъ себѣ, что мы обладаемъ съ вами *ковромъ-самолетомъ*, на которомъ въ одно мгновеніе можно перелетать тысячи верстъ. Повѣримъ свои часы по солнцу и, сѣвши ровно въ 10 часовъ утра на диковинный коверъ, полетимъ сначала на востокъ, придерживаясь одного и того же параллельнаго круга; пролетимъ нѣсколько сотъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы наблюдали солнце, и остановимся дѣлать новыя наблюденія. Здѣсь надъ нами будетъ такой же сводъ неба, упирающійся въ землю краями, вокругъ такой же горизонтъ, и солнце, идя по небу, будетъ описывать такую же огромную дугу. Устроимъ опять солнечные часы и замѣтимъ на нихъ, когда бываетъ полдень. Взглянемъ же теперь на наши карманные часы: что это сдѣлалось съ ними? какъ они страшно отстаютъ? На нихъ всего еще 10 часовъ, тогда какъ на солнечныхъ уже 12-ть. Но не браните напрасно ваши карманные часы; они ни въ чемъ не виноваты: они показывали время исправно только для того мѣста, на которомъ мы ихъ поставили по солнцу. На оставленномъ нами мѣстѣ дѣйствительно теперь только 10 часовъ и только черезъ два часа настанетъ тамъ полдень. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ полдень бываетъ раньше, и наоборотъ: чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ полдень настаетъ позже. Но еслибы мы по тому же

*) Практическое нахожденіе полуденной линіи объяснено на рисункѣ; такъ что дѣти сами легко могутъ найти ее.

параллельному кругу пронеслись въ одно мгновеніе на противоположную точку земнаго шара, то увидѣли бы, что часы наши опять показываютъ вѣрно, только на небѣ вовсе нѣтъ солнца: часы же наши показываютъ полночь.

Но возвратимся опять на то мѣсто, гдѣ мы устроили первые солнечные часы и, поднявшись надъ землею, ровно въ полдень, остановимся на одномъ мѣстѣ, — остановимся и будемъ смотрѣть на землю. Съ изумительною быстротою улетятъ изъ подъ насъ не только наши солнечные часы, но и вся знакомая намъ страна *). Быстро замелькаютъ подъ нами города, дѣлныя незнакомыя намъ рѣки, горы, моря, океаны; а солнце все будетъ стоять надъ нами неподвижно, какъ-разъ на полуднѣ. Ровно черезъ 12 часовъ мы можемъ преспокойно опуститься на противоположной точкѣ земнаго шара, противоположной той, гдѣ мы оставили солнечные часы. Но какъ же мы доберемся домой? Очень легко: подыдемся опять кверху и ровно черезъ двѣнадцать часовъ наши солнечные часы будутъ подъ нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать такъ быстро по землѣ, не трогаясь съ мѣста, да то бѣда, что это невозможно: все, что есть на землѣ, вращается вмѣстѣ съ нею, и самая атмосфера, которая ее окружаетъ; такъ что воздушный шаръ, поднявшись надъ землею, летитъ *съ запада на востокъ* вмѣстѣ съ атмосферой, въ которой онъ плаваетъ. Примиримся же съ этой невозможностью и станемъ снова наблюдать наши краснорѣчивые солнечные часы. Они еще не сказали намъ всего того, что могутъ сказать.

Вотъ мы стоимъ снова на точкѣ пересѣченія параллельнаго круга и меридіана. Солнце достигло самой высшей точки своего небеснаго пути, а на часахъ у насъ полдень. Выше солнце уже не подыметъ; но оно далеко еще не стоитъ прямо надъ нашею головою. Что же случится, если мы полетимъ прямо къ югу по направленію нашего меридіана? Не долетимъ ли мы до того мѣста, гдѣ солнце будетъ стоять прямо надъ нами? Какъ только долетимъ по меридіану до экватора, то солнце въ полдень будетъ прямо надъ нашею головою и его лучи, падающіе совершенно перпендикулярно, будутъ страшно жечь насъ. Мы очутимся посреди африканской пустыни, гдѣ отъ страшнаго жара все вымерло вокругъ: нѣтъ ни травки, ни деревца, и даже дикіе звѣри ходятъ только по ночамъ. Не хорошо здѣсь. Воротимся же поскорѣе домой и попробуемъ полетѣть на сѣверъ, придерживаясь по прежнему нашего меридіана: посмотримъ, не будетъ ли тамъ лучше. Чѣмъ ближе будемъ мы подлетать къ сѣверному полюсу, тѣмъ ближе къ горизонту будетъ намъ казаться полуденное солнце, тѣмъ косвеннѣе бу-

*) Каждая точка экватора, при обращеніи земли около своей оси, пролетаетъ болѣе 1500 верстъ въ часъ.

дуть падать его лучи и тѣмъ менѣе будутъ давать они тепла. Но вотъ мы приближаемся къ полюсу: часы показываютъ полдень, а солнце почти лежитъ на горизонтѣ; косвенные, почти горизонтальные лучи его, чуть задрываютъ землю и грѣютъ очень слабо. Если же мы совершаемъ наше воздушное путешествіе зимою или позней осенью, то можемъ прилетѣть въ такое мѣсто, гдѣ увидимъ солнце, скрывающимся за горизонтъ, хотя и на нашихъ часахъ и на часахъ тамошнихъ жителей будетъ полдень. Еще нѣсколько далѣе къ сѣверу — и мы солнца и днемъ не увидимъ. Но въ какія пустынные мѣста мы залетѣли! Вокругъ также нѣтъ ни дерева, ни кустика, ни травки; море покрыто льдомъ и холодъ невыносимый. Подъ экваторомъ, въ африканской пустынѣ, нѣтъ жизни отъ палашаго жара; у полюсовъ, на берегахъ Ледовитаго океана, нѣтъ жизни отъ страшнаго холода. Поблагодаримъ же Создателя, который далъ намъ родину по срединѣ этихъ двухъ крайностей и назначилъ намъ жить *въ умеренномъ климатѣ*.

РАЗНООБРАЗІЕ КЛИМАТОВЪ.

Еслибы климатъ того или другаго мѣста зависѣлъ единственно отъ большей или меньшей близости мѣста къ полюсу или къ экватору; то во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ на одномъ и томъ же разстояніи отъ экватора, между одними и тѣми же параллельными кругами, долженъ бы быть и одинаковый климатъ. Однакоже мы часто замѣчаемъ противное, и если мы, напримѣръ, возьмемъ какое нибудь мѣсто посрединѣ Сибири, лежащее на такомъ же разстояніи отъ экватора, на какомъ лежитъ Петербургъ, то увидимъ, что въ Сибири въ этомъ мѣстѣ климатъ будетъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя солнце въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, въ одно и то же время года, будетъ одинаково подыматься надъ горизонтомъ и впродолженіи одинаковаго времени будетъ оставаться на небѣ.

Это явленіе зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы перечислимъ главныя.

Первая причина — близость моря. Море у полюсовъ и зимою, и лѣтомъ загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ море или вовсе не замерзаетъ, или замерзаетъ тамъ, гдѣ бывають холодныя зимы, и то только у береговъ. Незамерзнувшее море лѣтомъ охлаждаетъ воздухъ, вбирая изъ него излишній жаръ; а зимою согрѣваетъ воздухъ, отдавая ему набранное лѣтомъ тепло.

Вторая причина — вѣтеръ. Мы уже читали о вліяніи вѣтра на тепло и холодъ. Въ той странѣ, которую высокія горы заслоняють отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, будетъ всегда гораздо теплѣе, чѣмъ въ той, которую горы заслоняють отъ южныхъ вѣтровъ, несущихъ на сѣверъ на-

грѣтый на югѣ воздухъ. Всякое мѣсто, лежащее по срединѣ Сибири, находится очень далеко отъ незамерзающаго моря. Вотъ почему въ Сибири такъ холодно.

Третья причина — возвышенность мѣста. Сидя въ комнатѣ, сильно нагрѣваемой солнцемъ черезъ стекло въ оконкахъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій опытъ: дотронемся до стола, пола, мебели, освѣщенныхъ солнцемъ, и мы замѣтимъ, какъ они нагрѣлись; дотронемся до стекла въ окнѣ, черезъ которое проникаютъ солнечные лучи, и мы замѣтимъ, что оно осталось холоднымъ. Изъ этого мы можемъ вывести, что солнечный лучъ, проходя удобно сквозь прозрачное тѣло, мало его согрѣваетъ. Воздухъ еще прозрачнѣе стекла и потому солнечный лучъ, проходя сквозь воздухъ мало его согрѣваетъ и тѣмъ меньше, чѣмъ воздухъ рѣже и прозрачнѣе; если же воздухъ нагрѣвается, то это уже отъ земли нагрѣтой солнцемъ. Вотъ почему, чѣмъ дальше подыматься отъ земли, тѣмъ становится все холоднѣе: теплота земли достигаетъ все меньше и меньше, а воздухъ все прозрачнѣе и рѣже. Земля, нагрѣтая солнцемъ, нагрѣваетъ воздухъ и ночью, когда солнца не видать. Теперь мы поймемъ, почему вершины очень высокихъ горъ, лежащихъ даже въ самомъ тепломъ климатѣ, покрыты вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, какъ земли лежащія у полюсовъ; тогда какъ у подошвы тѣхъ же горъ круглый годъ не только не бываетъ снѣгу, но даже листья не спадаютъ съ деревьевъ, растутъ померанцы, лимоны, виноградъ, миндаль и даже пальма — это растеніе свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытаемъ всѣ тѣ же перемѣны климата и будемъ видѣть то же разнообразіе растительности, какое замѣтили бы, еслибъ полетѣли отъ экватора къ полюсу.

Л У Н А.

Луна по формѣ своей также шаръ, но по величинѣ въ 49 разъ меньше земли. Она обращается вокругъ земли въ 28 дней, а вмѣстѣ съ землею обходитъ и вокругъ солнца. Но почему же луна кажется намъ то кругомъ, то полукругомъ, то маленькимъ рожеккомъ? Необразованные люди приписываютъ это явленіе самымъ страннымъ и невозможнымъ причинамъ: такъ монголы, полудикій народъ, кочующій въ степяхъ средней Азіи, думаютъ, что какой-то невидимый драконъ каждый мѣсяцъ глотаетъ луну, а потомъ ее снова выбрасываетъ. Маленькій бѣлый шарикъ, съ помощію зажженной свѣчи и небольшой наблюдательности съ нашей стороны, объяснить намъ это явленіе очень просто. Дѣло въ томъ, что такъ какъ луна не имѣетъ своего собственнаго свѣта, а освѣщается солнцемъ, то мы видимъ только освѣщенную часть луны. Солнце освѣщаетъ всегда половину луны, потому что луна — шаръ; но мы не всегда, а только въ полнолуніе видимъ всю

эту освѣщенную половину луны; въ другое же время видимъ только большую или меньшую часть этой половины, или вовсе ея не видимъ. Возьмите бѣлый шарикъ и, держа его передъ глазами нѣсколько выше головы, станьте затылкомъ къ зажженной свѣчѣ: вы, не видя свѣчи, увидите тѣмъ не менѣе цѣлую половину шарика, освѣщенную свѣтомъ, падающимъ на него отъ свѣчи. Но, ставши къ свѣчѣ бокомъ, вы безъ труда устанете вашъ шарикъ такъ, что будете видѣть только половину освѣщенной половины, или четверть шарика. Если бы вы не видали вовсе неосвѣщенной части шарика, какъ не видите неосвѣщенной части луны, и не чувствовали, что держите въ рукахъ шаръ, то вамъ показалось бы, что передъ вами не шаръ, а половина плоскаго круга. Подвигайте же шарикъ все ближе къ свѣчѣ и эта половина плоскаго круга будетъ все уменьшаться и уменьшаться, такъ что вы, наконецъ, будете видѣть только краешекъ освѣщенной половины шарика, — небольшой рожокъ, какимъ вамъ кажется иногда луна. Когда же вы поставите шарикъ какъ-разъ передъ свѣчкою, немного выше или ниже, то вовсе не увидите освѣщенной половины шара; по той же самой причинѣ мы иногда не видимъ луны и ночью, хотя она бываетъ на небѣ. Днемъ же мы не видимъ луны потому (хотя она бываетъ иногда на небѣ и днемъ), что солнце свѣтитъ слишкомъ ярко, такъ что слабый свѣтъ луны вовсе не замѣтенъ. Вы, вѣроятно, видѣли, какъ иногда по утрамъ мало по малу блѣднѣетъ луна, если солнце застанетъ ее на небѣ, и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Продолжая подвигать вашъ шарикъ далѣе, вы увидите снова небольшой его краешекъ, который будетъ, по мѣрѣ обращенія шарика, все увеличиваться и увеличиваться, или, какъ говорится о лунѣ — *прибывать*. Появленіе маленькаго краешка луны на небѣ, послѣ того, какъ она было исчезла на нѣсколько дней, называется *рожденіемъ мѣсяца*; потомъ изъ маленькаго рожка сдѣлается луна половиною круга: это, какъ говорится, *первая четверть луны*; за тѣмъ пойдетъ *полнолуніе*. Послѣ полнолунія луна снова пойдетъ убывать, до тѣхъ поръ, пока опять сдѣлается полукругомъ: это *вторая четверть луны*. Наконецъ эта вторая четверть мало по малу исчезнетъ и начнется *новолуніе*.

Вы можете такъ уставить вашъ шарикъ, что онъ совершенно заслонитъ пламя свѣчи. Если луна заслонитъ собою солнце такимъ же образомъ, то произойдетъ *солнечное затмѣніе*; если же, наоборотъ, земля заслонитъ солнце отъ луны, такъ что на лунѣ отразится круглая тѣнь земли (отъ чего круглая?), то произойдетъ лунное затмѣніе. Но какъ пугаютъ дикихъ и необразованныхъ людей эти простыя, понятныя явленія! тогда какъ у образованныхъ народовъ въ календаряхъ печатается всегда впередъ не только день, часъ, но даже минута, когда будутъ солнечное или лунное затмѣ-

ніе. Но не со всѣхъ мѣстъ земнаго шара видны бываютъ эти затмѣнія, потому что солнце и луна не въ одно и то же время видны на всей поверхности земнаго шара. Часто солнечное затмѣніе совершается тогда, какъ у насъ бываетъ ночь, и слѣдовательно видно только для тѣхъ, кто живетъ на другой половинѣ земнаго шара. Часто также лунныя затмѣнія совершаются тогда, когда у насъ бываетъ день и, слѣдовательно, мы не видимъ луны.

Если вы поняли, отчего мы видимъ иногда то краешекъ луны, то четверть ея, то половину, то совсѣмъ не видимъ; то поймете также, что то же самое должно совершаться и съ тѣми планетами, которыя обращаются вокругъ солнца подобно землѣ, находятся къ нему ближе земли и, слѣдовательно, могутъ принимать различныя положенія между землею и солнцемъ. Одну изъ такихъ планетъ, хорошенькую утреннюю и вечернюю звѣздочку, *Венеру*, вы вѣроятно замѣтили. Убыль и прибывъ этой звѣздочки мы не можемъ замѣтить простыми глазами, потому что и вся она кажется намъ небольшою ярко-блестящею точкою. Но въ телескопъ, такую большую зрительную трубу, которую употребляютъ для того, чтобы разсматривать очень отдаленные предметы, можно видѣть, что Венера подвержена тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и луна.

Простыми глазами мы видимъ на лунѣ какія-то пятна; но только въ телескопъ можно разсмотрѣть, что это такое за пятна. Въ сильнѣйшій телескопъ луна кажется намъ такой величины, какой мы видѣли бы ее, еслибы она отстояла отъ земли не на 350, а только на 30 тысячъ верстъ. Въ такой телескопъ видны на лунѣ огромныя горы, обширныя долины и глубокія пропасти. Но на лунѣ, какъ доказываютъ ученые, нѣтъ ни воздуха, ни воды, слѣдовательно, на ней не только не могутъ жить животныя и люди, но даже не можетъ быть и растеній, потому что для растеній, какъ мы знаемъ, необходимы вода и воздухъ. Впрочемъ, мы видимъ только одну половину луны, другою же своею половиною луна никогда къ землѣ не обращается.

Т Е Л Е С К О П Ъ .

Къ одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ, Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно-поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяина подошла къ окну и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестящихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщаль Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ: не хочешь ли ты, чтобы я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ: онъ давно уже слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ на мѣсяцъ и звѣзды; Саша даже видѣлъ эту трубу, стоявшую на окнѣ въ кабинетѣ и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ вошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но совершенный шаръ и что на ней находятся дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную ея карту. Луна — самое ближайшее къ намъ небесное тѣло и находится отъ насъ очень недалеко: всего-то какихъ нибудь 350 тысячъ верстъ или 50 тысячъ миль.

Саша. Неужели это недалеко! Да это такъ далеко, что и подумать страшно!

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе восьми миль, и еслибы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти шестьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе двадцати милліоновъ миль, и еслибы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года! Да для этого нужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а въ семидесять лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саша. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, еслибы она отправлялась туда такъ же медленно, какъ ѣдетъ паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 секундъ, а духъ нашъ безъ сомнѣнія быстрѣе свѣта. Паровозъ проходитъ въ часъ 8 миль. Но солнце еще не очень далеко отъ насъ. (*Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ.*) Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ, и какъ блестять вокругъ него какія-то четыре серебряныя точки!

Дядя. Это Юпитерь съ своими четырьмя спутниками или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера и паровозъ, проѣзжая каждый часъ восемь миль, доѣхалъ бы до него только въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую недавно открыли, Нептунъ, та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо-велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды*: здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе четырехъ билліоновъ миль.

Сестра. Но какъ же могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто не знакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затмѣнія солнца, луны и появленіе кометъ; поэтому судите, что они считаютъ не дурно. (*Перемѣняетъ направленіе телескопа.*) Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды — сорокъ четыре громадныя солнца, а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другаго. Но этого мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидели бы, что вся эта серебристая полоса состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцевъ, которыя только по своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебристую полосу.

Саша. Видно нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ.

Дядя. Еще бы! Можетъ ли слабый человѣкъ счастье творенія Создателя? И представь себѣ еще, что, по всей вѣроятности, наша земля, или, лучше сказать, наше солнце со всѣми его планетами и съ землею, составляютъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо-блестящую серебристую полосу, протянувшуюся черезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самыя сильныя телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно-великъ Создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопѣвца Давида: „Небеса повѣдаютъ славу Божію“.

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ ихъ отдаленность и величину — и возносимся душою ко всемогущему Создателю всѣхъ этихъ міровъ.

Сестра. Но безъ сомнѣнія на этихъ планетахъ также живутъ люди или какія нибудь существа, подобныя людямъ.

Дядя. Этого никто, конечно, не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ — маленькой *планетѣ*, которая въ миллионъ триста тысячъ разъ меньше солнца; тогда какъ такихъ солнцевъ, изъ которыхъ вокругъ каждаго обращаются свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не можемъ. Но неправда ли, что и то немногое, что я могъ показать вамъ сегодня, довольно уже поражаетъ вашъ умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя?

ГОРНАЯ СТРАНА.

Живя посреди Россіи, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что такое горная страна. Наши невысокіе, отлогіе холмы, на которые въѣзжаешь, почти ихъ не замѣчая, поднимающіеся много что на сто или на полтороста сажень и по скатамъ которыхъ мы видимъ все однѣ и тѣ же поля, лѣса, рощи, села и деревни, конечно, мало походятъ на высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ и, подымаясь на три, на четыре версты къ верху, уходятъ далеко за облака. Въ равнинѣ вы ѣдете сто, двѣсти верстъ, повсюду встрѣчая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образъ жизни. Не то въ горахъ! Сколько разнообразія представляетъ даже одна большая гора, если взобраться на нее по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ, а потомъ и по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя извиваются по ея уступамъ. Вамъ кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы; кругомъ васъ лѣто, сады съ поспѣвающими плодами и поля съ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ; но запаситесь теплой одеждой, если думаете добратся до вершины; потому что тамъ встрѣтитъ васъ полная зима — снѣгъ, ледъ, холодъ, и вы, посреди лѣта, легко можете отморозить себѣ руки и ноги. Запаситесь также проч-

ными сапогами съ крѣпкими подошвами, чтобы онѣ не истерлись о камни, крѣпкою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, провизіей; но главное запаситесь силою и терпѣніемъ, потому что вамъ придется неутомимо работать ногами цѣлый день, а можетъ быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три, или на четыре версты, но это, вѣдь, считается въ отвѣсъ; а чтобы добратъся до нея вамъ придется сдѣлать 15 или 20-ть верстъ самого труднаго пути по крутымъ уступамъ. Запаситесь также и смѣлостью, чтобы у васъ не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступъ, вы взглянете внизъ. Но прежде всего возьмите опытнаго проводника, потому что безъ него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, въ ея темныхъ лѣсахъ, между безчисленными ручьями и рѣчками, скатывающимися съ ея боковъ, въ ея снѣжныхъ поляхъ и ледникахъ. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти въ такую глушь, въ средину неприступныхъ уступовъ или на край зіяющей пропасти, что не будешь знать, какъ и выбратъся. Надобно хорошо знать горныя тропинки, чтобы пуститься въ горы.

Подняться на высокую заоблачную гору большой трудъ; но трудъ этотъ окупается удовольствіемъ. Сколько разнообразной растительности встрѣтите вы отъ подошвы до вершины! Сколько разнообразія въ образѣ жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежитъ въ тепломъ климатѣ, то у подошвы ея вы покинете лимонныя и померанцовыя рощи; выше встрѣтятъ васъ деревья умѣренныхъ странъ: тополь, букъ, каштанъ, липа, кленъ, дубъ; далѣе найдете вы угрюмыя хвойныя лѣса и деревья сѣвера: осину, березу. Еще выше и деревья уже прекращаются, цвѣтовъ и травы даже очень мало — только альпійская душистая роза будетъ провожать васъ до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, да тощій мохъ напомнитъ вамъ о полярныхъ странахъ, гдѣ онъ составляетъ почти единственную пищу сѣверныхъ оленей. Еще выше — и вы вступите въ страну вѣчныхъ льдовъ, хотя можетъ быть находитесь за нѣсколько тысячъ верстъ отъ полярнаго моря.

Внизу вы покинули шумныя, дѣятельныя города; поднявшись выше, встрѣтили хорошенькія деревеньки, еще окруженныя обработанными полями и плодовыми садами; далѣе вы не встрѣтите ни полей, ни садовъ, а только тучныя луга въ горныхъ долинахъ и полюбуетесь на прекрасныя стада; небольшія пастушья деревеньки прислонены къ горамъ, такъ что иной домикъ лепится у скалы, точно птичье гнѣздо; на крышахъ домовъ наложены рядами большіе камни: безъ этой предосторожности, буря, заревѣвшая въ горахъ, могла бы легко снести крышу. Далѣе вы еще найдете кое-гдѣ отдѣльныя хижины горныхъ жителей: это лѣтнія жилища пастуховъ, оставляемыя зимою. Сочная, прекрасная трава привлекаетъ сюда лѣ-

томъ стада. Еще выше — и вы не будете встрѣчать уже человѣческихъ жилищъ. Цѣпкія домашнія козы еще лѣзятъ по уступамъ; но еще немного далѣе и вамъ попадутся, можетъ быть, однѣ небольшія стада легконогихъ дикихъ сернь и кровожадные орлы; а за тѣмъ вы вступите въ страну, гдѣ нѣтъ ни растительной, ни животной жизни.

Какъ хороши и говорливы горные потоки, какъ чиста и холодна въ нихъ вода! Они берутъ свое начало въ ледникахъ и образуются изъ тающего льда; начинаются маленькими чуть замѣтными струйками; но потомъ эти струйки соберутся вмѣстѣ — и шумный быстрый потокъ, то, извиваясь серебрянной лентой, то прыгая съ уступа на уступъ водопадомъ, то скрываясь въ темномъ ущельѣ и снова появляясь на свѣтъ, то журча по камнямъ, покатится внизъ смѣло и быстро, пока не доберется до болѣе отлогой долины, по срединѣ которой побѣжить уже спокойной и порядочной рѣчкой.

Если буря не реветъ въ горахъ, то чѣмъ выше вы будете подниматься, тѣмъ безмолвиѣе будетъ окрестность. На самой вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, гдѣ солнечные лучи, отражаясь отъ снѣговыхъ полей, ослѣпляютъ глаза — царствуетъ мертвая тишина; развѣ камень, сдвинутый вашею ногою, надѣляетъ шуму и стуку на всю окрестность. Но вдругъ раздается страшный и продолжительный грохотъ, повторяемый горнымъ эхомъ; вамъ кажется, что гора дрожитъ подъ вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: „что это такое“? — „Это лавина“, отвѣчаетъ онъ вамъ спокойно: большая масса снѣгу сорвалась съ вершины и, увлекая съ собою камни, а пониже деревья, стада, людей и даже дома пастуховъ, понеслась внизъ по горнымъ уступамъ. Дай Богъ, чтобы она не рухнула на какую нибудь деревню и не похоронила подъ собою ея домовъ и жителей! Лавины чаще всего скатываются съ горъ весною и осенью: весною потому, что снѣгъ, напавшій зимою, подтааетъ; осенью потому, что снѣгу выпадеть на вершину черезъ чуръ много.

Но если, преодолевъ всѣ эти трудности и страхи, вы доберетесь наконецъ до высокой горной площадки, гдѣ проводникъ посовѣтуетъ вамъ усѣсться на камняхъ, позавтракать и отдохнуть, то будете вполне вознаграждены. Хотя здѣсь довольно холодно и каждое, сколько нибудь сильное движеніе утомляетъ васъ, сердце бьется часто и дыханіе ускорено; но вамъ какъ то легко и приятно и вы вполне наслаждаетесь величественною картиною. Вокругъ васъ скалы и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья; вдали поднимаются вершины другихъ горъ, то темныя, то лиловыя, то розовыя, то отливающія серебромъ; а внизу верстъ на шестьдесятъ открывается зеленая, цвѣтущая долина, врѣзывающаяся далеко въ горы: извивающіяся по ней рѣчки, блестящія озера, города и деревни будто на ладони передъ вами. Огромныя стада кажутся вамъ движущимися точками, а

людей и вовсе не видать. Но вотъ подъ вашими ногами стало все закрываться туманомъ: это облака стягиваются вокругъ горы; надъ вами блещитъ яркое солнышко, а внизу изъ этого тумана идетъ, можетъ быть, проливной дождь.

Но нельзя долго оставаться на такой высотѣ — для груди вредно дышать слишкомъ рѣдкимъ воздухомъ — и какъ ни хорошо здѣсь, а придется спускаться внизъ.

Самая прекрасная горная страна въ Европѣ — Швейцарія. Альпійскія горы всю ее наполняютъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ страшной высоты: Юнгфрау (Дѣвичья гора) подымается на 12 т. футовъ надъ уровнемъ моря, а Монбланъ (Бѣлая гора) на 14 т. футовъ. Изъ Швейцаріи Альпійскія горы распространяются по всей западной Европѣ; отрасли ихъ идутъ отсюда въ Германію, Австрію, Италію и Францію. Съ альпійскихъ же льдистыхъ вершинъ текутъ въ разныхъ направленіяхъ и самыя большія европейскія рѣки: Рейнъ въ Нѣмецкое море, Рона въ Средиземное и По въ Адриатическое.

Швейцарскія Альпы, находясь въ срединѣ западной Европы, раздѣляютъ собою самыя образованныя и богатая ея страны и прекрасныя величественныя вершины этихъ горъ сильно затрудняютъ сообщенія. Сколько трудностей должны были преодолѣть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, черезъ такія вершины, каковы Сенъ-Готтардъ и Симплонъ! Эта дорога то подымается, то опускается, то идетъ по краю страшныхъ пропастей, то по мостамъ, висящимъ надъ бездною, то въ срединѣ скалъ, которыя нужно было пробить для этой цѣли. Много трудовъ стоила Симплонская дорога, но за то по ней ѣздить теперь очень удобно и безопасно, и путешественникъ, нисколько не утомляясь и не опасаясь за свою жизнь, наслаждается чудными картинами горной природы.

М О Р Е.

Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земнаго шара. Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою, блестящею, какъ зеркало, поверхностью. Оно скажется тогда безпредѣльнымъ и сходится въ дали съ небомъ такъ, что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо море и тогда, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного! Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на скалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскочить на него, но, отпрянувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ рушатся снова въ море, уступая

свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть когда разыграется, расходится море; весело слушать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой и твердой скалѣ и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочеть, до тебя не дохватить. Но должно очень свыкнуться съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнъ, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую соломенку.

Но и безъ вѣтру два раза въ день высоко подымается море, заливая далеко отлогіе берега, и два раза въ день отпускается снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песокъ, небольшіе камни, раковины, множество морскихъ животныхъ и растений. Это постоянное движеніе моря называется *приливомъ* и *отливомъ*. Въ небольшихъ моряхъ, далеко вдавшихся въ средину суши, приливы и отливы бывають малы, а часто и вовсе незамѣтны; но въ открытомъ океанѣ они очень сильны.

Хотя въ морѣ есть много органическихъ остатковъ, гніющихъ труповъ животныхъ и гніющихъ растений, но вода въ немъ никогда не портится, какъ портится она въ небольшомъ, отовсюду закрытомъ и неподвижномъ пруду, — никогда не цвѣтетъ и не покрывается плѣсенью. Это происходитъ, во первыхъ, отъ того, что океанъ со всѣми своими морями, обливающий весь земной шаръ, очень великъ; во вторыхъ, отъ того, что море постоянно движется и въ третьихъ, отъ того, что вода въ немъ пропитана солью.

Но не только вѣтеръ, приливы и отливы приводятъ море въ движеніе: въ немъ есть еще свои собственные *морскіе потоки* или *теченія*. Въ Тихомъ океанѣ, начиная отъ крутыхъ береговъ Чили и Перу, движется вода, подобно громадной рѣкѣ, берега которой составляютъ тоже море, и движется безпрестанно отъ востока къ западу, тогда какъ земля обращается съ запада на востокъ; этотъ морской потокъ, доходящій до восточнаго берега Азіи, прорывается потомъ между островами индейскаго архипелага, Борнео, Целебесомъ, Явою, идетъ къ Цейлону и Мадагаскару и, ударяясь о восточные берега Африки, раздѣляется на два потока: одинъ проникаетъ въ Черное море, потопившее когда-то Фараона и его воинство; а другой идетъ на югъ и огибаетъ мысъ Доброй Надежды.

Другое морское теченіе направляется отъ западныхъ береговъ Африки къ восточному берегу Америки и называется экваторіальнымъ; оно раздѣляется на южное и сѣверное. Сѣверный морской потокъ носитъ особое названіе *Гольфстрема*, *заливнаго потока*, потому что, выходя изъ Мексиканскаго залива, онъ идетъ сначала къ сѣверу по берегамъ Америки, потомъ поворачиваетъ на востокъ къ западнымъ берегамъ Европы и Африки. За долго до открытія Америки, Гольфстремъ приносилъ къ европейскимъ берегамъ американскіе плоды, растенія и сѣмена, что наводило на мысль,

что къ западу отъ Европы, за моремъ, котораго никто еще не рѣшался проѣхать, должна быть большая земля. Нагрѣвшись въ жаркихъ странахъ, этотъ потокъ приносить также тепло къ западнымъ берегамъ Европы, почему на этихъ берегахъ могутъ поснѣвать самые нѣжные плоды.

Морскія теченія очень полезны для мореплаванія: корабль, который попадаетъ въ средину такого потока, уносится его теченіемъ, какъ лодка теченіемъ рѣки.

Бури, когда сильный вѣтеръ страшно волнуетъ поверхность моря, — самые опасные враги мореходцевъ. Если корабль находится въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, то искусный капитанъ легко можетъ его спасти и въ самую сильную бурю; но когда корабль застигнутъ бурей вблизи отъ берега, да еще такого берега, возлѣ котораго есть мели и подводные камни, тогда онъ легко можетъ разбиться объ эти камни или сѣсть на мель. Когда начинается буря, то всѣ отверзтія на кораблѣ, *люки*, плотно запирають, чтобы волны не могли пробраться въ средину корабля. Матросы лѣзутъ по веревочнымъ лѣстницамъ и проворно убирають паруса: и безъ парусовъ вѣтеръ слишкомъ сильно упираетъ въ корабль и бросаетъ его во всѣ стороны. Матросу не въ диковинку, если соленая вода окатитъ его съ головы до ногъ; корабль кидаетъ, какъ мячикъ, а матросъ бѣгаетъ по палубѣ, какъ по неподвижному полу и съ быстротою и цѣпкостью бѣлки карабкается по веревкамъ. Если вѣтеръ ужъ слишкомъ силенъ, то иногда приходится даже рубить мачты, чтобы только дать вѣтру какъ можно меньше упору. Безъ мачтъ и парусовъ корабль, впрочемъ, какъ птица безъ крыльевъ, несется по морю, куда угодно вѣтру, и можетъ легко напестить на скалу или на мель.

Если не опасно, какъ буря, но за то гораздо несноснѣе для мореходца — *безвѣтріе* или *штиль*. Море неподвижно, какъ зеркало; въ воздухѣ не шелохнется, паруса висятъ, а тропическое солнце (штиль бываетъ чаще между тропиками), стоя прямо надъ головою льетъ свои жгучіе лучи на спящее море и на корабль, который не можетъ двинуться съ мѣста. Пароходъ штилей не боится: онъ движется силою пара и если паруса его, не наполняемые вѣтромъ, не помогаютъ ему идти впередъ, за то колеса его дружно работаютъ.

При *попутномъ*, свѣжемъ вѣтрѣ, парусное судно несется быстро; но при вѣтрахъ, сколько нибудь *противныхъ*, оно должно, безпрестанно перемѣняя паруса, ловить вѣтеръ, и, *лавируя* изъ стороны въ сторону, неправильной, ломанной линіей медленно приближаться къ своей цѣли. Движеніе парохода не столько зависитъ отъ вѣтра, хотя и ему идти гораздо легче при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса въ помощь колесамъ.

Къ прекраснѣйшимъ морскимъ явленіямъ принадлежитъ *морское сія-*

не. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океана судно, гонимое вѣтромъ или парами, оставляетъ за собою длинный пламенный слѣдъ; волны, всплескиваясь, рассыпаются огненнымъ дождемъ, и даже въ глубинѣ моря видны маленькія свѣтящіяся точки. Этотъ свѣтъ зависитъ отчасти отъ гниющихъ маленькіхъ морскихъ животныхъ и растений; а отчасти и отъ такихъ животныхъ, которыя и при жизни свѣтятся въ темнотѣ. Первое явленіе напоминаетъ намъ наши свѣтящіяся гнилушки, а другое нашихъ ивановскихъ червячковъ. Мы замѣтимъ здѣсь только одно изъ такихъ свѣтящихся животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ полиповъ, — *морское перо*. Это не одно животное, но тысячи крошечныхъ животныхъ, расположенныхъ, какъ пушистая борода пера, на одномъ стержнѣ. Всѣ эти животныя движутся разомъ, какъ будто управляемыя одною волей; въ темную ночь, двигаясь и сверкая своимъ тѣломъ по поверхности воды, доставляютъ они прекрасное зрѣлище.

Чтобы измѣрять глубину моря, употребляютъ *лотъ* — кусокъ свинца, привязанный къ веревкѣ, на которой узлами отмѣчены сажени. Во многихъ мѣстахъ море довольно мелко; въ другихъ глубина его идетъ на нѣсколько верстъ, такъ что мореходцы не могутъ и лотомъ достать дна. Дно морское не ровно, такъ какъ и поверхность суши: на немъ также есть равнины, холмы, простыя и огнедышущія горы, скалы, ущелья, источники, лѣса коралловъ. Иная гора, подымаясь съ дна моря на многія тысячи футовъ, высовывается на поверхность небольшимъ островкомъ. Случается и такъ, что вдругъ изъ моря выдвинется огнедышущая гора, нѣсколько дней выбрасываетъ пламя, лаву, камни и дымъ; а потомъ также быстро снова скроется подъ водою. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о такихъ островахъ, которые появленіемъ своимъ обязаны неумолимой работѣ коралловыхъ полиповъ.

Безчисленное множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ рыбъ, громадныхъ морскихъ звѣрей, изъ которыхъ мы знаемъ уже кита, тюленя и моржа, обитающихъ преимущественно въ холодныхъ моряхъ, и неизчисленное множество мелкихъ морскихъ животныхъ населяютъ глубину моря. Здѣсь мы упоминаемъ только о невинныхъ дельфинахъ, которые, выпрыгивая изъ воды, играми своими забавляютъ мореходцевъ, летучихъ рыбахъ, которыя иногда стальми проносятся надъ поверхностью теплыхъ морей, и о зубастой акулѣ, которая, равно какъ и дельфинъ, относится къ породѣ морскихъ звѣрей, но своею жадностью и дерзостью приводитъ въ ужасъ моряка, когда ему приходится или купаться возлѣ корабля, или спускаться къ водѣ, чтобы осмотрѣть его бока. Акулы жадными толпами сопровождаютъ корабли, на которыхъ гнусные торговцы людьми украдкой перевозятъ негровъ. Жадные морскіе звѣри, разѣвая свою широкую пасть, усеянную острыми зубами, поджидаютъ невольничь-

ихъ труповъ. Они, какъ будто знаютъ, что несчастные черные люди умираютъ десятками во время этихъ страшныхъ переѣздовъ, — умираютъ отъ тѣсноты, дурнаго содержанія въ душныхъ каютахъ, но болѣе всего отъ невыносимой тоски по родинѣ и свободѣ.

На днѣ морскомъ скрыто много богатствъ: есть безъ сомнѣнїе и дорогіе камни и драгоцѣнные металлы; но они недоступны человѣку. Въ индійскомъ морѣ преимущественно достаютъ жемчугъ, который находится на днѣ моря въ створчатыхъ раковинкахъ, называемыхъ жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у береговъ Цейлона. Жители этихъ береговъ очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда съ лодки на веревкѣ, они спѣшатъ набрать въ коробъ какъ можно больше жемчужныхъ раковинъ и могутъ пробыть въ водѣ до двухъ минутъ; но у бѣдняковъ, не смотря на то, что они затыкаютъ себѣ ноздри и уши хлопчатой бумагою и берутъ въ ротъ губку, напитанную масломъ, кровь часто идетъ горломъ и посомъ. Однако же, отдохнувъ минутъ двадцать на берегу, смѣльчаки опять пускаются на свой опасный промыселъ.

Если вы никогда не видали большого стройнаго корабля, когда онъ, распустивъ свои бѣлые паруса, гордо несется по морскимъ волнамъ, или большого сильнаго парохода, когда онъ, разрѣзывая колесами морскую поверхность, разстилаетъ по воздуху длинный хвостъ дыма, — то вы не видали одного изъ величайшихъ созданій человѣческаго генія. У большихъ военныхъ кораблей, которые называютъ линейными, видны надъ водою четыре этажа, да подъ водою скрываются еще два. Грозныя жерла ста двадцати пушекъ четырьмя рядами выглядываютъ въ его люки; для тысячи человѣкъ экипажа достаточно мѣста на кораблѣ; множество пороха, ядеръ, провіанта, дровъ или каменнаго угля и наконецъ прѣсной воды въ бочкахъ скрывается въ его нижней части. Можно себѣ представить, что постройка и вооруженіе такого огромнаго судна обходится недешево и что не напрасно считаютъ великимъ бѣдствіемъ для цѣлаго государства, если десятокъ подобныхъ кораблей погибнетъ въ морскомъ сраженіи: если одни изъ нихъ пойдутъ ко дну, а другіе взлетятъ на воздухъ отъ взрыва пороха. Хорошо построенный корабль, если съ нимъ не случится никакого несчастія, можетъ прослужить около пятидесяти лѣтъ. До тысячи большихъ деревьевъ нужно для постройки сто-пушечнаго корабля. Купеческіе корабли и пароходы бываетъ меньше, не такъ стройны и красивы; но за то, перевозя товары между самыми отдаленными странами, они, повсюду развозятъ довольство и образованіе; — тогда какъ военныя суда охраняютъ берега отъ нападений или грозятъ непріятельскому флоту или прибрежнымъ непріятельскимъ городамъ своими страшными пушками. Можно себѣ представить, какой адъ творится тогда, когда десятка три такихъ морскихъ ко-

лоссовъ заревутъ другъ на друга въ морскомъ сраженіи, изрыгая изъ своихъ боковъ пламя и тысячи бомбъ и ядеръ!

ГОРНЫЕ ЛЕДНИКИ и ПЛАВАЮЩІЕ ЛЬДЫ.

Мы уже знаемъ, что на землѣ есть много горъ, вершины которыхъ поднимаются высоко, въ высшіе слои атмосферы, гдѣ очень холодно. Понятно, что на такія вершины вода не падаетъ иначе, какъ въ видѣ снѣга, и что снѣгъ этотъ, оставаясь тамъ, никогда не таетъ, а накопляясь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, покрываетъ всю вершину горы. Однакоже замѣчено, что количество снѣга не увеличивается на горахъ, а остается съ небольшими измѣненіями постоянно одно и то же. Это потому, что снѣгъ, когда его набирается много, и когда поэтому тяжесть его увеличивается, скользитъ мало по малу по ущельямъ горъ и сходить въ долины, расположенныя внизу. Но въ то время, когда снѣгъ, двигаемый тяжестью новыхъ слоевъ, медленно спускается по покатостямъ горы, онъ мало по малу превращается въ твердый ледъ, потому что солнце въ продолженіи дня растапливаетъ поверхность снѣга, и вода, пробираясь въ снѣжныя *поры*, снова тамъ замерзаетъ. Такимъ образомъ, мало по малу, вся масса снѣга дѣлается твердою и льдистою. Достигая какихъ нибудь узкихъ мѣстъ въ ущельяхъ горъ, льдистая скользящая масса останавливается. Но часто не можетъ выдерживать все прибывающаго и прибывающаго снѣга, уступаетъ наконецъ силѣ давленія и входитъ черезъ ущелья въ высокія горныя долины, наполняя, такимъ образомъ, льдистою массою всѣ значительныя углубленія. Вотъ почему большія центральныя снѣжныя поля высокихъ горъ окружены всегда бахромою твердаго льда, залегающаго въ ущельяхъ и долинахъ: это такъ называемые *горныя ледники*, которые, подвигаясь все ниже и ниже, появляются иногда въ цвѣтущихъ населенныхъ долинахъ. По большей части, однако, горныя льды остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, потому что отъ солнца и теплаго воздуха долинъ края ихъ обтаиваютъ на столько, на сколько ихъ прибудетъ зимою. Ледники эти приносятъ съ собою огромные куски скаль и кучи мелкихъ камней, изъ подъ которыхъ журчатъ тысячи ручьевъ свѣтлой и холодной воды. Эти ручьи, образовавшись отъ таянія льда, стремятся найти себѣ выходъ въ открытыя долины, гдѣ образуютъ большія быстрыя горныя рѣчки; горныя рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ большія рѣки.

Чѣмъ холоднѣе та страна, въ которой находятся такія высокія снѣжныя горы, тѣмъ ниже, конечно, могутъ спускаться льдины, не подвергаясь таянію, а въ полярныхъ странахъ горная льдина можетъ спуститься даже на берегъ моря и въ самое море. Когда капитанъ англійскаго корабля Бу-

хананъ и спутникъ его, въ послѣдствіи погибшій безъ вѣсти въ полярныхъ моряхъ, Сиръ Джонъ Франклинъ, были посланы въ 1818 году найти морскою путь къ сѣверному полюсу, то должны были остановиться у Шпицбергена, потому, что проходъ былъ запертъ огромными ледяными горами, плававшими въ морѣ. Въ это время смѣлые моряки видѣли, какъ страшная масса льда, около 200 сажень въ окружности, сорвалась съ горы и ринулась въ море. Англійскій корабль стоялъ тогда на якорѣ, въ 6-ти верстахъ отъ этого мѣста; но тѣмъ не менѣе его сорвало съ якоря: такъ сильно взволновалось море, разступившееся, чтобъ принять въ себя новаго громаднаго гостя, который цѣлыя столѣтія будетъ плавать по его волнамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что и всѣ ледяныя горы, плавающія въ такомъ множествѣ въ моряхъ, окружающихъ полюсы земнаго шара, произошли такимъ же образомъ. Справедлива ли эта догадка или нѣтъ, вполне убѣдиться трудно; но только эти ледяныя горы плаваютъ тамъ въ огромномъ количествѣ и если имъ случится столкнуться, то это столкновение раздается громче пушечнаго выстрѣла. Понятно, что отважные моряки, которыхъ любопытство заводитъ и въ эти негостепріимныя страны, больше всего боятся, чтобъ ихъ корабли не были затерты страшными ледяными горами, которые имъ не всегда удается разбить выстрѣлами изъ пушекъ. Въ безвѣтренную зиму ледяныя горы смерзаются иногда въ одну громадную гористую страну, въ которую осмѣливается пускаться на собакахъ или на лыжахъ только смѣлый дикарь — охотникъ, да изрѣдка любознательный путешественникъ. Но стоитъ подуть сильному вѣтру — море взволнуется, ледъ начнетъ ломаться съ ужаснымъ трескомъ и страшныя горы снова задвигаются и заходятъ. Только моржъ, тюлень, да бѣлый медвѣдь, эти жители полярныхъ странъ, чувствуютъ себя, какъ дома, въ этомъ хаосѣ природы; человѣкъ же часто платится дорого за свою неустрашимую любознательность. Знаменитый англійскій мореплаватель, Франклинъ, о которомъ мы упомянули, сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ арктическія моря; но, наконецъ, отправившись для открытія морскаго пути мимо сѣвернаго берега Америки, пропалъ безъ вѣсти. Благодарные соотечественники снаряжали нѣсколько морскихъ экспедицій, чтобы найти Франклина или, крайней-мѣрѣ, узнать, что съ нимъ сдѣлалось; и теперь уже окончательно убѣдились, что онъ погибъ со своими спутниками. Въ одну изъ экспедицій для открытія слѣдовъ Франклина удалось узнать, что дѣйствительно есть морскою проходъ мимо сѣверныхъ береговъ Америки; но въ то же время убѣдились, что этотъ проходъ такъ загроможденъ плавающими льдами, что отъ него не можетъ быть никакой пользы ни мореплаванію, ни торговлѣ.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстѣ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ вылѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построеную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемая ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феномень дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимо; а другой едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

ГЕРКУЛАНЪ.

Когда я приѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый какъ страусово перо; ночью, когда море

исчезало подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, вулканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами, и эти мирные вечерніе огоньки внизу; сонный заливъ, и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь — все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвести глаза безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинной цѣпью стлались надъ „кратеромъ“. Неаполитанцы называютъ такъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искіи, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ. Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блестя яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями. виллы, потопленныя въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ; и надъ всемъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатисто фіолетоваго цвѣта. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ неподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колонадами и статуями.

Въ Резинѣ я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина — это собраніе довольно посплыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ городка указали мнѣ на жалкій домишко, и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массами лавы, отвердѣвшей до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный вулканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ: это галлерейя театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда въ нѣдра громады, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый городъ и — застывшій навѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многія изъ нихъ пошатнула, нѣкоторыя уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда вулканическая зола: она дожила въ легкии слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ мо-

гильныхъ урнъ пепель и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ что множество папирусовъ, хлѣбъ, рожь — уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губить, но онъ же и сохраняетъ. Онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два — три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаніи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Рыли колодезь, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрической, значительно расширенный колодезь, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, но все это не долго было пищей законнаго любопытства ученыхъ и туристовъ: опасенія разрушить Резину, заставили правительство снова завалить все подкопы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

НОЧЬ НА ВЕЗУВІИ.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе — сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагаль по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я послѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной какъ эдемъ, охраняемый со всехъ сторонъ горами, которыя принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усѣяны вилами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Все эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, все они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святаго Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодези мгновенно высыхаютъ, земля колеблется какъ море; волкана не видно, но слышенъ ревъ его ирѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, но неотразимо, спускаются къ садамъ и жилищамъ: пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе; листья деревьевъ желтѣютъ, и

огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безопасности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безопасность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губить въ продолженіи немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва—слѣды страшнаго разрушенія; высоко, надъ городомъ—вѣчно дымящійся сосѣдь, ежеминутно грозящій гибелью. Но куда ни поглядишь, — жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горажане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ, какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память открытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факель и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонуть въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма не прытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факель. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или точнѣе на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій

здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана — самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины зіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свѣтомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалялась до-бѣла, и расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ, какъ жаръ, пышашій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленного желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвести глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверху перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его закраины. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны, — но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы волкана остановили меня на пол-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я сватился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ, какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ италянскіей луны, море сверкало, и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе, одинъ за дру-

гимъ постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на восто-
кѣ, за темной стѣной Апеннинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла!
Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіал-
коваго цвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасыва-
ли съ себя ночные покрывала, и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ
утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной стра-
ницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтнй вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя
зыби залива. До меня долеталъ шопоть пробуждавшихся селеній, вмѣстѣ
съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколы-
халъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солн-
це, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по вол-
намъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ
наполнился благоуханіемъ, все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-
то торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее
на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что
сейчасъ зарюсъ въ розовый пухъ, — и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ
туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня ли-
хорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетаая, таяло въ воздухѣ на
первыхъ лучахъ солнца.

Э С К И М О С Ы .

Въ полярныхъ странахъ земнаго шара впродолженіи девяти мѣсяцевъ
въ году, все и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленою; а
впродолженіи трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти, солнце не показывается
ни на минуту и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сія-
ніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однакоже и въ этой не-
гостепрійимной странѣ живутъ люди, тамъ рождаются и остаются всю жизнь,
лѣто и зиму, не подозрѣвая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе
теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ
свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ; но мы займемся только однимъ изъ
этихъ племенъ — эскимосами.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и
Тихаго океановъ, отчасти въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, отчасти
по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь объ берега далѣе шестидесяти
или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того немногочисленное, раздѣ-
лено на множество мелкихъ поколѣній, которыя всѣ носятъ разныя на-
званія.

Съ виду эскимось очень некрасивъ: круглая, несоразмѣрно большая
голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запав-

шій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы, замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый цвѣтъ кожи, вѣчно холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру, — вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще они не занимаются разведеніемъ растений; да это и невозможно въ странѣ, гдѣ десять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они, по необходимости, должны ограничиваться одною *животною* пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также и морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосскаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти оружія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ: вмѣсто ихъ они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными полосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючковъ приготавливаютъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ однако быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолѣваютъ даже царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ необыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только голодъ выгоняетъ ихъ изъ ихъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающія дикаго человѣка отъ образованнаго, доходятъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ, какъ можно болѣе. Особенно любятъ они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сладости и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого пріятнаго впечатлѣнія; но получивъ салныя свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ неразвѣтъ

и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнить, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется впрочемъ тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера; обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимосъ старается съѣсть ея какъ можно болѣе, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣсть такое количество смердящаго жира, какого, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны: не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много — изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на копну сѣна, оставляя небольшое отверстіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ также изъ снѣгу нѣчто въ родѣ сѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверинкахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому что снѣгъ *дурной проводникъ тепла*; но можно себѣ представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Впродолженіи зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимоскія деревни таютъ быстро, и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна; а потому они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, шивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ, одну, вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую — наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капюшономъ, надѣваемымъ на голову, оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ; только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самоѣдамъ. Однакоже это *фактъ*, подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ,

которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружія, сдѣланныя изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди, и слѣдовательно вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ дикаго состоянія и достигли высокой степени образованности; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не мечталъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христіанами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ, образованными людьми. Все это современемъ расскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ ее изучать.

САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бородачкой, плохо выросшей, а сверху — черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку — пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!...

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образецъ самоѣдскаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ нашихъ олешки, понутивъ головки; опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночницѣ*; два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, черную: одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто и опять начинаетъ стучать копытами,

смѣняя одно другимъ, и стучить долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгають въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ конны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы — цѣль нашей поѣздки. Входимъ въ ближайшій, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горячіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода, дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе наверху и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя подняться на ноги. Садись на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленные, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежитъ *инькѣ*, можетъ быть женѣ хозяина чума, другое — ему самому, потому что всѣ остальные молодежки, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ нять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно, и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ по тому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты вороты и видны голыя смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и шиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою; ребяташки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое; одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ; закоптѣлыя и значительно подержанныя оленьи постели лежатъ на шестахъ, сближающихся къ верхнему отверстию. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ за тѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпнеть глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять все старыя виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ въ дыму и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть *песцевина* (мясо песца), можетъ быть *лисицевина*, или, наконецъ, даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростника ерки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потушилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ, мать-самоѣдка и ребятѣнки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадаетъ самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ.

— Олешка мохъ съѣлъ.... велитъ дальше!....

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другаго, третьяго.... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три хохлатыхъ собаченки продолжаютъ обѣгать съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много, наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ, санки стоятъ уже на готовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются за тѣмъ нюки, подиючья (тѣ же олени шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертые садятся ребятѣнки, по одному и по два, на шестые мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмые бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурунувшихъ, на восьмые, передніе, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и — *армиш* готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитую и такую же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. На новомъ мѣстѣ, верстѣ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста. Самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, но-

выя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ появленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть — и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней уже готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направленію къ Чугучаку и Кульжѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошъ-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песка. Зимой въ Семипалатинскѣ очень холодно и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно, — вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ *зимовью* султана. Десятокъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря потому, принадлежали ль онѣ слугамъ или женамъ султана, и посрединѣ маленькій, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитой сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ незадолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было быстро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго приема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ хотя нѣсколько слово „кибитка“: это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запономъ вмѣсто двери, съ отверзтіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполь поддерживаютъ жерди, прикрѣпленныя петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веретками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ — и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣялами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.

Мало по малу собирались къ нимъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли вдали обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башемъ Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода; тутъ же были базарчи — киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути; наконецъ условились, какъ хотѣлось караванъ-башу: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть должна была впоследствии отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ путеводаителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хотя бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аяуты, отъ береговъ Каспійскихъ — на Иртышъ; все служить ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ въ случаѣ нужды коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды; воду киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности, а нѣтъ — онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшій привычкой непрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физи-

ческомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами „чокъ, чокъ“ или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость вьюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки; но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ, за нѣсколько минутъ до того, кипѣла цѣлая движущаяся община, съ ея желаніями, страстями и пороками.

ЮЖНО-РУССКАЯ СТЕПЬ.

Степь уже давно приняла Тараса Вульбу, двухъ его сыновей и 10-ть человекъ козаковъ въ свои зеленія объятія и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки однѣ мелькали между колосьями!

„Э, э, э! Что же это вы, хлопцы, такъ притихли?“, сказалъ наконецъ Вульба, очнувшись отъ своей задумчивости: „какъ будто какіе нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птицы не угнались за нами“.

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть: одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ, теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у козаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда (въ половинѣ XVII столѣтія) весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только бони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше этихъ степей. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы

сквозили голубья, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гуцѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальномъ озерѣ. Изъ травы поднималась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха; вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!...

Наши путешественники остановились только на нѣсколько минутъ для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, состоявшій изъ десяти козакъ, слѣзаль съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горелкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ъли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому-что Тарасъ-Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускали амбру, и вся степь курилась благовоиємъ. По небу изъ-голуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебеди и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлеги, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился въ воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, путивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто нибудь изъ

нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ пылало дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшася по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: „смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!“ Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человекъ. „А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте; у него конь быстрѣ моего чорта“. Однакожь Вульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ нибудь скрывавшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою и впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, продолжали путь. Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ заохлодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдаль, и темною полосой отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами, и разстилался ближе, ближе и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались по самой землѣ, не всрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и черезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда сѣчь, такъ часто прѣремѣнявшая свое жилище. Куча народу бранилась на берегу съ перевозчиками. Казаки оправили коней; Тарасъ присанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ.

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ прекрасныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни; — кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чисто-

тѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ; — тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голладцевъ поближе и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая страна, эти прекрасные города, эти миленькія, блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка, — созданы на землѣ отнятой большею частію у морскихъ волнъ. Но войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подумать, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взглянувъ на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, что разодѣтая барыня не запачкаетъ краевъ своего, платья — не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю изъ болота, въ которомъ плодились только жабы да лягушки; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голландца, рукъ, вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается: взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и видѣнъ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлятъ повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ: но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, расчетанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его своротить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платьѣ, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою: онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая не облагороживала бы человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелого труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, безпорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ СЪ МОРЯ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шель-себѣ да шель впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось

море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мѣрѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и взмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ cadaго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль *) и на семдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья сорокъ пять съ половиною миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Ни одному изъ кораблей, доходящихъ до Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся можетъ быть въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами мачтъ и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзэндъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій видѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушевку.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили: но тутъ и берега и рѣки начали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на вѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостокъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудями каменнаго угля и рыбацьи челноки съ крашеными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все куталась въ туманъ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ, и разстилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ;

*) Англійская миля — верста и три четверти.

къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пиль.

Почти на протяженіи цѣлой мили, тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачныя навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромныя остова и ребра кораблей; но ни людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжелой работы нельзя было разглядѣть, и тѣмъ грознѣе казался безустанный и немолчный грохотъ этого невидимаго движенія. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокыхъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затмѣніи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволь, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вест-индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и, поворачивая дальше вправо на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналами и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своею суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто omnibusовъ, каретъ и саней, тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога сѣззилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ — легіонъ, хотя, можетъ быть, только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальные пристають въ докахъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Дома, или лучше сказать, черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ, то и дѣло осторожно входили или пароходъ, или парусное судно.

Оставайся всё они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣль собственно-морской жизни. За его сводами видны вдаль своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ, третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всё кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь, не проѣдешь. Тихо движутся по срединѣ громадныя возы, чудовищныя омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣнье выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытаннаго одиночества.

І Е Р У С А Л И М Ъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудей. Взвѣхавъ на горы, мы скоро поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунгъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо, и конечно не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!“

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоиѣ розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути, мы въѣхали въ узкій дефилей, самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли и я сгорялъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться дичѣе и обнаженнѣе; но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосами мховъ, пріятно отбѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпре-

станномъ ожиданіи открытъ Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня; — я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ проходной арабъ, — и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!* — Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ: я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту, — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ поводъ лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также повернулись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ, и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земнаго шара, мы спускались уже пѣше по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся; — это меня испугало; — я убоился, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ — и поспѣшилъ въ лоно святаго города, вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленные Виолеемскія или Яфскія ворота, и очень скоро сошли у дверей патриаршей обители. Это было марта 31 числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ среди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стереомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при-входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавши ноги, Турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы; — мое сердце сжалось грустію. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами, — это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. „Господи!“ сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: „страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стере-

гуть святилища твои!“ Но христіане не должны смущаться, что такія великія святины находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать, — и какъ выразить восторгъ, умиленіе, горестъ христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя, и наконецъ на Голгоѣ, у отверзтія, гдѣ стоялъ крестъ, у разсѣлины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только-что помость храма былъ весь закрытъ народомъ, но — все придѣлы, все хоры, все галлерей и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всехъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всехъ частей свѣта, — поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и беспокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ни чѣмъ не развлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ вай вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единоверцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, съвозъ царскія двери, прямо ко гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шель мусульманскій привратникъ храма, и съ крикомъ разгонялъ бичомъ напирющую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ!

К І Е В Ъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купѣль!
Громко пѣсни раздался,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:

«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на пок онъ?»
— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей.»
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой — теплый берегъ
Евксина!»
— «Край мой — берегъ тѣхъ даль-
нихъ странъ,

Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.»
— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ;
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна старый Псковъ.»
— «Я отъ Ладоги холодной, —
«Я отъ синихъ волнъ Невы.»
— «Я отъ Камы многоводной.»

«Я отъ матушки Москвы.»
Слава, Днѣпръ — сѣдья волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былие,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ!

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь нестрѣбешь ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развить,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;
Глазъ не схватить улицъ длинныхъ...
Это—матушка Москва.
Кто, силачь, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля—богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!..
Прощѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ стою надъ снѣгами у края стремнины: орель, съ отдаленной поднявшись вершины, паритъ неподвижно со мной паравнѣ. Отселѣ я вижу потоковъ рожденъе и первое грозныхъ обваловъ движенъе.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной; сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады, подъ ними утесовъ нагія громады; тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой; а тамъ уже рощи, зеленныя сѣни, гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ, и ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ, и пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ, гдѣ мчитъ Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ, и нищій наѣздникъ таится въ ущельи,

гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи; играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой, завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной, и бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной и лижетъ утесы голодной волной... Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады: тѣснить его грозно нѣмыя громады.

Ф И Н Л Я Н Д І Я .

Суровый край; его красамъ, пугаяся, дивятся взоры: на горы каменные тамъ поверглись каменные горы. Синѣя, всходятъ до небесъ ихъ своенравныя громады; на нихъ шумитъ сосновый лѣсъ, съ нихъ бурно льются водопады. Тамъ холмъ очей не веселитъ; онъ лавой каменной облитъ. Главу одѣвши въ мохъ печальный, огромнымъ сторожемъ стоитъ на немъ гранитъ пирамидальный. По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ; пришлецъ исполненъ смутной думы: не міра ль давняго лежатъ предъ нимъ развалины угрюмы?

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ .

На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ, и вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко рѣка неслася; бѣдный чолнъ по ней стремился одиноко. По мшистымъ, тонкимъ берегамъ чернѣли избы здѣсь и тамъ, пріютъ убогаго Чухонца; и лѣсъ, невѣдомый лучамъ, въ туманѣ спрятаннаго солнца, кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ: „Отсель грозить мы будемъ Шведамъ; здѣсь будетъ городъ заложенъ, на зло надменному сосѣду; природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно, ногою твердой стать при морѣ; сюда, по новымъ имъ волнамъ, всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ — и запируемъ на просторѣ.“

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ, полночныхъ странъ краса и диво — изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи бласть вознесся пышно, горделиво: гдѣ прежде Финскій рыболовъ, печальный пасынокъ природы, одинъ у низкихъ береговъ бросалъ въ невѣдомыя воды свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ, по оживленнымъ берегамъ, громады стройныя тѣсняются дворцовъ и башенъ; корабли толпой со всѣхъ концовъ земли къ богатымъ пристанямъ стремятся; въ гранитъ одѣлася Нева; мосты повисели надъ водами; темнозелеными садами ея покрылись острова, — и передъ младшею столицей главой склонилася Москва, какъ передъ новою царицей порфиноносная вдова. Люблю тебя, Петра творенье; люблю твой строгій, стройный видъ, Невы державное течение, береговой ея гранитъ; твоихъ оградъ узоръ чугунный, твоихъ задумчивыхъ ночей прозрачный сумракъ, блескъ безлунный, когда я въ комнатѣ моей пишу, читаю безъ лампады, и ясны спящія громады пустынныхъ улицъ, и свѣтла адмиралтейская игла. И, не пуская тьму ночную на золо-

тыя небеса, одна заря смѣнить другую спѣшить, давъ ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ, бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой, дѣвичьи лица ярче розъ. Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразную красоту, въ ихъ стройно-зыблемомъ строю лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ, сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, насквозь прострѣленныхъ въ бою. Люблю, военная столица, твоей твердыни дымъ и громъ, когда полнощная Царица даруетъ сына въ Царскій домъ, или побѣду надъ врагомъ Россіи снова торжествуетъ, или, взломавъ свой синій ледъ, Нева къ морямъ его несетъ и, чуя вешни дни, ликуеть.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой непоколебимо, какъ Россія! да умирится же съ тобой и побѣжденная стихія. Вражду и плѣнь старинный свой пусть волны Финскія забудутъ, и тщетной злобою не будутъ тревожить вѣчный сонъ Петра!

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ.

(ПИСЬМА КЪ ПРІЯТЕЛЮ).

1-е письмо.

(Отъ Петербурга до Твери).

Прощаясь съ тобою на Петербургской станціи, я далъ тебѣ слово описать свое путешествіе по Волгѣ. “Недавши слова крѣпись, а давши держись”: въ слѣдствіе этой пословицы, я опишу тебѣ хотя нѣсколько тѣ впечатленія, которыя сдѣлала на меня эта великая рѣка; но если бы я захотѣлъ разказать тебѣ все, что видѣлъ, проѣхавши отъ Твери до Нижняго-Новгорода, то долженъ былъ бы написать цѣлую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровозъ быстро унесъ насъ изъ туманнаго и сыраго Петербурга. Болота, прорывающіяся лужами, жалкіе, жиденькіе еловые лѣски, напоминающіе щетинистую бороду худо выбритаго человѣка, форменныя будки сторожей, — словомъ, окрестности Петербурга быстро мелькали передо мною въ окошкѣ вагона. Какою печальною представляется мнѣ вся эта низменная и бѣдная страна послѣ прекрасныхъ береговъ Волги! Окрестности сѣверной столицы и такъ не очень пышны, а московская желѣзная дорога, какъ нарочно, летитъ стрѣлою по самымъ непріятнымъ пустырямъ.

Чѣмъ далѣе уѣзжали мы отъ Петербурга, тѣмъ болѣе оживлялась мѣстность: становилась холмистѣе, зеленѣе; лѣса дѣлались гуще и разнообразнѣе; дуга и поля суше и цвѣтистѣе; деревни болѣе похожи на добровольныя поселенія людей, чѣмъ тѣ вытянутые въ струнку ряды домовъ, которые выдають за села и деревни въ окрестностяхъ Петербурга; въ воз-

духъ было замѣтно болѣе свѣта и тепла и менѣе той зубатой сырости, которая гложетъ въ Петербургѣ гранитъ и чугуны, а не только уже прохватываетъ до костей бѣднаго человѣка.

Новгородская губернія, въ которую мы въѣхали изъ петербургской, также не очень прелекательна, но все немного повеселѣе. Когда нашъ поѣздъ готовился переѣзжать мутный Волховъ, по великолѣпному мосту, будто висящему въ воздухѣ, я выйдя на платформу небольшой станціи, въ первый разъ полюбовался окрестностью. По обѣимъ сторонамъ моста—бездна воды; у пристани дымился пароходъ, на который поспѣшали пассажиры, желавшіе подняться вверхъ по Волхову до великаго Новагорода, который, какъ говорятъ, теперь очень не великій и очень обыкновенный губернский городъ, хотя и стоитъ по прежнему не вдалекѣ отъ истока Волхова изъ озера Ильменя. Съ другой стороны моста видно было множество барокъ, которыя отправляются внизъ къ Ладогѣ, съ тѣмъ—чтобы оттуда по Ладожскому каналу, мимо южныхъ береговъ бурнаго и каменистаго Ладожскаго озера, у Шлиссельбурга, войти въ Неву и прибыть къ вамъ въ Питеръ. Это уже волжскіе гостинцы Петербургу. Когда мы отправились, я спросилъ у одного ладожанина, который ѣхалъ съ нами въ Тверь: есть ли какіе нибудь слѣды пребыванія Рюрика въ Ладогѣ, оставшіеся съ тѣхъ поръ, когда этотъ князь, призванный новгородцами, поселился тамъ, чтобы запереть другимъ смѣлымъ варягамъ, приходящимъ на судахъ съ Балтійскаго моря, Невы и Ладожскаго озера, входъ въ устье Волхова—эти ворота въ Новгородскую область.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже тысяча лѣтъ, отвѣчалъ мнѣ ладожанинъ: могло ли же что нибудь сохраниться? Большихъ построекъ тогда не дѣлали, а защищали страну болѣе грудью. Не доѣзжая до Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова, есть, правда, остатки валовъ и каменныхъ стѣнъ крѣпости; но эта крѣпость строилась позже для защиты отъ шведовъ, приходившихъ тѣмъ же путемъ грабить богатый Новгородъ. Эти грабежи продолжались бы долго, еслибъ Петръ Великій не завоевалъ сначала Орѣшка, нынѣшняго Шлиссельбурга, а потомъ не завладѣлъ бы устьемъ Невы и не выстроилъ кронштатской крѣпости, около которой напрасно еще недавно разгудивалъ англо-французскій флотъ. Да, Кронштатъ важная крѣпость! За ея пушками, мы плаваемъ и торгуемъ здѣсь спокойно. Но не такъ было прежде, и въ воды Волхова много пролито крови, а по берегамъ его много могилныхъ холмовъ, показывающихъ, что здѣсь не разъ отстаивали Новгородцы свой вольный городъ.

Подъѣзжая къ Валдаю и за Валдаемъ мѣстность становится очень холмиста; но эти отлогія Валдайскія горы, покрытыя лѣсами и болотами, мало похожи на горы, однакоже порядочно затрудняютъ поѣздъ. Желѣзная доро-

га то подымается на отлогіе бока холмовъ, то спускается съ нихъ; гдѣже подъемъ или спускъ сколько нибудь круты, тамъ сдѣланы часто огромныя насыпи, соединяющія два холма: иногда дорога прорѣзываетъ холмы, и тогда зеленые валы стоятъ, какъ крѣпостныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ летящаго вагона. Какъ хороши иные мосты, смѣло висящіе въ воздухѣ! Взглянешь въ низъ—голова закружится! Далеко внизу, подъ мостомъ, протекаетъ рѣка, по которой тянутся барки, каналы, шлюзы, на берегу деревни, лѣски, — и все такъ миньютюрно, что кажется хорошенькою игрушкою. Хотѣлось бы мнѣ оттуда, снизу, взглянуть на нашъ паровозъ и цѣлый рядъ вагоновъ, несущихся высоко надъ головою.

Какихъ страшныхъ трудовъ и издержекъ стоило провести въ этомъ мѣстѣ желѣзную дорогу; но не потому, чтобы горы Валдайскія были слишкомъ высоки — это ли горы? — но потому, что здѣсь неисчислимое множество болотъ, лежащихъ даже по вершинамъ горъ, и такихъ глубокихъ, что у иныхъ и дна не достали. Говорятъ, что когда нужно было на нѣкоторыхъ болотахъ дѣлать насыпь, то вбивали огромнѣйшія сваи одна за другою и онѣ, входя въ болото, пропадали, а потомъ черезъ нѣсколько времени выплывали гдѣ нибудь на озерѣ, версты за три. Это объясняется тѣмъ, что многія изъ здѣшнихъ болотъ — ни что иное, какъ озера, только сверху заросшія тонкимъ слоемъ торфа, образовавшагося изъ гниющихъ растений, и мхомъ. Водное богатство этой страны неизмѣримо. Да и можетъ ли быть иначе, когда она питаетъ три такія рѣки, какъ Волга, Днѣпръ и Западная Двина и безчисленное множество мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ. Всѣ эти три громадныя рѣки берутъ свое начало почти въ одномъ мѣстѣ: на холмистыхъ возвышеніяхъ, помѣщающихся въ самомъ центрѣ Европейской Россіи и покрытыхъ лѣсами, болотами и озерами. Говорятъ, что индѣйцы поклоняются источникамъ Ганга, вытекающаго изъ высокихъ ледниковъ Гималая: если-бы русскіе, будучи язычниками, знали хорошо географію своей страны и причины ея воднаго богатства, то вѣроятно поклонялись бы болотамъ нынѣшней Тверской и Новгородской губерніи. Эти болота поятъ безчисленныя рѣки Россіи, а эти рѣки поятъ, кормятъ и одѣваютъ десятки милліоновъ русскихъ людей.

Городовъ я почти не видалъ при проѣздѣ по желѣзной дорогѣ, потому что она почти не проходитъ черезъ города. О близости Торжка я узналъ только по вышитымъ золотымъ башмакамъ, которые мнѣ навязывали на станціи; о близости Валдая — по малиновому звону колокольчиковъ, вынесенныхъ на продажу, да по связкамъ баранокъ. Одинъ Вышній Волочокъ успѣлъ я рассмотретьъ лучше: это хорошенькій, дѣятельный городокъ, обязанный своею богатую торговлею тому, что онъ стоитъ на перекресткѣ двухъ важнѣйшихъ дорогъ: московской желѣзной, или чугулки, какъ ее

здѣсь называютъ, и воднаго *Вышневолоцкаго* пути, главнѣйшаго изъ трехъ водныхъ путей, связывающихъ Волгу съ Невоею и, слѣдовательно, съ Балтійскимъ моремъ.

Рано утромъ мы пріѣхали въ Тверь, и городской извозчикъ перевезъ меня въ городъ, отстоящій довольно далеко отъ станціи желѣзной дороги, въ гостиницу, стоящую на берегу Волги. Съ большимъ нетерпѣніемъ побѣждалъ я взглянуть на царицу европейскихъ рѣкъ, которая на 1070 верстѣ длиннѣе Рейна и на 630 вер. длиннѣе Дуная, — пришелъ на набережную и увидаль очень неширокую и очень не полноводную рѣку, второе уже и бѣднѣе водою нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не болѣе 100 сажень. Тверь — чистенькій городокъ, а множество очень старинныхъ церквей и монастырей говорятъ краснорѣчиво о древности бывшей столицы Великаго Княжества Тверскаго, соперничествовавшей когда то съ Великимъ Новгородомъ. Но и Новгородъ и Тверь должны были пасть передъ юною, а теперь уже очень древнею Москвою; Москва же въ свою очередь склонилось передъ молодымъ, щеголеватымъ Петербургомъ.

Множество тяжело—нагруженныхъ барокъ и 5—6 пароходовъ стояли у пристани. Мнѣ сказали, что готовится цѣлый *караванъ* барокъ для отправления въ Петербургъ по *Вышневолоцкой системѣ* рѣкъ и каналовъ. Но я, къ стыду моему, не замѣтилъ даже Тверцы, которая впадаетъ въ Волгу у самой Твери и вверхъ по которой идутъ барки до *Вышневолоцкаго* канала, соединяющаго Тверцу съ рѣкою Мстою, впадающею въ Ильмень: такъ боялся я опоздать на пароходъ, уже неистово свистѣвшій внизу, подъ крутую лѣстницу, ведущую съ высокой, красивой набережной. Черезъ полчаса пароходъ нашъ уже отчалилъ и понесся, — нельзя сказать чтобы очень быстро, внизъ по рѣкѣ — „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Пассажировъ было много; они не успѣли, еще уѣсться, суетились, возились съ вещами. Я стоялъ у периль и смотрѣлъ на знаменитую Волгу. Признаюсь, что послѣ Невы она казалась мнѣ очень узкой и бѣдноводною рѣкою, на которой съ трудомъ развѣзжались безпрестанно встрѣчающіеся пароходы и барки; бородатый помощникъ еще болѣе бородатаго лоцмана, сидя на носу, безпрестанно мѣрялъ шестомъ глубину, и глубина оказывалась незначительная. Волга не только не широка но и не глубока; на ней множество мелей, на которыя попасть неприятно. Волжскіе лоцманы, провожающіе суда и пароходы по Волгѣ, должны быть люди очень опытные и зоркіе, должны хорошо знать *фарватеръ* Волги, и быть насторожѣ каждую минуту, чтобы избѣгнуть счастливо безчисленнаго числа скрывающихся подъ водою мелей, которыя къ тому жъ, послѣ весеннихъ разливовъ, несущихъ песокъ, иль и карчи, очень часто мѣняютъ свое мѣсто, и появляются тамъ, гдѣ ихъ еще въ прошломъ году не было.

На пароходѣ я встрѣтился съ знакомымъ мнѣ почтеннымъ старикомъ, купцомъ, барки котораго ежегодно совершаютъ путешествіе отъ Саратова и Нижняго до Петербурга и который приходитъ въ восторгъ при одномъ имени Волги, можетъ быть потому, что она выстроила ему въ Петербургѣ три громадныя каменные дома.

— Не широка же ваша хваленая Волга, сказалъ я купцу, съ намѣреніемъ вызвать его на бесѣду.

— Вы бы заѣхали еще повыше, къ самому Иордану, сказалъ онъ съ маленькой досадой: тамъ можно пожалуй и перешагнуть черезъ Волгу.

— Что эта за Иорданъ? спросилъ я: конечно, это не знаменитая рѣка Палестины?

— Иорданомъ называется, отвѣчалъ мнѣ купецъ, родникъ, обдѣланный въ колодезь, изъ котораго беретъ начало свое Волга. Этотъ колодезь находится въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, при деревнѣ, которую и зовутъ *Воло*. Тамъ Волга маленькій ручеекъ — и только; но чрезъ нѣсколько же верстъ, благодаря множеству впадающихъ въ нее ручейковъ, обилію болотъ и множеству большихъ и малыхъ озеръ, которыя она протекаетъ, Волга становится очень порядочною рѣкою. Особенно много воды даетъ Волгѣ озеро Селигеръ, изъ котораго, подъ Осташковымъ, вытекаетъ небольшая рѣчка Селижаровка, впадающая въ Волгу. Здѣсь ужъ Волга и въ *мѣженное время* имѣетъ сажень 20 въ ширину. Когда же вольются въ Волгу Вазуза съ Гжатью, тогда она становится порядочною *судоходной* рѣкою, по которой ходятъ довольно большія барки.

— Какія все странныя названія! замѣтилъ я: Селигеръ, Селижаровка, Вазуза, Волго, все это, кажется, не русскія слова.

— Должно быть, не русскія, а чухонскія, или поученому финскія; финновъ и теперь можно еще найти въ Тверской губерніи, а прежде они занимали всю эту лѣсную и болотистую мѣстность, въ которой находятся верховья Волги, Западной Двины и Днѣпра.

— Куда же они потомъ дѣлись?

— Должно быть обрусѣли, т. е. позабыли свой языкъ, приняли православную вѣру и русскіе обычаи, такъ что ихъ теперь и не отличишь отъ русскихъ. А вы Волги прежде времени не хулите; я послушаю, что вы скажете о ней дня черезъ три, прибавилъ старикъ и принялся за чай, который подали намъ на палубу.

Однакоже письмо мое вышло неприлично-длинно; а я еще только начинаю путешествовать: прощай, до будущаго письма.

Письмо 2-е.

(Отъ Твери до Нижняго.)

Отъ Твери до Рыбинска я видѣлъ мало замѣчательнаго. Берега Волги, впрочемъ, довольно красивы и холмы появляются то на правой, то на лѣвой ея сторонѣ. Прибрѣжныя села велики и красивы, во многихъ старинныя каменные церкви. По всему видно, что здѣсь давно живутъ люди и живутъ недурно, благодаря кормилицѣ Волгѣ. Одно изъ этихъ селъ, Кимры, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ и вокругъ его, верстъ на 60, живутъ все сапожники, произведеніями которыхъ набиты наши гостинные дворы. Говорятъ, что въ двѣнадцатомъ году кимряне успѣвали снабжать обувью всю нашу армію. И въ другихъ селахъ, почти въ каждомъ, есть свой особенный промыселъ, переходящій наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Но города Корчева и Колязинъ не замѣчательны. На колязинской площади, огромномъ пустырьѣ, скудно обставленномъ плохими домиками, меня чуть не разорвали собаки; странно даже подумать, что это приволжскіе города. Но за то Угличъ, первый городъ Ярославской губерніи, очень меня заинтересовалъ: онъ стоитъ на высокомъ, довольно живописномъ берегу и множество очень старинныхъ церквей даютъ ему оригинальный видъ. Пока пароходъ нашъ запасался дровами, а пассажиры различной провизіей — кто рыбой, кто хлѣбомъ, молокомъ, ягодами, всѣмъ, что продавалось тутъ же у пристани — мы съ братомъ успѣли посмотрѣть дворецъ несчастнаго Дмитрія Царевича. Это очень небольшой и ветхій каменный двухъ-этажный домикъ, въ верхнемъ этажѣ котораго всего одна комната, обращенная теперь въ церковь. Передъ домикомъ площадка и, стоя на ней, я невольно вспомнилъ прекрасное описаніе страшнаго дѣла, изъ разсказа почтеннаго старца Пимена въ Пушкинской драмѣ, „Борисъ Годуновъ.“ Помнишь, какъ Пименъ разсказываетъ будущему самозванцу это страшное событіе, имѣвшее такое вліяніе на судьбу Россіи.

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришоль я въ ночь. На утро въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ, ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ; бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу тудажъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица — мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
Кормилица въ отчаяніи рыдаетъ;
А тутъ народъ, остервенясь, волочить

Безбожную предательницу-мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень
Является Иуда Битяговскій:
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтесь,“ народъ имъ завопилъ:
И — въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса!

Отъ Углича до самой Мологи Волга течетъ почти прямо на сѣверъ; а у Мологи круто поворачиваетъ къ юго-востоку. Этотъ большой изгибъ Волги къ сѣверу очень важенъ для торговли, потому что въ этомъ изгибѣ впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны двѣ большія рѣки, Молога и Шексна, изъ которыхъ первая соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ, а вторая съ Балтійскимъ и Бѣлымъ. Смотря на этотъ изгибъ, кажется, что Волгѣ какъ будто хотѣлось проложить себѣ путь на сѣверъ, но она встрѣтила лѣсистые холмы, называемые *увалами*, идущіе отъ Уральскихъ горъ, и поворотила къ юго-востоку.

Мы пріѣхали въ Мологу очень поздно вечеромъ; пароходъ оставался у пристани недолго, и я не успѣлъ побывать въ городѣ. Издали Молога мнѣ понравилась: она стоитъ на довольно высокомъ мысу, который образуется здѣсь сліяніемъ Мологи и Волги. Устье Мологи все было заставлено судами и плотами. Нѣкоторыя изъ судовъ были нагружены и, казалось, готовились идти вверхъ по Мологѣ; другія, тоже нагруженные, отправлялись повидимому на Волгу; третьи были еще пусты: это новыя суда, сдѣланныя гдѣ нибудь въ верховьяхъ Мологи, протекающей въ очень лѣсистой сторонѣ. Нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и озеръ и, наконецъ, *Тихвинскій каналъ* соединяютъ Мологу съ Тихвинкой, которая впадаетъ въ Сясь. По теченію Сяси суда идутъ до Ладожскаго озера; но не входятъ въ это бурное и каменистое озеро, а отправляются по обводному каналу до Новой Ладоги, гдѣ входятъ въ Ладожскій каналъ.

По имени главнаго канала и весь этотъ водный путь называется *Тихвинскимъ*. По Тихвинской системѣ ходятъ только небольшія суда, но она имѣетъ то преимущество передъ Вышневолоцкою, что по ней суда могутъ ходить не только изъ Волги въ Неву, но и обратно, изъ Невы въ Волгу. Вотъ почему по Тихвинской системѣ каналовъ и рѣкъ приходятъ на Волгу и доставляются въ южныя губерніи и въ Астрахань всѣ заграничныя то-

вары, виноградныя вина, фрукты, кофе, издѣлія заграничныхъ фабрикъ и проч.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы отъѣхали отъ Мологи, и я заснулъ въ каютѣ. Но скоро разбудилъ меня страшный шумъ надъ головою: на палубѣ бѣгали, суетились и до меня долетали какіе-то неистовые крики: „направо! держи лѣвѣй! куда-тѣ несетъ, окаянный? али ослѣпъ, что-ли! бока проломишь! куды прешь, лѣшій, на якорь наѣхаль!“ Эти грубые крики раздавались со всѣхъ сторонъ. „Экъ, плоты-то растянули,“ кричалъ нашъ капитанъ: „посторонись, берегись!“ ревъль онъ въ рупоръ. Спать не было никакой возможности. Я вышелъ на палубу и остановился въ изумленіи: парходъ, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди безсчетнаго множества плотовъ и барокъ, составлявшихъ почти одну сплошную массу во всю ширину рѣки. Лѣтняя ночь была тепла, но очень темна, не то что у васъ въ Петербургѣ, гдѣ въ это время ночи почти совершенно нѣтъ. Тысячи огоньковъ горѣли на обоихъ берегахъ; разноцвѣтные фонари сверкали на верху парходовъ; безчисленныя барки казались въ темнотѣ громадами, на нихъ кое-гдѣ шевелились люди; по рѣкѣ разносились громко голоса перебранивающихся рабочихъ, которые особенно сердились на нашъ парходъ, *затесавшійся промежъ барокъ* такъ поздно. Мы были въ Рыбинскѣ; но я не видалъ еще города, а только огоньки въ окнахъ его домовъ, сверкавшіе въ темнотѣ, на высокомъ, правомъ берегу Волги.

Я проснулся очень рано и тотъ часъ же пошелъ въ городъ. Богатые каменные дома, тянувшіеся стройнымъ рядомъ по высокому берегу, прекрасная устланная камнемъ набережная съ хорошенькими перилами, отличный тротуаръ вдоль набережной — все показывало, что жители Рыбинска люди не бѣдные. Городъ еще спалъ; только въ открытыхъ окнахъ трактировъ половые постукивали чашками. Съ высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный видъ на широкую рѣку, на безчисленныя суда, на противоположный берегъ, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и суда располагаются у берега правильными отдѣленіями, смотря по тому, съ какимъ они грузомъ и куда идутъ: плывутъ ли внизъ по Волгѣ, поднимаются ли вверхъ до Твери, съ тѣмъ, чтобъ по Тверцѣ пробраться дальше къ Вышнему Волочку, къ Мологѣ ли, имѣя въ виду Тихвинскую систему, или войдутъ тутъ же, у Рыбинска, въ Шексню и по *Маринской системѣ* рѣкъ и каналовъ отправятся до общей цѣли всѣхъ стремленій — петербургскаго порта. Въ Рыбинскѣ происходитъ главная перегрузка товаровъ съ большихъ судовъ на малыя; потому-что большія волжскія суда, приѣдъ къ Рыбинску съ низовья — изъ Нижняго, Казани, Саратова, Астрахани, — не могутъ идти

дальше вверх по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ. Многія изъ этихъ судовъ доставлены въ Рыбинскъ пароходами на буксирѣ, но большая часть — бурлаками съ помощію лошадей. Бурлаковъ и всякаго рода рабочихъ людей, приходящихъ въ Рыбинскъ для выгрузки и перегрузки товаровъ, собирается лѣтомъ такое множество, что въ небольшомъ городкѣ, въ которомъ постоянныхъ жителей не болѣе 6000 душъ, бываетъ въ иную пору, лѣтомъ, до 100,000 человекъ. Конечно, городъ не могъ-бы вмѣстить и половины этого числа; но эти лѣтніе гости не прихотливы, и располагаются на баркахъ и плотахъ; а барокъ достаточное количество: иногда болѣе 2000 собирается ихъ въ одно время у Рыбинскихъ пристаней! Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ до 230 сажень, покрывается почти сплошною массою судовъ, такъ что для проѣзда по ней остается весьма немного мѣста. А какъ разнообразны эти суда! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой, изящной *бѣлозеркѣ*, съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой; тамъ торчитъ безобразный *шитикъ* съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде шивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики; на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ, длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но нѣтъ барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную роль играютъ топоръ да ножъ, — изрѣдка развѣ долото.

Между судами, наиболѣе употребительными на верхней Волгѣ и по ея притокамъ въ этихъ частяхъ, а также и по каналамъ, первое мѣсто занимаютъ такъ называемыя *барки* и *полубарки*: первыя имѣютъ отъ 17 до 18 сажень въ длину, и поднимаютъ до 7000 пудовъ груза; полубарки немного менѣе, и поднимаютъ не болѣе 5000 пудовъ. Вообще должно замѣтить, что суда, плавающія по Волгѣ и ея притокамъ, очень разнообразны, и знатоки насчитываютъ ихъ до 40 родовъ. Почти каждая значительная рѣка и каждая система воднаго сообщенія имѣетъ исключительно ей принадлежащія суда; но нуженъ опытный глазъ, чтобы различать эти мокшаны, тихвинки, соминки, коломенки, бѣлозерки и т. д. Всѣ почти барки строятся по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу съ лѣвой стороны и текущихъ съ лѣсистыхъ отроговъ Урала. На одной Шекснѣ выстраивается въ годъ до 2000 барокъ. Многія мелкія барки, доставивъ товаръ на мѣсто, не возвращаются назадъ, а идутъ на дрова или легкія постройки; но большія суда берегутъ, потому что постройка ихъ обходится дорого.

Яростный свистокъ парохода увѣдомилъ меня, что я слишкомъ долго расхаживалъ по рыбинской набережной. На палубѣ знакомый мнѣ купецъ,

умывшись, расчесавъ съдую голову и бороду, помолился на рыбинскія церкви и усѣлся за чай. Онъ пригласилъ меня и еще одного своего знакомаго. купца, только что прибывшаго изъ Бѣлозерска, распить вмѣстѣ чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговоръ, интересный для моего знакомаго, потому что барки его, пробравшись на сѣверъ вверхъ по Шекснѣ до Бѣла-озера, тянулись теперь по обводному Бѣлозерскому каналу.

Странно, что всѣ наши сѣверныя озера — Ильмень, Ладожское, Онежское, Бѣло-озеро — бурны, каменисты и неудобны для плаванія, что заставило устроить вдоль ихъ береговъ громадныя *обводные каналы*. Бѣло-озеро получило даже свое названіе отъ бѣлыхъ пѣнистыхъ волнъ, которыми оно часто покрывается. Изъ Бѣлозерскаго канала суда идутъ вверхъ по рѣкѣ Ковжѣ, впадающей въ Бѣло-озеро; а изъ Ковжи, Маринскимъ каналомъ, входятъ въ р. Вытегру, которая впадаетъ въ Онежское озеро. Изъ Шексны можно проѣхать водою и въ Бѣлое море, если, не доѣзжая до Бѣла-озера, поворотить направо и, посредствомъ Александровскаго канала и небольшой рѣчки Порозовицы, вѣѣхать въ Кубенское озеро. Изъ Кубенскаго озера выходитъ р. Сухона, главный притокъ Сѣверной Двины, впадающей у Архангельска въ Бѣлое море; такимъ образомъ, одинъ великій водный путь, центромъ котораго является Волга, соединяетъ три отдаленнѣйшіе и главнѣйшіе пункта Европейской Россіи: Петербургъ на Балтійскомъ морѣ, Астрахань на Каспійскомъ и Архангельскъ на Бѣломъ. Но путь по Сухонѣ, по причинѣ пороговъ, мелей и камней, довольно затруднителенъ.

Рыбинскъ недавно скрылся у насъ изъ виду, а вотъ появляется новый городъ Ярославской губерніи, Романовъ — Борисоглѣбскъ. Это прежде были два города, стоящіе другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги: Романовъ на правомъ, Борисоглѣбскъ на лѣвомъ. Города старинные, со множествомъ старинныхъ красивыхъ церквей. Говорятъ, что въ настоящее время въ этихъ городахъ особенно занимаются кузнечнымъ дѣломъ. У Борисоглѣбской пристани мы оставались всего нѣсколько минутъ, спустили нѣсколькихъ пассажировъ, приняли новыхъ — и полетѣли далѣе.

По дорогѣ отъ Романова къ Ярославлю я видѣлъ очень печальную картину: громадное судно — расшива, что ли, право не помню — нагруженное солью и дошвывшее сюда благополучно, можетъ быть, изъ Камы, сѣло на мель и отъ собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокругъ него, перекладывая грузъ на двѣ барки. Говорятъ, что бѣда случилась отъ неосторожности лоцмана; но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ярославля, мы проѣхали мимо Тольскаго монастыря, стоящаго на лѣвомъ берегу Волги. Мнѣ сказали, что про-

тивъ этого монастыря скончался на баргѣ знаменитый патріархъ Никонъ, бывшій другъ царя Алексѣя Михайловича, возвращаясь при Теодорѣ Алексѣевичѣ изъ тяжелой ссылки. — Въ монастырскомъ саду много кедровъ, на которыхъ, говорятъ, вырѣваютъ шишки съ орѣхами. Далѣе къ сѣверу, въ лѣсахъ Вологодской губерніи, сибирскій кедръ растетъ уже дико и во множествѣ.

Наконецъ мы у Ярославля. Какой это хорошенькій, чистенькій городъ, когда смотришь на него съ Волги и особенно съ низу! Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ, словно высокій крѣпостной валъ. Шестъ лоцинь прорѣзываютъ берегъ. По этимъ лоцинамъ, выложеннымъ камнемъ, очень удобно подыматься въ городъ; черезъ нихъ по набережной перекинуты красивые мостики. Съ Волги, изъ-за деревь бульвара, идущаго по набережной, видна только передняя часть города съ красивыми строениями, надъ которыми царятъ высокія колокольни пятидесяти двухъ церквей, по большей части очень старинныхъ. На крутомъ мысу, который образуется при впаденіи рѣки Которосли въ Волгу, бѣлѣетъ въ зелени деревьевъ красивое зданіе Демидовскаго лицея. На лѣвомъ, луговомъ, берегу Волги видна еще значительная часть Ярославля: говорятъ, что во время разлива по улицамъ этой части можно плавать на лодкахъ. Пароходъ нашъ оставался у Ярославской пристани болѣе часа, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ городѣ, столь заманчивомъ издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицахъ, ни на хорошенькомъ бульварѣ почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружаютъ лицей и присутственныя мѣста, стоитъ старинный соборъ и сильно попорченный памятникъ основателю лицея, Демидову. Говорятъ однако, что Ярославль — торговый и промышленный городъ, замѣчательный своими полотняными фабриками и обширною торговлею: но тѣмъ не менѣе, онъ показался мнѣ пустыннымъ.

Въ устьяхъ Которосли стояло множество судовъ. Которосль, небольшая, но довольно судоходная рѣчка, выходитъ въ Ярославской же губерніи изъ Ростовскаго озера (по фински Неро). Богатые черноземомъ берега озера вызвали у жителей Ростова, — города, очень древняго, построеннаго еще финнами — особую промышленность, огородничество, которою Ростовцы славятся по всей Россіи. Ростовскіе огородники не только развозятъ далеко произведенія своихъ огородовъ, сушеный сахарный горошекъ, бобы и пр., но снимаютъ огороды въ столицахъ и большихъ городахъ. Всѣ ваши петербургскіе огородники и зеленьщики большею частію Ростовцы.

— Не правда ли, хорошенькій городъ? сказала я стоящему возлѣ меня на палубѣ толстому господину, когда ярославскіе церкви и дома еще бѣлѣли вдали.

— Да, снаружи, отвѣчалъ толстый господинъ: а въ серединѣ скука и поддѣльные вина, которыми этотъ хорошенькій городокъ отравляетъ всю Россію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! знаете ли вы, что ярославскіе виноторговцы покупаютъ ежегодно на Нижегородской ярмаркѣ до 150,000 астраханскаго и кизлярскаго чихиря, передѣлываютъ его въ вина Франціи, Германіи, Испаніи и распускаютъ такой самодѣльный хересь, мадеру, лафитъ, портвейнъ по цѣлой Россіи. Я разъ чуть не уморилъ бутылочкой ярославскаго портвейна моего большаго друга, которому докторъ посоветовалъ употреблять это вино для подкрѣпленія силъ. Съ тѣхъ поръ я не могу смотрѣть безъ злости на Ярославль.

Верстахъ въ десяти отъ Ярославля, я еще въ первый разъ встрѣтилъ такъ называемую *машину*, громадное, неуклюжее судно, которое тащило за собою два еще болѣе громадные *подчалка*, нагруженные горою товара. Сама машина имѣетъ сажень 30 въ длину и около 7 въ ширину; на палубѣ ея ходятъ по вертящемуся кругу пять паръ лошадей, и вертятъ огромный чугунный брусъ; на этотъ брусъ при его обращеніи навертывается толстый канатъ, другой конецъ котораго, съ тяжелымъ якоремъ, завезенъ на лодкѣ впередъ машины и брошенъ въ воду. Такимъ труднымъ способомъ подвигается впередъ, около 15-ти верстъ въ день, эта громада, занимающая въ длину съ своими подчалками около четверти версты и тянущая иногда до 100,000 пудовъ груза. Это изобрѣтѣніе механика Пуадбарда, вошедшее въ употребленіе съ 1816-го года, облегчаетъ тяжелый трудъ человѣка; но еще лучше будетъ, если, вмѣсто этихъ *коноводныхъ машинъ*, будутъ употребляться для *буксировки* судовъ пароходы, что нынче уже и начинаетъ входить въ употребленіе.

Скажу при этомъ случаѣ и о другихъ большихъ судахъ, встрѣчавшихся мнѣ на Волгѣ: *мошаны*, строящіеся на рѣкѣ Мошнѣ, болѣе 20 сажень въ длину, и поднимаютъ до 40,000 пудовъ груза; *гусяки* везутъ на себѣ до 30,000; *суряки*, приходящіе изъ Суры, до 20,000; *барки* до 12,000; *коломенки* до 8000; *досчанники* до 1000. — Рабочихъ на большомъ суднѣ бываетъ болѣе 100 человѣкъ; на меньшихъ — отъ 4-хъ до 10-ти. Пять, шесть человѣкъ тащатъ по берегу за канатъ, привязанный къ мачтѣ, судно съ грузомъ тысячи въ четыре пудовъ. Разочти-ка, сколько нужно было бы лошадей, телѣгъ и людей, чтобы везти такой грузъ сухимъ путемъ, и по этому суди о благодѣяніи, которое оказываетъ людямъ Волга и другіе водные пути. Люди, взявшіе на себя доставить судно, составляютъ артель. Главныя лица въ артели: *лоцманъ*, который долженъ хорошо знать Волгу, чтобы не посадить судна на мель; *водо-*

мос, завѣдывающій хозяйствомъ судна, и *кашевара*, котораго выбираетъ артель для неприхотливой стряпни. Всѣ эти суда, исключая машинъ, называются *парусными*, потому что при попутномъ вѣтрѣ идутъ на парусахъ; но такой попутный и сильный вѣтеръ случается рѣдко. Большею же частью суда тянутся бурлаками, иногда съ помощью лошадей. Бурлаки, надѣвъ на себя лямку, привязанную къ канату, тянущему судно за мачту, тихо, тяжело, утѣшая себя грустными пѣснями, идутъ по берегу. Тяжела эта работа и неприбыльна: по большей части бурлакъ, дотавивъ судно отъ Саратова или Нижняго до Рыбинска, проѣстъ дорогой все свое небольшое жалованье и возвращается домой, за тысячи верстъ, пѣшкомъ и безъ гроша въ карманѣ. Странно, что всѣ эти бурлаки большею частію изъ приволжскихъ, *низовыхъ* губерній, гдѣ земля такъ хороша и земли такъ много. Но эти люди любятъ бродячую жизнь, и охотно оставляютъ свои дома и поля. Къ счастью, впрочемъ, пароходы подрываютъ теперь сильно бурлацкій промыселъ, и скоро заставятъ, можетъ быть, бурлаковъ сидѣть дома и пахать землю. Грустно смотрѣть, какъ эти люди оборванные, обожженные солнцемъ и вѣтромъ, грудью намираютъ на лямку, пробираясь по берегу, то песчаному, то каменистому, то обрывистому, то заросшему кустами. Одна партія смѣняетъ другую, которая идетъ отдыхать на барку, и судно безпрестанно подвигается впередъ, но подвигается медленно, чуть замѣтно. Неужели эти люди, эти заросшія головы, эти черныя груди, въ которыхъ также бьется человѣческое сердце, неспособны ни къ чему лучшему, кромѣ этой лошадиной работы, отъ которой даже и лошадей освободилъ теперь благодѣтельный паръ?

Понятно, какъ радуются бурлаки, когда сильный попутный вѣтеръ надуетъ громадные паруса судна, бѣлые полотняные, иногда рогожаные, и самъ потащитъ судно вверхъ, освобождая бурлаковъ отъ труда. Подъѣзжая къ Костромѣ, я видѣлъ такую прекрасную картину: десятки громадныхъ судовъ, окрыленныхъ бѣлыми парусами, поднимались вверхъ по рѣкѣ и казались издали какими-то чудовищными птицами; бурлаки спали на палубахъ, раскинувшись въ самыхъ живописныхъ позахъ; другіе горланили какую-то пѣсню; до меня долетѣло нѣсколько словъ и мнѣ показалось, что они пѣли:

Ахъ туманы ль — вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль, тоска, ненавистные!
Изеушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,

Надъ дубравошкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеича,
По прозванію Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдныхъ:
Мы не воры, не разбойнички,

Стенки Раина мы работнички;	Кистенемъ махнемъ — караванъ
Мы весломъ махнемъ — корабль	собьемъ,
возьмемъ,	Мы рукой махнемъ — дѣвицу возь-
	мемъ.

О Костромѣ я не могу казать тебѣ многого, потому что не выходилъ на берегъ. Красивый городъ расположенъ на высокомъ, лѣвомъ берегу Волги, при самомъ впаденіи въ нее судоходной рѣки, Костромы. Издали видѣлъ я Ипатьевскій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкими стѣнами съ бойницами, и за этими стѣнами укрылся Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ со своею матерью, когда предувѣдомленный Сусанинымъ объ отыскивавшей его шайкѣ злодѣевъ, ушелъ изъ своего помѣстья, Домнина. Здѣсь же принялъ онъ 14-го Марта 1613-го года русскій престолъ, предложенный ему торжественнымъ посольствомъ изъ Москвы, по избранію всей Россіи. Ипатьевскій монастырь строенъ предками царя Бориса Ѳедоровича Годунова, и здѣсь похороненъ его дѣдъ, а также отецъ и мать; могила же самаго царя Бориса въ Троицкой лаврѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ Ипатьевскомъ же соборѣ похороненъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳедоровича, и крестьянинъ — герой Иванъ Сусанинъ. Въ Костромѣ же есть и памятникъ Сусанину; а подвигъ его тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ. Въ Угличѣ я былъ на той самой площади, гдѣ началась кровавая драма междуцарствія, гдѣ погибъ послѣдній потомокъ царствующаго Рюрикова дома; здѣсь передо мною — тотъ самый монастырь, гдѣ избранъ на царство родоначальникъ новой династіи Романовыхъ; далѣе ждетъ меня городъ, на площади котораго простой человекъ, Мининъ, положилъ начало спасенія Россіи въ тяжелые годы междуцарствія.

Отъ Костромы до Нижняго Волга становится все красивѣе; громадныя села, часто съ нѣсколькими каменными церквами, не въ примѣръ больше, богаче и промышленнѣе многихъ уѣздныхъ городовъ, видѣются на холмахъ, поднимающихся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Волги. Многія изъ этихъ селъ славятся своими издѣліями; такъ въ селѣ Святомъ выдѣлывается отличное полотно и обрабатывается превосходный ленъ; села — Сидоровское и Пожня работаютъ различныя крестьянскія украшенія — серьги, кольца и проч.; въ Плесѣ выдѣлываются хорошіе топоры, расходящіеся отсюда далеко по Россіи. Мы ночевали у Плеса. Это заштатный и очень древній городъ, расположенный на живописномъ, гористомъ берегу. Здѣсь русскіе въ 1540-мъ году разбили татаръ, пробиравшихся къ Костромѣ; здѣсь Костромичи въ 1612-мъ году встрѣтили Минина и Пожарскаго, шедшихъ на освобожденіе Москвы. Здѣсь почти каждое село чѣмъ нибудь да замѣчательно, или въ историческомъ, или въ промышленномъ отношеніи. Вообще надобно замѣтить, что приволжскіе города и села, а часто и цѣлыя

округи сель и деревень дружно раздѣлили между собой различныя отрасли промышленности: въ одномъ всѣ занимаются тканьемъ полотна, въ другомъ тачаютъ сапоги, въ третьемъ куютъ топоры; тамъ цѣлое село сбиваетъ бочки, ушаты, ведра, а тамъ всѣ выдѣлываютъ кожи; тамъ топятъ сало, дѣлаютъ свѣчи; а тамъ цѣлыя села занимаются постройкой судовъ; жители одной мѣстности всѣ идутъ въ извозъ, жители другой—прирожденные бурлаки, жители третьей—лоцмана; а Волга съ ея безчисленными притоками соединяетъ всѣ эти промышленныя и ремесленныя села и города въ одинъ громадный промышленный городъ, работающій на всю Россію.

По дорогѣ отъ Костромы до Нижняго многія мѣстности ознаменованы битвами или съ татарами, или съ поляками. Замѣчательны въ этомъ отношеніи городъ Кинешма и, находящаяся въ верстахъ двадцати отъ нея, слобода Рѣшма. Кинешма и Рѣшма не хотѣли признать власти поляковъ, и были разорены до тла. Видно вообще по всему, что въ этой приволжской сторонѣ жили истинно русскіе люди, которые лучше хотѣли умирать, чѣмъ признавать надъ собою ненавистную власть. Недалеко за Рѣшмой впадаетъ въ Волгу судоходная рѣка Унка, берущая свое начало въ лѣсахъ Вологодской губерніи. По Ункѣ сплавляется въ Волгу большое количество строеваго лѣса, барокъ, смолы и дегтю.

Противъ устья Унжи, на крутизнахъ гористаго праваго берега Волги, стоитъ старинный, теперь незамѣчательный и бѣдный городъ, Юрьевецъ Поволжскій, также разоренный сначала татарами, а потомъ поляками. Жители его занимаются постройкой судовъ; судостроеніе вообще составляетъ главный промыселъ приволжскихъ сель, невдалекѣ отъ Нижняго. Посадъ Пучежъ гораздо богаче города Юрьевца. На границѣ Нижегородской губерніи замѣчательно также село Катунка, въ которомъ выдѣлываются опойки. Въ огромномъ селѣ Городцѣ съ его приселками, болѣе семи тысячъ жителей. Невдалекѣ отъ него расположены на горѣ Оползень остатки валовъ стараго Городца. На этой горѣ, по преданію, ночью будто бы горятъ огоньки на забытыхъ могилахъ князей городецкихъ. Про другую городецкую гору, Кирилову, одинъ изъ пассажировъ рассказалъ намъ довольно поэтическое преданіе.

— Если, говорилъ онъ, мимо Кириловой горы, раннимъ утромъ проходить судно, на которомъ всѣ люди благочестивы, то Кирилова гора раскрывается; изъ нея выходятъ старые монахи, кланяются и просятъ свезти поклонъ братьямъ ихъ, жигулевскимъ старцамъ (Жигули, или Жигулевскія горы, расположенны на правомъ берегу Волги въ Симбирской губерніи). Подъѣзжая къ Жигулямъ, стоитъ только крикнуть: „жигулевская братія! шлютъ вамъ поклонъ старцы Кириловой горы“; тогда разступаются Жигулевскія горы, изъ нихъ выходятъ старые монахи и кланяются до земли.

Отъ Юрьевца Поволжскаго Волга поворачиваетъ почти прямо на югъ, и далѣе съ каждымъ часомъ вѣзды воздухъ замѣтно становится теплѣе и и теплѣе; холмистые берега зеленѣе, цвѣтистѣе, лѣса и рощи полнѣе, гуще и разнообразнѣе; хвойныхъ деревьевъ видно менѣе, дубъ и липа встрѣчаются чаще и растутъ роскошнѣе. Правый гористый берегъ Волги здѣсь иногда чрезвычайно живописенъ.

Но я не сказалъ тебѣ еще ничего о моей жизни на пароходѣ, а она стоитъ того, чтобы описать ее подробнѣе. Пассажиры на нашей палубѣ мѣнялись безпрестанно и, не сходя съ парохода, можно было бы изучать образцы почти всѣхъ русскихъ племенъ и народностей, встрѣтить представителей всѣхъ губерній и всѣхъ возможныхъ промысловъ. Изъ Твери почти до самаго Нижняго, но болѣе до Костромы и Ярославля, вѣхало съ нами множество молодыхъ людей и даже мальчиковъ изъ петербургскихъ и московскихъ лавоebъ, трактировъ, гостинницъ, кузницъ, слѣсаренъ, булочныхъ, пивоваренъ и т. д. Этотъ молодой народъ, просидѣвъ два, три года въ какой нибудь лавкѣ, гостинницѣ или мастерской, вѣхалъ теперь домой *на побыску*, т. е. погостить два, три лѣтніе мѣсяца у родныхъ. Приятно было видѣть, какъ счастливы и веселы были эти маленькіе половые, кузнецы, слѣсаря, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались они той пристани, гдѣ могли выйти на берегъ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ родимое село, отстоящее иногда за десятки верстъ отъ берега. Съ узелкомъ за плечами, въ которомъ непременно скрываются гостинцы отцу, матери, сестрѣ или маленькому брату, весело вбѣгаетъ молодой работникъ на пристань, и бодро идетъ по знакомой ему дорогѣ. Случалось иногда и такъ, что старикъ — отецъ или старушка — мать встрѣчали тутъ же на пристани своего ненагляднаго Ванюшку, котораго не видали 5 или 6 лѣтъ. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить, что костромичи и въ особенности ярославцы цѣлыми толпами уходятъ на заработки въ Петербургъ и Москву; потому что почва этихъ губерній представляетъ мало удобствъ для земледѣлія, но еще болѣе потому, что бойкому, смѣтливому ярославцу не сидится на мѣстѣ.

Письмо 3-е.

Нижній Новгородъ.

Отправившись отъ Балахны, мы скоро увидали издали Нижній. Это было рано утромъ. Какой-то прозрачный паръ стоялъ надъ Волгою, и сквозь него заблестѣли главы множества старинныхъ церквей и верхушки крѣпостныхъ башенъ. Скоро показался и весь городъ, стоящій на довольно высокой и крутой горѣ, у подошвы которой сливаются двѣ большія рѣки — Волга и Ока; послѣдняя показалась мнѣ здѣсь немногимъ уже Волги. Цѣ-

лѣсъ мачтъ, дымящіяся трубы пароходовъ, множество пристаней, толпы народа, суетившагося по берегу — все это придавало чрезвычайно оживленный видъ Нижнему. Странно только, что у Нижняго почти не существуетъ искусственной набережной и что люди и лошади на пристани тонуть въ грязи.

По крутой, довольно неудобной дорогѣ взвезъ меня извозчикъ на высокую гору, на которой расположенъ верхній городъ. Улицы въ Нижнемъ показались мнѣ такими же пустыми, какъ и въ Ярославлѣ. Плохая, грязная, но дорогая гостинница дала мнѣ на время пріютъ. Половой, впрочемъ, утѣшалъ меня, говоря, что во время ярмарки я за ту же самую комнату заплачу бы въ пять разъ дороже.

Переодѣвшись, посѣдѣшилъ я прежде всего въ Нижегородскій *Кремль*. Его древняя стѣна и многочисленныя, красивыя башни манили меня еще издали. Съ почтеніемъ взглянулъ я на старинный Спасо-Преображенскій соборъ, существующій уже болѣе 600 лѣтъ. Сколько великихъ историческихъ событій видѣлъ этотъ соборъ на своемъ вѣку! Въ склепѣ, подъ соборомъ, посреди гробницъ князей и епископовъ, стоитъ и гробница простаго человѣка, нижегородскаго мясника, Козьмы Захаревича Минина-Сухорукаго. Посѣтивъ здѣшнюю соборную усыпальницу, Петръ Великій поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: „здѣсь лежитъ избавитель Россіи.“ Другіе императоры и императрицы наши, бывавшіе въ Нижнемъ, не забывали также гробницы нижегородскаго мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событіе, положившее начало побѣдоносному выходу Россіи изъ тяжкой години междоусобія, когда толпы поляковъ и шайки разбойниковъ расхаживали по ней изъ конца въ конецъ, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали въ развалинахъ, оставленные жителями; — когда самое сердце Россіи, Москва, была въ рукахъ наглыхъ пришельцевъ, — когда, наконецъ, русскій народъ еще существовалъ, но русскаго государства уже не было. Въ это безотрадное время великая и необычайно смѣлая мысль зародилась въ умѣ простаго нижегородскаго ремесленника. Онъ задумалъ спасти Россію ея собственными силами, любовью русскаго народа, не призывая на помощь никакихъ иноземцевъ. Нижегородцы знали Минина за честнаго, простодушнаго, умнаго человѣка; но подозрѣвали ли кто нибудь, что въ этомъ простомъ человѣкѣ скрывается герой, имя котораго переживетъ вѣка? Но когда Мининъ началъ говорить о необходимости спасти отечество, то въ его словахъ было столько силы, столько любви къ родной странѣ, что они подѣйствовали на слушающихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали то же, о чемъ Мининъ сталъ говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дѣло спасенія отчизны; отсюда отправи-

лись они освобождать Москву. Въ память этого величайшаго событія русской исторіи стоитъ теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятникъ; но такія событія не нуждаются въ великолѣпныхъ памятникахъ: никто ихъ и безъ памятниковъ не забудетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, памятникъ, взглянувъ на дворець, въ которомъ живетъ губернаторъ, и на пустынную площадь, окруженную какими-то базармами, я отправился на кремлевскую стѣну и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по ней, остановился, пораженный необыкновенно обширнымъ и красивымъ видомъ. Внизу, подъ горою, на которой стоитъ Кремль, расположенъ *нижній городъ*, который показался мнѣ гораздо оживленнѣе *верхняго*. Устья Оки почти не видно за множествомъ судовъ. На другомъ, плоскомъ берегу ея расположены ярмарочныя зданія, между которыми шевелилось множество народа, хотя знаменитая ярмарка еще не начиналась. Но какой очаровательный видъ открывается вдаль, внизъ и вверхъ по Волгѣ и на ея луговую сторону, которой, кажется, и конца нѣтъ! Какое обиліе воды! какія синія волны! какой прозрачный воздухъ и какъ его много! Большая барка, посрединѣ Волги, кажется отсюда маленькою лодкою, а лодка, поднявшая свой бѣлый парусъ, — бѣлокрылою чайкою, которая, сверкая на солнцѣ своими крыльями, купается въ синей волнѣ. Въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ такую даль, такое обиліе воды и зеленыхъ луговъ, и потому неудивительно, что, уѣзвись между крѣпостными зубцами, я не могъ оторвать взора отъ очаровательной картины. Не знаю, долго-ли бы я просидѣлъ такъ, еслибы чья-то мощная рука не налегла мнѣ на плечо. Я оглянулся: это былъ мой знакомый старикъ, петербургскій купецъ.

— Ну, что скажете вы теперь о матушкѣ — Волгѣ? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Удивительно! превосходно! Чудная рѣка! отвѣчалъ я ему: я сижу здѣсь вотъ уже цѣлый часъ, и не могу рѣшиться уйти.

— Это понятно: вы въ первый разъ видите Волгу въ Нижнемъ. Я выросъ и состарѣлся на Волгѣ, я проѣхалъ ее съ верху до низу и съ низу вверхъ безсчетное число разъ; мало этого — что грѣха таить? былъ молодцу не укорь! — истопталъ своими ногами всѣ берега Волги: — а между тѣмъ всякій разъ, какъ бываю въ Нижнемъ и взойду вотъ сюда, на стѣну, то смотрю, смотрю — и не могу насмотрѣться, не могу отвести глазъ! А въ разливъ, когда затопитъ водою вотъ всю ту луговую сторону Волги, — это просто море. Недурно также взглянуть на ярмарочную площадь въ іюлѣ и августѣ: тутъ, батюшка мой, тогда всякаго народу и всякаго товару, чего только душа пожелаетъ. Не говоря уже о нашихъ русскихъ, которые съѣзжаются на Макарьевскую ярмарку изъ всѣхъ, самыхъ отдаленныхъ губерній, кого только и кого здѣсь не бываетъ! И нѣмцы-то изъ-заграницы, и

татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персіяне, башкирцы, киргизы, калмыки. И всякой-то свой товаръ везеть на Макарьевскую, и всякій съ товаромъ уѣзжаетъ. Какіе тутъ милліоны ворочаются! Иной разъ товару милліоновъ на 70 серебромъ навезутъ и милліоновъ на 50 продадутъ. Кромѣ того на Макарьевской же многіе торговцы сводятъ свои годовые, милліонные счета: долги платятъ, долги получаютъ, товаромъ ли, деньгами ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевскою?

— Потому что въ 1818 году эта ярмарка переведена въ Нижній изъ Макарьева. Я самъ еще ѣзжалъ въ Макарьевъ на ярмарку и привыкъ называть ее по прежнему.

— Какое множество судовъ на Окѣ! замѣтилъ я.

— Ока, батюшка, правая рука Волги, отвѣчалъ словоохотливый купецъ: какіе у нея чудные берега — холмы, разлоги, зеленые, бархатные луга, старинные русскіе города, чисто русскія, великорусскія села и деревни! Волгу можно назвать первою рѣкою русскаго государства: по берегамъ ея живетъ много разноязычныхъ племень: русскіе, чувашы, черемисы, татары, башкиры, киргизы, калмыки; Ока же великорусская рѣка: только на Мокшѣ, что впадаетъ въ Оку съ юга, живетъ мордва, да и та уже русѣеть, а то все русскіе.

Истокъ Оки находится почти у границы благословенной, хлѣбной Малороссіи, гдѣ царствуетъ уже не Волга, а Днѣпръ. Скоро сдѣлавшись порядочно судоходною рѣчкою, Ока протекаетъ или задѣваетъ своимъ теченіемъ богатая губернія, богатая или хлѣбомъ и пенькою, или промысломъ и торговлею: Орловскую, Тульскую, Калужскую, Московскую, Владимірскую, Рязанскую, Тамбовскую, Нижегородскую. А какіе славные, замѣчательные города стоятъ на Окѣ и ея притокахъ: на самой Окѣ — Орель, Калуга, Рязань, Нижній; на Упѣ — Тула; на рѣкѣ Москвѣ — наша матушка Москва, бѣлокаменная; на Клязьмѣ — Владиміръ, древняя столица Руси, еще древнѣе Москвы, хотя и помоложе Кіева; на Цнѣ, впадающей въ Мокшу, — Тамбовъ; а Мокша притягиваетъ къ Окѣ и Пензенскую губернію, одну изъ самыхъ хлѣбородныхъ нашихъ губерній. На сѣверной сторонѣ Оки, гдѣ земля похуже, особенно въ губерніяхъ Владимірской, Московской, Калужской, занимаются болѣе фабричнымъ дѣломъ и торговлею; по южной, гдѣ идетъ богатая черноземная полоса, какъ напримѣръ въ Тамбовской, Пензенской, занимаются болѣе хлѣбопашествомъ. Такъ ужъ видно Богъ раздѣлил это мѣсто: однимъ назначилъ прясть, ткать, ковать, другимъ — землю пахать. Во Владимірской губерніи, напримѣръ, что ни село, то фабрика, а иногда и десятокъ: тамъ ткуть полотна, парусину, тамъ вяжутъ канаты, набиваютъ ситцы, дѣлаютъ ножи и всякаго рода стальные товары; тамъ пишутъ обрара на всю Россію; оттуда офени, съ коробками за плечьми, расходятся

по всѣмъ губерніямъ. Побывайте только въ Шуѣ, уѣздномъ городѣ Владимирской губерніи, и вы увидите столько ситцевыхъ фабрикъ, сколько считаете развѣ подь Москвою, а село Иваново, Павлово.... это, батюшка, цѣлые фабричные города, хоть и называются селами.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать, сказалъ я, смотря въ даль на уходящую изъ глазъ Волгу: какова-то Волга тамъ, дальше?

— За Нижнимъ она почти нигдѣ уже версты не бываетъ; правый берегъ ея крутъ и высокъ, лѣвый — низменный, ровный и называется луговымъ, или просто *луговою*, потому что по немъ стелются безконечные и богатые луга. Какъ выходитъ Волгѣ изъ Нижегородской губерніи, тутъ впадаютъ въ нее двѣ довольно большія рѣки: съ лѣвой стороны Ветлуга, съ правой Сура. Ветлуга—это лыковая рѣка: по ней каждое лѣто сплавляется множество лубья, лыкъ, мочаль, рогожь.

— Не важный товаръ, замѣтилъ я съ улыбкой.

— Ну, не говорите: товаръ, конечно, не дорогой; но много его надобно на коробки, на рогожи, на лапти, и въ иной годъ на Макарьевскую ярмарку привозятъ этого товару тысячъ на полтора ста рублей серебромъ и побольше.

— Изъ чего же дѣлаютъ лыко?

— Изъ луба молодыхъ липовыхъ деревьевъ: весною надрѣзываютъ на молодыхъ липахъ кору, и она потомъ легко сдирается, а подь нею лежитъ дубъ, изъ котораго выходитъ и лыко и лубье для коробовъ; мочало же дѣлается изъ луба съ вѣтокъ; потомъ лыко мочать въ водѣ, а къ осени вынимаютъ и сушатъ. Вотъ и все производство, а много людей живутъ этимъ нехитрымъ промысломъ. По берегамъ Ветлуги цѣлые лѣса липъ, и на лыко идетъ только молодой лѣсъ, который скоро опять вырастаетъ.

— Чѣмъ же замѣчательна Сура?

— По ней много сплавляется хлѣба изъ Пензенской и Нижегородской губерній; за Сурой же пойдутъ уже татары, чуваша, черемисы, все народъ не русскій, хоть живутъ и въ русскомъ царствѣ. Сама Казань уже полутатарскій городъ, бывшая столица казанскаго царства, а теперь самый красивый изъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ которомъ есть и университетъ. Когда поѣдете отъ пристани къ Казани, то увидите широкую, каменную пирамиду, поставленную въ воспоминаніе взятія Казани Грознымъ Царемъ. Съ этого времени Татарское царство кончилось на вѣки; за Казанью покорилась Астрахань, за Астраханью Сибирь, а тамъ дошла очередь и до Крыма, а тамъ мы побывали и въ Адрианоуполѣ.—Верстахъ въ семидесяти за Казанью съ лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу Кама, самый большой изъ волжскихъ притоковъ. Она несетъ въ Волгу безчисленныя богатства Урала и губерній приуральскихъ: мѣдь, желѣзо,

соль, лѣсъ, разные цѣнные камни — мраморъ, малахитъ.... Кама сама течетъ не менѣе 2 т. верстъ и принимаетъ двѣ большія рѣки — Вятку, на которой стоитъ Вятка, и Бѣлую, по берегамъ которой живутъ башкиры.

— А за Камой какова Волга?

— За Камой Волга дѣлается истинно великаномъ - рѣкою и разстилается въ ширину на 7, на 8, даже на 10 верстъ и больше. Съ одного берега на другой человѣка не видно! А какія все богатя хлѣбныя губерніи протекаетъ она въ этомъ мѣстѣ: Казанскую, за Казанской — Симбирскую, за Симбирской — Саратовскую. Изъ этихъ-то *низовыхъ* губерній везутъ къ намъ въ Питеръ золотую пшеницу, а изъ Питера везутъ ее на корабляхъ въ чужія земли. Отъ самой Казани до Царицына правый берегъ высокъ и красивъ, горы покрыты чудесными лѣсами, и въ этихъ-то лѣсистыхъ горахъ жилали когда-то знаменитые волжскіе разбойники. Отъ Царицына Волга пойдетъ уже бесплодною степью, и хотя здѣсь рѣка еще шире, но безпрестанно дѣлится на рукава. Когда же подъ Астраханью, во время разлива, всѣ эти рукава сольются въ одно, тогда уже Волга — просто цѣлое море, и въ бурю волны ходятъ по ней горами. За Царицынымъ идутъ берега все невеселые; пустая степь по обѣ стороны, а по степи бродятъ калмыки и киргизы. Въ Каспійское море Волга впадаетъ множествомъ рукавовъ, но мелка, что очень затрудняетъ судоходство.

— А вы и въ Астрахани бывали?

— Какъ не бывать! сколько разъ! Она построена на довольно высокомъ островѣ Волги, верстахъ въ 70-ти отъ моря. Здѣсь Волга дробится уже на безчисленное число рукавовъ, которые то раздѣляются, то соединяются, и образуютъ множество острововъ. Здѣсь, въ Нижнемъ, на городъ смотреть съ кремлевской стѣны. Въ Астрахани такой высокой горы и стѣны нѣтъ, и охотники взбираются на соборную колокольню, чтобы оттуда взглянуть на городъ. Улицы Астрахани широки, красивы, обсажены аллеями; за ними видна гавань, покрытая кораблями и барками, течетъ широкая Волга, усѣянная безчисленными зелеными островами. Народъ на астраханскихъ улицахъ — самый пестрый: тамъ сидятъ на лавкахъ предъ своими домами хивинцы въ высокихъ овчинныхъ шапкахъ; тамъ прохлаждаются важные персіяне; тамъ идетъ армянинъ, а ему на встрѣчу — русскій мужикъ въ своей рубахѣ; ѣдетъ верхомъ киргизъ, калмыкъ грязный, оборванный, съ такою широкою, плоскою образиною, что и взглянуть страшно. Однакоже соловья баснями не кормятъ, прибавилъ старикъ, взглянувъ на часы, и отъ хорошаго вида сытъ не будешь. Вы гдѣ остановились?

— Я назвалъ гостиницу.

— Ба! такъ мы съ вами сосѣди. Пойдемте же ко мнѣ завтракать, а за завтракомъ, коли есть охота слушать, еще поболтаемъ о Волгѣ.

Въ гостинницѣ, въ ожиданіи завтрака, купецъ показалъ мнѣ отличную карту Волги, на которой онъ своей рукой сдѣлалъ множество замѣтокъ: крестиковъ, точекъ, черточекъ.

— Вотъ она, матушка, какъ растянулась, говорилъ старикъ, вода пальцемъ по картѣ: почитай что всю Россію обогнула; начинается тамъ, гдѣ растутъ только елки да сосны, и оканчивается тамъ, гдѣ можно найти и виноградъ и шелковичное дерево; треть Европейской Россіи занимаетъ она со своими притоками; связываетъ три далекія моря; а сколько селъ, городовъ, губерній, сколько народу живетъ и кормится Волгой! Что была бы Россія безъ Волги? такая же дикая степь, какъ та, по которой бродятъ теперь киргизы и калмыки. Да, мой родимый, Волга величайшій даръ Божій Русской землѣ!

— Вы, кажется, замѣтилъ я, отлично знаете эту рѣку.

— Да, не дурно, а, благодаря ей, и всю Россію: я, батюшка, ногами вытопталъ себѣ русскую географію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! моя судьба — преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургскимъ купцомъ, конечно, не подозреваете, что я въ молодости былъ бурлакомъ, таскалъ лямку по берегамъ Волги и Оки, а потомъ присталъ къ владимірскимъ офенямъ и съ коробомъ за плечами разносилъ бездѣлушки по святой Руси; потомъ ѣздилъ на своей собственной тройкѣ, развозя товары, куда приходилось; потомъ занялся хлѣбной торговлей — и сталъ, какъ видите, петербургскимъ купцомъ. Теперь у меня и дома каменные, и капиталъ есть, и уваженіемъ добрыхъ людей, слава Богу, пользуюсь; а какъ вспомню свое бурлачество, то, ей, всякій разъ вздохну. Сильно я состарѣлся; семья у меня теперь большая, внуки уже торгуютъ; а не могу отвыкнуть отъ бродячей жизни. Зимой еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое что, больше все же о Волгѣ; но какъ только наступитъ весна, какъ только я завижу на Невѣ первую лодку, слышу первый свистокъ парохода, такъ меня и подмываетъ на родимую мою Волгу: на ней я счастливъ, весель, молодъ попрежнему, и только тогда грустно станеть, какъ подумаю, что вижу ее можетъ быть въ послѣдній разъ.

— Ваша жизнь должна быть прелюбопытна, сказалъ я, замѣтивъ, что почтенный старикъ разговорился.

— Да, есть что поразсказать; но когда нибудь въ другое время; а теперь пора завтракать.

Пора и мнѣ кончить къ тебѣ письмо, а то пожалуй его и въ пакетъ не упрячешь. Прощай, будь здоровъ, и при первой возможности поѣзжай самъ взглянуть на Волгу.

ОТДѢЛЪ II.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

НЕСТОРЪ.

Лѣтъ за восемь сотъ до нашего времени жилъ въ Кіевѣ разумный и благочестивый монахъ, по имени Несторъ. Юношей еще пришелъ онъ въ Кіевопечерскій монастырь и постригся въ монахи. Въ часы, незанятые богослуженіемъ или домашнею молитвою, умный Несторъ любилъ слушать рассказы старыхъ людей о томъ, что дѣлалось прежде его на Руси; а въ Кіевопечерскомъ монастырѣ было кого послушать: со всѣхъ концовъ земли русской, изъ всѣхъ сословій, богатые и бѣдные, бояре, витязи, кушцы, простые люди стекались въ Кіевопечерскую лавру: одни помолиться Богу, поклониться нетлѣннымъ мощамъ и снова пуститься въ мірскую жизнь; другіе мирно окончить дни свои въ монашескомъ санѣ, подъ покровомъ монастыря. Особенно много поразказалъ Нестору столѣтній старецъ, монахъ того же монастыря, Янъ. Несторъ слушалъ внимательно, замѣчалъ все и потомъ, благословясь, рѣшился записать, что слышалъ и видѣлъ, на память потомкамъ. Такъ Несторъ положилъ начало великому дѣлу — *русской лѣтописи*. Лѣтопись Нестора потомъ переписывалась, переходила изъ рукъ въ руки, изъ монастыря въ монастырь. Между монахами находились люди, которые продолжали сказаніе Нестора и, переписавъ его лѣтопись, прибавляли къ ней свои замѣтки, записывая изъ года въ годъ, что случалось важнаго при нихъ на святой Руси, чему были свидѣтелями сами или что слышали отъ другихъ. Десятки поколѣній проходили, но лѣтопись Нестора сохранялась, какъ святыня, переписывалась бережно, хотя иногда съ большими ошибками по невѣжеству писцовъ, прибавлялась, росла, и вотъ изъ этой-то лѣтописи, начатой Несторомъ, мы знаемъ, что дѣлалось въ давнія времена въ нашемъ отечествѣ.

Несторъ жилъ долго, писалъ кромѣ лѣтописи Житія Святыхъ, вель жизнь строгую, благочестивую, истинно христіанскую, и теперь нетлѣнныя мощи великаго перваго русскаго лѣтописца почиваютъ въ одной изъ Кіевопечерскихъ пещеръ.

Великій лѣтописецъ нашъ былъ такъ скромень, такъ чуждъ всякаго

тщеславія, что даже не выставилъ своего имени на своемъ трудѣ. Онъ писалъ его изъ любви къ истинѣ, изъ желанія сохранить тѣ преданія, которыя безъ него могли бы исчезнуть навсегда, изъ желанія передать правнукамъ великія дѣла ихъ пращуровъ, и скромно скрылъ свое имя; но молва назвала его первымъ русскимъ лѣтописцемъ, и имя Нестора не умретъ до тѣхъ поръ, пока будутъ живы русскіе люди.

Далѣе мы передадимъ нѣсколько отрывковъ изъ Несторовой лѣтописи, а теперь полюбуемся, какъ прекрасно представилъ намъ русскаго лѣтописца, одного изъ скромныхъ продолжателей лѣтописи Нестора, нашъ великій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

(Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый, съдой, какъ лунь, монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій, спитъ).

Пименъ. Еще одно, послѣднее сказанье — и лѣтопись окончена моя, исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ. Когда нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безымянный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, и, пыль вѣсковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ: да вѣдають потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу, своихъ царей великихъ поминають за ихъ труды, за славу, за добро — а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу; минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось событій полно, волнуясь, какъ море-окіанъ? Теперь оно безмолвно и спокойно. Немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходить до меня, а прочее погребло невозвратно! Но близокъ день, лампада догараетъ — еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ)*.

Григорій *(пробуждается)* Все передъ лампадой старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, когда, душой въ минувшемъ погруженный, онъ лѣтопись свою ведетъ. И часто я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ: о темномъ ли владычествѣ Татаръ? о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна? о бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ? о славѣ ли отечества? Напрасно: ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ; все тотъ же видъ смиренный, величавый... Такъ точно дьякъ *), въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

А. Пушкинъ.

*) Такъ назывался въ старыя времена главный чиновникъ въ судѣ.

СЛАВЯНСКІЯ ПЛЕМЕНА, ГДѢ И КАКЪ ОНИ ЖИЛИ.

Послѣ потопа, три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афеть раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна — Хаму, сѣверъ и западъ — Афету; отъ племени афетова пошелъ *народъ славянскій*. Спустя много вѣковъ, славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, именемъ Моравъ, и назвались моравами, а другіе назвались чехами ¹⁾; а вотъ тоже славяне: бѣлые хорваты, сербы и хоружане ²⁾. Когда волохи ³⁾ напали на славянъ подунайскихъ, поселились среди нихъ и стали ихъ притѣснять, то славяне опять начали подвигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались ляхами; отъ этихъ ляховъ пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другіе славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались полянами, а другіе — древлянами, потому-что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между припетью и двиною, и назвались дреговичами; полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, славянами; они построили себѣ городъ и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся славянскій народъ.

Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, и каждое имѣло свои нравы, обычаи и преданія. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе; а другія племена жили, какъ звѣри. Между Полянами было три брата: одному имя Кій, другому — Щекъ, третьему — Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ, древляне и другіе окольные народы стали притѣснять полянъ; тогда пришли къ нимъ хозары и сказали: „платите намъ дань.“ Поляне подумали, и дали имъ по мечу отъ cadaго дома. Хозары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: „вотъ мы нашли новую дань.“ Старшины спросили: „откуда вы это взяли?“ — „Да вонъ тамъ въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ,“ — отвѣчали они. Тогда старцы хозарскіе сказали: „охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ.“ — Все и сбылось, что предсказали старцы: русскіе и до-сихъ-поръ владѣютъ хозарами.

¹⁾ Богемцы. — ²⁾ Каринтійцы. — ³⁾ Кельты.

Поляне жили мирно и болѣе занимались земледѣлемъ; но черезъ ихъ землю шель большой торговый путь изъ земли варяжской (зѣмли по ту сторону Балтійскаго моря) къ грекамъ и отъ грековъ къ варягамъ: вверху по Днѣпру, потомъ *волокомъ* до Ловати, по Ловати въ Ильмень-озеро, изъ этого же озера течетъ Волховъ въ озеро великое, Нево (Ладожское), а изъ того озера можно пройти на судахъ въ море Варяжское (Балтійское). По этому морю можно дойти до Рима и изъ Рима по морю же къ Царьгороду, а изъ Царь-города черезъ Понтъ-море (Черное) въ Днѣпръ. Днѣпръ же течетъ изъ Оковскаго лѣса (Валдайскія горы) и течетъ на полдень; а Двина изъ того же лѣса идетъ на западъ, въ море Варяжское; изъ того же лѣса выходитъ и Волга на востокъ и втекаетъ семьюдесятью жерлами въ море Хвалынское (Каспійское); такъ что изъ Руси можно плыть, куда хочешь: по Волгѣ къ болгарамъ и къ Хвалынскому морю; по Двинѣ къ варягамъ, а отъ варяговъ хотъ въ Римъ и въ Царь-городъ, и по Днѣпру можно пройти въ Черное море и къ Царюграду.

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ.

(Въ 862 году).

Въ то время, какъ поляне, сѣверяне и другія племена платили дань хозарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, варяги изъ-за моря брали дань на славянахъ новгородскихъ, на кривичахъ, также на чуди и мери *). Скоро однако эти народы прогнали варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но, прогнавши варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ: родъ возсталъ на родъ и начались междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ наши дѣла по правдѣ;“ и отправили въ 862 году пословъ за море къ варягамъ, къ руси (Русью назывались эти варяги точно такъ же, какъ другіе варяги зовутся шведами, норвежцами, англичанами, готами). Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: „земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.“ Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю русь и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царю-городу. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: „чей это городокъ?“ Жители отвѣчали имъ: „были три брата: Кій, Щегъ и Хоривъ; они-то и построили

*) Народы финскаго племени.

этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань хозарамъ.“ Аскольдъ и Дирь остались въ Кіевѣ, собрали много варяговъ, и начали владѣть полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Дирь на грековъ, при царѣ Михаилѣ. Царь въ это время пошелъ было войною на аравитянъ, но получивъ вѣсть, что русь идетъ на Царь-городъ, воротился. Между-тѣмъ Аскольдъ и Дирь вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей облегли городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской Богородицы, и потомъ, вынеши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря встали волны и разбили русскіе корабли; очень немногіе изъ аскольдовыхъ воиновъ спаслись отъ такой бѣды и возвратились въ отечество.

О Л Е Г Ъ.

(879—912).

Умирая, Рюрикъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику; поручилъ ему и сына своего Игоря, потому что Игорь былъ еще младенецъ. Собравъ много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Приѣдя къ горамъ кіевскимъ и видя, что тамъ князятъ Аскольдъ и Дирь, Олегъ скрылъ часть своихъ воиновъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ вышелъ на берегъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами.“ Аскольдъ и Дирь пришли. Тогда воины выскочили изъ лодокъ, а Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: „вы не князья и не княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ.“ Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли тамъ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: „это будетъ мать городамъ русскимъ.“ Послѣ этого началъ онъ строить города и уставилъ дани, приказавъ Новгороду платить варягамъ каждый годъ по триста гривенъ, ради мира. Наложилъ Олегъ дань на древлянъ и сѣверянъ, послалъ и къ радимичамъ спросить: „кому дань даете?“ Они отвѣчали „хозарамъ.“ Олегъ сказалъ имъ: „не давайте хозарамъ, но давайте лучше мнѣ.“ Радимичи согласились.

Въ 907 году, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, пошелъ Олегъ на грековъ, на коняхъ и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царю-городу; греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ и разорялъ окрестности. Русскіе перебили множество

грековъ, раззорили дома, пожгли церкви, однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріатели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города и сказали ему: „возьми дани сколько хочешь.“ Олегъ согласился, и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоценныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его *Вещимъ* *).

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ отмстить неразумнымъ хозарамъ: ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ, обречь онъ мечамъ и пожарамъ. Съ дружиной своей, въ цареградекой бронѣ, князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему, идетъ вдохновенный кудесникъ, покорный Перуну старикъ одному, завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ. И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ:

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, что сбудется въ жизни со мною? И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ, могильной засыплюсь землею? открой мнѣ всю правду, не бойся меня: въ награду любого возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, а княжескій даръ имъ ненуженъ; правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ: но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ. Запомни же нынѣ ты слово мое: вонтелю слава—отрада; побѣдой прославлено имя твое; твой щитъ на вратахъ Цареграда; и волны и суша покорны тебѣ; завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ. И синяго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды, и пращъ, и стрѣла, и лукавый княжалъ шадать побѣдителя годы... Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ; незримый хранитель могущему данъ. Твой конь не боится опасныхъ трудовъ; онъ, чуя господскую волю, то смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ, то мчится по бранному полю, и холодъ и сѣча ему ничего,—но при-
мешь ты смерть отъ коня своего.“

Олегъ усмѣхнулся; однако чело и взоръ омрачились думой. Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло, съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой; и вѣрнато друга прощальной рукой и гладить, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга; разстаться настало намъ время: теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога въ твое позлащенное стремя. Прощай, утѣшайся; да помни меня. Вы, отроки-друзи, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ: въ мой лугъ поды устыцы отведите купайте, кормите отборнымъ зерномъ; водой ключевою поите“.

*) Волшебникомъ.

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, а князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ при звонѣ веселомъ стакана. И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ надъ славной главою кургана... Они поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ, скажите, гдѣ конь мой ретивый? Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ? Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“

И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ. Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: „что же гаданье? Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ! Презрѣть бы твое предсказанье: мой конь и донныѣ носилъ бы меня!“ И хотеть увидѣть онъ, кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора, съ нимъ Игорь и старые гости, и видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ мочутъ дожди, засыпаютъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ и молвилъ: „спи, другъ одинокой! твой старый хозяинъ тебя пережилъ: на тризнѣ *), уже недалеко, не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь и жаркою кровью мой прахъ напоишь! „Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Мнѣ смертію кость угрожала!“... Изъ мертвой главы гробовая змія, шипя, между тѣмъ, выползала: какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась, и вскрикнувъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣваясь шипятъ на тризнѣ плачевной Олега: князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ; дружина пируетъ у берега; бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

И Г О Р Ъ.

(912—945).

По смерти Олега началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь по морю на грековъ. Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ русь на Царь-городъ. Русскіе вышли на азіатскій берегъ и производили страшныя жестокости, грабя села и убивая жителей, пока не пришли греческіе воеводы съ востока, которые окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, послѣ злой сѣчи, сѣли ночью въ лодки и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ что страшно было

*) Тризна — языческіе поминки; на могилѣ воина обыкновенно приносили въ жертву его лошадь.

смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламя, метались въ морскую воду, чтобъ уйти отъ него какъ-нибудь. Возвратившіеся домой рассказывали своимъ о чудесномъ огнѣ: „У Грековъ въ рукахъ точно молнія небесная, которую они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ,“ — говорили воины Игоря. Игорь же, придя домой, началъ собирать большое войско, послалъ звать варяговъ изъ-за моря, и въ 944 году отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: „идеть русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.“ Также и болгары послали вѣсть: „идуть русскіе, наняли и печенѣговъ.“ Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: „не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придумаю и еще къ той дани.“ Игорь, дойдя до Дуная, созвалъ дружину и началъ думать съ нею о предложениіи царя. Дружина Игорева сказала: „если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!“ Игорь послушался дружины, и велѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, воротился назадъ и пришелъ къ Кіеву домой.

Послѣ этого, Игорь сталъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на древлянъ, желая взять съ нихъ еще бѣльшую дань. Дружина Игорева сказала ему: „наши товарищи, которые со Свѣнелдомъ *), богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь, и мы.“ Игорь послушался ихъ: пошелъ къ древлянамъ и началъ насильно брать съ нихъ сверхъ установленной прежде дани; потомъ пошелъ было домой, но на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей: „ступайте-ка вы съ данью домой, а я ворочусь назадъ, похожу еще.“ Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ Маломъ; они говорили: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубить.“ Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: „зачѣмъ идешь опять; вѣдь ты уже взялъ всю дань.“ Но Игорь не послушался ихъ; тогда древляне вышли изъ города, убили Игоря и перебили дружину его, такъ-какъ она была очень мала.

---

*) Полководецъ Игоря.

СВЯТАЯ ОЛЬГА.

(945—969).

Услышавъ о смерти Игоря, жена его Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ, собрала большое и храброе войско, и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли противъ нея. Когда оба полка сошлись, Святославъ бросилъ копьемъ въ древлянъ; копье, пролетѣвъ между ушей его лошади, ударило ей въ ноги, потому-что Святославъ былъ еще дитя и не умѣлъ владѣть копьемъ. Тогда Свѣнелдъ и Асмудъ, дядька Святослава, сказали: „князь уже почаль; пойдёмъ, дружина, за княземъ.“ Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились въ своемъ городѣ. Ольга взяла городъ и сожгла его; старшинъ городскихъ взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей — иныхъ убила, другихъ отдала въ рабство своимъ приближеннымъ, остальныхъ обложила тяжелою данью. Кончивъ войну, пошла Ольга съ сыномъ своимъ и дружиною по древлянской землѣ; установила вездѣ дани и оброки; потомъ пришла въ городъ свой Кіевъ, и, пробывъ здѣсь годъ, отправилась къ Новгороду, и по дорогѣ оставила вездѣ также оброки и дани.

Въ 955 году пошла Ольга въ Грецію, и пришла въ Царь-городъ. Тамъ приняла христіанство, а воротаясь въ Кіевъ, уговаривала и Святослава креститься; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говаривала сыну: „я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его.“ Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: „какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!“ Тогда Ольга говорила ему: „если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же.“ Но Святославъ не слушался матери, и жилъ по языческимъ обычаямъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(964—972).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или мясо другаго какого-нибудь звѣря, пекъ его самъ на угляхъ и ѣлъ. Шатра у него не было, но спалъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точно также жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать имъ: „хочу на васъ идти.“ Ходилъ воевать на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ вятичей, и спросилъ ихъ: „кому дань даете?“ Вятичи от-

вѣчали: „ хозарамъ. “ Тогда пошелъ Святославъ на хозаръ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ яссовъ и касоговъ *); наконецъ, пошелъ на Дунай на болгаръ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

Святославъ былъ въ Переяславцѣ, когда печенѣги въ первый разъ пришли на Русскую землю. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ; но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Вступили тогда жители города и говорили: „нѣтъ ли кого, кто бы могъ дойти на ту сторону и сказать имъ: если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся печенѣгамъ? “ Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: „я перейду, “ — и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между печенѣгами, спрашивая: „не видалъ ли кто его лошади? “ (Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, такъ что печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ничего сдѣлать ему, потому что жители другой стороны Днѣпра подѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: „если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться Печенѣгамъ. “ Тогда воевода, именемъ Прѣтичь, сказалъ: „подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей, и умчимъ ихъ на эту сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ. “ На другой день, сѣвъ въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, и побѣжали въ разныя стороны отъ города, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Прѣтичу и спросилъ: „кто это пришелъ? “ Ему отвѣчали: „лодки съ той стороны. “ Князь печенѣжскій спросилъ опять у Прѣтича: „а ты князь ли? “ Прѣтичь отвѣчалъ: „я его воевода, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ; за мною идетъ полкъ съ княземъ, — безчисленное множество народа. “ Все это онъ сказалъ, чтобъ испугать печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Прѣтичу: „будь мнѣ другомъ; “ Прѣтичь отвѣчалъ: „пожалуй. “ Печенѣжскій князь подарилъ Прѣтичу коня, саблю и стрѣлы; а этотъ подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда кіевляне послали сказать Святославу: „ты, князь, ищешь чужой земли и

*) Народы при-кавказскіе.

бережешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ едва-было не взяли печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то на насъ опять придутъ печенѣги: видно тебѣ не жалъ ни родины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей.“ Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ съ дружиною тотчасъ сѣлъ на коней и пріѣхалъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда, и, собравъ войско, прогналъ печенѣговъ въ степи.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ и онъ сталъ говорить матери своей и боярамъ: „не нравится мнѣ въ Кіевѣ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда привозятся всякія богатства: изъ Греціи туда идетъ золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи — серебро и кони; изъ Руси — звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы.“ Тогда Ольга отвѣчала ему: „развѣ не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь отъ меня уйти? похорони меня, по-крайней-мѣрѣ, а тамъ ужь ступай; куда хочешь.“ Черезъ три дня Ольга умерла; сынъ, внуки и всѣ люди много плакали по ней, потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертію не велѣла дѣлать надъ собою тризны, потому-что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ. Въ то же время пришли новгородцы просить и себѣ князя; они говорили: „если не пойдете къ намъ, то найдемъ себѣ другаго князя.“ Святославъ сказалъ: „да кто же пойдетъ къ вамъ?“ Ярополкъ и Олегъ отказались идти въ Новгородъ. Тогда Добрыня сказалъ новгородцамъ: „просите Владиміра“ (Добрыня былъ дядя Владиміру по матери). Новгородцы такъ и сдѣлали. Тогда Святославъ сказалъ имъ: „вотъ вамъ онъ, возьмите.“ Такимъ-образомъ, Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Добрынею, а Святославъ — въ Переяславецъ.

Когда пришелъ Святославъ въ Переяславецъ, то болгары затворились въ городѣ и не пустили его. Потомъ болгары вышли изъ города на сѣчу противъ Святослава; сѣча была велика, и болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: „видно уже намъ здѣсь умереть; такъ станемъ же биться мужественно, братья и дружина!“ Къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ приступомъ, и послалъ сказать грекамъ: „хочу на васъ идти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.“ Греки отвѣчали: „мы не въ состояніи стать противъ васъ; но возьми съ насъ дань на себя и на дружину свою; для чего скажите, сколько васъ, чтобъ намъ расчесться по числу людей.“ Хитрые греки сказали это, желая узнать, много ли русскихъ. Святославъ сказалъ имъ: „насъ двадцать тысячъ;“ десять тысячъ онъ

прибавилъ, потому-что русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава, и не дали ему дани; Святославъ пошелъ на грековъ. Когда же русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались; Святославъ сказалъ имъ: „уже намъ теперь некуда дѣться; волею и неволею должны биться; не посраимъ Русской земли, но ляжемъ здѣсь костью; мертвымъ намъ стыдно не будетъ; а если побѣдимъ, то ляжетъ на насъ стыдъ, отъ котораго некуда уйдти; станемъ же лучше крѣпко. Я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ.“ Воины отвѣчали ему: „гдѣ твоя голова ляжетъ, князь, тамъ и мы свои сложимъ.“ Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча велика. Святославъ одолѣлъ; греки побѣжали; тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и разоряя по дорогѣ города. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: „что намъ дѣлать? не можемъ никакъ одолѣть русскихъ!“ Бояре отвѣчали: „пошли къ Святославу дары, поразвѣдать, на что онъ больше падокъ, на золото или на дорогія ткани.“ Такъ и сдѣлали: послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавъ послу: „смотри, гляди ему въ лицо, какое на немъ будетъ выраженіе.“ Посоль, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки съ поклономъ; тогда онъ сказалъ: „введите ихъ сюда.“ Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани. Святославъ, смотря равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: „спрячьте.“ Послы, воротившись, сказали царю и боярамъ: „какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только ихъ спрятать.“ Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „попытайся еще; пошли къ нему оружіе.“ Совѣтъ былъ принять; послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе. Когда принесли оружіе, Святославъ взялъ его, сталъ хвалить и любоваться, и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ объ этомъ приѣмѣ, бояре сказали царю: „лють долженъ быть этотъ человѣкъ: пренебрегаетъ золотомъ, а беретъ оружіе; согласись на дань.“ Тогда царь послалъ сказать Святославу: „не ходи къ городу, но возьми дань, сколько хочешь.“ Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ; но увидавъ, что дружины осталось мало, началъ думать: „что если какою-нибудь хитростью перебьютъ дружину мою и меня? пойдти лучше въ Русь, привести побольше дружины.“ Съ этою цѣлію послалъ сказать царю: „хочу имѣть съ тобою твердый миръ.“ Царь, услыхавъ это, обрадовался и послалъ къ нему дары, еще больше, чѣмъ прежде. Святославъ принялъ дары, и началъ совѣтоваться съ дружиною, говоря такъ: „если не заключимъ мира съ царемъ, и онъ узнаетъ, что насъ мало, то, пришедши, обступятъ насъ въ городъ; а Русская земля далеко; печенѣги съ нами въ войнѣ; кто намъ тогда поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ; греки уже взя-

лись давать намъ дань; будетъ съ насъ; если же перестануть исправно платить, то поидемъ опять къ Царю-городу; тогда уже съ большимъ войскомъ“. Эта рѣчь понравилась дружинѣ.

Заклучивъ миръ съ греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ по Днѣпру къ порогамъ. Отцовскій воевода Аскольдъ говорилъ ему: „пойди лучше, князь, на коняхъ, потому что печенѣги стоятъ около пороговъ.“ Святославъ не послушался его и пошелъ въ лодкахъ. Тогда Переяславцы послали сказать печенѣгамъ: „идеть Святославъ въ Русь, съ большимъ имѣніемъ, но пѣшкомъ и съ малою дружиною.“ Услыхавъ объ этомъ, печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то негдѣ уже было пройти. Русскіе стали зимовать въ Бѣлобережьи; съѣстные припасы у нихъ повышли, и сдѣлался большой голодъ. Такъ провель Святославъ всю зиму. Весною двинулся онъ впередъ; но печенѣжскій князь Куря напалъ на него и убилъ, а Свѣнелдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку. Всего-на-все княжилъ Святославъ двадцать восемь лѣтъ.

ПЕРВЫЕ УДѢЛЫ И РАЗДОРЫ.

Въ 975 году сынъ Свѣнелда, именемъ Лютъ, вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидаль его Олегъ, князь древлянскій, и спросилъ своихъ: „кто это такой?“ Ему отвѣчали: „сынъ Свѣнелда;“ тогда Олегъ убилъ Свѣнелдича за то, что тотъ охотился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ. Свѣнелдъ, желая отомстить за сына, не переставалъ подговаривать Ярополка: „пойди на брата и отыми у него владѣніе.“ На третій годъ Ярополкъ пошелъ на брата своего Олега, въ Древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и стали сражаться: князь кіевскій побѣдилъ древлянскаго. Когда Олегъ съ воинами своими бѣжалъ въ городъ Овручъ, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, столпилось множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ числѣ спихнули и самаго Олега; за нимъ попадали еще много воиновъ и съ лошадьми, и лошади передавили людей. Между тѣмъ Ярополкъ вошелъ въ городъ Олеговъ, захватилъ тамъ всю власть и послалъ искать своего брата; искали, искали, и не нашли; тогда одинъ древлянинъ сказалъ: „я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста.“ Услыхавъ объ этомъ, Ярополкъ послалъ искать брата во рву: съ утра до полудня вытаскивали трупы изо рва; наконецъ, нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакать и говорилъ Свѣнелду: „полюбуйся — вотъ чего тебѣ хотѣлось!“ Олега погребли у города Овруча; могила его и теперь тамъ. Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ

Олега, испугался и бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году пришелъ Владиміръ съ варягами въ Новгородъ, и сказала Ярополковымъ посадникамъ: „ступайте къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя; пристроивайся противъ него биться.“

Когда Владиміръ пришелъ къ Кіеву со множествомъ войска, то Ярополкъ не могъ противостать ему, и затворился въ городѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ. Къ этому Блуду Владиміръ прислалъ съ такими рѣчами: „склонись на мою сторону; если мнѣ удастся убить брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь; вѣдь не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я же пришелъ на него изъ страха, чтобъ онъ и меня не убилъ.“ Блудъ отвѣчалъ посламъ Владиміровымъ, что будетъ помогать ихъ князю; и точно, безпрестанно ссылался съ нимъ, убѣждая приступать къ городу, а Ярополка обманывалъ, мысля убить его; но, боясь гражданъ, не могъ совершить убійства. Тогда Блудъ замыслилъ погубить Ярополка коварствомъ, и началъ говорить ему: „бѣги скорѣе изъ Кіева: кіевляне пересылаются съ Владиміромъ, убѣждаютъ его приступать къ городу, обѣщаясь предать тебя ему.“ Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева, и затворился въ городѣ Роднѣ, а Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ; гдѣ скоро едѣлася страшный голодъ; есть на Руси пословица и теперь: „бѣда, точно въ Роднѣ.“ Въ такихъ обстоятельствахъ Блудъ началъ говорить Ярополку: „видишь, сколько войска у твоего брата; намъ его не пересилить; заключай скорѣе миръ;“ все это онъ говорилъ, обманывая князя. Ярополкъ отвѣчалъ: „хорошо.“ Тогда Блудъ послалъ ко Владиміру съ такими рѣчами: „я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.“ Получивъ это извѣстіе, Владиміръ пошелъ на отцовскій теремный дворъ, и сѣлъ тамъ съ дружиною, а Блудъ между-тѣмъ говорилъ Ярополку: „ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, тѣмъ и буду доволенъ.“ Ярополкъ пошелъ, хотя вѣрный слуга его, Варяжко, говорилъ ему: „не ходи, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ печенѣгамъ и приведи оттуда войско;“ но князь не послушался. Когда Ярополкъ пришелъ ко Владиміру, и сталъ входить въ двери, то два варяга пронзили его мечами подъ пазуху, а Блудъ между-тѣмъ захлопнулъ за нимъ двери, и не далъ ярополковой дружинѣ войти за своимъ княземъ: такъ былъ убитъ Ярополкъ.

Послѣ этого варяги сказали Владиміру: „городъ-то нашъ; вѣдь мы его взяли, и потому хотимъ брать окупъ на гражданахъ, по двѣ гривны съ человѣка.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ: „подождите немного, пока соберутъ деньги за мѣсяць.“ Варяги ждали, ждали, но имъ ничего не давали; тогда они сказали Владиміру: „обманулъ ты насъ; позволь намъ по-крайней-мѣ-

рѣ, идти въ Грецію.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ: „ступайте.“ Потомъ, выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города въ управленіе; другіе же пошли въ Царь-градъ, къ грекамъ. Но Владиміръ прежде нихъ еще отправилъ пословъ къ императору съ такими словами: „вотъ идутъ къ тебѣ варяги; не держи ихъ въ городѣ, а не то надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и у насъ здѣсь; лучше размечи ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда къ намъ не пускай ни одного“.

ВЛАДИМІРЪ ЯЗЫЧНИКЪ.

(980 — 988).

Такъ Владиміръ началъ княжить въ Кіевѣ одинъ, и поставилъ разные кумиры на холму за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой; кромѣ него — Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей, и закаляли ихъ въ жертву богамъ; оскверняли землю своими жертвами, — и осквернилась кровью земля Русская и холмъ тотъ. Но преблагій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшникамъ: на томъ холмѣ теперь церковь стоитъ св. Василія.

Ходилъ Владиміръ на Ляховъ и занялъ города ихъ, Перемышль, Червень и другіе, которые и теперь подъ Русью: побѣдилъ и Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ къ Кіеву, и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: „бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ: на кого падеть, того и зарѣжемъ богамъ.“ Въ это время, жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ теперь церковь св. Богородицы, построенная Владиміромъ. Варягъ тотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому варягу и сказали: „на твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобъ мы принесли его имъ въ жертву.“ Варягъ отвѣчалъ: „то не боги, а дерево; нынче есть, а завтра стгнѣтъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ, которому служатъ греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ.“ Посланные пересказали слова варяга гражданамъ; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Ему кричали: „отдай сына: намъ нужно его принести въ жертву богамъ.“ Онъ отвѣчалъ: „если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ-чего такъ хлопчете?“ Въ народѣ

раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подь обоими варягами, и такимъ-образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

(988 г.)

Въ 986-мъ году пришли ко Владиміру болгары вѣры Магометовой и стали уговаривать его принять ихъ вѣру. Но Владиміру не понравилось, что магометанскій законъ запрещаетъ пить вино: „Русь любитъ выпить,“ сказалъ онъ: „не можемъ быть безъ того.“ Потомъ прислали нѣмцы отъ папы и говорили ему о преимуществахъ своей вѣры. Выслушалъ и ихъ Владиміръ, но сказалъ: „никто изъ отцовъ нашихъ не принялъ вашей вѣры — идите себѣ.“ Услышавъ объ этомъ, хозарскіе жида прислали также уговаривать Владиміра принять еврейскую вѣру; но когда князь спросилъ у нихъ, „гдѣ земля ваша?“ то они должны были отвѣчать: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ странамъ, а наша земля отдана христіанамъ.“ Если бы Богъ любилъ васъ и вашъ законъ, „сказалъ имъ Владиміръ:“ то не разогналъ бы васъ по разнымъ странамъ: развѣ вы хотите, чтобы и съ нами то же случилось?“ Послѣ всѣхъ пришелъ ко Владиміру греческій мудрецъ и рассказалъ ему, въ чемъ состоитъ истинная христіанская вѣра. Владиміръ выслушалъ внимательно и отпустилъ философа съ дарами и съ великою честью.

Послѣ этого созвалъ Владиміръ бояръ и городскихъ старѣйшинъ и рассказалъ имъ все, что слышалъ отъ болгаръ, жидовъ, нѣмцевъ, и грековъ. „Никто своего не хулитъ, а всякій хвалитъ,“ отвѣчали бояре: „если хочешь узнать правду, то выбери нѣсколько умныхъ людей и пошли ихъ въ разныя страны посмотришь, какъ кто служитъ своему Богу.“ Владиміръ такъ и сдѣлалъ.

Когда послы Владиміровы воротились назадъ, тогда князь опять собралъ бояръ и старѣйшинъ, и, призвавъ пословъ, велѣлъ имъ говорить, что они видѣли. Послы рассказали по порядку, гдѣ были и что видѣли; но ни одно богослуженіе, кромѣ греческаго, имъ не понравилось. „Когда же мы видѣли богослуженіе греческое“, говорили послы, „то не знали, на землѣ ли мы или на небѣ, и не можемъ забыть этой красоты: всякій человѣкъ, попробовавъ сладкаго, отвращается отъ горькаго, такъ и мы здѣсь не останемся.“ При этомъ бояре сказали Владиміру: „если бы дурень былъ законъ греческій, то и бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ людей, не приняла бы его.“ Но Владиміръ не принялъ тогда христіанской вѣры: ему казалось стыдно просить ее у грековъ, и онъ рѣшился добыть себѣ вѣру оружіемъ.

Въ 988 году, пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій; корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: „если не сдадитесь, то три года простою здѣсь;“ но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время, одинъ житель корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду.“ Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно: воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василию и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ: слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню.“ Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: „не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестись, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрецъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.“ Владиміръ отвѣчалъ посламъ: „скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому-что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.“ Цари, услыша это, обрадовались, и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу уговорили идти: она сѣла въ корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царица пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенья, обвѣнчался съ Анною, и пошелъ съ нею къ Кіеву. Пришедши туда, онъ велѣлъ оповѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ.“ Услыхавъ это, люди шли съ радостью, говоря: „еслибъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее.“ На другой день, Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли въ ней, одни по шею, другіе по грудь, малолѣтныя у берега, возрастныя же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

(988 — 1014.)

Владиміръ велѣлъ строить церкви въ Кіевѣ и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ поставилъ онъ церковь св. Ва-

силія на холмѣ, гдѣ прежде стоялъ Перунъ и гдѣ приносили жертвы князь и люди; и по другимъ городамъ началъ ставить церкви и къ нимъ священниковъ, и людей приводить на крещенье по всемъ городамъ и селамъ. Послалъ также взять у лучшихъ гражданъ дѣтей, и отдать ихъ въ книжное ученье; при этомъ матери плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвецамъ, потому-что не были еще утверждены въ вѣрѣ.

Въ 991 году, пошелъ Владиміръ на хорватовъ. Только что возвратился онъ съ хорватской войны, какъ вотъ печенѣги пришли изъ степей; Владиміръ пошелъ противъ враговъ, и встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ. Владиміръ сталъ на этой сторонѣ, а печенѣги на той, и не смѣли ни наши перейти на печенѣжскую сторону, ни печенѣги на нашу. Тогда пріѣхалъ князь печенѣжскій къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра и сказалъ ему: „выпусти ты своего воина, а я своего, пусть поборются; и если твой осилитъ моего, то не будемъ воевать три года, если же нашъ одолѣетъ, то будемъ опустошать вашу землю цѣлые три года.“ Послѣ этого разговора, князья разошлись. Владиміръ, пришедши къ себѣ въ станъ, послалъ кликать по палаткамъ: „нѣтъ ли такого человѣка, который бы взялся биться съ печенѣгомъ?“ — и не сыскался никто. На другое утро, пріѣхали печенѣги и привели своего бойца, а у нашихъ никого не было. Сталъ тужить Владиміръ, и послалъ опять кликать по всему войску; тогда пришелъ къ князю старикъ и сказалъ ему: „князь, вышелъ я сюда на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, меньшей, остался дома; съ самого дѣтства не было человѣка, кто бы его одолѣлъ: однажды онъ мять воловьѣю кожу, а я сталъ его за что-то бранить, такъ онъ, разсердясь на меня, прорвалъ кожу руками.“ Князь, услыхавъ объ этомъ, обрадовался и послалъ за молодымъ человѣкомъ. Когда онъ пришелъ, то князь разсказалъ ему, въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: „я не знаю, князь, могу ли биться съ печенѣгомъ, но пусть испытаютъ меня: нѣтъ ли гдѣ здѣсь большаго и сильнаго быка?“ Нашли быка большаго и сильнаго, велѣли разъярить его раскаленнымъ желѣзомъ и пустили на волю; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. Владиміръ, видя это, сказалъ ему: „можешь биться съ печенѣгомъ.“ На другое утро, пришли печенѣги, и начали опять кричать: „чтожъ? нашелся ли боецъ? а нашъ ужъ готовъ.“ Владиміръ еще за ночь велѣлъ своему бойцу вооружиться, и вотъ оба показались. Съ печенѣжской стороны вышелъ великанъ, страшный видомъ; выступилъ и Владиміровъ богатырь; онъ былъ средняго роста, и потому печенѣгъ, увидавъ его, началъ смѣяться. Размѣрили мѣсто между обоими полками, пустили борцовъ: тѣ схватились и начали крѣпко щемить другъ друга; нашъ стиснулъ печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю; тогда съ обѣихъ сторонъ раздался крикъ; печенѣги побѣжали;

русскіе ударили въ слѣдъ за ними и прогнали ихъ. Владиміръ былъ радъ, сдѣлалъ богатыря большимъ человѣкомъ и отца его тоже; потомъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

Въ 995 году, опять пришли печенѣги, къ городу Васильеву. Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, и, когда вступилъ въ битву, то не могъ удержаться, побѣжалъ и едва укрылся отъ враговъ подъ мостомъ. Тутъ обѣщался Владиміръ, если спасется, поставить церковь св. Преображенія въ Василевѣ, потому-что въ тотъ день, когда была сѣча, было Преображеніе. Избавившись отъ бѣды, Владиміръ точно поставилъ церковь, и сдѣлалъ большой праздникъ, наварилъ меду, и созвалъ бояръ своихъ, и посадниковъ, и старшинъ изъ всѣхъ городовъ, и всякихъ людей много, и роздалъ нищимъ триста гривенъ. Праздновавъ 8 дней, князь воротился въ Кіевъ на Успеніе Богородицы, и тутъ опять сдѣлалъ праздникъ большой, созвавъ безчисленное множество народа. Онъ приказывалъ всякому нищему и убогому приходиться на княжій дворъ и брать все, что надобно: питье, кушанье и деньги изъ казны. Устроивъ это, онъ сказалъ: „вѣдь больные и слабые не могутъ дойти до моего двора,“ и потому велѣлъ дѣлать телѣги, накладывая на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разныя, медъ, квасъ, и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, кто ходить не можетъ?“ Каждое воскресенье завелъ онъ на дворѣ своемъ пиры, куда приходили бояре, дворяне, сощкіе, десяцкіе, лучшіе люди, при князѣ и безъ князя: бывало на тѣхъ пирахъ множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вотъ, бывало, какъ подошьютъ, то и начнутъ роптать на князя, говоря: „что это наше здѣсь за житье горькое! даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Владиміръ, услыхавъ это, велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ при этомъ: „серебромъ и золотомъ не найдешь дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра.“ Владиміръ любилъ свою дружину, и думалъ съ нею обо всякихъ дѣлахъ, объ устройствѣ земскомъ, о войнахъ, объ уставахъ земскихъ; съ окольными князьями жилъ онъ мирно, и съ польскимъ княземъ, и съ венгерскимъ, и съ богемскимъ: были между ними миръ и любовь.

Въ 1014 году, сынъ Владиміра, Ярославъ, — который княжилъ въ Новгородѣ, и давалъ каждый годъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, а тысячу раздавалъ въ самомъ Новгородѣ дружинѣ, что дѣлали и всѣ прежніе посадники новгородскіе — въ этотъ годъ вдругъ не захотѣлъ давать дани отцу своему. Владиміръ сказалъ: „поправляйте дороги и мостите мосты,“ потому-что хотѣлъ идти на Ярослава войною, да вдругъ разболѣлся. Между-тѣмъ, слышали, что печенѣги идутъ на Русь; Владиміръ вы-

сдаль противъ нихъ сына своего Бориса, а самъ сильно разболѣлся, и съ этой болѣзни и умеръ.

И Л Ъ Я М У Р О М Е Ц Ъ .

(Народная сказка).

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева, какъ была-де поѣздка богатырская — наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ ко стольному городу ко Кіеву, онъ тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, чрезъ тѣ лѣса брынскіе, чрезъ черны грязи смоленскія, и залегъ ту дорогу Соловей разбойникъ.

И кладеть Илья заповѣдь велику: что проѣхать дорогу прямоѣзжую, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вымать изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана не вымать калену стрѣлу. Береть благословеніе великое у отца съ матерью.

А и только его Илью видѣли, прощался съ отцемъ, съ матерью, и сядился Илья на своего добра коня, а и выѣхаль Илья со двора своего во тѣ ворота широкія; какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ — а и конь подъ Ильею разсержается, онъ перву скокъ ступилъ за пять вереть, а другаго ускока не могли найти. Поѣхаль онъ черезъ тѣ лѣса брынскіе, черезъ тѣ грязи смоленскія.

Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ, во темныхъ лѣсахъ, во брынскіихъ, наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ, и наѣхаль онъ Илья Соловья разбойника. И заслышалъ Соловей разбойникъ того ли топу коннаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія; засвисталъ Соловей по соловьиному, а въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному, а втретьи зрываетъ по звѣриному. Подъ Ильею конь окорачился, и падалъ вѣдь на кукорачь. Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ: „А ты волчья сыть, травяной мушокъ! Не бываль ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, не бываль ты конь во темныхъ лѣсахъ, не слыхаль ты свисту соловьиного, не слыхаль ты пину змѣиного, а звѣринаго крику туринаго.“ Разрушаетъ Илья заповѣдь великую, вымаеть калену стрѣлу и стрѣляетъ въ Соловья разбойника; и попалъ Соловья, да въ правой глазъ. Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба ко момъ къ сырой земли. Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья за бѣлы руки, привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдѣльныя; проѣхаль онъ воровску заставу крѣпкую. И стегаетъ Илья онъ добра коня, а добра коня по тучнымъ бедрамъ; какъ бы конь подъ нимъ осержается — побѣжалъ Илья, какъ соколь летить. Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ, среди двора княженецкаго, и скочилъ онъ Илья со добра коня, привязалъ коня къ дубовому столбу. Приходилъ онъ во грудню во свѣтлую, и молился онъ Спасу со Пречистою, поклонился Князю со Княгинею — на всѣ на четыре сто-

роны. У Великаго Князя Владиміра, у него князя былъ почетный пиръ; а и много на пиру было князей и бояръ, много сильныхъ могучихъ богатырей; и поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ Илья единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ Князь: „ты скажись молодець, какъ именемъ зовуть? А по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати.“

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ: „А ты ласковой, стольной Владиміръ Князь! а меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева.“

Говорятъ тутъ могучіе богатыри: „А ласково солнце, Владиміръ Князь! въ очахъ дѣтина завирается; а гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею? Залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья разбойника.“ Говоритъ Илья Муромецъ: „Гой еси ты, Осударь, Владиміръ Князь! посмотри мою удачу богатырскую, вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.“ И втапору Илья Муромецъ пошелъ съ Великимъ Княземъ на широкій дворъ смотрѣть его удачи богатырскія. Выходили тутъ князья, бояра, все русскіе могучіе богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь-то братьевъ Збродовичи, еще мужики были Залешана, а еще два брата Хашиловы; только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ. Выходилъ Илья на широкой дворъ ко тому Соловью разбойнику, онъ сталъ Соловья уговаривать: „Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! Просвисти Соловей по соловьиному, пошипи змѣй по змѣиному, зрявкой звѣрь по туриному, и потѣши Князя Владиміра.“

Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй по змѣиному, онъ втретье зрявкаетъ по туриному. А князья и бояре испужалися, на корачкахъ по двору наползалися, и все сильны богатыри могучіе. И накурилъ онъ бѣды несносныя: гостини кони съ двора разбѣжались — и Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, со душой Княгиней Апраксѣвной. Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ князь: „А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника; а и эта шутка намъ не надобна.“

СВЯТОПОЛЕКЪ БРАТОУВІЙЦА.

(1015 — 1019).

По смерти Владиміра, въ Кіевѣ сѣлъ старшій сынъ его, Святополкъ. Онъ созвалъ кіевлянъ и началъ давать имъ имѣніе; они брали, но сердце ихъ не лежало къ нему, потому-что братья ихъ были съ Борисомъ. Борисъ уже возвращался съ войскомъ назадъ, не найдя печенѣговъ, какъ вдругъ

пришла къ нему вѣсть: „отецъ у тебя умеръ.“ Борисъ горько плакалъ по отцѣ, потому-что былъ у него сынъ любимый. Отцовская дружина сказала ему: „вотъ у тебя отцовская дружина и войско; пойди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ.“ Борисъ отвѣчалъ: „не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то пусть тотъ будетъ мнѣ вмѣсто отца.“ Услыхавъ это, воины разошлись отъ него, и Борисъ остался на рѣкѣ Альтѣ съ одними своими отроками *). Между-тѣмъ, Святополкъ, задумавъ незаконное дѣло, послалъ къ Борису съ такими рѣчами: „хочу съ тобою любовь имѣть, и придамъ тебѣ еще къ тому, что ты получилъ отъ отца;“ но все это было одна лесть, — онъ хотѣлъ погубить его. Святополкъ пришелъ ночью въ Вышгородъ, тайно призвалъ Путшу и вышгородскихъ старшинъ и сказалъ имъ: „преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ Путша и другіе вышгородцы отвѣчали: „головы свои за тебя сложимъ.“ Тогда онъ сказалъ имъ: „не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса;“ они обѣщались ему скоро это исполнить. Ночью пришли они къ рѣкѣ Альтѣ, и когда подступили поближе, то услышали, что Борисъ поетъ заутреню: къ нему уже пришла вѣсть, что собираются погубить его. Помолвившись, онъ легъ на постель; и вотъ убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатерьъ, просунули въ него копыя и прокололи Бориса; вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая своимъ тѣломъ защитить господина. Это былъ любимецъ Бориса, звали его Георгіемъ, родомъ онъ былъ изъ Венгріи. Борисъ его очень любилъ, и возложилъ на него большую золотую цѣпь, въ которой онъ всегда передъ нимъ находился. Тутъ же было побито много и другихъ отроковъ Борисовыхъ. Борисъ еще дышалъ, когда убійцы завернули его въ шатерное полотно, положили на колесницѣ и повезли. Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его; когда посланные пришли и увидали, что князь еще живъ, то одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви св. Василя. Тогда окаянный Святополкъ началъ думать: „вотъ я убилъ Бориса; какъ бы убить Глѣбу?“ Для этого онъ послалъ съ лестію ко Глѣбу, веля сказать ему: „пріѣзжай сюда поскорѣе, отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ.“ Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною, потому-что онъ былъ послушливъ отцу. Въ это же время пришла вѣсть въ Новгородъ къ Ярославу отъ сестры его Предславы объ отцовской смерти, и Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: „Не ходи: отецъ у тебя умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ.“ Услыхавъ это, Глѣбъ горько заплакалъ объ отцѣ, но еще больше плакалъ

*) Младшіе члены дружины.

онъ о братѣ. Когда Глѣбъ молился со слезами, внезапно пришли посланные отъ Святополка, которымъ поручено было убить Глѣба. Отроки Глѣбовы обмерли отъ страха; окаянный Горясѣръ, одинъ изъ посланныхъ Святополкомъ, велѣлъ тотчасъ же зарѣзать князя; поваръ Глѣбовъ, торчинъ (изъ народа торковъ), вынувъ ножъ, зарѣзалъ своего господина. Злодѣи возвратились назадъ и сказали Святополку: „мы исполнили, что ты приказалъ.“

Этотъ Святополкъ окаянный убилъ и третьяго брата Святослава, пославши догнать его, когда тотъ бѣжалъ въ Венгрію. Послѣ этого, Святополкъ началъ думать: „перебью всѣхъ своихъ братьевъ, и стану владѣть одинъ всею Русскою землею.“ Когда еще Ярославъ новгородскій не зналъ объ отцовской смерти, то, собираясь воевать съ Владиміромъ, призвалъ множество варяговъ. Эти варяги дѣлали новгородцамъ большое насилье. Новгородцы возстали и перебили варяговъ. Разгнѣвался Ярославъ и, пославъ сказать новгородцамъ: „уже мнѣ не воскресить убитыхъ,“ позвалъ къ себѣ на пиръ лучшихъ мужей, которые убили варяговъ: обманулъ ихъ и всѣхъ перебилъ.

Въ ту же ночь, пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры его Предславы: „отецъ твой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, а на Глѣба послалъ; берегись его.“ Когда Ярославъ услышалъ это, то ему жаль стало отца и дружины. На другой день, собравъ остатокъ новгородцевъ, Ярославъ сказалъ: „Любезная моя дружина, кого вчера перебилъ, нынче были бы надобны.“ Потомъ, утеръ слезы и сказалъ народу на вѣщъ: „отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, да братьевъ убиваетъ.“ Новгородцы отвѣчали: „хотя братья наши и перебиты, но все-таки можемъ стать за тебя.“ Тогда Ярославъ собралъ войско и пошелъ на Святополка, призвавши Бога во свидѣтели своей правды; онъ говорилъ: „не я началъ избивать братьевъ, но онъ; пусть будетъ Богъ мстителемъ за кровь братьевъ моихъ, потому-что безъ вины пролилъ кровь праведнаго Бориса и Глѣба: чтожь, пожалуй и со мной то же сдѣлаетъ?“ И пошелъ на Святополка. Тотъ, услыхавъ, что Ярославъ идетъ, пристроилъ множество войска, руси и печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брата стали, одинъ по сю, другой по ту сторону Днѣпра; но ни тотъ, ни другой не смѣли начать дѣло, и такъ стояли три мѣсяца другъ противъ друга. Тогда Святополковъ воевода, ѣздя возлѣ берега, началъ корить новгородцевъ: „что вы пришли съ вашимъ хромымъ княземъ? ахъ, вы плотники! Вотъ мы заставимъ васъ строить намъ хоромы.“ Услыхавъ такую брань, новгородцы сказали Ярославу: „завтра же перевеземъ на ту сторону; если же кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.“ Въ это время уже настали морозы; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ, рано утромъ приготовивъ свою дружину, на разсвѣтѣ перешелъ съ нею на

другую сторону рѣки. Когда новгородцы вышли на берегъ, то оттолкнули лодки и пошли на враговъ. Сѣча была злая; печенѣгамъ нельзя было озеромъ помочь Святополку, и новгородцы притиснули неприятелей къ озеру; тѣ вступили на ледъ, ледъ подъ ними обломился, и Ярославъ началъ одо- лѣвать. Тогда Святополкъ побѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.

Въ 1018 году, пришелъ Болеславъ, король польскій, съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ собралъ русь, варяговъ, славянъ, и пошелъ къ нимъ на встрѣчу; враги стали по берегамъ рѣки Буга. У Ярослава былъ воспитатель и воевода, именемъ Будый; онъ началъ смѣяться надъ Болеславомъ, говоря: „вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое.“ Болеславъ былъ великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть, но былъ смышленъ; услыхавъ насмѣшки, онъ сказалъ дружинѣ своей: „если вы можете терпѣть такой укоръ, то я одинъ пойду на враговъ, хоть и погибну.“ Сказавъ это, сѣлъ на коня и вѣхалъ въ рѣку, за нимъ и войско его. Ярославъ не успѣлъ приготовиться, былъ побѣжденъ, и убѣжалъ только съ четырьмя мужами въ Новгородъ, а Болеславъ вошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ, и хотѣлъ уже оттуда бѣжать за море, то посадникъ Константинъ съ новгородцами разсѣкли лодки Ярославовы, сказавши: „хотимъ еще биться съ Болеславомъ и съ Святополкомъ.“ Они начали собирать деньги, призвали варяговъ, роздали имъ жалованье, и Ярославъ собралъ много войска. Болеславъ въ это время сидѣлъ въ Кіевѣ, а дружина его была разведена по городамъ; окаянный Святополкъ сказалъ своимъ: „сколько ни есть поляковъ по городамъ, бейте ихъ;“ — и поляковъ перебили. Тогда Болеславъ побѣжалъ изъ Кіева, взявши имѣніе и бояръ Ярославовыхъ, и людей множество повелъ съ собою въ плѣнъ, и города Червенскіе *) занялъ. Святополкъ же началъ княжить въ Кіевѣ, и, услыхавъ, что Ярославъ идетъ на него, убѣжалъ къ печенѣгамъ.

Въ 1019 году, пришелъ Святополкъ съ печенѣгами въ силѣ тяжкой; Ярославъ также собралъ множество войска, вышелъ противъ него на рѣку Альту, и покрылось альтское поле множествомъ воиновъ. Была тогда пятница; только что показалось солнце, враги сошлись; сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣблись мечами, схватывая другъ друга за руки; и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удольямъ; къ вечеру одо- лѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ. Во время бѣгства попалъ на Святополка такой страхъ, что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ идти. Отроки взяли его на носилки и понесли; но какъ только гдѣ нибудь хотѣли

*) Теперь Галиція.

остановиться для отдыха, то Святополкъ вошилъ: „бѣгите со мною, за нами гонятся!“ хотя отроки не видѣли ни кого, кто бы гнался за ними. Святополкъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ, и бѣгалъ изъ страны въ страну; наконецъ погибъ онъ гдѣ-то въ пустынь, мучимый совѣстью. Ярославъ же вошелъ въ Кіевъ, отеръ съ дружиною потъ послѣ великихъ трудовъ и сѣлъ на престолѣ отца своего.

ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ.

(1019 — 1054).

Въ 1024 году, когда Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришелъ Мстиславъ изъ Тмуторакани къ Кіеву, и не приняли его кіевляне; тогда онъ пошелъ и сѣлъ въ Черниговѣ, а Ярославъ все былъ въ Новгородѣ. Услыхавъ о приходѣ Мстислава, онъ послалъ за море звать варяговъ, и вотъ пришелъ къ нему слѣпой Якунь съ варягами. Тогда Ярославъ пошелъ съ нимъ на Мстислава, и оба брата сошлись при Лиственѣ. Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, и поставилъ сѣверянъ въ серединѣ противъ варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по бокамъ. Ночь была претемная, съ молніею, громомъ и дождемъ; тогда Мстиславъ сказалъ дружинѣ: „пойдемъ на нихъ.“ Враги сошлись; сѣверяне схватились съ варягами, и когда варяги утомились, поражая сѣверянъ, тогда наступилъ на нихъ Мстиславъ съ дружиною и началъ бить варяговъ. Сильна была сѣча! Какъ освѣтитъ молнія, такъ и заблеститъ оружіе; и гроза была большая, и сѣча была сильная и страшная. Когда Ярославъ увидалъ, что побѣжденъ братомъ, то побѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ; Ярославъ пошелъ въ Новгородъ, а Якунь за море. Мстиславъ же, на другой день на разсвѣтѣ, видя трупы своихъ сѣверянъ и Ярославовыхъ варяговъ, сказалъ: „кто этому не порадуется? вотъ лежитъ сѣверянинъ, а вотъ варягъ, а дружина моя цѣла.“ Послѣ этого, Мстиславъ послалъ сказать Ярославу: „сидь въ своемъ Кіевѣ: ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона.“ На другой годъ, Ярославъ заключилъ миръ съ братомъ, и раздѣлили Русскую землю по Днѣпръ: Ярославъ взялъ эту сторону, а Мстиславъ ту; и начали жить мирно въ братолюбіи; усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина въ землѣ. Въ 1036 году, Мстиславъ вышелъ на охоту, разболѣлся и умеръ; и положили его въ церкви у св. Спаса, которую онъ самъ построилъ. Мстиславъ былъ полонъ, красноватъ въ лицѣ, съ большими глазами; былъ храбръ на войнѣ, милостивъ, очень любилъ дружину, не щадилъ для нея ни имѣнья, ни ѣды, ни питья. Владѣніе его досталось Ярославу, и сталъ Ярославъ самовластцемъ въ Русской землѣ.

Въ 1043 году, послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ. Вотъ и пошелъ

Владиміръ въ лодкахъ; пришли къ Дунаю, а оттуда отправились къ Царюграду. Вдругъ встала большая буря, русскіе корабли разбило, и самый княжескій корабль вѣтеръ разбилъ. Князя Владиміра взялъ къ себѣ въ корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославовъ; прочіе же воины, числомъ 6,000, выброшены были на берегъ, и хотѣли идти назадъ въ Русь, но никто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними. Тогда Вышата сказалъ: „я пойду съ ними; останусь живъ, хорошо, а погибну, все лучше съ дружиною.“ Тогда къ грекамъ пришла вѣсть, что русскіе корабли разбиты бурей, и царь, именемъ Мономахъ, послалъ свои корабли вслѣдъ за непріятелемъ. Владиміръ, видя съ дружиною, что за ними погоня, оборотился назадъ, разбилъ греческіе корабли, и пришелъ въ Русь; но Вышату съ остальнымъ войскомъ греки взяли въ плѣнъ, и привели въ Царьгородъ, гдѣ много русскихъ ослѣпили; только уже черезъ три года, когда заключенъ былъ миръ, пустили Вышату въ Русь къ Ярославу.

Въ 1054 году, умеръ великій князь русскій Ярославъ. Еще при жизни, онъ урядилъ сыновей своихъ, сказавъ имъ: „вотъ я отхожу изъ этого свѣта, дѣти мои; любите другъ друга, потому-что вы дѣти одного отца и матери. Если будете жить въ любви другъ съ другомъ, то Богъ будетъ среди васъ, и покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить мирно; если же будете ненавидѣть другъ друга, жить въ расприхъ и ссорахъ, то погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдовъ своихъ, которую они достали себѣ трудомъ великимъ. Но живите мирно, слушаясь братья брата. вмѣсто себя, поручаю Кіевъ старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; а Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленскъ.“ Такъ подѣлилъ онъ между ими города, заказавъ имъ не вступаться въ братнія области и не выгонять другъ друга; а Изяславу сказалъ: „если кто вздумаетъ обижать брата своего, то ты помогай обиженному.“ Ярославъ умеръ въ Вышгородѣ; при немъ былъ тогда третій сынъ его, Всеволодъ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ и держалъ всегда при себѣ. Всеволодъ положилъ тѣло отца своего въ сани и повезъ въ Кіевъ; по дорогѣ священники пѣли обычныя пѣсни, а народъ провожалъ съ плачемъ; привезя въ Кіевъ, положили его въ мраморномъ гробѣ, въ церкви св. Софіи, и плакали по немъ Всеволодъ и всѣ люди.

ОСЛѢПЛЕНІЕ ВАСИЛЬКА.

(1097 г.).

Послѣ Ярослава, дѣти его и внуки раздѣлили между собою Русскую землю. На престолѣ великокняжескомъ, въ Кіевѣ, долженъ былъ сидѣть старшій въ родѣ, великій князь, и быть удѣльнымъ князьямъ вмѣсто

отца; но удѣльные князья мало слушались великаго князя, подымали ссоры и междоусобныя войны.

Въ княженіе внука Ярославова, Святополка II, съѣхалось много князей въ Любечѣ и сказали другъ другу: „зачѣмъ мы ссоримся и губимъ Русскую землю, а половцы радуются нашимъ раздорамъ, грабятъ и опустошаютъ Русь; будемъ жить въ мирѣ и каждый пусть будетъ доволенъ своею отчиною.“ И рѣшились князья жить мирно, раздѣлились между собою съ общаго согласія и на томъ цѣловали крестъ другъ другу. Но одинъ изъ удѣльныхъ князей, Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, и по наущенію злыхъ совѣтниковъ, умыслилъ злое дѣло противъ другаго князя, Василька, и наклеветалъ на него великому князю Святополку. Когда Василько, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева со своею дружиною, и остановился подъ Кіевомъ ночевать, то поутру Святополкъ прислалъ къ нему, говоря: „не уходи отъ имянинъ моихъ.“ Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой; но тутъ прислалъ къ нему и Давидъ, говоря: „не ходи, братъ, не ослушайся брата старѣйшаго.“ Василько не послушалъ и Давида. „Видишь ли,“ сказалъ тогда Давидъ Святополку: „Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата: увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станетъ отнимать у тебя твои города, тогда вспомнишь слова мои, да будетъ поздно. Созови-ка лучше кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ.“ Святополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Васильку: „Если не хочешь дожидаться имянинъ моихъ, то приди, по крайней мѣрѣ, проститься и побесѣдовать со мною и съ Давидомъ.“ Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. На дорогѣ встрѣтилъ его отрокъ и сказалъ ему: „Не ходи князь, въ Кіевъ: хотятъ тебя схватить.“ Но Святополкъ подумалъ: „какъ-же имъ хотѣтъ схватить меня, когда они цѣловали мнѣ крестъ, чтобы намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!“ перекрестился — и поѣхалъ.

Когда Василько съ малою дружиною взѣхалъ на княжескій дворъ, то Святополкъ встрѣтилъ его и ввелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. „Останься съ нами на праздникъ,“ сказалъ Святополкъ Васильку; но тотъ отвѣчалъ: „не могу остаться братъ; я уже приказалъ моему обозу отправиться впередъ.“ — „Позавтракай же, по крайней мѣрѣ, съ нами“, сказалъ Святополкъ: „посидите здѣсь немного съ братомъ, а я пойду распоряжусь,“ и вышелъ вонъ. Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ было заговаривать съ нимъ: но Давидъ не отвѣчалъ ни слова (у него на сердцѣ было злое дѣло), и, посидѣвъ немного, всталъ и вышелъ. Тогда вошли воины, заковали Василька въ оковы, заперли въ горницу и приставили къ ней на ночь стражу. Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и кіевлянъ и, разсказавъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Василькѣ, спросилъ ихъ совѣта. „Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову,“

отвѣчали кіевляне: „если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если же нѣтъ — то Богъ отомститъ Давиду.“ Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ: „еслипустишь — то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ,“ и подговаривалъ на ослѣпленіе. Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ, небольшой городъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева, и засадили его въ тѣсную горницу, куда, спустя немного, вошелъ торчинъ и сталъ точить ножъ. Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. За торчиномъ въ горницу вошли еще два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолѣть, потому что онъ защищался изо всѣхъ силъ. Тогда пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, такъ что кости его захрустѣли, и ослѣпили. Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый; его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли во Владиміръ. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Воздвиженьѣ, провожатые князя остановились обѣдать; сняли съ него окровавленную сорочку и отдали вымытъ попадѣ. Попадья одѣла князя въ чистую сорочку и, сидя возлѣ, плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Но князь очнулся и спросилъ: „гдѣ я?“ Ему отвѣчали: „въ Воздвиженьѣ;“ тогда онъ попросилъ напиться, напился и пришелъ въ себя; оцупалъ, что на немъ была чистая сорочка и сказалъ: „зачѣмъ меня переодѣли? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ.“ Отобѣдавши, провожатые князя повезли его далѣе по дурной и тряской дорогѣ, по грудѣ, потому что тогда была осень и грязь на дорогахъ взялась комьями. На шестой день привезли Василька во Владиміръ и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ, одинъ изъ внуковъ Ярослава, прозванный Мономахомъ, услышалъ объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, то горько заплакалъ и сказалъ: „такого зла не было еще въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ,“ и послалъ другимъ князьямъ сказать: „братья! поправимъ скорѣе это дѣло! Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю.“ Нѣкоторые князья пристали ко Владиміру и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку: „что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виновенъ, то ты могъ обличить его передъ нами.“ Святополкъ началъ извиняться, сваливая всю вину на Давида: „Давидъ,“ говорилъ онъ, „сказывалъ мнѣ, что Василько хочетъ убить меня, занять мои города и что онъ и Владиміръ поклялись другъ другу выгнать меня изъ Кіева. Я долженъ былъ поневолѣ защищать свою голову; да и не я его слѣпилъ, а Давидъ; онъ же и увелъ его къ себѣ.“ — „Это не извиненіе,“ отвѣчали послы Владиміровы: „не въ Давидовѣ городѣ взять и ослѣпленъ Василько, а въ твоемъ,“ и, сказавши это, ушли. На другой день утромъ войска Владиміра и его братьевъ стали переправляться чрезъ Днѣпръ. Свято-

полкъ испугался и хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру знатныхъ пословъ, говоря: „умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской: если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее.“ Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ: „по истинѣ такъ,“ сказалъ онъ: „отцы и дѣды наши соблюли Русскую землю, а мы ее губимъ!“ и согласился на миръ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида, такъ какъ Давидъ первый поднялъ весь этотъ раздоръ.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василиемъ, котораго Василько зналъ и любилъ. Этотъ-то Василий и описалъ страшное злодѣйство, которому былъ отчасти очевидцемъ, а мы съ его словъ рассказали вамъ. „Мнѣ говорили,“ сказалъ Давидъ Игоревичъ Василию, „что Василько изъявилъ желаніе послать ко Владиміру и уговорить его воротиться. Поди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то я дамъ ему любой городъ,“ и перечислялъ при этомъ нѣсколько городовъ, принадлежавшихъ Васильку.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ слова Давида. „Не обѣщаль я посылать ко Владиміру,“ отвѣчалъ Василько, „но покажуй, пошлю, чтобы изъ за меня не проливалась кровь; удивляюсь, только, какъ это Давидъ даетъ мнѣ мои же города.“ Выславъ слугъ вонъ, сказалъ Василько монаху: „слышу я, что хочетъ Давидъ выдать меня ляхамъ, видно не насытился онъ еще моей кровью — хочется еще! Я же ляхамъ много сдѣлалъ зла и хотѣлъ сдѣлать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюсь смерти; но вотъ что скажу тебѣ: справедливо наказалъ меня Господь за мою гордость; потому что когда пришла ко мнѣ вѣсть, что могутъ придти ко мнѣ на помощь берендеи, печенѣги и торки, то я подумалъ: скажу-ка я брату своему Володарю и Давиду: дайте только мнѣ свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Самъ же думалъ: пойду зимою на ляхскую землю, а къ лѣту и возьму ее, а потомъ пойду на болгаръ дунайскихъ, захвачу ихъ и посажу на мои земли; потомъ отправлюсь войною на половцевъ, и либо сложу свою голову, либо добуду себѣ славы. На братьевъ-же моихъ, клянусь Богомъ! я не умышлялъ ничего злаго; за гордость мою низложилъ меня Господь и смирилъ.“

Однакоже Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы, а далъ ему волю только тогда, когда братъ Василька Володаръ принудилъ его къ тому силою.

Выпущенный на волю Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся мстить Давиду и принудилъ его выдать ему тѣхъ людей, которые подучили Давида на злое дѣло. Василько повѣсилъ этихъ людей и велѣлъ

разстрѣлять ихъ стрѣлами. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Изъ разсказа объ ослѣпленіи Василька мы уже можемъ заключить, что Владиміръ, прозванный Мономахомъ, былъ очень умный, справедливый и добрый князь, любилъ народъ и заботился о благѣ всей русской земли. Вотъ почему по смерти Святополка (въ 1113 г.) кіевляне собрались на совѣтъ и объявили, что не хотятъ имѣть другаго князя, кромѣ Владиміра, и послали звать его на престолъ великокняжескій.

ПОХОДЪ ИГОРЯ КНЯЗЯ НОВГОРОДСЪВЕРСКАГО НА ПОЛОВЦЕВЪ.

(1185 г.)

Велики южно-русскія степи: необозримой, безлѣсной равниной раскинулись онѣ отъ горъ Карпатскихъ и береговъ Дуная до Кавказа и Урала, охватили берега морей Чернаго и Каспійскаго! Но южно-русская степь только небольшой уголокъ безграничныхъ степей средней Азіи, въ которыхъ и теперь, отъ границъ Китая и до береговъ Волги и устья Дона, бродятъ многіе полудикіе кочевые народы: не обрабатывая земли, не строя ни селъ, ни городовъ, переходятъ они съ мѣста на мѣсто со своими безчисленными стадами.

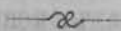
Три громадныя рѣки, Днѣпръ, Донъ, Волга, ведутъ изъ середины Русской земли, отъ Кіева, Владиміра, Великаго Новгорода и Москвы, въ южно-русскія степи, и по этимъ рѣкамъ владычество русскихъ, а съ нимъ христіанство, гражданская жизнь и торговля проникли до береговъ морей Каспійскаго и Чернаго. Широкими воротами открывается на берегахъ Урала южнорусская степь въ степи средней Азіи, и кочевая орда, не измѣняя своего образа жизни, со своими подвижными кибитками, со своими женами и дѣтьми, со своими безчисленными стадами, подвигаясь отъ востока къ западу, могла незамѣтно перейти отъ китайской *стѣны* и южной подошвы Алтая къ устью Дона, Днѣпра и даже на Дунай. Много кочевыхъ народовъ прошло изъ Азіи въ Европу черезъ южно-русскія степи; многіе изъ нихъ врывались въ образованныя европейскія страны, въ богатыя области Греціи и Рима, грабя, разоряя, превращая въ развалины цвѣтущія села и пышные города; многіе оставались надолго кочевать въ степи, внося гибель и опустошеніе въ южные предѣлы тогдашней Россіи, гдѣ славянскія племена, живя въ городахъ и селахъ, занимались земледѣліемъ и торговлею. Много такихъ народовъ видѣлъ и нашъ старый Кіевъ со своихъ прекрасныхъ горъ: хозарь, печенѣговъ, угровъ (нынѣшнихъ венгровъ). Но никто такъ долго не оставался въ южно-русскихъ степяхъ и никто столько не надѣлалъ зла Русской землѣ, какъ половцы, и еще болѣе ихъ степные наслѣдники — татары.

Отъ вѣщаго Олега, отъ первыхъ побѣдъ его надъ хозарами, до Екатерины II, когда послѣдняя степная орда, засѣвшая въ Крыму, покорилась Россіи, почти тысячу лѣтъ продолжалась эта борьба осѣдлой жизни съ кочевой, Европы съ Азіею, образованія съ дикостью, христіанства съ язычествомъ и магометанствомъ. Теперь въ южно-русскихъ степяхъ все тихо и мирно: степи заселяются, на нихъ возникаютъ богатые села и промышленные города; но много труда и много крови потратили русскіе, пока успѣли очистить все это пространство отъ бродячей азіатской сволочи и утвердить на немъ гражданскую жизнь и порядокъ. Для этого понадобились цѣлыя вѣка непрерывныхъ кровавыхъ войнъ: много полегло въ степяхъ храбрыхъ русскихъ дружинъ, много храбрыхъ русскихъ князей сложили въ нихъ свои головы!

Мы расскажем здѣсь нѣсколько изъ этихъ великихъ битвъ, счастливыхъ и несчастныхъ, которыми Россія служила свою тяжкую службу Европѣ, образованію и христіанству; — нѣсколько.... потому что не только рассказать ихъ все невозможно, но и сосчитать едва ли ктонибудь возьмется.

Князья наши могли бы справиться съ половцами, если бы дружно взялись за дѣло и терпѣливо довели его до конца; но въ гомъ-то и бѣда, что, раздѣливъ Русь на удѣлы, князья безпрестанно начинали между собою ссоры и междоусобицы, и нерѣдко, вооружаясь другъ на друга, сами призывали половцевъ въ Русскую землю. Изъ-за малаго забывали они про великое, — про свою службу Русской землѣ. Русскій народъ, мирные жители сель и городовъ, у котораго половцы часто истребляли жилища, опустошали поля, захватывали въ полонъ женъ и дѣтей, съ негодованіемъ смотрѣлъ на княжескія междоусобицы, и громко прославлялъ тѣхъ князей, которые, вмѣсто того, чтобы драться другъ съ другомъ, ходили въ половецкія степи, и усмиряли, хотя на время, ненасытныхъ хищниковъ. Походъ на половцевъ былъ тогда дѣломъ честнымъ, христіанскимъ, любезнымъ народу и духовенству, службою Русской землѣ, христіанской вѣрѣ и челоуѣчеству. Для молодыхъ же князей и ихъ удалыхъ дружинъ набѣгъ въ половецкія степи былъ просто удалствомъ, пробнымъ камнемъ ихъ мужества, средствомъ прославить свое имя добыть себѣ чести въ Русской землѣ.

Вотъ одинъ изъ такихъ удалыхъ набѣговъ, не только рассказанный подробно нашими лѣтописцами, но и громко воспѣтый древнимъ русскимъ поэтомъ, имя котораго осталось намъ неизвѣстнымъ, хотя поэма его и дошла до насъ. Со словъ лѣтописи и великаго древняго поэта расскажем и мы, какъ съ умѣемъ, это событіе.

Въ 1184 и 1185 годахъ, половцы напали на Русь, но были жестоко разбиты кіевскимъ княземъ, Святославомъ. Въ этихъ славныхъ битвахъ

не принималъ участія молодой новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ; — не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ* (такъ зовутъ лѣтописцы половцевъ); „не дай Богъ отрекаться“, говорилъ князь Игорь: „поганые намъ общій врагъ!“ но — единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, несмотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что половцы уже ушли въ степь.

Побѣды Святослава не давали, однакожь, покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ.

„Развѣ мы также не князья?“ сказалъ Игорь: „пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!“ И сталъ готовиться къ походу: велѣлъ своему юному сыну, Владиміру, вести къ нему дружину изъ Путивля; велѣлъ племяннику своему Святославу спѣшить изъ Рыльска: выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ, оповѣстилъ и своего младшаго брата, Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго *буйнымъ туромъ*, за свою неукротимость въ битвахъ: не далъ только Игорь знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кіевскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода или захочетъ самъ принять въ немъ участіе.

Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода Трубчевскаго.

— „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ — Игорь; оба мы съ тобою Святославичи!“ извѣщаетъ Игоря Буйтуръ-Всеволодъ: „сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои ужъ готовы, осѣдланы стоятъ у Курска. Курыне мои молодцы тебѣ извѣстные! Ихъ сповивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копыя векормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степныя овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены; сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищучи себѣ чести, а князю славы.“

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ: Игорь, вступилъ въ свое золотое стремя, сѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ уже онъ и на берегахъ малаго Донца, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы — въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, волы ревуть въ стадахъ, бони ржутъ и поднимаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо — и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ.

„Что это значитъ, братцы?“ спрашиваетъ князь у своей дружины.

— „Не добрый знакъ, князь!“ говорятъ старѣйшіе изъ дружины, печально опуская головы: „не добро сулить намъ это небесное знаменіе.“

На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго небеснаго знаменія, и когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ:

— „Чему быть, тому не миновать! Богъ—Господинъ всѣмъ намъ и этому знаменію: посмотримъ, что пошлетъ Онъ намъ, добро или зло. Сядемте-жъ, братцы, опять на своихъ добрыхъ коней и пойдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломить копье мое о край Половецкой земли! Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона.“

Двинулись русскіе далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соединившись съ своимъ братомъ, Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше. Вотъ уже Игорева дружина за границую Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ: за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь, степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только что одѣтыхъ весеннею зеленью; а степные орлы уже носятся надъ Игоревой дружиною и клеткомъ своимъ будто сзываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣдятъ за русскими, чуя кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь въ дали, лаютъ на красивые щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы.

Послали удальцовъ впередъ, въ степь, развѣдать, что дѣлаютъ половцы, и развѣдчики, воротаясь, сказали князьямъ: „половцы всполошились, ихъ много и они готовятся къ битвѣ: или идите скорѣй, или воротитесь назадъ: теперь не наше время.“

— „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Игорь и другія князья: „ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше; что Богъ дастъ, то и будетъ.“

Ѣхали не быстро: кони у русскихъ были слишкомъ тучные; Ѣхали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась не долго: перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погоню за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ половцы свои кибитки, укладываются наскоро, какъ попало, гонятъ скотъ и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ ве-

ликому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрываютъ по степи, какъ распуганное стадо лебедей. Вѣдутъ половцы, а русская дружина въ погоню за ними, разсыпалась стрѣлами по полю: ловить плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дня пировали русскіе, пировали и хвалились; „братья наши съ княземъ Святославомъ били половцовъ, озираясь на Переяславль, не смѣя идти въ землю половецкую: мы же сами зашли сюда, въ самую средину половецкой земли, поганыхъ перебили, женъ и дѣтей ихъ перловили; а теперь пойдемъ за Донъ, дойдемъ до самаго моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣды наши; перебьемъ поганыхъ до одного, и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь!“

Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далеко, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но..... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый полоччанинъ!

Ханъ половецкій, Гзакъ, рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, собирая отовсюду своихъ распуганныхъ половцевъ; ханъ половецкій, Кончакъ, править ему путь къ великому Дону.

На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, поднимаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы — на рѣкѣ на Каялѣ, у великаго Дона.

Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбами стоитъ на степи: половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи облегли они русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.

— „Чтожь, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю“! сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ: „если побѣдимъ, то простыхъ людей оставимъ и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ ли живы, — но вмѣстѣ.“

И началась кровавая сѣча.

Буй-Туръ Всеволодъ со своими курянами — впереди всѣхъ: онъ прыщетъ на половцевъ стрѣлами, гремитъ о ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе

шлемы. Чего побойтся Буй-Туръ, когда онъ все забылъ для славы: и родимый городъ — Черниговъ, и золотой престоль своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну?

Тяжело въ руку раненъ Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ.

Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ каленныя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальные копыя посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей; усѣяна она трупами, полита кровью: тяжелая печаль взойдетъ на ней для всей Русской земли!

Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды: половцы не пускаютъ ихъ зачерпнуть воды изъ рѣки Каалы. Пробились русскіе къ водѣ, но дорого это имъ стоило: половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ самому берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ.

Бились день, бились другой — на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые половцы, пересеживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все, и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется; но уже окружили его половцы со всѣхъ сторонъ: и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили въ степь; схватили и молодаго сына Игорева: разлучились братья на долго, на берегу быстрой рѣки Каалы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже кому принести печальную вѣсть на родину.

Такъ-то кончился этотъ пиръ! Недостало у васъ кроваваго вина, храбрые воины: сватовъ напоили вы до-сыта, и сами легли головами за русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь гнетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, а онъ горько воспоминаетъ, что по дѣломъ его наказалъ Господь: воспоминаетъ, какъ, взявши на щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую.

Не случилось бы такой бѣды, если бы князья, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на половецвъ дружно; — если бы Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушелъ въ степь тайкомъ отъ него. Стубила Игоря и его дружину молодецкая удалъ. Святославъ Кіевскій уже собиралъ въ это время войска на половецвъ и, проходя мимо Новгородсѣверска, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался сѣдой Святославъ на Игоря; но когда услышалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько

заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: „какъ прежде сердить былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю.“

Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ — стонъ, въ Черниговѣ — скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ! А половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатые стада, зажигая пожары повсюду; а князья наши и тутъ еще ссорились и считались между собою. Услышавъ однако, что Святославъ съ своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачь и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомститъ половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками! Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотые шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что бы вступиться за Русь, хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко — далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на враговъ? Что бы ему послать хоть одну стрѣлу къ Кончаку, поганому кашею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалаго Святославича? Но всѣ, всѣ забыли Игоря и дѣлать уже его города и села!

Не забыла удалаго Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ; все смотреть въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый, смотреть, горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица:

„Полечу я голубкою по степи; омочу мой бобровый рукавъ въ Каялѣрѣкѣ, утру князю его кровавыя раны.“

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на путивльскою стѣнѣ, плачетъ и приговариваетъ:

„О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь; зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять въ горахъ подъ облаками, делѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?“

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговаривая:

„О, Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменные горы, ворвался въ землю половецкую, ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ; принеси же ко мнѣ лелѣючи моего милаго.“

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивльѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго: въ безводной степи и такъ усохли ихъ луки, разсыпались колчаны!“

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну, — тяжело, хотя и самые половцы, устыдясь его удалства, держать его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу; но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держать половцы и сына Игорева, молодого князя Владимира; сильно онъ приглянулся степной красавицѣ, дочери хана половецкаго, Бончака; полюбилъ его за удалство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшить Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска о святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ уже осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Не сжалились люди — сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ русскимъ: бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ половецвъ. Но вѣрный конюшій, бывшій съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

— „Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь на Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ русскихъ князей и истребить всю землю Русскую: не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.“

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлуръ взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; половцы перенились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлуръ даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва:

„Господи сердцеѣдче! спаси меня недостойнаго!“ сказалъ Игорь и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ: горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ — и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночьюю тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ Авлурь, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшать они оба къ берегамъ Донца.

Проснулись поутру половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалаго князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали — пошли пѣшкомъ: днемъ — прямо по степи, а ночью — въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ, или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ.

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говорить Кончаку:

„Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.“

Но старому Кончаку стало жаль молодаго Игорева сына, и сказалъ онъ злему Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— „Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею,“ отвѣчаетъ Гзакъ: „то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ.“

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородѣверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородѣверску безъ князя Игоря. Но недолго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ къ Святой Богородицѣ Пирогощей! молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ, дочери стараго хана Кончака, и черезъ нѣсколько времени воротился на родину, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Буй-Туръ Всеволодомъ.

БИТВА СЪ ТАТАРАМИ НА РЪКВЪ КАЛКВЪ.

(1224 годъ.)

Разнесся слухъ въ Русской землѣ, что пришелъ изъ Азіи какой-то невѣдомый народъ и сильно бьетъ половцевъ. Одни говорили, что это татары, другіе называли ихъ таурменами, третьи печенѣгами; но никто не зналъ навѣрное, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у нихъ за языкъ, что за вѣра. Слышно было только, что они покорили уже много народовъ и много странъ. Скоро прибѣжали половцы къ границамъ русскимъ, Днѣпру и валу Половецкому, прибѣжали уже не грабить, но съ просьбою о помощи. Князья ихъ съ ужасомъ говорили о новыхъ пришельцахъ, рассказывали, какъ татары убили ихъ старшаго хана, сына Кончакова, Юрія, перебили множество половцевъ, загнавъ ихъ на берегъ Азовскаго моря; покорили уже семь сильныхъ народовъ. Ханъ половецкій Котянъ, тесть галицкаго князя Мстислава Удалаго, щедро дарилъ русскихъ князей, прося у нихъ подмоги противъ татаръ: „помогите намъ,“ говорилъ онъ русскимъ князьямъ: „если же не поможете, то сегодня они побили насъ, а завтра побьютъ васъ.“

Русскіе князья съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ. Тутъ были три старѣйшіе князя, три Мстислава: Мстиславъ галицкій, прозванный удалымъ за свое мужество въ битвахъ; Мстиславъ кіевскій, князь добрый, но слабый; Мстиславъ черниговскій. Много здѣсь было и молодыхъ князей: Данилъ Романовичъ волынскій, 18-лѣтній князь, сильный, смѣлый и прекрасный собою, у котораго, по словамъ лѣтописца, отъ головы до ногъ не было порока; Всеволодъ, сынъ кіевского князя; Михаилъ, племянникъ князя черниговскаго, и много другихъ князей. Мстиславъ галицкій сильно настаивалъ на томъ, чтобы помочь половцамъ: „если не поможемъ имъ,“ говорилъ онъ: „то они пристанутъ къ татарамъ, и тогда намъ будетъ еще труднѣе бороться съ ними.“ Долго совѣщались князья и наконецъ рѣшили на томъ, что лучше имъ встрѣтить татаръ въ половецкой землѣ, чѣмъ въ своей; оповѣстили другихъ князей, оповѣстили великаго князя владимірскаго; назначили всѣмъ войскамъ сойтись на Днѣпрѣ у Варяжскаго острова, и выступили изъ Кіева. Тутъ пришли къ нимъ десять пословъ татарскихъ, и сказали; „слышали мы, что вы, послушавши поганыхъ половцевъ, нашихъ холопей и коноховъ, идете на насъ; но мы земли вашей не трогали, ни селъ, ни городовъ вашихъ не занимали. Половцы дѣлами вамъ много вреда: бейте же ихъ оттуда, какъ мы бьемъ отсюда, и добро ихъ берите себѣ.“ Но русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, думая, что татары обма-

нывають ихъ, какъ обманули прежде половцевъ, которыхъ они сначала пригласили въ союзники, а потомъ стали бить.

Русскіе князья стояли уже на Днѣпрѣ, у Олешья, когда явились новые татарскіе послы: „вы послушали половцевъ,“ сказали они, „пословъ нашихъ перебили и идете противъ насъ: идите же, но помните, что мы васъ не трогали — и пусть Богъ разсудитъ.“ Этыхъ пословъ князья отпустили.

Скоро на правомъ берегу Днѣпра, у Варяжскаго острова, собралось много бодрого русскаго войска: черниговцы, кіевляне, смольняне, волынцы, курияне, трубчане, путивльцы, — все пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодкахъ по Днѣстру въ Черное море, вошло потомъ въ Днѣпръ и прибыло на сборное мѣсто. На Днѣпрѣ, у устья рѣчки Хортицы, собралось такое множество лодокъ, что по нимъ можно было перейти съ одного берега на другой, не замочивъ ногъ. Скоро наши сторожевые извѣстили, что вдали показались татары и желаютъ, вѣроятно, осмотрѣть русское войско. Даниль волынскій, а съ нимъ и другіе молодые князья кинулись на лошадей и поскакали впередъ, любопытствуя посмотрѣть, что такое за народъ татары. Татарскіе наѣзники, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, скрылись въ степи, а русскіе молодые князья, воротившись назадъ, толковали о томъ, что видѣли. Одни говорили, что это народъ пустой, еще хуже половцевъ; другіе замѣчали, что татары хорошо стрѣляютъ: „нѣтъ, это добрые воины,“ сказалъ опытный галицкій воевода Юрій.

„Нечего же здѣсь стоять,“ говорили молодые князья старымъ; „пойдемъ на нихъ.“ Старшіе согласились, и все русское войско двинулось въ половецкія степи. Скоро встрѣтили русскіе татарскихъ стрѣлковъ: ударили, прогнали и захватили при этомъ много скота.

На девятый день пришли русскіе къ берегамъ рѣки Калки, за которою стояли уже татары. Мстиславъ Удалой приказалъ половцамъ, Данилу волынскому и другимъ войскамъ перейти за рѣку, и самъ пошелъ за ними. Осмотрѣвъ же татарскій станъ, немедленно началъ битву, не увѣдомивъ о своемъ рѣшеніи двухъ другихъ Мстиславовъ, съ которыми была у него ссора.

Даниль волынскій, сильный, смѣлый и пылкій, ворвался съ своею дружиною въ ряды татаръ и сторяча не замѣчалъ даже, что тяжело раненъ въ грудь; Олегъ курекій съ своими курыанами не отставалъ отъ Данила; Мстиславъ Удалой готовился также кинуться въ битву. Но вдругъ половцы, послѣ первой же стычки съ татарами, обратили тылъ, и въ безпорядкѣ, съ крикомъ, бросились бѣжать отъ татаръ, топча и смѣшивая русскія войска; ворвались даже въ русскій станъ и все привели въ безпорядокъ. Измѣнники половцы дали побѣду татарамъ: Даниль, видя, что татары

одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить и тутъ только почувствовалъ, что раненъ въ грудь. Все побѣжало!

Мстиславъ кievскій, стоя съ дружиною на каменистой горѣ, надъ рѣкою Калкою, видѣлъ бѣгство русскихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ велѣлъ обгородить станъ свой тыномъ изъ кольевъ, и приготовился защищаться. Татары раздѣлились: одна часть ихъ облегла станъ Мстислава, а другая помчалась въ погоню за убѣгавшими къ Днѣпру русскими дружинами. Убійство было страшное: едва десятый человекъ изъ русскаго войска спасся; Мстиславъ черниговскій съ сыномъ были убиты; семдесятъ славныхъ богатырей погибли, а друзья наши, половцы, добивали раненыхъ и сдирали съ убитыхъ одежду. Мстиславъ Удалой, достигнувъ Днѣпра съ небольшою дружиною, кинулся въ лодки, переѣхалъ на другую сторону и велѣлъ лодки сжечь, чтобы татары не могли за нимъ гнаться.

Три дня отбивался Мстиславъ кievскій отъ татаръ, и татары не могли взять укрѣпленнаго стана; наконецъ, татары прибѣгли къ хитрости и предложили Мстиславу отпустить его съ дружиною домой, если онъ дастъ выкупъ за себя и за дружину. Но едва только русскіе вышли изъ укрѣпленія, какъ татары бросились на нихъ, всѣхъ перебили, а трехъ князей, изловивъ, задавили досками и уѣли на доскахъ, обѣдать.

Татары дошли до самаго Днѣпра, убивая всѣхъ, кто попадался имъ на встрѣчу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко, такъ защищать предѣловъ было некому; но неожиданно повернули назадъ и скрылись въ свои степи такъ же быстро, какъ пришли. Племянникъ Юрія, великаго князя владимірскаго, Василько, вель сѣверныя дружины на помощь южнымъ князьямъ; но, услыхавъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ, повернулъ назадъ.

Никогда еще, говорить лѣтописецъ, не претерпѣвали русскіе такого пораженія: девять князей было убито, едва десятый человекъ изъ дружины воротился домой, пало семдесятъ славныхъ богатырей, однихъ кievлянъ погибло до десяти тысячъ. Русскіе не знали, откуда налетѣла на нихъ эта грозная туча и куда она скрылась; но черезъ тринадцать лѣтъ татары снова появились въ Россіи, уже въ большой силѣ. Подъ начальствомъ знаменитаго Батыева прошли они почти всю Русскую землю изъ конца въ конецъ, и надолго подчинили ее своей власти.

ВЗЯТІЕ ВЛАДИМИРА ТАТАРАМИ И БИТВА НА СИТИ.

(1238-й годъ).

Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и воевода Петръ Ослядюковичъ ободрали гражданъ. Чиновники Батыевы, съ

коннымъ отрядомъ, подѣхавъ къ златымъ вратамъ, спрашивали: гдѣ великій князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріатели также. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. „Умремъ“ — говорили они дружинѣ, — „но умремъ съ честію и въ полѣ.“ Опытный воевода Петръ удержалъ ихъ, надеясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу.

Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріатель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмъ Богоматери, и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые россияне простились съ міромъ, съ жизнію; но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ на вѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: татары вломились въ Новый городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди, также отъ Клязьмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳя, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріатель зажегъ оную: тогда епископъ, сказавъ громогласно: „Господи! простри невидимую руку Свою и приими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ,“ благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріателя: ибо татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святыи храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоценныя каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплемениковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ, и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріательскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріателей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, татары раздѣлились: одни пошли къ волжскому Городцу и костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія —

Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ, — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы и, будучи усерднымъ христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ воеводство дружины боярину Ярославу Михалевичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовой отрядъ его, составленный изъ 3,000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили неприятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. „Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батые!“ говорили ему татары. „Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями,“ отвѣтствовалъ Василько: „о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній.“ Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. Между тѣмъ ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣла-озера, и желая видѣть мѣсто несчастной для россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію; на туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные останки знаменитаго князя, и положилъ въ ростовскомъ храмѣ Богоматери.

Н. М. Карамзинъ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380-й годъ).

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорой сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшилъ

ся — и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ, и, сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ,“ 6 сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленные знамена, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, — Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ золотому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, помолился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ все полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всехъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“ — говорили они — „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.“ Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.“ Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ приближище и сила*, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общою.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россияне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россиянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обра-

тили тылъ. Непрiятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженiемъ всѣхъ силъ. Еще князь владимiръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствiемъ, удерживаемый опытнымъ Димитрiемъ волинскимъ. Насталъ девятый часъ дня, — сей Димитрiй, съ величайшимъ вниманiемъ примѣчая всѣ движенiя обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владимiру: „теперь наше время.“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непрiятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитiе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки росiйскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непрiятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимiръ, герой сего незабвеннаго для Россiи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрiя не было. Изумленный Владимiръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владимiръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрiй всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владимiра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселiемъ духа, и не чувствуя изнуренiя силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровiю невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непрiятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрiй, препровождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество росiянъ, по вчетверо болѣе непрiятелей, такъ, что, по сказанiю нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

І О А Н Н Ъ Ш.

(Отъ 1462—1505).

Куликовская битва показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, но не сбросила съ Россіи татарскаго ига. Тохтамышъ, новый татарскій ханъ, заступившій мѣсто Мамайя, уже при Дмитріѣ Донскомъ ворвался въ Россію, разграбилъ и сжегъ Москву. При Василиѣ I-мъ, сынѣ и наслѣдникѣ Дмитрія Донскаго, новый страшный завоеватель, Тамерланъ или Тимуръ, вышелъ изъ степей средней Азіи, преслѣдуя Тохтамыша, также ворвался въ Россію; но, къ счастью, отъ Ельца неожиданно поворотилъ назадъ. За Тамерланомъ мурза Едигей показалъ русскимъ, что татары еще сильны. При Василиѣ II-мъ *Темномъ*, сынѣ и наслѣдникѣ Василія I-го, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ: такъ называлось татарское царство, столицею котораго былъ Серай, основанный татарами при устьяхъ Волги. Отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: царство *Казанское* и ханство *Крымское*. Казань и Крымъ дѣлали много зла Россіи, пока не были окончательно покорены ею. Былъ еще въ это время у юнаго Московскаго государства другой сильный врагъ — Литва, подчинившая себѣ надолго Кіевъ и всю югозападную Русь; былъ еще и буйный Великій Новгородъ, нехотѣвшій признать надъ собою власти московскихъ князей: были еще и удѣлы, мѣшавшіе русскимъ сосредоточить свои силы для отпора внѣшнихъ враговъ. При Василиѣ II-мъ Темномъ, кровавыя удѣльныя усобицы еще разъ напомнили Россіи времена ослѣпленія Василька. Между Василиемъ II и его дядею Юріемъ, сыномъ Дмитрія Донскаго, завязалась распря о томъ, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ и быть великимъ княземъ. Эти семейные раздоры продолжались и при дѣтяхъ Юрія: Василиѣ Косомъ и Дмитріѣ Шемякѣ. Василій II-й ослѣпилъ своего двоюроднаго брата, Василія Косаго; но во время своей поѣздки въ Троицко-Сергіевскую Лавру попался въ руки Дмитрія Шемяки и былъ ослѣпленъ въ свою очередь, отчего и получилъ прозваніе *Темнаго*.

Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь случайностямъ войны, сколь возможно шадя кровь и силы народа, умѣлъ сосредоточить въ рукахъ своихъ всѣ силы Россіи: таковъ былъ Іоаннъ III-й, сынъ и наслѣдникъ Василія II-го *Темнаго*. Въ продолженіе своего 43-хъ-лѣтняго царствованія, онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Великій Новгородъ, уничтоживъ въ немъ вѣче и народное правленіе; присоединилъ Тверское великое княженіе, еще нѣсколько малыхъ удѣловъ, и сдѣлался самодержавнымъ государемъ всей тогдашней Россіи.

Иоаннъ III-й былъ, конечно, несравненно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему московскихъ государей; однако, по крайней осторожности своей, не вступалъ въ открытую борьбу съ Ордою и продолжалъ платить ей унижительную дань; но между тѣмъ старался искусно воспользоваться раздѣленіемъ ея на части и ненавистью однихъ татарскихъ хановъ къ другимъ. Онъ подружился съ сильнымъ крымскимъ ханомъ Менгли-гиреемъ и, только увѣрившись въ его помощи, отказался платить обычную дань серайскому хану, Ахмату, и выгналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ спѣшилъ мстить Иоанну и смирить своего возмутившагося данника: собралъ значительное войско и пошелъ къ Москвѣ. На берегахъ Угры встрѣтилъ его Иоаннъ; но, несмотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, несмотря на убѣжденія духовенства, не рѣшился вступить въ битву съ татарами, которые также медлили. И хорошо сдѣлалъ Иоаннъ; потому что Ахматъ самъ поворотилъ назадъ, узнавъ, что Менгли-Гирей, соединившись съ отрядомъ москвичей, грабитъ и разоряетъ его столицу, Серай, оставленную безъ всякой защиты.

Такимъ образомъ, 1480 годъ мы можемъ считать годомъ, въ который окончилось татарское иго, тяготѣвшее надъ Россіею болѣе двухъ столѣтій. Болѣе 200 лѣтъ продолжалось это тяжелое иго, и въ то время, когда другія европейскія государства строились, образовывались, дѣлали быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, мы — боролись съ татарами. Сообразивъ это, мы не будемъ удивляться, что тогдашняя Россія отстала далеко въ образованіи отъ другихъ европейскихъ государствъ и что иностранные послы, пріѣзжая въ Москву, удивлялись нашимъ татарскимъ обычаямъ, грубости нашихъ нравовъ и нашему невѣжеству.

Но, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, не все еще кончилось: Россіи предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцевъ, вынести тяжелые годы междуцарствія, поставить предѣлы распространенію на востокъ Литвы и Польши, отбиться отъ ливонцевъ и шведовъ, проникавшихъ въ Россію съ сѣверо-запада, завоевать хотя одинъ портъ на Балтійскомъ или Черномъ морѣ, чтобы имѣть возможность войти въ непосредственныя сношенія съ образованными государствами Европы, — и тогда только думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Для этого нужно было еще два съ половиною столѣтія и цѣлый рядъ кровавыхъ воинъ!

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

(Въ 1552 г.).

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ; россияне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши;

ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова; *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслия вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Иоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Иоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки російскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пицалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ; пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріателемъ въ отверзтіяхъ... И въ ту минуту, какъ Иоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Н. М. Карамзинъ.

ПЕРВОЕ ИЗВѢСТІЕ О САМОЗВАНЦѢ.

(Царскія палаты; царевичъ Θεодоръ чертитъ географическую карту; входитъ царь Борисъ).

Царь.... А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Θеодоръ: Чертежъ земли Московской, наше царство изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва, тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море; вотъ пермскіе дремучіе лѣса; а вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое узоромъ здѣсь вѣется?

Теодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья! Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть все царство вдругъ: границы, грады, рѣки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни. Когда нибудь, и скоро, можетъ быть, всѣ области, которыя ты нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ, всѣ подъ руку достанутся твою. Учись, мой сынъ: и легче и яснѣе державный трудъ ты будешь постигать (*Входитъ Шуйскій. Борисъ обращается къ нему*). Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ: и выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь, мой долгъ тебѣ повѣдать вѣсть важную.

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Теодора): Но, государь.....

Царь: Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь! изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть.....

Царь: Не та ли, что Пушкину привезъ вѣсть гонецъ?

Шуйскій (про себя): Все знаетъ онъ! (*вслухъ*) Я думалъ, государь, что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь: Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить извѣстія: иначе не узнаемъ мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то, что въ Краковѣ явился самозванецъ, и что король и паны за него.

Царь: Чтожь говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій: Не вѣдаю.

Царь: Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя держава! Ты милостью, раднѣемъ и щедротой усыновилъ сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: бессмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, и баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; такъ если сей невѣдомый бродяга литовскую границу перейдетъ, къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Дмитрія воскреснувшее имя.

Царь: Дмитрія!.... Какъ? этого младенца? Дмитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Теодоръ: Государь, позволишь ли?

Царь: Нельзя, мой сынъ, поди (*Теодоръ уходитъ*). Дмитрія!..

Шуйскій (про себя): Онъ ничего не зналъ.

Царь: Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ, чтобъ отъ Литвы Россія оградилась заставами; чтобъ ни одна душа не перешла за эту грань;

чтобъ заяць не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай! *)

ЧУДО СВ. ДМИТРІЯ.

(Царскія палаты; царь Борисъ, патріархъ, бояре; патріархъ говоритъ Борису).

„Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ; въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь благословилъ на царскую державу—въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды простой настухъ, уже маститый старецъ, и чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну: „Въ младыхъ лѣтахъ,“ сказалъ онъ, „я ослѣпъ, и съ той поры не различалъ ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лечился и зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ; напрасно я ходилъ на поклоненіе въ обители къ великимъ чудотворцамъ: напрасно я изъ кладязей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи—не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья. Вотъ наконецъ утратилъ я надежду, и къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны мнѣ видѣнныхъ вещей ужъ не являли, а снилися мнѣ только звуки. Разъ въ глубокомъ снѣ, я слышу дѣтскій голосъ мнѣ гворитъ: встань, дѣдушка, поди ты въ Угличь-градъ, въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моей могилкой; Богъ милостивъ — и я тебя прощу. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперь великій чудотворецъ. Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ: что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ мнѣ позднее даруетъ исцѣленіе. Пойду — и въ путь отправился далекій. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ, и слушаю обѣдню, и разгорясь душой усердной, плачу такъ сладостно, какъ будто слѣзота изъ глазъ моихъ слезами вытекла. Когда народъ сталъ выходить, я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Дмитрія. И мальчикъ повелъ меня—и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли; я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку.“ Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ *(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ).*“

„Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ, и свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе подобно обрѣтали у гробовой царевича доски. Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи перенести, поставить ихъ въ соборъ Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.“

А. Пушкинъ.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

(1608 г.).

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ

*) Отрывокъ изъ Бориса Годунова, гдѣ разсказывается убіеніе царевича Дмитрія помѣщенъ въ статьѣ: «Поѣздка по Волгѣ».

столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермью, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ сажени) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ; предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ, и съ помощію усердныхъ иноковъ снабдить всею нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавыя въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятели подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клеветовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ, измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножилось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константинъ Вишневецкій, Тишкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексеѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепель: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непритель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ все высоты и все пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ, — и всехъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы урядили защиту: вез-

дѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осаду безъ измѣны*. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились къ *трапезу кровопролитной*, пить чашу смертнующую за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры, ни днемъ, ни ночью.

Н. М. Карамзинъ.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

(Въ 1612 г.)

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, неизмѣнно преданномъ вѣрѣ и отечеству, мужественно отбивавшемъ всѣ нападенія самозванца, и не прельстившемся ни угрозами, ни лестью; въ нижегородскихъ областяхъ, гдѣ являлись герои крестьяне и мѣщане, и стыдили подвигами своими бояръ и людей ратныхъ, тамъ затеплилась передъ иконою Спасителя первая свѣча, возженная истиннымъ желаніемъ спасти Россію. Нижній призналъ царемъ Владислава, и отвергъ его, когда поляки нарушили договоры, сожгли Москву, терзали потріарха.

„Нѣтъ, друзья мои! не такъ надобно дѣлу быть: если хотѣтъ намъ помочь отечеству, то не пожалѣемъ имѣній, и не только имѣній, но продадимъ дворы свои, заложимъ женъ и дѣтей, пойдѣмъ сами, положимъ головы за вѣру и отечество!“ Такъ говорилъ въ Нижнемъ простой человѣкъ, мясникъ по занятію своему, *Козьма Мининъ Сухорукій*, слыша о томъ, что дѣлается подъ Москвою. Его уважали за честность и умъ; видъ его былъ важенъ, ростъ высокій, большая борода придавала сановитость лицу его, и голова его уже убѣлилась сѣдиною. Двое сыновей и нѣсколько дочерей составляли его семейство. Земляки слушали прямыя рѣчи *Минина*, читали грамоты Авраамія, и пламя чести и вѣры неугасимо вспыхнуло въ душахъ ихъ. Они готовы были по слову *Минина* идти и умереть, и все отдать на пользу отечества. *Мининъ* началъ дѣйствовать ревностно, сдѣлался главою ихъ. Граждане несли въ общую кучу деньги и имѣніе. Но *Мининъ* зналъ всю трудность предпріятія, видѣлъ, что если нижегородцы присоединятся къ дружинамъ *Трубецкаго* и *Заруцкаго*, то предпріятіе останется безуспѣшно. Онъ положилъ составить отдѣльное, новое ополченіе. Для сего изыскивалъ онъ достойнаго начальника, долго думалъ, избиралъ и рѣшилъ, что не найти ему лучше князя *Димитрія Пожарскаго*. Знатный по роду, не важный по чину, *Пожарскій* не запятналъ себя дотоле ни какою безчестною мыслью, не только дѣломъ. Надобно же было устроиться такъ счастливо, что послѣ

тщетнаго старанія отстоять Москву отъ поляковъ, въ день ея гибели, 19 марта 1611 г., Пожарскій удалился въ свои нижегородскія помѣстья, и жилъ недалеко отъ Нижняго. Къ нему отправился, и предварительно переговорилъ съ нимъ Мининъ. Еще Пожарскій лежалъ на одрѣ болѣзни. Торжественная, великая, святая была та минута, когда простой мясникъ одушевилъ своими словами доблестнаго воеводу. „*Мужаемся о Господь и Господь сотворитъ благое!*“ воскликнулъ Пожарскій. По условію съ нимъ, Мининъ предложилъ нижегородцамъ объ избраніи начальника, указалъ имъ на Пожарскаго, и посольство изъ Нижняго явилось въ деревнѣ князя. „Соглашаюсь,“ отвѣчалъ онъ, „но я воинъ; не умѣю и не могу управлять земскимъ дѣломъ; мнѣ надобенъ человекъ, для храненія казны и для совѣта.“ Нижегородцы не знали кого выбрать. Пожарскій напомнилъ имъ о Мининѣ. Общій голосъ народа нарекъ Минина *избраннымъ всея земли русскія человекмъ*. Мининъ потребовалъ записей въ безпрекословномъ повиновеніи; записи дали, и вскорѣ Пожарскій, одушевленный надеждою, еще бодрый и юный (ему было тогда 34 года), явился въ Нижнемъ, гдѣ встрѣтили его съ восторгомъ. Поспѣшно начались приготовления къ сбору войска и походу.

Тотъ не пойметъ вполне славы Минина, кто подумаетъ, что ему стоило только одушевить нижегородцевъ и избрать Пожарскаго. Нѣтъ! надобно было не дать остыть восторгу, внушить довѣріе, собрать, вооружить войско, кормить, одѣвать его, удержатъ въ послушаніи, довести до Москвы и тамъ умѣть поладить съ неистовыми толпами Трубецкаго и Заруцкаго, не оскорбляя ни чьего самолюбія. Въ то же время опасность грозила отъ шведовъ. Во всѣхъ дѣлахъ своихъ Мининъ показалъ умъ необыкновенный, былъ *первымъ* — казался *последнимъ*. Богъ помогалъ ему.

Повсюду разсланы были новыя грамоты, и на призывъ нижегородцевъ успѣшили изъ многихъ мѣстъ добрые сыны Россіи. Безъ разбора принимали всѣхъ; но строгій порядокъ, подчиненность, послушаніе введены были въ войскѣ. Положили идти къ Москвѣ, стать тамъ и дѣйствовать отдѣльно. Слухи о новомъ возстаніи русскихъ, о порядкѣ, въ какомъ собирается войско, о томъ, что оно будетъ дѣйствовать особенно отъ Трубецкаго и Заруцкаго, показали полякамъ, что теперь только наступаетъ настоящая опасность. Буйные войны Гонсеѣвскаго приступили къ патриарху, требовали, чтобы онъ запретилъ Пожарскому и Минину. „*Нѣтъ!*“ отвѣчалъ Гермогенъ, еле живой отъ томленія и горести — „*благословляю ихъ и проклиная васъ и измѣнниковъ!*“ Его морили голодомъ; старецъ не перенесъ тяжкаго заключенія, и скончался февраля 17-го 1612 года, съ молитвою и надеждою.

Оставя всѣ другія дѣла, Пожарскій и Мининъ спѣшили къ Москвѣ.

Передовые отряды пошли впередъ, ихъ встрѣтили шайки Заруцкаго, и были разбиты ими. Отряды дошли благополучно, и стали у Тверскихъ воротъ.

Н. Полсвой.

ИЗВРАНЕ МІХАИЛА ѢОДОРОВІЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г. 21 февраля).

Вѣсти о новомъ приходѣ Ходкевича, о томъ, что самъ Сигизмундъ идетъ къ Москвѣ, заставили наконецъ рѣшиться на окончаніе подвига. Октября 22-го приступили къ Китаю, послѣ двухъ-мѣсячнаго медленія и сборовъ. Войско польское, бывшее въ Китаѣ и Кремлѣ, умирало отъ голода, но не сдавалось, билось отчаянно. Китай взять былъ послѣ продолжительнаго боя. Готовились идти на приступъ къ Кремлю. Но дума боярская и начальники поляковъ прислали договариваться, и 28-го октября 1612 года Кремль отворилъ ворота для русскаго войска, послѣ двухъ-лѣтняго обладанія иноплеменниковъ. Сперва выпущены были русскіе плѣнники, жены и дѣти; потомъ вышли русскіе бояре; наконецъ вышли поляки и положили оружіе. Съ ужасомъ, со слезами видѣли побѣдители страшное состояніе Кремля: церкви, соборы были поруганы, опозорены; дома ограблены, разбиты. Нѣсколько чановъ найдено было въ разныхъ мѣстахъ съ посоленымъ человѣческимъ мясомъ.... Можно судить о крайности, въ какой находились поляки....

Освятили Кремль, очистили соборы. Торжество побѣды едва не было посрамлено междоусобіемъ. Войско Трубецкаго принималось за оружіе, когда Пожарскій не далъ ему ограбить плѣнниковъ кремлевскихъ, сберегъ честь женщинъ, бывшихъ въ плѣну. Но этотъ порывъ буйства былъ послѣдній.

Слова: „*Москва взята! Въ Москву уже нѣтъ ляховъ!*“ казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія опомнилась послѣ безумнаго опьяненія, продолжавшагося *восемь лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрѣ 1604 года* до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолевая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрѣ 1612 года* къ искренней радости примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ грѣшнѣе?* Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству, и прежде всего рѣшились общею душою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поглялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Заруцкаго отправили войско; его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делаярди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ,

прислалъ пословъ, — говорить объ избраніи шведскаго принца; ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебень, приступили къ совѣщаніямъ. Авраамій, уважаемый всѣми, красно-рѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избрать ни кого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились воедино, всѣ провозгласили юнаго непорочнаго *Михаила*, сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьиныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Θεодоритъ, Авраамій и бояринъ Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо дожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя Михайлово, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условій, безъ оговорокъ, избраніе Михаила совершилось 21-го февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ человекъ*, по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божію.

Н. Полевой.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ Великій въ Голландіи (1697 г.)

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пици, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной части Саардама, на Кримнѣ, вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо онъ ждалъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ, рано утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ подъ именемъ Петра Михайлова на верфи Лигста Роге въ Бейтензанѣ. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся на работу, и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какойнибудь гербергъ поддѣрпнуть свои силы; или посѣщалъ семейства саардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ Царь московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Антѣ Метъе, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: — „Онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль.“ —

„Развѣ и ты плотникъ?“ возразила недовѣрчивая голландка. — „Да, и я плотникъ,“ отвѣчалъ Петръ. Чаше другихъ посѣщаль онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени російскаго Государя въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила сказать, при случаѣ, Его Царскому Величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея Царю московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Саардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ, иногда болѣе, чѣмъ могли или хотѣли объяснить ему, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *По-вара*, приглядѣвшись къ приѣмамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ея изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія закладскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки для купца Кальфа. Она существуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ *de Grodeworst* (великій князь).

Любимая прогулка его была водою. На другой день по приѣздѣ въ Саардамъ, онъ купилъ у корабельнаго маляря Гарменсона за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую роспили съ продавцомъ въ гербергѣ близъ Овертома, небольшой яликъ, и весело катался на немъ по Зану, по каналамъ и по заливу Эй.

Между тѣмъ съ перваго дня появленія его на верфяхъ, въ Саардамѣ заговорили о московскомъ плотникѣ; величественный видъ, замѣтная привычка къ господству, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, все измѣняло тайнѣ. Голландцы, тѣмъ болѣе голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый москвитъ, съ повелительнымъ взоромъ, — простой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ; не знали только, кто онъ; развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ и нерѣдко около него собиралась толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

Одинъ саардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу

своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ безъ сомнѣнія посѣтитъ Саардамъ, и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему, цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того зашли въ цирюльню московскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему; многіе обратились съ разспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ тайну и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но жена Киста, Ниль Максъ, въ присутствіи многихъ, вскричала на мужа: „Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду.“

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ купца Кальфа и, увидѣвъ у него бургомистра Гора, въ знакъ почтенія снялъ предъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: „не угодно ли будетъ господину его откупать завтра рыбы по саардамски?“ Царь повелѣлъ сказать: господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ приглашенія. Пріятель Кальфа, богатый купецъ Мейнертъ Влумъ съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части Саардаама, на восточной сторонѣ, и получилъ въ отвѣтъ: „Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.“

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адольфъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Саардамъ главнаго прикащика своего, Якова Избрандеса, удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Саардамѣ. Гоутманъ и пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣтили Петра въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули: — „Вы ли это, Ваше Величество?“ — „Вы сами видите,“ ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стофельса за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бугшприть. „Нельзя было не удивляться“ пишетъ Номесъ, „съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ буеромъ и какъ искусно прилаженъ былъ бугшприть.“ Герритъ Мушъ, братъ Класа, служилъ на буерѣ каютъ-юнгою. Царь былъ очень доволенъ его расто-

ропностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ, и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ. Въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ; къ полудню возвратился въ Занъ; отобѣдалъ у купца Кальфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ свой путь къ Галфвегу, плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря. Безотвязные голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, Царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. „Браво Марсенъ!“ закричали въ толпѣ — „ты пожалованъ въ рыцари!“ Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Саардамъ.

Н. Устряловъ.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 г. 27 Юля.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Севозъ огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:

«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.

За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя или за нимъ,
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маниемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскален-
нымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Браздами, саолями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ,
рѣжетъ.

Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжить,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убийствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роємъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его;
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,

Французу отдана?

Вѣдь были жь схвачен боевья?

Да, говорятъ, еще какія!

Не даромъ помнитъ вся Россія

Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:

Богатыри — не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля...

Не будь на то Господня воля,

Не отдали бь Москву!

Мы долго, молча, отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что жь мы? на зимнія квартиры?

Не смѣютъ что ли командиры

Чужіе изорвать мундиры

О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:

Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

Построили редутъ.

У нашихъ ушки на макушкѣ!

Чуть утро освѣтило пушки

И гѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдѣмъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратъся до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно ошло до разсвѣта,
Какъ лиговалъ Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ откры-
тый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ
хвatomъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
«Умремте жъ подъ Москвой,
«Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ
летучій
Французы двигались какъ тучи,
И все на нашъ редуть.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала.
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не-
мало,
Что значить русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерелось. Были всѣ готовы
Завтра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

СТАТЬИ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играли важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится и желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоценныя каменья, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и въ прозѣ: на скромный шиферъ не многіе обратили вниманіе. Однакожь, несмотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, что все-равно, грифельная доска не мало способствуетъ къ образованію людей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнать ея исторію.

Вотъ тропинка, ведущая въ горы по берегу ручья. Замѣтите, какъ темна въ немъ вода; это отъ того, что ручей бѣжитъ по руслу изъ чернаго шифернаго камня. Но вотъ и горы: мы слышимъ уже стукъ молотовъ, шумъ падающихъ каменьевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ — и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой; наверху немножко земли, въ которой расплзлись во всѣ стороны корни громадныхъ, вѣковыхъ сосенъ.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣги и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ одни разрѣзываютъ его на меньшіе куски и выскабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее пескомъ. Наконецъ угольнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцеovitость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянныя рамки конечно уже нетрудно.

Разсказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Этого никто навѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шифернаго

камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня, и желѣзной охры и угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы вѣроятно замѣтили, что иногда грифель проводитъ на доскѣ красную черточку: это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ поналось побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня; но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно разсмотрѣть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только ученый химикъ можетъ розыскать составныя части шифера, раздѣлить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное время, когда земля еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ иль, и этотъ иль осаживался слоями гдѣ нибудь въ спокойной бухтѣ; допотопныя морскія растенія, въ которыхъ было также много угля, какъ и теперь въ каждомъ растеніи, дали, по всей вѣроятности, угольныя частицы, а желѣзо и другія частицы были принесены водою. Такимъ образомъ изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образовали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ его теперь находятъ. Если же мы не видимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растеній, какъ въ другихъ слоистыхъ породахъ камней, произшедшихъ отъ осадка въ водѣ, то это можетъ быть потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь, и въ то же время помогъ соединиться тѣснѣе всѣмъ составнымъ частямъ камня.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУНЪ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, если бы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ состоитъ. Онъ не похожъ на шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Въ булыжникѣ вы не видите такихъ слоевъ, какъ въ шиферѣ: напротивъ, онъ какъ-будто весь слѣвленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, крѣпко сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко — это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое, стекловидное зернышко — это кусочекъ крем-

ня; а вотъ и свѣтлая блестя — это слюда, которую также находятъ отдѣльными довольно большими кусками.

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плотную массу? Этого также хорошенько никто не знаетъ; но видно только, что тутъ работала страшно-сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди, занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь горитъ внутри земнаго шара, и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканѣ съ водою и дадите смѣси спокойно осѣсть на дно, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ котораго сдѣлана ваша доска, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ незамѣтно, силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня, и потому называется *огненною* породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ вырасть здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ могъ бы выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи или, можетъ быть, даже въ Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ вѣроятно идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно, подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленные, расплавленные вышли онѣ оттуда, и потомъ, мало по малу, застыли на воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человекъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то куполами, то остроконечными башнями.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоитъ взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы, и теперь стоящей гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу вѣрстъ? Конечно никто не привезъ на лошадахъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привести для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся высѣчена изъ одного такого камня, найденнаго невдалекѣ отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть

причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому-что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, рассказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, расскажетъ намъ о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской прибрежной гранитной скалы, у подошвы которой шумѣли бурныя волны; морскія птицы вили на этой скалѣ свои гнѣзда, а морскія животныя приплывали отдыхать у ея подошвы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою, скала казалась все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень. Много такихъ капель падало на нашу скалу, и мало-по-малу показались въ ней сначала едва замѣтныя трещины: въ эти трещины проникали новыя капли и углубляли ихъ все больше и больше. Зимой, когда эти капли, прокравшіяся въ гранитъ, замерзали, то, тѣмъ самымъ, раздвигали все дальше и дальше его частицы. Наполните бутылку водою и выставьте ее на морозъ: когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ.

Вѣтеръ и солнце помогали водѣ и холоду, и вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, со множествомъ подобныхъ ему каменьевъ, захотѣлъ путешествовать — рухнулъ со скалы и покатился внизъ, въ море; а тамъ уже ждалъ его отличный экипажъ — громадная ледяная глыба, стоявшая у подошвы горы. Долго ли, коротко ли стояла эта глыба, но мало по малу она набрала много молчаливыхъ пассажировъ и ей пора было бы уже отправиться въ путь, да то бѣда, что она очень плотно примерзла къ берегу. Однако же солнце и вѣтеръ дружными усиліями помогаютъ льдинѣ сняться съ якоря и пуститься странствовать по міру, куда глаза глядятъ, или, лучше сказать, куда гонитъ ее вѣтеръ. „Прощай на вѣки родина!“ могли бы сказать каменья, если бы у нихъ былъ языкъ.

Море въ тѣ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь: только высокія, гористыя страны выглядывали изъ подъ него, а наша низменная, ровная матушка-Россія вся еще пряталась подъ водою, по которой очень удобно было странствовать ледянымъ глыбамъ.

Вотъ глыба, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, все подвигалась къ югу; а на югѣ, какъ вы знаете, солнце грѣетъ больше, и припекало глыбу, которая пустилась въ путь, позабывъ, что она ледяная. Глыба все движется дальше, и дальше, а солнце печетъ и топитъ ее все больше и больше; становится наконецъ глыбѣ не въ терпѣжъ, и вотъ она роняетъ сначала одинъ камень, за нимъ другой, — и растеряла всѣхъ своихъ пассажировъ по лицу будущей Россіи: „лежите, молъ, тутъ, голубчики, до скончанія вѣка;“ а наконецъ и сама вся растаяла.

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человекъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчистить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему устроить фундаментъ для дома; тамъ ограду изъ камней; тамъ сложить изъ нихъ и цѣлую избу; тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дѣло дошло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось уже очень плохо. Тщательно разкивали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мохомъ; отыскивали, свезли въ кучи, и тысячи молотковъ принялись усердно колоть твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы, что при желѣзныхъ дорогахъ могли и отдохнуть камни, но не тутъ-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиною; опять бьютъ камень въ куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ, чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысяченудовая машина.

Такъ заботился Всемогушій Господь о человекѣ, когда еще человекъ не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ, водѣ, вѣтру и огню, приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ, хотя долго еще послѣ того человекъ не имѣлъ понятія, ни о шоссе, ни о желѣзныхъ дорогахъ, и таскался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлатъ лошадь. Но Всевидяшій Творецъ далъ человеку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что разкажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы съумѣемъ заставить его заговорить: и еслибы люди забыли Бога, то самые камни могли бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человекѣ.

ИЗВЕСТЬ.

Отецъ давно обѣщаль показать дѣтямъ, какъ добываютъ и обжигаютъ известь, и наконецъ повелъ ихъ за городъ, гдѣ, въ крутомъ и высокомъ берегѣ рѣки, множество работниковъ ломали известковый камень, разбивали его на болѣе мелкіе куски и складывали въ телѣги.

— „Теперь вы видѣли, откуда добывается известковый камень; но этого мало“, сказалъ дѣтямъ отецъ: „пойдемъ за телѣгами и посмотримъ, куда это везутъ известковый камень и что съ нимъ дѣлаютъ“.

Телѣги, проѣхавъ нѣсколько десятковъ сажени, остановились у громадной печи.

— „Въ этой печи обжигаютъ известъ“, сказалъ отецъ; „въ нее, какъ вы видите, кладутъ известковые камни такъ, чтобы между ними оставались пустоты, въ которыя могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводятъ сильный огонь и поддерживаютъ его нѣсколько дней сряду. Пламя,

проникая между камнями, раскаляет ихъ до того, что изъ нихъ въ видѣ пара выходитъ вся находившаяся въ нихъ вода, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое и легкое, какъ воздухъ, но только не воздухъ: это вещество называется *углекислымъ газомъ* или просто *угольной кислотой*. Когда вся вода испарится и вся угольная кислота улетитъ, тогда гасятъ огонь и вынимаютъ изъ печи известь, которая получила новое удивительное свойство. Дотроньтесь влажною рукою или губами до куска обожженной извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходитъ отъ того, что известь съ необыкновенною жадностью тянетъ въ себя влагу, которую покрыта ваша рука или ваши губы“.

Потомъ отецъ взялъ кусокъ обожженной извести и, положивъ на землю, сталъ на него лить понемногу воду: вода шипѣла и испарялась, какъ будто бы ее лили на горячую плиту, и кусокъ извести, бывшій до того холоднымъ, сильно разгорячился, и наконецъ разсыпался въ мелкій порошокъ.

„Это значить гасить известь“, сказалъ отецъ дѣтямъ, „возьмите этотъ порошокъ въ руки: вы чувствуете, что онъ совершенно сухъ, хотя въ немъ довольно много воды. Если на три фунта выжженной извести налить фунтъ воды, то мы получимъ четыре фунта такого бѣлаго порошка; слѣдовательно, въ этомъ сухомъ порошокѣ находится фунтъ воды, хотя ее совершенно незамѣтно. Такое соединеніе двухъ тѣлъ, при которомъ они образуютъ одно, новое, называется *химическимъ соединеніемъ*; а стремленіе одного тѣла соединиться съ другимъ называется *химическимъ сродствомъ*. Негашенная известь и вода имѣютъ между собою химическое сродство. Большая часть тѣлъ—сложныя тѣла, и состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ *простыхъ тѣлъ*, т. е. такихъ, которыхъ уже не могли *разложить* на какія нибудь другія тѣла. Вы знаете уже нѣсколько простыхъ тѣлъ: золото, желѣзо, ртуть, мѣдь, уголь; но дерево, вода, соль и многія другія тѣла суть тѣла сложные. Наука, которая показываетъ, изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ сложены всѣ тѣла, называется *химіей*, а люди занимающіеся ею — *химиками*.

Замѣтивъ въ негашенной извести сильное сродство къ водѣ, люди пользуются этимъ свойствомъ, чтобы извлекать воду отовсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть; такъ, на примѣръ: если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько кусковъ негашенной извести, и хотя вода дружна со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно; но съ известью она еще дружнѣе; а потому она оставляетъ спиртъ и соединяется съ известью. Если оставить обожженную известь на воздухѣ, то она скоро потеряетъ свое острое, жгучее свойство, потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известь соединяется. Вотъ почему—когда хотятъ сохранить известь негашенною, то складываютъ и закрываютъ ее такъ, чтобы къ ней не прикасался воздухъ. Я также сказалъ вамъ, что огонь

выгнать из известкового камня газообразное, похожее на воздухъ вещество, называемое угольною кислотою. Въ воздухѣ всегда довольно угольной кислоты, и потому, если известь долго оставлять на воздухѣ, то она химически соединится съ угольною кислотою и превратится въ мѣлъ.

Мѣлъ есть не что иное, какъ химическое соединеніе извести и угольной кислоты, или, какъ говорятъ химики, *углекислая известь*. При быстромъ гашеніи извести, когда на нее льютъ много воды, изъ нея образуется тѣсто, которое каменщики употребляютъ какъ цементъ для того, чтобы связывать кирпичи, изъ которыхъ строятся дома. Но кирпичъ съ кирпичемъ и песокъ съ известью соединяются *не химически, а механически*. Механическимъ это соединеніе называется потому, что въ немъ каждая песчинка остается песчинкою, и каждый кусочекъ извести — известью; тогда какъ изъ воды и обожженной извести составляется новое тѣло, равно какъ изъ извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезаютъ такъ, что ихъ можно выдѣлать только посредствомъ сильнаго огня.

ТѢЛА ВОЗДУХООБРАЗНЫЯ ИЛИ ГАЗЫ.

Мы познакомились уже съ однимъ изъ газовъ, воздухомъ, который совершенно необходимъ для нашей жизни, и обливаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ вода обливаетъ рыбу, плавающую въ рѣкѣ. Но такихъ газообразныхъ тѣлъ, какъ воздухъ, много, и если мы мало знакомы съ ними, то именно потому, что всѣ они похожи на воздухъ. Впрочемъ различные газы, хотя и похожи одинъ на другой своею воздушностью, легкостью и прозрачностью, имѣютъ различныя свойства, по которымъ химики узнали объ ихъ существованіи: въ одномъ, напримѣръ, зажженная лучинка горитъ необыкновенно ярко; въ другомъ, наоборотъ, потухаетъ; въ одномъ животное можетъ дышать, въ другомъ умираетъ мгновенно. Нѣкоторые газы имѣютъ запахъ, другіе — безъ запаха; одни соединяются съ такими тѣлами, съ которыми другіе не соединяются, и проч.

Но не хотите ли сами добыть одинъ весьма замѣчательный газъ? Возьмемъ для этого *высокую и не очень широкую банку*; эта банка, какъ вамъ извѣстно, не пуста, но наполнена воздухомъ, и если опустимъ въ нее зажженную лучинку, то лучинка продолжаетъ горѣть: въ воздухѣ лучинка горитъ. Наскоблیمъ же теперь ложки двѣ или три мѣлу, высыпемъ его въ банку и нальемъ въ него уксусу: мѣлъ сильно зашипитъ и вздуется; начнеть подыматься пузырями, которые, лопааясь, будутъ выпускать газъ. Опустимъ теперь въ банку ту же зажженную лучинку, и она быстро погаснетъ, хотя мы не дотронулись ею до жидкости: не вправѣ ли мы заключить изъ этого, что въ банкѣ надъ жидкостью, вмѣсто воздуха, собралось какое-то другое воздухообразное вещество, въ которомъ лучинка горѣть не можетъ?

Это новое вещество — *углекислый газъ*, или, какъ его еще называютъ, *угольная кислота*. Газъ этотъ значительно тяжелѣе воздуха, а потому-то онъ, вытѣснивъ воздухъ изъ банки, какъ вытѣснила бы его вода, самъ изъ нея не вылетаетъ, хотя она и открыта. Другіе газы легче воздуха, и ихъ нельзя такъ собрать, какъ угольную кислоту, потому что они стремятся улетѣть вверхъ и разлетѣться въ воздухѣ. Углекислый газъ можно даже перелить осторожно изъ одной банки въ другую; но только надобно стараться, чтобы при этомъ не было ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ: иначе газъ разойдется въ немъ. Если ко дну банки, въ которую переливается газъ, прикрѣпимъ маленькую зажженную свѣчу, то убѣдимся, что газъ, хотя его и невидно, дѣйствительно переливается: какъ только дойдетъ онъ до огня, то немедленно же и потушитъ его.

Нальемъ осторожно воды въ банку съ угольною кислотою; закроемъ банку плотнѣе и взболтаемъ воду хорошенько: перемѣшавшись съ газомъ, вода пріобрѣтетъ кисловатый вкусъ, похожій на тотъ, который бываетъ и въ квасѣ, и въ шампанскомъ. Вы вѣроятно знаете, что если нагрѣть хорошо закупоренную бутылку кислыхъ щей, то они сильно заиграютъ и пробка вылетитъ съ шумомъ;—это угольная кислота, пріобрѣтая отъ теплоты сильную упругость, стремится найти себѣ выходъ.

Если въ сосудъ, наполненный угольною кислотою, опустить животное, то оно скоро издохнетъ; изъ чего мы можемъ заключить, что хотя угольная кислота и похожа на воздухъ, но дышать ею нельзя. Вблизи Неаполя есть пещера, которую называли *собачьей*, потому что, вбѣжавъ въ нее, собака быстро издыхаетъ, тогда какъ человѣкъ можетъ безопасно входить въ пещеру. Причина этого явленія для насъ теперь понятна: изъ известковыхъ камней, составляющихъ дно пещеры, отдѣляется много угольной кислоты; но такъ какъ этотъ газъ тяжелѣе воздуха, то онъ и стоитъ слоемъ внизу, и собака, входя въ этотъ слой, погибаетъ, тогда какъ человѣкъ, продолжая дышать воздухомъ, ничего не замѣчаетъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ рукахъ тѣло, котораго не видимъ, но свойства котораго мы узнали посредствомъ опытовъ: оно имѣетъ тяжесть и тяжелѣе воздуха, почему можетъ переливаться, какъ жидкость, изъ сосуда въ сосудъ; при нагрѣваніи расширяется и пріобрѣтаетъ сильную упругость; сообщаетъ водѣ кислый вкусъ; не поддерживаетъ ни горѣнія, ни дыханія.

Но откуда же взялся углекислый газъ? Онъ находился въ мѣлу въ соединеніи съ известью, а уксусъ выгналъ его оттуда; потому что находящаяся въ уксусѣ кислота имѣетъ большее стремленіе соединиться съ известью, чѣмъ кислота угольная.

Другіе газы имѣютъ и другія свойства; только добыть другіе газы безъ

особенныхъ химическихъ снарядовъ не такъ легко. Общія же свойства всѣхъ газовъ состоятъ въ томъ, что всѣ они прозрачны, почти всѣ легче воздуха, и потому постоянно стремятся улетѣть вверхъ; всѣ, какъ и воздухъ, безпрестанно стремятся расшириться во всѣ стороны и занять каждое пустое мѣсто; всѣ упруги, и при нагрѣваніи расширяются. Кто будетъ изучать химию, тотъ узнаетъ, какую важную роль въ жизни природы играютъ газы, и что многія твердыя и жидкія тѣла состоятъ изъ однихъ газовъ, которые, соединившись, составили новое тѣло, очень хорошо видимое, — узнаетъ, что нѣкоторые газы, если ихъ сильно охлаждать и въ то же время сжимать, превращаются въ жидкость, и что, наоборотъ, многія жидкія и твердыя тѣла, подъ вліяніемъ жара, превращаются въ газы. Вода, напримѣръ, состоитъ изъ двухъ газовъ, водорода и кислорода, химически соединенныхъ, а при испареніи сама превращается въ невидимый газъ. Воздухъ состоитъ изъ *смеси* двухъ газовъ: кислорода и азота.

Самый замѣчательный изъ всѣхъ газовъ, входящій и въ воду и въ воздухъ, есть *кислородъ*; онъ находится почти во всѣхъ тѣлахъ, но добывать его очень трудно безъ особенныхъ химическихъ снарядовъ. Кислородъ замѣчателенъ тѣмъ, что безъ него невозможно ни горѣніе тѣлъ, ни дыханіе животныхъ. За то въ самомъ кислородѣ все горитъ необыкновенно сильно и ярко. Если опустить тлѣющую лучинку въ банку съ кислородомъ, то лучинка вспыхнетъ сильнымъ пламенемъ; желѣзо, которое въ огнѣ мы можемъ только раскалить, въ кислородѣ горитъ, разбрасывая отъ себя множество яркихъ искръ; даже алмазъ — и тотъ сгораетъ безъ остатка въ кислородѣ. Кислородъ, соединяясь съ желѣзомъ, образуетъ ржавчину, которую мы замѣчаемъ на желѣзѣ, когда оно долго постоитъ на воздухѣ и особенно въ сыромъ мѣстѣ. Изъ соединенія кислорода со ртутью образуется красный порошокъ, называемый *окисью ртути*. Изъ этого порошка, нагрѣвая его, легко добыть чистый кислородъ; но надобно умѣть собрать газъ въ банку: потому что онъ, будучи легче воздуха, тотчасъ же улетитъ. Угльную кислоту зовутъ кислотою потому, что въ ней кислородъ въ соединеніи съ другимъ тѣломъ — *углеродомъ*. Углеродъ въ чистомъ видѣ есть тѣло твердое — это уголь, графитъ нашихъ карандашей и алмазъ. Не правда ли, трудно себѣ представить, что уголь и алмазъ состоятъ изъ одного вещества? Но сжигая алмазъ въ кислородѣ, убѣдились, что отъ этого, точно также, какъ и отъ сжиганія угля, происходитъ угльная кислота, т. е. соединеніе углерода съ кислородомъ.

Другой замѣчательный газъ, изъ соединенія котораго съ кислородомъ состоитъ вода, есть *водородъ*. Его можно добыть изъ воды, заставивъ, посредствомъ жара, кислородъ воды соединиться съ желѣзомъ: но этотъ опытъ труденъ и опасенъ. Водородъ — газъ горючій: если къ струѣ водорода под-

нести пламя, то водородъ загорится, т. е. будетъ соединяться съ кислородомъ, и изъ соединенія водорода съ кислородомъ образуется вода. Пламя къ водороду подносятъ за тѣмъ, чтобы нагрѣть сильно водородъ, безъ чего онъ не станетъ соединяться съ кислородомъ и не вспыхнетъ. Водородъ въ четырнадцать разъ легче обыкновеннаго воздуха, и потому имъ наполняютъ воздушные шары, которые поднимаются въ воздухѣ по той же самой причинѣ, по какой подымается со дна воды пузырь, наполненный воздухомъ.

Воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ, кислорода и азота; изъ этой смѣси легко получить чистый *азотъ*. Для этого возьмемъ чашку, наполненную водою, пустимъ на воду пробку съ кускомъ ваты, обмокнутымъ въ спиртъ, потомъ зажжемъ вату и покроемъ ее стаканомъ такъ, чтобы края его нѣсколько погружались въ воду. Спиртъ, продолжая горѣть подъ стаканомъ, соединяется съ кислородомъ воздуха, который находится подъ стаканомъ. Когда кислородъ истощится, то на мѣсто его войдетъ въ стаканъ вода, которая займетъ столько мѣста, сколько занималъ кислородъ. Надъ водою же будетъ находиться азотъ, въ которомъ, такъ же какъ и въ угольной кислотѣ, лучинка гаснетъ и животное издыхаетъ. Животное умираетъ въ этомъ газѣ не отъ вредныхъ свойствъ его, но отъ недостатка кислорода, который необходимъ для дыханія. Если въ комнатѣ можетъ помѣститься пять бочекъ воздуха, то чтобы этотъ воздухъ былъ годенъ для дыханія, въ немъ должна необходимо заключаться одна бочка кислорода и четыре бочки азота. Если воздухъ заключаетъ въ себѣ меньше кислорода, то дыханіе въ немъ затрудняется. Воздухъ также дѣлается негоднымъ для дыханія отъ примѣси къ нему другихъ вредныхъ газовъ, какъ напримѣръ угольной кислоты.

Р У Ч Е Й.

Много я слышалъ уже о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, пробивающійся изъ подъ большаго камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что такое онъ болтаетъ. Безчисленные маленькія волны, перегоня другъ друга, журча, пробиваются между камнями и пескомъ, подымая и крутя его бѣлые зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, расскажите мнѣ, зачѣмъ вы это такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О, залепетали волны: насъ много и очень много; тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть невозможно; мы всѣ хотимъ выйти на Бо-

жій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ!

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли ли вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь въ знакъ того, что вода снова скрылась въ землю.

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — залепетали волны, перебивая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ хотѣла рассказать, что съ ней было, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее съвозъ пальцы, каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиначкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразказали мнѣ!

— Мы, сказали двѣ другія капли, были снѣжинками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залепетали другія капли, и увы, согрѣшили: положили на землю тяжелый колосъ. А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ новыя капли. Мы носили корабли въ морѣ; мы утолили жажду жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вслѣдывалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы — вкуснымъ виномъ; мы — лекарствомъ; мы — ядомъ; мы — молокомъ, звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ: я была когда-то слезою, прошептала она; я — каплею пота, сказала вслѣдъ за ней другая, падая на землю; а я была уже въ твоёмъ сердцѣ, прозвенѣла третья, — была теплой капелькой крови, а потомъ, когда тыдохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ и стряхнулъ обратно въ рѣку остальные капли, не слушая ихъ болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: расскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра, и будутъ лежать тамъ вѣчно; развѣ человекъ выкопаетъ ихъ и построитъ изъ нихъ дома. Но какъ же удивился я, когда ручей сталъ мнѣ говорить самыя диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывавши дождемъ или снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже вашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самыя затѣйливыя ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ рассказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и карлахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охра-

няютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти карлы и эти духи — мы, мы, маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малы и безсильны; но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слыхаль, что капля, падая за каплей, пробиваютъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Но скоро тяжелая ноша становится не подъ силу маленькой каплѣ, и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ известки и гипса блестящіе, красивые кристаллы. Также мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленый и голубой кусочекъ мѣднаго купороса, и раскрашиваемъ ими другіе камни. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но милліоны водяныхъ капель выпили эту соль и унесли ее куда нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ такой пещерѣ намъ привольно работать: звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимые нами кусочки камня, строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на ваши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнышкѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту, только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки; сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ цѣлыя подземныя озера; потомъ выбѣгаютъ оттуда ручьями въ разсѣлины скалъ, или прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Къ намъ прибѣгаетъ иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, блѣдное и слѣпое: вамъ скучно въ этихъ пещерахъ безъ солнца, а оно боится, какъ смерти, солнечныхъ лучей. Если на дорогѣ попадетъ намъ въ горѣ кусокъ дерева, мы начинаемъ хлопотать изо всѣхъ силъ: каждую клѣточку наполнимъ или кремнемъ, или известкой; древесину же разломаемъ и унесемъ прочь, словомъ, сдѣлаемъ то, что вы называете окаменѣлымъ деревомъ, но называете совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать отчетливо изъ камня каждую жилку, каждую ячейку! То же самое дѣлаемъ мы и съ раковинами, если онѣ намъ попадутся, и любимъ подражать ихъ формамъ. Раковины тоже сдѣланы изъ известки какимъ нибудь животнымъ, которое строило себѣ этотъ домикъ за многія тысячи лѣтъ до васъ; но намъ эта известка нужна, и мы ее всю растащимъ, а на память о бывшемъ животномъ и его домикѣ, выстроимъ этотъ домикъ изъ другихъ матеріаловъ.

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ рассказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало по малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, и съ деревьями, которыя росли на землѣ, рухнула въ долину и засыпала четыре деревни съ людьми и животными. Но я перервалъ печальный рассказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Расскажи-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много ѣдятъ и пьютъ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и маленькій камешекъ и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несутъ твои хлопотливыя работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки: насъ уже давно ждуть милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища и крѣпкіе кораллы, а для коралловъ нужно много известки, потому что изъ нихъ дѣлаются цѣлые острова въ океанѣ.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растений ждуть насъ давно; даже травка на берегу и та проситъ, чтобъ мы дали ей частичку. — Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли, — воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни другія водяныя животныя. — Мы несемъ угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки; — мы — гипсъ; мы — желѣзо; мы — фосфоръ; мы — множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ, людямъ. Не вы ли сами приходите искать соли тамъ, гдѣ мы ее сложимъ? не вы ли приходите лечиться къ намъ и рады-радехоньки, когда почувете, что въ насъ есть или сѣра, или желѣзо, или какой нибудь другой минералъ, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете насъ отъ сору, устраиваете для насъ красивые бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостиницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Пятигорскѣ, Кисло-

водскѣ или другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, зажурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покоя и трудолюбивѣ муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно суетятся, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. Нароботавшись въ волю и въ облакахъ, и въ травѣ, и въ листьяхъ, которые мы такъ освѣжаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, — мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки, изъ ручья бѣжимъ въ рѣчку, изъ рѣчки въ широкое безбрежное море, и тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъ усталости и не скучаемъ; намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божіемъ мірѣ, и поимъ неисчислимые миллионы растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобы и я не прожилъ безъ пользы: а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

ЗВУКЪ И СВѢТЪ.

Если разбить камень на мелкіе куски, то каждый изъ этихъ кусковъ можно еще разбить на болѣе мелкіе кусочки; но и самую малѣйшую песчинку можно опять раздробить на нѣсколько частей, еще болѣе мелкихъ, и кажется, что нѣтъ такой маленькой частички, которую нельзя было бы раздѣлить еще на части. Но физики предполагаютъ, что есть такія маленькія частички, которыхъ уже нельзя раздробить болѣе; но что эти частички такъ малы, что мы не можемъ ни видѣть ихъ по-одиначкѣ, ни оцупать рукой. Такія *недѣлимыя* болѣе уже частички физики назвали *атомами*, и предполагаютъ, что изъ атомовъ состоитъ всякое тѣло: твердое, жидкое и воздухообразное. Въ твердыхъ тѣлахъ атомы сильно держатся другъ за друга, въ жидкихъ слабѣе, въ газообразныхъ еще слабѣе. Въ тѣлахъ упругихъ (какъ напр. стальная пружина или кусокъ резины) атомы, положеніе которыхъ нарушено какою-нибудь постороннею силою, какъ только эта сила перестанетъ дѣйствовать, стремятся опять прійти въ прежнее положеніе: кусокъ резины, если его перестанутъ растягивать, опять сожмется; стальная пружина, если ее перестанутъ гнуть, опять выпрямится. Одни

тѣла имѣють болѣе упругости, другіе менѣе. Воздухъ — одно изъ самыхъ упругихъ тѣлъ.

Если мы бросимъ камень въ воду, то положеніе частичекъ воды нарушится: она заколышется, и отъ того мѣста, гдѣ упалъ камень, пойдуть по поверхности воды круговыя волны, которыя, все расширяясь болѣе и болѣе, становятся все менѣе замѣтными и, наконецъ, исчезаютъ. Если волна дойдетъ до берега, то ударится о него и нѣсколько отхлынетъ назадъ. Долго волнуется рѣка, по которой пролетитъ быстрый пароходъ, и долго волны, поднятыя имъ, бьются о берега, всякій разъ отражаясь назадъ. Если маленькая лодочка пойдетъ по рѣкѣ влѣдъ за пароходомъ, то ее долго качаетъ и подкидываетъ.

То же самое должно дѣлаться и въ воздухѣ, который, какъ вода, обливааетъ землю со всѣхъ сторонъ, съ тою только разницею, что волненія воды мы видимъ, а волненія воздуха мы видѣть не можемъ, потому что не видимъ самага воздуха. Когда покой атомовъ, составляющихъ воздухъ, нарушенъ ударомъ, то эти атомы дрожатъ, ходятъ взадъ и впередъ и приводятъ въ движеніе сосѣдніе атомы; тѣ въ свою очередь толкають другіе, и такимъ образомъ дрожь атомовъ воздуха распространяется на большое пространство; но чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлается слабѣе, точно также, какъ и волны воды, въ которую вы бросите камень. Если же дрожитъ какое-нибудь другое упругое тѣло, наприм. струна, то и воздухъ, прикасающійся къ этому тѣлу, также начинаетъ дрожать, и эта дрожь воздуха быстро распространяется на значительное разстояніе. Съ воздухомъ въ этомъ случаѣ дѣлается то же самое, что дѣлается съ водою, если вы нальете ее въ стаканъ и начнете стучать по краю сосуда. Дрожь сосуда сообщится водѣ, и по ней пойдуть маленькія волны.

Наоборотъ, если какое-нибудь твердое тѣло будетъ находиться посреди всеколыханнаго, дрожащаго воздуха, то волны воздуха будутъ биться о него, точно такъ же, какъ волны моря бьются о берега; если же предметъ маленькій и легкій, то станутъ колебать его, какъ колебали лодочку волны рѣчки, по которой пролетѣлъ пароходъ. Повѣсьте листъ бумаги не въ дальнемъ разстояніи отъ пустаго стакана или отъ струны, начните ударять по стакану или заставьте дрожать струну, и вы увидите, что взволнованный воздухъ заставитъ дрожать и листъ бумаги. Бумага, конечно, не можетъ чувствовать, что она дрожитъ; но если вмѣсто бумаги мы представимъ себѣ слуховой нервъ животнаго, одареннаго чувствомъ, то поймемъ, что животное можетъ ощущать дрожаніе нерва и слѣдовательно дрожаніе воздуха. Такіе именно нервы находятся во внутреннемъ слуховомъ органѣ животныхъ, и кончики этихъ нервовъ плаваютъ тамъ въ жидкости, которую колышетъ взволнованный воздухъ, ударяясь о перепонку, закрывающую эту

жидкость, какъ ударяются волны рѣки о берега. Ощущеніе, которое испытываетъ слуховой нервъ, когда дрожащій воздухъ заставляетъ его самаго дрожать, называется *звукомъ*.

Струна дрожить и заставляетъ также дрожать воздухъ; дрожаніе воздуха, сообщаясь отъ атома къ атому, доходитъ до уха и заставляетъ дрожать натянутую въ немъ перепонку; отъ дрожи перепонки дрожить находящаяся за ней жидкость; отъ дрожанія жидкости дрожать плавающие въ ней концы слуховыхъ нервовъ; а дрожаніе слуховыхъ нервовъ кажется животному звукомъ. Въ безвоздушномъ пространствѣ звуковъ не бываетъ, хотя бы язычекъ колокольчика бился о его стѣнки, или хотя бы натянутая струна дрожала. Кожа барабана звучитъ, когда по ней бьютъ; струна скрипки — когда по ней тянутъ смычкомъ; колонна воздуха, находящаяся внутри трубы, флейты, свистка — когда на нее сильно дуютъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дрожать сначала атомы звучащаго тѣла, отъ нихъ атомы воздуха, а отъ нихъ атомы слуховыхъ нервовъ.

Что звукъ происходитъ отъ дрожанія частичекъ воздуха, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобы объяснить явленіе свѣта, ученые предполагаютъ существованіе какого-то наполняющаго міръ *эфира*, котораго въ спокойномъ его состояніи нельзя ощущать ни однимъ изъ пяти чувствъ. Этотъ эфиръ приводится въ движеніе горящими тѣлами и солнцемъ, которое окружено пламенной атмосферой, а, отражаясь отъ земли и предметовъ, на ней находящихся, этотъ дрожащій эфиръ дѣлаетъ для насъ видимыми всѣ предметы. Когда заходитъ солнце, или изъ комнаты уносятъ свѣчу, тогда эфиръ приходитъ въ спокойное состояніе, и потому дѣлается темно; лучи солнца — не что болѣе, какъ струи дрожащаго эфира, идущія во всѣ стороны отъ пламенѣющаго солнца; точно также какъ звукъ есть не что иное, какъ струя дрожащаго воздуха, идущая во всѣ стороны отъ дрожащаго предмета; первая поражаетъ наше зрѣніе, вторая — нашъ слухъ.

ГРОМЪ И МОЛНІЯ.

Мы знаемъ уже, какое важное значеніе имѣетъ для насъ оконное стекло, защищающее наши жилища отъ холода и непогоды и свободно пропускающее отрадные лучи свѣта. Но вотъ искусный работникъ беретъ толстое стекло, дѣлаетъ изъ него большой кругъ и повертываетъ въ срединѣ стекляннаго круга дыру. Въ эту дыру всаживаетъ онъ валикъ съ ручкою, а валикъ утврждаетъ на двухъ стеклянныхъ же ножкахъ; словомъ, укрѣпляетъ стеклянный кругъ подобно тому, какъ точильщикъ укрѣпляетъ свое вертящееся каменное колесо. Съ одного края стекла, на той же доскѣ, на которой стоятъ ножки, поддерживающія кругъ, ставится деревянная подставка, и къ верхнему концу ея придѣлываются двѣ дощечки, такъ чтобы

онѣ, какъ двѣ широкія ладони, обнимали собою одинъ край стекляннаго круга. Дощечки эти съ той стороны, гдѣ онѣ прилегаютъ къ стеклу, обтягиваются кожей, а кожа намазывается смѣсью ртути и цинка. Вся же машина устроивается такъ, чтобы кругъ, когда станутъ вертѣть ручку валика, на которомъ онъ утверждёнъ, терся о кожу, натянутую на дощечкахъ и намазанную *амальгамою*: такъ называютъ эту смѣсь ртути и цинка. Къ мѣдной скобкѣ, на которой держится подушка, привѣшивается металлическая цѣпочка, спускающаяся до земли. *)

Если теперь начать вертѣть стеклянный кругъ и въ то же время поднести палецъ къ краю его, то изъ стекла перескакиваетъ въ палецъ маленькая голубая искорка, причёмъ слышенъ легкій трескъ и во всемъ тѣлѣ, особенно въ суставахъ руки, чувствуется какое-то сотрясеніе: довольно замѣтный и быстрый ударъ. Вотъ вамъ громъ и молнія въ самомъ маленькомъ видѣ.

Въ стеклѣ находятся двѣ различныя, невидимыя жидкости, которыя обѣ называются *электричествомъ*, но одна — *положительнымъ* электричествомъ, а другая — *отрицательнымъ*. Обѣ эти невидимыя жидкости — двѣ старинныя неразлучныя пріятельницы, и гдѣ находится одна, тамъ и другая; если же ихъ раздѣлять насильно, то онѣ жадно ищутъ перваго случая, чтобы вновь соединиться: вотъ причина искорки, выскакивающей изъ стекла въ палецъ, а также и причина грома и молніи.

Два дружныя электричества вы раздѣлили въ стеклянномъ кругѣ, терши его о подушки, намазанныя амальгамою: положительное электричество осталось на стеклѣ, а отрицательное ушло черезъ подушки, по мѣдной цѣпочкѣ, въ землю. Когда же вы подносите палецъ къ стеклу, то его сильное положительное электричество вызываетъ отрицательное изъ вашего тѣла и быстро съ нимъ соединяется; отъ этаго соединенія происходитъ голубая искорка.

Въ тѣлѣ человека, какъ и во всякомъ другомъ тѣлѣ, находятся въ соединеніи два электричества — положительное и отрицательное; и пока они соединены, до тѣхъ поръ ничѣмъ не проявляютъ своего существованія.

Но почему же эти странныя жидкости называли электричествомъ, и что это за слово? Слово электричество не русское, а происходитъ отъ греческаго слова *электронъ*, что значитъ янтарь. Электричествомъ же, или янтарностью, называли эту силу потому, что прежде всего ее замѣтили въ янтарѣ. Если взять кусокъ янтаря и всякой другой смолы, потому что янтарь есть тоже смола, или даже просто кусочекъ сургуча, потому что и сургучъ дѣлается изъ смолы, и потереть имъ о сукно, то хотя искорки и не покажется, но

*) См. рисунокъ.

сургучъ станетъ притягивать и отталкивать маленькіе кусочки бумажки или дерева; ту же самую силу замѣтимъ мы и въ кускахъ сѣры. Не только въ стеклѣ, смолѣ, сѣрѣ находятся оба электричества, но и въ каждомъ другомъ тѣлѣ: въ землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, въ камняхъ и металлахъ, растеніяхъ, животныхъ и людяхъ; но только не вездѣ ихъ такъ легко раздѣлить, какъ въ стеклѣ или въ смолѣ, а потому не вездѣ они такъ и замѣтны.

Мы знаемъ уже, что облака образуются преимущественно изъ морскихъ испареній; а при испареніи соленой воды положительное электричество уносится съ парами, и когда этого электричества скопится въ облакахъ много, тогда оно стремится соединиться съ отрицательнымъ электричествомъ земли, и, конечно, стремится къ самому ближайшему предмету на землѣ: къ вершкѣ скалы, высокому дереву, высокой колокольнѣ или крышѣ дома. Почуя приближеніе облачнаго положительнаго электричества, другое, отрицательное, находящееся въ землѣ, стремится къ нему навстрѣчу. И это стремленіе съ обѣихъ сторонъ такъ быстро и сильно, что воздухъ едва успѣваетъ давать дорогу электричеству; а отъ сильнаго колебанія воздуха происходитъ громъ, точно такъ, какъ происходитъ слабый свистъ, когда вы машете палкой по воздуху. Если оба электричества, земное и облачное, соединяются въ деревѣ или въ крышѣ дома, или въ какомъ нибудь другомъ поднимающемся кверху, горючемъ и не слишкомъ крѣпкомъ предметѣ, то онъ растрескивается и загорается. Если электричества соединяются въ пескѣ, то песокъ сплавляется въ стекловидные куски, которые зовутъ громовыми стрѣлами; а если, къ несчастію, на дорогѣ соединенія двухъ электричествъ попадется животное или человѣкъ, то гибель ихъ неизбежна, и за мгновеннымъ ударомъ слѣдуетъ мгновенная смерть.

Если къ краю стекла электрической машины мы вмѣсто пальца поднесемъ длинную мѣдную или желѣзную палочку, то искра такъ же быстро перебѣгаетъ по палочкѣ въ наше тѣло, какъ будто бы мы держали палецъ у самага стекла. Если бы наша металлическая палочка была въ цѣлую версту длиною, то и тогда мы не успѣли бы мигнуть глазомъ, какъ почувствовали бы искру въ нашемъ тѣлѣ. Вотъ почему металлы называются *хорошими проводниками* электричества. Если же мы поднесемъ къ стеклу электрической машины кусокъ сургуча, стеклянную палочку или шелковый снурокъ, то не замѣтимъ, чтобы электричество передавалось нашей рукѣ. Вотъ почему шелкъ, смола и стекло называются *дурными проводниками*. Вотъ почему также электрическія машины ставятся не на металлическихъ, а на стеклянныхъ столбикахъ, которые не позволяютъ сбѣгать электричеству въ землю; и вотъ почему проводятъ мѣдную цѣпочку, когда хотятъ, чтобы электричество ушло въ землю. Замѣчательно, что эти-то дурные провод-

ники и употребляются для добыванія электричества; потому, что электричество въ нихъ скопляется и задерживается лучше, чѣмъ въ хорошихъ проводникахъ, но передается съ нихъ слабо; а потому и искра, появляющаяся при прикосновеніи къ наэлектризованному стеклянному кругу, очень слаба. Чтобы получить болѣе сильную искру, присоединяется къ электрической машинѣ мѣдный, пустой въ серединѣ, валикъ, называемый *кондукторомъ* или проводникомъ. На одномъ концѣ кондуктора — мѣдная вилка, обхватывающая край стекляннаго круга, не прикасаясь къ нему; на другомъ концѣ — мѣдный шарикъ на мѣдной же палочкѣ. Весь кондукторъ, чтобы съ него электричество не уходило въ землю, точно также какъ и стеклянный кругъ, ставится на стеклянныхъ столбикахъ. Сильное положительное электричество стекляннаго круга вызоветъ черезъ зубчатую вилочку отрицательное электричество кондуктора и станетъ съ ними соединяться; положительное же электричество кондуктора соберется на противоположномъ его концѣ и въ особенности на маленькомъ шарикѣ; а такъ какъ металлъ хорошій проводникъ и электричество сбѣгаетъ съ него легко, то при прикосновеніи къ шарикѣ кондуктора получится яркая и сильная искра.

Если на верхушкѣ дома или колокольни поставить металлическій шпигъ и отъ этого шпига провести металлическую же проволоку въ землю или въ ближайшій колодезь, то молнія, попадая въ шпигъ, пойдетъ мимо дома по проволокѣ въ колодезь, потому что металлъ лучше проводитъ электричество, чѣмъ дерево. Такимъ образомъ предохраняются зданія отъ ударовъ молніи. Такія предохранительныя орудія называются *громоотводами*.

Вы вѣроятно замѣтили, что громъ всегда раздается послѣ того, какъ блеснетъ молнія, и чѣмъ дальше отъ насъ совершается гроза, тѣмъ дольше не слышно грома послѣ молніи. Причина этого очень понятна: свѣтъ (струя дрожащаго эфира) пробѣгаетъ въ секунду 280,000 верстъ, а звукъ (струя дрожащаго воздуха) только 157 сажень; слѣдовательно, звукъ движется гораздо медленнѣе, чѣмъ свѣтъ, и свѣтъ молніи долетаетъ къ намъ гораздо быстрѣе, чѣмъ звукъ грома. Вотъ почему по продолжительности времени, проходящаго отъ появленія молніи до громоваго удара, можно рассчитать приблизительно отдаленность грозы.

Электричество пробѣгаетъ въ людяхъ и животныхъ съ такою же неудержимостію и быстротою, какъ и въ металлической палочкѣ, и если бы тысяча человекъ взяли другъ друга за руки, и первый изъ этой длинной вереницы дотронулся до электрической машины, то послѣдній почувствовалъ бы электрической ударъ почти въ то же самое мгновеніе, какъ и первый, и съ тою же самою силою. Вотъ почему случалось иногда, что цѣлое стадо лошадей, испуганное грозою и столпившееся въ кучу, было убиваемо однимъ громовымъ ударомъ.

Замѣчательно также, что молнія, попадая въ металлическія вещи, легко плавимыя и особенно блестящія, часто расплавляетъ ихъ совершенно.

СТРОЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какое безчисленное множество листьевъ рождается каждую весну и умираетъ каждую осень, утучняя собою землю! Кажется, для природы ничего не стоитъ произвести такую пустую вещь, какъ листокъ; а между тѣмъ, разсмотрѣвъ хорошенько устройство листка, мы убѣдимся, что оно сложнѣе и труднѣе устройства самой трудной и сложной машины, сдѣланной руками человѣка. Посмотрите, сколько въ немъ жилокъ и какъ эти жилки, развѣтвляясь все больше и больше, становятся до того мелки, что за ними, безъ помощи микроскопа, и слѣдить невозможно. Но этого мало: если взять, на примѣръ, листокъ садовой гвоздики и ножичкомъ проскоблить его довольно крѣпкую верхнюю кожицу, то подъ нею мы увидимъ зеленую, влажную мякоть. Возьмемъ немного этой мякоти на кончикъ ножика и опустимъ ее въ каплю воды, въ которой она и расплывается. Если взглянуть теперь въ микроскопъ на такую каплю воды, то можно увидѣть, что въ ней плаваютъ маленькіе шарообразные, прозрачные пузырьки, наполненные жидкостью, въ которой въ свою очередь плаваютъ еще меньшія, крошечныя зеленыя крупинки, и отъ этихъ-то крупинокъ кажется зеленымъ весь листокъ. Эти крошечныя пузырьки, съ крупинками въ серединѣ, ботаники называютъ *клеточками*, или *ячейками*.

Какъ ни мала эта клеточка, но она имѣетъ большое значеніе, потому что изъ подобныхъ клеточекъ составляется не только весь листъ, его мякоть, жилки и кожица, но все растеніе: вѣтки, сучья, стволъ, кора, корень, цвѣтокъ, плодъ, зерно и самый зародышъ. Мы знаемъ, на примѣръ, что дома строятъ изъ кирпичей и можемъ въ этомъ легко убѣдиться, потому что кирпичъ видѣть не трудно; но видѣть клеточки, изъ которыхъ состоитъ растеніе, можно только въ сильно-увеличивающій микроскопъ. Изъ одинаковыхъ кирпичей люди строятъ и дома, и колокольни, и мосты, и стѣны: изъ одинаковыхъ же клеточекъ природа, которая гораздо искуснѣе людей, строитъ миллионы самыхъ разнообразныхъ растеній и въ каждомъ растеніи выдѣлываетъ самыя разнообразныя части. Трудно представить себѣ, что, на примѣръ, красивый цвѣтокъ розы, вкусная мякоть груши, полѣно березы или сосны и даже твердая шелуха орѣха состоятъ изъ одинаковыхъ клеточекъ; а между тѣмъ это истина, — и все, что растетъ, даже тѣло всякаго животнаго и все тѣло человѣка, состоятъ изъ подобныхъ же растительныхъ *клеточекъ*. Но это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что мягкія клеточки не только могутъ принимать, смотря по обстоя-

тельствамъ, самую разнообразную форму, но могутъ, кромѣ того, наполняться самыми различными веществами.

Стѣнки каждой растительной клѣточки обладаютъ чуднымъ свойствомъ пропускать внутрь клѣточки тѣ частицы различныхъ веществъ, находящихся и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ землѣ, которыя необходимы растенію, и выпускать вонъ тѣ, которыя растенію болѣе не нужны. При проходѣ сквозь стѣнки клѣточки и, находясь внутри ея, различныя вещества разлагаются на свои составныя части, соединяются съ новыми и измѣняются такъ, что ихъ и узнать нельзя. Крошечная клѣточка — удивительнѣйшее созданіе Божіе, и человѣкъ не только не можетъ сдѣлать одной клѣточки, но даже не можетъ вполнѣ понять, какъ она работаетъ. Въ мягкихъ частяхъ растенія, клѣточки, которыхъ ничто не жметъ, имѣютъ шарообразную форму, или сдавлены другъ другомъ немного и наполнены тою или другою жидкостью; въ сухихъ, твердыхъ частяхъ онѣ, напротивъ, сжимаются, вытягиваются и сами сухи и тверды; въ лепесткѣ розы онѣ наполнены розовымъ веществомъ, въ листьяхъ — зеленымъ, въ картофелинѣ — крахмаломъ и т. д. Иногда клѣточка вытягивается въ длинную трубочку, иногда эта трубочка свертывается винтомъ; разорвите осторожно какой-нибудь мясистый листокъ, и вы увидите, какъ между двумя кусками листка потянутся тоненькія, какъ паутина, курчавыя нити: это клѣточки, свернутыя винтомъ или, какъ говорятъ, спиралью. Эти вытянутыя клѣточки, нити и трубочки такъ тонки, что ихъ на пространствѣ шириною въ палецъ можно уложить нѣсколько тысячъ; онѣ называются *сосудами*, такъ какъ въ нихъ въ молодости содержатся жидкости. Сосуды растеній бываютъ глухіе, т. е. закрытые съ обѣихъ сторонъ, потому-что они не что иное, какъ вытянутыя клѣточки.

Есть растеніе, называемое *первопузырьникомъ*, которое все состоитъ изъ одной только шарообразной клѣточки (пузырька), наполненной жидкостью, со множествомъ плавающихъ въ ней красноватыхъ крупинокъ. Эти крупинки мало-по-малу растутъ, разрываютъ содержащую ихъ клѣточку и дѣлаются новыми, самостоятельными клѣточками; въ нихъ опять появляются крупинки и, въ свою очередь, снова растутъ, снова разрываютъ содержащій ихъ пузырекъ и т. д. Въ этомъ и состоитъ вся жизнь первопузырьника, простѣйшаго изъ растеній. Отъ красныхъ первопузырьниковъ, плавающихъ въ Красномъ или Черномъ морѣ, зависитъ красноватый цвѣтъ его водъ, отъ котораго оно получило свое названіе. Но чѣмъ-же питается первопузырьникъ, когда у него нѣтъ корней? Всею своею поверхностью: тонкія стѣнки его высасываютъ изъ воды и воздуха тѣ частички, которыя нужны растенію.

Проще первопузырьника растенія быть не можетъ; но вотъ другое,

немного посложнѣе: въ немъ клѣточки уже срастаются одна съ другою и образуютъ длинную тонкую нить зеленаго цвѣта. Это растеніе называется *зеленой нитчаткой*, и покрываетъ лѣтомъ поверхность стоячихъ водъ, каналовъ и прудовъ, въ видѣ нитокъ, сбитыхъ въ клокья. Какъ первоузырьникъ, такъ и нитчатка причисляются къ семейству *водорослей*, потому что появляются всегда на водахъ.

Въ растеніяхъ, болѣе развитыхъ, клѣточки начинаютъ складываться не только вдоль, но въ ширину и толщину, нѣсколько сжимая другъ друга, но не превращаясь еще въ длинныя трубочки, или сосуды: таково устройство грибовъ и другихъ простыхъ растеній. Въ деревьяхъ, въ цвѣтахъ, въ травахъ клѣточки находятся уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ; но, сжимаясь, растягиваясь, удлиняясь, свертываясь, высыхая или наполняясь жидкостями самыхъ разнообразныхъ свойствъ и цвѣтовъ, составляютъ разнообразнѣйшіе *сосуды*, изъ которыхъ состоитъ все растеніе. Растенія, состоящія изъ клѣточекъ, превратившихся уже въ сосуды, называются *сосудистыми*; а растенія, только сложенные изъ клѣточекъ, почти въ ихъ первообразной формѣ, называются *клетчатными*; ѣаковы, на-примѣръ, плѣсень, лишай, грибы и мхи.

ПИТАНІЕ РАСТЕНІЯ.

Растенія не только сложены изъ клѣточекъ, но и питаются посредствомъ тѣхъ же самыхъ клѣточекъ. У растеній, какъ мы знаемъ, нѣтъ особеннаго желудка, какъ у животныхъ; но такъ какъ все назначеніе растенія состоитъ въ томъ, чтобы разрастаться (увеличиваться въ объемѣ и размножаться), то все его тѣло состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ желудковъ или, лучше сказать, все растеніе есть одинъ желудокъ, всасывающій и перерабатывающій пищу. Теперь посмотримъ, какъ совершается этотъ процессъ питанія въ деревѣ.

Дождевая или снѣговая вода, проникая въ почву, гдѣ роятся корни дерева, растворяетъ въ себѣ нѣкоторыя землистыя вещества, встрѣчаемая ею на пути, подобно тому, какъ она растворяетъ обыкновенную поваренную соль. Растворъ этотъ всасывается не всею поверхностію корня, но только самыми тонкими корешками, такъ называемыми *корневыми мочками*, которыя идутъ во всѣ стороны отъ корня и похожи на нити или волоски. Корни растутъ сверху внизъ, а потому на концахъ корневыхъ мочекъ находятся всегда самыя молодыя, самыя свѣжія клѣточки съ тонкими стѣнками, способными сильно всасывать пищу, почему концы мочекъ иногда называютъ *губочками*. Весанная корневыми мочками жидкость подымается вверхъ, переходя изъ клѣточки въ клѣточку и по промежуткамъ между клѣточками, почти такъ же, какъ подымается вода вверхъ по сахару, под-

моченному снизу, или по кучѣ песку. Достигнувъ ствола, соки продолжаютъ подниматься выше вверхъ по стволу, по пути растворяютъ въ себѣ нѣкоторыя твердыя вещества, встрѣчаемыя ими въ растеніи, и дѣлаются гуще. Когда сокъ дойдетъ до листьевъ... Но позвольте, мы еще не знаемъ съ вами вполне устройства листа, а потому не будемъ въ состояніи понять, что дѣлаетъ листочекъ съ соками растенія.

Рассмотрѣвъ подъ микроскопомъ кожицу листа, мы увидимъ, что она вся состоитъ изъ клѣточекъ прозрачныхъ, плоскихъ, болѣе или менѣе сухихъ и плотно прилегающихъ одна къ другой. На нижней поверхности листа мы кромѣ того замѣтимъ въ кожицѣ множество маленькихъ отверстій, ведущихъ въ *пещерки*, находящіяся въ листовой мякоти. Эти отверстія называются *устъицами*, потому что каждое изъ нихъ окружено двумя клѣточками, имѣющими вмѣстѣ форму губъ (устъ).

Достигнувъ листьевъ, восходящій сокъ растенія скопляется по преимуществу въ клѣточкахъ, окружающихъ маленькія пещерки. Здѣсь-то онъ соприкасается съ воздухомъ, который входитъ въ пещерки черезъ маленькія устьяца, подобно тому, какъ кровь человѣка соприкасается съ воздухомъ въ легкихъ. Черезъ эти устьяца испаряется лишняя вода, бывшая въ сокѣ, что легко повѣрить на опытѣ, если помѣстить подъ стеклянку пучокъ листьевъ живаго растенія: при охлажденіи стеклянки внутренность ея покрывается парами. Черезъ устьяца же входитъ въ листочекъ воздухъ, который постоянно содержитъ въ себѣ небольшое количество газа, называемаго *углекислымъ*. Газъ этотъ отдѣляется при дыханіи животныхъ, горѣніи и гніеніи органическихъ тѣлъ.

Углекислый газъ, войдя въ пещерку вмѣстѣ съ воздухомъ, подъ вліяніемъ свѣта разлагается въ сокахъ на составляющія его простыя вещества: *углеродъ* и *кислородный газъ*. Углеродъ соединяется съ соками растенія, а кислородный газъ, необходимый для дыханія животныхъ и людей, возвращается опять въ воздухъ. Вотъ отчего намъ такъ легко и пріятно дышать днемъ въ мѣстахъ обильныхъ травами и деревьями. Ночью, наоборотъ, растенія поглощаютъ кислородъ, а испускаютъ *угольную кислоту*, почему вредно держать въ комнатѣ, гдѣ мы спимъ, много растеній, особенно въ цвѣту.

Растительные соки, обогатившись углеродомъ въ листьяхъ, переходятъ опять въ стволъ и опускаются внизъ между корою и твердою частью дерева, *древесиною*, образуя на своемъ пути новый слой коры (*лубъ*) и новый слой древесины (*заболонь*). Такъ какъ растительность на зиму прерывается и старые слои древесины постепенно отвердѣваютъ, то новый, однолѣтній слой ея всегда отличается нѣсколько по цвѣту отъ прежняго, прошлогодняго, и, взглянувъ на отрубъ дерева, по числу слоевъ или круговъ, идущихъ отъ сердцевины къ корѣ, можно судить о числѣ лѣтъ, про-

житыхъ деревомъ. На отрубѣ толстой сосны вы можете иногда насчитать болѣе ста слоистыхъ круговъ: значить, эта сосна росла болѣе ста лѣтъ. Дубы растутъ по пяти сотъ лѣтъ и больше, а есть и такія деревья, которыя растутъ болѣе тысячи лѣтъ. Снаружи дерева лежитъ самый старѣйшій слой коры, который отъ прибавленія подъ нимъ ежегодно новыхъ слоевъ растягивается и, наконецъ, трескается. За корою идетъ молодой, недавно образовавшійся лубъ, далѣе ежегодные слои древесины, а въ серединѣ — сердцевина.

Жизнь цѣлаго растенія состоитъ въ жизни клѣточекъ, его составляющихъ. Всасывая тѣ или другія питательныя вещества, дѣятельныя клѣточки перерабатываютъ ихъ въ новые соки, деревянистые, крахмальныя, сахаристыя, маслянистыя, которыми мы пользуемся, употребляя растенія для той или другой цѣли. У сахарнаго тростника, на примѣръ, бѣольшая часть клѣточекъ, составляющихъ его сердцевину, наполнена растворомъ сахара; растворъ этотъ выжимаютъ и, выпаривъ изъ него воду, получаютъ сахарный песокъ. Клѣточки, составляющія картофельныя клубни, наполнены водянистымъ веществомъ, содержащимъ въ себѣ крахмалъ, изъ котораго дѣлается и картофельная мука. Въ сѣменахъ льна, мака, подсолнечника, въ плодахъ маслины и многихъ другихъ растеній, клѣточки наполнены масломъ. Ароматъ цвѣтовъ и листьевъ нѣкоторыхъ растеній происходитъ отъ испаренія летучихъ маселъ, заключающихся въ клѣточкахъ. Твердыя части дерева состоятъ такъ же изъ клѣточекъ, наполненныхъ древеснымъ веществомъ, которое послѣ обжиганія дерева превращается въ уголь; это и есть тотъ углеродъ, который былъ поглощенъ растеніемъ изъ воздуха; но тамъ, въ соединеніи съ кислородомъ, онъ былъ углекислымъ газомъ, а здѣсь является въ твердомъ видѣ. Зола же, остающаяся при обжиганіи дерева, состоитъ изъ тѣхъ земляныхъ веществъ, которыя растеніе своими корнями добыло изъ почвы въ жидкомъ видѣ, въ растворѣ. При горѣніи, слѣдовательно, дерево только разлагается на свои составныя части, изъ которыхъ ни одна не уничтожается.

Ростъ и развитіе растенія зависятъ единственно отъ разрожденія клѣточекъ. Въ первоузырьникѣ мы видѣли, какъ изъ одной клѣточки разрождаются другія; то же самое дѣлается и въ каждомъ растеніи при его ростѣ; только вновь разродившіяся клѣточки не расходятся въ разныя стороны, какъ въ первоузырьникахъ, а прикрѣпляясь крѣпко другъ къ другу своими стѣнками, образуютъ нити, волокна, трубочки, сосуды. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа клѣточекъ, прибавляющихся ежегодно, растеніе прибываетъ въ вышину и толщину: и такимъ образомъ изъ зародыша какого-нибудь маленькаго сѣмени черезъ десятки лѣтъ дѣлается громадное дерево.

Р О Ж Ъ.

Русскій народъ не даромъ называетъ рожь своею кормилицею: она дѣйствительно кормитъ многіе милліоны людей, и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше и душистой розы и могучаго дуба. Познакомимся же поближе съ этимъ благодѣтельнымъ маленькимъ растеніемъ.

Вытащимъ изъ земли стебелекъ ржи въ концѣ іюня или началѣ іюля, когда рожь цвѣтетъ, и увидимъ, что этотъ стебелекъ имѣетъ тѣ же четыре главные части, какія мы видѣли и у яблони: корень, стволъ, листья и цвѣты; но только все это у колоса ржи устроено совершенно иначе, по своему.

Корень весь состоитъ изъ небольшого пучка тоненькихъ нитокъ (мочекъ), которыя начинаются у самаго основанія стебля и образуютъ собою небольшую кисточку, скрывающуюся въ землѣ. Тоненькій стебелекъ ржи, называемый соломинкою, то же, что у яблони стволъ; но соломинка пуста въ серединѣ и раздѣляется на нѣсколько частей, соединяемыхъ колѣнцами, которыя внутри соломинки составляютъ перегородки. Высотою колосокъ соломинки бываетъ отъ двухъ до трехъ аршинъ, и если принять въ расчетъ тонкость ея стѣнокъ, то нельзя не удивляться, какъ она при такой высотѣ, подымая тяжелый колосъ, часто гнется до земли подъ напоромъ вѣтра — и не ломается. Листья у ржи, которые можно видѣть, покуда рожь еще не отцвѣтетъ, длинны, заострены къ концу и не имѣютъ черешковъ, на которыхъ держатся, напримѣръ, листья яблони или дуба; листочикъ ржи прикрѣпляется къ соломинкѣ всѣмъ своимъ основаніемъ и, плотно обнимая ее, идетъ вверхъ; только уже на половинѣ начинаетъ онъ отворачиваться и потомъ, загнувшись красиво, качается въ воздухъ. Разсмотрѣвъ внимательно листокъ ржи, мы замѣтимъ еще другое важное отличіе его отъ листковъ яблони, вишни, березы и другихъ знакомыхъ намъ растеній: полоски его, называемыя нервами или жилками, идутъ параллельно вдоль всего листочка, а не развѣтвляются въ разныя стороны.

Цвѣтокъ ржи называется колосомъ; но колосъ есть не одинъ цвѣтокъ, а собраніе множества цвѣтковъ на одной и той же оси. Оборвавъ съ колоса маленькіе колоски, его составляющіе, мы найдемъ, что ось, на которой они держатся, изогнута въ разныя стороны колѣнцами, и что маленькіе колоски сидѣли именно на этихъ изгибахъ. Каждый маленькій колосокъ, во время цвѣтенія ржи, заключаетъ въ общей твердой оболочкѣ два совершенно развитые цвѣтка и одинъ, неразвитый, едва замѣтный. Но какъ просты эти полезные цвѣты! Замѣтимъ при этомъ, что все, что очень полезно, очень просто, и рѣдко отличается наружнымъ великолѣпіемъ или величественнымъ видомъ. У цвѣтка ржи тѣ же части, какія и у цвѣтка

яблони; но по виду онѣ очень скромны. Его цвѣточная чашечка состоитъ только изъ двухъ неокрашенныхъ плёночекъ, и на одной изъ нихъ торчитъ колючая *ость* или усикъ, очень длинный у нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растеній, напримѣръ у пшеницы. Въмѣсто разукрашеннаго разноцвѣтнаго вѣнчика другихъ цвѣтовъ, у ржи опять же двѣ тоненькія, простыя, неокрашенныя *плёночки*. Посреди этихъ плёночекъ сидитъ маленькій плодничокъ, окруженный тремя желтыми пыльниками, которые пробиваются наружу, когда цвѣтеть колосокъ. Вотъ почему кажется, что колосъ цвѣтущей ржи весь окруженъ какимъ-то зелено-желтоватымъ пухомъ. Разсмотрѣвъ этотъ дрожащій пухъ въ увеличительное стекло, мы замѣтимъ, что это такія же тычинки, какія мы видѣли и въ цвѣтѣ вишни. Подсмотримъ же теперь, какъ работаетъ искусный стебелёкъ ржи, какъ приготовляетъ онъ пищу миллионамъ людей. Начнемъ съ начала, т. е. съ зерна.

Чтобы разсмотрѣть хорошенько зерно ржи, для этого надобно сначала положить его дня на два между двумя мокрыми войлоками въ теплое мѣстѣ и, когда зернышко разбухнетъ, осторожно, тонкимъ и острымъ ножомъ, разрѣзать его вдоль, пополамъ. Разсмотрѣвъ внимательно, съ помощію увеличительнаго стекла, внутренность ржаного зерна, мы увидимъ, что въ немъ за сѣрватою и твердой оболочкою кожицы слѣдуетъ мучнистое бѣлое вещество, называемое *бѣлкомъ*. Этимъ-то бѣлкомъ, котораго почти нѣтъ въ зернѣ яблони и вовсе нѣтъ въ зернѣ боба или гороха, кормятся миллионы людей. Кромѣ того, мы замѣтимъ въ зернѣ крошечный бѣленькій зародышъ будущаго растенія, который и теперь уже представляется крошечнымъ растеніемъ, потому-что у него есть корешокъ, и стебелекъ, и листочикъ. Обративъ вниманіе на этотъ листочикъ зародыша, скрывающійся уже въ сѣмени и называемый потому *сѣменнымъ листкомъ* или *сѣменною долею*, ботаники открыли, что этихъ зародышныхъ листиковъ у ржи и многихъ другихъ растеній бываетъ всего по одному, а у дуба, липы, яблони, вишни и множества другихъ — по два или по нѣсколькѣ, какъ, напримѣръ, въ зернышкѣ сосны. Какое, кажется, ничтожное, едва замѣтное различіе! Но оно оказалось такъ важно, что ботаники на основаніи его раздѣлили всѣ сосудистыя, цвѣтковые растенія на *односѣменодольныя* и *двусѣменодольныя*.

Для того, чтобы зародышъ началъ свою умную работу, ему нужны согревающія и питающія нѣдра земли, нужна влага, тепло и на нѣкоторое время отсутствіе солнечнаго свѣта. Безъ этого зародышъ будетъ спать въ зернѣ, не показывая признаковъ жизни, и можетъ проспять такъ даже нѣсколько столѣтій. Въ гробахъ египетскихъ мумій были найдены зерна пшеницы: посаженные въ землю, они развились и принесли плодъ; слѣдовательно, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ сохраняли они въ себѣ жизненную силу.

Когда, лежа въ землѣ, зернышко размокнетъ и согрѣется, тогда бѣлокъ

его, напитавшись влагою, превращается въ мягкую и сладкую кашицу. Вы знаете, что человекъ въ младенчествѣ, прежде чѣмъ станетъ ѣсть всякаго рода пищу, питается молокомъ матери, которое Господь приготовилъ для него въ материнской груди: то же самое дѣлаетъ и младенецъ растительнаго царства, хлѣбный зародышъ: прежде, чѣмъ онъ будетъ въ силахъ самъ себѣ отыскивать пищу, ему необходимо вырости и окрѣпнуть—и вотъ Всемогущій Творецъ приготовилъ для него въ нѣдрахъ роднаго хлѣбнаго зернышка питательную, легко добываемую пищу.

Размокнувъ, зародышъ просыпается и начинаетъ дѣятельно всасывать мягкую, сладкую пищу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро растетъ и развиваетъ свои члены: корешокъ, стебелѣкъ и листокъ. Скоро молодцу становится тѣсно въ родимомъ домикѣ, къ тому же и стѣнки домика размякли, и вотъ зародышъ выходитъ книзу корешкомъ и кверху листикомъ. И вотъ что замѣчательно: какъ ни положишь зерно (крестьянинъ, конечно, сѣетъ зерна, какъ попало), оно непременно пуститъ листикъ кверху, а корешокъ книзу; перевернется даже, если надобно, но ни за что не выглянетъ корешкомъ кверху. Что заставляетъ безчувственное зернышко такъ переворачиваться: этого хорошенько еще никто не знаетъ.

Мы уже знаемъ, какіе корешки пускаетъ хлѣбное зерно, и замѣтимъ только, что корешки растутъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ, какъ стебель; почему кончики корешковъ всегда молоды и нѣжны, и могутъ легко всасывать земную влагу.

Теперь посмотримъ на листочекъ, выглянувшій кверху. У двусѣмной растеній такихъ первыхъ листочковъ выглядываетъ два и между ними появляется стебелѣкъ съ почечкой наверху, которая опять въ свою очередь разворачивается въ листья, выгоняя между листьями новый стебелѣкъ, съ новой *верхушечной* почкой. Не то мы видимъ у ржи, растенія съ одной сѣменной долей: у нея не два *всходныхъ* листочка, а одинъ, и выходитъ трубкою; изъ середины этого листка потомъ показывается другой, тоже трубкою и т. д.; только концы этихъ остроконечныхъ листьевъ заворачиваются и качаются въ воздухъ; нижнія же, свернутыя трубкою половины ихъ, сросшись краями, обхватываютъ соломинку. Какъ только листокъ ржи выглянетъ наружу, то немедленно начинаетъ зеленѣть. Пока зародышъ тянулся вверхъ, пища, заготовленная ему въ нѣдрахъ родимаго зернышка, вся истощилась; но она и не нужна ему болѣе; онъ уже выросъ, окрѣпъ и можетъ самъ себѣ отыскивать пищу и въ землѣ, если она хорошо разрыхлена и удобрена, и въ воздухѣ, если онъ тепелъ и влаженъ.

Изъ чего же зародышъ строитъ такую длинную и крѣпкую соломинку? изъ чего выдѣлываетъ длинные листья, колючій колосъ и питательное зер-

но? Изъ земли, воды и воздуха. Мы знаемъ уже, что вода имѣетъ прекрасное свойство растворять въ себѣ многія твердыя вещества, какъ напр. соль, сахаръ и известку. Вотъ такую-то, пропитанную разными веществами влагу всасываетъ зародышъ изъ земли своими нѣжными корешками и подымаетъ ее вверхъ до самаго окончанія колоса, — на огромную высоту, если взять въ расчетъ, какъ тонки стѣнки соломинки.

Но не изъ одной земли беретъ себѣ пищу хлѣбное растеніе: земля даетъ ему только самый грубый матеріаль, болѣе для одной постройки соломы. Матеріаль, изъ котораго составляется мучнистое, дорогое для насъ зернышко, растеніе болѣею частію беретъ изъ воздуха; такъ что, кушая хлѣбъ, мы безъ большой ошибки можемъ сказать, что ѣдимъ воздухъ, только переработанный хлѣбнымъ колоскомъ въ мучнистыя зерна. Эту воздушную работу совершаютъ зеленые листья, качающіеся въ воздухѣ, и соломинка. Воздухъ проникаетъ въ клѣточки листьевъ и соломинки посредствомъ крошечныхъ отверстій, называемыхъ *устыицами*, и премудро созданное растеніе беретъ изъ воздуха то, что ему нужно, для работъ.

Но пора перестать стебельку ржи расти, выгонять листокъ за листкомъ и вытягивать длинную соломинку. Настаетъ время и изъ середины послѣдняго листка выходитъ стебелѣкъ, а на немъ начинаютъ образовываться маленькіе колоски, составляющіе потомъ все вмѣстѣ одинъ колосъ.

Мы уже знаемъ, изъ чего состоитъ хлѣбный колосъ ржи, и изъ чего состоитъ каждый маленькій колосокъ; мы уже знаемъ, что у каждого маленькаго колоска есть плодничокъ и тычинки съ плодотворной пылью. Настаетъ время — и мѣшочекъ съ пылью, качающійся на концѣ тычинки, раскрывается: плодотворная пылинка падаетъ на рыльце плодничка, опускается въ середину его и оживляетъ спящій тамъ зародышъ новаго сѣмени. Почувявъ оживленный зародышъ новаго сѣмени, растеніе быстро начинаетъ измѣняться: перестаетъ заниматься прежними работами, перестаетъ заботиться о цвѣтахъ, о листьяхъ, о постройкѣ соломинки; все его лучшіе соки обращаются на то, чтобъ векормить дорогое дитя и приготовить ему пищу — мучнистый сытный бѣлокъ, — приготовить про запасъ на будущее время, когда слабый зародышъ будетъ лежать одиноко въ сырой землѣ. Тычинки опадаютъ, каждый колосокъ снова крѣпко запирается; соломинка, не получая питательной влаги, сохнетъ и желтѣетъ; за то каждое зернышко *наливается*, толстѣетъ, а потомъ оболочка его твердѣетъ и сохнетъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней — и зрѣлый, тяжелый, пожелтѣвшій колосъ гнется къ землѣ, и кланяясь, зоветъ къ себѣ жнецовъ.

Безчисленные, какъ песокъ морской, колоски разомъ исполнили свое дѣло — и спѣлая, золотистая рожь волнуется, какъ море. Выходитъ крестьянинъ на поле и любитъ Божимъ даромъ; беретъ колосъ въ руки, смо-

тритъ и замѣчаетъ, достаточно ли затвердѣли и потемнѣли хлѣбныя зерна, которыя сначала мягки и бѣлы, а потомъ, къ концу іюля, становятся твердыми и темнѣютъ. Наконецъ приходитъ пора и жать хлѣбъ. Цѣлыми семьями берутся люди за серпы и цѣлые долгіе лѣтніе дни, не смотря на страшный жаръ, подрѣзываютъ они *подъ корень рожь высокую*, и бережно складываютъ ее въ снопы, а потомъ и въ копны. Спѣшатъ люди изо-всѣхъ силъ, спѣшатъ потому, что если хлѣбныя зерна совершенно созрѣютъ, то начнутъ сыпаться, какъ и всякія другія зерна; спѣшатъ и потому, что соломинкѣ становится уже не въ мочь держать тяжелый колосъ, а она сама стала тверже и ломче: если не срѣзать ее теперь, то скоро не только градъ или сильный дождь, но даже и вѣтеръ можетъ положить рожь лоскомъ; зерна ея разсыплются по землѣ, и тогда уже не собрать ихъ.

Работаютъ крестьяне день, другой; работаютъ недѣлю, двѣ; трудясь въ потѣ лица, спѣшатъ убрать Божій даръ. Наконецъ дѣло кончено — рожь сжата и на нивахъ, гдѣ еще недавно волновались золотые колосья, стоятъ стройными рядами копны хлѣба. Съ радостію смотритъ крестьянинъ на свое богатство и спѣшитъ свозить его въ гумна. Осенью и зимою перемолотятъ рожь, потомъ перемелютъ, и повезутъ муку по цѣлому міру.

Сколько дѣятельности даетъ хлѣбный колосокъ человѣку! Сколько рукъ и ногъ приводитъ онъ въ движеніе! Сколько шумныхъ мельничныхъ колесъ, сколько барокъ, сколько обозовъ двигается хлѣбнымъ колоскомъ! Онъ, этотъ великій даръ Божій, заставилъ человѣка промѣнять *кочевую* жизнь на *осѣдную*, выстроить себѣ постоянное жилище и поселиться деревьями, приучить лошадь и вола къ домашней жизни, разрывать горы, добывая изъ нихъ желѣзо, и дѣлать плуги, строить барки и корабли, прокладывать дороги, рыть канавы, вести торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавать, что дѣлается въ Божьемъ мірѣ, учиться и образовываться. Трудна, умна, хлопотлива непримѣтная работа хлѣбнаго колоса; но за то, какія великія дѣла онъ дѣлаетъ! На колосѣ показаль премудрый Творецъ, чего можетъ Онъ достигнуть самымъ маленькимъ созданіемъ. Крошечный, едва примѣтный зародышъ хлѣбнаго зерна не только кормитъ миллионы людей, но заставляеть ихъ строиться въ государства и образовываться! Мы знаемъ, что Спаситель накормилъ однажды пять тысячъ народа пятью хлѣбами; а здѣсь мы видимъ, что тотъ же Господь маленькимъ хлѣбнымъ зернышкомъ измѣняетъ жизнь рода человѣческаго. Когда люди начали сѣять рожь, неизвѣстно, но въ дикомъ состояніи ржи еще до сихъ поръ нигдѣ не найдено.

Къ хлѣбнымъ растеніямъ относятся у насъ: рожь, пшеница, ячмень и овесъ. Между всѣми этими растеніями много сходнаго, особенно между пшеницей и рожью, такъ даже, что колоса пшеницы и ржи непривычный

человѣкъ и не различить. Но на колосѣ пшеницы маленькіе колоски расположены правильными рядами и усики длиннѣе, чѣмъ у ржи; у овса колоски разсыпаются метѣлкой.

Рожь, пшеница, овесъ, ячмень извѣстны въ ботаникѣ подъ однимъ общимъ именемъ *злаковъ*. Къ злакамъ же относятся и другія хлѣбныя растенія, которыя въ нашемъ климатѣ рѣдко можно видѣть растущими, но плодами которыхъ мы часто пользуемся; таковы: *рисъ*, которымъ исключительно питаются жители Китая и Остѣ-Индіи, и зерна котораго мы знаемъ очень хорошо; *маисъ* или *кукуруза*, растущая и у насъ въ южныхъ губерніяхъ и извѣстная въ Малороссіи подъ именемъ *пшенички*. Сюда же относится *бамбукъ*, толстый, крѣпкій тростникъ, растущій только въ жаркихъ странахъ, и *сахарный тростникъ*, со стеблемъ, наполненнымъ сладкою влагою, изъ которой выдѣлываютъ сахаръ. Къ злакамъ же причисляютъ и нѣсколько полевыхъ травъ, которыя также всходятъ, растутъ и выдѣлываютъ колосъ, какъ и рожь, но только имѣютъ зерна очень мелкія. Мы безъ сомнѣнія много встрѣчали такихъ злаковъ на лугахъ, но мало обращали на нихъ вниманія. Теперь же, зная устройство одного изъ важнѣйшихъ злаковъ, ржи, мы легко отыщемъ на лугахъ тѣ растенія, которыя по устройству своему напоминаютъ намъ колосокъ ржи, пшеницы, ячменя или овса. Между луговыми, не хлѣбными, злаками замѣчательнъ *лисій хвостъ*, одна изъ лучшихъ кормовыхъ травъ для лошадей. Лисій хвостъ легко отличить отъ другихъ злаковъ по его мягкому пушистому колосу, который дѣйствительно имѣетъ сходство съ хвостомъ лисицы. *Тимофеева трава*, *мятликъ*, *полевина*, *овсяница* и другіе злаки также встрѣчаются на нашихъ лугахъ и вмѣстѣ съ клеверомъ (дятлина), мышинымъ горошкомъ, кукушкинымъ цвѣтомъ и другими луговыми травами, которыя, хотя и травы, но къ злакамъ не принадлежатъ, покрываютъ лѣтомъ наши луга.

Г Р И В Ы.

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ-нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рыжикомъ или съ бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена: у рыжика мы отличаемъ только округленный *пенёкъ* или ножку, которая поддерживаетъ *шляпку* гриба. Зеленый цвѣтъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ; но они отличаются довольно разнообразными и яркими цвѣтами, несмотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожь найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и

ощущения; слѣдовательно, оба они растенія. Но кромѣ-того, сравнивъ устройство гриба съ устройствомъ яблони, найдемъ еще, что оба они состоятъ изъ крошечныхъ ячеекъ или клѣточекъ, которыя составляютъ главный матеріаль всякаго органическаго существа; точно также, какъ кирпичъ служитъ существеннымъ матеріаломъ для всѣхъ каменныхъ построекъ, несмотря на безконечно-разнообразный видъ самыхъ построекъ. Клѣточки яблони и гриба, при возрастаніи этихъ растеній, безпрестанно разрождаются одна изъ другой, группируются по плану, начертанному Творцемъ, и образуютъ болѣе сложные органы, отъ которыхъ зависитъ видъ, свойство и жизнь самыхъ растеній. У яблони однѣ изъ клѣточекъ, вытягиваясь и примыкая одна къ другой, образуютъ древесныя волокна, которыя современемъ твердѣютъ и располагаются слоями, обхватывающими другъ друга: изъ такихъ слоевъ, какъ мы знаемъ, состоитъ стволъ яблони. Другія клѣточки образуютъ трубочки, называемыя сосудами, служащія для содержанія и движенія соковъ. Вотъ почему яблоня и подобныя ей растенія называются *сосудистыми*. Грибъ, подобно яблонѣ, состоитъ также изъ клѣточекъ, но мягкихъ и наполненныхъ слизистыми и нерѣдко ядовитыми веществами. Клѣточки у гриба никогда не образуютъ такихъ волоконъ и сосудовъ, какъ у яблони, и если изъ нихъ составляются иногда тоненькія трубочки и нити, то онѣ никогда не располагаются слоями, обхватывающими одинъ другаго, какіе мы видѣли въ отрубѣ сосны. Вотъ почему всѣ грибы и подобныя имъ по устройству растенія называются растеніями *клетчатными*.

Яблоня и грибъ еще болѣе различаются способомъ размноженія. У яблони мы замѣчаемъ цвѣтки, существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плоднички. Изъ цвѣтковъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣменъ, которыя въ свою очередь служатъ хранилищами зародышей для будущихъ поколѣній. У грибовъ цвѣтовъ нѣтъ: они размножаются *крупинками*, которыя въ нѣсколько разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для отличія отъ настоящихъ сѣменъ, называются *крупинками* или *спорами*. Споры у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. рыжика или сыроѣжки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, между тонкими и нѣжными пластинками или гребешками, идущими отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч., нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усеяна маленькими дырочками, которыя суть не что иное, какъ кончики весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, расположенныхъ отвѣсно и плотно примыкающихъ одна къ другой, отчего вся нижняя сторона гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются крупинки, служащія для размноженія грибовъ.

По различію въ устройствѣ органовъ размноженія, яблоня, вишня и подобныя имъ цвѣтушія растенія составляютъ въ ботаникѣ отдѣлъ растеній *сосудистыхъ, цвѣтковыхъ*; а грибы, лишай, мхи и проч. отдѣлъ *клетчатныхъ, безцвѣтковыхъ*.

Когда сѣмечко яблони попадаетъ въ сырую и теплую землю, то послѣ нѣкотораго времени появляются изъ него два сѣменные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, изъ которой впоследствии разовьется стебель съ листьями, цвѣтами и плодами. Грибъ, послѣ кратковременной своей жизни, весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цвѣтковыхъ растеній, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самаго гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во всѣ стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ скучиваются болѣе, нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли въ видѣ маленькихъ грибовъ. Пенёкъ и шляпка молоденькаго грибка, при его появленіи на свѣтъ, по бѣльшей части бывають покрыты одною общою перепонкою и запряганы какъ-бы въ мѣшокъ; впоследствии перепонка эта разрывается, и шляпка гриба выходитъ наружу. На пенёкѣ иногда можно замѣтить остатки общей разорванной оболочки, которая, напримѣръ, очень ясно видна на тоненькой ножкѣ опѣнка.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно, вслѣдствіе чего клѣточки ея могутъ окрѣпнуть: грибы же, напротивъ, растутъ необыкновенно быстро, такъ что нѣкоторыя породы грибовъ въ одну ночь успѣвають вырасти и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По приблизительному вычисленію натуралистовъ, при наблюденіи за ростомъ одного большаго гриба, называемаго *шантскимъ ноздревикомъ*, въ одинъ часъ образуется въ немъ около двадцати тысячъ новыхъ клѣточекъ. По причинѣ такого быстрого роста, бѣльшая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ обыкновенныхъ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы: рыжики, березовики, масленики, подосиновики, бѣлые грибы (боровики), и проч., которые имѣють шляпку, укрѣпленную на пенёкѣ или ножкѣ, попадаются грибы весьма разнообразныя по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидныя, величиною съ человѣческую голову, прикрѣпленные къ землѣ коротенькою ножкою, толщиною въ гусиное перо; таковъ, напримѣръ, *шантскій ноздревикъ*. Есть грибы микроскопическіе, т. е. такіе, которые едва замѣтны простымъ глазомъ, и мо-

гуть быть хорошо разсмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Семейство грибовъ очень обширно; число ихъ породъ, извѣстныхъ до-сихъ-поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты, каковъ, напримѣръ, мухоморъ.

Большая часть грибовъ *чужеядны*, т. е. живутъ на другихъ растеніяхъ и питаются ихъ соками; таковъ, напримѣръ, грибокъ *трутнякъ*, который нерѣдко можно видѣть на корѣ старыхъ деревьевъ и въ особенности березъ; этотъ жесткій, деревянистый грибокъ имѣетъ видъ конскаго копыта; его употребляютъ на выдѣлку трута для огнивъ. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гніющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, гнилыхъ щепкахъ, бревнахъ и на стѣнахъ въ сырыхъ погребахъ, причисляютъ также къ семейству грибовъ. Плѣсень можно легко произвести въ комнатѣ: стоить только густо варенный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ покоѣ; на вторыя или третьи сутки замѣтимъ уже на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ и пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибковъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся къ верху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся крупинки для размноженія. Безъ-сомнѣнія, нѣсколько такихъ крупинокъ, плававшихъ въ воздухѣ, понало на поверхность крахмала и, найдя тамъ всѣ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія, произвело новую семью едва замѣтныхъ грибковъ. Были примѣры, что микроскопическія крупинки чужеядныхъ грибовъ попадали въ легкія нѣкоторыхъ водныхъ птицъ и развивались въ плѣсень на внутренней поверхности легочныхъ пузырьковъ. Чужеядные микроскопическіе грибки чернаго цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто, покрываютъ колосья ржи и овса, какъ-бы сажеею; грибки эти, поглощая растительные соки, совершенно пріостанавливаютъ ростъ сѣменъ. Микроскопическіе чужеядные грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошковатаго налета на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растеній и нерѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его соки.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Сколько платья переноситъ человекъ въ продолженіе своей жизни; а между тѣмъ иной лѣтъ семьдесятъ, восемьдесятъ и даже больше носитъ на себѣ тѣло и оно не изнашивается. Сколько тысячъ верстъ выходитъ человекъ въ продолженіе своей жизни, сколько сапогъ истопчетъ онъ, изъ какой

бы крѣпкой кожи они ни были сдѣланы; а между тѣмъ кожа на ногахъ его остается цѣла, хотя она гораздо тоньше сапожной кожи. Перчатку поносишь недолго и она развалится, а тонкую кожу на рукахъ мы носимъ всю жизнь и она все не стирается. Еслибы человѣкъ сдѣланъ былъ не то, что изъ дерева, но даже изъ желѣза, — то и тогда, въ продолженіе такой долгой жизни, при безпрестанномъ движеніи, онъ долженъ бы, кажется, истереться, а всѣ суставы его разшататься и развинтиться; но нѣтъ, мягкое тѣло человѣка все живетъ, да живетъ, старѣется, морщится, но остается цѣлымъ.

Чтобы узнать, отъ чего такая разница между предметами не живыми и живымъ тѣломъ человѣка, должно сначала узнать, отъ чего неимѣющіе жизни предметы стираются отъ употребленія, уменьшаются въ объемъ и въ сѣ, а потомъ распадаются на куски. Потрите напилькомъ кусокъ дерева или желѣза, и вы замѣтите, что отъ нихъ отскакиваютъ маленькія частички. Частичка отламывается за частичкой, впадина все дѣлается больше и больше и, продолжая работать напилькомъ, мы всю вещь можемъ искрошить въ порошокъ. То же самое дѣлается при всякомъ употребленіи вещи, только не такъ быстро и не такъ замѣтно. Отъ безпрестаннаго тренія, которому подвергаются всѣ вещи (даже камень и тотъ трется вѣтромъ), онѣ стираются. Чѣмъ мягче вещь и треніе сильнѣе, тѣмъ быстрѣе разрушается она. Даже серебряная ложка, которою долго ѣдятъ, и та обтирается по краямъ, становится тоньше и дѣлается, наконецъ, негодною къ употребленію. Но что было бы, еслибы каждая, отдѣлившаяся отъ тренія частичка, замѣнялась немедленно новою? Стерлась ли бы тогда вещь?

Отъ нашего тѣла, при его безпрестанныхъ движеніяхъ, точно также безпрестанно отдѣляются маленькія, едва замѣтныя или даже вовсе незамѣтныя частички и ихъ отдѣляется гораздо больше, чѣмъ отъ желѣза и дерева, потому что тѣло мягче и желѣза, и дерева. Но въ томъ-то и дѣло, что въ тѣлѣ нашемъ эти частички, отдѣлившіяся или сдѣлавшіяся негодными, безпрестанно замѣняются новыми, и все оно безпрестанно подновляется, чего не дѣлается съ вещами, лишенными жизни. Вещи не *питаются* и потому, стираясь, не подновляются; но тѣло наше безпрестанно подновляется тою пищею и тѣмъ питьемъ, которыя человѣкъ, черезъ ротъ и горло, пропускаетъ себѣ въ желудокъ.

Пища, разжеванная, перемѣшанная со слюною во рту, проглатывается и пропускается черезъ *пищеводъ* въ желудокъ. Здѣсь, съ помощію особыхъ жидкостей, отдѣляемыхъ стѣнками желудка, поджелудочною железой и печенью *), пища передѣлывается въ пищевую кашицу. Изъ этой кашицы

*) Печень — тоже железа, только очень большая: она отдѣляетъ желчь; точно также какъ *слюнная железа* — слюну; а слезная — слезы. Печень лежитъ въ правомъ боку, отчасти подъ нижними ребрами.

жидкія, годныя для питанія части, передѣлываясь сначала въ молочко, всасываются потомъ особенными тоненькими трубочками въ кровь, протекающую по нашимъ жиламъ; а твердыя или негодныя извергаются вонь.

Кровь есть та красная жидкость, которая окрашиваетъ наши губы, языкъ, щеки и всему нашему тѣлу придаетъ красноватый оттѣнокъ. Кому случалось обрѣзать себѣ палець, тотъ знаетъ, что такое кровь. Она протекаетъ по всему нашему тѣлу въ безчисленномъ множествѣ тоненькихъ, мягкихъ трубочекъ, называемыхъ *жилами*. Смотри на нашу руку, мы замѣтимъ подъ кожею, какими вѣточками разстилаются по всему тѣлу жилы. Но мы видимъ только толстыя вѣточки, а самыхъ тонкихъ черезъ кожу и замѣтить нельзя. Но что жилы, по которымъ течетъ кровь, расходятся въ безчисленномъ множествѣ по всему тѣлу, въ этомъ легко убѣдиться: гдѣ бы мы ни прорѣзали себѣ кожу, вездѣ потечетъ изъ-за нее кровь. Самый красный цвѣтъ мяса происходитъ отъ того, что въ немъ безчисленное множество жилокъ, наполненныхъ кровью. Вотъ эта-то кровь питаетъ, т. е. подновляетъ все тѣло, и кости, и мускулы, и кожу; изъ нея же выдѣлываются волоса и ногти, которые безпрестанно растутъ, — слюна, потъ и слезы, которые постоянно отдѣляются. Но какъ изъ одной и той же крови выдѣлываются такія разнообразныя и разноцвѣтныя вещи? это вамъ объяснить невозможно. Богъ такъ премудро устроилъ человѣка, что, даже учившись очень много, нельзя понять всего, что въ немъ дѣлается. Но дѣло въ томъ, что кровь, подновивъ ту или другую частичку тѣла, и замѣнивъ отжившую частицу новою, забираетъ то, что уже едѣлалось отъ употребленія негоднымъ, и, какъ хорошей работникъ, унося прочь это негодное, выбрасываетъ его вонь черезъ желудокъ, черезъ дыханіе и черезъ потъ или перерабатываетъ вновь.

Мелкія жилки, въ которыхъ течетъ кровь, не все остаются такими мелкими: соединяясь одна съ другою, онѣ становятся все толще и толще и уже въ видѣ толстыхъ трубокъ сходятся къ сердцу и вливаютъ въ него кровь.

Сердце для того и бьется, чтобы заставить кровь двигаться. Это — мясистый мѣшокъ (мускулъ), пустой въ серединѣ и состоитъ изъ двухъ, раздѣленныхъ перегородкою половинокъ, правой и лѣвой. Когда сердце сожмется, то погонитъ кровь въ жилы; когда разожмется, то кровь въ него вливается. Жилы, по которымъ кровь течетъ къ сердцу, называются *венами*; а жилы, по которымъ сердце разгоняетъ кровь по всему тѣлу, называются *артеріями*.

Кровь въ венахъ темно-краснаго цвѣта и не годится для питанія. Изъ венъ она двумя толстыми трубками вливается въ правую сторону сердца; а оттуда сердце, сжимаясь, выгоняетъ ее въ легкія. *Легкія* наполняютъ собою грудь и въ нихъ человѣкъ, посредствомъ дыхательнаго горла, вды-

хаетъ воздухъ. Дыхательное горло раздѣляется въ груди на двѣ вѣтви, а эти вѣтви раздѣляются на множество маленькихъ вѣточекъ, оканчивающихся крошечными пузырьками. Къ этимъ-то пузырькамъ легкихъ подходитъ изъ сердца *венозная кровь*, а изъ дыхательнаго горла — воздухъ. Кровь, прикасаясь къ воздуху, соединяется химически съ кислородомъ воздуха и изъ темно-красной дѣлается ярко-красною, и изъ негодной для питанія тѣла — годною. Вотъ для чего человекъ безпрестанно дышетъ: если онъ перестанетъ дышать, то кровь перестанетъ соединяться съ кислородомъ, тѣлу нечѣмъ будетъ питаться и человекъ умретъ. Негодныя частицы крови выдыхаются нами вонъ черезъ легкія; а годная для питанія кровь идетъ по артеріямъ обратно въ сердце — только уже не въ правую, а въ лѣвую его половину. Принявъ артеріальную кровь, сердце раздуется, потомъ сожмется и погонитъ ее сначала по одной очень толстой артеріи, а потомъ, по безчисленному множеству болѣе и болѣе тонкихъ артерій, расходящихся, какъ вѣтки, по всему нашему тѣлу. Здѣсь кровь принимается за свое безпрерывное подновленіе частицъ нашего тѣла.

Такимъ образомъ происходитъ въ насъ *кровообращеніе* и кровь, безпрестанно обращаясь то къ сердцу, то изъ сердца въ легкія, изъ легкихъ опять въ сердце и изъ сердца опять по всему тѣлу, безпрестанно питаетъ, т. е. подновляетъ наше тѣло. Вотъ почему наше тѣло не изнашивается.

Безпрестанно питая тѣло, кровь сама издерживается; надобно, наконецъ, ее подновить, прибавить къ ней матеріалу. Эту обязанность исполняетъ желудокъ. Онъ, какъ мы уже знаемъ, вырабатываетъ изъ всего, что мы ѣдимъ и пьемъ, матеріаль для крови: безъ этого кровь скоро истощилась бы, тѣлу нечѣмъ было бы питаться и подновляться: оно ослабѣло бы, обезсилѣло, а потомъ и совсѣмъ замерло. Вотъ почему пища и питье такъ необходимы для человека; вотъ почему при недостаточности пищи тѣло худѣетъ, силы его слабѣютъ; а если питаніе совершенно прекратится, то и умираетъ.

Желудокъ, сердце и легкія работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Втроемъ они заботятся, чтобы изъ пищи и питья приготовить кровь, сдѣлать ее годною къ питанію черезъ соприкосновеніе съ воздухомъ — и разослать ее по всему тѣлу. Кровь подновить все, что слѣдуетъ, какъ добрый работникъ унесетъ все, что сдѣлалось уже негоднымъ, и выброситъ вонъ эти негодныя, уже отжившія частицы.

Вся работа, посредствомъ которой безпрестанно подновляется наше тѣло, называется *процессомъ питанія* или просто питаніемъ. Питаніе совершается въ человекѣ посредствомъ трехъ различныхъ работъ или процессовъ, дружно стремящихся къ одной цѣли: посредствомъ *пищеваренія*, *кровообращенія* и *дыханія*. Если хотя одна изъ этихъ работъ организма оста-

новится, то вслѣдъ за ней остановится и другая; а потомъ прекратится и самая жизнь. Каждая изъ этихъ работъ выполняется нѣсколькими органами, изъ которыхъ мы назвали немногіе: каждый органъ дѣлаетъ свое дѣло, а всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ одно—поддерживаютъ жизнь въ организмѣ человѣка. Мы узнали только самыя крупныя работы организма; а не знаемъ еще тысячи мелкихъ, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, каждая необходима для жизни. Будемъ учиться, узнаемъ болѣе; но всего не знаютъ и самыя ученые люди. Мудро устроилъ Господь человѣка, такъ мудро, что люди учатся, учатся — и до сихъ поръ еще не могутъ понять вполнѣ, какъ онъ устроенъ!

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВѢКУ ЖИВОТНЫМИ И РАСТЕНИЯМИ.

Человѣкъ, какъ господинъ земли, данной ему въ обладаніе, пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей и даже своихъ прихотей царствомъ животнымъ и растительнымъ.

Отъ животныхъ мы получаемъ мясо, сало, ворвань, молоко, яйца, кожу, шерсть, щетину, кость, рога и копыта, пухъ, перья, китовый усъ, жемчугъ, перламутръ, медъ, шелкъ и нѣкоторые другіе предметы. Многія животныя, не служа намъ ни для пищи, ни для одежды, приносятъ удовольствіе, напримѣръ: соловьи, канарейки, попугаи; другія возятъ насъ; третьи охраняютъ нашъ домъ; многія служатъ намъ, истребляя другихъ вредныхъ животныхъ; но есть и такія, которыя, сколько мы знаемъ, только вредны, какъ напримѣръ: ядовитыя змѣи, бесполезный, хотя величественный левъ, надоѣдающая муха и пр.

Царство растительное доставляетъ намъ еще гораздо болѣе пользы, чѣмъ царство животныхъ. *Въ пищу* мы употребляемъ такое множество разнообразнѣйшихъ растений, что перечестъ ихъ невозможно. У однихъ растений мы сѣдаемъ плоды, каковы: яблоки, груши, апельсины, орѣхи, ягоды и т. д. Другія намъ служатъ своими цвѣтами, напримѣръ: артишоки, мясистой коронкой которыхъ мы лакомимся; винныя ягоды, у которыхъ цвѣтокъ скрывается внутри плода; роза, изъ душистыхъ листьевъ которой варятъ варенье, и т. д. У третьихъ мы пользуемся сѣменами, каковы: рожь, пшеница, ячмень и всѣ вообще хлѣбныя растенія; конопля, ленъ, подсолнечникъ, изъ сѣмянъ которыхъ добываютъ различныя масла. Въ четвертыхъ идетъ намъ въ пищу сердцевина, какъ напримѣръ: сердцевина саговой пальмы, изъ которой дѣлаютъ саго. У пятыхъ мы беремъ листья, какъ напримѣръ: у капусты, мяты, у чайнаго дерева; потому что хотя иные чай называются цвѣточными, но бѣлые листики, которые мы замѣчаемъ между черными, вовсе не цвѣты, а только молодые еще пушистые листочки того

же чайнаго дерева. Шестыя предлагаютъ намъ свой сокъ, напимѣрь: сахарный тростникъ, береза, кленъ, свекла, изъ сока которой также выдѣлываютъ сахаръ. Седьмыя даютъ намъ свои луковицы, напимѣрь: лукъ, чеснокъ, картофель; осьмыя — корни, напимѣрь: морковь, свекла, рѣпа и др., называемыя потому *корнеплодными* растеніями; девятыя служатъ намъ всѣмъ своимъ тѣломъ, напимѣрь, грибы. Мы уже не говоримъ здѣсь о лекарственномъ употребленіи растеній: растеніямъ, идущимъ въ лекарства, и числа нѣтъ.

Растенія не только питаютъ, но и одѣваютъ насъ, таковы: ленъ, пенька, хлопчатобумажный кустарникъ, въ плодникахъ котораго, закрывая сѣмена, вырастаетъ бѣлая, пушистая хлопчатая бумага. Многія растенія доставляютъ краску, которою мы раскрашиваемъ наши ситцы, кисеи, сукна, нашу мебель и стѣны домовъ.

Кромѣ пищи и одежды, растенія даютъ намъ матеріаль для нашихъ построекъ, для нашихъ лодокъ и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелкихъ вещей, которыя мы употребляемъ: для бумаги, на которой мы пишемъ; для чернилъ, которыми мы пишемъ; только перья доставляютъ намъ крикливые гуси.

Но всего этого мало: растенія даютъ намъ еще чистый воздухъ для дыханія; они берутъ изъ воздуха угольную кислоту; отдѣляютъ изъ нея для себя уголь и отсылаютъ назадъ въ воздухъ чистый кислородъ, безъ котораго не можетъ жить ни одно животное. Растенія постоянно освѣжаютъ воздухъ, который портится дыханіемъ животныхъ: животныя, вдыхая воздухъ, выдыхаютъ угольную кислоту, необходимую растеніямъ.

Растенія кормятъ собою не только человѣка, но и все, что живетъ и дышетъ. Одни животныя кормятся прямо растеніями, а другія пожираютъ тѣхъ животныхъ, которыя выкормились растеніями; но все, что живетъ, посредственно или непосредственно, кормится растеніями. Левъ разрываетъ маленькую серну, но серна выкормилась травою; орель терзаетъ бѣднаго зайчика, но зайчикъ выкормился корою молодыхъ деревьевъ, листьями и зелеными стебельками овса; лиса лакомится курицею, а вкусное мясо курицы выработалось изъ хлѣбныхъ зеренъ; быкъ и корова даютъ намъ питательное мясо; но мясо это образовалось изъ травы и сѣна, переработанныхъ въ кровь въ желудкѣ животнаго. Крѣпкая, какъ сталь, слоновая кость выдѣлывается изъ рису, листьевъ и травы, которыми кормится травоядный слонъ. Пчелка приноситъ намъ медъ; но она беретъ его изъ чашечекъ тѣхъ же растеній. Шелковичный червь прядетъ для насъ шелковичную нитку; но матеріаль, изъ котораго выдѣлывается эта нитка — листья шелковичнаго дерева.

А сколько красоты придаютъ растенія нашей землѣ! Они прикрываютъ,

оживляютъ и украшаютъ тѣ безжизненные камни, глины, пески, тѣ безжизненные минералы, изъ которыхъ состоитъ кора земнаго шара. Кто бывалъ въ песчаной или каменистой пустынѣ, гдѣ на многія сотни верстъ вокругъ нѣтъ ни дерева, ни травки, и потомъ вступить въ болѣе счастливую страну и, ставъ посреди роскошнаго, ярко зеленаго луга, взглянуть на волнующіяся поля, полныя хлѣбныхъ колосьевъ, на пестрые цвѣты, на тѣнистыя рощи, въ которыхъ дышетъ прохладою, и на темные, задумчивые лѣса, — тотъ невольно возблагодаритъ Господа, создавшаго землю и повѣдѣвшаго ей облечься въ роскошную растительную одежду.

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНІЕ.

Каждый изъ насъ очень легко отличить животное отъ растенія; но если между животными и растеніями есть различіе, то есть между ними и сходство. — Отъищимъ сначала сходство.

1. Животныя растутъ и растенія также растутъ, т. е. изъ маленькихъ дѣлаются большими.

2. Животныя питаются, т. е. принимая въ себя пищу и питье, выдѣлываютъ изъ нихъ свое собственное тѣло. Растенія также питаются: берутъ изъ воздуха, воды и земли тѣ матеріалы, какіе имъ нужны, и изъ этихъ матеріаловъ строятъ свое тѣло: стволъ, кору, листья, цвѣты и плоды. Какимъ образомъ иначе маленькое сѣмечко могло бы сдѣлаться большою липою? Мы знаемъ уже, что только одинъ Богъ можетъ творить изъ ничего.

3. Животное, лишенное долгое время или питья или пищи, умираетъ: то же самое дѣлается и съ растеніями: не поливайте цвѣтка, сорвите его, выдерните съ корнемъ изъ земли — онъ засохнетъ. Лишите животное воздуха — оно умретъ; для растенія воздухъ, какъ мы знаемъ, тоже необходимъ.

4. Прорѣжьте кожу животнаго, изъ-за нея потечетъ кровь: точно также изъ-за коры растенія потечетъ сокъ. Правда, кровь краснаго цвѣта, а древесный сокъ, по бѣльшей части, бѣлаго; но есть и животныя, у которыхъ кровь не красная, а бѣлая; напр. у жука, паука и другихъ насѣкомыхъ. Правда, кровь у животнаго теплая, а сокъ растенія холоденъ; но есть и животныя съ холодною кровью, какъ напр. рыбы.

5. У растенія нѣтъ сердца, которое бы разгоняло кровь по всему тѣлу и потомъ ее опять собирало; но соки въ растеніи такъ же обращаются. Они поднимаются сначала отъ корней къверху, по стволу доходятъ до листьевъ, въ которыхъ прикасаются къ воздуху, дѣлаются оттого годными для питанія, спускаются (листья можно сравнить съ легкими животнаго) и

потомъ спускаются внизъ и питаютъ все тѣло растенія. Отъ того все растеніе увеличивается въ объемѣ, дѣлается выше и толще, выгоняетъ новыя вѣтки, пускаетъ почки, развертываетъ листья и цвѣты, даетъ плоды и сѣмена.

6. У растенія нѣтъ особеннаго органа для пищеваренія, нѣтъ желудка; но оно также перевариваетъ пищу, т. е., взявъ матеріалъ изъ земли и воздуха, передѣлываетъ его въ соки, годные для питанія. Особеннаго желудка растенію и не нужно, потому-что оно не двигается съ мѣста и гдѣ растеть, тамъ и находитъ пищу; тогда какъ животныя, обладающія способностью произвольнаго передвиженія, должны отыскать ее и унести съ собою про запасъ; почему животному и необходимъ для этого особенный мѣшокъ — желудокъ.

7. У растенія нѣтъ рта и зубовъ, но оно всасываетъ пищу своими корнями; а зубовъ ему не нужно, потому что оно всасываетъ пищу всегда въ жидкомъ или воздухообразномъ видѣ: у тѣхъ животныхъ, которыя питаются одной жидкою пищею, также зубовъ нѣтъ.

8. Отъ животныхъ рождаются другія маленькія животныя, которыя потомъ вырастаютъ: растенія также производятъ цвѣты, плоды и въ нихъ сѣмена, и изъ этихъ сѣмянъ происходятъ новыя растенія, совершенно подобныя тѣмъ, отъ которыхъ произошли сѣмена.

9. У животныхъ есть множество органовъ, которыми оно питается и живетъ; у растенія также есть органы: корни, листья, кора, цвѣты, плоды, сѣмена.

10. Способностию питаться, расти, то-есть жить, животныя и растенія одинаково отличаются отъ камней, металловъ, земель, солей, отъ воздуха и воды, отъ земли, солнца, луны и звѣздъ, отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые не питаются, не растутъ и не живутъ; а потому и не имѣютъ необходимыхъ для этого органовъ. Всѣ предметы, не имѣющіе жизни, а потому не имѣющіе и органовъ, необходимыхъ для жизни, называются *безжизненными* или *неорганическими*. Предметы, живущіе и имѣющіе органы, необходимые для жизни, называются *живыми, органическими*, таковы: растенія, животныя и люди. Мы говоримъ: живая муха, живые цвѣты, и этимъ отличаемъ ихъ отъ искусственныхъ мухъ и поддѣльныхъ цвѣтовъ, которые, хотя съ виду очень могутъ быть похожи на живые, но не живутъ: не питаются, не растутъ, не могутъ умереть или завянуть и не имѣютъ никакихъ органовъ, необходимыхъ для жизни.

Вотъ сколько сходства нашли мы между животными и растеніями. Теперь поищемъ различія; постараемся отыскать что-нибудь такое у животныхъ, чего уже совершенно нѣтъ въ растеніяхъ.

1. У растеній нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей, нѣтъ носа для обонянія запаха; ротъ, какъ мы видѣли, замѣняется у растеній корнями, но растенія не имѣютъ

языка, которымъ они могли бы ощущать вкусъ. Кора растений напоминаетъ кожу животныхъ; но эта кожа растений ничего не чувствуетъ, слѣдовательно ее нельзя назвать органомъ осязанія. Итакъ у растений нѣтъ ни одного изъ пяти органовъ чувствъ, которые есть у животныхъ. Растеніе, слѣдовательно, не имѣетъ чувства и необходимыхъ для него органовъ: вотъ уже одно очень важное отличіе растений отъ животныхъ.

2. Другое, столь же важное отличіе состоитъ въ томъ, что растеніе не можетъ двигаться по своей волѣ, какъ двигается животное. Растенія двигаются иногда вѣтеръ, иногда животное; но по *собственной волѣ* растеніе не двигается. Оно, правда, подымается вверхъ, когда растетъ, развертываетъ листья, выгоняетъ новыя вѣтки, трескается, когда старѣетъ; но и животное, и человѣкъ, и растеніе растутъ и старѣются *не по своей волѣ* и даже не замѣчаютъ, какъ это съ ними дѣлается. Но такъ-какъ растеніе не движется по своей волѣ, то ему не нужны и мускулы, которыми животное приводитъ въ движеніе свое тѣло. Тѣло, которое, пожалуй, можно назвать и мясомъ, есть у растений; но мускуловъ у него нѣтъ, да ему они и не нужны: вотъ другое важное отличіе растений отъ животныхъ.

3. Мы знаемъ, что органы чувства чувствуютъ не сами собою и мускулы сжимаются также не сами собою; но что для этого необходимы нервы и мозгъ. Посредствомъ мозга и нервовъ животное видитъ, слышитъ, осязаетъ предметы, чувствуетъ запахъ пахучихъ, воздухообразныхъ тѣлъ, прикасающихся къ слизистой оболочкѣ носа, и вкусъ жидкихъ веществъ, прикасающихся къ языку. Посредствомъ мозга и нервовъ животное сжимаетъ и расширяетъ мускулы и тѣмъ самымъ двигаетъ всѣми членами тѣла. У растений нѣтъ органовъ чувствъ и нѣтъ органовъ движенія — мускуловъ; а потому ему не нужны ни мозгъ, ни нервы. Ни въ одномъ растеніи нѣтъ ни мозга, ни нервовъ.

4. Но мы знаемъ, что мозгъ есть мягкая масса, а нервъ — тоненькая, бѣленькая ниточка, и что ни мозгъ, ни нервъ сами по себѣ не могутъ чувствовать, ни двигаться. Это органы безчувственные и неподвижные, посредствомъ которыхъ невидимая *душа* животного ощущаетъ предметы и двигаетъ тѣломъ.

5. У растений нѣтъ органовъ чувства, нѣтъ органовъ движенія, нѣтъ мозга и нервовъ, нѣтъ въ нихъ и души. Растенія — существа живыя, но *неодушевленные*; животные — существа *живыя* и *одушевленные*; животные и растенія — существа *живыя* и *органическія*. Камни, металлы, земли, соли, воздухъ, вода, газы, земля, облака, звѣзды, солнце, луна, дымъ, пламя, всѣ искусственные предметы, сдѣланные человѣкомъ (живыхъ предметовъ человѣкъ сдѣлать не можетъ), суть предметы не только *неодушевленные*, но не живые и *неорганическіе*.

СПОСОБНОСТИ ДУШИ.

Душа есть предмет невидимый и недоступный ни одному изъ нашихъ пяти тѣлесныхъ чувствъ: ее нельзя ни слышать, ни видѣть, ни обонять, ни осязать, поэтому душу называютъ предметомъ *бездѣлеснымъ*. Но хотя ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, именно она то въ насъ видѣть, слышать, испытываетъ всѣ ощущенія и управляетъ нашими движеніями.

Богъ одарилъ бездѣлесную душу многими способностями:

1. Мы уже знаемъ, что душа имѣетъ способность *ощущать* то, что отражается въ глазахъ, раздается въ ухѣ, прикасается къ тѣлу. Бездушное тѣло можетъ сохранять всѣ органы, необходимые для ощущенія, но ощущать ничего не будетъ. Ощущаетъ душа, но не тѣло. Душа, слѣдовательно, имѣетъ *способность ощущенія*.

2. Если мы видѣли какой нибудь предметъ и потомъ увидимъ его снова, то припоминаемъ, что мы его видѣли уже прежде. Даже не видя снова предмета, мы можемъ вспомнить его, если что нибудь другое намъ его напомнить, а иногда и безъ напоминанія. Душа, слѣдовательно, имѣетъ способность не только что нибудь ощущать, но и *помнить* свои ощущенія. Эта способность называется способностью *памяти* или просто *памятью*. Душа имѣетъ способность ощущенія и память.

3. Если мы видѣли какой нибудь предметъ, то потомъ, и не видя уже этого предмета, можемъ по своей волѣ *представить* его себѣ; такъ что онъ какъ будто стоитъ передъ нашими глазами: такъ мы представляемъ себѣ знакомыхъ намъ людей, хотя бы эти люди въ это время и не находились передъ нами. Эта способность души представлять себѣ живо отсутствующіе предметы, называется *способностью представленія*.

4. Видѣвъ нѣсколько предметовъ, мы можемъ составить изъ нихъ въ своемъ умѣ новый предметъ, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ: такъ поступаемъ мы всякій разъ, когда составляемъ какую нибудь картину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли домъ, въ другомъ — рѣку, въ третьемъ — дерево, въ четвертомъ — дорогу, въ пятомъ — гору, въ шестомъ — мельницу; изъ всѣхъ этихъ видѣнныхъ нами предметовъ, припоминая и представляя ихъ себѣ, мы составляемъ такой ландшафтъ, какого прежде никогда не видали и какого, можетъ быть, нигдѣ и нѣтъ. Эта способность — изъ припоминаемыхъ и представляемыхъ нами ощущеній составлять какія нибудь картины на бумагѣ или только въ головѣ нашей — называется *способностію воображенія* или просто *воображеніемъ*. Душа наша, слѣдовательно,

имѣть способность ощущать, помнить свои ощущенія, представлять ихъ себѣ и составлять изъ нихъ въ своемъ воображеніи новыя картины.

Когда мы спимъ и видимъ сны, тогда работаетъ въ душѣ нашей больше всего воображеніе. Изъ того, что мы видѣли и слышали на яву, воображеніе наше строитъ такія картины, которыхъ мы никогда не видали и которыя иногда пугаютъ насъ, а иногда доставляютъ намъ большое удовольствіе. Сны или, какъ ихъ иначе называютъ, сонныя *врезы*, — произведенія нашего воображенія. Не только во снѣ, но и на яву воображеніе часто овладѣваетъ нами. Посмотрите на мальчика, который, усѣвшись верхомъ на палочку, представляетъ себѣ, что онъ ѣдетъ верхомъ на лошади: лошадь существуетъ только въ его воображеніи. Дѣти часто воображаютъ себя большими героями, большими силачами, потому что они слышали о герояхъ, о силачахъ.

5. Видя нѣсколько предметовъ или припоминая и представляя ихъ себѣ, мы сравниваемъ ихъ между собою: находимъ между ними сходство и различіе, и выводимъ изъ этого свои заключенія. Такъ, напримѣръ, видя два яблока, мы заключаемъ, что одно изъ нихъ больше или меньше, краснѣе или желтѣе, лучше или хуже другаго; мы смотримъ, напримѣръ, на два растенія, сравниваемъ ихъ во всемъ и заключаемъ, что хотя оба эти растенія цвѣты; но что одинъ изъ этихъ цвѣтковъ — роза, а другой — гвоздика; видя двухъ животныхъ, мы сравниваемъ ихъ и заключаемъ, что оба они животныя, но что одно изъ этихъ животныхъ — птица, а другое — лошадь, что у лошади нѣтъ крыльевъ, что у птицъ двѣ ноги, а у лошади ихъ четыре и т. д. Сравнить какіе нибудь различныя видимыя или представляемые нами предметы между собою, находить между ними сходство и различіе, выводить изъ этого свои заключенія — называется *разсуждать*; а самая способность души разсуждать — называется *разсудкомъ*.

Душа имѣетъ способность ощущать предметы, припоминая и представляя ихъ себѣ, воображать новыя, находить между предметами сходство и различіе и выводить изъ этого свои заключенія; душа имѣетъ способности: ощущенія, памяти, представленія, воображенія и разсудка.

6. Мы не только ощущаемъ холодъ, тепло, боль, вкусъ и запахъ, но и чувствуемъ, что одни изъ этихъ ощущеній для насъ пріятны, а другія непріятны. Мы испытываемъ въ душѣ нашей желаніе избѣгать непріятнаго и получать пріятное и кромѣ того множество другихъ *внутреннихъ* ощущеній и чувствъ: печаль, радость, гнѣвъ, благодарность. Эти внутреннія, душевныя ощущенія, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя испытываетъ душа посредствомъ тѣла, называются *душевными, внутренними чувствами*. Душа имѣетъ пять внѣшнихъ, тѣлесныхъ чувствъ и много внутреннихъ или душевныхъ.

7. Мы уже знаемъ, что движеніями тѣла управляетъ душа и что тѣло, несмотря на все свои органы движенія, остается неподвижнымъ. Способность души управлять движеніями тѣла называется *произволомъ*.

Перечислимъ же теперь все узанныя нами способности души.

1) Пять внѣшнихъ чувствъ, 2) память, 3) способность представленія, 4) воображеніе, 5) разсудокъ, 6) нѣсколько внутреннихъ душевныхъ чувствъ и 7) произволь. Душа наша получаетъ внѣшнія ощущенія, помнитъ ихъ, представляетъ ихъ себѣ, воображаетъ новыя картины, чувствуетъ удовольствіе или неудовольствіе отъ своихъ ощущеній и представленій, желаетъ избѣжать непріятнаго или получить пріятное, испытываетъ при этомъ разнообразныя внутреннія чувства: гнѣвъ, радость, печаль, надежду, отчаяніе, рѣшается избѣжать непріятнаго или получить пріятное и приводитъ для того въ движеніе нервы и мускулы, а посредствомъ ихъ и члены тѣла.

СХОДСТВО МЕЖДУ ЧЕЛОВѢКОМЪ И ЖИВОТНЫМЪ.

Между человѣкомъ и нѣкоторыми животными мы находимъ много сходства. 1) Человѣкъ рождается отъ другихъ людей, животное рождается отъ другихъ животныхъ. 2) Человѣкъ въ дѣтствѣ питается молокомъ матери: все млекопитающіяся животныя — также. 3) Человѣкъ растетъ и изъ маленькаго дѣлается большимъ: животное также растетъ. 4) Человѣку, какъ и всякому животному, для жизни необходимы: пища, питье и воздухъ. 5) Человѣкъ имѣетъ пять внѣшнихъ чувствъ: большая часть животныхъ также видятъ, слышатъ, имѣютъ осязаніе, ощущаютъ вкусъ и запахъ предметовъ. 6) Человѣкъ имѣетъ способность памяти; пчела отыскиваетъ дорогу въ свой улей и узнаетъ его между десятками другихъ ульевъ. 7) У человѣка есть способность воображенія, у животныхъ — также. Мы знаемъ что сны или грѣзы производятся воображеніемъ; а нѣтъ сомнѣнія, что животныя видятъ сны, хотя и не могутъ рассказать ихъ: собака во снѣ иногда лаеетъ и визжитъ, — слѣдовательно, ей что-нибудь снится; ослы во снѣ очень часто ревутъ и лягаются задними ногами; еслибы у этихъ животныхъ не было воображенія, то они не могли бы видѣть сновъ. 8) Человѣкъ имѣетъ способность сравнивать предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые больше или лучше, или почему-нибудь кажутся ему полезнѣе или пріятнѣе. Животное также имѣетъ способность сравнивать между собою предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые кажутся ему лучше: собака, преслѣдуя зайца, изъ нѣсколькихъ дорогъ, выбираетъ самую кратчайшую; муравьи, строя свои жилища, изъ многихъ соломинокъ и вѣточекъ выбираютъ тѣ, которыя имъ по силамъ, — слѣдовательно и у животныхъ есть разсудокъ, хотя у нихъ его гораздо меньше, чѣмъ у человѣка. 9) Человѣкъ чувствуетъ удовольствіе и неудовольствіе и по произволу управляетъ

движеніями своего тѣла: для животнаго также одно ощущеніе кажется пріятнымъ, другое непріятнымъ; оно также ищетъ перваго и избѣгаетъ послѣдняго и управляетъ по произволу своими движеніями; животное, также какъ и человѣкъ, имѣетъ способность *произвола*. 10) У человѣка есть множество внутреннихъ душевныхъ чувствъ; у животнаго также мы можемъ различить ихъ нѣсколько: оно сердится, печалится, боится, любитъ, ненавидитъ, ощущаетъ радость и злость, — только выражаетъ все это не словами, а криками, тѣлодвиженіями и дѣйствіями. У животнаго, какъ и у человѣка, есть тѣло и душа, почему мы и называемъ животныхъ предметами одушевленными.

Но есть нѣчто такое у человѣка, чего нѣтъ у животнаго, и что составляетъ отличительную принадлежность людей.

ОТЛИЧІЕ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ ЖИВОТНАГО.

Мы нашли много сходства у человѣка съ животнымъ: покажемъ же теперь различіе между ними.

1. У человѣка двѣ руки и двѣ ноги: двухъ рукъ и двухъ ногъ нѣтъ ни у одного животнаго: у птицы двѣ ноги и два крыла, у паука шесть ногъ и нѣтъ рукъ, у лошади четыре ноги и ни одной руки, у обезьяны четыре руки и ни одной ноги; только человѣкъ имѣетъ возможность, ходя на ногахъ, свободно распоряжаться своими руками. Вотъ единственное сколько нибудь рѣзкое отличіе человѣка отъ животныхъ по тѣлесному устройству. Другаго отличія, столь же рѣзкаго и бросающагося въ глаза, нѣтъ. Но зато, какое различіемъ видимъ между человѣкомъ и животнымъ въ ихъ дѣйствіяхъ!

2. Слушая разговоръ на иностранномъ, непонятномъ для насъ языкѣ, мы слышимъ звуки, *но не понимаемъ ихъ смысла*. Кто не умѣетъ читать, тотъ, хотя и смотритъ въ книгу, *но не понимаетъ*, что въ ней написано. Мы чувствуемъ, какъ бьется наше сердце, *но не понимаемъ*, какъ и для чего оно бьется, пока намъ этого не объяснять. Мы видимъ, какъ вѣтеръ качаетъ деревья, слышимъ, какъ онъ воетъ въ трубѣ, ощущаемъ его движеніе нашимъ тѣломъ; но почему мы *узнали*, что это воздухъ, который движется, и почему *открываемъ причину* движенія воздуха? Мало еще видѣть, слышать, осязать, — надобно еще понимать то, что мы видимъ, слышимъ осязаемъ, *узнавать* цѣль его и причину.

Животное такъ же, какъ мы, видитъ, слышитъ и осязаетъ, помнитъ, воображаетъ и разсуждаетъ; но ничего *не понимаетъ*, — *не знаетъ* ничему причины и цѣли, ничего не можетъ узнать, ничему не можетъ само выучиться, хотя человѣкъ и можетъ пріучить иныхъ животныхъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Способность понимать то, что мы слышимъ и видимъ,

узнавать причину и цѣль того, что дѣлается вокругъ насъ и съ нами, способность учиться и знать все больше и больше — принадлежитъ только людямъ: эта способность называется *разумомъ*. Разума нѣтъ у животныхъ.

3. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь дурное, то хотя намъ, можетъ быть, и пріятно было это сдѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали не то, что слѣдовало. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь хорошее, то хотя бы намъ и непріятно было его дѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали то, что должны были сдѣлать, и довольны своимъ поступкомъ. У насъ есть способность которая очень хорошо различаетъ добро отъ зла: эта способность называется *совѣстью*. У животныхъ совѣсти нѣтъ.

4. Мы не всегда дѣлаемъ то, что намъ пріятно: иногда мы принуждаемъ себя дѣлать и то, что намъ непріятно; но что *должно быть* сдѣлано. Животное этой способности не имѣетъ: оно дѣлаетъ всегда только то, что ему пріятно. Способность, которую имѣетъ человѣкъ, — заставить себя дѣлать то, что должно — называется *свободною волею*, или просто *волею*. Животныя имѣютъ произволь, но воли не имѣютъ.

5. Животное никогда не наслаждается ни красивымъ цвѣткомъ, ни хорошенькимъ видомъ, ни прекрасной картиной: оно чувствуетъ удовольствіе только отъ того, что для него полезно, или пріятно для его тѣлесныхъ чувствъ. Оно чувствуетъ пользу предметовъ и то тѣлесное удовольствіе, которое ему эти предметы доставляютъ. Кошка терзаетъ канарейку, не полюбовавшись ея прекрасными перышками; она точно также растерзаетъ и соловья: ей мало дѣла до его чудной пѣсни. Осель любитъ кушать розы, но не имѣетъ способности любоваться прекраснымъ цвѣткомъ. Одинъ только человѣкъ любитъ безкорыстно прекрасными созданіями Божиими или прекрасными произведеніями другихъ людей. Онъ наслаждается, смотря на звѣзды, хотя онѣ не доставляютъ ему никакой пользы; онъ любитъ чудесною статуею, хотя отъ этого холоднаго куска мрамора ему также нѣтъ никакой пользы. Эта способность безкорыстно любоваться красотой Божьихъ созданій и произведеній человѣка, называется *чувствомъ красоты*. Чувства красоты нѣтъ у животныхъ: оно принадлежитъ только людямъ.

6. Одинъ только человѣкъ имѣетъ *понятіе о Богѣ*, хотя и не видитъ Его; одинъ только человѣкъ имѣетъ способность вѣрить въ невидимаго Создателя міра, любить Его, молиться Ему, надѣяться на его милосердіе и стараться исполнять Его волю. Животныя не молятся, и способность молиться составляетъ величайшее и самое рѣзкое отличіе человѣка отъ животнаго. Способностію вѣрить въ Бога, любить Его, надѣяться на Него, молиться Ему и исполнять Его волю, человѣкъ больше всѣхъ прочихъ своихъ способностей отличается отъ животныхъ. Человѣкъ, забывающій Бога, какъ бы онъ уменъ ни былъ, похожъ на животное болѣе, чѣмъ ди-

карь, не умѣющій сдѣлать для себя одежды и выстроить хижины, но призывающій имя невидимаго Создателя міра.

7. Всѣ эти способности, разумъ, совѣсть, воля, чувство красоты, вѣра въ Бога, любовь къ Нему и надежда на Него, принадлежатъ невидимому существу, живущему въ тѣлѣ и душѣ человѣка. Это существо называется *духомъ*. Иногда его называютъ также *душею безсмертною и разумною* въ отличіе отъ души животной. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли; но вдохнулъ въ него душу безсмертную и разумную, или духъ. Тѣло наше сгніетъ и распадется на тѣ вещества, изъ которыхъ оно составлено; но духъ нашъ безсмертенъ и возвратится къ Тому, Кто намъ далъ его.

Присутствіе божественнаго, безсмертнаго духа въ человѣкѣ даетъ людямъ возможность дѣлать многое, чего не въ состояніи дѣлать животныя.

1. Разумному духу, живущему въ насъ, мы обязаны *даромъ слова*. Животное, какъ и человѣкъ, выражаетъ удовольствіе и неудовольствіе, свои желанія, свои внѣшнія и внутреннія ощущенія различными звуками голоса. По лаю собаки можно отличить, радуется ли она или злится; по визгу можно слышать, визжитъ ли она отъ радости или отъ боли; она ворчитъ и стонетъ и выражаетъ тѣмъ различныя ощущенія. Но только одинъ человѣкъ умѣлъ придумать *слова* для выраженія своихъ понятій о предметахъ и связать эти слова въ правильную рѣчь, полную смысла. Обезьяна не говоритъ, хотя у нея во рту такой же языкъ, какъ и у человѣка: у нея нѣтъ разума. Попугая человѣкъ выучиваетъ даже произносить нѣсколько словъ: слѣдовательно толстый языкъ попугая способенъ къ произношенію *членораздѣльныхъ* звуковъ; но онъ произноситъ эти слова безъ всякаго смысла, не понимая самъ, что онъ говоритъ. Не языку и не органу голоса, а разуму обязанъ человѣкъ способностію выражать словами свои мысли, — обязанъ *даромъ слова*.

2. Животное съ какими способностями родится, съ такими и издыхаетъ; человѣкъ можетъ усилить всѣ свои способности, потому-что имѣетъ разумъ и волю надъ нѣми. Имѣя отъ природы зрѣніе гораздо слабѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, человѣкъ изобрѣлъ *телескопъ*, посредствомъ котораго видитъ онъ горы и пропасти на лунѣ, изучаетъ движеніе звѣздъ, отстоящихъ отъ насъ на безчисленные милліоны верстъ. Человѣкъ изобрѣлъ *микроскопъ*, посредствомъ котораго разсматриваетъ такихъ маленькихъ животныхъ, которыя недоступны ни для какого взора. Человѣкъ можетъ, упражняя свою память, усиливать ее и дѣлать ее способною помнить безчисленное множество предметовъ; точно также можетъ онъ усилить свое воображеніе и свой разсудокъ, и люди до того развили въ себѣ эти способности, что ихъ почти нельзя и сравнивать съ подобными же способностями у животныхъ; хотя и у животныхъ, какъ мы знаемъ, есть способность ощуще-

нія, память, воображеніе и разсудокъ. У дикаря едвали болѣе разсудка, чѣмъ у слона; но если мы сравнимъ разсудокъ слона, умнѣйшаго изъ животныхъ, съ разсудкомъ образованнаго европейца, то намъ даже можетъ показаться страннымъ назвать эти способности однимъ и тѣмъ же именемъ; такъ человѣкъ развилъ свой разсудокъ образованіемъ. У животныхъ мы видимъ признаки воображенія; но какое сравненіе съ воображеніемъ человека, которое создало столько художественныхъ произведеній!

3. Мы видимъ, какъ искусно птица вьетъ свое гнѣздо, пчела лѣпиль свои соты и паукъ тчетъ свою паутину: такъ искусно, что и человѣкъ при всемъ своемъ искусствѣ не можетъ имъ подражать. И замѣчательно, что пчелка, едва родится, едва выползетъ изъ ячейки, какъ и принимается за работу. Она не учится ни у кого; а какъ только родится, такъ и знаетъ, что ей нужно дѣлать. Такое знаніе, которому животное не учится, но съ которымъ оно родится, называется *инстинктомъ*. Это еще одна изъ способностей души животнаго, которой мы прежде не замѣтили. Зная, что животныя не могутъ учиться и пріобрѣтать познаній, какъ люди, но что для жизни ихъ, тѣмъ не менѣе, нужны нѣкоторыя знанія, Богъ далъ каждому животному необходимыя для него *инстинкты*. Человѣку далъ Творецъ гораздо менѣе инстинктовъ, чѣмъ животнымъ: но зато Онъ далъ ему разумъ, т.-е. способность учиться и узнавать все, что ему нужно, и съ этою способностію люди пріобрѣли такое множество познаній, что ихъ нельзя и сравнивать съ врожденными знаніями или инстинктами животныхъ. Пчелка съ самаго созданія міра одинаковымъ образомъ дѣлаетъ свои соты; пауки ткуть и теперь свою паутину точно такъ же, какъ ткали ее семь тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но сравните дикаря, который умѣетъ только выломать дубину въ лѣсу и выкопать нору въ землѣ, съ европейцемъ, который покрылъ землю прекрасными городами, красивыми зданіями, дивными произведеніями художествъ, желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, садами, парками, обработанными полями, изобрѣлъ тысячи матерій для одежды, наполнилъ свое жилище множествомъ искусственныхъ предметовъ, — и вы представите себѣ все огромное различіе между разумомъ человека и инстинктомъ животнаго. Щедрый Творецъ раздѣлилъ между животными нѣсколько врожденныхъ знаній, необходимыхъ имъ для жизни: человеку же, котораго Онъ возлюбилъ болѣе всѣхъ своихъ созданій, далъ Господь самый источникъ знаній — разумъ: источникъ, изъ котораго человекъ черпаетъ, черпаетъ уже нѣсколько тысячелѣтій и не можетъ исчерпать всего, что въ немъ находится. Этотъ-то неисчерпаемый источникъ знанія, частица божественнаго разума, даетъ человеку возможность образовываться, знать все болѣе и болѣе, становиться умнѣе и улучшать свое состояніе. И надобно сказать правду, что человекъ умѣлъ воспользоваться

этимъ даромъ Божиимъ и сдѣлался властелиномъ земли и царемъ всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ многія гораздо сильнѣе его. Слону такъ же легко раздавить человѣка, какъ намъ раздавить мышь; но человѣкъ, пользуясь своимъ разумомъ, заставилъ слона повиноваться себѣ. Во сколько разъ тигръ и левъ сильнѣе и ловче человѣка; но человѣкъ изобрѣлъ порохъ — и природная сила слона и льва пали передъ разумною силою человѣка.

Такъ щедро одарилъ Господь свое любимое созданіе, — человѣка! Онъ не только далъ ему тѣло и живую душу; но и вдохнулъ въ него безсмертный, разумный и свободный духъ. Онъ далъ ему разумъ — источникъ всѣхъ знаній; Онъ далъ ему совѣсть, чтобы онъ различалъ добро отъ зла; Онъ далъ ему волю, чтобы онъ свободно могъ дѣлать добро; Онъ далъ ему чувство красоты и, наконецъ, вложилъ въ него понятіе о Божествѣ. Какъ же намъ, видя такую любовь Творца къ людямъ, не любить Его, не молиться Ему, не исполнять Его воли, не полагаться на Его премудрость и на Его неисчерпаемое милосердіе? Но что же мы должны чувствовать, когда узнаемъ, что сотворившій насъ Богъ сходилъ къ намъ на землю, училъ насъ, какъ мы должны жить, и на крестѣ претерпѣлъ за насъ мучительныя страданія? Какъ же намъ всею силою духа нашего не любить Того, Кто такъ безпредѣльно насъ любитъ и такъ щедро осыпалъ насъ, осыпаетъ и теперь своими безчисленными благодѣяніями?

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божию; но человѣка на ней еще не было и некому было любоваться ея красотой. Днемъ яркое солнце веходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали мириады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, вздымался высоко чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы полымали выше облаковъ свои блестящія, серебряныя вершины; повсюду лилися полныя, синія рѣки, кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады, журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ, прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ алмазы, носились въ воздухѣ, соловей пѣлъ свою громкую пѣсню: — но человѣка еще не было и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Безчувственное солнце, луна и звѣзды текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза бла-

гоухала и красовалась, не зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не услаждала ничьего слуха. Животныя хотя и видѣли, и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось; не требуя красоты, искало только пищи и, пожирая премудрыя созданія Божіи, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностію: „Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ! какъ я люблю Тебя!“ Все, что было создано, жило по законамъ Создателя и не могло жить иначе, не имѣя своей воли: не могло грѣшить, зато не могло дѣлать и добра, не зная что такое зло и добро.

Увидя, какъ хорошъ мѣръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое бы по безсмертному духу своему было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной, — которое бы исполняло Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, но понимая ихъ мудрость и благость, — стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію и убѣгало лжи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

„Создадимъ человѣка по образу и по подобію нашему“, сказалъ Господь и, сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ безсмертную, разумную и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ: съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на мѣръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастья, благодарности и любви къ Создателю.

„Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному“, подумалъ Господь и, желая увеличить счастье человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: „Любите другъ друга, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вамъ!“

Мѣсто, гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ: тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаются свои воды. Но, увы, теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня! Видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердо — и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

ОТДѢЛЪ ІV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ. *)

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(Образецъ самую простаго сравненія).

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства*: и роза, и гвоздика—растения; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ развиваются изъ почекъ; обѣ цвѣтутъ недолго и вянуть очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между гвоздикою и розою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣту—розовая, бѣлая или желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья, у гвоздики — узкіе и длинные; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

КЛАССНАЯ ДОСКА И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(Образецъ сравненія).

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной также есть дерево.

Различіе: 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ предъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, гри-

*) Само собою разумѣется, что статьи, собранныя здѣсь въ одинъ отдѣлъ, не могутъ быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтеніе 2-й части «Дѣтскаго Міра». Кромѣ того, слѣдуетъ предварительно, уже при чтеніи 1-й части, упражнять дѣтей въ логическомъ мышленіи того или другаго рода, и потомъ уже, прочитавъ статьи логики, возвестъ къ сознанію логическаго закона.

фельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной—грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, или въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходные или различные признаки. *)

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧІЕ И СХОДСТВО.

Сынъ. Я часто слышу слова: сходство, различіе, но не совѣмъ ихъ понимаю.—*Отецъ*. Вотъ два стула стоятъ рядомъ: какъ ты думаешь, похожи ли они одинъ на другой?—*Сынъ*. Я думаю, что похожи.—*Отецъ*. И я думаю тоже. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту: одинъ стоитъ направо, а другой налево. Вотъ почему мы можемъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой.—*Сынъ*. Да, они очень похожи.—*Отецъ*. Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа ли скамейка на стулъ?—*Сынъ*. Нисколько.—*Отецъ*. Чѣмъ же они различаются?—*Сынъ*. Стулъ обитъ кожею, а скамейка—нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у скамейки—нѣтъ.—*Отецъ*. Однакоже у нихъ есть и сходные признаки: пози.—*Сынъ*. Какое же между ними сходство? Кажется, никакого.—*Отецъ*. Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ?—*Сынъ*. Стулъ тоже изъ дерева.—*Отецъ*. У скамейки четыре ножки... *Сынъ*. И у стула тоже.—*Отецъ*. Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть; а скамейка?—*Сынъ*. И скамейка назначена для того же.—*Отецъ*. Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка — мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны ли онѣ между собою?—*Сынъ*. Нѣтъ, онѣ очень различны.—*Отецъ*. Однакоже у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла.—*Сынъ*. Однакоже одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный.—*Отецъ*. Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различаются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана; по цѣнѣ: одна го-

*) Сюда же по формѣ относятся сравненія растений съ животными и человека съ животными, помѣщенные въ другомъ отдѣлѣ по своему содержанію.

раздо дороже другой. Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство и есть... *Сынъ*. Есть различіе. — *Отецъ*. Теперь ты понимаешь, что между двумя или нѣсколькими предметами всегда есть сходство и различіе, и если мы напимѣрь говоримъ, что одинъ человекъ не похожъ на другаго, то это только потому, что принимаемъ въ расчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другаго отличаются, и не думаемъ въ то же время о тѣхъ, по которымъ они сходны. Не правда ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ? — *Сынъ*. Конечно. — *Отецъ*. Человекъ, который бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ бы... *Сынъ*. Не былъ бы человекомъ. — *Отецъ*. Но нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того же дерева: кажется они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было бы какого нибудь различія и сродства.

РАЗЛИЧІЕ ПРИЗНАКОВЪ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріаль, изъ котораго предметъ сдѣланъ и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги: между ними, вѣроятно, можно бы найти различіе; но должно очень долго всматриваться; не знаешь ли ты, какъ бы различить ихъ съ перваго взгляда? — *Сынъ*. Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ. — *Отецъ*. Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а по положенію. Я могу переложить одинъ предметъ на мѣсто другаго и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый; то гдѣ бы я ни положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами или свойствами* предмета. Положеніе предмета тоже можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметы *по времени*. Такъ мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, завтрашній урокъ, утреннія занятія, вчерашній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегодняшній, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли, считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличать одинъ предметъ отъ другаго *по количеству*: въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковыя книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить? —

Сынъ. Одна изъ нихъ закрыта, а другая раскрыта. — *Отецъ.* Вотъ двѣ одинаковыя монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются. — *Сынъ.* Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла. — *Отецъ.* Вотъ два стула: найди различіе между ними. — *Сынъ.* Одинъ изъ нихъ лежитъ, другой стоитъ. — *Отецъ.* Здѣсь предметы различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Одинъ человѣкъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы по дѣйствию, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другаго дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; одинъ мальчикъ былъ строго наказанъ отцомъ за шалости, а другой былъ награжденъ за прилежаніе. Часто также предметы различаются по назначенію: печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать ее; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо и т. д. Не перечислишь ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы?

С У Ж Д Е Н І Е.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе либо признаки значить *судить, разсуждать*; а способность разсуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные острые когти, а у лисицы пушистый хвостъ; то, значить, я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или разсуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ которомъ я приписываю предмету какой нибудь признакъ; отрицательнымъ — такое, въ которомъ я утверждаю, что какого нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непременно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ, всякая фраза, если только въ ней есть какой нибудь смыслъ, непременно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*. — *Сынъ.* Неужели! Но если я скажу что нибудь на удачу? — *Отецъ.* Скажи, что хочешь. — *Сынъ.* Что бы мнѣ сказать такое? (*подумавъ.*) Сегодня холодно. — *Отецъ.* Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ — холода. — *Сынъ.* Я хочу быть большимъ. *Отецъ.* Опять сужденіе: ты приписываешь себѣ признакъ — желаніе быть большимъ. Придумай еще что нибудь. — *Сынъ.* Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе;

есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ!

Т Ъ Л О.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяцъ есть тѣло; я этого не понимаю: тѣло есть у человѣка, какое же у мѣсяца тѣло? — *Отецъ.* Книга говоритъ правду: тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то же время того же мѣста занимать не можетъ. — *Сынъ.* Этого я что-то не понимаю. — *Отецъ.* Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сдѣлалось съ водою? — *Сынъ.* Воды не много вылилось черезъ край. *Отецъ.* Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того же мѣста въ одно и то же время камень и вода занимать не могли: слѣдовательно и камень и вода — тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ стаканъ, вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно также, какъ и наша земля. — *Сынъ.* Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій предметъ. Всѣ предметы — тѣла, не правда ли? — *Отецъ.* Многие, очень многие; но не все. Видаль ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ ли эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что нибудь на томъ самомъ мѣстѣ, и уходитъ ли она прочь, какъ уходитъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою? — *Сынъ.* Нѣтъ, тѣнь хотя и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни. — *Отецъ.* Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму: вотъ почему фигура рамы изобразилась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно ее нельзя назвать тѣломъ: но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно и тѣнь предметъ. Всякое тѣло непременно должно занимать какое нибудь мѣсто и, слѣдовательно, должно имѣть три свойства: длину, ширину и толщину.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

— *Отецъ.* Всѣ предметы, которые занимаютъ какое нибудь определенное мѣсто, называются *тѣлами*, или предметами *тѣлесными*. Но кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать тѣлесными. Посмотри — я напишу на доскѣ слово *столъ*: что это, тѣлесный предметъ, или нѣтъ? — *Сынъ.* Столъ есть предметъ тѣлесный. *Отецъ.* Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только

названіе предмета тѣлеснаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5—какихъ предметовъ это названія, тѣлесныхъ или безтѣлесныхъ? — *Сынъ*. Это цифры. — *Отецъ*. Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будутъ два тѣлесные предмета, а просто *два* будетъ названіемъ такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ ни видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла. — *Сынъ*. Я понимаю, что чисель самихъ по себѣ видѣть нельзя. — *Отецъ*. Не однихъ чисель. Ты можешь видѣть и измѣрять длину, ширину и толщину какого нибудь предмета; но можешь ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину сами по себѣ, безъ предмета? — *Сынъ*. Конечно нѣтъ. — *Отецъ*. Ты слыхалъ уже, что такое *земная ось*; но неужели земля вертится на своей оси, какъ колесо на оси телѣги? — *Сынъ*. О, нѣтъ! Ось земная есть линія воображаемая, умственная. — *Отецъ*. Однакоже мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней верстъ. Видалъ ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь? — *Сынъ*. Конечно. — *Отецъ*. А видѣлъ ли ты черный цвѣтъ? — *Сынъ*. Да. — *Отецъ*. Гдѣ же ты его видѣлъ? — *Сынъ*. Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ. — *Отецъ*. Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣлъ ли ты черный цвѣтъ самъ по себѣ, а не на какомъ нибудь тѣлѣ. — *Сынъ*. Конечно нѣтъ. — *Отецъ*. Однакоже ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видалъ добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видѣлъ; точно также нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не имѣютъ тѣла и отдѣльно отъ другихъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными* или *отвлеченными*. Но какъ ты думаешь: можно ли видѣть или осязать нашу душу? — *Сынъ*. Нѣтъ, я уже знаю, что она безтѣлесна. — *Отецъ*. Но почему же ты знаешь, что она существуетъ? — *Сынъ*. Потому что она во мнѣ слышитъ, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было бы мертво. — *Отецъ*. А какъ ты думаешь, видитъ ли насъ въ это время Господь? — *Сынъ*. Какъ же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе? — *Отецъ*. Но почему же мы Его не видимъ? — *Сынъ*. Потому, что онъ безтѣлесенъ, потому что Онъ — Духъ. — *Отецъ*. Тѣмъ не менѣе ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, дѣйствуютъ,—называются предметами *духовными*. Таковы: Богъ, ангелы и бессмертная душа человѣка, или духъ. *Сынъ*. Что же называется

предметомъ вообще? — *Отецъ*. Все, о чемъ мы можемъ только что нидумать, или чему можемъ приписать какой нибудь признакъ.

РОДЫ И ВИДЫ.

— *Отецъ*. Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, бордашкамъ, пуделямъ, водолазамъ? — *Сынъ*. Все это собаки. — *Отецъ*. Хорошо: вотъ это будетъ нѣсколько *видовъ* одного и того же собачьяго *рода*. Какое общее названіе дашь ты собакѣ, волку, лисицѣ? — *Сынъ*. Это все звѣри *псоваго* семейства. — *Отецъ*. Въ зоологіи это называется семействомъ; здѣсь же, для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы мы будемъ называть *родами* и *видами*. Такимъ образомъ ты видишь, что собаки, лисицы и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того же *рода*, псоваго. Но какое общее названіе придашь ты звѣрямъ псоваго рода, звѣрямъ кошачьяго рода и медвѣдьямъ? — *Сынъ*. Все это будутъ хищные звѣри. — *Отецъ*. Да, это три *вида* одного и того же *рода*, звѣрей хищныхъ. Но кромѣ хищныхъ звѣрей ты знаешь еще грызуновъ, животныхъ однокопытныхъ, жвачныхъ, толстокожихъ и проч. Къ какому *роду* будутъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ? — *Сынъ*. Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ. — *Отецъ*. А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того же *рода*..... — *Сынъ*. Животныхъ позвоночныхъ. — *Отецъ*. Какихъ же животныхъ ты знаешь кромѣ позвоночныхъ? — *Сынъ*. Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта. — *Отецъ*. Слѣдовательно животныя позвоночныя и животныя непозвоночныя будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ не знаешь ли ты еще какихъ нибудь органическихъ тѣлъ. — *Сынъ*. Знаю — растенія. — *Отецъ*. Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какія есть еще природныя тѣла, кромѣ органическихъ? — *Сынъ*. Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы. — *Отецъ*. Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами* тѣлъ природныхъ; тѣла природныя и искусственныя будутъ двумя *видами* тѣлъ вообще; предметы тѣлесные, отвлеченные и духовные будутъ тремя *видами* одного и того же *рода* — предмета вообще. *) Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды*. Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ*. — *Сынъ*. А что такое логика? — *Отецъ*. Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе, въ зоологіи изучаютъ, какъ живетъ животное; въ логикѣ же изучается, какъ думаетъ человекъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики:

*) Слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу этой статьи и по ней на учить дѣтей различать роды и виды; это имѣетъ большое значеніе. Таблица чертится также, какъ и проповѣдныя таблицы.

знаешь, напимѣрь, что во всякой нашей мысли есть предметъ и признакъ, который мы приписываемъ предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И РОДОВЫЕ.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какіе отличительные признаки лошади. — *Сынъ.* У лошади цѣльныя копыта. — *Отецъ.* Но и у осла также цѣльныя копыта. — *Сынъ.* Но у осла уши длинны и хвостъ коровій. — *Отецъ.* Слѣдовательно лошадь отличается отъ другихъ видовъ лошадинаго рода хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго рода? — *Сынъ.* Всѣ звѣри лошадинаго рода имѣютъ цѣльныя копыта. — *Отецъ.* Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ? — *Сынъ.* Потому, что жеребенокъ питается молокомъ матери. — *Отецъ.* Слѣдовательно лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питаетъ своихъ жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея цѣльныя копыта. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода, какъ особый видъ этого рода, называются *видовыми признаками*; а тѣ признаки, по которымъ предметъ причисляется къ извѣстному роду предметовъ, называются *признаками родовыми*. Скажи мнѣ: къ какому роду предметовъ относятся всѣ искусственные предметы? — *Сынъ.* Къ роду предметовъ тѣлесныхъ. — *Отецъ.* Какой же видовой признакъ всякаго искусственнаго предмета? — *Сынъ.* Тотъ, что всякій искусственный предметъ сдѣланъ человѣкомъ. — *Отецъ.* Но какой же родовой признакъ всякаго искусственнаго предмета, по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ тѣлесныхъ? — *Сынъ.* Всякій искусственный предметъ есть тѣло, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ.

С П О Р Ъ.

(Понятіе).

Коля. Саша, а Саша, видалъ ли ты когда нибудь птицу? — *Саша.* Вотъ нашель диевинку! Конечно видалъ. — *Коля.* А я тебѣ говорю, что ты никогда птицы не видалъ. — *Саша.* Ты шутишь. — *Коля.* Нѣтъ, я не шутя говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы. — *Саша.* Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клѣткѣ на окнѣ. — *Коля.* Это канарейка, а не птица. — *Саша.* Да развѣ канарейка не птица? — *Коля.* Канарейка — птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицы вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была бы никакою особенною птицею. — *Саша.* Ну, такой птицы я конечно не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби

или вороны; а птицы, которая была бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ. *Коля.* Но хочешь, я тебѣ докажу, что ты и канарейки никогда не видалъ. — *Саша.* Нѣтъ, ужъ этого ты мнѣ не докажешь. — *Коля.* Нѣтъ, докажу. Какого цвѣта наша канарейка? — *Саша.* Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватыя перья. — *Коля.* А на головѣ? — *Саша.* На головѣ у нея хохолокъ. — *Коля.* У всѣхъ ли канареекъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія перья? — *Саша.* Нѣтъ: у нашего сосѣда канарейка вся желтенькая и безъ хохолка. — *Коля.* Слѣдовательно канарейки бываютъ разныя, и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда ли? — *Саша.* Конечно нѣтъ. — *Коля.* Слѣдовательно, ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда; а канарейки вообще не видалъ. *Саша.* Ты, кажется, смѣешься надо мною. — *Отецъ.* Нѣтъ, Саша, Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные предметы; а говоря, напр. птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомънибудь опредѣленномъ, *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади цѣльное копыто, а сзади хвостъ; она ѣсть траву, и поэтому называется животнымъ травояднымъ; какъ ты думаешь, говорю ли я здѣсь объ одной какойнибудь лошади, или о лошади вообще? — *Саша.* О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву. — *Отецъ.* А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь. — *Саша.* Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили. — *Отецъ.* Вотъ видишь ли, что Коля правъ. Но слушай же, что теперь я скажу тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи*, какъ еще называютъ ихъ; но вообще лошади, деревья, цвѣтка — нѣтъ; точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человѣка, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество единичныхъ предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе*, потому что находимъ между ними общіе признаки и даемъ этому *понятію* какоенибудь названіе: городъ, село, дерево, птица, канарейка, лошадь, человѣкъ; каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить какойнибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того же вида или того же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю — Волга, а не рѣка уже вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человѣкъ вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которымъ собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другаго, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или *уба-зываю мѣсто и время*, гдѣ и когда я предметъ видалъ; потому-что одного

и того же мѣста, въ одно и то же время, два тѣлесные предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какому нибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ. Въ каждомъ собственномъ имени заключается *понятіе* объ единичномъ какомъ либо предметѣ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается *понятіе* о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между тѣлесными предметами; но суть созданія нашего ума, и всякое имя собственное или нарицательное заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ и видовыхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно.

О П Р Е Д ъ Л Е Н І Е .

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое — вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется: для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуемъ же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что кромѣ того вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ опредѣленное мѣсто и имѣетъ вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ тѣлесныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое* или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Въместо этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *вода есть жидкость*. Само собою разумѣется, что великая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ: такихъ организмовъ, которые были бы совершенными жидкостями, — нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще не отличили ее отъ другихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ или газовъ, съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнить ее съ другими жидкостями. Сравнивая, наприимѣръ, воду съ ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость*. Но вода не единственная про-

зрачная жидкость: сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, вмѣщается въ графинъ, своего собственного цвѣта нѣтъ. Прибавимъ же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли, и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная*.

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость прозрачная, безцвѣтная и неимѣющая ни вкуса, ни запаха*. Еслибы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и называется *опредѣленіемъ*. Мы *опредѣлили*, что такое вода.

Каждое понятіе, какъ и понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ понятіи предмета, значить опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится, и перечислить отличительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ: опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремень, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какойнибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того *вида*, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ.

ЯВЛЕНІЕ, ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую дала мнѣ сестра, я встрѣтилъ на первой же страницѣ слово *явленіе*, и не понимаю, что оно значить. — *Отецъ*. Ты помнишь, какъ я объяснилъ тебѣ слово *признакъ*? — *Сынъ*. Помню. — *Отецъ*. Не можешь ли ты перечислить признаковъ этой шторы? — *Сынъ*. Она зеленого цвѣта... *Отецъ*. Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты, зеленого цвѣта; но, какъ ты думаешь, всег-

да ли она останется зеленою? — *Сынъ.* О, нѣтъ! Она, вѣроятно, по-линяетъ, какъ полиняла старая. — *Отецъ.* Слѣдовательно, ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили. — *Сынъ.* Вода жидка: ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень. — *Отецъ.* Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется ли она жидкою? — *Сынъ.* Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски. — *Отецъ.* Видишь ли: жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Ты конечно замѣтилъ, какъ въ теченіе лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева въ теченіе времени также измѣняется. А ты останешься ли всегда однимъ и тѣмъ же? — *Сынъ.* Нѣтъ, я вырасту. — *Отецъ.* А потомъ станешь старѣться. У старика волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также растутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ, признаки всего на свѣтѣ безпрестанно мѣняются. Даже камень и тотъ измѣняется. — *Сынъ.* Этого я незамѣтилъ. — *Отецъ.* И трудно тебѣ было бы замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и рассыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который бы не могъ перемѣниться. — *Сынъ.* Но что же такое явленіе? — *Отецъ.* Вотъ эта-то *перемѣна признаковъ предмета и называется явленіемъ.* Дерево растеть, становится толще, больше; человѣкъ старѣется; вода на морозѣ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало-по-малу сгараетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть перемѣна признаковъ предмета. — *Сынъ.* Теперь я знаю, что такое явленіе; но отъ чего происходитъ эта перемѣна признаковъ? — *Отецъ.* Эта перемѣна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Если бы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось бы мягкимъ; если бы холодъ не дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась бы въ ледъ; если бы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то онѣ никогда бы не падали; если бы воздухъ и влага, которая въ немъ находится, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился бы въ песокъ; если бы тотъ же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда бы не ржавѣло: словомъ, если бы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои

признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непременно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ? — *Сынъ*. Холодъ. — *Отецъ*. А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся? *Сынъ*. Вѣтеръ. — *Отецъ*. А какая причина вѣтра? — *Сынъ*. Та, что воздухъ нагрѣвается солнечными лучами не одинаково въ разныхъ мѣстахъ. — *Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происходитъ отъ той или другой причины, называется *слѣдствіемъ*. Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость? — *Сынъ*. Жаръ. — *Отецъ*. Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на горячую плиту? *Сынъ*. Онъ растопится и потечетъ, какъ вода. — *Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое *явленіе*, что такое *причина* и что *слѣдствіе*; но чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать, отъ какихъ причинъ, какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія? — *Сынъ*. Тряпка загорится. *Отецъ*. Но если сначала помочить тряпку водою, — такъ же ли скоро она загорится? — *Сынъ*. Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть. — *Отецъ*. Но если ты обмокнешь тряпку не въ воду, а въ спиртъ или масло, — помѣшаетъ ли это ей загорѣться? — *Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе. — *Отецъ*. Почему же это? — *Сынъ*. Потому, что спиртъ и масло горятъ, а вода нѣтъ. — *Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода — нѣтъ? — *Сынъ*. Этого я не знаю. — *Отецъ*. Слѣдовательно ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй — узнаешь многое; но никто не знаетъ, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько явленій и объясни ихъ причины; потомъ скажи мнѣ нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непременно произойдетъ то или другое слѣдствіе.

СУЩЕСТВО И ЯВЛЕНІЕ.

Отецъ. Что ты такъ пристально смотришь на часы? — *Сынъ*. Хочу подмѣтить, какъ движется часовая стрѣлка. Движеніе минутной я, кажется, вижу. — *Отецъ*. Это потому, что минутная движется быстрѣе часовой; движеніе же часовой стрѣлки слишкомъ медленно, чтобы можно было его замѣтить. Но почему же ты убѣжденъ, что она движется? — *Сынъ*. Потому что черезъ полчаса она будетъ на другомъ мѣстѣ. — *Отецъ*. Мнѣ пріятно, что ты думаешь о томъ, что видишь. Но скажи мнѣ, случалось ли тебѣ подмѣтить, какъ краснѣетъ вишня на деревѣ и какъ она изъ зеленой дѣлается ярко-красною? — *Сынъ*. Нѣтъ; потому что она краснѣетъ очень

медленно. — *Отцъ.* Точно также не можемъ мы замѣтить, какъ желтѣеть листокъ дерева; но, взглянувъ дня черезъ два или три на листокъ, который мы видѣли зеленымъ, мы находимъ, что онъ уже пожелтѣлъ. Ростъ дерева нельзя замѣтить не только черезъ день или два, но даже черезъ мѣсяць, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы ясно видимъ, что дерево выросло. Чѣмъ медленнѣе совершается перемѣна признаковъ въ какомъ нибудь предметѣ, тѣмъ больше нужно времени, чтобы замѣтить эту перемѣну. Нѣкоторые предметы измѣняются до-того медленно, что мало человеческой жизни, для того чтобы эту перемѣну подмѣтить. Крѣпкое каменное зданіе кажется намъ неизмѣннымъ; но прѣидеть нѣсколько сотъ лѣтъ, и оно разрушится. Этого мало: твердыя скалы и высокія горы, которыя кажутся намъ вѣчными, тоже измѣняются, но только измѣняются впродолженіе многихъ тысячелѣтій. Ученые люди доказываютъ, что песокъ образовался изъ скалъ, которыя трескались и рассыпались отъ дѣйствія воздуха и воды; что твердый гранитъ былъ когда-то въ жидкомъ, а прежде даже въ газообразномъ состояніи; что въ теченіе многихъ вѣковъ образуются новыя горы, новыя острова, новыя земли; словомъ, что все на землѣ безпрестанно измѣняется, и только одинъ Богъ остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Скажи же мнѣ теперь, что мы назвали явленіемъ? — *Сынъ.* Мы назвали явленіемъ перемѣну признаковъ въ предметѣ. — *Отцъ.* Но такъ какъ всѣ тѣлесныя предметы измѣняются, и все, что существуетъ, безпрестанно, хотя многое и незамѣтно для насъ, перемѣняетъ свои признаки, то не въ правѣ ли мы сказать, что всякое существо есть въ то же время явленіе; что весь міръ, слѣдовательно, есть одно безграничное и безконечное явленіе? Но, какъ уже ты знаешь, всякое явленіе имѣетъ свою причину; причина же явленія всего міра — Господь Богъ, а потому Его именуютъ Творцемъ и Вседержителемъ.

ЦѢЛЬ и НАЗНАЧЕНІЕ.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называются *естественными* или *природными*; другія — человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевортываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевортывать ихъ, если дуетъ: человѣкъ также перевортываетъ листы книги, но можетъ и не перевортывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое солнцемъ, *непретменно* проростетъ: человѣкъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человѣкъ производитъ какое-либо явленіе, то большею частію съ какою-либо *цѣлію*: рубить лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пашеть

землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли; но цѣль для нихъ указана Создателемъ: такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе: какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно закрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать; а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобы поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей: заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однакоже мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цели*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ бы утолить свой голодъ; но, утоляя голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роясь подъ землею, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не заботится о корняхъ растеній: а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ *цель*, которую сознаютъ, и имѣютъ *назначеніе*, о которомъ ровно ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать, съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *неволью*, а человѣкъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обрабатываетъ землю съ тою цѣлію, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человѣкъ старается выбрать для себя также дѣятельность, которая была бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ. Ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ сво-

имъ *блжнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе *зме*, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ: кормятся и богатѣютъ, — не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдняки*, которые и рады бы трудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безильные дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать, калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ.

ЗАКОНЪ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день? — *Сынъ.* Урокъ изъ Закона Божія. — *Отецъ.* А знаешь ли ты, что такое Законъ Божій. — *Сынъ.* О, да! Законъ Божій все равно, что воля Божія, по которой мы должны поступать. — *Отецъ.* Но откуда же мы знаемъ, что угодно Господу Богу? — *Сынъ.* Изъ Священнаго Писанія. — *Отецъ.* Ты правъ: поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божію. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растетъ дерево, приноситъ плодъ и сѣмена, не по своей ли собственной? — *Сынъ.* Конечно нѣтъ, у дерева нѣтъ воли; точно также какъ нѣтъ ея у камня, воды или желѣза. — *Отецъ.* Правда твоя. Однакоже ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ: ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется; — что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непремѣнно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ; — что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшникѣ не выростетъ вишня, а на вишнѣ орѣхъ. Откуда же всѣ эти существа знаютъ, что и какъ они должны дѣлать. — *Сынъ.* Это бездушныя существа: они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы. — *Отецъ.* Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другаго, кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено. Камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣстенъ законъ явленія, по которому всѣ подобныя явленія совершаются непремѣнно. Такъ, на примѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня и желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, ко-

торыя тонуть съ тѣми, которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и, наоборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ законъ, люди стали повѣрять его *опытами*, и убѣдились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи легче воды, тонуло бы въ ней, или такого, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало бы по ея поверхности. Вотъ что называется *закономъ* явленія. Законы, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія въ природѣ, называются *естественными* законами; а науки, открывающія эти законы, — *естественными* науками.

ЗАКОНЪ ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцемъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другаго тѣла, не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи? — *Сынъ.* О, нѣтъ! люди часто грѣшатъ и не исполняютъ закона Божьяго. — *Отецъ.* Слѣдовательно бездушныя вещи поступаютъ лучше людей? — *Сынъ.* Да, это правда. — *Отецъ.* Но бездушныя вещи поступаютъ такъ потому, что не могутъ поступать иначе. — *Сынъ.* Хорошо было бы, если бы и люди не могли грѣшить и не могли поступать иначе, какъ по закону Божію. — *Отецъ.* Едва ли это такъ. Послушай, я расскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ и безчувственъ: никого не любилъ и ничего не понималъ, а главное былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ, и ко всему его должно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ чтобы они продали товаръ и на вырученныя деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря ничего больше, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ уменъ, что самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Но на другаго своего сына хозяинъ понадѣяться не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подъ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все, что было нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученія. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ, поцѣло-

валъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и посадилъ обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо, и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ съ слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей поступилъ отецъ такимъ образомъ?—*Сынъ.* Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ данные ему порученіе подъ надзоромъ слугъ.—*Отецъ.* Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата!—*Сынъ.* Да, но не по своей волѣ: онъ не могъ бы исполнить его дурно, если бы и хотѣлъ.—*Отецъ.* Ты правъ: теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣсти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и ближнему и изъ пониманія премудрости божественныхъ законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободою.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ ОТДѢЛУ: РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

(1553 г.).

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старики, будемъ сказывать про грознаго царя Ивана Васильевича, какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ, подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ, за Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ, „а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.“

А татаре по городу похаживаютъ, и всяко грубіянство оказываютъ; они грозному царю насмѣхаются: а и не быть нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался, что подрывъ такъ долго медлится; приказалъ онъ за то пушкарей казнить, подкопщиковъ и зажигальщиковъ. какъ все тутъ пушкари призадумалися, а одинъ пушкарь потважился: „прикажи, государь-царь слово выговорить!“ Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи, и вдругъ разрывало бочки съ порохомъ, какъ стѣны бросало за Сулай, за рѣку. Все татаре тутъ, братцы, устрашилися, они бѣлому царю поборилися.

ВЕЛИКОДУШІЕ СВ. ФИЛИППА.

(1568 г.).

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре ска-

зали: „Святый Владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Иоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семь видѣ, въ семь одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства.....“ „О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за олтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіють о мести!... Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. „Боюся Господа единаго!“ Иоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Процскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Иоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи; игумень Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Въмѣсто оправданія бесполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣленнаго, а царю: „Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантия, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ, и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго.“ Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ.

Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ олтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитесь!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умиленно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россією, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ, былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Старого*, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости, — царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступитъ мѣсто Филиппа. *Н. М. Карамзинъ.*

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ХРИСТОМАТІЯ

ОТДѢЛЪ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжить,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаютъ однѣ.

А. Пушкинъ.

Л А С Т О Ч К И.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увя-
даетъ;
Память онъ, поломанъ и пусть,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ,
Настурцій въ немъ огненный кустъ...
Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листь, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подь кры-
шу —

Пустое гнѣздо подь окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу,
Солома обвѣтрилась въ немъ...
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!

Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!
Какъ весель былъ трудъ ихъ, какъ
ловокъ!

Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ голо-
вокъ

Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ....

Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!

Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко....
О, еслибы крылья и мнѣ!

А. Майковъ.

Д В Ъ Б О Ч К И.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая пустая. Вотъ первая — себѣ безъ шуму и шажкомъ плетется, другая вскачь несется; отъ ней по мостовой и стукотня и громъ, и пыль столбомъ; прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметса, ее заслышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

П Р О Х О Ж І Е и С О В А К И.

Шли два пріятеля вечернею порой, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ-вдругъ изъ подворотни дворняшка тивкнула на нихъ; за ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ со всеѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалоса съ полсотни. Одинъ, было, уже Прохожій камень взялъ:

— „И, полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ: „Собакъ ты не уймешь отъ лаю, лишь пуще всю раздражнишь стаю; пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“

И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, Собаки начали по-малу затихать, и стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть, подымутъ вѣчно лай; а ты себѣ своей дорогою ступай: полагаютъ, да отстадутъ.

К Р Е С Т Ъ Я Н И Н Ъ и Р А В О Т Н И К Ъ.

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ шелъ подъ-вечеръ лѣскомъ, домой, въ деревню, съ сѣнокосу, и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу. Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. Подмалъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ, и, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ: конецъ приходитъ старику.

„Степанушка родной, не выдай, милой!“ изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.

Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой, что только было въ немъ, отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ, и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой. Медвѣдь взревѣлъ, и за-мертво упалъ: медвѣдь мой издыхаетъ. Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ, и онъ же Батрака ругаетъ. Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.

„Помилуй,“ говоритъ: „за что?“

— За что, болванъ! чему обрадовался съ-дуру? Знай колеть: всю испортилъ шкуру!“

И. Крыловъ.

ТРИ ПАЛЪ МЫ

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли. Родникъ между ними изъ почвы безплодной, журча, пробивался волною холодной, хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ, отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы не слышно прошли; но странникъ усталый, изъ чуждой земли, пылающей грудью ко влагѣ студеной, еще не склонялся подъ кущей зеленой, и стали ужь сохнуть отъ знойныхъ лучей роскошныя листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать: „на то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать? Безъ пользы въ пустынь росли и цвѣли мы, колеблемы вихремъ и зноемъ палимы, ни чей благосклонный не радуя взоръ?... Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!“

И только замолкли — въ дали голубой столбомъ ужь крутился песокъ золотой, звонковъ раздавались нестройныя звуки, пестрѣли коврами покрытыя вьюки, и шель, колыхаясь, какъ въ море челнокъ, верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ узорныя полы походныхъ шаптровъ; ихъ смуглыя ручки порой подымали, и черныя очи оттуда сверкали.... И, станъ худощавый къ лукѣмъ наклона, арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой, и прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой; и бѣлой одежды красивыя складки по плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ; и, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ онъ копые на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ; въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ. Кувшины, звуча, налилися водою, и, гордо кивая махровой главою, привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей, и щедро поить ихъ студеныя ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ, по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, и пали безъ жизни питомцы столѣтій! Одежду ихъ сорвали малыя дѣти, изрублены были тѣла ихъ потомъ, и медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ, урочный свой путь совершалъ караванъ: и слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной виднѣлся лишь пепель сѣдой и холодной: и солнце остатки сухіе дожгло, а вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ — не шепчутся листья съ гремучимъ

ключомъ: напрасно пророка о тѣни онъ просить — его лишь песокъ раскаленный заносить, да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ, вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ — ни зерна; на дворѣ — по травѣ — хоть шаромъ покатись! Изъ клѣтей домовою соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинуть лежитъ и, погнувшись, изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой, — со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери тебѣ растворяли вездѣ; и въ почетномъ углу было мѣсто твое! А теперь, подъ окномъ, ты съ бѣдою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ поляхъ сиротой хлѣбъ не кошенъ стоитъ; вѣтеръ точитъ зерно, птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошитъ, подъ саями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, — бражку ковшикомъ пьютъ.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ — да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Нѣтъ у молодца друга вѣрнова, золотой казны, угла теплова, бороньсохи, коня-пахаря.... Вмѣстѣ съ бѣдностью, далъ мнѣ батюшка лишь одинъ таланъ — силу крѣпкую; да и ту, какъ разъ, нужда горькая по чужимъ людямъ всю истратила.

Сяду я за столъ — да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Колыцовъ.

СУДЪ ВОЖИЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы; были потоплены пажити, нивы; хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ; сдѣлался голодъ, народъ умиралъ. Но у Епископа, милостью неба, полны амбары огромные хлѣба; жито сберегъ прошлогоднее онъ: былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій въ двери Епископа, требуя пищи; скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ: общей бѣдою не тронулся онъ. Слушать и вопли ему надоѣло; вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло: бѣд-

ныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ, слышно, скликаеть Епископъ Гаттонъ. „Дожили мы до нежданнаго чуда: вынулъ Епископъ добро изъ-подъ спуда; бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.“ Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости, блѣдные, чахлые, кожа да кости; старый, огромный сарай отворенъ: въ немъ угостить ихъ Епископъ Гаттонъ. Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая все пришлецы изъ окружающаго края.... Какъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ? Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя Епископъ на пепель пожарный, думаетъ: будутъ мнѣ все благодарны; разомъ избавилъ я шуткой моей край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей. Въ замокъ Епископъ къ себѣ возвратился, ужинать съѣлъ, пировалъ, веселился, спалъ какъ невинный, и сновъ не видалъ.... Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли предковъ портреты, и видитъ, что съѣли мыши его живописный портретъ, такъ, что холстины и признака нѣтъ. Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ. Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ: „наша округа мышами полна, въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.“ Вотъ и другое въ ухахъ загремѣло: „Богъ на тебя за вчерашнее дѣло! Крѣпкій твой замокъ, Епископъ Гаттонъ, мыши со всехъ осаждаютъ сторонъ.“ Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный; въ страхѣ Епископъ дорогою темной къ берегу выдти изъ замка спѣшитъ: „въ Рейнской башнѣ спасусь“ (говорить).

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась; издали острымъ утесомъ казалась, грозно изъ пѣны торчащимъ, она; стѣны кругомъ ограждала волна. Въ легкую лодку Епископъ садится; къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ; въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ. Стѣны изъ стали казалися слиты, были рѣшетками окна забиты, ставни чугунныя, каменный сводъ, дверью желѣзною запертый входъ. Узникъ не знаетъ, куда пріютиться; на полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится.... Вдругъ онъ испуганъ стenanьемъ глухимъ: вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ. Смотрить онъ.... кошка сидитъ и мяучить; голосъ тотъ грѣшника давить и мучить; мечется кошка, не весело ей: чувствуетъ она приближеніе мышей. Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ. Воетъ преступникъ.... а мыши плывутъ.... ближе и ближе.... доплыли.... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и шискомъ; слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ; слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежныя звѣри; сыплются градомъ севозъ окна,

сквозь двери, спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты.... Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты? Зубы съ камни они наострили, грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили, весь по суставамъ раздернуть былъ онъ.... Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

В. Жуковский.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню, попалъ на псарню. Поднялся вдругъ весь псарный дворъ. Почуя сѣраго такъ близко забіяку, псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку; псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“ и вмигъ ворота на запоръ; въ-минуту псарня стала адомъ. Вбѣгутъ: иной съ дубьемъ, иной съ ружьемъ. — „Огня!“ кричатъ: „огня!“ — Пришли съ огнемъ. Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ, зубами щелкая и ошетиная шерсть; глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть; но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ, и что приходитъ, наконецъ, ему расчестся за овецъ, — пустился мой хитрецъ въ переговоры, и началъ такъ:

„Друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я, вашъ старинный свать и кумъ, пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры; забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ! а я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, но самъ за нихъ съ другими грызться радъ, и волчьей клятвой утверждаю, что я....“

— „Послушай-ка, сосѣдъ,“ тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ: „ты сѣбрь, а я, пріятель, сѣдъ, и волчью вашу я давно натуру знаю; а потому обычай мой: съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой.“ — И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

— „Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?“ робко онъ меня спросилъ.

— Въ день-денской устало Солнце, и сказалъ ему Господь: „лягъ, засни — и за тобою все задремлетъ, все заснетъ.“ И взмолилось Солнце брату: „другъ мой, Мѣсяцъ золотой! Ты зажги фонарь — и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: все развѣдай — и поутру приходи и дай мнѣ знать.“ Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ, сторожить земли покой, завтражъ рано-рано къ Солнцу постучится братъ меньшей. „Стукъ-стукъ-стукъ!“ отворять двери. „Солнце, встань! Грачи летятъ, пѣтухи давно пропѣли, и къ заутренѣ звонятъ!“ — Солнце встанетъ, Солнце спроситъ: „что, голубчикъ братецъ мой? Какъ тебя Господь-Богъ носить? что ты блѣденъ? что съ тобой?“ И начнетъ рассказъ свой Мѣсяцъ, кто и какъ себя ведетъ. Если ночь была спокойна,

Солнце весело взойдетъ. Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ; вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ, въ садъ гулять не выдетъ няня, и дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ, долго на небо глядѣлъ, долго онъ молчалъ и няню онъ позвать къ себѣ велѣлъ, и велѣлъ старушкѣ-нянѣ Богородицу читать, и за ней, сложа ручки, сталъ молитву повторять.

Полонскій.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ, не придумаю... Отчего же такъ не возьму я въ толкъ? Охъ, въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ. У меня ль плечо шире дѣдова; грудь высокая — моей матушки. На лицѣ моемъ кровь отцовская въ молоко загла зорю красную; кудри черныя лежатъ скобкою; что работаю — все мнѣ спорится; да въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ!

Прошлой осенью, я за Грунюшку, дочку старосты, долго сватался; а онъ, старый хрѣнь, заупрямился! За кого же онъ выдастъ Грунюшку — не возьму я въ толкъ, не придумаю... я ль за тѣмъ гонюсь, что отецъ ея богачомъ слыветъ? Пускай домъ его — чаша полная! Я ее хочу, я по ней крушусь... Ахъ, вчера по мнѣ ты такъ плакала! Наотрѣзъ старикъ отказалъ вчера... Охъ, не свыкнуться съ этой горестью!...

Я куплю себѣ гошу новую; отобью ее, наточу ее — и прости-прощай село родное! Не плачь, Грунюшка: косою острою не подрѣжусь я... Ты прости, село, прости, староста: въ края дальнѣе пойдетъ молодецъ. Что внизъ по Дону, по набережью, хороши стоятъ тамъ слободушки! Степь раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается!... Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ Морю-Черному понадвинулась! Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ: я пришелъ самъ-другъ съ косою острою; мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней хотѣлося....

Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Освѣжи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! Зашуми, трава, подгошоная; поклонись, цвѣты, головой землѣ!... Нагребу копенъ, намечу стоговъ — дастъ казачка мнѣ денегъ пригоршни. Я зашью казну, сберегу казну, ворочусь въ село — прямо къ старостѣ: не разжалобилъ его бѣдностью — такъ разжалоблю золотой казной!...

Колыцовъ.

АНГЕЛЪ.

Но небу полуночи Ангелъ летѣлъ, Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣш-
И тихую пѣсню онъ пѣлъ, ныхъ духовъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой Подъ кущами райскихъ садовъ,
Внимали той пѣснѣ святой. О Богъ великомъ онъ пѣлъ, и хвала

Его непритворна была.
 Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 Для міра печали и слезъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
 Желаніемъ чуднымъ полна,
 И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

В О Д О П А Д Ъ .

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четырема скалами;
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
 Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
 Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Сѣдая пѣна по брегамъ
 Лежитъ клубами въ дебряхъ тем-
 ныхъ;
 Стукъ слышенъ млатовъ по вѣт-
 рамъ;

Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подь-
 емныхъ.

О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
 Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны?—
 Ломаются въ тебѣ въ куски;
 Громами-ль камни отторженны?—
 Стираются тобой въ пески;
 Скovať-ли воду льды держаютъ—
 Какъ пыль стеклянна ниспадають.

Державинъ.

В Е С Е Н Н Я Я Г Р О З А .

Люблю грозу въ началѣ мая,
 Когда весенній первый громъ,
 Какъ-бы рѣзвяся и играя,
 Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
 Гремятъ раскаты молодые...
 Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль ле-
 титъ,

Повисли перлы дождевыя,
 И солнце нивы золотитъ,
 Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
 Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ
 И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
 Все вторитъ весело громамъ...

Ө. Тютчевъ.

М І Р С К А Я С Х О Д К А .

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ. Стараньемъ кумушки ли-
 сицы, словцо о немъ замолвлено у львицы. Но такъ какъ о волкахъ худой
 на свѣтѣ толкъ, и не сказали бы, что смотритъ левъ на лица; то велѣно
 звѣриный весь народъ созвать на общій сходъ, и разспросить того, друга-
 го, что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго. Исполненъ и приказъ:
 всѣ звѣри созваны; на сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны: но противъ
 волка нѣтъ ни слова, и волка велѣно въ овчарню посадить. Да что же ов-
 цы говорили? на сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были? — Вотъ то-то нѣтъ!
 Овецъ-то и забыли! а ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Д В А М У Ж И К А .

«Здорово, кумъ Өадей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»

— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»

— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!»

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ-тѣхъ-поръ.»

— «Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка:

Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ;

Признаться, въ головѣ шумѣло;

Я какъ-то заронилъ. насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳадей, худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, зная, Богъ:

Ты видишь, я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.

Я, то жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,

И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ

Съ друзьями полугару:

А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:

Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,

И вотъ я съ-той-поры-колѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!»

Сказалъ имъ свать Степанъ. «Коль молвить правду, я

Совсѣмъ не чту за чудо,

Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчею худо,

Да врьдъ, не хуже ль и въ потьмахъ.»

И. Крыловъ.

О В С Я Н Ы Й К И С Е Л Ъ .

Дѣти, овсяный кисель на столѣ: читайте молитву; смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться; кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо; кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскорѣдилъ. Вотъ Господь-Богъ сказалъ: „поди домой, не заботься; я не засну, — безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.“ Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣсть, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ въ рыхлую землю его не положить и въ ней не согрѣютъ. Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею; вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ, сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ; вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ; роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ. Чтоже?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... „Какъ-бы провѣдать, что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?...“ Тайкомъ, боязливо выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо! — Смотришь, — Господь-Богъ

Ангела шлетъ къ нему съ неба: „дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!“ Пьетъ онъ... Ахъ, какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно!

Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось, на горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю, словно какъ мать на дитя, и малютокъ съ небесъ улыбнулось, — такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли! „Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!“ Въ чемъ-же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое; смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло. Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ. „Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ. Что мнѣ въ потемкахъ? Здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.“ Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Ждетъ и малютку тяжкое время: темныя тучи день и ночь на небѣ стоять, и прячется солнце; снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ. Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ ноетъ! Что съ нимъ будетъ? Земля заперлась и — негдѣ взять пищи. „Гдѣ-же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ? или боится замерзнуть? иль и его нѣтъ на свѣтѣ? Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! Дома было мнѣ лучше: сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.“ Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ, и вамъ доведется вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали: „худо мнѣ; лучше-бы дома сидѣть у родимой за печкой...“ Богъ васъ утѣшитъ, друзья, всему есть конецъ; веселѣе будетъ и вамъ, какъ былинчкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло, смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ. Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ. Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами; вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо; наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь! Кстатилъ!“ Листки распустила... Кто такъ преграсно соткалъ ихъ? Вотъ стебелекъ показался... Кто изъ жилочки въ жилку чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной? Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ... Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ? Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ, по полю взадъ и впередъ, съ благодатью небесной летаютъ.

Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ; наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ. Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка шепчетъ, качая въ раздумьи головой: „я знаю, что будетъ“. Смотритъ: слетаются мошки, жучки, молодую поздра-

вить; пляшутъ, толкутся кругомъ, прищѣваютъ ей: многія лѣта!!! Въ сумерки-жѣ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ, тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ — посвѣтитъ ей въ потемкахъ. Кушайте свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили; собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливы; вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо; ужъ и на жниво собирать босикомъ ребятишки сходились колосъ оброненный: имъ помогла тихомолкомъ и мышка.... Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнѣла; много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: „полно: время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?!“ Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша: ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы; вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ; вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ; началъ жерновъ молотъ; и зернышки стали мукою; вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать; дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: „спасибо!“

Жуковский.

И В А.

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая! Иду — съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо.... Иду я наклоняясь, какъ-будто бы отъ пчель тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.... о, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы; вонъ — по зарѣ стучать проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ були валятся; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя.

А. Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ; лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ, въ заревѣ востокъ. Окаймленное кустами молодыхъ ракутъ, разно-

цвѣтными огнями озеро блеститъ. Тишинѣ и солнцу радо, по равнинѣ водѣ лебедей ручное стадо медленно плыветъ; вотъ одинъ взмахнулъ лѣнливо крыльями — и вдругъ влага брызнула игриво жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракамъ лодку, мужички, вдвоемъ, близъ осоки, втихомолку, тянуть сътъ съ трудомъ. По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ, скачутъ босикомъ два мальчишка загорѣлыхъ на прутахъ верхомъ. Крупный потъ съ нихъ градомъ льется и лицо горитъ; звучно смѣхъ ихъ раздается, голосъ звенитъ. „Ну, катай на перегонки!“ а на шалуновъ, съ тайной завистью, дѣвчонка смотритъ изъ кустовъ.

„Тянуть, тянуть!“ закричали ребяташки вдругъ: „вдоволь, чай, теперь поймали и лией и щуекъ.“

Вотъ на берегѣ отлогомъ показалась сътъ. — „Ну вытряхивай-ка, съ Богомъ, нечего глядѣть!“ Такъ сказалъ старикъ высокой, весь какъ лунь сѣдой, съ грудью выпукло-широкой, съ длинной бородой. Сътъ намокшую подняли дружно рыбаки; на пескѣ затрепетали окуни, линьки. Дѣти весело шумѣли: „будетъ на денекъ!“ и на короточки присѣли рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты, подкидышь, къ намъ откуда? Не зови, — придетъ.... Убирайся-ка отсюда! Не пойдешь, — такъ вотъ!...“ И подкидыша мальчишка оттолкнулъ рукой.

— „Ну, за что ее ты, Мишка?“ Упрекнулъ другой.

„Экой малый уродился, — говорилъ старикъ; все-бъ дрался онъ да бранился, экой озорникъ! Ты бы внука-то маленько за вихоръ подралъ: онъ взялъ волю-то раненько! свату сватъ сказалъ.“

„Эхъ!... дѣвчонка надоѣла.... Самъ я, знаешь, голь, тутъ подкидыша безъ дѣла одѣвать изволь.“

— „Потерпи: чай, не забудетъ за добро Господь! Вѣдь она работать будетъ, Богъ дастъ, подростетъ.“

„Такъ-то такъ.... вѣстимо, надо къ дѣлу приучить; да теперь беретъ досада безъ-толку кормить. И дѣвчонка-то больная: сохнетъ, какъ трава, да все плачетъ.... дрянъ такая! а на грѣхъ жива.“

Мужички потолковали и въ село пошли; вслѣдъ мальчишки побѣжали, рыбу понесли. А дѣвчонка провожала грустнымъ взглядомъ ихъ, и слеза у ней дрожала въ глазкахъ голубыхъ.

М Е Л Ъ Н И Ц А .

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ, колеса-то въ водѣ шумятъ, а брызги вверхъ огнемъ летятъ, отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожитъ. Шумитъ вода, рукавъ трясетъ, на камни рожь дождемъ течетъ, подъ жерновомъ муку родитъ, идетъ мука, въ глаза пылитъ.

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,	Кашель пряхи, плачь дитяти...
Подъ ногами соръ,	О, нужда, нужда!
Соръ на лавкахъ, паутины	Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
По угламъ узоръ;	Нищимъ умереть....
Закоптѣлыя палаты,	Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Черствый хлѣбъ, вода.	Вѣрить и терпѣть.

И. Никитина.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ! Пожалуй-ста покушай.“

— „Сосѣдушка, я сытъ по горло.“

— „Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!“

— „Я три тарелки съѣлъ.“

— „И, полно, что за счеты; лишь стало бы охоты, — а то во здравье, ѣшь до дна! Что за уха! Да какъ жирна: какъ будто янтарежь подернулась она. Потѣшь же, миленькій дружочекъ! Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ! Еще хотъ ложечку! Да кланяйся, жена!“

Такъ подчиваль сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку, и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: собирается съ послѣдней силой, и очищаетъ всю.

„Вотъ друга я люблю!“ вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!“

Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой, схвата въ охапку кушаекъ и шапку, — скорѣй безъ памяти домой, и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Т Р И М У Ж И К А .

Три мужика зашли въ деревню ночевать. Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли; поработали, погуляли, и путь теперь домой на родину держали. А такъ какъ мужичокъ не любить тощій спать, то ужинать себѣ спросили гости наши. Въ деревнѣ что за разносолъ: поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ, да хлѣба подали, да, что осталось, каши. Не то бы въ Питерѣ, — да не о томъ ужъ рѣчь; все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь. Вотъ мужички перекрестились и къ чашѣ приютились. Какъ тутъ одинъ, по-смѣтливѣй изъ нихъ, увидя, что всего немного для троихъ, смѣкнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).

„Ребята,“ говорить: „вы знаете Оому, вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему.“

— „Какой наборъ?“

— „Да такъ.“ — Есть слухъ — война съ Китаемъ: нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ.“

Тутъ двое принялись судить и разсуждать (они же грамотѣ, къ-несчастью, знали: газеты и, подѣ-часъ, реляціи читали), какъ быть войнѣ, кому повелѣвать. Пустилися мои ребята въ разговоры, пошли догадки, толки, споры; а нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ: пока они судили, да рядили, да войска разводили, онъ ни гугу — и щи и кашу, все пріѣлъ.

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(Разсказъ мышенка).

Глупымъ мышенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Прасковья съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили норку мою покидать: но я не послушался, въ щелку выглянулъ; вижу камнемъ высланный дворъ; освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились; птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались. Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ краѣ двора звѣрекъ усастый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотреть; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося радостью сердце мое, и я ужъ собирался покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ: какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ-будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какіе-то длинныя крючья разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ,“ онъ сказалъ мнѣ, „свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка; намъ-же мышамъ онъ приноситъ и пользу:

когда закричитъ онъ, знаемъ мы всё, что проснулись наши враги; а приятель, такъ оболъстившій тебя своей лицемѣрною харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало, котъ Мурлыка; хорошъ-бы ты былъ, когда-бы съ знакомствомъ къ этому плуту подѣхалъ; тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею: будь-же впередъ осторожень.“

Долго рассказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ, каждый день отъ него у насъ недочетъ. Расскажу я только то, что случилось недавно.

Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье: шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, — словомъ, мы всё одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать; и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный, Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стучалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ. Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду котъ Мурлыка въ вѣтчинѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ за ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка вытянуть весь, и спина и хвостъ, и переднія лапы словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: „повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаленный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ нынче и мы.“ И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы сами держались, когтями вцѣпились въ бревно, а веревки не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ-вдругъ распустились когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всё по угламъ разбѣжались въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ, усь не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ — да и только.

Вотъ, ободраясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнить сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Берегитесь,“ тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и на силу какъ-то она отъ него ушла), „берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него.“ То услыша, громко мы всё засмѣялись. „Смѣйтесь,

чтобъ послѣ не плавать,“ мышь Степанида сказала опять, „а я не товарищъ въшь. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные, прыгать, скакать и кота тормошить.

Наконецъ, поуставши, все мы успѣли въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово, мы-же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: „жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирскій, ростъ богатырской, сизая шкурка, усы, какъ у Турка; былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ. Радуйся, наше подполье!“....

Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ-вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ обѣденной мордой; иному хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки; Царицу Прасковью чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки, царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковский.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАВЛЬ.

I.

Поставщикъ товаровъ, Мингерръ фонъ Коекъ
Въ каютѣ ведетъ свои счета:
Примѣрную прибыль и грузъ корабля
Считаетъ онъ, полонъ заботы.

«Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ: дадутъ
И перецъ, и гумми доходецъ;
Слоновая кость тоже славный товаръ,
Но прибыльнѣй черный народецъ.

Смѣхъ дешевы эти рабы: я шесть-сотъ
Отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ,
По твердости мяса, по крѣпости жилъ
Все вылитыхъ будто изъ стали.

Даль бусъ я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещницъ,
Да водку, а славное дѣло!
Пускай половина живетъ: осемсотъ
Процентовъ разчитывай смѣло.

Да, пусть только триста я негровъ свезу
До гавани Рио Жанейро,
По сотнѣ дукатовъ за штуку возьму
Я съ фирмы Гонзалесъ Перейра.»

Такъ высчиталъ вѣрно Мингерръ Ванъ-Коекъ,
И эту мыслью дѣльной
Былъ занятъ, какъ вдругъ появился къ нему
Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельной.

То былъ господинъ, самъ, какъ щепка, сухой,
А носъ угреватый, багровый.
«Ну, что мои дѣтки?» спросилъ Ванъ-Коекъ.
«Что черные? всѣ-ли здоровы?»

И докторъ сказалъ: «честь имѣю донести,
Что мы къ сожалѣнью въ потерѣ:
Усилилась смертность въ послѣднюю ночь
Межъ ними въ значительной мѣрѣ.

Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ,
А нынче мы семь потеряли:
Четыре мужчины, три женщины вдругъ....
Отмѣтилъ я убыль въ журналѣ.

Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ:
Порой плутовскому народу
Прикинуться мертвымъ приходитъ на мысль,
Чтобъ только ихъ бросили въ воду.

Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ,
Какъ это устроено мною,
Всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ
Ранехонько утромъ съ зарею.

Посмотришь, ужъ цѣлая стая акулъ
Шныряетъ, отколь ни взялася:
Мои вѣдь нахлѣбники это, они.
Такъ падки до чернаго мяса.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались они
За нами съ какою-то страстью:
Ужъ чуютъ у насъ мертвечину скоты,
И жадною, чавкаютъ пастью.

Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь
Несчастные трупы хватаетъ:
Тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой,
А этотъ обрывки глотаетъ.

Какъ все ужъ поглотять, вокругъ корабля
Тѣснится, ликуеть ихъ стая:
Таращатъ глаза на меня, будто мнѣ
За завтракъ любовь изъясляя».

Но грустно прервалъ его рѣчь Ванъ-Коекъ:
«Какое-же злу облегченье?
Въ виду возрастающей смертности сей
Какое принять намъ рѣшенье?»

«Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ,
Виною, что такъ умирають:
Въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они
Дыханьемъ еще заражаютъ.

Притомъ въ меланхоліи многіе мрутъ,
Тоска ихъ смертельная гложеть;
Но музыка, пляска и воздухъ какъ разъ
Все это въ болѣзни поможетъ».

«Совѣтъ превосходный! вскричалъ Ванъ-Коекъ:
Мой докторъ искуснѣе втрое,
Чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ
Птенцомъ Александра героя.

Да, музыки, музыки! черныхъ плясать
На палубѣ здѣсь мы принудимъ,
А кто заупрямится прыгать, того
И плеткою пользоваться будемъ».

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой
Несчетныя звѣзды мерцають;
Большія и умныя, нѣгой онѣ,
Какъ очи красавицъ, сіяють.

Глядятъ на широкое море съ небесъ:
Свѣтя фосфорическимъ блескомъ,
Далеко пурпурное льется оно
Съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ.

Какъ будто совсѣмъ оснащенный, корабль
Недвиженъ, и парусъ не бьется —
На палубѣ только блестятъ фонари
И музыки гулъ раздается.

Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудить,
Сталъ поваръ неволею флейщикъ,
И юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу
Тамъ трубить нашъ докторъ затѣйщикъ:

До сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ
Ликують, и въ дикомъ весельи
Кружатся и скачуть: при каждомъ прыжкѣ
Въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли...

A maître des plaisirs все глядитъ палачемъ:
Имѣя веселье въ предметѣ,
Лѣнивыхъ танцоровъ не разъ понукалъ
Онъ бойко ударами плети.

ШОССЕ и ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла.
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ:
Все дружною силой и съ пѣснями взято, —
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковья просѣкъ!...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бѣ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!

А съ каменкой рядомъ, поодадь немножко,
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту, и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, по тропинкамъ и по мхамъ ѣхалъ всадникъ, пробираясь къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ. Только вотъ — рыбацья хата; у рѣчки старикъ стоялъ, чолнъ осматривалъ дырявый, и бранился и вздыхалъ. Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ. Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдь!“ а старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ на привѣтствіе въ от-

вѣтъ. Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ: „Поздоровится тутъ, жди! Времена ужъ не такія.... жди, да у моря седи. Вамъ вѣдь все ничто боярамъ, а челнокъ для рыбака тожь, что бабѣ веретена, али конь для сѣдока. Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ, кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ нынче пахнетъ табачищемъ.... ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ! Чуть кого вдали завидишь — смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!.... лодка, вишь, имъ помѣшала, и давай рубить ей дно.... Да, ужъ стала здѣсь сторонка за теперешнимъ царемъ!.... Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто промышлять сюда идемъ.“ Всадникъ прочь съ коня, и молча за работу принялся: живо дѣло закипѣло и поспѣло въ полчаса. Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ, такъ и тычетъ долото — и челнокъ на славу вышелъ, а вѣдь былъ, что рѣшето. „Ну, старикъ, теперь готово, хоть на Ладогу ступай, да закинуть сѣтъ на счастье на петрово попытай.“ „На петрово! Эко слово молвилъ! — думаетъ рыбакъ — съ топоромъ гляди какъ ловокъ.... а по рѣчи.... Какъ же такъ?...“ И развелъ старикъ руками, шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ, смотритъ долго въ ту сторонку, гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья хмѣлемъ кудри вьются; ни съ какой заботы они не сѣкутся. Ихъ не гребень чешетъ — золотая доля, завиваетъ въ кольца молодецка удалъ.

Не родись богатымъ, а родись кудравымъ: по щучью вельнью все тебѣ готово. Чего душа хочеть — изъ земли родится; со всѣхъ сторонъ прибыль ползеть и валится. Что шутя задумалъ — пошла шутка въ дѣло; а тряхнулъ кудрами — въ одинъ мигъ поспѣло. Не возьмутъ гдѣ лоскомъ, возьмутъ кудри силой; а что худо — смотришь, по водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ молодцу съ кудрами, весело на бѣломъ съ черными бровями! Во время да въ пору, медомъ рѣчи льются: и съ утра до ночи пѣсенки поются.

Честъ и слава кудрямъ! Пусть ихъ волосъ вьется — съ ними все на свѣтѣ ловко удастся! не подъ шапку горе головѣ кудрявой! — Разливайтесь, пѣсни! ходи, парень, браво!

Кольцовъ.

Н И Щ І Ъ,

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли вѣзаться за трудъ, —

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Никитинъ.

ВѢДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Быль вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропкою шель Вѣда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковья,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ; ягоду свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!— онъ сказалъ— я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ, жены съ дѣтьми! говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой;

Изъ устъ его блѣдныхъ живою волною
Высокая рѣчь потекла вдохновенно..
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось— слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!
Но вотъ, ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ,
Зоветь его мальчикъ, смѣясь и толкая;
«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, головой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

ОТДѢЛЪ II.

П Р О З А.

ПШЕНИЦА и ПЛЕВЕЛЫ.

(Притча).

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засѣять его пшеницею. Работники, засѣвая поле, легли отдохнуть и заснули; когда же они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посѣялъ между пшеницею плевелы. Взшла и выросла пшеница, взшли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: „Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить ли намъ на поле и не повырывать ли ихъ?“ — „Нѣтъ, не ходите, отвѣчалъ имъ хозяинъ: вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь, — а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу.“

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. — Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ онъ отца: вотъ ужъ такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду.

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится? — спросилъ отецъ.

— Это видно съ перваго взгляда, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и не завидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырасти и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

— Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно? — спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скоть не могъ его сломать.

— Посмотри, — сказала онъ сыну, — какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отросткомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножомъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодого деревца.

— Что ты дѣлаешь? — вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: теперь всѣ труды твои пропали даромъ!

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ дерева и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣзъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпкою.

— Вотъ видишь ли, — сказала онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было бы и криво, и сучковато, и приносило бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно расло прямо; а теперь, при наступленіи весны, далъ скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прищепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь? — спросилъ отецъ сына.

— Ахъ, — отвѣчалъ тотъ: какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ.

— Дай Богъ, — продолжалъ отецъ: чтобы ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоёмъ воспитаніи.

ОТЦОВСКОЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой рассказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

„Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человекъ работающій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына-молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было онъ строить, собираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною, — и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браны были, какъ водится у простаго народа, на

честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ, анъ нѣтъ: по крестьянскому разумѣнію, отдать надобно; честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству... — „Пообождите, кормильцы, молитъ она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару, да лошадь продамъ...“ Куда — и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ было слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца; такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости... Эхъ-ма!... и задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное. — „Да не возьмешь ли меня?“ спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у соседа.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха? — проговорилъ тотъ съ сердцемъ. — „Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.“ — Да какъ же, любезникъ ты мой, мать-то твоя... тово..., вѣдь ты одинъ у нея, какъ переть... — „Ну ужь это мое дѣло! Скольکو же дашь?“ — Ахъ, родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою. — „Эва, дешево больно! Мнѣ непременно надо двѣ, и копейки не уступлю!“ — Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь. — „Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ; за пару хорошихъ коней, что ѣздить у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почестъ тысячу, а тутъ... Не бойсь, не оскудѣешь!“

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца. — „Что, привезъ деньги?“ спрашиваетъ тотъ. — Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь расписочку изготовьте. — „Ладно.“

И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то же самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь, Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужь въ приѣмъ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списоки.

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что нибудь да не такъ! Позвать сюда мать. Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже заплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ? — говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ.... Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ; баить: успокою батюшку...

— Какой долгъ?

— Матушка! — крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала было свой рассказъ: полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте беспокоиться на счетъ этого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной Горкѣ она и невѣста. Мы ужъ и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужъ не беспокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего; поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покущика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ. — „Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублей; ты, свать Андрей, получай свои безъ четверти двадцать пять...“ тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги: иные стали отговариваться, набрать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу. — „Ничего не надо мнѣ, родимые; деньги не мои, а батюшкины; не поминайте же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужъ коли кто хочетъ наградить меня: такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда...“

— Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодого рекрута только два полуимперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдеть замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься? со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, — заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особенное представленіе — и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

ВЪЛЕНЬКІИ ЦВѢТОЧЕКЪ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ хорошенькій хуторокъ, окруженный прекраснымъ садомъ. Въ саду былъ богатый цвѣтникъ съ гордыми, блестящими цвѣтами; а на валу, окружавшемъ садъ, въ густой зеленой травѣ, росъ, ни для кого незамѣтно, самый скромный маленькій дикій цвѣточекъ съ бѣлыми лепестками, съ золотымъ сердечкомъ. Доброе солнце освѣщало и грѣло его съ такою же любовью, какъ и великолѣпные цвѣты въ прекрасныхъ клумбахъ. Дикій, бѣленькій цвѣточекъ не думалъ о томъ, что на его долю выпала такая скромная жизнь, былъ доволенъ своею судьбою, поворачивалъ свою головку за солнцемъ, любуясь его блескомъ, и заслушивался серебряныхъ трелей жаворонка, выющагося высоко въ воздухѣ.

Въ одно свѣтлое утро маленькій цвѣточекъ былъ такъ счастливъ, какъ будто бы для него наступилъ великій праздникъ, а между тѣмъ это былъ только понедѣльникъ, и всѣ дѣти сидѣли въ школѣ; но тогда, какъ они сидѣли на своихъ скамьяхъ и учились, — бѣленькій цвѣточекъ также сидѣлъ на своемъ маленькомъ стебелькѣ и также учился у грѣющаго солнца и у всего, что видѣлъ вокругъ, учился, какъ добръ и милостивъ Создатель. Бѣленькому цвѣточку казалось, что маленькій жаворонокъ въ своихъ звонкихъ пѣсняхъ выражалъ прекрасно эти же самыя чувства, и цвѣточекъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на счастливую птичку, которая могла пѣть и летать, и несколько не огорчался, что самъ остается на одномъ мѣстѣ и не имѣетъ такого прекраснаго голоса. „Я слышу и вижу все это, думалъ цвѣточекъ: солнце освѣщаетъ меня и грѣетъ, вѣтеръ цѣлуетъ мои лепестки.... О, какъ я счастливъ!“

Въ саду возвышалось очень много важныхъ цвѣтовъ, и чѣмъ меньше у нихъ было запаха, тѣмъ болѣе они важничали. Ярко-красные піоны раздувались изо всѣхъ силъ, чтобы быть больше и пышнѣе розъ; но величина и пышность не сдѣлаютъ еще піона розой! Ярко-цвѣтные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы всѣ могли любоваться ихъ красотою. Они, конечно, не замѣчали, что

тамъ, на валу, цвѣтетъ маленькій бѣленькій цвѣточекъ, но за то онъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза — смотрѣлъ и думалъ: „какъ они богаты и прекрасны! къ нимъ, навѣрное, къ нимъ слетитъ чудная птичка. Слава Богу, что я расту такъ близко и могу видѣть все это.“ — Въ самомъ дѣлѣ, крикъ птички раздался близехонько, и она спустилась на землю..... только не къ величественнымъ піонамъ и не къ гордымъ тюльпанамъ, а въ зеленую траву около самого бѣленькаго цвѣточка, у котораго отъ счастья занялось дыханіе.

Маленькая птичка весело прыгала вокругъ цвѣтка, прыгала и щебетала: „Ахъ, какая мягкая, зеленая, какая свѣжая травка! ахъ, какой хорошенькій, миленькій цвѣточекъ, сердечко золотое, платье серебряное!“

Какъ былъ счастливъ маленькій бѣленькій цвѣточикъ, — я и рассказать вамъ не могу; о, какъ онъ былъ счастливъ! — Жаворонокъ осторожно клюнулъ носикомъ въ самую середину цвѣточка, прошепталъ что-то милое, очень милое, вспорхнулъ и снова полетѣлъ въ голубую высь.

Прошло вѣрно не менѣе получаса, пока цвѣточекъ успѣлъ опомниться отъ своего счастья. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочекъ его трепеталъ отъ восторга. Боязливо взглянулъ цвѣточекъ на гордые тюльпаны: они видѣли, какое счастье выпало на долю бѣленькаго цвѣточка, и должны понимать, какую радостью бьется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли попрежнему прямо, и, вѣрно отъ зависти, краснѣли еще больше, и отъ досады подымали свои головы еще выше. Какое счастье, что тупоголовые піоны не могутъ говорить, а то бы они наговорили много дерзостей маленькому бѣленькому цвѣточку. Счастливцу казалось, что пышные цвѣты не въ духѣ, и онъ отъ всей души пожалѣлъ о нихъ.

Въ это самое время пришла въ садъ дѣвушка съ острымъ блестящимъ ножомъ въ рукахъ — подошла прямо къ тюльпанамъ и посрѣзывала ихъ гордые головы.

— Охъ! почти вскрикнулъ бѣленькій цвѣточикъ: какъ это страшно; теперь для нихъ все кончено!

Цвѣточикъ радовался, что спрятанъ въ травѣ и что онъ не болѣе какъ простой бѣдный цвѣточикъ; а когда зашло солнце, свернулъ свои листики и спокойно заснулъ. Но и во снѣ онъ видѣлъ солнце и милую птичку. Утромъ бѣленькій цвѣточикъ, полный счастья, снова распустилъ свои серебряные лепестки и скоро услышалъ пѣніе жаворонка. Но, Боже мой, какую печальную пѣсню пѣла теперь птичка! И было чего печалиться: бѣдный жаворонокъ попался въ клѣтку, которая висѣла у открытаго окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и съ тоской вспоминала, какъ свободно порхала она еще вчера въ чистомъ синемъ воздухѣ. Бѣдная птичка была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маленькій бѣленькій цвѣточекъ желалъ отъ всей души помочь бѣдной птичкѣ; но трудно было что нибудь придумать. Цвѣточикъ позабылъ, какъ все вокругъ него прекрасно, позабылъ даже яркое теплое солнышко, и думалъ только о плѣнной птичкѣ, которой не могъ помочь ни чѣмъ — рѣшительно ни чѣмъ!

Въ это самое время вошли въ садъ два мальчика, и въ рукахъ одного изъ нихъ блестѣлъ тотъ самый острый ножъ, которымъ дѣвушка срѣзала вчера головы гордымъ тюльпанамъ. Мальчики прямо шли къ бѣленькому цвѣточку; но онъ рѣшительно не понималъ, что имъ отъ него нужно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ вырѣзать прекрасный кусокъ дерна для нашего жаворонка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, и вырѣзалъ ножомъ изъ дерна четверугольникъ, въ срединѣ котораго остался и бѣленькій цвѣточекъ.

— „Сорви цвѣтокъ,“ сказалъ другой мальчикъ, и бѣленькій цвѣточекъ задрожалъ: ему такъ хотѣлось жить именно теперь.

„Зачѣмъ? сказалъ первый мальчикъ: онъ такъ мило выглядываетъ изъ зеленой травы.“ Бѣленькій цвѣточекъ остался и былъ отнесенъ вмѣстѣ съ дерномъ въ клѣтку къ жаворонку.

Но бѣдная птичка, громко оплакивая свою потерянную свободу, билась крылышками о желѣзные прутья клѣтки; а бѣленькій цвѣточекъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ сказать ей ни одного утѣшительнаго слова: такъ прошло все утро.

„Здѣсь нѣтъ воды,“ щебетала бѣдная птичка: „они всѣ ушли и забыли оставить мнѣ хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я вся горю, я не могу дышать; ахъ, я должна умереть, должна покинуть навсегда и теплое солнышко, и свѣжую зелень — всё, всё!“ И птичка сунула свой носикъ въ холодный кусокъ дерна, чтобы освѣжиться хоть немного: — тутъ она увидала знакомый, бѣленькій цвѣточекъ, поцѣловала его въ самое сердечко и сказала: „и ты долженъ здѣсь засохнуть, ты бѣдный, маленький цвѣточекъ! Тебя и маленький кусочекъ зеленого дерна — вотъ все, что дали мнѣ люди — въ замѣнъ цѣлаго міра. Ахъ, вы напоминаете мнѣ только, какъ много я потеряла!“

„Что же можетъ тебя утѣшить?“ думалъ съ тоскою бѣленькій цвѣточекъ, но не могъ двинуть ни однимъ листикомъ. Птичка однако же поняла его мысль, и хотя отъ тоски и жажды вырывала она изъ дерна травку за травкой, но бѣленькаго цвѣточка не тронула.

Наступилъ вечеръ, и никто не принесъ воды бѣдной птичкѣ. Она выпустила свои длинныя крылышки, упала, склонившись головкой къ цвѣточку, задрожала — и умерла отъ тоски и жажды. Бѣленькій цвѣточекъ

не могъ уже, какъ вчерашній вечеръ, свернуть своихъ листочковъ и заснуть спокойно: онъ увядъ, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утромъ пришли мальчиши, и когда увидели мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потомъ вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цвѣтами, положили птичку въ хорошенькій ящичекъ и зарыли въ землю съ большою почестью. Бѣдная птичка! когда она жила и пѣла, все ее забывали, оставляли сидѣть въ клѣткѣ, заставляли терпѣть голодъ и жажду; а теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакиваютъ и убираютъ цвѣтами.

Кусочекъ дерна съ увядшимъ бѣленькимъ цвѣточкомъ выбросили изъ клѣтки на пыльную дорогу; никто не подумалъ о томъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ маленькую птичку и такъ сильно желалъ ее утѣшить!

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится, — шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники, изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ-отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему навстрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась мятель, и студентъ, должно быть, сбился съ дороги; потому что ночь уже наступала, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо въ грудь и въ лице, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодого человѣка; а упали онъ только — и въ полчаса она намела бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣна его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть, — заснуть, во что бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодю; съ усиленіемъ вытаскивалъ свои ноги изъ

глубокаго снѣгу, но мало подвигался впередъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божию, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ бы бѣднякъ непременно, еслибъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шель студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣтель взвелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолокъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ отъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непременно бы упалъ; но встрѣтившіе его люди поддержали его и усадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту: поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пирило множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но, взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено, вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать: онъ чувствовалъ сильный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сѣтъ, спросила его, не хочется ли ему еще чего нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если тебѣ это нравится, отвѣчала добрая женщина; а я буду звать тебя сыномъ; но благодарить тебѣ меня не-за-что.

Все, что я дала тебѣ, не мое: я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоёмъ сердцѣ говорить благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто же Господинъ этого дома и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностию.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать; но Господинъ этого прекраснаго дома не показывается гостямъ, и никто изъ насъ его не видалъ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ, и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ: должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ, — не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь все, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что здѣсь есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи же скорѣе — чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всею себѣ обязанъ — самою жизнью, и готовъ для него отдать ее!

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала, улыбаясь, добрая женщина: помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями, и одолай cadaго изъ нихъ, чѣмъ можешь: — вотъ и все, чего желаетъ Владыка дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ: да это долгъ cadaго порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь; потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать; для cadaго изъ гостей рано или поздно приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый, крылатый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дому навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ пе-

чально опустил голову; у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько тамъ вдали блеститъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперъ гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ Хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ, — добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ! — прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностію и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его — и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названнаго сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она; не забывай его никогда и люби его; исполняй его волю; люби его гостей, какъ своихъ братьевъ; служи и помогай имъ, чѣмъ можешь, и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла ли его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не на долго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она, мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я также, какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроенъ этотъ домъ, видѣлъ Хозяина лицомъ къ лицу и рассказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! посмотри: онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента: вотъ сынъ мой; молю тебя, не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударить его часъ, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня; мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу, что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ; но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя: тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту; иди за святымъ отцемъ; не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лицо ея было грустно и страшно — страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ. Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, — будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины, — ему было смертельно жаль разстаться съ нею; но ея уже не было: видно, невидимый слуга Владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ: все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ, сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ: я любилъ мать твою и, надѣюсь, мы будемъ друзьями; пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня — и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотою зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо; они были украшены золотыми и серебряными звѣздами и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ-и-сямъ рукою отличнаго художника. Стѣны почти было совершенно невидны: такъ убраны были они роскошными живыми растеніями; многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохлаждали воз-

духъ, наполненный ароматами; а полы были устланы дорогими, мягкими коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, и счету имъ не было; дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, еслибы повсюду въ окна не глядѣла темная непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но, Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до-того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на нихъ, то на своего сѣдаго спутника. Драгоценное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоценнымъ винамъ.

— Боже мой! сказала молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ, Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену; видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоценныя дары.

— О, ему не даровъ своихъ жаль! возразилъ старикъ; богатствамъ его нѣтъ счета: ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи; знать, что они позабыли обязанности гостей, и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену, еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда, и до-того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло, и спорили на-смерть за то, что никому изъ нихъ не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода; но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы ктонибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказала студенту его сѣдой спутникъ; чрезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше

не будетъ; онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто нибудь не коснулся его сокровищъ.

Несмотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человекъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да! это такіе же гости, отвѣчалъ старикъ, но ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе: Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ, — и вотъ, что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему же онъ не прогнать отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша: зачѣмъ онъ позволяетъ имъ здѣсь безчинствовать?

— Видишь ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей: онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ: онъ все ждетъ, не исправятъ ли они.

Юноша вспомнилъ, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику, ихъ дѣйствительно жаль; но пойдѣмъ же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны хозяину этого дома, и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ; впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца: напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я расскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени тому назадъ. Видя, что безчинство страшно возрасло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняютъ слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности, и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ самого скромнаго гостя. Онъ не сѣлся за столы съ веселыми и богатыми, но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излечивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, и все время говорилъ о Владыкѣ дома, всехъ хотѣлъ спасти

отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только чего нибудь не отнялъ у другихъ: но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто бы велъ себя скромнѣе и смиреннѣе сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ отцу своему. Что же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили сына Владыки, убили за то, что, будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ здѣсь нищимъ, — за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, — за то, что онъ хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ мой; но старайся сдѣлать все, что только можешь, изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ! Долго ходилъ онъ такъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодого человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу, чѣмъ попало: такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодого человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, не покидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами его отца.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодого человѣка и его сѣдаго спутника. Они заглянули туда, и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюдовъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вцѣпились другъ другу въ волосы, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже было нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою маленькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дро-

жащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастливая мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но между нею и дверьми шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножемъ ея дорогихъ дѣтей. Она вошла, громко призывая хозяина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ эту минуту: „иди и спасай!“ Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, вынесъ почти на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣна предъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодаго человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно“.

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что былъ тяжело раненъ ножемъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодаго человѣка, и онъ непременно упалъ бы на полъ, еслибъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

— Я умираю, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, пойдѣмъ за мною; — Владыка дома зоветъ тебя.“

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ . . . . . и проснулся!

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника; а мать, съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ ей ея старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библия въ истертomъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу, ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья?

Молодой человѣкъ, идя по степи, изнемогъ и упалъ; онъ, вѣроятно, погибъ бы; но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ степи, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священ-

ника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ этого, но никогда не забывалъ своего сна: ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе, какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

ИСТИННО ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, среди скалистыхъ Вогезовъ, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей сообщенія, расположено нѣсколько деревень, составляющихъ одинъ округъ, который и носитъ названіе *Скалистаго*. Жители этого округа, лѣтъ семдесятъ тому назадъ, отличались бѣдностью, невѣжествомъ, предрасудками, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны. Они лѣниво обрабатывали свои покृतые камнями поля, не знали никакихъ ремеслъ, рѣдко общались съ остальнымъ міромъ по причинѣ дурныхъ и опасныхъ горныхъ дорогъ, не имѣли ни садовъ, ни порядочныхъ огородовъ, ни больницъ, ни школъ, — и толпы нищихъ осаждали рѣдкаго путешественника, попадавшаго случайно въ эту полудикую страну.

Въ этотъ-то глухой округъ, въ 1767-мъ году, назначенъ былъ священникомъ Жанъ Фридрихъ Оберлейнъ, человѣкъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя страсбургской гимназіи, получившій, впрочемъ, отличное воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, въ мѣстечко Вальдбахъ, гдѣ стоялъ скромный священническій домъ, Жанъ Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ, жившихъ какъ въ Вальдбахѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Другой, быть можетъ, искалъ бы случая убѣжать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь — то именно и нужна его дѣятельность, и положилъ цѣлью своей жизни: извлечь несчастныхъ горцевъ изъ ихъ жалкаго состоянія.

— „Прежде всего надобно ихъ учить,“ сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: „люди, лишеныя образованія, не могутъ понимать даже и собственной

своей пользы; и такъ съ учрежденія школы должно начать преобразование моего прихода.“

Но невѣжество горныхъ жителей было такъ велико, что когда Оберлейнъ купилъ для постройки школьнаго дома кусокъ земли въ Вальдбахѣ, то прихожане допустили его приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него формальное обязательство, что онъ не будетъ требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство, и тридцать лѣтъ содержалъ школу изъ своихъ собственныхъ, всегда очень скудныхъ средствъ. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли пользу ученья и уже сами учредили мало по малу пять школъ въ различныхъ деревняхъ своего округа.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна: онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода. То онъ являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженные какимъ нибудь горемъ, то исправлялъ увѣщаніями людей, увлекшихся какими нибудь дурными стремленіями; то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ больныхъ. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда онъ шелъ на какое нибудь доброе дѣло. Нерѣдко горцы видали, какъ Оберлейнъ, поздно вечеромъ, верхомъ на своей лошаdkѣ, отправлялся въ Страсбургъ, до котораго было десять миль очень труднаго и опаснаго пути. Тамъ цѣлый день онъ хлопоталъ безъ усталости по дѣламъ своего прихода, и чтобы не терять даромъ драгоценнаго времени, возвращался домой снова поздно вечеромъ; а рано поутру онъ уже разносилъ по больнымъ лекарства, купленные въ городѣ.

Но минутной помощью тѣмъ, которые въ ней нуждались, Оберлейнъ не ограничился. Онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя причины бѣдствій, и старался вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія.

Понятно само собою, что нововведенія, которыя задумывалъ Оберлейнъ, встрѣчали сильное сопротивленіе въ людяхъ, загрузѣвшихъ въ своей невѣжественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмѣшками, но и угрозами. Но пасторъ побѣдилъ всѣ эти препятствія своею твердостью, хладнокровіемъ, благоразуміемъ, и современемъ самыя жаркіе его противники сдѣлались самыми ревностными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразования.

Сообщеніе между жилыми мѣстами прихода было очень затруднительно: Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги; но у пастора былъ планъ еще болѣе обширный. Нужно было проложить удобный выходъ изъ скалистаго округа до большой дороги въ Страсбургъ; сдѣлать это было очень трудно; но неутомимый пасторъ не испугался затрудненій. Во-

оружившись самъ ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога, версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Рѣчка Ла Брѣшь, сбѣгая быстро съ горъ, не имѣла опредѣленнаго русла и затопляла поля: пасторъ и прихожане вырыли ей русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Чтобы избавить жителей Скалистаго округа отъ бѣдности, Оберлейнъ старался улучшить хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ, они очистили поля отъ камней, и теперь эти камни, мѣшавшіе прежде хлѣбопашеству, показываютъ границы полей и ограждаютъ посѣвы отъ скота. Оберлейнъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ въ первый разъ къ св. причащенію, посадилъ собственными своими руками, по крайней мѣрѣ, два дерева. Земледѣльцы съ большимъ трудомъ и съ большими издержками доставали земледѣльческія орудія: пасторъ устроилъ лавку, гдѣ необходимыя для земледѣльца орудія продавались по возможно дешевой цѣнѣ и притомъ въ долгъ. Крестьяне Скалистаго округа знали только дикую яблонь: Оберлейнъ собственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовые деревья лучшихъ сортовъ; а чтобы побѣдить ихъ отвращеніе къ этому нововведенію, собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды его трудовъ. Земля, истощенная невѣжественною обработкою, плохо вознаграждала трудъ земледѣльца: Оберлейнъ научилъ крестьянъ удобрять землю; улучшилъ породу домашняго скота, ввелъ искусственные луга и искусственное орошеніе. Картофель, главная пища жителей, на плохой землѣ выродился совершенно: Оберлейнъ выписалъ новыя сѣмена изъ Швейцаріи и Голландіи, и картофель сдѣлался главнымъ предметомъ торговли для жителей Скалистаго округа. Оберлейнъ ввелъ посѣвъ клевера и выписалъ лучшія льняныя сѣмена изъ Риги. Всякое нововведеніе онъ прежде испытывалъ самъ; а чтобы поддерживать улучшенія, устроилъ изъ крестьянъ общество сельскаго хозяйства.

Ремесла почти были неизвѣстны жителямъ Скалистаго округа: Оберлейнъ уговорилъ нѣсколькихъ родителей отдать своихъ дѣтей въ ученые различнымъ ремесленникамъ. Онъ ввелъ пряжу хлопчатой бумаги, и этимъ занятіемъ поправилъ очень скоро состояніе жителей.

Во время болѣзней, жители Скалистаго округа оставались безъ всякой помощи; не было ни лекарствъ, ни медиковъ: Оберлейнъ завелъ аптеку въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ лекарства раздавались даромъ, и послалъ одного смышленнаго молодаго человѣка въ Страсбургъ учиться медицинѣ и хирургіи, а нѣсколькихъ женщинъ приучилъ ходить за больными; кромѣ

того онъ распространилъ между крестьянами свѣдѣнія, какъ помогать утопленникамъ, замерзшимъ и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища крестьянъ, — и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ: крючья, лѣстницы, пожарныя трубы.

Въ этой отдаленной и мало извѣстной мѣстности, заброшенной въ средину Вогезскихъ горъ, Оберлейнъ ввелъ множество такихъ учреждений, облегчающихъ жизнь человѣка, которыя мало были распространены тогда даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Такъ, на примѣръ, онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, долженъ посылать дѣтей своихъ въ школу. Изъ этой кассы деньги раздавались въ долгъ безъ заклада и безъ процентовъ, чѣмъ мало по малу было совершенно уничтожено нищенство въ Скалистомъ округѣ. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образованіе, Оберлейнъ завелъ *странствующую* библіотеку, и первый подалъ примѣръ тѣхъ странствующихъ библіотекъ, которыхъ теперь такъ много развелось въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ дни своей долгой жизни посвящалъ Оберлейнъ благу своихъ прихожанъ и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ хотя отчасти не былъ бы виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ не облегчилъ по возможности; не было ссоры, въ которой бы онъ не былъ посредникомъ и примирителемъ. Его безчисленныя благодѣянія пріобрѣли ему такое уваженіе и такую любовь прихожанъ, что всѣ повиновались ему; какъ отцу, онъ пріобрѣлъ большую власть надъ ихъ умами, и былъ между ними самымъ могущественнымъ законодателемъ. Вотъ поразительный примѣръ его могущества: когда ассигнаціи потеряли во Франціи всякую цѣну, отчего многіе разорились совершенно и впади въ нищету, Оберлейнъ своимъ авторитетомъ поддержалъ цѣнность ассигнацій въ Скалистомъ округѣ. — Не желая, чтобы ущербъ, происходящій отъ упадка ассигнацій, упалъ на нѣкоторыхъ, но разложился понемногу на все народонаселеніе, Оберлейнъ постановилъ чтобы ассигнація, переходя изъ рукъ въ руки, уменьшалась въ цѣнѣ своей при каждомъ переходѣ на десять сантимовъ.

Нужно-ли говорить, что всѣ жители прихода видѣли въ Оберлейнѣ своего отца и благодѣтеля? Они и не называли его иначе, какъ отцомъ. Когда же, удрученный гедями, онъ не могъ уже болѣе взбираться на скалы, чтобы посѣщать деревни своего прихода, — тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошаdkѣ, и день, когда Оберлейнъ посѣщалъ какую нибудь деревню, былъ для нее праздникомъ.

Оберлейнъ прожилъ 86-ть лѣтъ и до конца своей жизни сохранилъ въ полной свѣжести всѣ свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось уже служить ему.

1826 года 1-го юня въ шесть часовъ утра, еще разъ помолившись за своихъ дорогихъ прихожанъ, патріархъ Скалистаго округа уснулъ вѣчнымъ сномъ. Общая горестъ и общій трауръ проводили его до могилы. Памятникъ, высѣченный знаменитымъ живописцемъ и представляющій добрыя, кроткія черты истинно великаго человѣка, стоитъ теперь въ вальдбахской церкви; но и безъ этого памятника жители Скалистаго округа не забудутъ никогда Жана Оберлейна.

Вотъ, друзья мои, біографія истинно великаго человѣка, болѣе великаго, чѣмъ всѣ возможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонскіе!

А какъ сильно и благотѣльно дѣйствовалъ на прихожанъ высокій примѣръ истинно-христіанской жизни пастора! Одна шестнадцатилѣтняя крестьянка Скалистаго округа, Луиза Шеплеръ, хотя имѣла свое состояніе и могла бы жить самостоятельно, но поступила въ услуженіе къ Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лѣтъ была самою ревностною исполнительницею его добрыхъ намѣреній; а послѣ смерти Оберлейна еще долго оставалась ангеломъ-утѣшителемъ для цѣлаго округа. Имя Луизы Шеплеръ, несмотря на ея скромныя обязанности, должно остаться, въ исторіи, потому что она, пораженная тѣмъ, что дѣти, по уходѣ родителей на полевые работы, остаются совершенно однѣ безъ всякаго призора, — изобрѣла *дѣтскіе пріюты*; и потомъ уже это благотѣльное учрежденіе быстро распространилось по всей Европѣ. Какъ было бы хорошо, если бы и въ наши деревни, гдѣ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, часто производятъ пожары, дѣлаются сами калѣками на всю жизнь и портятъ другъ друга нравственно, проникло благотѣльное учрежденіе Луизы Шеплеръ, — и дѣти, собираясь въ одинъ домъ, подъ присмотръ какой нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только безъ вреда для себя, но даже и съ пользою: пріучались къ порядку, опрятности, и, играя, учились читать и писать. Сколько уже по всей Европѣ спасено дѣтей — изобрѣтеніемъ смиренной служанки Оберлейна!

ПУСТОЙ ОСТРОВЪ.

Одинъ добрый господинъ, желая осчастливить своего раба, далъ ему свободу и подарилъ ему корабль со множествомъ драгоценныхъ товаровъ. — „Ступай, — сказалъ онъ ему: плыви въ чужія земли, умножь свое имущество, и все, что ты пріобрѣтешь, будетъ твое.“

Невольникъ отправился; но скоро началась сильная буря, и корабль его разбился о скалы. Драгоценные товары пошли ко дну. Всѣ ѣхавшіе на корабль погибли и одинъ только бывший рабъ съ величайшимъ трудомъ добрался до ближайшаго острова. Голодный, полубнаженный и беспомощ-

ный, побрелъ онъ внутрь острова, горько оплакивая свое несчастье; пройдя немного, увидѣлъ онъ вдали большой городъ, изъ котораго вышла къ нему на встрѣчу толпа жителей съ радостными криками. „Да здравствуетъ нашъ король!“ кричали они ему; посадили его на богатую колесницу и торжественно ввезли въ городъ. Потомъ ввели они его въ королевскій дворецъ, надѣли на него драгоцѣнную мантию и посадили на золотой тронъ; вельможи окружили его со всѣхъ сторонъ, пали передъ нимъ ницъ и отъ имени цѣлаго народа дали ему клятву въ вѣрности.

Новый король думалъ сначала, что все это видится ему во снѣ; однакожь мало-по-малу онъ убѣдился, что это не сонъ. — „Рѣшительно ничего не понимаю,“ думалъ онъ; „гдѣ же были глаза у этихъ людей? Взять голоднаго, нагаго бѣдняка и провозгласить его своимъ королемъ! Странные обычаи въ этой сторонѣ.“

Такъ думалъ новый король, и любопытство его было до того сильно, что онъ рѣшился спросить о разрѣшеніи мучившей его загадки одного изъ своихъ приближенныхъ, который показался ему старикомъ добрымъ и умнымъ. — „Визирь“, сказалъ новый король старику; „объясни ты мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы меня сдѣлали вашимъ королемъ? Какъ вы могли узнать, что меня выбросило на вашъ берегъ, и что наконецъ изъ всего этого выйдетъ?“

— „Властитель мой,“ — отвѣчалъ ему визирь: „этотъ островъ населенъ духами. Они давно уже выпросили себѣ у Всемогущаго, чтобы онъ ежегодно присылалъ властвовать надъ ними одного изъ сыновей Адама. Творецъ внялъ ихъ просьбамъ и каждый годъ, въ одинъ и тотъ же день, посылаетъ челоуѣка на наши берега. Жители выходятъ къ нему на встрѣчу съ радостными криками, какъ ты самъ это видѣлъ, и провозглашаютъ его своимъ королемъ, но только на одинъ годъ. Когда же минетъ годъ и настанетъ извѣстный день, тогда они лишаютъ его королевской власти, снимаютъ съ него всѣ украшенія и одѣваютъ его въ рубища. Бывшіе подданные силою тащатъ своего властителя на берегъ, кладутъ его въ лодку и отталкиваютъ ее въ море. Эта лодка приноситъ его на одинъ пустой, дикій островъ: и вотъ, челоуѣкъ, который еще за нѣсколько дней былъ могущественнымъ королемъ, выходитъ на пустынный островъ снова бѣднымъ, нагимъ и голоднымъ. Онъ не находитъ тамъ ни друзей, ни подданныхъ, никого, кто принялъ бы участіе въ его несчастномъ положеніи, и если онъ не употребилъ съ пользою годъ своего царствованія, то жалкую, бѣдственную жизнь ведетъ онъ на пустынномъ островѣ. По изгнаніи прежняго короля, народъ спѣшитъ на берегъ и знаетъ навѣрное, что найдетъ тамъ новаго, котораго провидѣніе не забываетъ присылать ежегодно. Таковъ, властелинъ

мой, вѣчный законъ нашего государства — и ни одинъ король не можетъ его отмѣнить.“

— „Знали-ли мои предшественники, спросилъ король, объ участи, которая ихъ ожидала?“

— „Ни отъ одного не былъ скрытъ этотъ неизмѣнный законъ судьбы“ — отвѣчалъ визирь; „но многіе изъ нихъ, ослѣпленные блескомъ, окружающимъ ихъ тронъ, забывали печальное будущее и дурно проводили свой годъ. Наслаждаясь счастьемъ, они не хотѣли вѣрить въ существованіе пустаго острова; не хотѣли даже думать о немъ, чтобы не испортить своихъ настоящихъ удовольствій и, переходя отъ наслажденія къ наслажденію, какъ пьяные, достигали роковаго дня; когда же приходилъ несчастный день, то всё они жаловались на судьбу и проклинали свое ослѣпленіе; но уже было поздно: ихъ безъ пощады кидали въ лодку и предавали всёмъ бѣдствіямъ, которыхъ они не хотѣли предотвратить своею мудростію.“

Разсказъ визиря наполнилъ ужасомъ сердце короля; онъ содрогнулся при мысли о судьбѣ, постигшей его предшественниковъ, и рѣшился твердо избѣжать ихъ участи. Онъ видѣлъ съ горестію, что уже прошло нѣсколько недѣль изъ недолгаго года, и серьезно подумалъ о томъ, какъ бы лучше воспользоваться остальнымъ временемъ своего царствованія.

— „Мудрый визирь“, — сказалъ онъ духу, — „ты открылъ мнѣ ожидающую меня участь и всю краткость моей королевской власти; прошу же тебя, научи меня, что я долженъ дѣлать, чтобы избѣжать бѣдственной судьбы моихъ предшественниковъ?“

— „Вспомни, властитель“, — отвѣчалъ ему духъ, „что ты вышелъ на нашъ островъ одинокимъ, нагимъ и безпомощнымъ; такимъ же и сойдешь съ него — и никогда болѣе не воротишься! Есть только одно средство предотвратить всё бѣдствіе, которыя ожидаютъ тебя въ землѣ изгнанія: сдѣлай ее плодородною и засели жителями. По нашимъ законамъ, это тебѣ дозволяется, и твои послушные подданные пойдутъ теперь туда, куда ты ихъ пошлешь: пошли же на пустой островъ побольше работниковъ и прикажи имъ воздѣлать пустыню въ плодородное поле, построить города и наполнить ихъ всёмъ, что нужно для жизни. Однимъ словомъ, приготовь себѣ другое, новое царство, жители котораго примутъ тебя съ радостію послѣ твоего изгнанія отсюда. Но спиши, не трать ни одной минуты понапрасну! Время коротко, и, чѣмъ ты лучше устроишь твое будущее царство, тѣмъ счастливѣе будетъ твоя жизнь въ немъ. Думай каждое утро, что въ этотъ день окончится твой годъ — и пользуйся твоею свободою. Если ты пренебрежешь моимъ совѣтомъ, замедлишь или заснешь въ удовольствіи, то ты погибъ — и горькая судьба ожидаетъ тебя!“

Король былъ человѣкъ умный, и слова духа внушили ему твердую рѣ-

шимость. Онъ послалъ немедленно множество работниковъ на пустынный островъ; они пошли съ радостію и съ жаромъ принялись за дѣло. Островъ быстро началъ украшаться: не прошло шести мѣсяцевъ, на немъ появилось уже множество богатыхъ городовъ, посреди цвѣтущихъ луговъ и полей. Несмотря на это, король не ослабѣвалъ въ стараніяхъ улучшить свое будущее царство: онъ все посылалъ туда новыхъ и новыхъ жителей; каждый новый житель шелъ туда съ большею радостію, чѣмъ его предшественники, потому-что его ожидала уже обработанная страна, населенная его родственниками и друзьями.

Между-тѣмъ конецъ года приближался. Прежніе короли съ ужасомъ ожидали дня, въ который должны были сложить свою недолгую власть; но новый король ожидалъ его безъ страха, даже съ удовольствіемъ: онъ переходилъ въ страну, въ которой своею мудрою дѣятельностію приготовилъ себѣ пріятное и прочное жилище.

Назначенный день наконецъ наступилъ: короля схватили, вывели изъ дворца, сняли съ него корону и королевскія одежды и положили въ избѣжную лодку, которая принесла его къ мѣсту изгнанія. Но едва присталъ онъ къ берегу, какъ жители острова съ радостію поспѣшили къ нему на встрѣчу, приняли его съ большимъ почетомъ и вмѣсто той короны, блескъ которой продолжался всего одинъ годъ, украсили его голову неувядающимъ цвѣточнымъ вѣнкомъ. Всемогуцій наградилъ его мудрость: онъ далъ безсмертіе его подданнымъ и сдѣлалъ его полнымъ, вѣчнымъ королемъ надъ ними.

Богатый человѣкъ — это Творецъ. Невольникъ, котораго отсылаетъ господинъ — человѣкъ при своемъ рожденіи. Островъ, куда онъ пристаеъ — земля, на которую мы появляемся нагими и безпомощными. Жители, идущіе ему на встрѣчу, это родители, которые заботятся о слабенькомъ существѣ. Визирь, который говоритъ ему о печальной участи, его ожидающей, это религія и разумъ. Годъ правленія — недолгая жизнь человѣка; а пустой островъ — будущій міръ. Работники, которыхъ туда посылаетъ король — добрыя дѣла человѣка въ продолженіе жизни; а короли, неизбѣжавшіе жалкой судьбы своей — это большая часть людей, которые, предаваясь недолговѣчнымъ земнымъ удовольствіямъ, забываютъ объ ожидающей ихъ загробной жизни: безъ добрыхъ дѣлъ появляются они предъ трономъ Всемогущаго и за то терпятъ муку и бѣдствія.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прійти юношѣ, ле-

жала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню. — „Куда же это ты ѣдешь, пріятель?“ спросилъ его юноша. — „Прямо туда, куда нужно,“ отвѣчалъ перевозчикъ. — „Если это называется прямо,“ сказалъ юноша, „то я ужъ и не знаю, что значитъ криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.“ — „Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все *такъ* ѣхали,“ возразилъ перевозчикъ; „но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно также, какъ и хорошій христіанинъ, должны поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другаго теченіе жизни.“ И дѣйствительно, подѣвзая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить все свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человѣкъ заплатилъ перевозчику двойную плату. — „Вотъ тебѣ,“ сказалъ онъ, „за перевозъ и за добрый совѣтъ.“

СМЕРТЬ и СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ и они остановились на холмѣ, недалеко отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные генія человѣчества. Ночь наступала.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ, — и сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ хижинъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до груднаго младенца, лежащаго въ колыбели, все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный — свое горе, бѣднякъ — свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату. — „Когда настанетъ утро“, сказалъ онъ, веселый и счастливый, „тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ пріятно незримо, въ тиши, разсыпать благодѣянія! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначеніе!“ Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью и слезы заблестали въ его большихъ и темныхъ глазахъ. — „Ахъ!“ сказалъ онъ: „почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностію людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!“ — „О, братъ мой!“ отвѣчалъ Ангелъ сна, „но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностію и не пошлютъ

тебѣ благословія, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?“

Такъ говорилъ Ангелъ сна и оба брата обнялись еще нѣжнѣе.

КОРОНА СТАРОСТИ.

На разумной и почтенной головѣ сѣдые волосы составляютъ прекрасную корону. Три глубокіе, сѣдые старика собрались разѣ вмѣстѣ и рассказывали своимъ дѣтямъ, почему Богъ довелъ ихъ до такихъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, священникъ и учитель, сказалъ: „я никогда не тяготился своею должностію и когда благословлялъ, то благословлялъ отъ всей души; вотъ почему я дожилъ до такой старости.“ — Другой, купецъ, сказалъ: „я никогда не обогащался на счетъ моего ближняго и ничье проклятіе не тревожило моего сна; я охотно помогаль бѣднымъ: и вотъ почему Господь подарилъ мнѣ такую старость.“ — Третій, судья, сказалъ: „я никогда не бралъ взятокъ и всегда старался узнать правду, какъ бы мнѣ это ни было трудно; вотъ почему благословилъ меня Господь глубокою старостію.“

Тогда подошли къ старикамъ ихъ дѣти и внуки и увѣнчали ихъ сѣдые волосы цвѣтами. Отцы благословили своихъ потомковъ и сказали: „пусть ваша старость будетъ подобна вашей юности! пусть ваши дѣти и внуки будутъ и для васъ цвѣтушимъ розовымъ вѣнкомъ на сѣдыхъ волосахъ.“

Старость есть прекрасный вѣнецъ жизни; но этого вѣнца достигаетъ только тотъ, кѣмъ управляютъ всю жизнь — умѣренность, справедливость и мудрость.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхаль проселочною дорогою. Хотя я права отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провель я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затыгиваль возжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рошу и черезъ десять минутъ вѣхаль на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вкругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у пе-

редняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшныя мальчишки были мужиками, а дѣвочки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: „какъ ты постарѣла.“ И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отроотившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвучками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтъ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—и. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленныя, молодыя хлѣбныя поля, дуга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Ѳедора *), поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аесакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми; Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы ло-

*) Евсеичъ — дядька мальчика, отправляющагося въ деревню родителей, а Ѳедоръ — слуга.

шадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды — это была рѣка Мѣша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и несмотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтушая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилицемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дѣмы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Мѣши; рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Скворода жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отѣхали тридцать верстъ отъ К — ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было не жарко и не пыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ бѣжали такую рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то-есть огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты; поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись

въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда* *) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню, Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колбомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: „не видно ли деревни?“ И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: „вотъ наше Аксаково, какъ на ладонѣ“, — я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ, и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!...

С. Аксаковъ.

ЕРМОЛАЙ и ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы съ Ермолаемъ отправились на охоту, но, извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худаго, съ

*) Такъ называются завозни, досчаники, паромы и проч.

длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазками, взерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, раззорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дрови, — другой сзади — для дичи; хлопки же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому, неистоимой шапки. Онъ-бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья — и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванью Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану я пса кормить, разуждалъ онъ: — притомъ песь — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье“. И, дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но все эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и сѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику старин-

наго покроа. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропадокъ, а, впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу не годнаго — „лядашаго“, какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и пеловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ, — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шесть-десять въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чужакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало, и поидетъ. — „Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ“. — А въ Чаплино. — „Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино, за десять верстъ“? — А тамъ у Софрона-мужичка переночевать. — „Да почуй здѣсь“. — Нѣтъ ужъ, нельзя. И поидетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты да водомойни; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей. За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ.

Л Ъ Г О В Ъ .

— Поѣдемте-ка въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды, уже извѣстный читателямъ, Ермолай: — мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ — большое степное село съ весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и

кой-гдѣ по срединѣ заросшей густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то-и-дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! — Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошнаго майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоценные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло не ладно: надо достать лодку.... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу, изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дрянная лягавая собака, и велѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блен-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемонаіаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами, — небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали; все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ — Владиміръ... Услышавъ о нашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ ка-

мердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно, но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъяснить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ неслишкомъ образованный и уже вовсе не „субтильный“, началъ-было его „тыкать“. Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-съ....

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, возразилъ онъ: это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать — въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикуль-съ, при чемъ цѣлил въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаникъ *), замѣтилъ Владиміръ: — да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви, и сталъ разсматривать могилы на кладбищѣ.

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ — прервалъ мои размышленія.

---

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

Босоногий, оборванный и взъерошенный, Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай: — паклей заткнуть можно.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ-же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдёмъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ. Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья: — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины *).

— Однакоже, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ: — такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко: до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ дощанигѣ Сучка (Собака мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегудіила.) Намъ не очень было ловко, но охотники народъ неразборчивый. У тупаго, задняго конца сто-

* Глубокое мѣсто, има въ прудѣ или рѣкѣ.

яль Сучокъ и „пихался“; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самого носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ: сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались велѣдъ за ними, и весело было видѣть, какъ эти кургузья, тяжелыя птицы кубыркались на воздухъ, тяжело шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли, инныя, убитыя на-поваль, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно, я — довольно плохо по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами челоуѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица“! — то и дѣло почесывалъ спину — не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплыв-

шими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шесть свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виновать, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было ужъ не до возраженій; онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственного достоинства?

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами.... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся: кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. „Плохо“! подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ, посмотримъ; не ночевать-же здѣсь, отвѣтилъ онъ. На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду сыщу бродъ, продолжалъ Ермолай, съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непременно долженъ существовать бродъ, — взялъ у Сучка шесть и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ

селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межь собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами, инья собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, „коломъ“, и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать распологался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашель.... Пойдемте.

Мы хотѣли-было тотчасъ-же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ-сотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй, — тутъ направо колдобина“! или: „правѣй, — тутъ налѣво завязнешь“.... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри. — „Ну, ну, ну!“ грозно кричалъ на него Ермолай, — и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудиль, человекъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно подчивалъ табакомъ Сучка (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся.) Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ.... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна.... На селѣ раздавались пѣсни.

В И Р Ю К Ъ .

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстѣ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза

надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ на встрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рывины — слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разлилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза....

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которая колыхалась, „какъ въ морѣ челнокъ“, и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налево, словно привидѣнье. Мы ѣхали до-

вольно долго; наконец мой проводникъ остановился. — „Вотъ мы и дома, баринъ“, промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтиль огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. — „Сичасъ, сичасъ!“ раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердцѣ во мнѣ заняло: не весело войдти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлкѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? проговорилъ онъ, и тряхнулъ кудрами.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Оомой, отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ *).

*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человекъ одинокій и угрюмый.

— А, ты Бирюкъ ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ рассказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго все окрестныя мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ.... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужь не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается.“

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать ?

Ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.

— Да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба....

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту.... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь....

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма неприятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускающуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понутивъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лѣсу шалать.... У Кобыльяго Верху *) дерево рубятъ, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потушился. — „Во.... вотъ, проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: вишь какую ночку выбралъ“. — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. „А эдакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ вслухъ: — и прозѣваю его“. — „Я съ тобой пойду... хочешь?“ — „Ладно, отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте“.

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ: Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушаться къ стуку топора. — „Вишь, бормоталъ онъ сквозь зубы: слышите? слышите?“ — „Да гдѣ?“ — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — „Подождите здѣсь“, шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабыя звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала.... „Куда? стой!“ загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по заячьи... Началась борьба. „Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь“.... Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закрывалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и

*) Верхомъ называется въ Орловской губерніи оврагъ.

поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошадевка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шеннулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за холку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. „Ну, поворачивайся, ворона!“ промолвилъ онъ сурово. — „Топорикъ-то, вонъ, возьмите“, пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропадать?“ сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Я шелъ позади.... Дождикъ началъ опять накрапывать, и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошадевку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголь. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ, замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите-ли прилечь?

— Спасибо.

— Я-бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да, вишь, засовъ....

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены.... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а, Ома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти.... съ голодухи.... отпусти!

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ! — прикащикъ.... разорены, во-какъ.... отпусти!

— Разорены!... Воровать никому не слѣдъ....

— Отпусти, Оома Кузьмичъ.... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣсть, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ: — отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи.... дѣтки пищать, самъ знаешь. Круто, во-какъ приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то хоть ее - то.... одинъ животъ и есть.... отпусти!

— Говорять, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Оома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того.... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать, сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что-ли барина?

Бѣднякъ потупился.... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на“, началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — „на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей....“

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что-ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что-ли?

— Пьянъ.... не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь?

— Ахъ, ты.... да я тебя!..,

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все.... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей.... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!...

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Оома, закричалъ я: — оставь его.... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣ-

вать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя пѣту.... Да постой, по долго тебѣ чваниться: затянуть тебѣ глотку, постой.

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику....

— Не троньте, баринъ! крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ логтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своею лошадыю! закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня....

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадою: — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ: — знать дождика-то вамъ не переждать....

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! пробормоталъ онъ: — да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

И. Тургеневъ.

КИТАЙЦЫ и ИНДІЙЦЫ.

Что за живописный народъ Индійцы, и что за неживописный — Китайцы! Первые стройны, развязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ въ походкѣ, въ жестахъ есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта не изысканная, не умышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, какъ они медленно и осторожно ходятъ, какъ-будто несутъ что-нибудь на головѣ и боятся разбить; какъ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу. Вся верхняя часть тѣла у Индійцевъ голая, темнокоричневаго цвѣта; они чѣмъ-то мажутся, чуть-ли не кокосовымъ масломъ: иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого солнца. На ногахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непременно; у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха; наконецъ, у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, а у другаго сережка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку. а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на головѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ; старикъ усердно помогать въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ

прогнали и его самого туда же. Китайцы свѣтлѣе Индійцевъ; они просто смуглы; у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ старческаго фізіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтающаяся въ ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно-похожими на старухъ. Ничего мужественнаго, бодрого. Лица точно вылиты одно въ другое. А что за фізіономіи на лодкахъ! Вотъ старый Индеецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка; а вотъ Малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая ихъ впередъ отъ себя. Одни лежали прямо подъ солнцемъ, другіе сидѣли на пяткахъ непостижимымъ для европейца образомъ.

П. Гончаровъ.

Я Р М А Р К А.

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежалъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ городамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже было подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлю какой бы то ни было поѣздки; онъ являлся скорѣе на пути какъ средство ѣхать далѣе; куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки, — и только; такъ развѣ, перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть, и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью, онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И не мудрено: сколько ни находится въ околоткѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припасенными про случай ржицею, гречею, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда, — все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть, да мощну повытрясти. Впрочемъ, и то сказать надо: есть на что посмотреть, есть что закупить *съ коренную ярмарку* *). Ишь сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ постановлено, не только на площадѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самаго берега! И чего ужъ нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки еленовыя, бураки берестовыя, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики березовыя, горшки, и горшки-то все какіе — муравленныя коломенскія! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей патошныхъ, медовыхъ пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцемъ... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябиною своею полосухи, на-

*) Такъ называются вообще въ средней Россіи осеннія ярмарки.

бойки, холстинки, миткали всякіе... А сколько платковъ, и сизыхъ, и желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и горопочками, развѣваются по воздуху! сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стеклярусу!... а сколько костромскаго товару: запонокъ, серегъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою! кажись на весь бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

Поглядите-ка теперь, сколько посреди всего этого народу движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! то прихлынуть въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись все на одномъ мѣстѣ, — хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, бляенье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ, — и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатя, несвязныя рѣчи....

Д. Григоровичъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Взгляните на этого человѣка, медленно переступающаго по тротуару; всмотритесь внимательно во всю его фигуру. Разодранный картузь, изъ-подъ котораго въ беспорядкѣ вырываются длинные, какъ смоль черные, волосы, осѣняя худощавое загорѣвшее лицо, куртка безъ цвѣта и пуговиць, гарусный шарфъ, небрежно обмотанный вокругъ смуглой шеи, холстинные брюки, изувѣченные сапоги и наконецъ огромный органъ, согнувшій фигуру эту въ-три погибели, все это составляетъ принадлежность злополучнѣйшаго изъ петербургскихъ ремесленниковъ — шарманщика. Въ-особенности наблюдайте за нимъ на улицѣ: лѣвая рука его съ трудомъ вертитъ мѣдную ручку, прикрѣпленную къ одной изъ сторонъ органа; звуки то заунывные, то веселые вырываются изъ инструмента, оглашая улицу, между-тѣмъ какъ взоры хозяина внимательно устремлены на окна домовъ; онъ прислушивается къ малѣйшему крику, зову, и едва встрѣчаетъ привѣтливый взглядъ, какъ тотчасъ ставитъ свою шарманку и начинаетъ играть лучшую піесу своего репертуара. Каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ трубъ, позабывъ уваженіе къ человѣческимъ ушамъ, завизжитъ неестественно и нескладно, — посмотрите, какъ старательно завертитъ онъ рукою, думая тѣмъ загладить недостатки пискливаго своего инструмента и не возбудить въ слухъ вашемъ непріятнаго ощущенія. Форточка отворяется: пятакъ или грошъ, завернутый въ бумажку, падаетъ къ ногамъ его въ награду за труды; но часто, весьма часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ уже давно привыкъ къ такой жизни. Какая бы на улицѣ ни стояла погода — знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ, съ тою же шарманкою на спинѣ, — и все для того, чтобъ получить

мѣдный грошъ, а иногда и „надлежащее распеканье“ отъ дворника, при-
сланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента
и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка
его кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себя представить, сколько
ужасныхъ чувствъ волнуется горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи
растрогать болѣею частию несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ
ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для
добыванія хлѣба, самое жалкое, самое неопредѣленное есть ремесло шарман-
щика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копѣйку, не имѣя въ
виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салонѣ, покрытомъ за-
платами сверху до низу, продающая на Сѣнной площади вареный карто-
фель, прикрываемый, для сохраненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣст-
нымъ способомъ, то-есть безъ помощи чего-нибудь посторонняго, кромѣ
тряпья, составляющаго ея исподнее платье, — приглашая гг. инвалидовъ
и мужиковъ „на картофель, на горячій, служба, служба! на карто, на кар-
то... кавалеръ, на горячій, на карто, на карто...“, и та даже совер-
шенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба. Шарман-
щикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пяти-этажнаго дома или подымаясь
изъ своего подвала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ ли ему скудный
его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ ли онъ столько денегъ, чтобы въ
концѣ мѣсяца заплатить за квартиру, — болѣею частию уголь, занимае-
мый или у той же торговли картофелемъ, которая за неисправный платежъ
будетъ въ правѣ прогнать его со двора. Вникнувъ хорошенько въ мораль-
ную сторону этого человѣка, находишь, что подъ грубою его оболочкою
скрывается очень часто доброе начало — совѣсть. Онъ могъ бы, какъ дру-
гіе бѣдняки, просить подаліе; что останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ
онъ цѣлый день на спинѣ шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣ-
лые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы
выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что же вынуждаетъ его на такіе
подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаеніемъ
или плутовствомъ — безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика
идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добро-
дѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ
и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ
нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далека я также отъ
мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злопо-
лучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что въ шарман-
щикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни многое достойно
вниманія.

Д. Григоровичъ.

ПОМѢСТЬЕ ПЛЮШКИНА.

Чичиковъ и не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однакожь далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необережшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случилось своими собственными зубами откусить пребольно кончикъ собственного же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конѣкъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ реберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тѣсъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вѣдро и сама не каплетъ. Окна въ избѣнкахъ были безъ стеколъ, нныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли, даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клады хлѣба, застоявшіяся какъ видно долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ, то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой: опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями, сталь выказываться господскій домъ, и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣль избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома обнаруживали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку, и какъ видно много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ переѣвъ. Изъ оконъ только два были открыты; прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна съ своей стороны были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей, сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣннѣ. Зелеными облаками и неправильными, трепетолитными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косою остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зівшее какъ темная пастъ; оно было все окинута тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чепыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клѣна, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ-образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ осинъ, подымали огромныя воронья гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и неполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній: людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ;

возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину: ни отворявшихся дверей, ни выходявшихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполнѣ.

Н. Гоголь.

АНАСТІЙ ИВАНОВИЧЪ И ПУЛЬХЕРІЯ ИВАНОВНА.

Я до-сихъ-поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ; но душа моя полна еще до-сихъ-поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразю себѣ, что прїѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Анастій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Анастію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Анастій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя-бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою прїятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатая фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наполняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *ов*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и

коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“ — „Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.“

Н. Гоголь.

ПЕРЕВЪЗДЪ ВЪ ГОРАХЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ-счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ-счастью для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неумоимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя кучами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За мою телѣжкою четвертка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до-верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что онъ давно знакомъ съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременныя посѣдѣвшіе усы не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился: онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?“

Онъ, молча, опять поклонился.

„Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?“

— Такъ-съ точно.... съ казенными вещами.

„Скажите, пожалуйста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шута, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?“

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

„Съ-годъ“, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что-жь?“

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричать? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричать? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста.... Ужасныя плуты! А что съ нихъ возьмешь.... Любятъ деньги брать съ проѣзжающихъ.... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужь я ихъ знаю — меня не проведутъ!

„А вы давно здѣсь служите?“

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ *), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

„А теперь вы?“

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальионѣ. А вы, смѣю спросить?....

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ: но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они

*) Ермоловъ.

вмигъ разбѣжались. — „Вѣдь этакій народъ!“ сказалъ онъ: „и хлѣба по-русски назвать не умѣеть, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“ Ужь Татары по-миѣ лучше: тѣ хоть непыюшіе...“

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, миѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!“ сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова, и указалъ миѣ пальцемъ на высокую гору, поднимающуюся прямо противъ насъ.

„Что-жь это?“ спросилъ я.

— Гуть-гора.

„Ну такъ что-жь?“

— Посмотрите, какъ курится.

И въ-самомъ-дѣлѣ, Гуть-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужь мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана....

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что, были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извозчика.

— „Не было, господинъ,“ отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ: а виситъ много, много“.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрая ступени вели къ ея двери. Ощущью вошелъ я и наткнулся на корову

(хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блеять овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, все въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкіе люди!“ сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то ослѣпленіи.

— Преглушый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по-крайней-мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

„А вы долго были въ Чечнѣ?“

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго-брода, — знаете?

„Слыхалъ“.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смириѣе; а бывало на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!....

М. Лермонтовъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

II-й части.

(I, II, III, IV, V). Части колоса ржи.

I. Кольцо стержня отъ колоса ржи; на каждомъ стержневомъ колѣнцѣ прикрепляется отдѣльный колосокъ (II).

II. Отдѣльный колосокъ, изъ которыхъ состоитъ цѣлый колосъ (VI).

III. Тотъ-же колосокъ съ наружными пленками или чешуйками, отогнутыми въ стороны.

IV. Отдѣльная наружная пленка колоска (III), оканчивающаяся длинною остью, усаженною острыми шипиками.

VI. Верхушка той-же пленки или ость.

V. Полный колосъ ржи; 1) тычинка отъ цвѣтка ржи.

VII. Одинъ изъ колосковъ ржи: 1) цвѣточная ножка; 2) наружныя пленки (прицвѣтники); 3) вторая пара пленокъ (чашечки), изъ коихъ одна съ остью; 4) внутреннія пленки (лепестки).

VIII. 1) Плодничекъ ржи; 2) пушистое рыльце; 3) тычинки; 4) медолистики.

IX. Зерно ржи: 1) бѣлокъ; 2) зародышъ.

X. Проросшее зерно ржи: 1) бѣлокъ, который уже почти весь всосанъ зародышемъ; 2) корешки, пущенные зародышемъ; 3) единственная сѣменная доля зародыша, превратившаяся въ первый всходный листочикъ, еще свернутый въ трубочку.

XI. Пальма финиковая, какъ представительница односѣмянодныхъ деревьев: 1) стволъ; 2) листья 3) плоды.

XII. Проросшій зародышъ клепа, представитель двусѣмянодныхъ растений: 1) два первые всходные листочка; 2) верхушечная почка съ развивающимися вновь листочками; 3) стебелекъ развивающагося зародыша. Корешокъ не означенъ.

XIII. Молодой грибокъ мухоморъ, котораго корень и шляпка покрыты еще общею бѣлою пеленою, которая впоследствии развивается: 1) шляпка; 2) пенекъ.

XIV. Чужелдныя грибки, на гниломъ деревѣ: 1) 2) и 3) грибки, вырастающіе на гниломъ деревѣ, сильно увеличенные, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ тонкой нити, оканчивающейся пузырькомъ, внутри котораго заключаются крупинки или споры для размноженія; 4) кусокъ гнилаго дерева съ тѣми-же грибами, все еще увеличенными.

XV. Кляточки, составляющія листовую мякоть гвоздики, съ зелеными крупинками внутри.

XVI. Тонкая наружная кожица, взятая съ листовой пластинки и увеличенная подъ микроскопомъ: 1) плоскія прозрачныя кляточки, расположенныя одна возлѣ другой на подобіе досочекъ въ паркетномъ полу; 2) устьица, т. е. отверстія, ведущія въ пещерки, лежащія въ листовой мякоти.

XVII. Разрѣзъ по направленію толщины листа для показанія положенія пещерокъ: 1) кляточки, составляющія наружную кожицу листа; 2) двѣ кляточки, между которыми входитъ воздухъ въ пещерки (устьица); 3) кляточки, образующія листовую мякоть; 4) пещерки въ листовой мякоти, куда входитъ углекислый газъ.

XVIII. Спиральный сосудъ, отдѣльно взятый.

XIX. Продольный разрѣзъ стебля клепа: 1) сердцевина, состоящая изъ кляточекъ правильной формы; 2) спиральные сосуды; 3) древесина, состоящая изъ слоевъ, обхватывающихъ одни другіе; 4) заболонь, состоящая изъ самыхъ новыхъ

и мягкихъ слоевъ древесины; 5) лубъ; 6) кора, состоящая изъ нѣсколькихъ слоевъ.

XX. *Поперечный разръзъ ствола молодого дуба*: 1) кора; 2) слои древесины; 3) сердцевина.

XXI. *Нитчатка*, увеличенная подъ микроскопомъ, состоящая изъ нѣсколькихъ клѣточекъ съ зародышами новыхъ клѣточекъ внутри.

XXII. *Каменоломня*. Ломка шифера.

XXIII. *Дѣйствующій вулканъ*: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась изъ внутренности земли наружу; 2) конусообразныя вершины (похожія на сахарныя головы), образовавшіяся изъ вулканическихъ камней и золы, выброшенныхъ дѣйствующимъ вулканомъ.

XXIV. *Электрическая машина*: 1) стеклянный кругъ; 2) подушки, натирающія стекло; 3) мѣдная вилка, собирающая электричество со стекляннаго круга и проводящая его на кондукторъ; 4) кондукторъ, или металлическій цилиндръ, внутри пустой, по поверхности котораго разливается электричество; 5) мѣдный шарикъ, которымъ оканчивается кондукторъ; изъ этого шарика является электрическая искра при приближеніи къ нему руки во время поворачиванія стекляннаго круга; 6) стеклянные столбики,

поддерживающіе кондукторъ и стеклянный кругъ; 7) мѣдная цѣпочка, служащая для проведенія отрицательнаго электричества въ землю.

XXV. *Рисунокъ*, объясняющій нахождение полуденной линіи: 1) палка, отвѣсно воткнутая въ землю на ровномъ мѣстѣ, освѣщенномъ солнцемъ; 2) и 3) полукругъ, описанный на землѣ, центромъ для котораго служить основаніе палки; 4) когда тѣнь отъ палки, укорачиваясь, дойдетъ поутру до окружности полукруга, то слѣдуетъ на немъ отмѣтить эту точку, которая на рисункѣ означена цифрою 4; когда потомъ послѣ полудня тѣнь, снова удлиняясь, дойдетъ до того же круга, то слѣдуетъ замѣтить и эту точку, отмѣченную на рисункѣ цифрою 5; если дугу, находящуюся между этими двумя замѣченными точками, раздѣлить ровно пополамъ и если точку, обозначающую средину дуги, соединить съ основаніемъ палки, то эта линія будетъ частью меридіана. Для удобства наблюденій проводятъ не одинъ, а нѣсколько круговъ.

XXVI. *Рисунокъ*, объясняющій времена года: А) положеніе земли въ декабрѣ; Б) положеніе земли въ іюнѣ; В) — въ мартѣ; Г) — въ сентябрѣ; 1) экваторъ; 2) полярные круги; 3) тропики; С означаетъ сѣверный полюсъ; Ю — южный; линія, соединяющая ихъ, будетъ земная ось.

